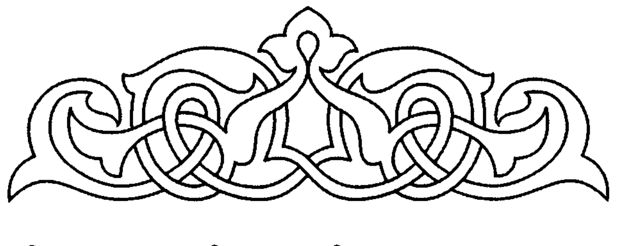

ДОБРОТОЛЮБИЕ

Том II

Издание
Сретенского
монастыря

ДОБРОТОЛЮБИЕ

Том II

Перевод с греческого
святителя
ФЕОФАНА
ЗАТВОРНИКА

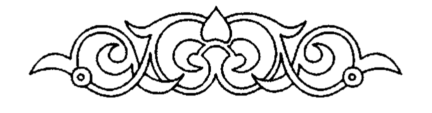

4-е издание

Издательство
Сретенского монастыря
МОСКВА
2010

УДК 271.2-42
ББК 86.372
Д 56

Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

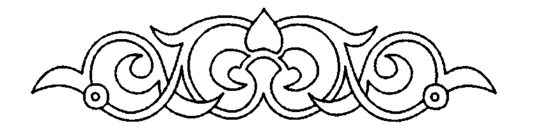
Д 56 **Добротолюбие**: В 5 т. — Т. 2. — 4-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. — 736 с.

ISBN 978-5-7533-0412-4 (т. 2)
ISBN 978-5-7533-0410-0

Пять томов Добротолюбия составляют золотой фонд православной аскетики. На протяжении столетий монахи и миряне черпают из этой книги сокровища духовного опыта святых подвижников. Настоящее издание, набранное по правилам современной орфографии, дополнено специальным приложением, посвященным истории составления Добротолюбия.

УДК 271.2-42
ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-0412-4 (т. 2)
ISBN 978-5-7533-0410-0

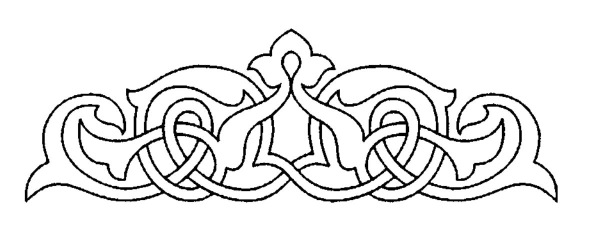
ПРЕДИСЛОВИЕ

В предисловии к первому тому нашего Добротолюбия помянуто, что в томе втором будут помещены иноческие уставы святых Пахомия, Кассиана, Василия Великого и других отцов. Но потом найдено, что уставы сии лучше поместить в последних томах этого Добротолюбия или издать отдельно. Затем в выборе статей для настоящего тома оставалось следовать порядку греческого Добротолюбия. Так и сделано. Выбрав из святого Кассиана, пропущенного прежде, собственно аскетические уроки, минуя монастырский его устав, предлагаем подвижнические наставления преподобного Исихия Иерусалимского и Нила Синайского.

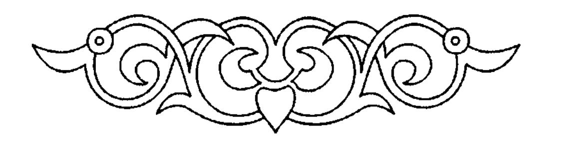
Но здесь надлежало остановиться в следовании греческому Добротолюбию, потому что там пропущены многие святые отцы-подвижники, первейшие истолкователи дела подвижничества преимущественно с внутренней его стороны, каковы: святые Ефрем Сирианин, Иоанн Лествичник, Варсонофий и Иоанн, авва Дорофей, Исаак Сирианин. Лишить их уроков наш сборник было бы большою несправедливостью. Почему и положено воспользоваться ими. Помещать писания этих отцов в полном их составе было бы неуместно, и нужды крайней в этом нет, потому что все они переведены уже на русский язык. Все переведены; но не все могут иметь их под руками своими. В желании перенести через эту невозможность святые уроки этих отцов ко всем жаждущим их душам, делаем из них выбор самонужнейшего в духовной жизни в той уверенности, что тут нередко одно слово может заменить целые тома. В выборе извлечений указателем служил святой Кассиан, который, поставив целью подвижничества очищение сердца от страстей, к этому направил и все свои аскетические беседы. По этой мысли сделаны извлечения из его писаний; по ней расположено то, что взято из святого Нила Синайского; по ней выбрано выбранное из святого Ефрема; она руководила и заимствованиями из святых Варсонофия и Иоанна, святого аввы Дорофея и святого Исаака Сирианина, хотя в последних трех это не означается особыми заглавиями.

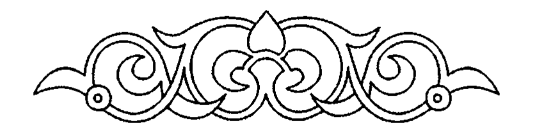
Таким образом, весь второй том нашего Добротолюбия будет представлять собрание богомудрых отеческих наставлений, преимущественно о борьбе со страстями для очищения сердца, – последней цели подвижничества.

ПРЕПОДОБНЫЙ
ИОАНН КАССИАН
РИМЛЯНИН

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ИОАННЕ КАССИАНЕ РИМЛЯНИНЕ

Святой Иоанн Кассиан, римлянин, родился между 350 и 360 годами., вероятно, в Галльской области, там, где Марсель, – от знатных и богатых родителей и получил хорошее научное образование. С юных лет возлюбил он богоугодную жизнь и, горя желанием достигнуть совершенства в ней, отправился на Восток, где вступил в Вифлеемский монастырь и принял монашество. Здесь, слыша о славной подвижнической жизни египетских отцов, он пожелал видеть их и поучиться у них. Для этого, согласившись с другом своим Германом, отправился туда около 390 года, после двухлетнего пребывания в обители Вифлеемской.

Семь целых лет провели они там, живали и в скитах, и в келлиях, и в монастырях, и среди отшельников в уединении, все замечали, изучали и самим делом проходили; и ознакомились подробно с тамошнею подвижническою жизнью во всех ее оттенках. В свой монастырь возвратились они в 397 году; но в том же году опять отправились в те же пустынные египетские страны и пробыли там еще до 400 года.

Оставив Египет в этот раз, святой Кассиан с другом своим отправился в Константинополь, где они были благосклонно приняты святым Златоустом, который святого Кассиана посвятил в диакона, а друга его, как старшего, в священника (в 400 году). Когда святой Златоуст присужден был к заточению, лица, ему преданные, послали (в 405 году) по этому делу в Рим к папе Иннокентию некоторых ходатаев, в числе которых был и святой Кассиан с другом своим. Посольство это кончилось ничем.

Святой Кассиан после этого не возвращался уже на Восток, но отправился на родину и там продолжал свою подвижническую жизнь, по египетским образцам; прославился и святостью жизни, и учительскою мудростью, и был посвящен во священника. Стали собираться к нему ученики один за другим, и скоро составился из них целый монастырь. По примеру их недалеко устроился и женский монастырь. В том и другом монастыре устав был введен тот, по которому монахи жили и спасались в восточных и, особенно, в египетских монастырях.

Благоустройство этих монастырей в новом духе и по новым правилам и явные успехи подвизавшихся там обратили на себя внимание многих иерархов и настоятелей монастырей Галльской области. Желая завести и у себя такие порядки,

они просили святого Кассиана написать им иноческие уставы восточные с изображением и самого духа подвижничества. Он исполнил с охотою это прошение, описав все в 12-ти книгах «Постановлений» и в 24-х «Собеседованиях».

Почил святой Кассиан в 435 году. Память его совершается 29 февраля.

Из этих аскетических писаний святого Кассиана в прежнее Добротолюбие взяты восемь книг (5-12) о борьбе с восемью главными страстями и одно (2-е) собеседование о рассуждении, – и то и другое в сокращенном извлечении.

Этому подражаем и мы. Главным заимствованием будут восемь книг о борьбе со страстями, в наиболее полном переводе, с присовокуплением в некоторых местах статей и из «Собеседований», где это подходит. Но, кроме того, сочтено нужным впереди их поместить несколько извлечений из «Собеседований», в которых показывается значение борьбы со страстями в духовной жизни, или место ее в течение подвижничества, выясняется необходимость этой борьбы и представляется общее очертание страстей и борьбы с ними; а после них, приложить еще извлечения, в которых описываются другие две брани, – именно с помыслами и скорбями от бед и напастей, как приложение к предыдущему изображению борьбы с восемью помыслами. В конце же всего прилагаются в виде прибавления нужные наставления о нескольких предметах, которые хотя говорят о духовной жизни вообще, но близко касаются и духовной брани. Таковы наставления: о благодати и произволении, как деятелях в производстве духовной жизни; о молитве, в которой они сходятся; о степенях совершенства духовной жизни, по побуждениям к ней; о конце покаянных трудов. – Поэтому такие прибавления не мешают нам все извлекаемое из писаний святого Кассиана озаглавить так: ***обозрение духовной брани.***

Таким образом, извлечения из святого Кассиана будут идти под следующими оглавлениями:

1) Цель и конец подвижничества.

2) Смотря на эту цель, надлежит определять и то, каково должно быть наше отречение от мира.

3) Борьба плоти и духа.

4) Общее очертание страстей и борьбы с ними.

5) Борьба с восемью главными страстями:

а) с чревоугодием;

б) с духом блуда;

в) с духом сребролюбия;

г) с духом гнева;

д) с духом печали;

е) с духом уныния;

ж) с духом тщеславия;

з) с духом гордости.

6) Борьба с помыслами и через них со злыми духами.

7) Борьба со всякого рода скорбями.

8) О Божественной благодати и свободном произволении, как производителях духовной жизни.

9) О молитве.

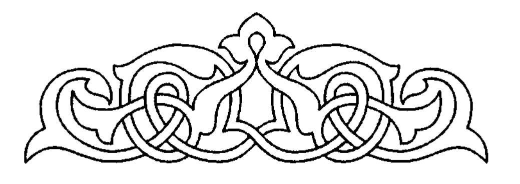
10) О руководстве в духовной жизни.

11) О степенях совершенства духовной жизни по побуждениям к ней.

12) О конце покаянных трудов.

Извлекаемые статьи заимствуются из книг «Постановлений» и из «Собеседований». В цитатах первые будут означаемы «*кн.*», а вторые – «*соб.*» Где все заимствование будет из одного места, там при самом заглавии ставится «*кн.*» или «*соб.*» с цифрой, означающей номер книги или собеседования; а в конце каждой заимствуемой статьи ставится только цифра, указывающая главу книги или собеседования. Когда после прибавляется новое заимствование из другой книги или собеседования, тогда и «*кн.*», и «*соб.*» со своим числом ставится в конце статьи и с цифрой главы.

ОБОЗРЕНИЕ ДУХОВНОЙ БРАНИ

1

Цель и конец подвижничества (Соб. 1)

1. Все науки и искусства имеют свою цель (scopon) и свой конец (telos), — смотря на который, рачительный любитель искусства охотно переносит все труды и издержки. Так земледелец, терпя то зной, то холод, неутомимо распахивает и разрыхляет землю, имея ***целью,*** — очистив ее от всякого стороннего сора, сделать плодороднейшею; убежден будучи, что иначе не достигнет ***конца,*** то есть получения обильной жатвы, для содержания себя и умножения своего достояния. Так и подвижничество наше имеет свою цель и свой конец, ради которого неутомимо и с удовольствием подъемлем мы все труды, — ради которого не тяготит нас скудость питания постнического, веселит изнеможение от бдений, всегдашнее чтение Писаний с размышлением не знает сытости, и не страшат ни непрестанный труд, ни обнажение от всего и скудость во всем, ни даже ужасы этой безмерной пустыни [2].

2. Конец нашей подвижнической жизни есть Царство Божие, а цель — чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца. К этой цели приковав взор наш, и должны мы направлять наивернейше течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше уклонится от нее, тотчас возвращаясь к созерцанию ее, исправлять его, как по норме какой [4].

3. Так учит святой Павел, когда к приявшим благое иго Христово говорит: *имате плод ваш во святыню, кончину же — жизнь вечную* (Рим. 6, 22). Этим он сказал как бы: цель ваша — в чистоте сердца, а конец — жизнь вечная. Итак, что может нас направить к этой цели, то есть к чистоте сердца, тому мы следовать должны всею силою, а что отвлекает от нее, того избегать,

как гибельного и вредного. Ибо для нее все подъемлем мы и делаем; для нее оставляются родители, отечество, чины, богатство, утехи мира этого и все удовольствия, — чтобы сохранно удерживать постоянную чистоту сердца. Если поэтому будем мы всегда иметь во внимании эту цель, то все действия наши и помышления будут направляться прямо к достижению ее. Если же она не будет неотступно стоять пред очами нашими, то все труды наши и силы, не будучи направляемы на одно это, напрасно будут иждиваемы [5].

4. Итак, для этой чистоты должно нам все делать и всего желать; для нее в пустыню следовать, для нее держать посты, бдения, труды, нищету телесную, чтение и прочие добродетели, — чтобы соделать сердце свое не болезнующим никакими пагубными страстями и сохранить его таковым. Посты, бдения, отшельничество, поучение в Писании для этой главной цели, то есть чистоты сердца, подобает нам поднимать; и из-за них не должно позволять себе возмущать эту главную добродетель. Ибо когда пребудет у нас сохранною и невредимою эта главная добродетель, то никакой не будет беды, если какой-нибудь из сказанных подвигов придется в каком-либо случае по необходимости опустить: когда же мы все их выдержим, а ее одну нарушим, то никакой не будет от этого пользы; потому что все должно быть делаемо для нее. Они (подвиги) не суть совершенство, а суть средства к совершенству. Поэтому напрасно будет трудиться тот, кто, удовольствовавшись ими одними, будто верховным благом, на них остановит стремление своего сердца, а не будет простирать его до достижения конца, для которого они сами желательны [7].

2

Смотря на эту цель, надлежит определять и то, каково должно быть наше отречение от мира (Соб. 3)

5. Есть три вида отречения от мира: первое то, в котором телесно оставляем все богатства и стяжания мира; второе то, в каком оставляем прежние нравы, пороки и страсти, как душевные,

так и телесные; третье то, в каком, отвлекая ум свой от всего настоящего и видимого, только будущее созерцаем и вожделеваем того, что невидимо. Эти три отречения все вместе совершить повелел Господь Аврааму, когда сказал ему: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. 12, 1): *от земли твоея,* то есть от богатства мирского и земных стяжаний; *от рода твоего,* то есть от прежнего образа жизни, прежних нравов и пороков, которые, прицепившись к нам с самого рождения, близко родственны нам, как бы единокровные; *от дому отца твоего,* то есть от всякого воспоминания о мире и о всем, что встречается в нем взорам нашим. Это бывает, когда, умерши со Христом от стихий мира, смотрим, по апостолу, уже не на то, что видимо, но на то, что невидимо; *видимая бо временна, невидимая же вечна* (2 Кор. 4, 18), — и, изшедши сердцем из этого временного и видимого дома, свои очи и ум обращаем к тому дому, в котором пребываем вечно; — когда *во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуем* в Господе (2 Кор. 10, 3), оное блаженного апостола изречение делом и жизнью возглашая: *наше бо житие на небесех есть* (Флп. 3, 20) [6].

6. Не много будет для нас пользы, если, со всею теплотою веры совершив первое отречение, не исполним с таким же рвением и жаром и второго, — чтобы, успев таким образом стяжать и это, могли мы достигнуть и того третьего, в котором, изшедши из дома прежнего отца нашего по ветхому человеку, всецело устремляем взор ума нашего к небесному. Поэтому если желаем достигнуть истинного совершенства, то должны стремиться к тому, чтобы как телесно мы оставили родителей, родину, богатства и удовольствия мирские, так оставить все то и сердцем, и никогда уже не возвращаться похотением к тому, что с презрением отвергли: подобно израильтянам, изведенным из Египта, которые, по вкушении небесной манны, желали нечистых и скверных яств египетских, говоря: хорошо нам было в Египте, когда сидели мы над котлами (см. Исх. 16, 3; Чис. 11, 5). И всякий, кто, по отречении от мира, возвращается к прежним заботам, и прежними увлекается пожеланиями, делом и мыслью говорит то же, что и те: «Хорошо мне было в

Египте» (т. е. в миру). Телом только оставление мира, и местом только переселение из этого Египта никакой не принесет нам пользы, если мы равным образом не сможем стяжать и отречение сердцем, которое выше и полезнее. О том отречении, которое мы назвали телесным, вот что провозгласил апостол: *аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, ни кая польза ми есть* (1 Кор. 13, 3). То есть если так отрекусь, что ничего не оставлю себе и к этому всеразданию присовокуплю еще мученичество и сожжение своей плоти, так что тело мое предам за Христа; и однако же буду нетерпелив, гневлив, завистлив или горд, буду воспламеняться обидами других или взыскивать своего, буду помышлять о том, что худо, или нетерпеливо и неохотно переносить все, чтобы ни было мне причинено — то никакой не принесет мне пользы отречение и сожжение внешнего человека, когда внутренний при этом обложен еще прежними страстями [7].

7. Итак, со всем настоянием надобно нам спешить к тому, чтобы и внутренний наш человек сбросил с себя и расточил все, собранное им в прежней жизни богатство страстей, которые, прицепляясь к телу и душе, собственно наши суть. И если, пока еще мы в теле этом, они не будут отсечены и отброшены, то и по исходе не престанут сопровождать нас. Ибо как добродетели, или самая любовь, которая есть источник их, будучи приобретены в этом веке, и по кончине этой жизни делают любителя своего прекрасным и светлосиянным, — так и пороки, покрыв как бы душу отвратительными красками, запятнанною же ими препровождают ее и в оное непрестающее пребывание. Красота или отвратительность души порождаются качеством добродетелей или пороков, из которых извлекаемая некая краска делает ее или столь светлосиянною и прекрасною, что она достойна бывает слышать слово пророческое: *и возжелает Царь доброты твоея* (Пс. 44, 12), — или крайне черною, смрадною и безобразною, так что она сама, исповедуя смрадность своей скверноты, скажет: *возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего* (Пс. 37, 6). Поэтому они-то (добродетели и страсти) суть собственно наше богатство, которое неразлучно

пребывает с душою, и которого ни один царь нам дать и ни один враг отнять у нас не может. Они-то суть собственно наше богатство, которого и самая смерть не сильна отторгнуть от души [8].

[Расточать злое богатство страстей, значит умертвить их, — чего нельзя достигнуть без борьбы с ними. Почему отрекшимся от мира неизбежно предлежит борьба со страстями, за которую они и должны браться с первых же пор. У святого Кассиана об этой борьбе идут и общие рассуждения в «Собеседованиях» — 4-м — *о борьбе плоти и духа* и 5-м — *о восьми главных страстях,* — предлагается и в частности подробное описание борьбы с каждою из восьми главных страстей в книгах «Постановлений». — Заимствуем из всего существеннейшее].

3

Борьба плоти и духа (Соб. 4)

8. Есть брань в членах наших, как читаем у апостола: *плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся, да не яже хощете, сия творите* (Гал. 5, 17). По промыслительному распоряжению Божию, она внедрилась как бы в самую природу нашу. И можно ли почитать ее иным чем, как не естественною как бы принадлежностью человеческого естества после падения первого человека, если она всем без исключение обща? Надлежит, однако же, верить, что она имеется в нас по воле Божией во благо нам, а не во зло, если она всем природна. Она оставлена в нас для возбуждения в нас ревнования о высшем совершенстве [7],

9. Слово *плоть* в этом месте должно принять не в смысле человека, как существа, а в смысле воли плотской или худых пожеланий: равно и под словом *дух* разуметь надо не какое-либо существо личное, а пожелания души добрые и святые. Такой смысл определил сам же апостол, говоря так: *духом ходите и похоти плотския не совершайте: плоть бо похотствует на духа,* и проч. (там же, ст. 16, 17). Так как те и другие пожелания нахо-

дятся в одном и том же человеке, то и ведется внутрь нас непрерывная междоусобная брань. Тогда как похоть плоти, главным образом стремящаяся к греховному, находит удовольствие в одном том, что относится к удовлетворению потребностей настоящей жизни; дух, напротив, весь желает прилепляться к делам духовным, оставляя даже самые необходимые потребности плоти, и желает предаться исключительно тем одним, не уделяя даже и малой заботы тленной плоти этой. Плоть услаждается изобилием и всякими удовольствиями; духу неприятно попечение даже о предметах естественных потребностей. Та дает насыщаться сном и наполняться пищею; этому так питательны бдение и посты, что он не хотел бы допускать сна и пищи даже и сколько нужно для жизни. Та желает изобиловать всякими богатствами; этот недоволен даже тем, что имеет малое количество хлеба на каждодневное употребление. Та желает нежиться и окруженною быть толпою ласкателей; этому отраднее жестокое житие и просторность неприступной пустыни, и неприятно присутствие смертных. Та пленяется почестями и похвалами человеческими; этому радостны гонение и обиды [11].

10. Когда воля наша водится самолюбием и земною мудростью, то загадывает держать некую достойную всякого осуждения середину между этими двумя стремлениями, располагаясь так воздерживаться от плотских страстей, чтобы при этом нисколько не терпеть прискорбностей, неизбежных при исполнении требований духа: без казнения плоти желая достигнуть телесной чистоты, без труда бдений стяжать чистоту сердечную, с упокоением плоти обиловать духовными добродетелями, без ожесточенных злословий получить благодать терпения, являть смирение Христово без ущерба в чести мирской, следовать простоте благочестия с высокомерием века этого, служить Христу с людскою славою и благоволением, говорить решительную правду, не встречая никакого, даже малого, оскорбления, — вообще достигнуть благ будущих, не теряя настоящих. Такая воля не ведет к истинному совершенству, но, поставляя в состояние противной теплоты, делает такими, каковы те, о которых с укором говорит Господь в Апокалипсисе: *вем твоя*

дела, яко ни студен еси ни тепл: не да студен бы был ни тепл. Тако, яко обуморен еси, и ни тепл ни студен, изблевати тя от уст Моих имам (Апок. 3, 15-16). Но благодать, пришедши, возбуждает энергию духа и восстановляет в нем высшие стремления, отрешающие от всего земного. Подвергаясь влиянию их, воля не может уже оставаться такою равнодушною и теплохладною, но восприемлет ревность о лучшем и ему приносит в жертву все низшее. Между тем, однако же, тяготение к прежнему покою равнодушия остается в ней, и она бывает очень готова опять ниспасть в него. Чтобы этого не случилось, во плоти оставляются движения, враждебные высшим стремлениям, к которым воля, вкусившая высших благ, благоволить не может, и лишь только ощутит их, тотчас оживляется всею ревностью и мужественно охраняет высшие свои блага. И бывает, что коль скоро воля ниспадет в богопротивную теплохладность, восстает брань плоти и пробуждает ее к энергии. Из этого явно, что мы навсегда оставались бы в состоянии помянутой выше богопротивной теплоты, если бы из него не выводила нас восстающая в нас брань. Ибо при ней, когда, раболепствуя самоугодию, захотим сделать себе некоторое послабление, тотчас восстает плоть и, уязвляя нас жалами греховных движений и страстей, не дает стоять в отрадной чистоте желаемой, и увлекает к охлаждающему удовольствию, — не благоволимому, — увлекает как бы на путь, заросший тернием. Но это раздражает заснувшую ревность по Богу; она восстает и прогоняет подступивших врагов. Ежедневно действуя в нас, брань эта приводит нас к благодетельной решимости, — отвергши пространную и беспечную жизнь, стяжевать чистоту сердца со многим потом и сокрушением духа, — хранить чистоту тела строгим постом, голодом, жаждою и неспанием, — восходить в доброе настроение духа через чтение, размышление и непрестанные молитвы [12].

11. Подобное нечто таинственно изображено в распоряжении Божием касательно враждебных Израилю народов, как читаем в книге Судей: *сия языки яже остави Господь, да искусит ими Израиля... еже научити я брани* (Суд. 3, 1-2). — Такую брань устроил Господь не потому, чтобы не хотел покоя Израилю или

не имел попечения о его благе, но потому, что видел, как много она полезна для него. Подвергаясь почти непрестанному нападению тех народов, он не мог не чувствовать постоянно нужды в помощи Божией, и потому должен был пребывать во всегдашнем уповательном обращении к Нему и в молитве. Не имея возможности оставить дело брани, не имел он времени предаться и беспечности, или расслабеть от лености и праздности. Ибо часто безопасность и счастье низвергают того, кого не могли победить несчастья [6].

12. И от чего иного у скопцов по плоти мы находим душу усыпленную, как не от того, что по заблуждению, освободив себя от этой плотской потребности, думают, что не имеют нужды ни в труде телесного воздержания, ни в сокрушении сердца. Расслабленные такою беспечностью не заботятся они и о стяжании истинного совершенства или об очищении сердца от душевных страстей. Такое состояние, возвышаясь над состоянием плотским, остается только душевным, которое словом Самого Господа названо достойным отвержения, — за то, что от холодного перейдя к теплому, остановилось на этой противной теплоте [17].

13. Итак, в самом начале отречения переставая быть плотскими, то есть начиная отделяться от обычаев мирских и воздерживаться от явной плотской нечистоты, мы должны поспешать и всею силою стараться тотчас усвоить себе и состояние духовное, чтобы иначе, по одному тому, что отреклись от мира по внешнему человеку или прекратили осквернение себя плотским любодейством, мечтая о себе, как о достигших уже совершенства, не сделаться нам потом нерадивыми и беспечными в истреблении причин страстей и, таким образом, остановясь посредине между плотью и духом, не остаться не достигшими степени совершенства духовного, полагая, что для этого совершенства достаточно по одному внешнему состоянию отделиться от жизни и удовольствий мира, и быть только непричастными разврату и смешению плотскому. Ибо если останемся в этом состоянии теплоты (равнодушия), которое считается самым худшим, то будем изблеваны из уст Господа, как Он говорит: понеже *тепл еси...*

изблевати тя от уст Моих имам (Апок. 3, 15-16). Справедливо Господь объявил о тех, кто, быв восприняты Им во утробу любви, потом охладели, что они будут Им изблеваны с некоторым омерзением. Ибо легче обращается ко спасению и восходит на верх духовного совершенства человек плотской, то есть мирской или язычник, нежели тот, кто, восприяв иго Христово, не вступил на путь к совершенству и попустил охладеть первому огню ревности духовной. Ибо когда тот, будучи смиряем чувственными страстями и сознавая себя нечистым по причине плотского осквернения, придет в сокрушение и прибегнет к источнику всякой чистоты и совершенства, то гнушаясь тем холодным состоянием неверия и беспечности, в коем находился, горя же духом, удобнее взойдет к совершенству. Напротив, кто с холодностью принимается за дело Божие и без смирения и должного усердия вступает на путь этого звания, тот, однажды будучи поражен этою бедственною заразою, не может уже ни сам собою умудриться на лучшее, ни принимать вразумление от других. Ибо он, по слову Господа, говорит в сердце своем: *богат есмь и обогатихся и ничтоже требую;* тогда как к нему приличнее приложить то, что следует далее: *и не веси, яко ты еси окаянен и беден, и нищ и слеп и наг* (Апок. 3, 17). Таким образом, он становится хуже мирского человека тем, что теряет сознание, как он беден, слеп и наг, как во многом требует исправления, сколь великую имеет нужду в наставлениях и вразумлении со стороны других, почему не принимает никакого спасительного слова, не разумея, что в будущем веке будет подлежать неизбежно строжайшему суду и наказанию [19].

4

Общее очертание страстей и борьбы с ними (Соб. 5)

14. Главных страстей восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость [2].

15. Страсти бывают ***двух родов***: естественные, вырождающиеся из естественных потребностей, как например, чревоугодие

и блуд, и не естественные, не коренящиеся в естестве, как например, сребролюбие. ***Действия*** же их проявляются ***четвероя́ко***: некоторые действуют только в теле и через тело, как чревоугодие и блуд, — а некоторые проявляются и без содействия тела, как тщеславие и гордость; далее, иные возбуждаются извне, как сребролюбие и гнев, — а иные исходят из внутренних причин, как уныние и печаль. Такого рода обнаружение действия страстей подает повод допустить в них еще два рода, — деля их на плотские и душевные: плотские в теле зарождаются и тело питают и услаждают; а душевные из душевных склонностей исходят и душу питают, на тело же нередко действуют разрушительно. Эти последние врачуются простым врачеванием сердца внутренним; а плотские двояким лекарством врачуются, — и внешним и внутренним [3, 4].

16. Поясним нечто из сказанного более пространным рассуждением. Страсти чревоугодия и блуда, коренясь в теле, возбуждаются иногда без содействия души, по одному раздражению потребностей, из которых исходят; но влекут и душу по ее связи с телом. Для обуздания их недостаточно одного напряжения душевного против них вооружения, но надо при этом укрощать и самое тело постом, бдением, истомлением посредством труда; нужно бывает и временное уединение, а нередко и совсем отшельничество. Ибо как они происходят от порочности души и тела, то и побеждены быть могут не иначе, как трудом обоих. — Тщеславие и гордость зарождаются в душе без посредства тела. Ибо какую нужду имеет тщеславие в телесном чем, когда из-за одного желания похвал и славы доводит до падения плененную им душу? Или какое телесное действие имело место в возгордении Люцифера, когда он зачал его в одной душе и помышлении, как говорит пророк: ты говорил в сердце своем: *на небо взыду ... и буду подобен Вышнему* (Ис. 14, 13-14). Не имел он в такой гордости подстрекателя извне; она и зародилась и созрела вся внутри него [4, 7].

17. Эти восемь страстей, хотя имеют разное происхождение и разные действия, однако шесть первых, то есть чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние соединены между

собою особым неким сродством, по которому излишество предыдущей дает начало последующей. Ибо от излишества чревоугодия необходимо происходит блудная похоть, от блуда сребролюбие, от сребролюбия гнев, от гнева печаль, от печали уныние. Потому против них надо сражаться тем же порядком, переходя в борьбе с ними от предыдущих к последующими: чтобы победить уныние, сначала надо подавить печаль; чтобы прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтобы погасить гнев, нужно попрать сребролюбие; чтобы исторгнуть сребролюбие, надо укротить блудную похоть; чтобы подавить блудную похоть, надо обуздать страсть чревоугодия. И остальные две страсти — тщеславие и гордость — таким же способом соединяются между собою, то есть усиление первой из них дает начало другой, от чрезмерного тщеславия рождается страсть гордости; таким же порядком и победа над ними приобретается, то есть, чтобы истребить гордость, надобно подавить тщеславие. Но с теми шестью страстями они не соединяются родовым образом; ибо не от них рождаются, а напротив, по истреблении их. В эти две страсти мы впадаем особенно после победы и восторжествования над прочими страстями. — Впрочем, хотя эти восемь страстей в таком между собою находятся отношении, как теперь показано; однако же частнее они разделяются на четыре союза: блудная похоть особенным союзом соединяется с чревоугодием, гнев со сребролюбием, уныние с печалью, гордость с тщеславием [10].

18. Каждая из страстей не в одном виде проявляется. Так чревоугодие бывает трех видов: или порождает пожелание есть прежде установленного часа, — или ищет многоястия до объедения, не разбирая качеств пищи, или требует лакомой пищи. Отсюда беспорядочное ястие, походя, обжорство и сластолюбие. От этих трех происходят разные злые недуги в душе: от первого рождается досадование на монастырский устав, — от этого досадования возрастает недовольство жизнью в монастыре до несносности, за которою скоро следует обычно и бегство из монастыря; от второго возбуждается плотская похоть

и сладострастие; а третье ввергает в сребролюбие и не дает места нищете Христовой.

Блудной страсти три вида: первый совершается через смешение одного пола с другим; второй производится без смешения с женщиною, за который от Господа был поражен Онан, сын патриарха Иуды (см. Быт. 38, 9-10), и который в Писании называется нечистотою; третий производится умом и сердцем, о котором Господь в Евангелии говорит: *кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Эти три вида блаженный апостол указал в следующем стихе: *умертвите убо уды ваша, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть* и проч. (Кол. 3, 5).

Сребролюбия три вида: в первом оно не дает отрекающемуся от мира обнажиться от всякого имущества; во втором оно заставляет того, кто все уже раздал бедным, снова приобретать такое же имущество; в третьем оно разжигает желание к приобретениям и того, кто ничего прежде не имел.

Три вида и гнева: первый тот, который пылает внутри; второй тот, который прорывается в слово и дело; третий тот, который горит долгое время и называется злопамятством.

Печали два вида: первый — что посещает по прекращении гнева, или причиняется нанесенными убытками и потерями, и неисполнением желаний; второй происходит от опасений и страхов за свою участь, или от неразумных забот.

Уныния два вида: один ввергает в сон, — а другой гонит из келлии.

Тщеславие хотя многовидно, однако же главных у него два вида: в первом превозносимся плотскими преимуществами и видимыми вещами; а во втором воспламеняемся желанием суетной славы из-за духовных предметов.

Гордости два вида: первый — плотской, второй — духовный, который гибельнее первого. Он особенно искушает тех, которые преуспели в некоторых добродетелях [11, 12].

19. Хотя эти восемь страстей искушают весь род человеческий; впрочем, не на всех одинаковым образом нападают. Ибо в одном главное место занимает дух блуда; в другом преобладает

гневливость; в ином властвует тщеславие; а в другом гордость господствует: так что хотя все страсти на всех нападают, но каждый из нас различным образом и порядком раболепствует им [13].

20. Поэтому нам надобно вести брань с этими страстями так, чтобы всякий, открыв, какая страсть особенно вредит ему, против нее восновном направлял и борьбу, употребляя всякое старание и заботу для наблюдения за нею и подавления ее, против нею направляя копья ежедневных постов, в нее бросая ежеминутно стрелы сердечных стенаний и воздыханий, и непрестанно проливая слезы в молитве к Богу о прекращении мятущей его брани. Ибо никто не может восторжествовать над какою-либо страстью, пока не убедится, что своим тщанием или трудом не может одержать победу над нею; хотя при этом ему, чтобы очиститься от нее, и самому необходимо день и ночь пребывать во всяком труде и всякой заботе о том [14].

21. Когда такой борец почувствует, что освободился от первейшей своей страсти, тогда опять должен с полным вниманием рассмотреть тайники своего сердца, чтобы, увидев, какая затем еще есть в нем сильнейшая сравнительно с остальными страсть, против нее в особенности подвергнуть все духовное оружие. Побеждая, таким образом, всякий раз первейшие в себе страсти, он скорее и легче будет одерживать победу над остальными, низшими их [14].

22. Когда одержишь победу над одною или несколькими страстями, не должно тебе превозноситься этою победою. Иначе Господь, увидев надмение сердца твоего, перестанет ограждать и защищать его, — и ты, оставленный Им, опять начнешь быть возмущаем той же страстью, какую победил было при помощи благодати Божией. И пророк не стал бы молиться: *не предаждь,* Господи*, зверем душу, исповедающуюся Тебе* (Пс. 73, 19), — если бы не знал, что возносящиеся сердцем опять предаются страстям, которые победили, чтобы они смирились [15].

5

Борьба с восемью главнейшими страстями

23. Изображая борьбу с восемью главными страстями, будем описывать свойства их, указывать причины и предлагать пригодные против них врачевства (кн. 5, 1).

1) Борьба с чревоугодием (Кн. 5)

24. Первая, в какую следует нам вступить, борьба есть — борьба с чревоугодием или со страстью пресыщения [3].

25. Касательно образа воздержания в пище или постничества, не может быть постановлено одинаковое для всех правило; потому что не у всех тел одинакова крепость, добродетель же эта соблюдается не одною силою души, но должна соразмеряться и с силою тела. Не для всех возможно соблюдать пост по неделям; некоторые не могут быть без принятия пищи более трех или двух дней, а иным трудно пробыть без пищи до заката солнца. Не для всех также питательны овощи или зелень, или сухой хлеб. Еще: иному для насыщения нужно два фунта, а другой чувствует тягость, если съест фунт или полфунта. Но все воздержники должны иметь одну цель, чтобы, принимая пищу по мере способности, не вдаваться в пресыщение. Ибо не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь [5].

26. Какими бы яствами ни было насыщаемо чрево, от этого зарождаются семена похоти плотской, и ум, подавленный бременем яств, не бывает уже силен добре править кормилом рассуждения. Не одно чрезмерное употребление вина опьяняет ум, но и излишество всяких яств обыкновенно делает его шатким и колеблющимся, и лишает чистых и непорочных помышлений. Для содомлян причиною их развращения и погибели было не одно пьянство, но и пресыщение чрева. Слушай, как Господь через пророка укоряет Иерусалим (Иез. 16, 49). От чего согрешила сестра твоя, Содома, если не от того, что ела хлеб свой до сыта и пресыщения? Поскольку через такое насыщение хлебом они разжены были неугасимым жаром похоти

плотской, то по суду Божию были с неба пожжены серным огнем. Если, таким образом, их одна чрезмерность в употреблении хлеба по страсти пресыщения низвергла во стремнинную пропасть развращения, то что сказать о тех, которые, при цветущем здоровье тела, позволяют себе есть мясо и пить вино в непомерном количестве, употребляя их не сколько требует немощь, а сколько внушает самоугодливое похотение [6]?!

27. Святые отцы мерою воздержания в пище положили то, — чтобы пищу, которую принимать заставляет нас необходимость поддерживать жизнь тела, переставали мы вкушать, когда еще хочется есть. Судя по этому и немощный телом может являть добродетель воздержания в совершенстве, наравне с крепкими и здоровыми, если силою воли будет обуздывать пожелание яств, когда этого не требует бренность плоти. Ибо и апостол говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14). Он не совсем запретил иметь попечение о теле, а не велел только, чтобы это делалось по похоти, — похотливую заботу о плоти отъял, а разумного, необходимого для жизни, содержания ее не исключил: то — чтобы через поблажку плоти не ниспали мы до пагубных дел похотливых, а это, чтобы тело, будучи расстроено неразумною строгостью, не оказалось бессильным к исполнению духовных наших занятий и трудов [8].

28. Итак, мера воздержания должна быть определяема судом совести каждого. Всякий должен назначить себе настолько воздерживаться, сколько требует этого брань плотского восстания. Посты, уставом определенные, всеконечно должно соблюдать; но если после них не будет соблюдаема воздержность в употреблении пищи, то соблюдение их не доведет до совершенной чистоты. Голодание в продолжительные посты будет иметь плодом только временное в ту пору изнеможение и истомление тела, а не и чистоту целомудрия, если вслед за тем пойдет насыщение тела вдоволь: так как чистота души неразрывно связана с голоданием чрева. Не имеет постоянной чистоты целомудрия тот, кто не довольствуется тем, чтобы держать постоянную ровность воздержания. Строгие посты, если за ними последует излишнее послабление себе в пище, бывают ни

во что, и плод их скоро вытесняется страстью чревоугодия. Почему лучше разумное с умеренностью подкрепление себя пищею каждый день, нежели по временам долгий и крайне строгий пост. Неумеренное неядение умеет не только колебать постоянство и твердость души, но и совершение молитв делать безжизненным по причине изнеможения тела [9].

29. Для сохранения чистоты души и тела недостаточно одного воздержания в пище, если к этому не будут присоединены и прочие добродетели душевные. Так перво-наперво надо научиться смирению через добродетель послушания, сокрушение сердца и утомление тела. Денег не только имения должно избегать, но и самое желание их с корнем исторгать. Ибо не довольно не иметь их, — что большею частью бывает и по необходимости, но не должно допускать самого желания иметь их, если бы случайно они были предложены. Надобно ярость гнева подавлять, отяжеление печали преодолевать, суетную славу презирать, высокомерие гордости попирать, а также и ума непостоянные и шатательные туда и сюда отбегания обуздывать непрестанным памятованием о Боге. Всякий раз надобно нам возвращать сердце наше от парительного блуждания к созерцанию Бога, как только лукавый враг, покушаясь отвлечь ум наш от этого созерцания, вкрадется в тайники сердца [10].

30. Тот никогда не может подавить возбуждений похоти, когда она загорится, кто не силен бывает обуздать позывов чревоугодия. Чистота внутреннего человека распознается по совершенству этой добродетели. Ибо никак не поверишь, чтобы мог поспорить в борьбе с сильнейшими соперниками тот, кого видишь преодолеваемым слабейшими в легкой схватке [11].

31. Итак, первой нам надо попрать похоть чревоугодия, — и ум свой утончить не только постами, но и бдениями, а также чтением и непрестанным сокрушением сердца, при воспоминании обо всем, чем прельщены или побеждены были, то стеня при чувстве ужаса от множества грехов, то горя желанием совершенства и чистоты. И до того надо его довести, чтобы он, будучи занят, и как бы поглощен такими подвижническими трудами и помышлениями, самое подкрепление себя пищею

почитал не столько дозволенным предметом удовольствия, сколько бременем, наложенным в виде наказания, и приступал к нему более как к неизбежно необходимому для тела, нежели сколько как к желательному для души. Если будем себя постоянно держать в таком духовном попечении и сокрушении, то скоро укротим похотливость плоти, доходящую до крайнего неистовства при подогревании ее яствами, и притупим пагубные жала ее. Так можем мы при обилии слез и непрерывности плача сердечного угашать пещь тела нашего, царем вавилонским, то есть диаволом, в нас возжигаемую, через подстроение нам случаев ко грехам и возбуждению страстей, коими тогда мы, подобно прибавке нефти и смолы в печь, сильнее разгораемся (на непотребное); пока благодатью Божиею, через веяние ее духа росного в сердцах наших, совсем не будет потушено в нас пламя похоти плотской. И вот наше первое состязание — желанием совершенства погашать похоть пространнопитания и чревоугодия! Чего ради не только излишних яств желание надо подавлять созерцанием добродетелей, но и необходимую для естества нашего пищу, как неблагоприятную целомудрию, принимать не без заботливой осторожности сердечной. И течение нашей жизни должно установить таким образом, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда слабость тела побудит снизойти к необходимому о нем попечению. Но и когда, более удовлетворяя потребности жизни, нежели рабствуя вожделению души, подчиняемся этой необходимости, мы должны как можно скорее спешить оставлять то, как дело, отвлекающее нас от спасительных занятий. И во время самого принятия пищи не надо отставать от этих занятий. Ибо мы никак не можем отклониться от услаждения предлежащими яствами, если душа, приковав внимание к Божественному созерцанию, не будет услаждаться в то же время паче любовью к добродетелям и красотою вещей небесных. Да и вообще все настоящее начинает быть презираемо, как тленное, когда кто держит взор ума неотлучно прикованным к благам нетленным и вечным, еще во время пребывания в теле вкушая уже сердцем блаженство жизни будущей [14].

32. Победив таким настроением похоть чревоугодия и пространнопитания, как не рабы уже плоти, мы будем признаны достойными вступить и в высшие противоборства, — сразиться с нечистыми силами, которые обыкновенно вступают лично в борьбу только уже с победителями. Таким образом, подавление плотских вожделений оказывается неким солиднейшим основанием всех браней. Не победив своей плоти, никто не может законно сражаться; а кто не законно сражается, не венчается [16].

33. Хочешь ли слышать истинного борца Христова, сражающегося по законному правилу ратоборства? — Внимай. — *Аз,* говорит он, *тако теку, не яко безвестно (на неверное), тако подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 26-27). Видишь, как он в себе самом, то есть в плоти своей, как на твердейшем некоем основании, установил главное дело ратоборства, и весь успех борьбы совместил в одном изможднии плоти и покорении тела своего? *Аз*, говорит, *тако теку, не яко на неверное.* Не течет на неверное тот, кто, созерцая небесный Иерусалим, имеет в нем неподвижную мету, к коей ему должно неуклонно направлять скорое течение сердца своего. Не течет на неверное тот, кто, забывая заднее, простирается в преднее, стремясь *к* предназначенной *почести вышняго звания Божия о Христе Иисусе* (Флп. 3, 13-14), куда, устремляя всегда взор ума своего, и куда спеша со всею готовностью сердца своего, с уверенностью взывает: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тим. 4, 7). И поелику сознавал, как неутомимо, с живейшим по всей совести рвением, тек *вслед в воню мира* Христова (Песн. 1, 3), и умерщвлением плоти успешно одержал победу в духовном ратоборстве; то с несомненным упованием наводит, говоря: *прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, Праведный Судия* (2 Тим. 4, 8). А чтобы и нам открыть подобную надежду воздаяния, если в подвиге того же течения будем подражать ему, прибавил: *не токмо же мне, но и всем возлюбившим явление Его* [8], провозглашая, что в день Суда и мы соделаемся причастными

его венцу, если, любя Пришествие Христово, — не то только, в коем Он явится и для нехотящих, но особенно то, в коем Он всегда сшествует святым душам, — одержим победу в ратоборстве через умерщвление плоти. Об этом последнем пришествии Господь говорит в Евангелии: Аз *и Отец Мой... к нему приидема и обитель у него сотворима* (Ин. 14, 23). И еще: *се, стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери вниду к нему, и вечеряю с ним, и той со Мною* (Апок. 3, 20) [17].

34. Впрочем, апостол не один только подвиг течения, совершенный им, описывает, говоря: *аз тако теку, не яко на неверное:* [что в особенности относится к устремлению ума и горячности духа его, коими он со всем жаром последовал Христу, с Невестою воспевая: *вслед Тебе в воню мира Твоего течем* (Песн. 1, 3); и еще: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9)]; но он свидетельствует, что и в другом еще роде ратоборства одержал победу, когда говорит: *тако подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю:* что собственно относится к順 приболезненным трудам воздержания, к телесному пощению и изможденню плоти. Тут он представляет себя бодренным неким борцом со своею плотью, обозначая, что не напрасно давал ей удары воздержания, но что через умерщвление своего тела успел стяжать торжество победы, — когда, укротив его бичами воздержания и изможди ударами пощения, доставил духу-победителю венец бессмертия и пальму нетления. Видишь законный порядок ратоборства, усматриваешь исход духовных состязаний, — как борец Христов, одержав победу над бунтовщицею-плотью и повергши ее как бы под ноги свои, как великий триумфатор, везется на победной колеснице?! Не на неверное течет он, так как уверен, что скоро внидет во святой град, Небесный Иерусалим. Тако подвизается в постах, то есть и в умерщвлении плоти, *не яко воздух бияй*, то есть не яко напрасно дающий удары воздержания, потому что он ими не пустой воздух, но духов злобы, вращающихся в нем, поражал через умерщвление своего тела. Ибо кто говорит: *не яко воздух бияй,* тот дает разуметь, что не пустой и не порожний воздух поражает, но вместе и неких сущих в нем. Поскольку он, преодо-

лев эти роды браней (то есть с телом), снова выступал теперь, украшенный многими победными венцами, то естественно стал подвергаться нападениям сильнейших врагов, и, восторжествовав над первыми из них завистниками, в благонадежии начал возглашать: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12) [18].

35. Для борца Христова, пока он в теле, никогда не оскудевают случаи к получению пальм за ратоборство; но чем более возвышается он успехами своих побед, тем более сильный ряд ратоборств предлежит ему. Ибо после того, как победит он и покорит себе плоть свою, какие толпы супостатов, какие полчища врагов восстают против этого победоносного воина Христова, быв раздражены его победами! Это, — чтобы воин Христов, нежась покоем мира, не стал забывать о славных боях своего ратоборства и, опустившись от бездействия, в чувстве безопасности от врагов, не потерял охоты и мужества оказывать победные доблести, достойные высших наград. Итак: если, не умаляясь, а возрастая в силе и мужестве, желаем достигнуть высших победных триумфов, то и нам следует в том же порядке проходить бранные подвиги, — и сначала совершить то, в силу чего можем с апостолом говорить: *тако подвизаюся, не яко воздух бияй; но умерщвляю тело мое и порабощаю,* — а потом, когда возьмем верх в этом бое, вступить и в такой, по успехе в котором могли бы мы опять с апостолом говорить: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, духовом злобы поднебесным.* Ибо с этими мы никаким образом иначе вступить в ратоборство не можем, как после победы над плотью, — и никогда не удостоимся мы испытать борьбу с духами, если все будем низлагаемы в борьбе с плотью и поражаемы в состязании с чревом. И по справедливости будет нам сказано от апостола с укором: *искушение вас не достиже, точию человеческое* (1 Кор. 10, 13) [19].

36. Монах, желающий достигнуть подвига внутренних браней, пусть наперед такую назначит себе и держит предосторожность, чтобы прежде уставом определенного и для всех общего

часа подкрепления себя пищею, отнюдь не позволять себе принять что-нибудь из пищи или пития, и притом вне трапезы, какая бы приятность и сладость их ни манила к тому. Но и по окончании трапезы да не попускает он себе дерзнуть на нечто подобное, хотя бы то в малейшей малости. Равно должно ему строго соблюдать время и меру сна, как уставом положено. И этого рода похотения с таким же рвением надобно отсекать, с каким должны мы отсекать движение блудной страсти. Ибо кто не мог подавить излишние пожелания чрева, тот как сможет погасить разжжение плотского вожделения? И кто не мог укротить страсти явные и малые, тот как возможет победить тайные, проторгающиеся без всяких свидетелей? [20].

37. Не внешнего врага надобно нам бояться; враг наш заключен в нас самих. Почему и ведется в нас непрестанно внутренняя война. Одержи мы в ней победу, — и все внешние брани сделаются ничтожными, и все станет у воина Христова мирно, и все ему покорно. Нечего будет нам бояться врага извне, когда то, что есть внутри нас, быв побеждено, покорится духу. Не должны мы верить, что нам, для совершенства сердца и чистоты тела, может быть достаточен один тот пост, который состоит в воздержании от видимых яств. Нет, к этому должно присовокупить еще и пост души. Ибо и она имеет свои вредные яства, от коих, отучнев, впадает в обрывы сладострастия и без обилия телесного питания. — Осуждение — ее есть пища, и притом преприятная. Гнев также ее есть пища, хотя не такая легкая, а подчас вредная, и даже смертоносная. Зависть есть пища души, ядовито повреждающая ее соки и непрестанно мучащая ее несчастную счастливыми успехами других. Тщеславие ее есть пища, которая на время услаждает ее приятным вкушением, а после делает пустою, обнаженною и лишенною всякой добродетели, и оставляет бесплодною и неспособною приносить плоды духовные, — и следовательно, не только лишает воздаяния за безмерные труды, но и привлекает большие наказания. Всякое похотствование и блуждание сердца непостоянного есть некое пасение души на своего рода пастбище, питающее ее вредными яствами, небесного же хлеба и твердой

пищи делающее непричастною. Почему в святом пощении нашем удерживаясь от всего этого, сколько сил есть, мы соделаем целесообразным и благоплодным соблюдение телесного поста. Ибо утруждение плоти, быв соединено с сокрушением духа, представит приятнейшую Богу жертву и устроит достойное Его святости обиталище в чистых и благоукрашенных сокровенностях сердца. Но если, постясь телесно, мы будем опутываться пагубнейшими страстями душевными, то никакой не принесет нам пользы измождение плоти, когда при этом оскверненными остаемся в драгоценнейшей нашей части, когда то есть мы бываем неисправны тою частью нашего естества, которая собственно соделывается жилищем Св. Духа. Ибо не плоть тленная, а сердце чистое соделывается обиталищем Богу и храмом Духа Святого. Итак, надлежит нам, когда постится внешний наш человек, и внутреннего удерживать от вредных вкушений. Его особенно представлять чистым Богу, чтобы сподобиться принять в себя посетителем Христа, увещевает святой апостол, когда говорит: *во внутреннем человеце вселитися Христу верою в сердца ваша* (Еф. 3, 16-17) [21].

38. Пищу надо избирать такую, которая бы умеряла, а отнюдь не возбуждала жар похоти плотской, и притом была удобоприобретаема и сообразна с общим обычаем и употреблением братий. Чревоугодие проявляется в трех видах: один побуждает упреждать уставом определенный час принятия пищи; другой любит насыщать и переполнять чрево пищею, какого бы рода она ни была; третий удовлетворяется лишь приятнейшими и изысканнейшими яствами. Почему против него монах должен соблюдать троякое правило: во-первых, ожидать уставного времени разрешения на пищу; потом не поблажать пресыщению; в-третьих, довольствоваться простою какою-нибудь и дешевою пищею. А что в этом отношении допускается не сообразного с общим обычаем и употреблением, того древнейшее предание отцов не одобряет, как оскверненного суетностью, тщеславием и хвастливостью. И мы никого не видели из тех, кто отличались даром ведения и рассуждения, и никого не знали из тех, кого благодать Божия выставила вперед, как

блистательнейшие светила для подражания, которые бы воздерживались от вкушения хлеба, почитаемого простым и не ценным. И наоборот, никогда не видали мы, чтобы кто-нибудь из тех, которые употребляли только зелень, овощи и древесные плоды, имелся в числе опытнейших мужей, или сподоблялся благодати рассуждения и ведения [23].

39. Дела любви должно предпочитать посту. Этому научились мы у египетских отцов. Ибо когда мы, желая узнать правила этих старцев, пришли из Сирии в Египет, то нас принимали там с изумительно живым радушием сердечным, — и куда бы мы ни приходили, нигде для успокоения нас не стеснялись соблюдением определенного уставом часа для принятия пищи, как мы привыкли видеть в монастырях палестинских, — но везде разрешали на пищу прежде того, — кроме только среды и пятка. Один из старцев, когда мы спросили его, почему у них так свободно мимоходится правило каждодневного поста, ответил нам: пост всегда со мною, вас же я не могу удержать с собою навсегда. Притом хотя пост многополезен и всегда нужен, но он составляет жертву произвольную; исполнение же дела любви есть не отложимое требование заповеди. Итак, принимая в вас Христа, я должен напитать Его. Когда же провожу вас, тогда сделанное ради Него снисхождение могу вознаградить строжайшим постом. Ибо не могут *сыны брачнии* поститься, *дондеже жених с ними есть. Приидут же дние, егда отъят будет от них жених, и тогда постятся* (Лк. 5, 34-35) [24].

40. Крайности, как говорят святые отцы, с той и другой стороны равно вредны, — и излишество поста и пресыщение чрева. Знаем мы некоторых, которые, не быв побеждены чревоугодием, низложены были безмерным постом, и впали в ту же страсть чревоугодия по причине слабости, происшедшей от чрезмерного поста [Соб. 2, 16].

41. Нам надобно заботиться как о том, чтобы по желанию плотского удовольствия не принимать пищи прежде назначенного времени или сверх меры, так и о том, чтобы употреблять ее в назначенный час, хотя бы и не хотелось; потому что и чрезмерное желание плотского удовольствия и отвращение от пи-

щи возбуждаются врагом нашим. Притом неумеренное воздержание вреднее пресыщения; потому что от последнего, в силу раскаяния, можно перейти к правильному действованию, а от первого нельзя [Соб. 2, 17].

42. О том, как пройти между обеими крайностями, соблюдая разумную мерность, прежние отцы наши часто рассуждали, и всем родам пищи предпочли хлеб, и мерою употребление его постановили — два небольшие хлебца весом около фунта [Соб. 2, 18, 19].

43. Общее правило умеренности воздержания состоит в том, чтобы каждый сообразно с силами, состоянием тела и возрастом столько пищи вкушал, сколько нужно для поддержания здоровья тела, а не сколько требует желание насыщения. Кто не соблюдает одинаковой меры, — но то постится чрезмерно, то пресыщается; тот вредит как молитве, так и целомудрию: молитве, — потому что от неядения не может быть бодрым в молитве, клонясь от бессилия ко сну; а целомудрию, — потому что тот огонь плотской похоти, который возжигается от чрезмерного употребления пищи, продолжает действовать и во время строгого поста [Соб. 2, 22].

44. Мерное употребление пищи, по мнению отцов, состоит в ежедневном употреблении такого количества пищи, чтобы после вкушения ее еще чувствовался голод. Такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человека вдаться ни в чрезмерный пост, расслабляющий тело, — ни в пресыщение, подавляющее дух [Соб. 2, 23].

45. Предлагаем еще одно спасительное наставление блаженного Макария, чтобы книгу нашу о постах и воздержании назидательно заключить мнением такого мужа. Он говорит, что монах так разумно должен вести дело пощения, как бы имел пребыть в теле сто лет; и так обуздывать душевные движения, — забывать обиды, отревать печаль, ни во что ставить скорби и потери, — как могущий умереть каждый день. Этим советуется — в отношении к первому, то есть посту, душеполезное благоразумие, которое бы заставляло монаха шествовать всегда путем ровной строгости в воздержании, не позволяя

ему, в случае даже изнеможения тела, переходить от строгости к излишеству; а в отношении ко второму, то есть обузданию движений душевных, — спасительное великодушие, которое было бы сильно не только презирать то, что кажется благополучным в мире этом, но и пребывать несокрушимым несчастьями и скорбями, и пренебрегать ими, как ничтожными, туда имея постоянно устремленным взор ума своего, куда каждый день и каждую минуту чает быть позванным [Кн. 5, 41].

2) Борьба с духом блуда (Кн. 6)

46. Вторая у нас, по преданию отцов, борьба есть — с духом блуда, — борьба паче других долгая, всегдашняя, и весьма не многими начисто препобежденная, — брань лютая, которая начинает бороть с первого возраста зрелости, — и не престает прежде препобеждения прочих страстей. Поскольку восстание здесь бывает двоякое, двояким вооруженное оружием к борьбе, то и противостоять ему надобно тоже с двояким оружием в руках. Недостаточно одного телесного поста к стяжанию совершенной чистоты целомудрия; его превосходить должны покаянное сокрушение духа и неотступная молитва против этого нечистейшего духа; потом непрестанное поучение в Писаниях в соединении с умным деланием, также труд телесный и рукоделие, удерживающее сердце от блуждания и возвращающее его в себя, паче же всего глубокое истинное смирение, без которого ни над какою страстью никогда не может быть приобретена победа [1].

47. Препобеждение этой страсти условливается совершенным очищением сердца, из которого, по слову Господа, источается яд и этой болести. *От сердца бо*, говорит Он, *исходят помышления злая... прелюбодеяния, любодеяния* и проч. (Мф. 15, 19). Итак, прежде надо очистить то, откуда исходит источник жизни и смерти, как говорит Соломон: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23); ибо плоть покорствует его произволению и власти. Закону постнического скуднопитания всеконечно должно следовать со всем усердием, чтобы обилием яств насыщенная плоть, воспротивясь велениям души, в буйстве не низвергла долу правителя

своего — духа. Но если мы всю суть этого дела совместим в одном изможении тела, не постничествуя в то же время душою от прочих страстей, и не занимая ее ни поучением в божественном, ни другими духовными деланиями; то никак не возможем востечь на самый верх истинной чистоты; потому что в таком случае то, что в нас есть господственное, будет осквернять наше тело, хотя бы оно было чисто. Итак, нам должно, по указанию Господа, очистить *прежде внутреннее стклянищы и блюда, да будет и внешнее има чисто* (Мф. 23, 26) [2].

48. Прочие страсти обыкновенно очищаются, кроме прочего, и обращением с людьми, и каждодневными с ними занятиями и делами, и как бы врачуются самою неприятностью и досадою по причине падения в них. Так, например, порывы гнева, оскорбления, нетерпеливости, кроме сердечного поучения и бодренного внимания, врачуются и посещением братий и частым вызыванием этих страстей. Так как они, будучи при этом раздражаемы, чаще обнаруживаются, то чаще и обличаются, и скорее потому уврачевываются. Но эта болезнь, при изможении тела и сокрушении сердца, имеет нужду также в уединении и удалении от людей, чтобы, имея таким образом отклоненными поводы к пагубному лихорадочному разжжению ее, прийти скорее в состояние совершенного оздоровления. Как для больных какою-либо болезнью полезно бывает, чтобы вредные для них яства и на глаза им не были приносимы, дабы при взгляде на них не родилось у них смертоносное желание, — так и к прогнанию этой особенно болести (похотливости) много очень способствуют безмолвие и уединение, чтобы больная душа, не будучи вызываема вне разными лицами и вещами, свободнее восходила к чистейшему умному созерцанию, и через то удобнее могла с корнем исторгать заразительное возбуждение похотения [3].

49. Иное дело быть воздержным, и иное — чистым, пришедшим в невозмутимое состояние целомудренной непорочности и девственной невинности. Такая добродетель приписывается одним девственникам и девственницам душою и телом, какими признаются, например, в Новом Завете оба Иоанна (Предтеча

и Богослов), а в Ветхом — Илия, Иеремия, Даниил. На их степени стоящими не несправедливо почесть и тех, кто, по падении, долгими подвижническими трудами и ревностным взысканием потерянного, достигли до подобного им состояния чистоты и непорочности душевной и телесной, и жало плоти чувствуют не столько по нападению срамной похотливости, сколько по движению лишь естества. И вот такого-то состояния, говорим мы, крайне трудно достигнуть среди многолюдства, — даже и не невозможно ли? Что, впрочем, всякий пусть не чает узнать из нашего рассуждения, а сам пусть доищется до этого через испытание своей совести. — Мы не сомневаемся, что есть очень много воздержных, которые нападение плоти, редко ли или каждодневно ими испытываемое, прогоняют и подавляют то страхом геенны, то желанием Царства Небесного. Относительно их старцы полагают, что хотя они могут не быть со всем расстроены и побеждены страстными раздражениями, нельзя, однако же, им быть безопасными от нападений и совсем неуязвимыми. Ибо тому, кто находится в положении борющегося, хотя он и часто побеждает и одолевает противника, неизбежно иногда и самому испытывать тревогу и уязвление [4].

50. Если по сердцу нам с апостолом *законно* подвизаться подвигом духовным (2 Тим. 2, 5); то не на свои силы (потому что человеческие усилия не сильны это совершить), но на помощь Господа надеясь, положим со всем рвением побеждать этого нечистейшего духа. Ибо до тех пор эта страсть не перестанет оспаривать у души победу, пока она (душа) не сознает, что успешно вести такую борьбу выше ее сил, и что она своими трудами и своим усилием никак не может одержать победу, если не будет подкреплена помощью и заступлением Господа [5].

51. И действительно, если всякий успех в добродетели есть дело благодати Господа, и преодоление всякой страсти есть Его победа, то преимущественно это дело (то есть стяжание чистоты и преодоление похотной страсти) есть особенная благодать и дар, как подтверждается мнениями святых отцов и опытами очищения от этой страсти, по свидетельству тех, которые спо-

добились стяжать его. Ибо не чувствовать жала плоти есть некоторым образом то же, что, пребывая в теле, выйти из плоти и, облекаясь плотью, быть вне естества. И потому невозможно человеку на своих, так скажу, крыльях возлететь на такую небесную высоту совершенства, если благодать Господня даром чистоты не извлечет его из тины земной. Ибо люди плотяные никакою добродетелью так близко не уподобляются небесным Ангелам в подражании их жизни, как стяжанием благодати чистоты, через которую они, еще продолжая жить на земле, имеют, по апостолу, *житие на небесех* (Флп. 3, 20), и здесь, в бренной плоти, обладают уже тем, что обещается святым в будущей жизни, по отложении тленной плоти [6].

52. Слушай, что говорит апостол: *всяк же подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Он выставляет подвизающегося на ристалищах в образец нам в духовном нашем подвижничестве. Тот, для успеха в состязаниях, не только от всякой запрещенной пищи, пьянства и нетрезвости воздерживается, но и от бездействия, праздности и лености, стараясь постоянным упражнением и вниканием в дело и силы свои развить, и уменье приобрести; он оставляет всякую заботу и печаль о делах житейских и супружеских, одною томя себя заботою: как бы возыметь успех и получить победный венец; особенно же он заботится хранить себя чистым от осквернения плотского, чтобы даже и во сне как-нибудь не обольститься срамными грезами, и через то не умалить силы, приобретенной долгим временем и немалою заботою. Тут видишь ты все, что надлежит делать и духовному подвижнику; видишь и то, что для успеха в духовном твоем делании и тебе предлежит преимущественно хранить чистоту и целомудрие. Ибо если там в мирских внешних состязаниях о венцах тленных так необходима чистота, то сколь безмерно необходимее она в нашем духовном внутреннем стремлении к венцам небесным? У нас требуется не внешняя только чистота от плотского греха, или невольного осквернения, но наипаче и внутренняя чистота мысли и чувства. Нам надлежит всяким хранением чистыми блюсти самые сокровенности сердца. Что те (ристалищные состязатели) желают иметь

только телесно, тем мы должны обладать в глубинах совести, в которой подвигоположник наш Господь зрит до малейших черт все движения нашего произволения. Надлежит убо нам тому, что боимся сделать открыто, не допускать возникнуть внутри неосторожным помышлением, и что стыдимся обнаружить перед людьми, тем не оскверняться и тайным в сердце согласием. Ибо хотя это же может укрыться от людей, но не может утаиться от Ангелов и Самого всемогущего Бога, от Которого не сокрыты никакие тайны [7, 8, 9, сокращенно.].

53. Признаком и мерою совершенства стяжанной чистоты можно поставить то, если у нас, когда отдыхаем или разнеживаемся в глубоком сне, не возникает никакого обольстительного образа, или если возникает какой, то не силен бывает возбудить никаких движений похотных. Ибо такое движение хотя не вменяется в полную вину в грехе, однако же служит верным признаком, что душа еще не достигла совершенства, и показывает, что страсть еще не дочиста исторгнута, когда мечтательные образы успевают производить такого рода поругание [10].

54. Качество помыслов, которое среди развлечений дня не совсем тщательно охраняется, обнаруживается во время ночного покоя; и потому когда случилось сказанное поругание, то в этом не сон должно почитать виновным, а нехранение внимания в предшествующее время, и видеть в этом обнаружение скрывающейся внутри болезни, которую ночной час не породил впервые (как не бывшую прежде), а только, скрытую во внутренних фибрах души, вывел на поверхность кожи, во время подкрепления тела сном, обнаруживая внутренний лихорадочный жар страсти, который сами мы возжгли, питаясь в продолжение всего дня недобрыми помыслами. Так и телесные болезни не в то время порождаются, в какое видимо обнаруживаются, но наживаются в предшествующее тому время, когда кто без осторожности, питаясь всякою вредною для здоровья пищею, собирает в себя болезнеродные соки [11].

55. Се и Сам Бог, Творец и Создатель всего рода человеческого, зная лучше всех природу творения Своего, туда направ-

ляет врачевание, откуда главным образом исходят причины страстной болезни этой, когда говорит: *всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем* (Мф. 5, 28). Делая замечание о сладострастии глаз, Он не столько их обличает, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется их услугою в смотрении. Это сердце, больное и уязвленное стрелою похотения, смотрит с вожделением, — благодеяние зрения, дарованное Творцом на добро, обращая по своей страстности на служение худым делам и скрытую в нем самом болезнь сладострастия изводя в явь по поводу воззрения. Почему и спасительная заповедь предписывается тому, по чьей страстности происходит злое уязвление через зрение. Ибо не говорится: всяким хранением блюди очи твои, но: *всяцем хранением блюди свое сердце* (Притч. 4, 23) [12].

56. Первым и главным действием хранения чистоты сердца да будет у нас то, чтобы, когда по тонкой подсаде диавольской злокозненности прокрадется в ум наш воспоминание о каком-либо лице женского пола, хотя бы то матери, сестер, родных и даже святых жен, — мы, как можно скорее, спешили изгнать его из наших мыслей; дабы, если долго промедлим в таких помышлениях, враг наш обольститель от этих жен не перевел незаметно ума нашего и к таким, через которых мог бы всеять душевредные мысли. Почему, стараясь исполнить заповедь: *всяцем хранением блюди свое сердце,* мы должны, по первоначальному Божию повелению, заботливо *блюсти* ядоносную *главу* змия (Быт. гл. 3), то есть начатки злых помышлений, через которые диавол покушается вползти в нашу душу; чтобы, если глава его по нашему небрежению проникнет в наше сердце, не вползло туда и все тело его, то есть не породилось из нечистых помышлений и согласие на греховное услаждение. Когда же враг будет впущен внутрь, то, пленив душу, всеконечно убьет ее ядовитым угрызением своим. Возникающих *на земле нашей грешников*, то есть плотские чувства, также должны мы *избивать во утрия* их рождения (Пс. 100, 8), — и *разбивать о камень* сынов Вавилона, пока еще они *младенцы* (Пс. 136, 9). Ибо если не будут они избиты, пока еще нежны и слабы, то выросши,

по нашему потворству они с большею силою восстанут на нас и — или погубят нас, или если будут побеждены, то, конечно, не без больших воздыханий и трудов. Ибо *когда крепкий,* то есть дух, пал, *вооружився хранит свой двор (дом),* то есть охраняет покои сердца нашего страхом Божиим, тогда в мире *суть имения его* (Лк. 11, 21), то есть плоды трудов его и добродетели, долгим временем стяжанные. *Егда же креплей его нашед победит его*, то есть диавол, через согласие с внушенными от него помыслами, тогда *все оружие его возмет, на неже уповаше,* то есть памятование Писаний или страх Божий, — *и корысть его раздает* (Лк. 11, 22), то есть навыки в добродетелях развеет всякими противоположными им пороками [13].

57. *Сия есть*, говорит святой Павел, *воля Божия — святость ваша* (1 Фес. 4, 3). И чтобы не оставить в нас сомнения или темного непонимания, что именно называет он святостью, — правду ли, или любовь, или смирение, или терпение, — ибо всеми этими добродетелями приобретается святость, — он далее прямо обозначает, что собственно хотел назвать святостью: *сия бо есть воля Божия святость ваша, хранити себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы не ведящии Бога* (1 Фес. 4, 3-5). Смотри, какими похвалами превозносит он целомудрие, называя его честью сосуда, то есть тела нашего, и святынею. Следовательно, напротив, кто пребывает в страсти похотной, тот находится в состоянии бесчестия и нечистоты и живет чуждо святости. — Немного ниже святой Павел еще прибавляет, опять называя целомудрие святостью: *не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отметаяй (*презираяй это*), не человека отметает, но Бога, давшаго Духа Своего Святаго в нас* (1 Фес. 4, 7-8). Ненарушимую силу и важность придал он заповеди своей, когда сказал, — что кто отметает это, то есть то, что я сказал, тот не человека презирает, то есть меня, заповедающего это, но Бога, во мне говорящего, Который и Духу Своему Святому назначил в обиталище сердце наше. Видишь ли, какими в простых словах похвалами превознес он эту добродетель! Во-первых, ей соб-

ственно приписывает святость; потом утверждает, что ею сосуд тела нашего освобождается от всякой нечистоты; в-третьих, что, извергши срамную нечистоту, сосуд этот будет пребывать в чести, как святыня; наконец, что есть самое высшее ее преимущество, через нее обитателем сердца нашего будет Дух Святой [15].

58. Приведу же другое подобное этому свидетельство того же апостола. — Пиша к евреям, он говорит: *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14). И здесь также он ясно утверждает, что без святости, которую обыкновенно называет непорочностью и чистотою души и тела, совершенно невозможно видеть Бога [16].

59. Чем выше и небеснее есть достоинство целомудрия, тем сильнейшее вызывает оно наветы вражеские. Почему тем усиленнее должны мы соблюдать не только воздержание тела, но и сокрушение сердца, с непрестанными молитвенными воздыханиями, чтобы пещь плоти нашей, которую царь вавилонский непрестанно покушается поджечь поджожками плотских подсад, непрестанно же угашать и охлаждать нисходящею в сердца наши росою Духа Святого [17].

60. Такое настроение можно нам удерживать постоянно, если будем всегда помнить, что Бог есть нощной и дневной зритель и знатель не только тайных дел наших, но и всех помышлений, — и веровать, что мы имеем дать Ему ответ и за все, что вращается в сердце нашем, как за все дела и поступки наши [21].

61. Чтобы даже во время сна нечистые грезы не оскверняли нас, для этого всегда надобно держать равномерно умеренный пост. Ибо кто нарушит разумную меру строгости в воздержании от пищи, тот потом непременно зайдет и за должную меру послабления себя в этом. С изменением же меры подкрепления себя пищею неизбежно должно изменяться и качество нашей чистоты. Но при этом должно иметь постоянное смирение сердца и терпение, равно как внимательное предохранение себя в течение дня от гнева и прочих страстей. Ибо коль скоро западет в нас огонь гнева, то после легко проникнет к нам и жар

похоти. Паче же всего необходимо бодренное блюдение себя ночью. Ибо как чистота и охранение себя днем предуготовляют чистоту ночную, так и ночная бодренность предпосылает сердцу, равно как и вниманию к себе, силу и крепость противостоять всему нечистому днем [23].

62. Можно ли совсем погасить огонь похоти, которой жар как бы врожденным чувствует в себе плоть наша? Поищем наперед, что полагает об этом блаженный Павел. *Умертвите,* говорит он, *уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5). Какие же это уды заповедует он умерщвлять? Конечно, не руки и ноги или другие какие части отсекать; а истреблять тело греховное, о котором в другом месте говорит он: *да упразднится тело греховное* плоти (Рим. 6, 6), — и которое, как всякое другое тело, имеет и свои члены. Их-то и заповедует апостол умертвить. А какие это именно, он тут же и перечисляет. — Ибо сказав: *умертвите уды ваша, яже на земли,* продолжает: *блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение.* Первый член — ***блуд:*** это грех плотского незаконного совокупления; второй член — ***нечистота,*** которая без всякого прикосновения к женщине иногда случается во время сна, или и во время бодрствования; третий член — ***страсть,*** которая, находясь в сокровенности души, может воспламеняться и не по действию похотения в теле; четвертый член — ***похоть злая,*** которая может относиться не только к вышесказанной страсти нечистой, но и вообще ко всем пагубным вожделениям, и которая есть только болезнь развращенной воли; последним членом греховного тела ставит апостол ***лихоимание***, внушая, что не только должно воздерживаться от пожелания чужих вещей, но и свои надобно великодушно презирать, как действительно и поступало упоминаемое в книге Деяний первое общество верующих (Деян. 4, 32-35). Из всего сказанного делаю такое заключение: если многие ради Христа отвергли свое имущество, так что не только обладание деньгами, но и желание их от сердец своих отсекли: то следует, что таким же образом можно погасить и блудное разжжение. Ибо апостол не соединил бы невозможного дела с возможными. Но признавая то и другое

возможным, заповедал равно то и другое умертвить, — и настолько блаженный Павел уверен был в возможности искоренить блудную страсть из членов наших, что не только заповедал умертвить ее, но повелел, чтобы даже и имя ее не было произносимо между нами, говоря: *блуд же и всякая нечистота и лихоимство ниже да именуется в вас, якоже подобает святым: и сквернословие, и буесловие, или кощуны, яже неподобная* (Еф. 5, 3-4). Потому не может быть сомнения, что страсть блуда может быть истреблена из членов наших, — так как апостол повелел отсекать их так же, как и любостяжание, суесловие, смехотворство, которых отсечение удобно [Соб. 12, 1, 2, 3, сокращенно].

63. Впрочем, мы должны знать, что, хотя бы мы соблюли всю строгость воздержания, а именно: голод, жажду, бдение, постоянный труд, — и с неослабным усердием занимались чтением душеспасительных книг; не можем однако же сами, посредством этих подвигов, приобрести непрерывную чистоту целомудрия, если не придет к нам на помощь особенная благодать Божия. Да ведает всяк, что он должен неутомимо упражняться в сказанных подвигах только для того, чтобы терпеливо переносимою прискорбностью от них, приклонив к себе милосердие Божие, сподобиться Божественного дара освобождения от брани плоти и от господства преобладающих страстей, а не в той надежде, будто он сам собою посредством их может достигнуть несокрушимой чистоты целомудрия телесного, которого так желает и ищет [Соб. 12, 4].

64. Желания настоящих вещей не могут быть подавлены или отвергнуты, если вместо их не будут восприняты другие спасительные. Потому если желаем истребить плотские вожделения из сердец наших, то на место их должны поскорее насадить желания духовные, чтобы дух наш, всегда стремясь к предметам их, не имел ни охоты, ни времени обращать внимание на прелести преходящих радостей земных. И когда дух наш каждодневными упражнениями в духовном делании установится в таком настроении отрешения от всего, тогда опытно уразумеет и силу следующего стиха, который и все мы нередко повторяем,

но силу которого ведают лишь немногие опытные: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Только тот действительно постигает силу и смысл этого стиха, кто, достигнув до той чистоты тела и духа, о коей говорим, сознает, что он в каждую минуту охраняется Господом, чтобы опять не уклонился на прежнее, и что десница его, то есть святые действия, постоянно ограждаются Им. Ибо Господь всегда присущ святым Своим не по левую сторону, — потому что святой муж не имеет ничего левого, то есть худого, — но по правую. А для грешников и нечистых Он бывает невидимым, потому что они не имеют правой стороны, на которой Он обыкновенно бывает присущ [Соб. 12, 5].

65. Много степеней целомудрия, по которым восходят к непоколебимой чистоте. Лествицу такого усовершенствования целомудрия я разделю на шесть степеней, которые, однако же, в действительности проходятся незаметно, по подобию наших тел, которые в каждый день нечувствительно получают себе приращение и без нашего ведома вырастают до совершенного своего вида. ***Первая*** степень целомудрия есть, — если монах не подвергается возмущению плотской похоти в бодрственном состоянии; ***вторая,*** — если ум не замедляет в сладострастных помыслах; ***третья,*** — если при виде женщины нимало не тревожится вожделением; ***четвертая,*** — если в бодрственном состоянии не допускает и простого движения плотского; ***пятая,*** — если и самое тонкое согласие на плотское действие не ранит ума, когда рассуждение или чтение приведет на память человеческое рождение; ***шестая,*** — если даже и во сне не бывает возмущаем соблазнительными мечтами о женщинах [Соб. 12, 7].

66. Полная целомудренная чистота от начатков воздержания, от похотных мыслей и движений отличается совершенным успокоением плотских возбуждений и покоем от них. Совершенно созревшее целомудрие всегда хранит невозмутимую и неколебимую чистоту тела и души, и есть не что иное, как святость. Это бывает, когда ***плоть,*** перестав ***похотствовать на духа,*** начинает согласовываться с его желаниями и добродете-

лью, и когда они оба соединятся между собою твердым миром, и, по изречению псалмопевца, как братья станут жить *вкупе* (Пс. 132, 1). — Тогда и Бог с ними бывает; ибо говорится, что *в мире место Его* (Пс. 75, 3), — то есть не в шуме брани и борьбы со страстями, а в мире целомудрия и в постоянном покое сердца. Почему когда некто через погашение плотских страстей, сподобится стяжать это место мира, то в то же время он сделается и жилищем Божиим [Соб. 12, 11].

3) Борьба с духом сребролюбия (Кн. 7)

67. Третья борьба предстоит нам с духом сребролюбия, — со страстью чуждою и не свойственною нашей природе, и в монахе порождающеюся не от чего другого, как от малодушия слабоэнергичной души и не как следует настроенной, и большею частью от худо положенного начала отречения от мира, в основе коего не лежала горячая любовь к Богу. Прочие движения страстей, кажется, в нас самих имеют начало, будто насажденные в человеческой природе и как бы внедренные в плоть. Они, будучи современны нашему рождению, движением своим предваряют проявление в нас способности различать добро и зло, — и препобеждаются не иначе, как долгим трудом. А эта болезнь (сребролюбие) позднее их привходит и извне навязывается душе; почему легче может быть предотвращена и извергнута. Но если по беспечности она будет пренебрежена и однажды впущена в сердце, то бывает более всех гибельна и труднее всех изгоняема: ибо соделывается корнем *всех зол* (1 Тим. 6, 10), служа источником возбуждения разных страстей [1, 2].

68. Эта страсть если улучит власть над малодушною и холодною душою монаха, то сначала побуждает его к малому стяжанию, во впечатлительных картинах описывая ему некоторые будто справедливые и разумные причины, по которым ему необходимо или уберечь для себя несколько денег при отречении от мира, или приобрести после того. Того, жалуется она, что дается в монастыре, недостаточно и едва сносно для здорового и крепкого тела. Что будешь делать, если приключится телесная болезнь, а у тебя не будет припрятано что-нибудь на случай, чем

бы пособить себе в немощи? Содержание монастырское прескудно, небрежение же о больных превеликое. Если ничего собственного не будет у тебя, что можно бы употребить на поправление телесного здоровья, то придется тебе умереть жалким образом. Да и самая одежда, доставляемая монастырем, недостаточна, если не промыслишь иметь нечто, на что мог бы достать себе другую. Наконец, нельзя бывает все время прожить в одном и том же монастыре; а в таком случае, если не приготовишь себе денег на путевые расходы и переправу через море, то не возможешь, когда захочешь, переселиться оттуда, и таким образом, будучи стеснен крайнею бедностью, постоянно будешь влачить жизнь работническую и жалкую, без всякого успеха. — Когда такими помыслами опутает ум свой монах, тогда начинает придумывать, как бы приобрести хоть один динарий; и с этою целью он приискивает какую-либо частную работу, которую и исполняет со всею заботливостью, без ведома аввы своего. Продав ее потом тайно и получив желанную монету, в страхе за нее суетится он и хлопочет, где бы ее положить, или чьему бы хранению ее вверить; а между тем уже начала точить его еще острейшая забота, как бы удвоить эту монету, — и он напряженно строит важные планы, что бы такое купить на нее, и какой бы с нею употребить для этого оборот. Когда же и это удастся ему по его желанию, тогда у него возникает жаднейшая алчба золота, которая затем все тем сильнее и сильнее разгорается, чем большее количество прибыли получается: ибо с умножением денег увеличивается и неистовство страсти к ним. В поджожку ей приходят далее и другие заботливые помышления: обещается долгая жизнь, преклонная старость, немощи разные и продолжительные, которых в старости и перенести не будет возможности, если в ранние лета не заготовишь побольше денег. — Так несчастная душа, связана будучи узами этой змеи (сребролюбия), все далее и далее влечется в желании с непотребною заботою умножать не добре начатое собирание имущества, сама в себе порождая заразу, которая все жесточае и жесточае пожирает ее, подобно пламени. Будучи вся поглощена корыстолюбным помыслом, она ни на что не обращает сердечного воззрения, кроме того, от-

куда могла бы достать денег, чтобы с ними поскорее улететь из-под ига монастырской строгости. Коль скоро блеснет ей какая-либо надежда на получение денег, — тут она ничем уже не дорожит: из-за нее она не погнушается ни ложью, ни клятвопреступлением, ни воровством, ни нарушением верности. Словом, — золото и чаяние корысти во всем бывает для нее богом, как для иных чрево. Почему блаженный апостол, провидя пагубный яд этой болезни, назвал ее не только корнем всех зол, но и идолослужением, говоря: *и любостяжание* (*умертвите*), *еже есть идолослужение* (Кол. 3, 5) [7].

69. Есть три вида этого недуга, которые всеми отцами с одинаковым отвращением осуждаются: один тот, гибельность которого мы выше описали, — который, обольщая некоторых несчастных, убеждает их собирать то, чего они и прежде не имели, когда жили в мире; второй тот, который побуждает опять возжелать и возвратить то, что оставили в начале своего отречения от мира; третий тот, который, зарождаясь при самом не добре полагаемом начале иночества, приемлемого с несовершенным от всего отречением, не допускает тех, которых успеет заразить этою холодностью душевною, совершенно обнажить себя от всех достояний мирских, устрашив их скудостью всего вперед, и расслабив неверием: им потом, за удержание при себе денег и другого имущества, которые должны были оставить, отрекаясь от мира, никак не дает уже оно достигнуть евангельского совершенства. И в Святом Писании находим мы примеры осуждения этих трех видов падения с нелегкими для них наказаниями. Так Гиезий, желая получить то, чего и прежде не имел, не только не удостоился получить благодать пророчества, которую имел получить от учителя своего, как бы по наследственному преемству, но и поражается проказою по проклятию Елисееву (4 Цар. 5, 21-27). Иуда же, желая возвратить себе деньги, которые прежде, последовав за Христом, отверг, не только впал в предательство Господа, и потерял сан апостольства, но и жизнь свою общим исходом окончить не удостоился, заключив ее самонасильственною смертью (Мф. 27, 5); а Анания и Сапфира, удержав некоторую

часть из того, чем владели, из уст апостольских наказываются смертью (Деян. 5, 1-5) [14].

70. Об этих, которые отреклись от мира, но потом, быв побеждены неверием, боятся оставаться обнаженными от всякого земного имущества, таинственно предписывается во Второзаконии: *кий человек страшлив и слаб сердцем,* (да не исходит на войну) *да идет, и возвратится в дом свой; да не устрашит сердца брата своего, яко сердце свое* (Втор. 20, 8). Что, спрашивается, очевиднее этого пророчества? Не явно ли желает Святое Писание, чтобы они лучше и начала не полагали такому званию, и имени его не принимали на себя, чем и других своим словом и худым примером расслаблять неверным страхом своим и отклонять от евангельского совершенства. Итак, им повелевается, чтобы уходили с брани и возвращались в дом свой, потому что с раздвоенным сердцем никто не может сражаться на войне Господней. Ибо *муж двоедушен неустроен во всех путех своих* (Иак. 1, 8). И вникая в смысл той евангельской притчи, — в которой говорится, что царь, вышедший с десятью тысячами против другого, шедшего на него с двадцатью тысячами, не надеясь иметь успех в сражении с ним, пока еще тот далече был от него, послал просить мира (не желая, очевидно, и начинать сражения), — приходим к тому же заключению, что и означенным выше лицам лучше совсем не полагать начала отречению от мира, чем, начавши, после выдерживать его не усердно и не во всей точности, подвергая себя через то большой опасности. Ибо, как говорит Премудрый, *благо тебе еже не обещаватися, нежели обещавшуся тебе, не отдати* (Екл. 5, 4). Хорошо здесь говорится, что этот с десятью тысячами идет, а тот с двадцатью. Ибо число страстей, нападающих на нас, больше числа добрых расположений, сражающихся за нас. Но *никтоже может... Богу работати и мамоне* (Мф. 6, 24), и: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62) [15].

71. Такие обыкновенно позволительность для себя подобного прежнему любостяжания стараются оправдать авторитетом Святого Писания. Истолковывая его в неправом смысле, они с

радостью готовы извратить и по своему желанию изменить мысль апостола и даже Господа, не свою жизнь или разумение приспособляя к смыслу Писания, но Писанию делая насилие по желанию своего самоугодия. Желая и в настоящем случае показать, что Писание согласно с их мнением, они говорят: написано: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 35). Превратнейшим образом понимая эти слова, они полагают, что ими совершенно уничтожается сила того изречения, в коем говорится: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21). Думают они, что по такой благовидности им не должно оставлять свое богатство, и провозглашают себя блаженнейшими паче оставивших его, когда, будучи сами обеспечены прежним имуществом, от избытка его уделяют и другим; между тем как стыдятся восприять со апостолом славную нищету ради Христа, и не хотят довольствоваться трудами рук своих и монастырским скудноватым содержанием. Им остается одно из двух: или сознать себя самопрельщенными и никогда не отрекавшимися от мира, когда так пристрастны к прежнему богатству; или, если хотят самым делом и трудами испытать монашеское звание, все отвергнуть и расточить, чтобы, ничего не удерживая при себе из того, от чего отреклись, хвалиться со апостолом голодом и жаждою, холодом и наготою (см. 2 Кор. 11, 27) [16].

72. Ходит изречение святого Василия, епископа Кесарийского, которое он сказал одному сенатору, цепеневшему такою, о коей у нас речь, холодностью, — который, говоря, что отрекся от мира, удержал при себе нечто из своего имущества, не хотя содержать себя трудами рук своих, и обучаться истинному смирению скудостью во всем, прискорбным трудом и монастырскою подчиненностью. «И сенатора, — сказал он ему, — ты потерял, и монахом не сделался» [19].

73. Итак, если хотим законно подвизаться духовным подвигом, то изгоним из сердец наших и этого губительного врага, — которого сколько победить не велико, столько быть от него побежденным бесчестно и безобразно. Ибо быть поражену сильным

хотя больно, по причине повержения долу, и сожалетельно, по причине потери победы; но в таком случае для побежденных некое исходит утешение из сознания сильности противника. Если же придется это испытать, когда и противник плохенький, и род ратоборства не труден; тогда гораздо больнейший боли повержения долу будет причинен унизительный стыд, и гораздо тяжелейший урона срам [20].

74. Окончательной победы и совершенного торжества над этим врагом можно ожидать только тогда, когда совесть монаха не будет запятнана обладанием даже малейшей монеты. Для того же, кто, увлекшись хотя бы то маленьким денежным подарком, однажды воспринял в сердце свое корень любостяжательной похоти, невозможно тотчас же не загореться огнем желания большого. И воин Христов до тех пор будет победителем, будет находиться вне всякой опасности, не доступным нападению этой страсти, пока этот непотребнейший дух не посеет в сердце его зачатков своей похоти. Почему, как во всех родах страстей главным образом надобно блюсти главу змия, так особенно в отношении к этой надлежит тщательнейшие держать предосторожности, чтобы как-нибудь не проникла внутрь глава ее. Ибо если она будет впущена внутрь, то, своею же материею питаясь и приходя в силу, сама по себе разожжет чрезмернейший пожар. И потому не только обладания деньгами надобно опасаться, но и самое желание их совсем надлежит исторгнуть из души; и не столько избегать дел (effectus) сребролюбия, сколько отсекать с корнем страсть (affectus) его: ибо никакой пользы не принесет нам неимение денег, если в нас будет желание иметь их [21].

75. Возможно и не имеющему денег не быть свободну от болезни сребролюбия; и никакой пользы не принесет действие обнажения себя от всего тому, кто не смог отсечь страсти любостяжания, усладившись делом обнищания, а не самою добродетелью нищеты, и не без туги сердца помирясь с тяжелою необходимостью (так поступить). Ибо как иных телом не оскверненных евангельское слово провозглашает нечистыми сердцем (см. Мф. 5, 28), так и нисколько не обремененным тя-

жестью денег возможно быть осужденными вместе со сребролюбцами, по сердцу и уму. Им не доставало только случая к стяжанию, а не воли, которая в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость. Почему нам надобно всячески заботиться, чтобы плоды трудов наших не пропали даром: ибо достойно сожаления — последствия обнажения себя от всего и обнищания терпеть, а плоды этого терять по причине бесплодного грешного пожелания воли [22].

76. Хочешь ли знать, какие пагубные плоды приносит и какие разветвления других страстей пускает из себя эта страсть на пагубу того, кто ее восприимет, — если не будет тщательно истреблена? Посмотри на Иуду, причисленного к сонму апостолов! Как она его, — не захотевшего стереть смертоносную главу этого змия, — сгубила ядом своим, — опутав сетями вожделения своего, в какую стремнистую пропасть преступления низвергла, — когда научила за тридцать сребренников продать Искупителя мира и Виновника человеческого спасения? Он никак не был бы доведен до такого безбожного дела предательства, если бы не был заражен болезнью сребролюбия, и не сделался бы святотатственным виновником убиения Господа, если бы прежде не привык окрадывать вверенный ему ковчежец [23].

77. Вот разительнейший пример тиранства этой страсти, которая, как мы сказали, однажды плененной его душе не попускает уже соблюдать никакого правила честности, и никаким увеличением прибытка не дает насытиться. Ибо конец неистовству ее полагается не разбогатением, а обнажением себя от всего. Вот и этот самый Иуда, получив в свое распоряжение назначенные для раздаяния бедным влагалища, с тем, чтобы, насытившись обилием этих денег, по крайней мере умерил свою страсть, таким, напротив, непомерным разгорелся возбуждением страсти, что не только окрадывал тайно влагалища, но и Самого Господа продать восхотел. Ибо неистовство этой страсти не насыщается никакою громадностью богатства [24].

78. Поэтому-то святой апостол Петр, зная, что имеющему что-либо по страсти невозможно уже удержать в должных пределах

любостяжание, и что конец этой страсти полагает не сумма, малая или большая, а совершенное от всего обнажение себя, — смертью наказал Ананию и Сапфиру за то, что они нечто удержали для себя из своего имения. И погибли они за ложь по любостяжанию, как Иуда сам себя погубил по вине предания Господа. Какое между ними сходство в преступлении и в наказании! Там сребролюбие привело к предательству, а здесь ко лжи. Там истина предается, а здесь совершается грех лжи. Хотя действие греха там и здесь по-видимому не сходно, но они оба сходятся в одинаковой цели. Тот, чтобы избавиться от бедности, воспохотствовал снова поиметь то, что было отверг; а эти, чтобы не сделаться бедными, покусились удержать для себя нечто из имения своего, которое должны были или апостолам все верно принести, или все раздать братиям. Оттого-то в том и другом случае и последовало одинаковое наказание смертью, что тот и другой грех произрос из одинакового корня сребролюбия. Если теперь (сделаем дальнейшее наведение) на тех, которые не чужих стяжаний воспохотели, но свои собственные покусились приберечь и не имели вожделение стяжевать, а только желание уберечь, изшел такой строгий приговор; то что сказать о тех, которые вожделевают собирать деньги, которых никогда не имели, и выказывая перед людьми нищету, перед Богом оказываются богатыми по страсти любостяжания [25].

79. Любостяжателей должно признавать прокаженными духом и душою, подобно Гиезию, который, вожделев тленных денег мира этого, поражен был заразительною нечистою проказою. Ею-то он и оставил нам очевидное указание на то, что душа, оскверненная преступною страстью к любостяжанию, поражаема бывает духовною заразою страстей, и имеется перед очами Господа нечистою с вечным проклятием [26].

80. Итак, если, стремясь к совершенству, оставил ты все и последовал Христу, вняв слову Его: *иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21), то зачем, возложив уже руку на рало, озираешься вспять, чтобы, словом того же Господа, провозглашену

быть негожим для Царствия Небесного (Лк. 9, 62)? Поставленный на кровле, — высоте евангельского совершенства, — для чего сходишь опять в дом свой, чтобы взять оттуда что-либо из того, что прежде того так охотно презрено тобою (см. Лк. 17, 31)? Поставленный на поле делания добродетелей, зачем опять усиливаешься облечь себя бременем мирского стяжания, от которого ты обнажил себя при отречении от мира? — Если же ты тогда, бедностью предупрежденный, не имел что оставить; то тем менее следует тебе теперь приобретать то, чем прежде не владел. Это, по особенному Божию благоволению к тебе, ты так приготовлен был (бедностью к отречению от мира) — для того, чтобы, не воспящаемый никакими путями стяжаний, тем поспешнее ты притек к Нему. Впрочем, да не унижается никто из бедных за это (что не имеет что оставить); ибо никого нет, кто бы не имел, что оставить. От всех стяжаний мира отрекся тот, кто с корнем отсек самую страсть к приобретению их [27].

81. Эту добродетель нестяжательности сохранить целою и неповрежденною мы иначе не можем, как живя в монастыре, если, по апостолу, *имея пищу и одежду, сими довольны будем* (1 Тим. 6, 8) [29].

82. Итак, держа в памяти осуждение Анании и Сапфиры, убоимся удерживать что-либо из того, что совершенно оставить дали обет, намереваясь отрещись от мира. Страшась также примера Гиезия, который за грех сребролюбия наказан неисцельною проказою, поопасемся стяжевать то, чем прежде не владели. Равно ужасаясь как злодеяния Иудина, так и исхода его, будем всеми силами избегать собирания снова денег, от которых отказались однажды навсегда. Сверх же всего этого помышляя о смертности нашего естества и неизвестности часа смертного, поопасемся, чтобы день Господень, наступив, как тать в нощи, не застал нашей совести запятнанною стяжанием хотя бы и одного овала; ибо он и один, упразднив все плоды нашего мироотречения, сделает, что сказанное в Евангелии богачу гласом Господа, будет обращено и к нам: *безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут?* (Лк. 12, 20).

И нимало не думая о завтрашнем дне, никак не попустим себе уклониться от устава общежития. Чего, без сомнения, мы никак не сможем исполнить, не сможем также мирно прожить под правилами монастырского устава, если в нас не будет прежде на прочном основании утверждена добродетель терпения, источником коего служит не другое что, как смирение [30, 31].

4) Борьба с духом гнева (Кн. 8)

83. В четвертой брани предлежит нам с корнем исторгнуть из глубины нашей души смертоносный яд гнева. Ибо доколе он гнездится в сердцах наших, и ослепляет око ума нашего пагубным мраком, дотоле мы не можем ни стяжать правильного различения добра и зла, и остроты досточестного созерцания, ни обладать зрелостью совета, ни быть причастниками жизни, ни держаться неуклонно правды, ни даже воспринимать истинный духовный свет; ибо сказано: *смятеся от ярости око мое* (Пс. 6, 8); не можем соделаться причастниками мудрости, хотя бы мнением всех были провозглашаемы премудрыми, так как *ярость в недре безумных почивает* (Еккл. 7, 10); не можем достигнуть и жизни долговечной, хотя бы по определению людей почитаемы были разумными, потому что *гнев губит и разумныя* (Притч. 15, 1); не сможем всегда добре держать весы правды по указанию сердца, ибо *гнев мужа правды Божия не соделовает* (Иак. 1, 20); никоим образом не можем обладать и важною почтенностью, так обычною даже и между людьми века этого, хотя бы по преимуществам рождения почитаемы были знатными и почтенными, так как *муж ярый неблагообразен* (Притч. 11, 25), никак не можем обладать и зрелостью совета, хотя бы казались стяжавшими обширные познания, ибо *острояростный без совета* все *творит* (Притч. 14, 17); не можем быть покойны от тревог и смущений, и свободны от грехов, хотя бы от других вовсе не было нам причиняемо беспокойств, так как *муж гневливый* (сам после) *воздвизает свар: муж же ярый открывает* (обнаруживает не стыдясь) *грехи* (Притч. 29, 22) [1].

84. Некоторые, усиливаясь извинить эту пагубную болезнь души, покушаются умалить ее (непотребность) при помощи непотребнейшего толкования Писаний, говоря: не беда, если гневаемся на братий погрешающих, так как и Сам Бог воспламеняется гневом и яростью против тех, которые или не хотят знать Его, или, зная, не чтут как должно, — как например: *и разгневася яростию Господь на люди Своя* (Пс. 105, 40), или как в другом месте, где пророк молится, говоря: *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене* (Пс. 6, 2). И не разумеют они, что вместе с тем, как через это дают людям свободу действовать по этой страсти на пагубу себе, еще и Богу беспредельному, источнику всякой чистоты, нечестиво приписывают нечистую плотскую страсть [2].

85. Если эти и подобные места Писания понимать буквально, в грубом чувственном значении; то выйдет, что Бог спит и пробуждается, сидит и ходит, обращается к кому и отвращается от него, приближается и удаляется, — и члены телесные имеет: главу, очи, руки, ноги и под. Как этого всего без крайнего святотатства нельзя буквально разуметь о Том, Кто, по свидетельству Писания же, невидим, неописуем, вездесущ, — так без богохульства нельзя приписывать Ему и возмущение гневом и яростью. Под названием телесных членов и движений обозначаются Божественные свойства и промыслительные о нас действия, которые мы удобнее можем понять под этими уподобительными названиями: очи означают Божие всевидение и всеведение, руки и ноги — Его творчество и промышление, мышцы — силу и вседержительство и проч. Так и о гневе или ярости Божией, когда читаем, должны разуметь то нечеловекообразно, но достойно Бога, чуждого всякого возмущения, — именно под этим понимать, что Он есть Судия и праведный воздаятель за все, неправо делаемое в мире этом, и устрашаясь, при чтении такого рода изречений, праведного наказания Божия, всячески остерегаться делать что-либо противное воле Его [3, 4, сокращенно].

86. Да будет убо монах, стремящийся к совершенству и подвигам духовным, законно подвизаться желающий, чужд всякого

движения страсти гнева и ярости, слыша, что заповедует ему избранный сосуд: *всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула да возмется от вас, со всякою злобою* (Еф. 4, 31), — который, говоря: всякий *гнев да возмется от вас*, не изъял из-под такого приговора никакого движения гнева, будто необходимого или полезного. Почему монах и поспешая, если необходимо, врачевать согрешающего брата, пусть делает это так, чтобы, когда заботится подать лекарство страждущему очень легкою, может быть, лихорадкою, разгневавшись, не ввергнуть себя самого в худшую того болезнь ослепления. Ибо тому, кто хочет залечить рану другого, надо самому быть здорову и свободну от всякой болезни, чтобы не сказано было ему оное евангельское слово: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4, 23), — также: *что видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть во оце твоем, не чуеши? Или како речеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего; и се, бервно во оце твоем?* (Мф. 7, 3-4) [5].

87. От какой бы причины ни возгоралось движение гнева, оно ослепляет очи сердца и, налагая покров на остроту умного зрения, не дает видеть Солнца правды. Все равно, золотой ли лист, или свинцовый, или из другого какого металла наложен будет на глаза, ценность металлов не делает разности в ослеплении. — Бывает, впрочем, от гнева и услуга нам очень пригодная, когда рассерживаемся, досадуя на сладострастные движения нашего сердца, и негодуем, что в тайниках нашей груди поднимается то, что делать или о чем даже говорить стыдимся перед людьми, трепеща от страха при мысли о присутствии Ангелов и Самого Бога, везде и всепроницающего, и о всевидящем Оке Божием, от Которого никак не могут укрыться никакие тайны нашей совести. Или когда против этого самого гнева рассерживаемся, зачем он вкрался, возбуждая нас против брата, и с гневом извергаем пагубные его внушения, не давая ему на зло нам укрываться в тайниках груди нашей. Так гневаться научает нас и пророк, который столь решительно отревал от своих чувств эту страсть, что и врагам своим явным, даже от Бога преданным в руки его, не хотел воздавать воздаяние. —

Так, когда Семей, бросая камни в царя Давида, вслух ему злословил его перед всеми, и Авесса, сын Саруин, в отмщение за такое оскорбление царя, хотел отъять его голову, блаженный Давид, подвигшись благочестивым негодованием против такого его внушения, сохранил непоколебимою свою кротость и показал образец смирения и твердого терпения, говоря: *что мне и вам, сынове Саруины? Оставите его, и тако да проклинает, яко Господь рече ему проклинати Давида: и кто речет: почто сотворил еси тако? Се, сын мой, изшедый из чрева моего, ищет души моея, а кольми паче сын Иеминиев; оставите его проклинати мя, яко рече ему Господь. Негли призрит Господь на смирение мое, и возвратит ми благая вместо клятвы его во днешний день* (2 Цар. 16, 10-12) [6, 7].

88. Таким образом, нам разрешается гневаться, но спасительно, то есть на себя самих и на привходящие худые помыслы, — гневаться на них и не согрешать, то есть не приводить их в дело на пагубу себе. Этот же самый смысл яснее выражает и следующий стих: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся* (Пс. 4, 5), то есть что помышляете вы в сердцах своих, по причине вторжения внезапных удобосмутительных внушений, то, после того как мирным рассуждением успеете утишить всякий шум и бурность гнева, и как бы на покойное возлечь ложе, исправляйте и заглаждайте спасительным сокрушением. И блаженный Павел, воспользовавшись указанием этого стиха, после того как сказал: *гневайтеся и не согрешайте,* прибавил: *солнце да не зайдет во гневе вашем: ниже дадите места диаволу* (Еф. 4, 26-27). Если пагубно допускать, чтобы солнце правды заходило во гневе нашем, и если мы, разгневавшись, тотчас даем место диаволу в сердце своем, то как пред этим повелел гневаться, говоря: *гневайтеся и не согрешайте*? Не явно ли он выражает этим следующее: гневайтесь на свои страсти и на самый гнев ваш, чтобы иначе, при вашем потворстве, не начало в омраченных гневом умах ваших заходить Солнце правды — Христос, и с отхождением Его не дали вы места в сердцах ваших диаволу [8].

89. В иносказательном смысле, под солнцем можно понимать разум, который справедливо называется солнцем, ради того, что освещает все помышление и стремление сердца нашего, — и под запрещением гнева видеть заповедь не погашать этого светила страстью гнева; чтобы, с захождением его, не занял всего сердца нашего мрак бурного смятения с производителем его диаволом, и мы, объятые тьмою гнева, не остались, как бы в темную ночь, в неведении, что нам делать. В таком смысле понимать это место апостола предано нам в наставлениях старцев, которые не дозволяют нам допускать даже на один момент вкрадываться в сердце наше гневу, всевозможно блюдясь попасть под кару, изреченную на это в Евангелии: *всяк гневаяйся на брата своего... повинен есть суду* (Мф. 5, 22). Притом, если бы позволительно было продолжать гневаться до захождения солнца, страсть гнева, пользуясь таким разрешением, всегда спешила бы удовлетворять своему мщению, будто законно, прежде чем солнце познает запад свой [9].

90. Что же сказать о тех, кого неумолимости не полагает предела даже самозаходящее солнце; но которые многие дни держат злобу на тех, против которых рассердились? Пусть они на словах иногда говорят, что не гневаются, но дела нередко явно обличают в них сильное негодование, когда, например, они не обращаются к ним с приличною речью и не разговаривают с обычною ласковостью. Им думается, что они при этом не грешат, потому что не ищут отмщения своему раздражению. Но они только не смеют или не могут обнаружить его, в сердце же кипят им, и молча переживают его, и через то обращают яд гнева в свою пагубу; они не изгоняют тотчас силою души горечь досады, но переваривают ее в течение многих дней, и кое-как со временем немного укрощают [10].

91. Как будто не удовлетворяет уже своему мщению и досаде тот, кто из внушаемого гневом исполняет только что может! Так и делают те, которые сдерживают гневные движения не по желанию миролюбия, а по немощи мщения, срывая его, однако же, чем могут. Ибо не имея возможности причинить тем, на коих рассердились, ничего более, как чтобы не говорить с ними

с обычною ласковостью, этим и срывают свое на них сердце. Как будто довольно умерять гнев в обнаружении его делом, а исторгать его из тайников сердца нет нужды, — чтобы, омрачившись его тьмою, не лишиться здравой рассудительности и света ведения, и не перестать быть храмом Духа Святого, при обитании в нас духа гнева. Ибо затаенный в сердце гнев, хотя людей предстоящих не оскорбляет, но светлейшее сияние Духа Святого выживает, все равно как и гнев обнаруженный [11].

92. И как можно думать, что Бог послабляет нам хоть одну минуту держать гнев, когда Он не дозволяет приносить жертвы духовных молитв наших, если сознаем не то, что мы гневаемся на другого, а что другой имеет нечто на нас, говоря: *аще принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. 5, 23. 24.)? — Как же думать, что нам дозволяется держать скорбь на брата, не говорю, многие дни, но хоть бы до заката солнца, если, даже тогда как он имеет нечто на нас, не дозволяется нам приносить молитвы свои Богу, — нам, которым от апостола заповедуется: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17), и: *хощу, да молитвы творят мужие на всяцем месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления (*1 Тим. 2, 8)? — Итак, если будем держать такой яд в сердцах своих, то нам остается — или никогда не молиться, и таким образом быть виновными перед апостольскою и евангельскою заповедью, коею повелевается нам непрестанно и на всяком месте молиться, — или, — если как-нибудь обморочивая себя дерзнем изливать молитву свою, не смотря на запрещение ее, — знать, что в таком случае не молитву Господу приносим, а изъявляем гордую непокорность, в духе бунта против Него [12].

93. Но что нам долее останавливаться на евангельских и апостольских заповедях, когда и ветхий закон, который, кажется, несколько послабляет немощам нашим, тоже предостерегает от этого, говоря: *да не возненавидиши брата твоего во уме твоем* (Лев. 19, 17), — и опять: *путие злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28), — и еще: *да не отмщает рука твоя, и да не*

враждуеши на сыны людей своих (Лев. 19, 18)? — Видишь, что и там неблагорасположенность к братиям отсекается не в деле только, но и в тайных помышлениях, когда повелевается с корнем извергать из сердца ненависть, и за обиду не только не воздавать, но даже и не помнить о ней [14].

94. Иногда, побежденные гордостью или нетерпением, когда чувствуем особое внутреннее понуждение исправить свой нестройный и беспорядочный нрав, жалуемся в себе, что не достает нам пустыни, в том, подразумевается, чаянии, что там, не будучи никем тревожимы, тотчас приобрели бы мы добродетель терпения, извиняя, очевидно, тем свое нерадение (об укрощении порывов гнева), и причину возбуждения их не своему приписывая нетерпению, а слагая на братий. Но если мы будем таким образом на других слагать причины нашей в этом неисправности, то никогда не возможем прийти в должную меру терпения и совершенства. Дело исправления и умирения сердца нашего не помещай в руках произволения другого, нашей власти нимало не подлежащего, но вадь[1] его в благонастроении нашего произволения. Чтобы нам не приходить в гнев, это должно зависеть не от совершенства другого, но от нашей добродетели, стяжеваемой не чужим терпением, а собственным великодушием [15, 16].

95. К тому же искать пустыни следует совершенным и очищенным от всякой страсти, или по выварении начисто всех страстей в обществе братий, и вступать в нее не по малодушному бегству, а по желанию достигнуть высоты божественного созерцания, которая и совершенными не может быть иначе приобретена, как в пустыне. Ибо какие страсти перенесем мы в пустыню неуврачеванными, те будут чувствоваться скрытыми в нас, а не истребленными. И пустыня как для очищенных сердцем прибрегает чистейшее созерцание и в приискреннейшем видении открывает ведение духовных таин, так обыкновенно и страсти тех, кои не очистились от них, не только сохраняет, но еще усиливает. В таком случае иной дотоле кажется

[1] От «вадить» – манить, привлекать.

себе терпеливым и смиренным, пока ни с каким человеком не видится и не входит в сношение; но тотчас возвращается к прежнему своему нраву, как только какой-либо случай вызовет его к движению: тогда тотчас выникают из него страсти, которые скрывались, и, как необузданные кони, откормленные в долгом бездействии, с большим стремлением и неистовством вырываются из своих затворов на погибель своего всадника. Ибо страсти, не будучи наперед очищены, более неистовыми делаются в нас, когда пресекаются случаи обнаружения и обуздания их среди людей. И самую тень терпения, которым, как воображалось, мы, живя в смешении с братиями, по-видимому, обладали, и которое проявляли, по крайней мере из уважения к ним и стыда показаться пред всеми малодушными, теряем мы в беззаботной пустыне беспечности [17].

96. Подобно это тому, как все роды ядовитых змей или зверей, пока укрываются в пустыне и в своих норах и логовищах, не вредят, — и однако же не провозглашаются из-за того безвредными, что никому в таких случаях не вредят: ибо это бывает тогда не по доброкачественности их, а потому что такими быть необходимо вынуждает их пустыня; как же скоро улучат они возможность вредить, тотчас износят и обнаруживают скрывающиеся в них яд и зверство. — Так-то и ищущим совершенства не довольно не гневаться на людей (когда нет с ними сношений и столкновений. Гнев при этом жив, только притаился, и готов тотчас обрушиться на что ни попало). Припоминаю, как, живя в пустыне, рассерживался я иногда на писчую трость, если не нравилась толстота или тонкость ее, — иногда на ножичек, если, когда режешь им, он, затупившись, не скоро резал, — иногда на кремень, если не скоро вылетала из него искра огня, когда спешишь к чтению; и движение негодования при этом вторгалось иногда такое, что невольно вырывалось из уст проклятие на бездушную вещь, или уж непременно на диавола: чем и испарялось смущение, — и душа успокаивалась. Таким образом, в деле совершенства мало принесет пользы отсутствие людей, на которых возбуждался бы гнев, когда, если наперед не будет приобретено терпение, страсть гнева может

упражнять свои силы и на вещах немых и на безделицах; ибо оставаясь в сердце нашем, она не дает нам ни достигнуть мирного устроения, ни освободиться от прочих страстей [18].

97. Почему если желаем достигнуть того высшего Божественного блага, о котором, говорится: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8); то не только из действий наших должны отторгнуть эту страсть, но и с корнем исторгнуть ее из глубин души. Ибо не слишком-то много будет пользы подавлять неистовство гнева в слове и не обнаруживать его в действии, если Бог, от Которого не укрываются тайны сердечные, будет видеть его в сокровенностях сердца. Евангельское слово и заповедует иссекать паче корни страстей, чем плоды их, которые по исторжении корней, конечно, не будут уже более распложаться, — а душа получит, таким образом, возможность постоянно пребывать во всяком терпении и святости, когда гнев не только будет устранен с поверхности нашей деятельности и наших поступков, но и исторгнут из сокровенностей помышлений. И потому надо убивать гнев и ненависть, чтобы не впасть в грех человекоубийства, которое без них не может быть допущено. Ибо *всяк гневаяйся на брата своего всуе повинен есть суду* (Мф. 5, 22); и — *всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15). Поскольку он в сердце желает погибнуть тому, на кого серчает; то, хотя у людей не признается он пролившим кровь собственною рукою или мечом, по страсти же гнева провозглашается убийцею от Господа, Который не за производство только действия, но и за намерение воли воздаст каждому или наградою, или наказанием, как Сам Он говорит через пророка: *Аз дела их и помышление их вем, и гряду собрати вся народы...* (Ис. 66, 18). И апостол: *между собою помыслом осуждающим или отвещающим в день, егда судит Бог тайная человеком* (Рим. 2, 15, 16) [19].

98. Итак, подвижнику Христову, законно подвизающемуся, надлежит с корнем вырвать из себя страсть гнева. Для совершенного же уврачевания этой болезни потребно такое лечение: прежде всего уверовать, что гневаться не подобает ни под каким видом, ни по праведным ни по неправедным причинам, —

зная, что коль скоро источный наш свет, свет нашего сердца будет помрачен тьмою его, то мы тотчас потеряем и свет различения вещей, и твердость благоразумия и благопристойность, и мерило правды; потом держать убеждение, что если дух гнева замедлит в нас, то вследствие того неизбежно помутится чистота духа нашего, и он никак уже не может быть храмом Духа Святого; наконец, помышлять и о том, что нам, пока пребываем в гневе, никак нельзя будет молиться и изливать пред Богом прошения свои. Паче же всего, имея пред очами неизвестность предела человеческой жизни, будем постоянно думать, что мы можем переселиться из тела каждый день, и что нам нимало не помогут там ни соблюдение чистоты целомудрия, ни отречение от всех имуществ, ни презрение богатства, ни труды постов и бдений, когда за один гнев и ненависть Судия вселенной угрожает вечными муками [21].

5) Борьба с духом печали (Кн. 9)

99. В пятой брани предлежит нам отбивать остны всепожирающей печали, — которая если как-нибудь получит возможность обладать нашим сердцем, то пресекает видение божественного созерцания, и душу всю, низвергши с высот святого благонастроения, расслабляет вконец и подавляет: ни молитв не дает ей совершать с обычною сердечною живостью, ни чтению Священных книг — этому духовному орудию и врачевству — не допускает прилежать, ни мирною и тихою с братиями быть не оставляет, — ко всем также обязательным делам послушания делает нетерпеливою и ропотливою и, отняв всякое здравое рассуждение и возмутив сердце, делает ее как бы обезумевшею и опьянелою, и сокрушает и подавляет пагубным отчаянием [1].

100. Почему если желаем законно трудиться в подвигах духовной брани, то с не меньшим вниманием должны врачевать и эту болезнь. Ибо *якоже молие в ризе, и червие в древе, тако печаль мужу вредит сердце* (Притч. 25, 21), — как ясно и определенно выразил силу этой зловредной и пагубнейшей страсти Божественный Дух. Как одежда, изъеденная молью, не имеет уже никакой цены и не гожа более на честное употребление, —

и как дерево, червями источенное, уже не на постройку или украшение какого-нибудь здания, хотя бы и посредственного, заслуживает быть отложенным, а на сожжение огнем: так и душа, пожираемая угрызениями всесокрушительнейшей печали, не гожа уже бывает ни для того первосвященнического облачения, которое миро Духа Святого, с неба сходящее прежде на браду Аарона, принимает потом на ометы свои, как это изображается в пророчестве святого Давида в следующих словах: *яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его* (Пс. 132, 2), — ни для построения и украшения того духовного храма, которого основание положил Павел, премудрый архитектор, говоря: вы *храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16), и на который какие идут дерева, то описывает Невеста в Песни Песней, говоря: *преклади дому нашего кедровии, дски наши кипарисныя* (Песн. 1, 16). И вот такие-то породы деревьев избираются для храма Божия: и благовонные, и не гниющие, которые не подлежали бы ни порче от ветхости, ни точению червей [2, 3].

101. Иногда болезнь эта имеет обычай порождаться от предшествовавшей страсти или гнева, или похотения, или любостяжания, когда кто испытывает потерю предвзятой в уме надежды удовлетворения их делами или вещами по роду их; иногда же без всяких наличных причин, могших ввергнуть нас в эту пропасть, по воздействию лукавого врага, внезапно схватывает нас такая прискорбность, что мы не бываем в состоянии принять с обычною приветливостью посещение даже самых дорогих и нужных нам лиц, и чтобы ни было ими сказано в подходящем разговоре, почитается тогда нами неуместным и лишним; и не дается им никакого приятного ответа, по причине преисполнения всех изгибов сердца нашего желчною горечью [4].

102. Этим наияснейше доказывается, что не всегда по вине других возбуждаются в нас остны прискорбностей, но паче по собственной нашей; потому что мы сами в себе носим причины всех восскорбений, именно в семенах страстей, которые, как только оросит душу нашу дождь искушений, тотчас прорываются в ростках и плодах своих. Никто никогда не понуждает-

ся ко греху, хотя бы дурной пример других возбуждал его к тому, если он не имеет сокрытой в сердце своем материи того греха. И никак нельзя верить, чтобы, например, кто тогда только внезапно воспринял страсть срамного похотения (не зная ее прежде), когда, взглянув на красивую женщину, поражен был ее красотою; но надо паче полагать, что если он при этом вожделел ее, то это потому, что воззрение на нее вывело наружу скрывающуюся внутри болезнь. Почему нам надо на то преимущественно обратить все попечение, чтобы свои очистить страсти, и свои исправить чувства и расположения [5, 6, 8].

103. Есть еще и иной род печали — непотребнейший, когда она в душу согрешившую влагает не намерение исправить жизнь и очиститься от страстей, а пагубнейшее отчаяние. Она-то ни Каину не дала покаяться после братоубийства, ни Иуде не попустила после предательства взыскать средств удовлетворения, а увлекла его, через внушенное ею отчаяние, к удавлению [9].

104. Полезною для нас должны мы почитать печаль только в таком случае, когда мы восприемлем ее, быв подвигнуты или раскаянием во грехах, или горячим желанием совершенства, или созерцанием будущего блаженства. О ней и блаженный Павел говорит: *печаль, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовает: а сего мира печаль смерть соделовает* (2 Кор. 7, 10) [10].

105. Но та печаль, которая соделовает покаяние ко спасению несомненно верному, благопокорлива, приветлива, смиренна, кротка, приятна и терпелива; так как она, исходя из любви к Богу, хотя по желанию совершенства неутомимо простирается к телесному самоозлоблению и сокрушению духа, но в то же время как бы бывает обрадываема и оживляема надеждою преуспеяния, и потому удерживает всю приятность приветливости и благодушия, имея в себе все плоды Духа Святого, которые исчисляет тот же апостол: *плод духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22-23). А эта — мира этого печаль — крайне ропотливая, нетерпеливая, жесткая, исполненная отталкивающей

строптивости, бесплодного горевания и пагубного отчаяния; того, кого обымет, она расстраивает и отвлекает от всякого занятия и спасительного о себе болезнования, и не только пресекает действо молитвы, но и опустошает все сказанные выше плоды духовные, которые обыкновенно доставляет та *печаль, яже по Бозе* [11].

106. Почему кроме той печали, которая восприемлется или по спасительному покаянию, или по ревности о совершенстве, или по возжеланию будущих благ, всякая другая, как мирская и смерть приносящая, должна быть отреваема и совсем извергаема, наравне с духом блуда, сребролюбия и гнева [12].

107. Эту пагубнейшую страсть можем мы изгонять из себя, если, занимая непрестанно душу свою духовным поучением, будем оживлять и восставлять ее надеждою и созерцанием будущего блаженства. Этим способом можем мы преодолеть все роды печалей, и те, которые исходят от предшествовавшего гнева, и те, которые приходят от потери прибыли и понесения убытка, и те, которые рождаются от нанесенной нам обиды, и те, которые происходят от неразумного расстройства душевного, и те, которые ввергают нас в смертное отчаяние: ибо при этом, всегда обрадываемы бывая созерцанием вечных будущих благ и пребывая неподвижно в таком настроении, мы не будем ни падать духом в обстоятельствах несчастных, ни возноситься в счастливых, смотря на те и другие как на ничтожные и скоро преходящие [13].

[К утолению духа печали читай еще седьмое отделение выписок из святого Кассиана, — о борьбе с бедствиями и скорбями].

6) Борьба с духом уныния (Кн. 10)

108. Шестая борьба предлежит нам со страстью, которую греки называют ἀχηδία, и которую мы можем назвать унынием, скукою или тоскою сердечною. Она сродна печали, испытывается наипаче странствующими по пустыням иноками, и есть неприязненный враг пребывающих в уединении, и всякого монаха беспокоит, особенно около шестого часа (по-нашему 12-й

час в полдень), как лихорадка какая, в определенные часы нападающая на больную душу, со своими всерасстраивающими действиями. Некоторые старцы называют ее бесом полуденным, о котором поминается в 90 псалме [1].

109. Когда уныние нападет на бедную душу инока, то порождает ужасание от места, отвращение к келлии и презрение к братиям, с ним живущим или на некотором от него расстоянии, как к нерадивым и совсем не духовным, самого же его совсем разленивает и отбивает от всякого дела, каким обычно занимается он в своем обиталище. И в келлии сидеть отбивает оно у него охоту, и к чтению приступить не допускает, и заставляет воздыхать и жаловаться, что, столько времени проживши здесь, нимало не преуспел и никакого не стяжал плода духовного, и болезновать внушает, что остается в этом месте попусту и, когда мог бы управлять другими и многим приносить пользу, никого здесь не воспитал, и никого своим наставлением и учением не породил духовно. Затем оно расхваливает ему отдаленные монастыри, и места те описывает, как более полезные к преуспеванию духовному, и более могущие способствовать ко спасению, и общение там с братиями рисует преприятным и исполненным духовного назидания; напротив, что тут у него, то представляет несносным, напоминая, что от братий, здесь пребывающих, никакого нет назидания, а все нужное для содержания тела добывается только с безмерным трудом. Наконец внушает оно уединеннику, что, пребывая в этом месте, не может он спастись, если, оставя келлию, в которой ему, если еще долее будет медлить в ней, придется погибнуть, как можно скорее не переселится отсюда в другое место. После этого часу в пятом и шестом оно в такое изнеможение приводит тело его, и такой возбуждает голод, что он чувствует себя как бы долгим путем и самым тяжелым трудом утомленным и изможденным, или как бы перенесшим двухдневный и трехдневный пост без подкрепления себя пищею. И вот озирается он в беспокойстве туда и сюда, вздыхает, что нейдет к нему никто из братий, часто выходит из келлии и входит в нее, и на солнце посматривает, будто оно не так скоро

спешит к закату. В таком неразумном смятении ума, как бы мраком покрывшись, становится он не способным ни к какому духовному деланию и начинает думать, что против такой напасти не может найтись никакое другое средство, кроме посещения какого-либо брата или утешения себя сном. Тут начинает этот разорительный дух подносить боримому им, что надобно сделать необходимые поздравления братиям, или посетить больных, вблизи или вдали находящихся, внушает также, как долг какой, что надо бы найти здесь таких-то и таких-то родственников или родственниц, и почаще ходить к ним с визитами, — что такую-то благочестивую и Богу посвятившую себя женщину, лишенную, однако же, всякого пособия от родных, было бы великим делом благочестия почаще посещать и доставлять ей все, в чем она имеет нужду, так как свои родные небрегут о ней, — и что больше в такого рода делах благочестия надо трудиться, чем бесплодно и без всякого преуспеяния сидеть в келлии [2].

110. Так волнуется бедная душа, запнутая такими вражескими кознями, пока утомленный духом уныния инок или в постель попробует броситься, или, оставя келейный затвор, попытается поискать избавления от такой напасти в посещении какого-либо брата. Но это последнее, чем он пользуется в настоящее время как врачевством, спустя немного, обратится в руках врага в средство к еще большему его расстроению. Ибо враг чаще и ожесточеннее будет нападать на того, кто, как узнал он на деле, тотчас обращает к нему тыл, как только завяжется борьба, и спасение себе чает не от победы и не от противоборства, но от бегства; пока он мало-помалу отбившись от келлии, начнет забывать о главном деле своего звания, состоящем в стремлении к Божественной, всепревосходящей чистоте, которая нигде не может быть достигнута, как только в безмолвном всегда пребывании в келлии и непрестанном божественном поучении. Так воин Христов наконец убегает из своего воинства, впутывается в житейские дела и становится уже неугодным *Воеводе* (см. 2 Тим. 2, 4), под Которым служить обещался [3].

111. Блаженный Давид весьма прекрасно выразил все пагубные последствия от этой болезни в следующем стихе: *воздрема душа моя от уныния* (Пс. 118, 28). И подлинно, не тело, а душа дремлет в это время. Ибо душа, уязвленная стрелою этой разорительной страсти, действительно засыпает для всякого стремления к добродетели и наблюдения за своими духовными чувствами [4].

112. Итак, истинный воин Христов, желающий законно подвизаться в борьбе за совершенство, и эту также болезнь должен стараться изгонять из тайников души своей, и против этого непотребнейшего духа уныния смело вооружаться противоборством, — чтобы ни от уязвления стрелою сна не пасть, ни беглецом не выступить из затвора своего уединилища, хотя бы то под благовидным предлогом благочестия [5].

113. Ибо кого начнет он преодолевать с какой-либо стороны, того или оставит пребывать в келлии без всякого успеха, как ленивого и беспечного, или, выгнав оттуда, сделает прочее праздношатающимся и ленивым на всякое дело, заставит его постоянно обходить келлии братий и монастыри, и ни о чем другом не промышлять, как только, где бы и под каким бы предлогом найти себе случай пообедать в следующий раз. Ибо ум празднолюбца ни о чем другом не помышляет, как о пище и чреве, пока, встретив где-либо содружество в каком-либо мужчине или женщине, цепенеющих в такой же холодности, ввяжется в их дела и нужды. Спутавшись же мало-помалу такими пагубными для души его занятиями, как бы в змеиных кольцах стиснутый, никогда уже потом не сможет он развязаться с ними, чтобы обратиться к брошенным делам прежнего звания [6],

114. Итак, главное, что производит в нас дух уныния, есть то, что он разленивает, от дел отбивает и праздности научает. Почему и противодействие ему главное будет: не уступай, сиди за делом. В этом отношении мы можем принять как врачевательный рецепт от уныния то, что святой Павел писал к солунянам о труде: *молим же вы, братие... любезно прилежати, еже безмолвствовати и деяти своя и делати своима рукама* (1 Фес. 4, 10, 11).

Говорит: *любезно прилежати, еже безмолвствовати,* — то есть пребывайте безмолвно в своих келлиях, чтобы от разных молв, которых нельзя миновать праздноходящему туда и сюда, не потерять своего покоя внутреннего, и не начать потом причинять такое же беспокойство и другим; *деяти своя,* — то есть, увлекаясь любопытством, не старайтесь узнавать о делах мира и разведывать о повелении разных братий, — чтобы вместо попечения об исправлении себя самих и ревнования о стяжании добродетелей не навыкнуть иждивать время свое на осуждение и оклеветание братий; и *делати своима рукама,* то есть, сидя в келлии, прилежите рукоделию. Этим отсек Он самую возможность того, от чего перед этим отклонял. Кто любит сидеть за работою, тому некогда ходить туда и сюда, разведывать чужие дела, вмешиваться в них и пересуждать их. Во втором же послании к тем же солунянам он к этому прибавляет: *повелеваем вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякого брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (2 Фес. 3, 6). Здесь уже не молит, а повелевает, и не голым словом, а именем Господа нашего Иисуса Христа, давая разуметь, что это — неотложная заповедь. Из дальнейшей речи видно, что это есть заповедь о труде, чуждающийся которого не должен быть терпим в обществе христианском. — Итак, он повелевает удаляться от тех, которые не хотят трудиться, и отсекать их, как члены, поврежденные растлевающею праздностью, чтобы болезнь ничегонеделания, как смертоносная зараза, не прилипла и к здравым членам тела. И в этом уже было сильное побуждение к трудолюбию, но он еще более усиливает его, ставя им себя в пример, которому они подражать должны (2 Фес. 3, 7). Мы, говорит, живя у вас *ни у кого не ели хлеба даром* (2 Фес. 3, 8), хотя Господь *проповедующим Евангелие* повелел ясти *от благовестия* (1 Кор. 9, 14). Когда, таким образом, и тот, кто проповедовал Евангелие и совершал столь высокое духовное дело, даром не принимал пищи; то что скажем в оправдание своей лености мы, которым не только не поручена никакая проповедь слова, но и никакой другой заботы не заповедано, кроме попечения об одной душе своей? В какой надежде

мы осмелимся с праздными руками даром есть хлеб, которого сосуд избранный, обязанный заботами о проповеди Евангелия, не дозволял себе есть не от труда рук своих? Чтобы не показалось, впрочем, что Его собственный пример — исключительный, и предлагается не как образец для подражания всем, апостол внушает, что не он один так поступал, но и все бывшие с ним, то есть Сила и Тимофей, которые это пишут с ним, занимались тоже трудами рук. — Чтобы не вздумал кто уклоняться от подражания его примеру, представляя, что они все работали молча, не имея намерения дать пример, обязывающий и нас к труду, он сказывает, что они имели власть не работать, и работали, *да себе образ дамы вам, во еже уподобитися нам* (2 Фес. 3, 9), — чтобы, если словесное учение, часто влагаемое в уши ваши, забудете, по крайней мере примеры наши, представленные очам вашим, вы удержали в памяти. Наконец, после стольких убеждений, апостол употребляет в отношении к ним уже не совет учителя или врача, но авторитет апостольской власти, говоря: *аще кто не хощет делати, ниже да яст* (2 Фес. 3, 10)! Это — приговор на предполагаемых или предвидимых презрителей этой заповеди, изрекаемый с седалища апостольского суда [сокращенно, гл. 7-12].

115. И в Послании к ефесеем апостол об этом самом труде предписывал, говоря: *крадый к тому да не крадет, но паче да труждается, делая своима рукама благое, да имать подаяти требующему* (Еф. 4, 28). Также в Деяниях апостольских находим, что он не только учил этому, но и сам действовал так. Ибо когда он пришел в Коринф, то не захотел остановиться в другом месте, а у Акилы и Прискиллы, потому что они были мастера того же ремесла, каким он сам обыкновенно занимался, — с очевидным намерением работать с ними вместе (Деян. 18, 1-3). Потом, когда плывя в Иерусалим, останавливался он в Милете, то, послав оттуда в Ефес, призвал к себе пресвитеров ефесской Церкви и, давая им наставления, как в его отсутствие управлять Церковью Божиею, говорил, что ни денег, ни одежды он от них не искал, — что нуждам его и сущим с ним послужили собственные его руки, — и что делал это он для того, чтобы показать,

что, так трудясь, надлежит помогать неимущим, помня заповедь Самого Господа, — что *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20, 33-35). Так, давая пример трудолюбия, он вместе научает, что помогать нуждающимся лучше из приобретенного потовым трудом, нежели из того, что иным каким путем попадает в руки. Если же так действует и монах; то он тогда украшен бывает двоякою добродетелью: отвержением всех вещей стяжевает совершенную нищету Христову, — и своим трудом и расположением показывает щедрость богатого, — почитая Бога от своих праведных трудов и принося Ему жертву от плодов своей правды [сокращенно, гл. 17-19].

116. Египетские отцы никак не позволяют монахам быть праздными, особенно молодым, рачительностью к труду измеряя состояние сердца и меру преспеяния в терпении и смирении. Они не только ничего не принимают для употребления на свое пропитание, но и от своих трудов питают приходящих братий и странников, и посылают в места Ливии, бедствующие от бесплодия и голода, также и в города томимым в грязных темницах доставляют большое количество пищи всякого рода, веруя, что таким пожертвованием от плода рук своих они приносят приятную Господу жертву. — На этот предмет у древних отцов Египта составилась еще и такая поговорка: работающего монаха искушает один бес, а на праздного нападает бесчисленное множество бесов [гл. 22. 23].

117. Когда я, начав жить в пустыне, сказал авве Моисею (Ливийскому; его 1 и 2 собеседования), что вчера был я крайне расслаблен недугом уныния и не мог иначе освободиться от него, как сходивши к авве Павлу Нет, ты не освободил себя от него, сказал он мне, но паче показал себя ему преданным и покорным. Ибо после оно сильнее будет нападать на тебя, как на труса и беглеца, увидев, как ты с первой схватки дал себя победить и тотчас убежал с поля брани; если только не решишься ты в другие раза вступить в борьбу с этим врагом, не начав отражать его жаркие нападения оставлением келлии или погружением в сон, но побеждать его терпением и противоборством. Так опытом доказалось, что не бежать надобно от натиска уныния,

уклоняясь от борьбы с ним, а побеждать, мужественно сопротивляясь ему [25].

7) Борьба с духом тщеславия (Кн. 11)

118. Седьмая брань предлежит нам с духом тщеславия, — разновидным, изменчивым и тонким, так что с самыми острозоркими глазами едва можно не только предостеречься от него, но его рассмотреть и узнать. Прочие страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна, и отовсюду и со всех сторон встречает воина, и когда он еще борется, и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностью и походкою, и голосом, и работою, и бдениями, и постами, и молитвою, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостью, и повиновением, и смирением, и благодушием — и, как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причинит внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре [1, 3].

119. Итак, желающему идти царским путем с *оружиями правды десными и шуими,* должно, по апостольскому учению, ровно проходить *славою и безчестием, гаждением и благохвалением* (2 Кор. 6, 7-8), и с крайней осторожностью направлять свое шествие путем добродетели, среди вздымающихся волн искушений, под управлением рассуждения и веянием Духа Господня, зная, что как скоро мы хоть немного уклонимся направо или налево, то тотчас разобьемся о гибельные подводные скалы. Почему и слышим от премудрого Соломона увещание*: не уклонися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27), — то есть не льсти себе из-за добродетели, и духовными успехами своими не превозносись, равно как, и уклоняясь на шуюю стезю страстей, не ищи, по апостолу, себе от них славы в срамоте твоей (см. Флп. 3. 19). Диавол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неуклюжею, неопрятною и нищенскою; кого не мог ввергнуть в эту страсть честью, того подбивает на нее уничижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением

красно говорить, у того вызывает это важничанием в молчании. Если кто явно постится, то тревожим бывает суетною славою; а если кто из презрения к такой славе станет скрывать пост, то терпит нападение от самовозношения. Чтоб не запятнаться приражением тщеславия, иной избегает совершать долгие молитвы на виду у братий; но начав упражняться в них тайно, никого не имея свидетелем такого делания, не избегает он трубления пред собою. Прекрасно наши старцы изображают свойство этой болезни, сравнивая ее с луком и чесноком, которые по снятии одного покрова оказываются опять покрытыми другим таким же, и сколько раз ни снимай покровов, они все оказываются покрытыми [4, 5].

120. Оно не перестает преследовать даже и того, кто, бегая славы, укрывается в пустыне от всякого общения со смертными; и чем дальше кто убегает от мира, тем ожесточеннее оно нападает на него. Из живущих же в обителях иного покушается оно ввергнуть в превозношение тем, что он более всех терпелив в деле и труде; другого тем, что он паче всех скор на послушание; иного тем, что он превосходит всех других смирением. Иной искушается этим по причине обширности познаний, иной — по причине долгого сидения за чтением, иной — по причине длительности бдений. И всякого эта болезнь усиливается уязвить собственными его добродетелями, в том устрояя претыкание в пагубу, чем снискиваются плоды жизни. Так и для желающих проходить путь благочестия и совершенства враги-наветники не инде скрывают сети прелести, как на том же пути, по которому они шествуют, по изречению блаженного Давида: *на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне* (Пс. 141, 4), — чтобы мы, на том именно самом пути добродетелей, коим течем, стремясь к почести вышнего звания, превознеслись своими успехами, спотыкались и, запутавшись в сети тщеславия, падали, имея связанными ноги души своей. Таким образом и бывает, что тогда как остаемся мы не побежденными нападением противника, бываем побеждаемы высотою нашего над ним торжества [6].

121. Все другие страсти, будучи преодолеваемы, увядают и, будучи побеждаемы, с каждым днем становятся все слабее; также под влиянием места или времени истощаются они и стихают; или всячески, по причине их раздора с противоположными им добродетелями, удобнее бывает предостерегаться от них и избегать их. Но эта — будучи поражена, с большим ожесточением восстает на брань, и когда почитается испустившею дух, через смерть свою делается еще более живою, здоровою и мощною. Прочие страсти тиранствуют только над теми, которых победили в борьбе; а эта победителей своих еще ожесточеннее теснит, и чем сильнее была поражена, тем чрезмернее борет помыслом возношение по случаю победы над собою. В том особенно и видится тонкая хитрость врага, что по его козням воин Христов падает от собственных стрел, после того как сам он не мог его победить своими вражескими оружиями. [7].

122. Прочие страсти, как мы сказали, успокаиваются под влиянием иной местности, также стихают и истощаются при удалении предмета греха, или удобства к нему и повода; а эта проникает в пустыню с убегающим туда от нее, и никакой местности не боится, равно как не изнемогает и от удаления с глаз предмета; потому что она почерпает мужество не инде где, как из успехов в добродетели того самого, на кого нападает. Прочие страсти, как мы сказали там впереди, с продолжением времени иногда смягчаются и исчезают; а этой долговременность не только не вредит, но еще больше собирает пищи для ее суетности [8].

123. Наконец, прочие страсти, как состоящие в раздоре с противоположными им добродетелями и воюющие открыто, как в ясный день, легче побеждать, и удобнее предостерегаться от них; а эта, протеснившись между добродетелями и смешавшись с нашим войском, сражается, как бы в темную ночь, и тем жесточае прельщает, что не ожидают и не опасаются ее нападения [9].

124. Читаем, что Езекия, царь иудейский, муж совершенной праведности во всем, одною стрелою возношения был низложен,

и — кто одною молитвою мог испросить избиения 185 тысяч ассирийского войска, тот побежден суетным славолюбием, — кто, после определением Божиим назначенного предела жизни и дня смерти, по своей молитве удостоен продления жизни еще на 15 лет, с удостоверением в том через возвращение солнца на 10 степеней, тот, после такого свидетельства о своей добродетели и такого знамения Божия к нему благоволения, за одно превозношение и возмечтание о себе все потерял, и не только себя, но и весь народ свой подверг гневу Божию, — и такому гневу, что когда, смирившись, стал умолять Бога со всем народом своим, то мог испросить только то, чтобы гнев тот не пришел во дни его (см. 4 Цар., гл. 20; 2 Пар., гл. 32). Так гибельна и тяжко грешна страсть превозношения! [10, сокращенно].

125. Озия, прадед упомянутого царя, также восхваленный свидетельством Святого Писания, когда после многих добродетелей и многих прехвальных дел и учреждений ко благу народа, превознесся тщеславным высокоумием и *обиде Господа Бога своего* не угодным Ему делом, тотчас ниспал с высоты славы своей и казнен проказою (2 Пар. гл. 26). Вот и другой пример тяжкого падения! Видите отсюда, как пагубны бывают счастливые успехи, когда при них не блюдут себя от тщеславия и превозношения, и как в таком случае такие себе не внемлющие и не блюдущиеся, не бывая сокрушены в трудных обстоятельствах, жесточае поражаются по поводу преодоления их и, избегая опасности смерти во время брани, падают по поводу торжества и побед [11 перифраз].

126. Почему апостол увещевает: *не бываим тщеславни* (Гал. 5, 26). И Господь, обличая фарисеев, говорит: *как вы можете веровати,* когда *славу друг от друга приемлюще, а славы, яже от единого Бога, не ищете* (Ин. 5, 44). О таких и блаженный Давид с угрозою говорит: *Бог разсыпа кости человекоугодников* (Пс. 52, 6) [12].

127. Тщеславие новоначальных и тех, которые мало еще преуспели в добродетелях и в ведении духовном, обыкновенно превозносит или за тон голоса, то есть что приятнее других поют, или за то, что они тощи плотью, или красивы телом, или

что имеют родителей богатых и благородных, или что презрели военную службу и почести. Иному оно внушает, что если бы остался он в мире, то легко стяжал бы и почести и богатство, хотя он никогда и не мог бы их достигнуть, — распаляя его таким образом принесением в жертву безвестных надежд и заставляя тщеславиться оставлением того, чем никогда не владел [13].

128. На иного напускает оно желание священства или диаконства, рисуя ему в мысли, что он с такой святостью и строгостью исполнял бы тогда свое дело, что и прочим священникам мог бы послужить примером святости, а кроме того, многим доставил бы пользу и своим повелением и сказыванием поучений. Иногда и того, кто живет в пустыне или уединенничает в келлии, заставляет оно мечтать в уме своем, будто он обходит домы разных лиц и монастыри и действием своих воображаемых убеждений многих обращает на путь должной жизни. И водится таким образом бедная душа туда и сюда такою суетностью, бредя как бы в глубоком сне, и, увлеченная сладостью таких помышлений и такими мечтами исполненная, большею частью бывает не в состоянии замечать ни своих действий, ни присутствия братий, если бы они в самом деле были перед глазами, будучи вся сладостно погружена, как в истинно происходящее, в то, чем, не спя, бредит, как во сне, в блуждании помыслов своих [14].

129. Помню, что, когда я жил в пустыне Скитской, один старец, придя в келлию одного брата для посещения его, услышал, что тот внутри что-то говорит, и приостановился, желая узнать, что такое читает он из Святого Писания, или на память что прочитывает, как там есть обычай делать это за работою. Приложив поближе ухо, благочестивый наблюдатель услышал, что брат, будто в церкви, предлагает поучение народу. Это значило, что он, духом тщеславия обольщенный, представлял себя иереем и исполнял мечтательно лежавшее на нем дело. Подождав еще немного, старец услышал, что брат кончил поучение, и, переменив должность, будто уже в сане диакона, начал возглашать: оглашеннии изыдите. Старец постучал в дверь. Брат,

вышедши, встретил его с обычною почтительностью и, вводя внутрь, спрашивал, давно ли он пришел, делая вид, что беспокоится, не долго ли пришлось ему стоять вне, и не потерпел ли он от этого чего неприятного, — на деле же совестью угрызаемый за свои мечты и за то, что делал вследствие их. Старец ласково ответил: я только что пришел, как ты возглашал: оглашении изыдите [15].

130. Это здесь поместить я потому счел нужным, чтобы мы, имея пред очами полное изображение, с какою силою и в каком порядке нападают на нас страсти, которыми бедная душа бывает терзаема, могли быть более внимательны к себе, и через то удобнее избегать сетей и западней вражеских. Так и египетские отцы поступают. Они, не колеблясь, все подобное износят на среду, и рассказами своими о других и о себе, — как бы и они все еще испытывали то, о чем рассказывают, — раскрывают и обнажают перед юными монахами борение всех страстей, и таких, какие уже претерпевают эти юные, и таких, какие еще имеют претерпевать, чтобы через такое изложение ими обольщения всех страстей, горящие духом новоначальные познали секреты настоящих своих браней и, видя их как в зеркале, уразумевали как причины борющих их страстей, так и средства против них, относительно же будущих бранных схваток, прежде чем они придут, наперед знали, как предостерегаться от них, как выступать против нападающих и как сражаться с ними. Как искуснейшие из врачей имеют обыкновение не только настоящие болезни врачевать, но и будущим по своей прозорливой опытности противодействовать, предупреждая их предостерегательными наставлениями или целительными питьями: так и эти истиннейшие врачи душ, духовным своим наставлением, как бы неким противоядием (антидотом), наперед убивая болезни сердец, какие имели бы возникнуть, не дают им юнеть в душах юных иноков, открывая им и причины нападения страстей, и целительные против них средства [16].

131. Воин Христов, желающий законно подвизаться истинным духовным подвигом, всеми мерами должен стараться победить этого многообразного и разновидного зверя. И во-первых,

мы можем избежать самой встречи с этою многочастною, отовсюду против нас готовою выбежать непотребностью, если, содержа в мысли оное Давидское изречение: Господь *разсыпа кости человекоугодников* (Пс. 52, 6), ничего не будем дозволять себе делать или предпринимать с тщеславным намерением стяжать суетную славу. Потом сделанное с добрым начинанием надобно нам усиливаться и сохранить с подобным же добрым блюдением, чтобы после того не прокралась болезнь тщеславия и не опустошила плодов всех трудов наших. Также что в повелении братий не принято в общий обычай и не делается всеми, то со всем старанием надо отклонять, как дело хвастливое, и того, что может сделать нас заметными среди других, и что, поелику мы одни то делаем, может стяжать нам славу у людей, всячески избегать. Этими себя выказываниями наипаче и обнаружится, что к нам пристала смертельная зараза тщеславия: чего, однако же, мы могли бы избежать, если бы содержали в мысли, что не только совсем потеряем плод трудов наших, какие подымаем с тщеславным намерением, но и виновными сделаемся в большем преступлении и, как святотатцы, должны будем понести вечные муки; так как к оскорблению Бога восхотели для людей делать дело, которое должны были делать для Него, и через то людей предпочли Богу, и славу мира — славе Божией, — как обличит нас тогда ведущий сокровенное Бог [18].

8) Борьба с духом гордости (Кн. 12)

132. Восьмая и последняя брань предлежит нам с духом гордости. Страсть эта, хотя в порядке изображения борения со страстьми полагается последнею, но по началу и времени есть первая. Это самый свирепый и самый неукротимый зверь, нападающий особенно на совершенных и с лютым грызением пожирающий их, когда они достигают почти уже самой вершины добродетелей [1].

133. Гордости два рода: первый тот, которым, как сказали мы, поражаются мужи высокой духовной жизни; а другой захватывает новоначальных и плотских. И хотя оба эти рода гордости воздымают пагубное возношение как перед Богом, так

и перед людьми; однако же тот первый прямо относится к Богу, а второй собственно касается людей. Начало этой последней и средства против нее мы исследуем, если Бог даст, в последних главах этой книги (с 24-й); а теперь о той первой, которою искушаются, как мы выше сказали, преимущественно совершенные, намерение у нас есть немного порассудить [2].

134. Нет никакой другой страсти, которая бы так истребляла все добродетели и так обнажала и лишала человека всякой праведности и святости, как эта злая гордость: она, как всеобъемлющая некая зараза, не довольствуется расслаблением одного какого члена или одной части, но все тело повреждает смертельным расстройством, и стоящих уже на высоте добродетелей покушается низвергнуть тяжким крайне падением и сгубить. Всякая другая страсть довольствуется своими пределами и своею целью, и, хотя тревожит и другие добродетели, однако же против одной главным образом направляется, ее преимущественно теснит и на нее нападает. Так — чревоугодие, то есть страсть к многоядению или сладкоядению, портит строгое воздержание, похоть оскверняет чистоту, гнев прогоняет терпение. Так что иногда преданный одной какой-либо страсти не совсем бывает чужд других добродетелей, но по сгублении той одной добродетели, которая падает от ревниво вооружившейся против нее противоположной ей страсти, прочие может хотя отчасти удерживать: а эта, коль скоро овладеет бедною душою, то как какой-нибудь свирепейший тиран, по взятии самой верхней крепости добродетелей (смирения), весь их город до основания разрушает и разоряет. Высокие некогда стены святости сравняв и смешав с землею пороков, никакому уже потом знаку свободы в душе, ему покоренной, не попускает он остаться, чем более богатую пленит он душу, тем более тяжкому игу рабства подвергает ее, обнажив от всего имущества добродетелей с жесточайшим ограблением [3].

135. Желаешь ли точнее узнать меру силы этого жесточайшего тирана, приведем себе на память, как такой ангел, которого за чрезмерность его блеска и красоты назвали Люцифером, низвергнут с неба не за другое что, как за эту страсть, и

как он, уязвленный стрелою гордости, из такого высшего чина блаженных Ангелов ниспал в преисподнюю. Итак, если такую бесплотную силу, украшенную столь значительными преимуществами, одно возношение сердца могло низринуть с неба на землю, то с какою бдительностью надобно остерегаться этого нам, облеченным бренною плотью, это показывает великость того разрушительного падения. А как нам избежать пагубнейшей заразы этою страстью, сему можем научиться, проследив начало и причины сказанного падения. Ибо нельзя врачевать какую-либо немощь или определять лекарства против каких-либо болезней, если наперед внимательным изысканием не будут исследованы их начала и причины. Этот (архангел) одетый Божественною светлостью, сияя паче других высших Сил по щедродательности Создателя, возомнил, что этим блеском премудрости и этою красотою добродетели, какими украшался по благодати Творца, обладает он естественными своими силами, а не по великодаровитости Божией. И вознесшись по этой причине, почел себя равным Богу, как ни в чем не имеющий нужды подобно Богу, — как будто для пребывания в такой чистоте не имел он нужды в Божественной помощи. Так всецело положился он на силу своего свободного произволения, веря, что ею одною будет ему в избытке доставляемо все, потребное для полного совершенства в добродетелях и для непрерывности верховного блаженства. Это одно помышление сделалось для него первою причиною пагубного падения. За нею, будучи оставлен Богом, в Котором почел себя не имеющим нужды, и тотчас сделавшись оттого неустойчивым и влающимся, он и немощность собственной своей природы почувствовал, и блаженство, которым по дару Божию наслаждался, потерял. Так, поелику *возлюбил* он *глаголы потопныя,* (Пс. 51, 6) в которых величаясь говорил: *на небо взыду* (Ис. 14, 13), и *язык льстив,* коим, себя обманывая, говорил: и *буду подобен Вышнему* (Ис. 14, 14), как потом обманул Адама и Еву, внушая им: *будете, яко бози:* то вот ему приговор: *сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгнет тя, и преселит тя от селения твоего... Узрят праведнии и убоятся, и о нем возсмеются и рекут: се, человек, иже не положи*

Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею (Пс. 51, 7-9). Последние слова (*се, человек*) весьма справедливо могут быть обращаемы и к тем, которые надеются достигнуть высшего блага без Божия покрова и помощи [4].

136. Вот причина первого падения и начало главной страсти, — которая потом через того, кто первый был ею уязвлен, вкравшись в первозданного, произрастила всемножество страстей. И он, — первозданный, — поверив, что одною силою своего свободного произволения и своими усилиями может достигнуть славы Божества, потерял и ту, которую получил по благости Создателя [5].

137. Так примерами и свидетельствами Святого Писания наияснейше доказывается, что страсть гордости, несмотря на то, что в порядке духовных браней есть самая последняя, по началу однако же есть самая первая, и есть источник всех грехов и преступлений. Она не как прочие страсти, не одну только противоположную себе добродетель губит, то есть смирение, но есть губительница и всех вместе добродетелей, и искушает не каких-нибудь посредственных и ничтожных, а особенно таких, которые стоят на высоте могущества. Ибо так упоминает об этом духе пророк: *пищи своя избранныя* (Авв. 1, 16). Поэтому и блаженный Давид, хотя с таким вниманием оберегал тайники своего сердца, что к Тому, от Кого не сокрыты были тайны его совести, с дерзновением возглашал: *Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостеся очи мои, ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене* (Пс. 130, 1), — и еще: *не живяше посреде дому моего творяй гордыню* (Пс. 100, 7); однако же зная, как трудно даже и для совершенных уберечься от всякого движения этой страсти, не полагался в этом на одни свои усилия, но в молитве испрашивал помощи у Господа, да даст ему избежать уязвления стрелою этого врага, говоря: *да не приидет мне нога гордыни* (Пс. 35, 12), (то есть не дай мне, Господи, сделать какой шаг по внушению гордости), — боясь и страшась, как бы не подвергнуться тому, что говорится о гордых:

Господь гордым противится (Иак. 4, 6), — и еще: *нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5) [6].

138. Сколь великое зло есть гордость, когда для противостояния ей мало Ангелов и других противных ей Сил, но для этого воздвигается Сам Бог. Заметить надобно, что апостол не сказал о тех, которые опутаны прочими страстями, что они имеют противящимся им Бога, то есть не сказал: Бог чревоугодникам, блудникам, гневливым, или сребролюбцам противится, но одним гордым. Ибо те страсти или обращаются только на каждого из погрешающих ими, или по-видимому пускаются на соучастников их, то есть других людей; а эта собственно направляется против Бога, и потому Его особенно и заслуживает иметь противником себе [7].

139. Сетей этого непотребнейшего духа можем мы избежать, если о каждой из добродетелей, в которых чувствуем себя преуспевающими, будем говорить с апостолом: *не аз же, но благодать Божия, яже со мною,* — и: *благодатию же Божиею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10), — и: *Бог бо есть действуяй в* нас, *и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13), — как говорит и Сам Совершитель нашего спасения: *иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), — и припевает Псалмопевец: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. 126, 1). И ничья из хотящих и текущих воля не достаточна к тому, чтобы облеченный воюющею против духа плотью мог без особенного покрова Божественного милосердия достигнуть совершенной чистоты и непорочности, и за то удостоиться получить то, чего так сильно желает и к чему так течет. Ибо *всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть сходяй от Отца светов* (Иак. 1, 17). *Что же имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися яко не приемь?* (1 Кор. 4, 7) [9, 10].

140. Я говорю это не с тем, чтобы, уничижая человеческие усилия, хотел отклонить кого-либо от заботливого и напряженного труда. Напротив, я решительно утверждаю, — не моим мнением, но старцев, — что совершенство без них никак

не может быть получено, и ими одними без благодати Божией оно никем не может быть доведено до надлежащей степени. Ибо мы как говорим, что усилия человеческие сами по себе без помощи Божией не могут его достигнуть, так утверждаем, что благодать Божия сообщается только трудящимся в поте лица, или, говоря словами апостола, даруется только хотящим и текущим, судя и потому, что в 88-м псалме поется от лица Божия: *положих помощь на сильнаго, вознесох избраннаго от людей* (ст. 20). Хотя по слову Господа говорим мы, что просящим дается, толкущим отверзается и ищущими обретается; но прошение, искание и толкание сами по себе не довлетельны к тому, если милосердие Божие не даст того, чего просим, не отверзет того, во что толкаем, и не даст найти то, что ищем. Оно готово даровать нам все это, как только мы дадим ему к тому случай, привнесением своей доброй воли: ибо гораздо более, чем мы, желает и ожидает нашего совершенства и спасения. И блаженный Давид так глубоко сознавал невозможность получить успех в своем деле и труде собственными только усилиями, что удвоенным прошением просил сподобиться, да Господь Сам исправит дела его, говоря: *и дела рук наших исправи на нас, и дело рук наших исправи* (Пс. 89, 17), — и опять: *укрепи Боже сие, еже соделал еси в нас* (Пс. 67, 29) [14].

141. Итак, надлежит нам так стремиться к совершенству, прилежа постам, бдениям, молитвам, сокрушению сердца и тела, чтобы, преисполняясь гордостью, не делать всего этого напрасным. Мы должны веровать, что не только самого совершенства не можем достигнуть собственными усилиями и трудами, но и то самое, в чем упражняемся для достижения его, то есть подвиги и разные духовные делания, не можем как должно совершить без помощи благодати Божией [16].

142. Мы должны всегда возносить благодарение Богу не только за то, что Он создал нас разумными, одарил способностью свободного произволения, даровал благодать крещения, дал в помощь ведение закона, но и за то, что Он подает нам каждодневным Своим о нас промышлением, именно: освобождает от наветов вражеских, содействует нам преодолевать

плотские страсти, покрывает нас без ведома нашего от опасностей, ограждает от впадения в грех, помогает нам и просвещает в познании и уразумении требований закона Его, тайно вдыхает сокрушение о нерадении и прегрешениях наших, спасительно исправляет нас, удостаивая особенного присещения, иногда даже против воли влечет нас ко спасению. — Наконец, самое свободное произволение наше, более склонное ко страстям, Он направляет к лучшему душеполезному действованию и обращает на путь добродетели присещением Своего воздействия на него [18].

143. Вот в чем, собственно, состоит смирение пред Богом, вот в чем вера древнейших отцов, пребывающая даже доселе незапятнанною и у их преемников. Об этой их вере дают несомненное свидетельство апостольские силы, проявленные ими не только у нас, но и между неверными и маловерными [19].

144. Иоас, царь иудейский, сначала был похвальной жизни; но потом, возгордившись, предан был бесчестным и нечистым страстям (см. Рим. 1, 26), или по апостолу: *в не искусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 28). Таков закон правды Божией, что кто не раскаянно наполняется гордостным превозношением сердца, тот предается на посрамление гнуснейшей плотской срамоте, чтобы, будучи уничижен таким образом, он восчувствовал, что если он оказывается теперь так оскверненным, то это потому, что прежде не хотел сознать глубочайшей и важнейшей нечистоты от гордостного превозношения, и чтобы, сознав это, возревновал очистить себя от той и другой страсти [21, перифраз сокращенно].

145. Итак, очевидно, что никто не может достигнуть последнего предела совершенства и чистоты иначе, как смирением истинным, которое он, видимо свидетельствуя пред братиями, изъявляет также и пред Богом в сокровенностях сердца своего, веруя, что без Его покрова и помощи, в каждый момент его посещающих, никак не может он достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием течет [23].

146. Доселе, сколько дозволяла скудость нашего дарования, при помощи Божией довольно сказали мы о духовной гордости,

которою, как сказано, искушаются совершенные. Этот род гордости не многим известен, и не многими испытывается, потому что не многие стараются стяжать совершенную чистоту сердца, чтобы дойти до таких браней. Она обыкновенно борет только тех, которые, победив все другие страсти, находятся уже почти на самом верху добродетелей. Хитрейший враг наш, поелику не мог одолеть их, влеча к плотскому грехопадению, то теперь покушается запнуть их и низринуть падением духовным, замышляя через него лишить их всех прежних плодов, стяжанных с большим трудом. Впрочем, нас, которые еще опутаны плотскими страстями, он вовсе не удостаивает искушать таким образом, но запинает грубою и, так сказать, плотскою надменностью. И потому об этой, в которую впадать подвергаемся опасности наипаче мы, или люди нашей меры, и особенно души юных или новоначальных иноков, необходимым почитаю немного потолковать по нашему обещанию [24].

147. Эта плотская, как мы сказали, гордость, если, после не добре и без должной ревности положенного начала отречения от мира останется в душе монаха, то, не попуская ему от прежней мирской надменности низойти до истинного смирения Христова, сначала делает его непокоривым и упрямым; потому не дает ему быть кротким и обходительным, равно как вести себя в уровень со всеми братиями и жить как все, не выдаваясь; особенно не уступает, чтобы он, по заповеди Бога и Спаса нашего, обнажился от всякого земного стяжания; и между тем, как отречение от мира ничто иное есть, как показание умертвия всему и креста, и не может в истинном виде быть начато и созидаться на других основаниях, как чтобы сознавать себя не только всем делам мира этого духовно умершим, но веровать, что и телесно имеет умереть каждый день, — она, напротив, наущает ему чаять долговечной жизни, представляет впереди разные продолжительные болезни, колеблет стыдом и смущением, если, оставшись безо всего, начнет содержание иметь из чужих, а не из своих источников, и внушает, что пищу и одежду гораздо лучше доставать себе на свои, чем на чужие средства, напоминая в подтверждение этого следующее изречение:

блаженнее есть паче даяти, нежели примати (Деян. 20, 35), — которое в каком смысле сказано, никогда не могут уразуметь эти одебелевшие и охладевшие сердцем [25].

148. Инок, так не добре начавший свое мироотречение, никогда не может вместить истинного простого смирения Христова. Он не перестанет или хвалиться знатностью рода, или надмеваться прежним мирским чином, который оставил только телом, а не сердцем, или возноситься деньгами, удержанными при себе на свою пагубу, потому что из-за них не может уже он ни спокойно нести иго монастырских порядков, ни подчиняться наставлениям какого-либо старца. Кем овладеет гордость, тот унизительным для себя считает соблюдать какие-либо правила подчинения или послушания, даже неохотно слушает и общее учение о совершенстве духовной жизни, иногда же и полное питает к нему отвращение, особенно когда, обличаемый совестью, приимет подозрение, что оно намеренно направлено против него. В последнем случае сердце его еще более ожесточается и возгорается гневом. После чего бывает у него громкий голос, грубая речь, строптивый с горечью ответ, гордая и подвижная походка, неудержимая говорливость. Таким образом, бывает, что духовное собеседование не только никакой не приносит ему пользы, но, напротив, оказывается вредным, делаясь для него поводом к большему греху [сокращенно, гл. 27].

149. Слышал я, что один из юных иноков, когда авва укорял его, зачем он, оставя смирение, которое являл несколько времени по отречении от мира, начал надмеваться диавольскою гордостью, — с крайним высокомерием ответил ему: разве я для того несколько времени смирял себя, чтобы навсегда быть подчиненным? При этом столь необузданном и преступном ответе старец так изумился, что речь его порвалась, как будто он услышал такие слова не от человека, а от самого древнего Люцифера, и он ни одного звука не мог испустить из уст своих против такой дерзости, а только одни испускал из сердца воздыхания и стенания, молча повторяя в уме сказанное о Спасителе нашем: *Иже, во образе Божии сый... смирил Себе, послушлив*

быв не на время (как говорит этот, одержимый диавольским духом надмения), но *даже до смерти* (Флп. 2, 6, 8) [28].

150. Эта плотская гордость вот в каких действиях проявляется: в говорении ее бывает крикливость, в молчании — досадливость, при веселости — громкий, разливающийся смех, в печали — бессмысленная пасмурность, при отвечании — колкость, в речи легкость, слова как попало вырывающиеся, без всякого участия сердца. Она не знает терпения, чужда любви, смела в нанесении оскорблений, малодушна в перенесении их, тяжела на послушание, если не предваряет его ее собственное желание и воля, на увещание непреклонна, к отречению от своих волений не способна, к подчинению чужим крайне упорна, всегда усиливается поставить на своем решении, уступить же другому никогда согласна не бывает; и таким образом бывает, что, сделавшись не способною принимать спасительные советы, она более верит своему мнению, чем рассуждению старцев [29].

151. По таким степеням ниспадения тот, кем овладевает однажды гордость, спустившись долу, с ужасом отвращается уже от строгого общежительного благочиния, и, — полагая, что если он мало подвигается на пути к совершенству, — то это потому, что его замедляет в этом сообщение с братиями, и что если он мало успевает в стяжании терпения и смирения, то это по вине других, по препонам с их стороны, — принимает желание жить в уединенной келлии или даже предприемлет устроить особый монастырь в видах привлечения многих к строгой жизни, и спешит собрать долженствующих последовать его учению и наставлению, делаясь таким образом из непотребного ученика непотребнейшим учителем [30].

152. Итак, если хотим, чтобы здание наше поднялось до самого верха и было угодно Богу, то постараемся положить основание ему не по самоугодливой воле нашей, а по точному евангельскому учению, по которому таким основанием может быть не что другое, как страх Божий и смирение, порождаемое кротостью и простосердечием. Смирение же не может быть приобретено без обнажения от всего, без коего никак нельзя утвердиться ни в добром повиновении, ни в твердом терпении,

ни в невозмутимой кротости, ни в совершенной любви; а без этих сердце наше отнюдь не может быть жилищем Святого Духа, как возглашает об этом Господь через пророка: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес моих* (Ис. 66, 2) [31].

153. Почему воин Христов, который, законно подвизаясь подвигом духовным, желает быть увенчанным от Господа, должен всячески постараться истребить и этого лютейшего зверя, как поглотителя всех добродетелей, будучи уверен, что пока он будет в его сердце, то ему не только нельзя будет освободиться от всех страстей, но, что если возымеет он сколько-нибудь добродетели, и та погибнет от его яда. Ибо в душе нашей никак не может быть воздвигаемо здание добродетелей, если наперед в сердце нашем не будут положены основы истинного смирения, которое будучи наипрочнейше сложено, только одно и сильно сдерживать до верха возведенное здание совершенства и любви. Для этого надлежит нам, во-первых, перед братиями нашими с искренним расположением изъявлять истинное смирение, ничем не позволяя себе опечалить их или оскорбить, — чего никак не можем мы исполнить, если по любви ко Христу не будет в нас глубоко укоренено истинное от всего отречение, состоящее в полном обнажении себя от всякого стяжания; во-вторых, надлежит в простоте сердца и без всякого притворства воспринять иго послушания и подчинения, так, чтобы кроме заповеди аввы, никакая другая воля отнюдь не жила в нас; что никем не может быть соблюдаемо, кроме того, кто не только возымел себя мертвым для мира этого, но и почитает неразумным и глупым, и без всякого размышления исполняет все, что ни прикажут старцы, по вере, что все то священно и от Самого Бога возвещается [32].

154. Когда будем мы держаться в таком настроении; тогда за этим без всякого сомнения последует такое невозмутимое и неизменное состояние смирения, что, почитая себя низшими всех, самым терпеливым образом будем мы переносить все, нам причиняемое, сколь бы оно ни было напрасленно,

оскорбительно или даже вредно, — так как то налагаемо было бы на нас от наших начальственных отцов (как послушание или испытание). И не только легко все такое будет нами переносимо, но и почитаемо малым и ничтожным, если притом постоянно будем содержать в памяти и чувстве страдания Господа нашего и всех святых, потому что тогда напраслины, нами испытываемые, будут казаться нам на столько легче, насколько далеко отстоим мы от их великих дел и многоплодной жизни. Воодушевление к терпению, отсюда исходящее, еще будет сильнее, если при этом будем помышлять, что скоро переселимся и мы из этого мира и по скором конце нашей жизни тотчас станем соучастниками их блаженства и славы. Такое помышление губительно не только для гордости, но и для всех страстей. После этого следует нам крепко-накрепко держать такое смирение и перед Богом: что будет нами исполнено, если будем питать убеждение, что мы сами собою, без Его помощи и благодати, ничего не можем сделать, что относится к совершенству добродетели, и будем искренно верить, что и то самое, что успели мы уразуметь, есть Его дар [33].

6

Борьба с помыслами и через них со злыми духами, сопровождающая всякие другие борьбы и переживающая их все

155. ***Вопрос.*** Никакого не видим успеха в установлении внимания, при всем старании. Ума никак не удержишь от блужданий. Даже и тогда, как чувствуешь, что сердце сочувственно устремляется к определенному созерцанию, ум, нечувствительно оттуда спустившись, с безмерною быстротою впадает в обычные свои скитания. Так неисчетное число раз каждый день отводится он в плен своими парениями туда и сюда. Потому берет даже отчаяние достигнуть когда-либо желаемого исправления этой немощи, и думается, что напряжение внимания на это дело есть напрасный труд, когда видишь, что душа, несмотря на то, все же каждую минуту быстрыми полетами пу-

скается блуждать. Привлечешь ее страхом Божиим к духовному созерцанию, но она, прежде чем установится в нем, опять мгновенно исчезает из вида. И тогда, как упредив ее намерение бежать, схватишь ее в самом начале и опять повлечешь к созерцанию, от которого стала отступать, намереваясь, как бы какими узами связать ее напряженнейшим вниманием сердца, — она во время этого самого труда над нею успевает ускользнуть из внутреннего святилища быстрее, чем угорь из рук рыболова. Трудясь таким образом каждый день со всем усердием над хранением мыслей, и не видя никакого в том успеха, невольно приходишь к заключению, что такие блуждания мыслей не от нас, а верно, такова уж природа наша [Соб. 7, 3].

156. ***Ответ.*** Так скоро делать заключения, не исследовав дела как должно, небезопасно. По своему бессилию или неумению успеть в чем-либо, полагать, что такой успех и ни для кого не возможен, несправедливо. Это похоже на то, как если бы кто, не умея плавать и искусственно держаться на воде, заключит, что как его тело по тяжести своей не может держаться на воде, тела же у всех такие же, как и его тело, то и ничье тело не может держаться на воде, и никто, следовательно, не может плавать, — такова уж природа тел, что плавать нельзя. Как бы ни казалось ему правым такое заключение, но опыт его не оправдывает. Таково и ваше суждение. Ум наш по природе своей не может оставаться праздным; почему неизбежно ему, — если не имеет в себе наперед предусмотрительно заготовленных предметов, над которыми упражнял бы он свои движения, и которыми бы постоянно занимался, — по своей подвижности убегать туда и сюда, и повсюду летать, пока долговременным упражнением и постоянным навыком, — что вы называете напрасным трудом, — из опыта узнает, какие надлежит ему заготовить в своей памяти материалы, чтобы около их вращаться в своих неутомимых полетах, и через неотступное пребывание в этом труде стяжать силу отражать противоположные им внушения врага, которыми развлекаем был прежде, и таким образом непоколебимо пребывать в том состоянии (невозмутимости и внутреннего покоя), которого желает. Итак, не следует

нам непостоянство беспорядочного блуждания помыслов приписывать человеческой природе, или Богу — Творцу ее. Ибо истинно слово Писания, что *Бог сотворил человека права-го, а сии* (люди) *взыскаша помыслов многих* (Еккл. 7, 30). Следовательно, качество помыслов от нас зависит. И Псалмопевец говорит: *блажен муж, емуже есть заступление его у Тебе: восхождения в сердце своем положи* (Пс. 83, 6). Видите, что в нашей состоит власти полагать в сердцах своих или восхождения, то есть до Бога достигающие помышления, или нисхождения, то есть помыслы, ниспадающие долу, к вещам земным и плотским. Если бы помыслы не в нашей состояли власти, то Господь не упрекнул бы фарисеев: *вскую вы мыслите лукавая в сердцах своих?* (Мф. 9, 4). И через пророков не повелевал бы: удалите худые помыслы ваши от очей Моих (см. Ис. 1, 16), — и: доколе будут медлить в тебе порочные мысли твои? (см. Иер. 4, 14) [Соб. 7, 4].

157. То правда, что многие суетные помыслы даже против воли нашей тревожат нас и почти без нашего ведения обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы не только не можем воспрепятствовать их входу, но и с великим трудом узреваем их; но принимать их или отвергать возможно всякому, кто при помощи Божией употребит на то свое старание и усилие. Как возникновение их не зависит от нас, так отвержение или приятие их состоит в нашей воле. Впрочем, и в самом приражении помыслов не все надобно приписывать набегу помыслов или тем духам, которые стараются всеять их: но от нас зависит исправить качество помыслов, и сделать, чтобы в сердцах наших возникали духовные — святые помыслы вместо плотских земных, если не всегда, то наибольшею частью. Когда кто разумно и тщательно поучается в Святом Писании, упражняется в псалмах и пении, пребывает в посте и бдении, непрестанно памятует о будущем — о Царстве Небесном, о геенне огненной, — и о всех делах Божиих; тогда худые помыслы уменьшаются и появляются реже. Когда же кто, напротив, занимается мирскими заботами и плотскими делами, и вдается в суетные и праздные беседы, тогда худые помыслы умножаются в нас [Соб. 1, 16, 17].

158. Деятельность ума нашего хорошо сравнивается с мельничным жерновом, который от стремительного течения воды быстро вертится кругом. Он никак не может перестать вертеться, движим будучи водою; но во власти приставника состоит, пшеницу ли молоть или жито, или куколь растирать. Так и ум наш в течение настоящей жизни, будучи непрестанно приводим в движение устремляющимися на него отовсюду потоками впечатлений, не может быть праздным от волнения помыслов; но какие из них принимать или усвоять себе, это зависит от нашей воли и усмотрения. Если мы, как сказано, постоянно будем заниматься поучением в Святом Писании, память наполнять духовными предметами, питать желание совершенства и надежду на получение будущего блаженства, то от этого будут возникать духовные помыслы, и ум наш держать в непрестанном помышлении о тех предметах, в которые мы углублялись. Если же, по беспечности и нерадению, будем заниматься предметами страстей и праздными беседами, или вдаваться в мирские попечения и суетные заботы, то по роду их будут потом рождаться и помыслы, как плевелы, и давать сердцу нашему работу зловредную, по изречению Господа Спасителя: где будет сокровище дел ваших и вашего внимания, там необходимо пребудет и сердце ваше (см. Мф. 6, 21) [Соб. 1, 18].

159. Ведать подобает, что есть три начала наших помыслов: от Бога, от диавола и от нас. От Бога, — когда Он удостаивает нас посетить просвещением Святого Духа, возбуждая в нас или рвение к высшему преуспеянию или сокрушение о малоуспешности и поблажках лености и беспечности; или когда открывает нам небесные тайны и намерения наши обращает к лучшим делам. Так Господь внушил Артаксерксу спросить памятные книги; и он, узнав по ним о благодеяниях Мардохея, тотчас отменил прежнее свое жестокое определение об избиении народа иудейского (Есф., гл. 6). Так и апостолам обетовано: *не вы будете глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10, 20). От диавола происходят помыслы, когда он покушается преткнуть нас, возбуждая через них страстное услаждение, или с лукавейшею хитростью представляет зло под видом добра, *преобразуясь*

перед нами *в Ангела светла* (2 Кор. 11, 14). Так он вложил в сердце Иуде Искариотскому предать Господа (см. Ин. 13, 2), — и Анании — *солгати Духу Святому* (Деян. 5, 3). От нас самих рождаются помыслы, когда естественно воспоминаем, что видели, слышали, или делали [Соб. 19].

160. Эту троякую причину помыслов надлежит нам всегда иметь во внимании, чтобы по ним обсуждать возникающие в сердце нашем помыслы и соответственно тому относиться к ним. В этом отношении нам надобно подражать искусным монетчикам (менялам), — которые умеют верно узнавать, — золото ли, и чистое ли золото в монете, или медь, похожая блеском на золото, — царское ли на ней изображение, и если царское, законно ли оно представлено, — имеет ли также монета и законный вес. Все подобное духовно должны мы делать относительно помыслов. Во-первых, обсудить, — истинно ли то, что вошло в сердца наши, или нет. Например, если предложено какое-либо учение, надобно рассмотреть, очищено ли оно Божественным огнем Святого Духа или принадлежит к иудейскому суеверию, или исходит от надменной философии мирской и носит только личину благочестия. Поступив так, мы исполним апостольское наставление: *не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть* (1 Ин. 4, 1); и будем безопасны от уклонения от истины. А которые не заботились исполнять это предостережение, те подвергались бедственному отпадению от веры. Сладкоречивые обольстители сначала привлекли их к себе некоторыми благочестивыми чувствами и умствованиями, согласными со святой верою, как бы блесками золота; а потом научили и противным вере мудрованиям, которых они, обманувшись первою благовидностью, не подумали подвергнуть обсуждению, и, приняв таким образом медную ложную монету за золотую, впали в еретические заблуждения. Во-вторых, надобно нам заботливо выяснять, не слышится ли нами ложное толкование Святого Писания, которое, подделываясь под чистое золото верного понимания Божественных словес, покушается видимостью этого драгоценного металла обмануть нас — принять его со смесью меди ложно придаваемого им смысла.

Так сатана покушался искусить Самого Христа Спасителя. Так и всех нас искушает он, уже не безуспешно, как Господа нашего. — В-третьих, — всячески надобно всматриваться, как бы враг, извращая драгоценные изречения Святого Писания лукавым толкованием, не успел склонить нас сделать им не правое приложение и употребление, обманно прикрывая это преданием, будто бы от старцев исходящим, как бы незаконно прилагая царскую печать к фальшивой монете. Это успевает он сделать, когда прельщает к неумеренному и непосильному нам труду, к чрезмерным бдениям, беспорядочным молитвам, к несообразному чтению, и, маня добром, приводит к душевредному концу; или когда советует делать ненужные посещения, чтобы, изгнав из уединилища, лишить блаженного безмолвия; или когда внушает взять на себя попечение о благочестивых беспомощных женщинах, чтобы опутать гибельными заботами; или когда подстрекает желать священного чина, под предлогом назидания многих, отвлекая через то от смиренного нашего звания. Все такие внушения, прикрытые покровом милосердия, благочестия и высшего преуспеяния, вводят в обман неопытных. С виду они похожи на монеты истинного Царя; но они отчеканены не настоящими монетчиками духовными, — не православными опытными отцами, а коварством бесов искованы на вред и пагубу. К ним совершенно приложимо изречение Приточника: *суть путие мнящиися прави быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово* (Притч. 16, 25). Последнее (четвертое) наблюдение опытного монетчика, относящееся к исследованию веса тяжести, в духовном нашем делании будет исполняемо нами, если, когда помысл внушает нам что-либо сделать, мы, положив то на весы совести, со всею строгостью будем исследовать, имеет ли оно настоящий вес, — тяжело ли страхом Божиим, все ли в нем есть — по его смыслу и значению, не делает ли его легким показность и новизна, не уменьшило бы потом его веса тщеславие и не расхитила бы людская слава. Взвесив все это и определив свидетельствами апостолов и пророков, мы должны потом или принимать то,

как согласное с ними, или со всею строгостью отвергать, как им противное и для нас пагубное [Соб. 1, 20, 21].

161. Так непрестанно должно нам осматривать все тайники нашего сердца, и с зоркою наблюдательностью замечать следы входящих, чтобы не прокрался туда же и какой-либо мысленный зверь, или сам лев и дракон, и, тайком напечатлев там пагубные следы свои, не проложил и другим пути для входа в изгибы сердца нашего, при нашем невнимании к помыслам. Возделывая таким образом ежечасно и ежеминутно землю сердца нашего евангельским оралом, то есть непрестанным памятованием о Кресте Господа, мы удобно возможем разорить логовища пагубных зверей и норы ядовитых змей, — и выгнать их из себя [Соб. 1, 22].

162. Образ совершенного ума (властвующего над своими помыслами) прекрасно представляется в лице евангельского сотника. В сказании о нем, нравственная сила, — дающая возможность не всякими приходящими помышлениями увлекаться, но по своему рассуждению добрые принимать, а противные тому без всякого затруднения прогонять, — описана в следующих словах его, если их понимать иносказательно: *ибо я и подвластный человек, но имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет, и другому — прииди, и приходит, и слуге моему: сделай то, и делает* (Мф. 8, 9). Если бы и мы, мужественно сражаясь против беспорядочных внутренних движений и страстей, взяли силу подчинять их своей власти и своему рассуждению, воюющие в нашей плоти похоти погашать, беспорядочную толпу помыслов наших держать под игом власти разума, и спасительным знаменем Креста Господня прогонять от пределов сердца нашего скопища злейших вражеских сил: то за такие торжества и победы были бы мы возведены в чин сотника в духовном его значении. А таким образом и мы, поднявшись на высоту такого достоинства, будем иметь такую же, как и тот, повелительную власть и силу, при которой не будем уже, какими не хотим, помыслами увлекаемы, но в тех, которыми духовно услаждаемся, получим возможность пребывать и к ним прилепляться, властно повелевая

злым наущениям: отойдите, — и отойдут, а добрые помышления приглашая: придите, и приидут, рабе же нашей — плоти — что потребно для целомудрия и воздержания, прикажем, и она без всякого прекословия исполнит то, не возбуждая уже противных духу вожделений порочных, но всякую ему изъявляя покорность [Соб. 7, 5].

163. Но как этого достигнуть? Это придет само собою, когда так приискренне соединимся с Богом, что Он будет действовать в нас. В этом удостоверяет апостол, когда говорит: *оружия бо воинства нашего не плотская, но сильна Богом, на розорение твердем, помышления низлагающе* (2 Кор. 10, 4). Чтобы мы ни предпринимали с целью преодоления помыслов, не будет действенно, пока не станет через то действовать Сам Бог, по соединении с нами. Тогда же и наши немощные средства станут сильны и всепобедительны, — разорят твердыни вражеские и всякие помышления поразят и изгонят. И исполнится в нас слово пророческое: *немощный да глаголет: яко могу аз* (силен я), и *кроткий да будет храбр* (Иоил. 3, 10, 11), — и то, что говорит о себе святой Павел: *егда немоществую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Ибо тогда сила Божия будет совершаться в нашей немощи (2 Кор. 12, 9). Итак, всем желанием сердца да устремимся к соединению с Господом, пока и в нас совершится, что испытал блаженный Давид: *прильпе душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9), — и каждый из нас вместе с ним начнет петь: *мне же прилеплятися Богови благо есть* (Пс. 72, 28). Конечно, это требует постоянного усилия и труда; но без этого ни в каком деле успеха не бывает. Тем паче нельзя его ожидать в таком важном деле. Никакая добродетель не достигает совершенства без труда, — и до умирения помыслов никому нельзя достигнуть без крайнего преутруждения сердечного. Сюда прямо относится слово Господа: *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Чтобы духу нашему придти *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4, 13), — и стать *один дух с Господом* (1 Кор. 6, 17), необходимо ему с большим напряжением всегда бодрствовать и с непрерывным рвением потеть

над этим. Достигши же этого, он может уже с апостолом торжественно взывать: *вся могу о Укрепляющем мя* (Флп. 4, 13) [Соб. 7, 5, 6, перифраз].

164. Почему все внимание наше должно быть всегда устремлено на то одно, — чтобы живо возвращать к памятованию о Боге помыслы от их блуждания и круговращения. Как тот, кто хочет верно возвести и вверху свести свод купола, шнуром из центра постоянно обводит кругом постройку, и таким образом дает одинаковое всюду направление округлению ее; кто же без этого посредства покусится совершить такое дело, тот, хотя бы обладал большим искусством, не может соблюсти непогрешительно правильность округлости, и одним взглядом не может определить, насколько отступил от нее, не прибегая к сказанному указателю правильности: так и дух наш, если, утвердив в себе любительную память Божию, как некий неподвижный центр, не будет потом, из нее исходя, и с нею обходя, в каждый момент все свои делания и труды, ею как пробою, определять качество помыслов и начинаний, чтобы одни принимать, а другие отвергать, и ею же, как верным циркулем, давать направление всему делаемому; то никак не построит, как следует, того духовного здания, коего архитектор есть Павел (см. 1 Кор. 3, 10), и не сообщит ему красоты того дома, какой, желая устроить Господу в сердце своем, блаженный Давид взывал: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея* (Пс. 25, 8), но несмысленно возведет в сердце своем дом некрасивый, Духа Святого недостойный и всегда готовый разрушиться, долженствуя не славу за то получить от чаемого, но не удостоившего зайти в такое жилище посетителя (то есть Духа Святого), а плачевно быть подавленным под развалинами своего построения [Соб. 24, 6].

165. Через помыслы преимущественно действуют на нас темные силы, и конечно, нам легче было бы управляться с ними, если бы нас непрестанно и не в малом количестве не окружали эти недоброжелательные нам враги, — но этого нечего ужасаться. Враги эти точно постоянно наветуют нам, но они только сеют и возбуждают злое в нас, а не принуждают к нему.

Если бы им дана была власть не внушать только худое, но и насильственно влечь к нему, то какое бы ни захотели они возжечь в сердцах наших греховное желание, ни один человек не смог бы избежать греха по нему. Но видим, что как им дано позволение подстрекать нас, так и нам дарованы и сила отревать такие подстрекания, и свобода соглашаться на них. Чего же бояться? — Впрочем, если кто боится их насилия и нападок, тому мы, с противной стороны, предлагаем Божий покров и Божию помощь, которая могущественнее тех, как говорится: *болий есть Иже в вас, нежели иже в мире* (1 Ин. 4, 4), Коего заступление с несравненно большею силою поборает по нас, нежели с какою восстает против нас вражеская сторона. Ибо Бог не только внушает добрые дела, но и покровительствует им и до конца доводит их; так что иногда без нашей воли и нашего ведома привлекает нас ко спасению. Итак, решено, — что никто не может быть прельщен диаволом, кроме того, кто сам восхощет дать ему своей воли согласие. Что Екклезиаст ясно выразил такими словами: *яко несть пререкания бывающаго творящим лукавое вскоре: сего ради уверися сердце сынов человеческих в них, еже сотворити лукавое* (Еккл. 8, 11). Очевидно потому, что всякий согрешает потому, что, когда нападают на него худые помыслы, он не дает им тотчас отпора противоречием. Ибо сказано: *противитеся же диаволу, и бежит от вас* (Иак. 4, 7) [Соб. 7, 8].

166. У иного может родиться недоумение, как эти злые духи входят в общение с душою, — нечувствительно разговаривают с нею, всевают в нее, что ни захотят, видят ее помышления и движения и пользуются ими к ее вреду. Но в этом нет ничего дивного. Дух может входить в общение с духом, и сокровенно влиять на него, внушая, что ему желательно. Ибо между ними, как и между людьми, есть некое подобие и сродство по природе. Но чтобы они взаимно друг в друга входили и друг другом овладевали, это совершенно невозможно. Это может быть истиннейше приписываемо только Божеству [Соб. 7, 9, 10].

167. Сказанному перед этим нисколько не противоречит то, что бывает с бесноватыми, когда они, одержимые духами нечистыми, говорят и делают, чего не хотят, и вынуждены бывают произносить слова, которых не понимают. Известно, что не все одинаковым образом подвергаются при этом влиянию духов. Некоторые так бывают ими овладеваемы, что нисколько не сознают, что делают или говорят, а другие сознают и после воспоминают. То и другое бывает от привтечения нечистого духа, — не так, однако же, чтобы он проникал самую субстанцию души и, как бы слившись с нею и ею как бы облекшись, произносил слова и речи устами страждущего. Никак этого делать они не могут. Это бывает так, что дух нечистый, заседая в тех членах, через которые душа действует, и налагая на них невыносимую тяготу, страшным омрачением закрывает разуметельные чувства души и пресекает их деятельность (через такое подавление органов этой деятельности). Что, как видим, иногда приключается и от вина, также от лихорадки, от чрезмерного холода и других болезней, привходящих извне. Чтобы и блаженному Иову не замыслил это же причинить диавол, получивший власть над его плотью, Господь особым повелением запретил ему это, говоря: *вот, Я предаю его в твои руки, только душу его сбереги* (Иов. 2, 6), то есть только не делай его безумным, расстроив седалище души, сделав нашествие на его рассудок и повредив орган разума, посредством которого ему (Иову) необходимо противиться тебе [Соб. 7, 12].

168. Впрочем, хотя дух таким образом срастворяется с этим грубым и твердым веществом, то есть с плотью, — что может быть очень удобно, из этого, однако же, не следует, что он и с душою, которая есть также дух, может соединяться так, чтобы и ее, подобно телу, делать вместилищем своего существа. Это возможно для единой Троицы, Которая всякое разумное существо не объемлет только, но и проникает. Один Бог весь есть везде и во всем, так что видит и все помышления наши, и все движения внутренние, и все сокровенности душевные. *Нет твари, сокровенной от Него; но все обнажено и открыто пред*

очами Его (Евр. 4, 13), — и *Он праведно испытует сердца и утробы* (Пс. 7, 10) [Соб. 7, 13].

169. Но как же духи нечистые знают наши мысли? Они не прямо их в душе читают, а познают из обнаружения их во внешних чувственных признаках, то есть из наших слов и действий. Но они никак не могут проникнуть в те мысли, которые еще не вышли изнутри души. Даже и то, приняты ли, и как приняты ими самими внушаемые мысли, узнают они не из самой души, и не по внутреннейшим в ней вследствие того сокровенно происходящим движениям, а по обнаружениям того во вне души. Так, например, если, всеяв помысл чревоугодия, видят, что монах стал посматривать в окно и на солнце, или осведомляться, который час, то узнают из того, что им воспринято чревоугодливое похотение. И неудивительно, что воздушные силы так узнают это и подобное этому, когда видим, что и людям умным тоже удается по глазам, лицу и другим внешним признакам узнавать состояние внутреннего человека. Тем, конечно, вернее могут узнавать это те, которые, как духи, без сомнения гораздо тоньше и проницательнее людей [Соб. 7, 15].

170. Знать надлежит, что не все демоны все страсти возжигают в людях, но о каждой страсти прилежат известные духи; ибо одни из них услаждаются нечистыми и срамными похотями, иные любят богохульство, иные гнев и ярость, иные утешаются печалью, иные — тщеславием и гордостью, — и каждый ту страсть в сердца человеческие всевает, какою сам особенно услаждается; но не все вместе возбуждают свои страсти, а попеременно, смотря по тому, как требует время, место и приемлемость искушаемого [Соб. 7, 17].

171. И то ведать должно, что не все они в одинаковой мере злы и одинаково сильны. На новоначальных и немощных нападать пускаются слабейшие духи, а когда эти побеждены будут, тогда посылаются сильнейшие, — и таким образом постепенно все более и более сильную брань должен бывает выдерживать воин Христов, по мере собственного его преуспеяния и умножения духовных его сил. И никто из святых никак

не мог бы выдержать злость таких и стольких врагов, или устоять против их наветов и свирепой ярости, если бы при нашем ратоборстве не был всегда присущ нам милостивейший заступник и подвигоположник Христос, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал беспорядочные набеги врагов, и не творил *со искушением и избытие, яко возмощи* нам *понести* (1 Кор. 10, 13) [Соб. 7, 20].

172. Что бесы не имеют власти вредить всякому человеку, это яснейшим образом доказывает пример блаженного Иова, которого враг не смел искушать больше, нежели сколько попущено ему было волею Божиею, — свидетельствует об этом также и исповедание злых духов, внесенное в евангельские сказания: *если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней* (Мф. 8, 31). Тем более надобно верить, что они не могут по своему произволу войти ни в какого человека, созданного по образу Божию, когда без дозволения Божия не имели они власти войти даже в нечистых и бессловесных животных. Да если бы дана им была власть искушать и озлоблять всякого человека по своему произволу, то никто, не говорю из юных иноков, но и из мужей совершенных не мог бы ужиться в пустыне, будучи окружен таким полчищем и таких злых врагов [Соб. 7, 42].

173. Известно также, что нечистые духи не иначе проникают в тела одержимых ими, как завладев наперед их умами и помышлениями. Обнажив их наперед от страха Божия, Божией памяти и духовного поучения, они потом смело нападают на них, как на обезоруженных и лишенных Божией помощи и Божия ограждения, и потому удобно побеждаемых, и наконец устрояют себе в них жилище, как в предоставленном им владении. Впрочем, и то верно, что тяжелее этих и чрезмернее бывают ими мучимы те, которые, не будучи одержимы ими телесно, пагубнейше бывают обладаемы ими в душе, — и именно те, которые опутались их страстями и похотями; ибо, по слову апостола, *кто кем побежден, тот тому и раб* (2 Пет. 2, 19) [Соб. 7, 24, 25].

174. Святое Писание свидетельствует, что при каждом из нас неотлучно присущи два Ангела, — добрый и злой. О добрых

Спаситель говорит: *блюдите, да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго* (Мф. 18, 10), — и блаженный Давид: *ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его и избавит их* (Пс. 33, 8); свидетельствует о них и то, что в книге Деяний говорится о Петре: *Ангел его есть* (12, 15). Об обоих Ангелах пространно говорится в книге «Пастырь». — Если рассудим и о том, кто испрашивал себе доступа к блаженному Иову, то ясно уразумеем, что это был тот, кто всегда ему наветовал, но никогда не мог склонить его ко греху, почему и просил у Господа власти над ним, — исповедуя, что дотоле был побеждаем не добродетелью его, а заступлением Господа, всегда ограждавшим его Своим покровом. И об Иуде говорится также: *и диавол да станет одесную его* (Пс. 108, 6) [Соб. 8, 17].

7

Борьба со всякого рода скорбями от бед и напастей (Соб. 6)

175. В Палестине, в пустынях между Иерусалимом и Мертвым морем, внезапно напали на иноков варвары и очень многих избили. Как Бог попустил совершиться над Своими рабами такому злодейству? Этот вопрос обыкновенно возмущает души тех, которые, имея мало веры и ведения, думают, что добродетели и подвиги святых вознаграждаются в краткое продолжение этой жизни — временной. Мы же, которые не *в животе сем точию уповающе есмы во Христа,* чтобы, по апостолу, не быть *окаяннейши всех человек* (1 Кор. 15, 19), не должны быть вводимы в заблуждение такими мнениями; чтобы, по неведению верного определения истины относительно таких событий, приходя в ужас и смятение от искушений, которым и себя увидим преданными, не подвигнуться нам ногами своими с пути правды (см. Пс. 72, 2), — или, что и сказать страшно, не приписать Богу неправосудия и непопечения о делах человеческих за то, что якобы Он людей святых и праведно живущих не избавляет от искушения, и добрым — добром,

а злым — злом не воздает в настоящей жизни, — и за то не заслужить осуждения с теми, которым угрожает пророк Софония от лица Господа, говоря: *отмщу на... глаголющыя в сердцах своих: не имать блага сотворити Господь, ниже имать озлобити* (Соф. 1, 12), или не подвергнуться одинаковой участи с теми, которые такими жалобами изрекают хулу на Бога: *всяк творяй зло добр пред Господем, и в них Сам благоволи: и где есть Бог правды?* (Мал. 2, 17), присовокупляя к этому и то богохуление, которое у пророка описывается после того: *суетен работаяй Богу, и что более, яко сохранихом хранения Его и яко идохом молитвенницы пред лицем Господа Вседержителя? И ныне мы блажим чуждих, и созидаются вси творящии беззаконная: сопротивишася Богови и спасошася* (Мал. 3, 14-15). Поэтому, чтобы нам избежать неведения, которое есть корень и причина этого непотребнейшего заблуждения, надобно нам наперед определительно узнать, что есть воистину добро и что зло. Содержа же потом не ложное об этом мнение толпы, а истинное определение Писаний, мы никак уже не прельстимся заблуждением людей неверующих [1, 2].

176. Все, сущее и бывающее в мире, трояко есть, именно, — добро, зло и среднее. Итак, нам надо узнать, что собственно есть добро, что зло и что среднее, чтобы наша вера, будучи ограждена верным ведением, во всех искушениях пребыла непоколебимою. В делах человеческих ничего не должно почитать существенным добром, кроме одной душевной добродетели, которая, искреннею верою приводя нас к Богу, понуждает непрестанно прилепляться к этому неизменному Добру. И напротив, ничего не должно почитать злом, кроме одного греха, который, отделяя нас от благого Бога, связывает со злым диаволом. Среднее есть то, что может быть относимо к той или другой стороне, судя по качеству и расположению пользующегося тем, как то: богатство, власть, почесть, телесная сила, здоровье, красота, самая жизнь или смерть, бедность, немощность плоти, напраслины и прочее сему подобное, что по качеству и расположению пользующегося тем может служить или к добру, или ко злу. Ибо и богатство часто может служить к добру, по апостолу, который богатым в

нынешнем веке заповедует *богатитися в делех добрых, благоподатливым быти, общителным сокровищующе себе основание добро в будущее, да приимут вечную жизнь* (1 Тим. 6, 18, 19); но опять оно же обращается во зло, когда собирают его, чтобы только копить и зарывать в землю, как делают скупые, или расточать на роскошь и утехи, а не в пользу нуждающихся. Также, что власть и почесть, телесная сила и здоровье суть средние, и для той и для другой стороны пригожие, тем уже легко доказывается, что многие из святых в Ветхом Завете, обладая всем этим, и Богу были очень благоугодны, как, напротив, те, которые худо пользовались этими благами, обращая их на служение своим наклонностям недобрым, не несправедливо были или наказываемы или предаваемы смерти, как часто сказывают об этом книги Царств. Так и о прочих средних вещах разумей, что они не суть настоящее добро, которое состоит в одних добродетелях, а суть нечто среднее; потому что как для праведных, на праведные и нужные дела их употребляющих, они полезны и благотворны, — яко дающие им возможность плоды добры сокровиществовать для вечной жизни, — так для тех, которые худо ими пользуются, не полезны и пагубны, доводят их только до греха и смерти [3].

177. Твердо содержа в мысли такое различие вещей и дел, и зная, что нет настоящего добра, кроме одной добродетели, происходящей из страха Божия и любви к Богу, и что нет настоящего зла, кроме одного греха и отделения от Бога, расследуем теперь со всем вниманием, было ли когда-нибудь, чтобы Бог или Сам Собою или через другого кого причинил кому-либо из святых Своих такое зло? Этого ты, без сомнения, нигде не найдешь. Ибо никогда не бывало, чтобы другой мог ввергнуть кого-либо в грех, когда он не хочет этого зла и противится ему; и если случалось, что ввергал, то одного того, кто сам в себе зачинал этот грех, по нетрезвенности сердца и развращенной воле. Так, когда диавол хотел ввергнуть в это зло — в грех — праведного Иова, то, употребив против него все козни злобы своей, — лишив его всего богатства, поразив смертью детей, и самого его с головы до ног покрыв ранами, причинявшими нестерпимую боль, — никак не мог запятнать его грехом;

потому что *во всех сих приключившихся* Иов пребыл непоколебим *и не даде безумия Богу* (Иов. 1, 22), — не склонился на богохуление [4].

178. Но как же и Сам Бог о Себе говорит: *Аз* есмь... *творяй мир и зиждяй злая* (Ис. 45, 7), — и пророк о Нем свидетельствует: *или будет зло во граде, еже Господь не сотвори?* (Ам. 3, 6) — Святое Писание словом *зло* иногда означает прискорбные случайности не потому, чтобы они в существе своем были зло, но потому что чувствуются как зло теми, которым на пользу посылаются. Ибо Слово Божие, говоря с людьми, по необходимости говорит человеческими словами и с человеческими чувствами. Так, сечение и прижигание спасительное, которые врач благодетельно делает страждущим опасными вередами, почитаются злом от тех, кому приходится выдерживать их; также коню шпоры и погрешающему исправление — не сладость; и все дисциплинарные строгости тем, кто проходят курс образования, кажутся горькими, как говорит апостол: *всякое бо наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученным тем воздает правды,* — и еще: *егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет. Который бо есть сын, егоже не наказует отец?* (Евр. 12, 11, 6-7). Таким образом, слово *зло* полагается иногда в значении прискорбных случайностей, как в следующем изречении: *и раскаяся Бог о зле, еже глаголаше сотворити им, и не сотвори* (Иона. 3, 10). И еще: *яко милостив Ты еси,* Господи, *и щедр, долготерпелив и многомилостив, и каяйся о злобах человеческих* (Иона. 4, 2), то есть о прискорбных лишениях и бедствиях, которые вынужден бывает наводить на нас за грехи наши. О них другой пророк, зная, как они полезны для некоторых, не из враждебного к ним чувства, но по желанию им спасения, так молится: *приложи им зла, Господи, приложи зла славным земли* (Ис. 26, 15). И Сам Господь говорит: *се, Аз наведу на них злая* (Иер. 11, 11), то есть скорби и разорения, которыми будучи в настоящее время спасительно наказан, вынужден будешь наконец обратиться и поспешить ко Мне, Которого в дни счастья своего забывал. Почему мы не можем признать их

существенным злом, когда они многим служат во благо и ведут их к восприятию вечных радостей. Итак, — возвратимся к предложенному вопросу, — все считающееся обычно злом, причиняемое нам врагами, или другим каким образом нас поражающее, не должно быть почитаемо нами злом, но чем-то средним. И тогда оно не будет уже таково, каким почитает его нанесший его в яростном духе, а таково, каким восчувствует его претерпевающий его. Почему, когда святому мужу будет причинена смерть, не должно думать, что ему причинено зло, а нечто среднее; потому что, тогда как для грешника она есть зло, для праведника бывает успокоением и освобождением от зол. *Смерть бо мужу* праведному *покой, егоже путь сокровен есть* (Иов. 3, 23). Муж праведный от такой смерти не претерпевает никакого ущерба, — так как ничего нового — небывалого — не случилось с ним, но что имело случиться с ним по естественной необходимости, то принял он по злобе врага, не без пользы для вечной жизни, и долг смерти человеческой, который надлежало ему отдать по неизбежному закону настоящего нашего существования, уплатил с богатым плодом страдания в залог великого за него воздаяния [6].

179. Это, однако же, не извиняет злодеев. Нечестивый беззаконник не останется без наказания оттого, что злодеянием своим не мог причинить существенного вреда праведнику. Ибо терпение — добродетель праведника, и не нанесшему смерть или страдания, а терпеливо перенесшему их заслуживает награду. Почему как тот заслуженно понесет наказание за зверскую жестокость, так этот, несмотря на то, не потерпел никакого существенного зла; потому что, мужеством духа своего терпеливо перенеся искушения и страдания, он все, нанесенное ему со злым намерением, обратил себе во благо, в преумножение блаженства своего в будущей жизни [8].

180. Так терпение Иова не диаволу, сделавшему его более славным своими искушениями, стяжало доброе воздаяние, а ему самому, мужественно их перенесшему; и Иуде не даровано будет освобождение от вечных мук, ради того, что предательство его послужило ко спасению рода человеческого. Ибо не на последствие

дела надо смотреть, а на расположение делающего. Почему нам должно неизменным сохранять твердое убеждение в том, что никому от другого не может быть нанесено зло, если только кто сам не привлечет его к себе слабостью своего сердца и малодушием, когда и блаженный апостол в одном стихе такое же утверждает положение: *вемы же, яко любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28). Ибо говоря: *вся поспешествуют во благое*, Он обнял этим все вместе, не только такое, что считается счастьем, но и такое, что почитается несчастьем; как в другом месте о себе говорит тот же апостол, что он прошел через то и другое: *оружии правды десными и шуими,* — то есть *славою и безчестием, гаждением и благохвалением: яко лестцы. и истинни: яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищи, а многи богатяще,* — и проч. (2 Кор. 6, 7- 8, 10). Итак, все, — как то, что почитается счастьем и что апостол относит к десной стороне, означая то словами: *слава и благохваление,* так и то, что почитается несчастьем и что выразил он словами: *бесчестие и гаждение,* относя то к левой стороне, — соделывается у мужа совершенного *оружием правды:* если он нанесенное ему (прискорбное) великодушно переносит, сражаясь этим самым, то есть как оружием пользуясь тем самым, чем на него нападают, и им, как луком, мечом и крепчайшим щитом будучи вооружен против тех, кои ему то наносят, в совершенстве проявляет свое терпение и мужество, восхищая славнейшее торжество своей непоколебимости теми самыми вражескими стрелами, которые поражают его насмерть; и если таким образом ни счастьем не возносясь, ни в несчастии не падая духом, но шествуя прямою дорогою и царским путем, не будет он с такого мирного устроения сердца ни нахождением радости сдвигаем как бы на десно, ни опять нападением несчастья и приливом печали сталкиваем как бы на шуе. *Мир мног любящым закон Твой,* Господи, *и несть им соблазна,* свидетельствует святой Давид (Пс. 118, 165); о тех же, которые при каждых находящих случайностях изменяются, соответственно их свойствам и различиям, так говорится: *безумный же, яко луна, изменяется* (Сир. 27, 11). Также о совершенных и премудрых говорится: *любящим Бога*

вся поспешествуют во благое; а о слабых и неразумных возглашается: *вся противна суть мужеви безумну* (Притч. 14, 7), потому что он ни счастьем не пользуется во благо себе, ни несчастьем не исправляется. Такая же нравственная сила требуется для того, чтобы мужественно переносить прискорбности, какая для того, чтобы сохранять должную меру в радостях; и то несомненно, что кого выбивает из своей колеи одна из этих случайностей, тот не силен ни против какой из них. Впрочем, счастье более вредит человеку, чем несчастье. Ибо последнее иногда против воли сдерживает и смиряет, и приводя в спасительное сокрушение, или менее грешить располагает, или понуждает совсем исправиться; а первое, надмевая душу пагубными, хотя приятными, лестьми, в страшном разорении повергает в прах тех, кто по причине успехов счастья считают себя безопасными [9].

181. Такие совершенные мужи в Святом Писании иносказательно называются *обоедесноручными,* каким был, как в книге Судей пишется, Аод, который обеими руками пользовался, как десными (—3, 15). Духовно таким совершенством и мы можем обладать, если и счастье, почитаемое *десным* и несчастие, называемое *шуиим,* добрым и правым употреблением будем обращать к правой стороне, чтобы все, что бы ни случилось с нами, было для нас, по апостолу, *оружием правды.* Во внутреннем нашем человеке мы усматриваем две стороны и, так сказать, две руки. И ни один из святых не может не иметь как той, которую мы называем правою, так и той, какую мы называем *шуею;* но совершенство его добродетели познается из того, что он ту и другую обращает в десницу, добре пользуясь ими. Чтобы яснее можно было уразуметь, о чем у нас речь, говорю: имеет муж святой десную, когда являет духовные успехи, когда, горя духом, господствует над всеми своими пожеланиями и похотениями, когда, будучи свободен от всякого диавольского нападения, без всякого труда и неудобства отревает и отсекает плотские страсти, когда, вознесшись от земли горе, на все настоящее и земное смотрит как на неустойчивый дым и тень пустую и презирает то, как имеющее тотчас прейти, когда,

в восхищении ума, не только пламенно желает будущего, но и яснейше видит его, когда действеннейше питается духовными созерцаниями, когда ясно усматривает, как в отверстую для него дверь, небесные таинства, когда чисто и пламенно воссылает молитвы ко Господу, когда разгоревшись огнем духа, всем устремлением души так преселяется к невидимому и вечному, что думает, — что он уже не находится во плоти; имеет он также и шуюю, — когда объемлется бурями искушений, когда к плотским вожделениям воспламеняется приливами похотных возбуждений, когда к неистовому гневу поджигается огнем раздражительных смущений, когда самовозношением подстрекается к гордости или тщеславию, когда угнетается печалию, смерть содевающею (см. 2 Кор. 7, 10), когда расстраивается вконец нападками злокозненного уныния, и когда, по уходе всего духовного жара, цепенеет от охлаждения и некоей безотчетной тоски, так что не только добрые, внутренний жар возгревающие, помышления отходят от него, но и псалом, и молитва, и чтение, и келейное уединение вместе с тем становятся для него ужасно скучными, и все орудия добродетелей встречаются с нестерпимым некоторым отвращением и нехотением, — чем всем, когда поражаем бывает монах, да ведает, что его теснит шуяя сторона.

Итак, кто ни по поводу того, что, как мы сказали, принадлежит к десной стороне, не будет надмен привходящим тщеславием, ни против того, что принадлежит шуей части, мужественно ратоборствуя, не впадет в отчаяние; тот той и другой рукой будет пользоваться, как правою, и в том и другом действовании оказавшись победителем, получит пальму победы, как с шуего, так и с десного своего состояния. Таковую пальму, как читаем, заслужил блаженный Иов, который за действование десного венчался венцом, когда, будучи богатым и знатным отцом семи сынов, каждодневно приносил Господу жертвы за очищение их, желая сделать их не столько себе, сколько Богу благоугодными и родственными, когда дверь его была отверста для всякого приходящего, когда был он ногою хромых и оком слепых, когда овчинами с овец его были согреваемы рамена

немощных, когда был он отцом сирот и мужем вдовиц, когда даже в сердце своем не радовался о погибели врага своего. Тот же опять Иов, действуя шуею, с неподражаемо высоким мужеством торжествовал над бедствиями, когда, в одно мгновение лишившись семи сынов, не как отец убивался жестоким горем, но как раб Божий упокоевался в воле Творца своего, когда, из богатого сделавшись беднейшим, из избыточного нагим, из здравого прокаженным, из знатного и славного уничиженным и презренным, сохранил мужество духа неповрежденным, когда наконец, лишившись всего своего достояния и всех имуществ, сделался обитателем гноища, и как бы некий тела своего истязатель — жесточайший, черепицею оскребал сочившийся гной и погружая персты в глубь ран, покрывавших все части тела его, извлекал оттуда червей. При всем этом он ни в малейшее не впал похуление Бога, и ни в чем не пороптал на Творца своего; даже что? — нимало не устрашась такого бремени наичувствительнейших искушений, он самую одежду, покрывавшую тело его, которая одна могла быть сохранена от диавольского расхищения, потому что была на нем, разодрав и отбросив от себя, приложил еще и произвольную наготу к той, которою поразил его этот лютейший грабитель. Также и волоса главы своей, которые одни оставались еще неприкосновенными из прежних знаков славы, обрезав, бросил своему терзателю и, отсекая таким образом то, что оставил ему свирепствующий враг, таким небесным гласом изъявил радость о торжестве своем над ним: *аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим? наг изыдох от чрева матере моея, наг и отъиду тамо: Господь даде, Господь отъят, яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно* (Иов. 2, 10; 1, 21). Обоедесноручным по праву назову я и Иосифа, который в счастье был любезен отцу, почтителен к братьям, благоугоден Богу, — в злосчастии целомудр, верен господину своему, в заключении темничном наикротчайш, об обидах не памятозлобив, врагам благотворителен, к завистливым, и почти убийцам своим братиям не только нежно благорасположен, но и богатно щедродателен. Сии и сим подобные праведно называются обоедесноручными; так

как они той и другой рукой пользуются как десницею и, проходя сквозь исчисленные апостолом искушения, подобно ему могут говорить: *оружии правды, десными и шуими, славою и безчестием, гаждением и благохвалением* и проч. — Будем и мы обоедесноручны, когда и нас не будут изменять ни обилие, ни скудость временных благ, и ни то не будет увлекать к удовольствиям пагубной распущенности, ни это ввергать в отчаяние и ропотливость, но когда в том и другом случае, равно воздавая благодарение Богу, равный извлекать будем плод и из счастья и из несчастья; когда будем такими, каким был истинный обоедесноручник, учитель языков, засвидетельствовавший о себе: *аз навыкох, в нихже есмь, доволен быти. Вем и смиритися, вем и избыточествовати: во всем и во всех навыкох, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися. Вся могу о Укрепляющем мя* (Флп. 4, 11-13) [10].

182. Искушение, как мы сказали, бывает двоякое, — то есть через счастье и несчастье; причина же, по которой искушаются люди, трояка: по большей части это бывает для испытания, иногда для исправления, а нередко и для наказания за грехи.

Так, для испытания, как читаем, перенесли, подобно Иову, бесчисленные скорби блаженный Авраам и многие святые; для него же и народ иудейский подвергаем был искушениям в пустыне, как во Второзаконии говорится Моисеем: *и да помянеши весь путь, имже проведе тебе Господь Бог твой, сие четыредесятое лето в пустыни, да искусит тя и озлобит тя, и уразумеются, яже в сердце твоем, аще сохраниши заповеди Его или ни* (Втор. 8, 2), — и как напоминается об этом же в псалме: *искусих тя на воде пререкания* (Пс. 80, 8). А что Иов для этого именно подвергся всему, что перенес, об этом прямо свидетельствует Сам Бог, говоря: *мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив?* (Иов. 40, 3).

Для исправления же это бывает, когда Господь, смиряя Своих праведных за малые какие-нибудь и легкие грехи, или за превозношение своею праведностью, предает их разным искушениям, чтобы в настоящее время очистив их от всякой скверны помыслов, и выжегши всякую, какую видит укрывшуюся

во внутреннем их нечистоту (см. Ис. 1, 25), представить будущему испытанию подобными золоту чистому, не позволяя остаться в них ничему, что после этого испытав огнем суда, нашел бы необходимым очистить наказательным жжением. В этом смысле сказано: *многи скорби праведным* (Пс. 33, 20); также: *сыне мой, не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей, от Него обличаемь Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог: который бо есть сын, егоже не наказует отец? Аще же без наказания есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове* (Евр. 12, 5-8); и в Апокалипсисе: *Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую* (3, 19). К таковым под образом Иерусалима от лица Божия пророком Иеремиею еще такая обращается речь: *сотворю скончание во всех языцех* (покончу их*), в няже разсеях тя: тебе же не сотворю во скончание, но накажу тя в суде* (Иер. 30, 11). О каковом спасительном исправлении молит святой Давид, говоря: *искуси мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя и сердце мое* (Пс. 25, 2). Также и пророк Иеремия, разумея спасительность такого искушения, взывает: *накажи нас, Господи, обаче в суде, а не в ярости* (10, 24). Равно и Исаия: *благословлю Тя, Господи, яко разгневался еси на мя, и отвратил еси ярость Твою, и помиловал мя еси* (12, 1).

Посылаются удары искушений и по грехам. Так, Господь угрожает послать такие удары народу израильскому, говоря: *зубы зверий послю в ня, с яростию пресмыкающихся по земли* (Втор. 32, 24); и в псалмах о них говорится: *многи раны грешному* (31, 10); также и в Евангелии: *се, здрав еси: ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. 5, 14).

Есть еще и четвертая причина, по которой иным посылаются некоторые страдания, как знаем из Писания, — именно, — да явятся через то слава и дела Божии. Так, в Евангелии говорится о слепорожденном: *ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем* (Ин. 9, 3), — и о болезни Лазаря: *сия болезнь несть к смерти, но о славе Божии, да прославится Сын Божий ея ради* (Ин. 11, 4).

Есть и другие роды отмщений Божиих, которыми поражаются некоторые, превзошедшие самую высшую степень зла, и на которые были осуждены, как читаем, Дафан, Авирон и Корей, и наипаче те, о которых говорит апостол: *сего ради предаде их Бог... в неискусен ум творити неподобная* (Рим. 1, 26, 28), — что надобно почитать более всех других наказаний тяжким. О них-то говорит Псалмопевец: *в трудех человеческих не суть, и с человеки не приимут ран* (Пс. 72, 5); ибо не заслуживают быть спасенными посещением Господним и получить уврачевание посредством временных наказаний, как *в нечаяние вложшеся предаша себе студодеянию, в делание всякия нечистоты* (Еф. 4, 19), — и по причине ожесточения сердца своего от долговременного пребывания в непрестанном грешении превышающие все меры очищения и отмщения в весьма короткий срок жизни в веке этом. Таковых Божеское слово укоряет и через пророка Амоса: *разорих вы, яко разори Бог Содому и Гоморру; и бысте яко главня исторжена из огня, и ниже тако обратистеся ко Мне, глаголет Господь* (Ам. 4, 11), и через пророка Иеремию: *убих, погубих людей Моих, и не обратишася от стезь своих* (см. Иер. 15, 7), — и в другом месте: *бил еси их, и не поболеша, сокрушил еси их, и не восхотеша прияти наказания: ожесточиша лица своя паче камене и не хотеша обратитися* (5, 3). Так наконец Господь, как искуснейший Врач, истощив все спасительные врачества, и видя, что не остается уже ни одного целительного средства, которое можно было бы приложить к ранам их, некоторым образом как бы препобеждается великостью неправд их и вынужден быв отступить от милостивого Своего их наказания, возглашает им, говоря: *отъимется рвение Мое от тебе: и почию, и ктому не попекуся* (Иез. 16, 42). О других же, которых сердце не ожесточилось еще частотою грешения, которые не заслужили еще такого жесточайшего и истребительного казнения, но способны принять вразумительное наказание во спасение, говорится: *накажу я в слух скорбения их* (вразумлю, дав услышать об угрожающей их скорби) (Ос. 7, 12) [11].

183. Как приобрести и сохранить терпение и благодушие? — Истинного терпения и благодушия ни приобрести ни сохра-

нить нельзя без сердечного смирения. Когда терпение будет исходить из этого источника, тогда для избежания скорби от неприятностей не нужно будет ни запираться в келлии, ни укрываться в пустыне. Утверждаясь в глубине души на добродетели смирения, своей родительницы и охранительницы, она не имеет уже нужды во внешних пособиях. Почему если по причине какой-либо напраслины мы растревоживаемся, то явно, что в нас не прочно утверждены основы смирения, и здание наше внутреннее, при набеге даже маленькой бурьки, подвергается разрушительному потрясению. Не тогда терпение похвально и достойно удивления, когда внутреннее спокойствие хранится, не будучи потрясаемо никакими стрелами врагов; но тогда величественно оно и славно, когда пребывает непоколебимым во время устремления на него бури искушений. И оно чем по-видимому сокрушается и потрясается, тем более укрепляется; и тем более изощряется, что по-видимому притупляет его. Ибо никому не неведомо, что терпение получило свое имя от перенесения прискорбностей, и потому никто не может быть провозглашаем терпеливым, кроме того, кто все, причиняемое ему, переносит без тревоги. И за это именно не незаслуженно так похваляется он Соломоном: *лучше муж долготерпелив паче крепкаго... удержаваяй же гнев паче вземлющаго град* (Притч. 16, 32). Еще: *долготерпелив муж мног в разуме, малодушный же крепко безумен* (Притч. 14, 29). Итак, когда кто, потерпев напраслину, возгорается огнем гнева, то нанесенное ему оскорбление должно почитать не причиною такого греха его, но лишь поводом к обнаружению сокрытой в нем болезни (гневной), по смыслу притчи Спасителя о двух домах, — одном, построенном на камне, и другом, построенном на песке, на которые оба с одинаковою силою напали устремление вод и бури ветренные, с неодинаковыми, однако же, последствиями; ибо при этом тот дом, который построен был на твердом камне, никакого совсем вреда не потерпел от такого сильного напора, а который был построен на подвижном песке, тотчас разрушился, — и разрушился, очевидно, не потому, что подвергся удару волн, наводнением на него устремленных, но потому, что

был по неразумию построен на песке. Так и святой человек не тем разнится от грешника, что не столь же сильным, как он, искушением искушается, но тем, что он не бывает побеждаем и великими искушениями, а тот падает и под малыми. И не было бы, как мы сказали, похвально мужество какого-либо праведника, если бы он являлся победителем, не будучи искушаем; да и места не могла бы иметь победа, если бы не было вражеского нападения. Ибо *блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв, приимет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его* (Иак. 1, 12). И по апостолу Павлу, *сила* Божия не в покое и утехах, а *в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Ибо так говорил Господь Иеремии: *се, положих тя днесь аки град тверд и в столп железный, и аки стену медяну, крепку всем царем Иудиным и князем его, и священником его и людем земли, и ратовати будут на тя, и не премогут тя понеже с тобою Аз есмь* (Иер. 1, 18-19) [Соб. 18, 13].

184. Такого терпения я хочу представить вам два, по крайней мере, примера, — из которых один показала одна благочестивая женщина, которая, желая усовершиться в добродетели терпения, не только не бегала искушений, но еще искала, чтобы ее огорчали, и сколь ни часто была оскорбляема, не падала от искушений. Женщина эта жила в Александрии, происходила от знатного рода, и в доме, оставленном ей родителями, благочестно работала Богу. Однажды, пришедши к блаженной памяти архиепископу Афанасию, она просила дать ей на содержание и упокоение какую-либо вдову из призираемых на церковном иждивении. Дай мне, говорила она, одну из сестер, которую бы я успокоила. Первосвятитель, похвалив такое доброе намерение женщины и ее усердие к делу милосердия, приказал выбрать из всех такую вдовицу, которая бы превосходила всех честностью нравов, степенностью и обходительностью, чтобы желание являть такую щедрость не было подавлено худостью имевшей пользоваться ею, и чтобы имеющая являть ее, быв оскорблена злонравием этой последней, не потерпела вреда в вере. Итак, приняв такую избранницу, она привела ее в дом и стала ей услуживать во всем. Но видя ее скромность и тихость, и

получая от нее каждую минуту почет в благодарность за дело своего человеколюбия, она через несколько дней опять пришла к помянутому первосвятителю и сказала: я просила, чтобы ты приказал дать мне такую, которую бы я упокоивала, и которой служила бы с полным послушанием. Он сначала не понял, чего ради такая речь и чего желает эта женщина, и подумав, что ее прошение по беспечности смотрителя за вдовицами было пренебрежено, не без душевного смущения спросил о причинах такого промедления. Ему сказали, что к ней отправлена честнейшая паче всех других вдовица. Тогда он, догадавшись, чего искала та мудрая жена, велел дать ей вдовицу непотребнейшую из всех, которая всех превосходила бы гневливостью, сварливостью, буйством, болтливостью и суетностью. Когда нашли и дали ей такую, она, взявши ее в свой дом, с таким же или еще с большим усердием стала служить и этой, как служила первой; в благодарность же за такие услуги получала от нее только то, что та оскорбляла ее недостойною бранью, злословием, поношением и, укоряя ее, с язвительным ругательством роптала, что она выпросила ее у архиепископа не на успокоение, а на мучение, и перевела, скорее, от жизни покойной к тяжелой, чем от тяжелой к покойной. Такие оскорбления предерзкая эта женщина простирала иногда до того, что не удерживала даже и рук, а та — госпожа — усугубляла за это смиренные ей услужения, научаясь побеждать ее разъярение не сопротивлением, но более смиренным себя ей подчинением, и укрощать ее неистовство человеколюбивою кротостью. Такими опытами утвердившись вполне в терпении и достигши совершенства в этой желаемой добродетели, она отправилась к помянутому святителю поблагодарить его и за мудрый его выбор и за собственное благодетельное обучение, за то, что он наконец совершенно согласно ее желанию назначил ей такую достойнейшую учительницу, непрестанными оскорблениями которой укрепляясь каждодневно в терпении, она достигла самого верха этой добродетели. Наконец ты дал мне, владыко, для успокоения такую, какую именно я желала иметь; а та первая своим почтительным ко мне отношением скорее меня упокоивала

и утешала, чем я ее. — Этого достаточно сказать о женском поле, чтобы воспоминанием о таком деле не только назидать, но и пристыжать себя; так как мы, если не запрячемся в келлии, то терпение сохранить не можем [Соб. 18, 14].

185. Теперь представим другой пример терпения аввы Пафнутия, жившего в совершенном уединении в знаменитой Скитской пустыне, в которой он теперь пресвитерствует. Он, еще будучи юным иноком, просиял такою благодатною святостью, что сами великие мужи того времени дивились его преспеянию, и, несмотря на то, что он моложе всех, сравняли его со старцами, и положили иметь его в этом сонме. Когда это огласилось, то зависть, возбудившая некогда против Иосифа души братьев его, разожгла и против него ядовитым огнем своим одного из числа скитских братий, который злоумыслил обезобразить красоту его каким-либо пятном бесславия. Для этого, выждав время, когда Пафнутий отправился в воскресный день в церковь, вошел воровски в его келлию и, спрятав между плетеницами, какие там обыкновенно плетут из пальмовых ветвей, свою книгу, пришел и себе в церковь, довольный своею хитростью; а по окончании воскресной службы перед всеми братиями принес святому Исидору, бывшему тогда пресвитером, жалобу, что у него из келлии украдена книга. Эта жалоба так смутила всех, и особенно пресвитера, что не знали, что подумать и что предпринять, быв поражены таким новым и неслыханным там преступлением. Тогда донесший об этом обвинитель потребовал, чтобы, удержав всех братий в церкви, избранных из них нескольких послать обыскать все келлии. Когда три назначенные для этого пресвитером старца, осмотревши все другие келлии, пришли в келию Пафнутия, то нашли в ней скрытую между пальмовыми плетеницами книгу, как спрятал ее там наветник, и, взяв ее, принесли тотчас в церковь и положили перед всеми. Пафнутий, хотя по чистой совести уверен был в своей непричастности никакому в этом греху, но как бы виновный в воровстве, предал себя суду старцев, изъявляя готовность понести, что будет присуждено в удовлетворение и прося дать место его покаянию. Он ничего не говорил в

свое оправдание, по стыдливой скромности опасаясь, как бы стараясь словами смыть пятно воровства, не подпасть сверх того еще осуждению и во лжи, когда никто не подозревал ничего другого, кроме того, что найдено. По окончании разбирательства и составлении о нем определения, вышел он из церкви не упадши духом, а вверяя себя суду Самого Бога, и начал нести покаяние, усугубив молитвы с обильными слезами, утроив пост, и в крайнем смирении духа простираясь пред лицом людей. Когда в продолжение почти двух недель подвергал он себя таким образом всякому сокрушению плоти и духа, и потом в день субботний или воскресный рано утром придя к церкви не для того, чтобы принять Святое Причастие, а для того, чтобы, простершись у дверей ее, смиренно просить себе прощения; — тогда Бог, Свидетель и Ведец всего сокровенного, не терпя, чтобы он долее и сам себя сокрушал, и был бесславим другими, диавола заставил опубликовать то, что тот изобретатель зла, вещи своей вор бесчестный, славы чужой хитрый обесславитель, учинил без всяких свидетелей. Ибо, объятый лютейшим демоном, он сам раскрыл все хитрости скрытной своей проделки, и таким образом, кто был внушителем преступления и козней, тот же сделался и предательским разглашателем. Потом этот нечистый дух сильно и долго мучил несчастного этого брата, так что его не могли очистить от него не только молитвы бывших там прочих святых, которые имели божественный дар власти над бесами, но и особая благодать Исидора пресвитера не изгнала этого лютейшего мучителя, хотя по щедродательности Господа ему дарована была такая над ними сила, что бесноватые и до дверей его не были доводимы, как получали исцеление. Это потому было так, что Христос Господь славу эту сберегал для Пафнутия, чтобы обидчик исцелен был только молитвами того, против кого строил козни, и получил прощение в грехе своем и освобождение от настоящего наказания, провозглашая имя того, чью славу надеялся затмить, как завистливый враг [Соб. 18, 15].

186. Две причины побудили меня рассказать это дело: первая, чтобы, помышляя о непоколебимой твердости этого мужа, тем более являли мы невозмутимости и терпения, чем мень-

шим подвергаемся наветам врага; вторая, чтобы восприять из него твердое убеждение, что мы не можем быть безопасны от бури искушений и нападений диавола, если всю охрану нашего терпения и всю надежду на то будем полагать не в силах внутреннего нашего человека, а в запорах келлии или в уединении пустынном, или в сообществе святых, или вообще в чем-либо вне нас сущем. Ибо если Господь, сказавший в Евангелии: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), не укрепит нашего духа силою Своего заступления, то напрасно будем мы надеяться наветы врага воздушного или победить помощью живущих с нами людей, или отклонить от себя местным расстоянием (то есть удалившись в пустыню), или не допустить до себя, закрывшись стенами и кровлею (то есть заключившись в келлию). Ибо все это имелось у святого Пафнутия, и однако же искуситель нашел доступ к нападению на него, — и этого злейшего духа не отразили от него ни оплот стен, ни уединение пустыни, ни заступление стольких святых в том сообществе. Но как этот Божий раб святой не на внешнее что-либо возлагал надежду сердца своего, а на Самого всех сокровенностей Судию, то никак не мог быть расстроен кознями такого нападения. Также и тот, кого зависть ввергла в такое преступление, не пользовался ли благодеянием пустыни, ограждением отдаленного жилища и сообществом блаженного Исидора, аввы и пресвитера, и прочих святых? И, однако же, когда буря диавольская нашла его самого устроенным на песке, то не только сильный удар нанесла его жилищу (внутреннему устроению), но и совсем его разрушила. Перестанем же искать основ своего невозмутимого мира внутреннего вне себя, и ожидать, что немощам нашего терпения может помочь чужое терпение. Ибо как *Царствие Божие внутрь* нас *есть,* так и *врази человеку домашнии его* (Мф. 10, 36). И никто не сопротивляется мне более моего же чувства, которое есть самый близкий мне домашний. Будем же внимать себе паче, чтобы наши домашние враги не могли нас уязвлять. Ибо когда наши домашние не восстают против нас, тогда и Царствие Божие пребывает в нас в невозмутимом мире душевном. И если взвесить тщательно причины

происходящего в нас, то найдешь, что я не могу быть уязвлен никаким, даже самым зложелательным, человеком, если сам не буду восставать против себя немирностью сердца своего. Почему если бываю уязвляем, то причина этому не в нападении извне, а в моем нетерпении. Так, твердая пища для здорового полезна, а для больного вредна. Не может она повредить приемлющему ее, если ей к нанесению ему вреда не придает силы немощь его [Соб. 18, 16].

8

О Божественной благодати и свободном произволении как производителях духовной жизни

187. Мы всегда должны быть твердо уверены, что никак не можем достигнуть совершенства своими трудами и подвигами, хотя бы со всею неутомимостью упражнялись во всякой добродетели. Одни человеческие усилия не могут иметь такой цены и силы, чтобы возводить на высоту святости и блаженства, если Сам Господь не будет при том содействовать нам и направлять сердце наше к тому, что для нас полезно. Потому в каждое мгновение мы должны взывать к Богу с Давидом: *соверши стопы моя во стезях Твоих, да не подвижутся стопы моя* (Пс. 16, 5), — дабы этот невидимый правитель духа человеческого обращал произволение наше к добродетели, так как оно более склонно к пороку, то по неведению добра, то по обольщению страстей. Это очень ясно выражено пророком в одном стихе песни: *отриновен превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Первым полустишием означается нетвердость нашего произволения; а вторым — всегда готовая нам помощь от Господа, Который всякий раз, как начинаем колебаться, простирает к нам руки Свои, поддерживает и утверждает, чтобы иначе с одним своим произволением не пали мы совершенным падением. Так, ни один праведник не имеет в себе достаточно сил стяжать праведность; непрестанно колеблется он и в каждое мгновение готов пасть. Потому милость Господня подкрепляет

его рукою Своею, чтобы иначе, подвергшись падению по слабости произволения, совершенно не погиб он в падении своем [Соб. 3, 12]. И кто будет столько самонадеян и слеп, чтобы думать, что не имеет нужды в непрестанном содействии Божием, когда Сам Господь в Евангелии ясно научает: *якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете... яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 4, 5)? Как же неразумно, даже святотатственно, присваивать какие-нибудь добрые дела своим усилиям, а не благодати и содействию Божию, когда Господне изречение свидетельствует, что без Его содействия никто не может приносить духовных плодов! [Соб. 3, 16].

188. Веруем потому, что как начало благого расположения полагается в нас особым внушением Божиим, так равно совершение добродетелей подается Им же; наше же дело — с большею или меньшею готовностью покоряться внушению Божию и принимать Его помощь. Мы заслуживаем награду или достойное наказание, судя по тому, нерадим ли или с благоговейною покорностью заботимся сообразжаться с распоряжениями и Промышлением Божиим, простертым на нас благостынным благоволением Его. Это ясно выразилось в исцелении иерихонских слепых. Что Господь проходил мимо их, это есть благодать Божественного Промышления и снисхождения. Но что они взывали: *помилуй ны, Господи, Сыне Давидов* (Мф. 20, 30), это дело их веры и упования; самое же прозрение опять от милосердия Божия [Соб. 3, 19].

189. Земледелец хотя много трудится над возделыванием земли, но не может ожидать обильного плода, если на обработанную землю не падет благовременный дождь и не будет благоприятной погоды. Итак, как ленивым земледельцам, которые не стараются обрабатывать свою землю, Бог не дает плода: так и трудолюбивым не принесет пользы повсечастная забота, если не поблагопоспешит им милосердие Божие. Так и в деле жизни по Богу и свои труды нужны, но если благодать Божия не поблагопоспешит, ни в чем не успеем. Исповедуй же, что Бог есть начальный виновник не только дел, но и помышлений

благих: Он внушает нам и Свою волю святую, и дает силу и удобный случай исполнить то, чего правильно желаем; ибо *всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов* (Иак. 1, 17) [Соб. 13, 3].

190. Воля Божия всегда желает, чтобы созданный Им человек не погиб, но во веки жил. Бог, если заметит в нашем сердце хоть искру расположения к добру, по благосердию Своему не дает ей угаснуть; но желая, чтобы все спаслись и в разум истины пришли, всячески способствует к тому, чтобы она обратилась в пламя. Благодать Божия близка ко всем; она всех без изъятия призывает ко спасению и к тому, чтобы все пришли в познание истины, ибо говорит: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28) [Соб. 13, 7].

191. Уму человеческому не понятно, как это спасение принадлежит и нашему произволению, ибо говорится: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снесте* (Ис. 1, 19), и вместе оно есть дело *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (Рим. 9, 16), — как это Бог имеет воздать каждому по делам его, и вместе Он же есть — *и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 13), — почему это нам повелевается *сотворить себе сердце ново и дух нов* (Иез. 18, 31), и вместе говорится: *и дам вам сердце ново и дух нов дам вам* (Иез. 36, 26). Не трудно будет решить эти сомнения, если мы будем помнить, что в деле спасения нашего участвует и благодать Божия и свободное произволение наше, и что человек, хотя может иногда желать добродетели, но чтобы исполнить желания эти, всегда нуждается в помощи Божией; подобно как для больного недостаточно одного желания быть здоровым, но нужно, чтобы податель жизни — Бог — дал силы к восстановлению здоровья. Чтобы совершенно увериться в том, что и от природной способности, данной милосердым Творцом, возникающие добрые желания можно исполнить только при помощи Божией, для того довольно вспомнить слова апостола: *еже хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7, 18) [Соб. 13, 9].

192. Многие спрашивают, когда в нас действует благодать, — тогда ли, когда обнаруживается в нас доброе желание, или

доброе желание тогда в нас обнаруживается, когда посетит нас благодать Божия? Опыт и то и другое оправдывает: Савл и Матвей мытарь не сами возжелали, но пожелали по призванию; Закхей и разбойник на кресте своим желанием предварили дело благодати. Так и положить надлежит: когда Бог видит, что мы хотим склониться к добру, то направляет и укрепляет нашу готовность; но если мы не хотим добра, или охладели к нему, то делает нам спасительные внушения, через которые доброе расположение образуется или возобновляется [Соб. 13, 11].

193. Не должно думать, что природа человеческая способна к одному только злу. Творец всеял в души наши семена всех добродетелей, но для возрастания их нужны воздействия со стороны Бога; так, однако же, что в человеке всегда пребывает свободное произволение принимать или не принимать эти благодатные воздействия. Если бы совсем не зависело от нас устроение нашего спасения, то апостол не сказал бы: *со страхом и трепетом свое спасение содевайте;* но если бы все зависело от нас одних, то он не присовокупил бы: *Бог бо есть действуяй в вас и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2, 12-13). Благодать Божия и предваряет нас, ибо пророк говорит: *Бог мой, милость Его предварит мя* (Пс. 58, 11), — и последует за нашею волею, почему и говорится: *и утро молитва моя предварит Тя* (Пс. 87, 14) [Соб. 13, 12].

194. Благодать Божия всегда направляет волю нашу в добрую сторону так однако же, что и от нас требует или ожидает соответственных усилий. Чтобы не дать даров своих беспечным, она выискивает случаи, которыми пробуждает нас от холодной беспечности; чтобы щедрое сообщение даров ее не казалось беспричинным, сообщает их после нашего возжелания и труда. При всем том, однако же, благодать всегда дается даром, потому что за малые наши усилия воздает с безмерною щедростью. Поэтому, сколько бы ни были велики труды человеческие, все они не могут сделать благодать не туне даемою. Апостол языков, хотя говорил, — что он потрудился паче всех апостолов; впрочем, присовокупляет, что труды эти не ему принадлежат, а благодати Божией, которая с ним (см. 1 Кор. 15, 10). Таким

образом, словом *потрудихся* он выражает усилия своей воли; словами *не аз же, но благодать Божия* — Божественное содействие; а словом *со мною* — показывает то, что благодать содействовала ему, не в праздности и беспечности пребывающему, а тогда, как он трудился [Соб. 13, 13].

195. Бог многоразличными и непостижимыми способами устрояет спасение наше: в желающих и ищущих спасения Он усиливает желание, а в не имеющих желание возбуждает оное; помогает исполнению спасительных желаний наших, — и вдыхает святые желания или утверждает их. Почему в молитвах своих мы именуем Его и Покровителем и Спасителем и Помощником. Он, подобно нежнейшему Отцу и сострадательному врачу, во всех нас все производит: у иных Он производит начало спасения и воспламеняет усердие к нему, у других приводит к концу дела, и добродетели к совершенству, — иных удерживает от близкого падения, а другим подает случаи и удобства ко спасению, — иным хотящим и текущим спомоществует, других не хотящих и противящихся привлекает и склоняет к доброму расположению: всюду производит все — возбуждая, содействуя и утверждая, — но без нарушения данной Им же свободы [Соб. 13, 18].

9

О молитве (Соб. 9)

196. Надобно поставить для себя первою целью и верхом совершенства непрестанную молитву, опирающуюся на умирение души и чистоту сердца, для достижения коих подъемлется нами утруждение тела и держится сокрушение сердца. Связь между всеми этими деланиями и молитвою неразрывна и взаимна. Ибо как строй добродетелей (этих) ведет к совершенству в молитве; так они, — если молитва не завершит и не увенчает собою их всех, не могут пребыть твердыми и постоянными. Как без них не может быть приобретена и взойти к совершенству эта, о коей у нас речь, непрестанная, чистая и невозмутимая

молитва; так и эти добродетели, в устроении жизни по Богу идущие впереди ее, не могут быть явлены в совершенстве без неусыпной молитвы. Поэтому мы не могли бы войти прямо в рассуждение о силе молитвы, завершающей собою здание всех добродетелей, если бы наперед не было нами по порядку означено и рассмотрено все, что должно быть отсечено или приготовлено, в видах стяжания ее, — или если бы, — по смыслу евангельской притчи (см. Лк. 14, 28-30), не было нами наперед расчислено и собрано все, что потребно для построения этого возвышеннейшего духовного столпа; что, однако же, и будучи приготовлено, не пойдет в дело как следует, и не допустит правильно возложить над собою последних верхов совершенства, если прежде по вынесении всякой нечистоты пороков и выброшении обломков и мертвого мусора страстей, на живой и твердой земле сердца нашего, как бы на оном евангельском камне (см. Лк. 6, 48), не будет положен прочнейший фундамент простоты и смирения, на котором мог бы быть воздвигнут этот столп через назидание на нем духовных добродетелей, непоколебимо стоять и главу свою возносить до последних высот неба, надеясь на свою прочность. Когда же он будет утвержден на таковом фундаменте, тогда пусть снидет проливной дождь страстей, пусть, подобно стенобитным машинам, нападут стремительные реки гонений, пусть наляжет свирепая буря враждебных духов, он не только разрушением не разрушится, но не почувствует даже их приражения [2].

197. Поэтому, чтобы молитва могла быть возносима с должною горячностью и чистотою, вот что следует всячески соблюдать: во-первых, всякая забота о вещах плотских всеконечно должна быть отсечена; потом — не только хлопотание о каком-либо деле или случае, но даже и память о том отнюдь не должны быть допускаемы, равно как развлечение, пустословие или многословие и шутка должны быть пресечены, паче же всего смятение от гнева или скорби совсем подавлено, пагубное возбуждение плотской похоти и влечение сребролюбия с корнем исторгнуты. По совершенном же извержении и отсечении этих и подобных пороков, открытых и для взоров

человеческих, и по таком предварительном вычищении всего, завершающемся чистотою и непорочностью, должно далее, во-первых, положить непоколебимый глубокого смирения фундамент, который был бы силен сдержать имеющий проникнуть в самые небеса столп; потом должно быть на этом основании возведено здание духовных добродетелей, и дух удерживаем от всякого парения и блуждания непостоянного, чтобы таким образом духовный взор мало-помалу начал подниматься к созерцанию Бога. Ибо что прежде молитвенного часа восприняла в себя душа наша, то необходимо приходит нам на мысль и во время молитвы, бывая вносимо туда рукою воспоминания. Почему какими желаем быть во время молитвы, такими должны мы себя уготовать прежде времени молитвы; и чего не желали бы мы видеть теснящимся в нас, когда молимся, то поспешим прежде того изгнать из сокровенностей сердца нашего, да возможем исполнить апостольскую заповедь: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17) [3].

198. Ум наш не неприлично сравнивают с крайне легким перышком или пухом, который, не будучи омочен никакою стороннею жидкостью, при самом слабом дыхании ветра обыкновенно возносится, по своей легкости, на большую высоту; а бывая отягчен какою-либо влагою, вместо того, чтобы подниматься на воздух, от тяжести принятой им влаги падает долу и прилипает к земле. Так и ум наш, если не будет обременен пришлыми ему страстями и заботами мирскими, и поврежден влагою пагубной похоти; то, будучи легок в силу естественной своей чистоты, при самом легком веянии духовного размышления возвышается горе и, оставляя дольнее и земное, уносится к небесному и невидимому. Поэтому-то, собственно, и внушают нам Господни заповеди: *внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими* (Лк. 21, 34). Итак, если хотим, чтобы молитвы наши не только до небес, но и превыше небес проникали; то постараемся ум свой возвести к естественной его легкости, очистив его от всех земных пороков и от всякой влаги мирских страстей,

чтобы таким образом молитва его, не отягчаясь более никаким бременем чуждым, легко воспаряла к Богу [4].

199. Обратите внимание на причины, на кои, как на отяжеляющие ум наш, указал Господь. Не на прелюбодеяние, не на блуд, не на убийство, не на богохульство, не на хищение, которые все признают грехами смертными и достойными осуждения указал Он, а на многоядение, винопитие и попечение или заботы века этого, которых не только из людей мира этого никто не бережется и не считает зазорными, но, стыдно сказать, некоторые и из отрекшихся от мира позволяют себе те же прохлаждения, не видя в них для себя ни вреда, ни беды. Впрочем, этих трех неправостей, отяжеляющих душу, от Бога ее отделяющих и к земле пригнетающих, если разуметь их, как гласит буква, легко избежать, особенно нам, так далеко удаленным от всякого сношения с миром и никакого совершенно не имеющим случая вмешиваться в эти видимые попечения, пьянства и пресыщения. Но есть иное некое пресыщение и пьянство духовное, труднее избегаемое, и есть иное некое попечение и печаль века этого, которые и нас охватывают, после совершенного отречения нашего от всех стяжаний, при воздержности нашей от вина и всякого пресыщения, при нашем пребывании в пустынном уединении. Я разумею поблажки плоти, привязанности и страсти, от которых если не очистим себя, то и без опьянения от вина и без обилия яств сердце наше будет отяжеляемо пьянством и пресыщением еще более вредным. И только тот, чей ум, отрешившись от уз всех страстей, глубоко умиротворится, и чье сердце всем устремлением наикрепчайше прилепится к Богу, как верховному благу, может в совершенстве исполнить апостольскую заповедь: *непрестанно молитеся* [5, 6].

200. Все виды молитв, без особенного сокрушения сердца, чистоты души и просвещения от Духа Святого, думаю, невозможно обнять. Их столько, сколько в одной душе или и во всех душах, может порождаться разных состояний и настроений. По мере преспеяния ума в чистоте и по качеству состояния, в какое он или случайностями вводится, или в силу своих внут-

ренних деланий обновленно восходит, и она в каждые такие моменты преобразуется; и потому очевидно, никем не могут быть воссылаемы всегда однообразные молитвы. Всякий иначе молится, когда весел; иначе, когда обременен печалью или нечаянием; иначе, когда процветает в духовных преспеяниях; иначе, когда угнетается множеством вражеских нападений; иначе, когда испрашивает отпущение грехов; иначе, когда молит о приращении благодати или о стяжании какой-либо добродетели, или о погашении какой-либо страсти; иначе, когда поражен бывает страхом при размышлении о геенне и будущем суде; иначе, когда воспламеняется надеждою и желанием будущих благ; иначе, когда бывает в нуждах и опасностях; иначе, когда наслаждается безопасностью и миром; иначе, когда осиявается откровениями небесных таин; иначе, когда скорбит о бесплодии в добродетелях и сухости чувств [8].

201. По предметам апостол различает четыре вида молитв, говоря так: *молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения* (1 Тим. 2, 1). ***Молитва*** есть моление или умаливание о грехах, когда кто, пришедши в сокрушение о содеянных им настоящих или прошедших грехах, испрашивает прощение в них; ***моление*** бывает, когда, молясь, что-либо приносим или обещаем Богу (говоря: я то и то сделаю, только ущедри Господи); ***прошение*** бывает, когда, находясь в горячности духа, воссылаем молитвы за других, о тех, кого любим, или о мире всего мира; ***благодарение***— когда ум приносит Богу благодарение (и славословие), воспоминая прошедшие благодеяния Божии, или видя настоящие, или прозревая, какие в будущем уготовал Бог блага любящим Его [9-14, сокращенно].

202. За этими четырьмя видами молитв следует молитвенное возвышеннейшее некое состояние, которое заключается в созерцании единого Бога и в пламенной любви к Нему, и где ум наш, объятый и проникнутый этой любовью, беседует с Богом ближайшим образом и с особенною искренностью. Что мы должны тщательно искать этого состояния, это внушает нам молитва Господня: ***Отче наш*** и проч. (Мф. 6, 9-13).

Мы говорим: ***Отче наш!*** — и тем исповедуем Бога — Владыку вселенной — своим Отцом, исповедуем вместе, что изъяты из состояния рабства и присвоены Богу в качестве усыновленных чад Его. — Присовокупляя же потом: ***Иже еси на небесех,*** изъявляем готовность всем отвращением отвращаться от привязанности к настоящей жизни земной, как страннической, и далеко отдаляющей нас от Отца нашего, а напротив, с величайшим желанием стремиться к той области, в которой обитает Отец наш, и не позволять себе ничего такого, что бы, делая нас недостойными высокого всыновления, лишало нас, как незаконных детей, Отеческого наследия и подвергало всей строгости праведного суда Божия.

Достигши столь высокой степени сынов Божиих, мы должны гореть такою сыновнею к Богу любовию, чтобы уже не своих польз искать, но всем желанием желать славы Его — Отца своего, говоря Ему: ***да святится имя Твое,*** чем свидетельствуем, что все наше желание и вся радость есть слава Отца нашего, — да славится, благоговейно чтится и покланяемо бывает преславное имя Отца нашего.

Второе прошение очищенного ума есть прошение, ***да приидет Царствие*** Отца его, — или то, коим Христос царствует во святых, когда по отъятии власти над нами у диавола и изгнании из сердец наших страстей, Бог начинает господствовать в нас через благоухание добродетелей, — или то, которое в предопределенное время обещано всем вообще совершенным и чадам Божиим, когда скажет им Христос: *придите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34).

Третье прошение, свойственное сынам: ***да будет воля Твоя. яко на небеси. и на земли,*** — что означает: да будут люди подобны Ангелам, — и как сии исполняют волю Божию на небе, так и все живущие на земле да творят не свою, а Его волю; означает еще: да будет с нами в жизни все по воле Твоей; Тебе предаем участь нашу, веруя, что Ты все, — и счастье и несчастье устрояешь во благо нам, и более печешься о нашем спасении, нежели мы сами.

Далее: ***Хлеб наш насущный даждь нам днесь.*** Насущный — над-сущный, — высший всех сущностей, — (каковым может быть только ***хлеб, сшедший с небес***). Когда говорится: ***днесь,*** показывается, что вчерашнее вкушение его недостаточно, если он также не будет преподан нам и ныне, — в убеждение нас такою каждодневною нужностью его во всякое время изливать эту молитву, так как нет дня, в который бы не нужно было укреплять сердце внутреннего нашего человека принятием и вкушением этого хлеба.

И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим. Милостивый Господь обещает нам прощение грехов наших, если сами мы покажем пример прощения братиям нашим: ***остави нам, якоже и мы оставляем.*** Очевидно, что, в надежде на эту молитву, с дерзновением может просить себе прощение только тот, кто сам простил должникам своим. Кто же от всего сердца не отпустит согрешающему против него брату своему, тот этою молитвою будет испрашивать себе не помилование, а осуждение. Ибо если эта молитва его будет услышана, то в соответствие примеру его что иное должно последовать, как не гнев неумолимый и непременное определение наказания. *Суд бо без милости не сотворшему милости* (Иак. 2, 13).

И не введи нас во искушение. Приводя на память слова ап. Иакова: *блажен муж, иже претерпит искушение* (Иак. 1, 12); — эти слова молитвы мы должны разуметь не так: «не попусти нам когда-либо искуситися», — но так: «не допусти нам быть побежденными в искушении». Искушаем был Иов, но не введен в искушение; ибо, при помощи Божией, *не даде безумия Богу* (Иов. 1, 22), и не осквернил уст своих богохульным ропотом, к чему хотел привлечь его искуситель. Искушаем был Авраам, искушаем был Иосиф, но ни тот, ни другой не введен был во искушение; ибо ни один не исполнил воли искусителя.

Но избави нас от лукаваго, — то есть не попусти искуситься от диавола сверх нашей силы, *но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи* нам *понести* (1 Кор. 10, 13) [18-23, сокращенно].

203. Хотя предложенная молитва, будучи изречена Самим Господом, заключает в себе всю полноту совершенства (молитвенного); однако же Господь присных Своих проводит еще далее — к возвышеннейшему некоему, как мы выше поминали, состоянию, — к той пламенной, весьма не многими дознанной или испытанной, даже, скажу, неизреченной молитве, которая, превосходя всякое человеческое понятие, не звуком голоса, не движением языка и произнесением каких-либо слов, обозначается, и которую ум, излиянием небесного оного света озаренный, не слабою человеческою речью выражает, но собрав чувства, как бы из обильнейшего некоего источника изливает из себя неудержимо и неизреченно как бы отрыгает прямо ко Господу, то изъявляя в этот кратчайший момент времени, чего, в себя пришедши, не в силах бывает он ни словом изречь, ни проследить мысленно [25].

204. Такого рода молитвенное состояние есть Божий дар; обычно же благодатное молитвенное настроение характеризуется умилением, посещением которого объятый ум возбуждается к чистой и пламенной молитве. Умиление это находит при разных случаях, как показал опыт. Иногда, во время пения псалмов, слова какого-либо стиха подавали повод к пламенной молитве, иногда благозвучная мелодия братнего голоса возбуждала души изумленных к напряженному молению. Знаем также, что иногда внятное и благоговейное пение много вливало горячности в предстоящих; а нередко увещание мужа совершенного и духовное собеседование возбуждали в лежащих, когда преклоняли колена, чувство к обильному излиянию молитв. Бывало, что мы не менее сильно были восхищаемы к полному умилению погибелью брата или дорогого какого человека. Также воспоминание о нашей холодности и лености иногда наводило на нас спасительный жар духовный. И вообще, случаи, в которых Божия благодать пробуждает наши души от бесчувствия и сонливости, бесчисленны [26].

205. Как при разных случаях находит умиление, так разно и выражается оно: иногда обнаруживается оно неизреченною некою радостью духовною; иногда погружает в глубокое мол-

чание все силы и движения души; иногда изводит более или менее обильные слезы. Слезы или плачевное некое настроение есть более обычное его выражение. Они бывают при этом или от уязвления сердца сознанием своих грехов, или от созерцания вечных благ и от желания вечной славы, или от сознания великих к себе благодеяний Божиих, при чувстве своего непотребства и недостоинства или от чувства многобедственного странствования нашего на земле [27, 29].

206. Какой знак услышания молитвы? Когда во время молитвы не смущает нас никакое сомнение, и ничто надежды нашего прошения не низлагает нечаянием, если в самом излиянии молитвы чувствуем, что мы получили то, чего просили, то да не сомневаемся, что молитвы действительно услышаны. Ибо настолько молящийся удостоится услышан быть и получить просимое, насколько будет верить, что Бог на него взирает и может исполнить его прошение. Ибо непреложно изречение нашего Господа: *вся елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам* (Мк. 11, 24). При сем слово Божие указывает немало причин, способствующих услышанию молитвы. Так бывает услышиваема молитва, когда двое соглашаются молиться (см. Мф. 18, 19), — или когда кто молится с верою, хотя бы эта вера равнялась зерну горчичному (см. Мф. 17, 20), — жди когда кто не отступно молится (см. Лк. 11, 8), — или когда с молитвою соединяют милостыню (см. Сир. 29, 15), — и другие дела милосердия (см. Ис. 58, 6-9). Видите, сколькими способами снискивается благодать услышания молитвы; потому никто не падай в нечаяние при испрошении себе спасительных благ. Ибо положим, что у тебя не достает многого из того, через что услышивается молитва; но неужели не можешь ты иметь неотступности в молитве, которая в руках всякого желающего. Ради ее одной Господь обещал дать все, что будет прошено. Потому без колебания неверием будем неотступны в молитве, и получим просимое. Так обетовал Господь: *просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте и отверзется вам* (Лк. 11, 9). Но всякий молящийся должен

знать, что он наверно не будет услышан, когда будет сомневаться в услышании [32, 34, сокращенно].

207. Паче всего относительно молитвы надлежит нам исполнять евангельскую заповедь, чтобы мы молились Отцу Небесному, войдя в свою клеть и затворив двери. Это и буквально исполнять следует, а паче духовно. Внутри своей клети молимся, когда, сердце свое совершенно отвлекая от всех помыслов и забот, приносим молитвы свои Господу некоторым тайным образом и с дерзновением. При запертых дверях молимся, когда с закрытыми устами, молча молимся Испытующему не слова, а сердца. В сокровенном месте молимся, когда только сердцем и внимательным умом приносим свои прошения Богу единому, так что и самые противные власти не могут узнать, о чем молимся. Почему надобно молиться с глубоким молчанием не для того только, чтобы предстоящих братий не отклонять от молитвы и не возмущать их молитвенных чувств своим шепотом или возгласами, но и для того, чтоб от самых врагов наших, наветующих нам, особенно когда молимся, укрылось намерение (предмет) нашей молитвы [35].

208. Молитва наша взойдет в свойственное ей совершенство, когда в нас совершится то, о чем молился Господь к Отцу Своему: *да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет* (Ин. 17, 26); и еще: *якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут* (там же, ст. 21). Это будет тогда, когда вся наша любовь, все желание, вся ревность, все стремление, вся мысль наша, все, что видим, о чем говорим, чего чаем, будет Бог, — и когда то единение, которое есть у Отца с Сыном, у Сына с Отцом, излиется в наши сердца и умы, — чтобы как Он искреннею чистотою и неразрывною любит нас любовию, так и мы соединены были с Ним чистою и неразделимою любовию. Достигший этого вступает в состояние, в коем не может не теплиться в сердце его непрестанная молитва; тогда всякое движение жизни его и всякое устремление сердца его будет единая непрерывная молитва, предвкушение и залог вечноблаженной жизни [Соб. 10, 7].

209. Для достижения последнего совершенства в молитве надлежит утвердиться в памятовании о Боге неотходном, — к чему средством служит краткая, часто повторяемая молитва [Соб. 9, 36]. Отцы наши нашли, что стремящийся к всегдашнему памятованию о Боге должен приобрести навык непрестанно повторять следующую молитовку: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися* (Пс. 69, 2). Стих сей не недостойно избран из всего Писания: он выражает все расположения, требуемые в молитве, и отвечает всем потребностям молящегося. Он содержит смиренное исповедание своей беспомощности, исповедание Бога единым помощником, всегда готовым помочь, — веру и чаяние, что и ему, произносящему эту молитву, поможет и от всякой беды его избавит. Кто непрестанно призывает Бога этими словами, тот умно видит и сердцем ощущает Бога присущим себе, и к Нему обращается как к Отцу с сыновнелюбящим сердцем, — и через то привлекает на себя Божий покров, осенение и ограждение. И соделывается, таким образом, эта краткая молитва непреоборимою стеною против нападения бесов, — разогнательницею шума мыслей, отразительницею помыслов худых, укротительницею страстных движений, и воспитательницею всяких добрых насаждений в сердце. Отцы и заповедали нам: докучает ли страсть чревобесия в разнообразных своих проявлениях, — взывай: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися;* — или чувствуешь нужду в более строгом посте для укрощения плоти, и не надеешься совладеть собою, молись: *Боже, в помощь мою вонми,* и проч. Томит ли дух уныния, и снедает печаль, отбивая от всякого должного дела, говори: *Боже, в помощь мою вонми;* — или посетит душу некое обвеселение духовное, и тебе желательно сохранить его, и возвысить, то же слово рцы: *Боже, в помощь мою вонми.* Подымется ли щекотание плоти со своею обольстительною сластью, — и боишься, как бы этот огнь не опалил благовонного цвета целомудрия, взывай: *Боже, в помощь мою вонми* и проч.; или вошла безтревожность и прохлада в члены твои, и ты желаешь, чтобы это доброе состояние продолжилось, или навсегда пребыло в тебе, усерднее тверди:

Боже, в помощь мою вонми и проч. Так и при всякой духовной нужде эту одну тверди молитовку; и будет она для тебя избавлением от всего худого, и охраною в тебе всего доброго. Почему пусть она непрестанно обращается в груди твоей: при всяком деле и служении, на пути и за столом, при отходе ко сну и пробуждении — не преставай воспевать стих сей и поучаться в нем, пока через постоянное упражнение в этом навыкнешь воспевать его и во сне [Соб. 10, 10, сокращенно].

210. Плодом этого будет первее всего то, что ты отвергнешь все богатство своих помыслов и, удерживаемый единостью этого стишка, будешь все более и более навыкать объединению ума помышлением о едином Помощнике, зря Его всегда присущим тебе, всевидящим и всесодержащим. Отсюда потом, восходя к живейшему общению с Богом, начнешь насыщаться все более и более возвышенными тайнами, погружаясь в Бога, с Ним единым пребывая, и Им единым довольствуясь. Так, наконец, достигнешь ты и той помянутой выше чистой молитвы, которая не допускает уже во внимание никакого образа, и не проявляется никаким звуком голоса или произнесением каких-либо слов, но с неудержимою живостью исторгается из сердца, неизреченно восторженного пламенным устремлением ума к Богу, и изливается пред Ним неизъяснимыми воздыханиями и стенаниями [Соб. 10, 11, сокращенно]

10

О руководстве в духовной жизни — рассуждении с советом опытнейших (Соб. 2)

211. Некогда собрались старцы к святому Антонию Великому и с вечера до утра рассуждали о разных духовных предметах, — и особенно о том, какая добродетель больше всех, которая могла бы сохранять нас неуловимыми для сетей обольщения диавольского, и прямым путем вести на верх совершенства. Предлагались разные мнения: одни выставляли пост и бдение; другие — нестяжательность и презрение всех

вещей; иные — отшельничество или удаление в пустынь; иные — человеколюбие. Когда таким образом все высказались, стал говорить блаженный Антоний. «Все сказанное вами спасительно и необходимо для ищущих Бога и желающих прийти к Нему. Но дать первенство какой-либо из указанных вами добродетелей не позволяют опыты падения преуспевавших в них. Ибо и отличавшиеся строгими постами и бдениями, и пребывавшие неисходно в пустынном уединении, и доходившие до крайней степени нестяжательности, и щедрые милостынодавцы попадались в сети врага и падали. И причина этому, думаю, не другая какая была, как недостаток рассудительности. Ибо она научает человека идти царским путем, избегая опасных крайностей: в отношении к пощению, например, она не допускает ни до черезмерного изнурения тела, ни до поблажек ему. В Евангелии она называется оком и светильником души: *светильник телу,* говорит Господь, *есть око: аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет: аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет* (Мф. 6, 22-23). Как свет все освещает и око все видит, так и она, все помышления и дела человека пересматривая и обсуждая, выясняет и определяет, что должно делать, как и от чего следует удержаться. Когда же у кого не достает такой рассудительности, тогда дела его и помышления, не будучи строго обсуждаемы, текут, как течется, и тут враг успевает подставить ему кажущееся добро вместо истинного, и, прикрывая им ров или сеть, ввергает в них, и погубляет его» [2].

212. Решение святого Антония подтверждается бесчисленными примерами. Вспомним о жалком падении старца Ирона. Он вдался в крайне строгий пост и глубокое уединение, и чтобы как-нибудь не нарушить их, по внушению врага, не стал приходить в обычные собрания пустынников по субботам и воскресеньям, где во взаимном собеседовании выяснялись разные пути и распутья жизни строгой. Обольстившись этим, будто добрым, советом врага, он поддался ему еще в большем прельщении, — принял его за Ангела, когда он явился ему в этом виде, и согласился, по его слову, броситься в высохший колодезь, — расшибся и на третий день скончался. Вот и еще

пример: два брата, вознамерясь идти в глубочайшую пустыню, положили не принимать иной пищи, кроме той, которую подаст Сам Господь. Когда, блуждая по пустыне, они изнемогли до того, что уже и двигаться не могли, напали на них мазики — дикий и жестокий народ; но видя их в таком жалком положении, сжалились над ними и предложили им хлеба. Один одумался и согласился принять хлеб, хоть и от человеков, но как от Господа посланных; подкрепился и остался жив. А другой упорно остался при своем решении, — и умер от голода. Вот и еще: некто из строгих постников и уединенников счел себя достойным общения с небесными Силами, — и враг не замедлил воспользоваться этим; стал являться ему, как Ангел, давать откровения о делах и мыслях человеческих, производить в келлии свет без светильника. Достигши этим путем полного к себе доверия, он велел ему наконец принести в жертву Богу сына своего, подобясь Аврааму. И это, конечно, было бы исполнено, если бы сын, видя необыкновенные приготовления, не догадался убежать. Еще: в Месопотамии одного воздержника и уединенника враг довел до беспрекословной веры снам, и представив ему в сновидении два народа: христианский с апостолами и мучениками во мраке, бесславии, скорби и плаче, — и иудейский с Моисеем, патриархами и пророками в лучезарном сиянии, в славе и радовании, — склонил перейти во иудейство и принять обрезание. — Довольно и этих примеров, чтобы убедиться, что нерассудительность есть открытая дверь к падениям и пагубе [5-8, сокращенно].

213. Рассудительность есть дар Божий, который, однако же, надлежит развивать и воспитывать. Как? — Отдавая все свое на рассуждение опытнейших отцов. Это самая мудрая школа рассудительности, в которой научаются добре рассуждать о достодолжном даже и такие, которые не имеют особой к тому способности. Так решается вопрос, — как приобретается рассудительность. Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, коего первым доказательством служит — открывать отцам не только то, что делаем, но и то, о чем думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу, но во всем сле-

довать наставлениям старцев, и считать хорошим или худым только то, что они признают таковым. Такое действование и способствует безопасно пребывать на правом пути и охраняет от всех сетей диавольских. Тому, кто свою жизнь располагает не по своему суждению, а по совету преуспевших, невозможно пасть от прельщения бесовского. Так предание рассуждению отцов своих помыслов заменяет свою рассудительность и научает ей. Враг не любит света; почему откровение злых помыслов тотчас, как они открываемы бывают, разгоняет их и истребляет. Как змея, извлеченная из темной норы на свет, старается убежать и скрыться, так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедью, стараются бежать от человека. Это подтверждается многими и премногими примерами и опытами [10].

214. Авва Серапион рассказывает о себе: когда был я в новоначалии, то тайком от аввы брал себе сухой хлебец и съедал. Я делал это очень долгое время, и страсть овладела мною так, что я не мог одолеть ее. Совесть осуждала меня; я же стыдился сказать об этом авве. Но по смотрению человеколюбивого Бога случилось зайти к старцу некоторым братиям, которые стали открывать ему свои помыслы и просить на них разрешения. Старец отвечал им, что требовалось, причем пришлось говорить и о воздержании в пище. Потом он прибавил: ничто столько не вредит монахам и ничто столько не радует бесов, как утаивание своих помыслов от духовных отцов своих. Слова эти сильно поразили меня; мне думалось, что Бог открыл старцу мои согрешения, и, придя в сокрушение, я начал плакать, — потом вынул из-за пазухи хлебец, который обыкновенно крал, и, повергшись на землю, просил простить прошедшее и молиться о сохранении меня от этого в будущем. Тогда старец сказал: признание твое освободило тебя от плена твоего; открывши свои грехи, ты поразил беса, уязвлявшего тебя при твоем молчании. Доселе ты попускал ему обладать тобою, не противореча ему и не обличая его, а теперь, будучи изведен из сердца твоего и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места. Старец не окончил еще речи, как показалось, будто горящий

факел вышел из недр моих и наполнил всю келлию зловонием, так что присутствующие думали, что горит сера. Старец прибавил: вот Господь явно подтвердил истину слов моих и твоего освобождения. Так действием признания отступила от меня страсть чревоугодия, и с тех пор даже на мысль мне не приходило прежнее пожелание [11].

215. Что видим в Самуиле? — Он, с младенчества будучи посвящен Богу и удостоясь беседы с Ним, не поверил своему помыслу, но дважды воззванный Богом, спешит к старцу Илию, и от него получает наставление, как должно отвечать Богу. Таким образом, Бог Сам и того, кого удостоил собеседования с Собою, восхотел руководить наставлением старца, чтобы через то путеводить его к смирению. Не то же ли видим и в святом Павле? Господь Сам призвал его; но тут же отсылает его к Анании, чтобы у него научиться пути истины. И сам святой Павел, после нескольких опытов проповеди евангельской, идет в Иерусалим проверить свое благовестие, *да не како вотще текох* (Гал. 2, 2), — хотя ему осязательно сопутствовала благодать Святого Духа. Так что, очевидно, Господь никому не открывает пути к совершенству, кроме руководимых к оному духовными отцами, как и через пророка говорит: *вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе* (Втор. 32, 7) [14, 15].

11

О степенях совершенства духовной жизни по побуждениям к ней (Соб. 11)

216. Три побуждения заставляют людей подавлять страсти, именно: страх геенского мучения в будущем или боязнь строгости законов в настоящем; надежда и желание получить Царство Небесное; наконец, любовь к добродетели или добролюбие. Что страх заставляет гнушаться скверны зла, о сем говорится в Притчах: *страх Господень ненавидит неправды* (8, 13). Что надежда также удерживает от увлечения страстями, — об этом

сказано: *не прегрешат вси уповающии на Него* (Пс. 33, 23). О любви же сказано, что она даже не боится падения греховного: *любы николиже отпадает* (1 Кор. 13, 8). Поэтому апостол все дело спасения заключил в стяжании этих трех добродетелей, говоря: *ныне же пребывают вера, надежда, любы, — три сия* (1 Кор. 13, 13). Вера, внушая страх будущего суда и мучений, отклоняет нас от скверны страстей; надежда, отторгая ум наш от настоящего ожиданием небесных воздаяний, заставляет презирать все плотские удовольствия; любовь, огнем своим воспламеняя в нас любовь ко Христу и к преспеянию в духовных добродетелях, побуждает с совершенною ненавистью отвращаться от всего, что противно им. Хотя эти три добродетели все ведут нас к одному концу, то есть побуждают воздерживаться от всего недозволенного; но степенями своего достоинства они много разнятся между собою. Две первые свойственны тем людям, которые, стремясь к преспеянию, не восприяли еще сердечного их возлюбления; третья же исключительно принадлежит Богу и тем людям, которые восстановили в себе образ и подобие Божие. Ибо один Бог творит все благое не из побуждений страха или воздаяния, но по единому благолюбию. *Вся содела Господь Себе ради*, говорит Соломон (Притч. 16, 4), то есть по благости Своей Он обильно изливает всякие блага на достойных и недостойных; поскольку не может быть ни огорчен обидами, ни раздражен беззакониями людей, как вечно совершенная и по природе Своей неименная благость [6].

217. Поэтому, кто стремится к совершенству, тот с первой степени страха, собственно называемого рабским, должен постепенно восходить на стезю надежды. Здесь человек уподобляется уже не рабу, а наемнику; ибо действует в ожидании будущего воздаяния. Хотя он, уверенный в прощении грехов своих, уже не страшится наказания за них, а, сознавая в себе добрые дела, чает получить за них добрую награду; но не мог еще дойти до расположения, свойственного сыну, который в полной уверенности в отеческом всещедром к себе благоволении, не колеблясь, почитает своим все принадлежащее Отцу [7].

218. Итак, мы должны ускорять свое шествие, чтобы посредством *николиже отпадающей любви*, востекши на третью степень сынов, почитающих своим все принадлежащее Отцу, удостоиться восприять образ и подобие Небесного Отца и, следуя примеру истинного Сына Его, взывать: *вся, елика имать Отец, Моя суть* (Ин. 16, 15): что и блаженный Павел исповедует о нас, говоря: *вся бо ваша суть, аще Павел, или Аполлос, или Кифа, или мир, или живот, или смерть, или настоящая, или будущая, вся ваша суть* (1 Кор. 3, 21-22). К таковому богоподобию призывает нас и заповедь Спасителя: *будите убо вы совершени,* говорит Он, *якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). У тех, которые находятся еще в состоянии рабов и наемников, расположение к добру иногда прерывается, именно, когда душа по причине некоего охлаждения ее чувства, или по причине развлечения мирскими удовольствиями и радостями, перестает поражаться страхом геенны или желанием будущих благ. Итак, мы не иначе можем достигнуть истинного совершенства, как возлюбивши Бога не по другому чему, как по одному влечению любви к Нему; потому что и Он прежде возлюбил нас не для другого чего, как для нашего спасения. Для этого надобно нам стараться с пламенною ревностью восходить от страха к надежде, от надежды на степень любви к Богу или любви к самым добродетелям, с полною горячностью душевною, чтобы, восприяв такую приверженность к добру, могли мы, сколько это доступно для человеческой природы, неуклонно пребывать в нем [8].

219. Великое находится различие между тем, кто страхом геенны или надеждою будущего воздаяния погашает в себе пламень страстей, — и тем, кто по чувству божественной любви с омерзением отвращается от самой порочности и нечистоты, и блюдет в сердце благо чистоты по любви и приверженности к чистоте, и все делает, не мук страшась, а добродетель любя, и не на воздаяние в будущем обетованное взирая, а насыщен бывая сознательным вкушением настоящего блага. В таком состоянии человек, хотя бы не имел никого свидетелем своих дел, не даст себе воспользоваться случаем ко греху, ни даже

оскверниться тайно в мыслях услаждением греховным; ибо, питая в сердце истинную любовь к добродетели, он не только не приемлет в чувство ничего противного ей, но и с омерзением отвращается от того. А кто страхом удерживается от увлечения обольщением страстей, тот, по отъятии полагаемой страхом препоны, снова обратится к тому, что любит, и потому не всегда будет тверд в своей добродетели, и никогда не будет покоен от борения страстей; так как никак не возможет стяжать твердого и непрерывного мира внутреннего, подаваемого водворением чистоты. Где же нет покоя от браней, там нельзя время от времени не получать и ран. Ибо сколь бы кто искусен ни был в деле брани, сколь бы мужественно ни сражался, хотя бы часто наносил противникам смертельные раны, однако же нельзя, чтобы и его не коснулось иногда вражеское острие. Напротив, кто, подавив всякое восстание страстей, наслаждается уже безопасным миром, и вошел в приверженность к самой добродетели; тот постоянно сохранять будет это состояние доброго настроения, которым весь объят и которому весь предан, так как уверен, что ничего нет пагубнее погубления чистоты. Ему нисколько не прибавит честности уважение к присутствующим людям, и нимало не уменьшит ее у него уединение; но всегда и всюду нося с собою судию не только дел, но и помышлений своих — совесть, он преимущественно старается угодить Тому, Кого, как убежден, нельзя ни обойти, ни обмануть, от Коего и укрыться нельзя [9].

220. Кто, надеясь на Божию помощь, а не на свой ревностный труд, сподобится достигнуть этой степени совершенства, тот из рабского состояния, в котором действует страх, и из состояния наемнического, в котором двигателем служит не внутренняя доброта действующего, а чаяние воздаяния, переходит в состояние усыновления, в котором не имеют места ни страх, ни желание награды, но непрерывно действует одна *николиже отпадающая любовь*. Кто через такую любовь восстановит в себе образ и подобие Божии, тот будет услаждаться добром уже по сердечному расположению к самому добру; и стяжав терпение и кротость, как бы подобные Божиим, не будет потом

гневаться ни на какие пороки согрешающих, но паче, соболезнуя и сострадая их немощам, молиться будет о помиловании их, вспоминая, что и сам дотоле был одолеваем подобными страстями, пока не спасло его милосердие Господа, и что не своими усилиями исторгся он из уз жизни плотской, а благодать Божия избавила его от нее; чтобы уразумел, что не гнев, а сострадание должно изъявлять к согрешающим, в мирном устроении сердца поя Богу: *растерзал еси узы моя: Тебе пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7), — и еще: *аще не Господь помогл бы ми, вмале вселилася бы во ад душа моя* (Пс. 93, 17); и чтобы, находясь в таком смиренном настроении духа, мог исполнить и следующую заповедь евангельского совершенства: *любите враги ваша,... добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам напасть и изгонящия вы* (Мф. 5, 44); и таким образом удостоился получить и прилагаемую к этой заповеди награду, по коей не образ только и подобие Божии носить сподобляемся, но нарицаемся сынами Божиими: *да будете,* говорится там, *сынове Отца вашего, Иже есть на небесех: яко солнце Свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. 5, 45). Каковую любовь сознавая себя достигшим, блаженный Иоанн говорит: *да дерзновение имамы в день судный, зане, якоже Он есть, и мы есмы в мире сем* (1 Ин. 4, 17). Ибо человек, по природе своей немощный и слабый, чем другим может быть, *якоже Он есть,* если не простертием благожелательной любви сердца своего, по подражанию Богу, на добрых и злых, праведных и неправедных? — Так, чтобы творил добро по приверженности к самому добру, являя в себе истинно всыновленного Богу, о коем тот же блаженный апостол так возглашает: *всяк рожденный от Бога греха не творит, яко семя Его в нем пребывает, и не может согрешати, яко от Бога рожден есть* (1 Ин. 3, 9), и еще: *вемы, яко всяк рожденный от Бога не согрешает; но рожденный от Бога блюдет себе, и лукавый не прикасается ему* (1 Ин. 5, 18). [Это, впрочем, должно разуметь не о всяком роде грехов, а только о грехах смертных. — По истине, невозможно и самым святым не впасть в те малые прегрешения, которые бывают в слове, в мысли, в желании, по неведению, по забвению, по ка-

кой-либо крайности, по нечаянному случаю, — которые, хотя различны от греха, называемого грехом к смерти, однако же не могут не иметь некоей виновности и укоризны]. Итак, кто, как мы сказали, приобретет любовь к добру и сделается подражателем Богу; тот, облекшись в милосердие и долготерпение Господни (см. Кол. 3, 12), будет молиться и за самых гонителей своих, взывая, подобно своему Господу: *Отче, отпусти им, не ведят бо что творят* (Лк. 23, 34). Очевидный же признак души, не очищенной еще от скверных страстей, состоит в том, когда кто не имеет чувства соболезнования к чужим прегрешениям, но произносит на них строгий суд [10].

12

О конце покаянных трудов (Соб. 20)

221. Совершенное покаяние состоит в том, чтобы не делать более тех грехов, в которых каемся и в которых обличает нас совесть; доказательством же удовлетворения за них с нашей стороны и их нам прощения служит изгнание из сердец наших и самого сочувствия к ним. Да ведает всяк, что он еще не разрешен от прежних грехов, коль скоро в то время, как подъемлет труды и воздыхания в удовлетворение за них, пред очами ума его играют образы грешных дел или тех, кои сам делал, или подобных им, и через это, не говорю услаждением предметами непотребными, но даже воспоминанием об них, разоряется внутреннее доброе настроение души. Итак, бодрственно трудящийся над таким удовлетворением тогда лишь пусть признает себя разрешенным от своих грехов, и во всем, что прежде наделал, получившим прощение, когда восчувствует, что сердце его нисколько уже не трогается их приманками, а не только воображением. Почему испытатель (экзаменатор) покаяния и прощения заседает в совести нашей, который прежде дня судного, пока еще медлим мы пребыванием во плоти сей, открывает нам отпущение вины нашей и объявляет об окончании удовлетворения возвещением о прощении. И чтобы определеннее

выразить сказанное нами, — говорю: тогда наконец поверить должно, что отпущены нам все скверны прежних грехов, когда из сердца нашего будут изгнаны как сластолюбивые вожделения, так и страсти [5].

222. ***Вопрос.*** Но откуда же после этого может порождаться в нас то святое и спасительное сокрушение и смирение, которые так описываются от лица кающегося: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых; рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви,* чтобы по истине и заслуженно могло быть приложимо к нам и следующее за этим: *и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5)? Или как, простершись в молитве, возмогли бы мы возбуждать в себе такие покаянные слезы, которые сильны бы были привлещи нам прощение грехов, как это делал святой Давид: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7), если изгоним из сердец наших всякую память о грехах наших, которую, напротив, повелевается нам крепко хранить словом Самого Господа: *Аз есмь заглаждаяй беззакония твоя... и грехи твоя, и не помяну: ты же помяни* (Ис. 43, 25-26)? Почему не только за рукоделием, но и на молитве я нарочно стараюсь вызывать в душе своей воспоминание прежних грехов, чтобы действеннее расположившись к истинному смирению и сокрушению сердца, возыметь дерзновение сказать с пророком: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18) [6].

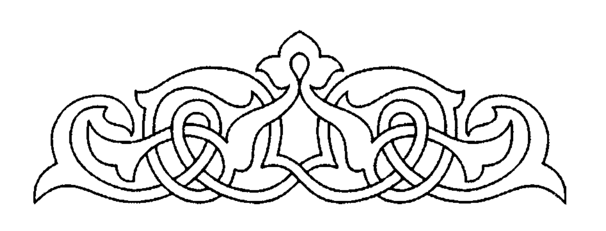
223. ***Ответ.*** Сказанное сказано о конце покаяния и о признаке удовлетворения совести и правды. Что же касается до воспоминания грехов, то это, конечно, довольно полезно и нужно; но только для тех, которые еще проходят подвиг покаяния, — чтобы они, бия в перси своя, непрестанно взывали: *яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс. 50, 5), — и еще: *яко беззаконие мое аз возвещу и попекуся о гресе моем* (Пс. 37, 19). Итак, когда совершаем мы покаяние, и воспоминание о прежних греховных делах еще уязвляет нас, тогда оно необходимо, чтобы рождающийся при этом от сознания своей виновности дождь слезный угашал огнь совестного жжения. Когда же у кого действием углубленного смирения

сердца и сокрушения духа, при неутомимом покаянном труде и воздыхании, воспоминание о них будет усыплено и жало совести благодатью милосердого Бога будет изъято из глубины души, тогда явно будет, что он достиг конца удовлетворения, заслуженно получил всепрощение и очистился от скверны всех грехов своих. До такого, однако же, забвения не иначе доходят, как через заглаждение прежних грехов и страстных увлечений, и совершенно полное очищение сердца; и его без сомнения никто не может достигнуть из тех, которые по нерадению или презорству небрегут об очищении своих страстей, а только тот, кто горьким плачем и непрестанными воздыханиями измоет всю скверну прежних нечистот, и может, по трудах, всею крепостью души взывать к Богу: *беззаконие мое познах и греха моего не покрых* (Пс. 31, 5), — и: *быша слезы моя мне хлеб день и нощь* (Пс. 41, 4), — чтоб, вследствие того, заслуженно услышать от лица Господа: *отъях яко облак беззакония твоя, и яко примрак грехи твоя* (Ис. 44, 22) [7].

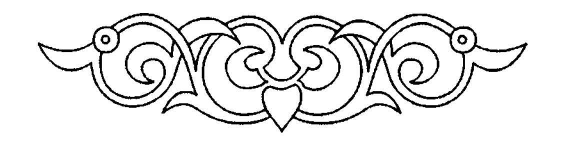
224. Ты сказал пред этим, что нарочно вызываешь воспоминание о прежних грехах. Этого не следует делать; даже если против воли вторгнется такое воспоминание, то его надо тотчас изгонять, потому что оно отвлекает ум от чистого созерцания, особенно у того, кто пребывает в уединении, впутывая его в нечистоты мира этого и задушая зловонием страстей. Ибо когда ты возобновляешь воспоминание о том, что по неведению или по похоти наделал прежде по князю века этого, тогда, — уступлю тебе, что при таком помышлении не подкрадывается к тебе никакое тем соуслаждение, — тогда всеконечно и одно это мысленное соприкосновение с прежнею гнилью испортит воздух ума отвратительным зловонием и изгонит духовный запах или сладость благоухания добродетелей. Почему, когда память о прежних страстных делах толкнет в чувство, то от него должно отскакивать так же, как отбегает муж честный и степенный от бесстыжей и дерзкой женщины, при всех обращающейся к нему с объятиями или разговорами. Ибо если он не отклонит от себя тотчас ее прикосновение и допустит хоть самое короткое промедление в нечестном с нею разговоре;

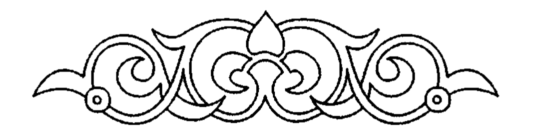
то, пусть и оттолкнет согласие на срамное удовольствие, никак, однако же, не избежит осуждения всех проходящих, как допустивший нечто бесславное и укоризненное. Так и мы, если будем введены в такого рода помышления заразительным воспоминанием, то нимало не должны промедлять в них, но тотчас отступать от воображения их, — чтобы Ангелам, когда, мимоходя, увидят они нас опутанными такими нечистыми и срамными помыслами, не попрепятствовать сказать о нас: *благословение Господне на вы, благословихом вы во имя Господне* (Пс. 128, 8). Но бывает часто и то, что иной из неопытных, в чувстве сокрушения перебирая падения свои или других людей, незаметно уязвляется тончайшею стрелою похоти и с согласием на нее, — и таким образом начатое под видом благочестия заканчивает срамным и пагубным для себя концом. Ибо *суть путие мнящиися прави быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово* (Притч. 16, 25) [9].

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСИХИЙ, ПРЕСВИТЕР ИЕРУСАЛИМСКИЙ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ИСИХИИ, ПРЕСВИТЕРЕ ИЕРУСАЛИМСКОМ

Преподобный Исихий, урожденец Иерусалимский, в молодых летах своих был слушателем и учеником святого Григория Богослова.

По кончине великого наставника своего проводил жизнь подвижническую в одной из пустынь Палестинских, где продолжал изучать дух христианства то в книгах, то из устных бесед с современными подвижниками Палестины, то опытами собственной жизни и своими исследованиями.

В 412 году Иерусалимский архиепископ посвятил просвещенного подвижника во пресвитера, и с этого времени, соединяя с саном пресвитера и звание проповедника, он является в истории Церкви как один из знаменитых учителей.

«Великий Евфимий, – как пишет ученик его Кирилл Скифопольский (в житии святого Евфимия), – много был утешен тем, что святой Ювеналий, патриарх Иерусалимский, прибыв в 429 году в обитель его на освящение храма, взял с собою и просвещенного Исихия, пресвитера и учителя Церкви».

Феофан в хронографе своем кончину его полагает в 26 году царствования Феодосия юнейшего, который соответствует 432–433 году. В месяцеслове императора Василия память его указывается 28 марта. У нас, как и на всем Востоке, ныне поминается он со всеми преподобными в сырную субботу. В каноне святого Феодора Студита на сей день в девятой песни он поставляется в сонме великих учителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Афанасия Великого, двух Кириллов – Иерусалимского и Александрийского, святого Епифания, Григория Нисского, – и именуется другим богословом, разумеется, после Григория Богослова.

По ученым трудам своим преподобный Исихий был достойным учеником святого Григория Богослова.

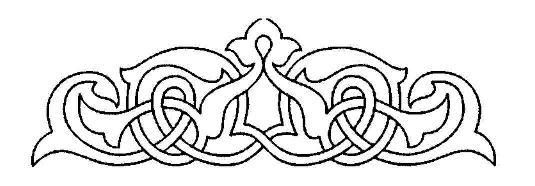
Месяцеслов императора Василия, отличая в преподобном Исихие проповедника и толкователя Святого Писания, говорит: «Все Святое Писание изъяснил и изложил он с ясностью и предложил для общей пользы; почему для всех был весьма знаменит и удивителен».

Из многих его творений, подражая греческому Добротолюбию, заимствуем в наш подобный сборник одно на 203 главы разделенное слово к Феодулу, как самое полезное для желающих навыкнуть трезвению, вниманию и хранению сердца.

Блаженный Фотий в своей «Филокалии» в 198-м чтении именует слово это «паче всякого другого писания пригодным для проводящих подвижническую жизнь ради наследия Царства Небесного. Изложено оно, говорит, ясно и по всему таково, какое требуется для людей, не упражняющихся в глубоких исследованиях, но весь труд и все тщание обращающих на подвиги деятельной жизни».

[При переводе греческий текст Добротолюбия был дополняем в некоторых местах из Patrologiae graecae Migne, t. 93].

ПРЕПОДОБНОГО ИСИХИЯ, ПРЕСВИТЕРА ИЕРУСАЛИМСКОГО,

к Феодулу душеполезное и спасительное слово о трезвении и молитве

1. Трезвение есть духовное художество, которое, если долго и с постоянным усердием проходить его, с Божиею помощью, совершенно избавляет человека от страстных помыслов и слов, и худых дел; дарует тому, кто его так проходит, верное познание Бога непостижимого, сколько это возможно для нас, и сокровенное разрешение сокровенных Божественных таин; и есть творительница всякой заповеди Ветхого и Нового Завета и всякого блага будущего века подательница. — Само же оно есть собственно чистота сердца, которая по величию своему и своим высоким качествам или, истиннее сказать, по нашему невниманию и нерадению, крайне редка ныне у монахов; между тем как Христос ублажает ее, говоря: *блаженни чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Будучи таковым, оно и покупается дорогою ценою. Трезвение, если оно постоянно пребывает в человеке, делается для него путеводительницею к правой и богоугодной жизни. Оно есть и лествица к созерцанию; оно же научает нас право править движениями троечастности души (то есть трех сил: мыслительной, раздражительной и желательной) и твердо хранить чувства, — и в причастнике своем каждодневно возращает четыре главные добродетели (то есть мудрость, мужество, воздержание и справедливость).

2. Великий законодатель Моисей, паче же Дух Святой, показывая, сколь эта добродетель непорочна, чиста, всеобъемлюща и высокотворна, и научая нас, как должно начинать ее и совершать, говорит: *внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония* (Втор. 15, 9), тайным словом называя одно мысленное воображение какой-либо греховной, Богу ненавистной,

вещи: что святые отцы называют также приводимым в сердце от диавола прилогом, за которым, вслед за появлением его в уме, тотчас последуют наши помыслы и страстно с ним разглагольствуют.

3. Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией; оно называется также сердечным безмолвием, и есть то же, что хранение ума, в совершенной немечтательности держимого.

4. Не видит солнечного света родившийся слепым: так не видит сияний богато нисходящей свыше благодати тот, кто не живет в трезвении; не освободится он также от греховных, Богу ненавистных дел, слов и помышлений. Таковые во исходе своем не минуют свободно (имеющих встретить их) князей тартара.

5. Внимание есть непрестанное от всякого помысла безмолвие сердца, в коем оно Христом Иисусом, Сыном Божиим и Богом, и Им Одним всегда, непрерывно и непрестанно дышит, Его призывает, с Ним мужественно ополчается против врагов, и Ему, имеющему власть оставлять грехи, исповедует свои прегрешения. Такая душа через призывание часто объемлет Христа, единого Тайноведца сердец, от людей же всех всячески старается скрыть свою сладость и свой внутренний подвиг, чтобы враг лукавый как-нибудь не дал удобного в нее входа злу и не уничтожил добрейшего ее делания.

6. Трезвение есть твердое водружение помысла ума и стояние его у двери сердца; так что он видит, как подходят чуждые помыслы, эти воры-окрадыватели, слышит, что говорят и что делают эти губители, и какой демоны начертывают и установляют образ, покушаясь, увлекши через него в мечтание ум, обольстить его. Если будем люботрудно проходить такое действование, то оно, если хотим, очень основательно и внятно, на опыте покажет искусство мысленной брани и доставит опытность в ней.

7. Сугубый страх с одной стороны, от оставлений Божиих с другой, от обучительного попущения искушений внешних, обыкновенно рождает частость надзирательного внимания в уме человека, старающегося заградить источник худых помыслов и

дел. Для этого именно и оставления бывают, и посылаются нечаянные искушения от Бога, к исправлению жизни нашей, особенно когда кто вкусил сладость упокоения от добра этого (внимания и трезвения), — и вознерадел. — От частости этой рождается навык; от этого — естественная некая непрерывность трезвения; а от этого, по свойству его, мало-помалу порождается видение брани, за которым последует непрестанная молитва Иисусова, сладостная без мечтаний тишина ума и дивное некое состояние, исходящее от сочетания со Иисусом.

8. Ум, стоящий и призывающий Христа на врагов и к Нему прибегающий, подобен зверю какому-нибудь, который, быв окружен множеством псов, мужественно стоит против них, укрывшись в некоем ограждении. Издали, провидя мысленно мысленные ковы невидимых врагов, он непрестанно против них молится Миротворцу Иисусу, и через то пребывает неуязвимым ими.

9. Если ведаешь, и дано тебе заутра представать пред Господа, — и не только зриму быть, но и зреть (см. Пс. 5, 4); то ты разумеешь, о чем я говорю. Если же нет, трезвенствуй, и получишь.

10. Состав морей — множество вод; а состав и твердыня трезвения бодренности и углубленного безмолвия души, равно как бездна созерцаний дивных и неизреченных, и разумного смирения, правоты и любви есть (само же одно) крайнее трезвение и ко Христу Иисусу без домыслов с воздыханиями молитва, непрестанная, притрудная, но без уныния и скучания (см. Лк. 18, 1).

11. *Не всяк глаголяй Ми, Господи Господи, внидет,* говорит Господь, *в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7, 21). Воля же Отца Его есть сия: *любящии Господа, ненавидите злая* (Пс. 96, 10). Итак, при молитве ко Иисусу Христу возненавидим злые помыслы, — и воля Божия исполнена.

12. Владыка наш и Бог, воплотившись, предложил начертание всякой добродетели в пример роду человеческому и в воззвание от древнего падения, живописав все добродетельное Свое во плоти житие. В числе многих других показанных Им добрых примеров, Он, восшедши по крещении в пустыню,

с постом вступил там в мысленную брань с диаволом, приступившим к Нему, как к простому человеку; и образом победы над ним, то есть смирением, постом, молитвою и трезвением, кои держал Он, не имея в них нужды, как Бог и Бог богов, научил и нас, неключимых рабов, как держать достодолжно брань против духов злобы.

13. То, сколько, по-моему, есть способов (приемов) трезвения, могущих мало-помалу очистить ум от страстных помыслов, се я не поленюсь означить тебе не красною и не испещренною речью. Ибо я не считаю разумным и в этом слове, как бывает в повествованиях и внешних войнах набором речений закрывать полезное, особенно для людей простых[1]. Ты же, *чадо Тимофее*, скажу тебе словом апостола, *внемли* тому, что будешь *читать* (1 Тим. 4, 13).

14. Итак, один способ (прием) трезвения есть — смотреть неотступно за мечтанием, или за прилогом; ибо без мечтания сатана не может устраивать помыслы и представлять их уму к его прельщению обманом.

15. Другой — иметь сердце глубоко всегда молчащим и от всякого помысла безмолвствующим, и молиться.

16. Иной — непрестанно в смирении призывать на помощь Господа Иисуса Христа.

17. Иной еще способ — иметь в душе непрестанное памятование о смерти.

18. Все сии делания, возлюбленный, подобно привратникам, возбраняют вход худым помышлениям; о том же, что должно лишь к небу взирать (занимать всегда ум созерцанием вещей небесных), ни во что вменяя землю (и все земное), — что также есть один из действенных способов трезвения, как и прочие, — об этом я с помощью Бога, дающего слово, изложу обстоятельнее в другом месте.

19. Если отсечем причины страстей (поводы к возбуждению их) и займемся духовными деланиями на короткое лишь время, а не пребудем в этом чине жизни навсегда, это самое имея

---

[1] Чтение этого пункта взято из Cur. patr. gr. Migne.

занятие; то легко опять возвращаемся к плотским страстям, никакого другого не получив от того (доброго начинания) плода, кроме всеконечного омрачения ума и глубочайшего ниспадения в вещественное.

20. Тому, кто подвизается внутри, в каждое мгновение надобно иметь следующие четыре (делания): ***смирение,*** крайнее ***внимание, противоречие*** (помыслам) и ***молитву. Смирение,*** — чтобы, как брань у него идет с соперниками — гордыми демонами, всегда иметь в руке сердца помощь Христову: ибо Господь ненавидит гордых. ***Внимание,*** — чтобы всегда держать сердце свое не имеющим никакого помысла, хотя бы он казался добрым. ***Противоречие,*** — дабы, как только уразумеет, кто пришел, тотчас с гневом воспротиворечить лукавому, как говорится: *и отвещаю поношающим ми слово* (Пс. 118, 42), — *не Богу ли повинется душа моя*? (Пс. 61, 1). ***Молитву,*** — дабы после противоречия, тотчас из глубин[1] сердца возопить ко Христу с воздыханием неизглаголанным. И тогда сам подвизающийся увидит, как враг его поклоняемым именем Иисуса, как прах, ветром развевается и гонится прочь, или, как дым, исчезает со своим мечтанием.

21. Кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, — молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутреннейших сокровенностях души, дабы призыванием Господа Иисуса Христа (незримо) был бичуем и опаляем враг, скрытно ратующий.

22. Надлежит тебе острым и напряженным взором ума смотреть внутрь, чтобы узнавать входящих; узнав же, тотчас противоречием сокрушать главу змия, с воздыханием возопив в то же время ко Христу. И получишь тогда опыт невидимого Божеского заступления. Ясно также увидишь тогда и правость сердца (право ли оно действует или в чем состоит правое действование сердца).

23. Как держащий в руке зеркало и смотрящий в него, стоя между другими, видит и свое лицо, каково оно, видит и других,

---

[1] Дополнено из Patrol. graecae Migne.

смотрящихся в то же самое зеркало: так со всем вниманием смотрящий в сердце свое видит в оном свое собственное состояние, видит и мрачные лица мысленных эфиопов.

24. Не может ум победить демонское мечтание сам токмо собою: да не дерзает на это никогда. Ибо, хитры будучи, враги наши притворяются побежденными, замышляя низложить борца через тщеславие; при призывании же имени Иисусова и минуты постоять и злокознствовать против тебя не стерпят.

25. Смотри не возмечтай о себе много (и неизмысли своих способов к борьбе), подобно древнему Израилю: иначе и ты предан будешь мысленным врагам. Ибо тот, избавлен будучи от египтян Богом всяческих, измыслил потом своего себе помощника — идола слиянного.

26. Под идолом же слиянным разумей слабый наш разум, который, пока на духов злобы призывает Иисуса Христа, удобно изгоняет их и с искусным умением обращает в бегство невидимые ратные силы врага, а коль скоро сам на себя одного безрассудно дерзнет понадеяться, то падает и разбивается, подобно так называемому быстрокрылому[1]. Вот что исповедует уповающий на Господа: *Господь,* говорит, *помощник мой, и защититель мой: на Него упова сердце мое, и поможе ми, и процвете плоть моя* (Пс. 27, 7); и *кто,* кроме Господа, *восстанет ми на лукавнующия? или кто спредстанет ми на делающия беззаконие* (Пс. 93, 16) — бесчисленные помыслы? На себя же, а не на Бога надеющийся падет падением ужасным.

27. Да будет тебе, возлюбленный, — если хочешь вести борьбу, как следует, — примерным указателем образа и чина сердечного безмолвия маленькое животное — паук. Тот хватает и умерщвляет малых мух, а ты, если так же, как он (сидит в своей паутинной норе), притрудно безмолвствуешь в своей душе, не переставая всегда избивать младенцев вавилонских, — за каковое избивание «блаженным» назвал бы тебя через Давида Дух Святой (см. Пс. 136, 9).

---

[1] Голуби – турманы, поднявшись высоко, свертываются и падают вниз. Если они не успеют развернуться, то ударяются о землю и разбиваются насмерть.

28. Как невозможно Красному морю узрену быть на тверди небесной между звездами, и как нельзя человеку, ходящему по земле, не дышать здешним воздухом, так невозможно нам очистить сердце свое от страстных помыслов и изгнать из него мысленных врагов без частого призывания имени Иисус Христова.

29. Если со смиренным мудрованием, памятью о смерти, самоукорением, противоречием (помыслам) и призыванием Иисуса Христа всегда пребываешь ты в сердце своем, и с этими орудиями трезвенно проходишь каждый день мысленный путь, — тесный, но радостотворный и сладостный; то внидешь во святые созерцания святых, и просвещен будешь ведением глубоких таин от Христа, *в Немже вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3) и в Коем *живет всяко исполнение Божества телесне* Кол. 2, 9). Ибо во Иисусе восчувствуешь ты, что в душу твою нисшел Дух Святой, Коим просвещаясь, ум человека зрит *откровенным лицем славу Господню* (2 Кор. 3, 18). *Никтоже,* говорит апостол, *может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3), Который тайно утверждает ищущего Его (в истине о Нем).

30. Любящим научение надо знать и то, — что злые демоны, завидуя нам, по причине великой от брани пользы, умудрения ею и к Богу восхождения, часто скрывают от нас и утишают эту мысленную брань (имея при этом в намерении и то), чтобы, когда мы (забыв об опасностях нападения с их стороны), обеззаботимся, внезапно похитить ум наш (в мечтания), и опять сделать нас не внимающими сердцу нерадивцами. Ибо их одна цель и один подвиг непрестанно заботит — совсем не давать сердцу нашему быть внимательным к себе, зная, какое богатство собирается через это в душе. Но мы тогда-то паче (во время затишья брани) воспростремся с памятованием Господа нашего Иисуса Христа в духовные созерцания, — и брань опять найдет на ум. Только будем все делать, скажу так, с совета Самого Господа и со смирением великим.

31. Пребывая в общежитии, мы должны с самоохотным изволением и готовностью сердца отсекать всякую волю свою

пред настоятелем и быть, таким образом, при помощи Божией, как бы самопроизвольными безвольниками. При этом всячески надлежит нам ухитряться, чтобы не возмущаться раздражительностью и не допускать неразумных и неестественных движений гнева, потому что иначе в час брани духовной мы будем оказываться бездерзновенными (лишенными мужества). Ибо воля наша, если сами самоохотно не отсекаем ее, обыкновенно раздражается на тех, кои покушаются отсекать ее принудительно (без нашего соизволения); а из-за этого подвигнутый гнев, злобно лая, губит разумение брани (умение вести ее), которое с большим трудом едва можно было стяжать. Гнев обыкновенно бывает разрушителен. Если он подвигнется против бесовских помыслов, то их разбивает и истребляет; а если воскипит против людей, то истребляет в нас благие относительно их помышления. Таким образом, гнев, как очевидно, является разрушительным для всякого рода помыслов, худых ли то или, если случится, и правых. Он дарован нам от Бога, как щит и лук, и бывает таковым, если не уклоняется от назначения своего. Если же начнет действовать не сообразно с ним, то бывает разрушителем. Видел я, что и пес, в иной раз смело бросающийся на волков, терзает овец.

32. Так надлежит бегать дерзостности (безосторожной вольности в обращении с другими), как яда аспидова, и уклоняться от частых бесед, как от змий и порождений ехидниных; потому что они весьма скоро могут привести в совершенное забвение о внутренней брани и низвести душу долу с обрадывающей высоты, доставляемой чистотою сердца. Проклятия достойное забвение, как вода огню, противится вниманию, и сильным супостатом ему бывает каждочасно. От забвения приходим в нерадение, от нерадения переходим к пренебрежению (порядков духовной жизни) и унынию, — и к безместным похотениям; и таким образом опять возвращаемся вспять, как пес на свою блевотину (см. 2 Пет. 2, 22). Будем же бегать вольности, как яда смертоносного; а злой недуг забвения будем врачевать крайне строгим хранением ума и непрестанным призыванием Господа

нашего Иисуса Христа: ибо без Него не можем мы *творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

33. Не обычно, да и невозможно, дружиться со змием и носить его в недрах своих; невозможно и тело всячески ласкать, любить его и угождать ему, кроме доставления необходимо потребного, — и вместе с тем пещись о добродетели небесной. Ибо тот (змий) по естеству своему не удержится, чтобы не уязвить пригревшего, а это (тело), — чтобы не осквернить угождающего ему движениями похотной сласти. Когда тело в чем-либо погрешит, бичами бить его надобно нещадно до ран, как беглого раба, исполненного вином, да ведает, что есть над ним господин (ум), готовый наказать его, и да не ищет упивства похотью, будто вином в корчемнице, да не неведает и госпожи своей (души) нетленной эта раба нощная, — прах тленный. До самого исхода своего не доверяй плоти своей. Хотение плоти, говорит апостол, *вражда на Бога; закону бо Божию не покоряется* (Рим. 8, 7), — и: *плоть бо похотствует на духа* (Гал. 5, 17), — еще: *сущии же во плоти Богу угодити не могут. Вы же несте во плоти, но в дусе* (Рим. 8, 8-9).

34. Дело ***благоразумия*** есть — всегда подвигать раздражительную силу нашу к схваткам во внутренней брани и к самоукорению; ***мудрости*** — мысленную силу нашу напрягать к трезвению строгому и непрерывному, и к духовному созерцанию; ***справедливости*** — желательную силу направлять к добродетели и к Богу; ***мужества*** — управлять пятью чувствами и удерживать их, чтобы они не оскверняли ни внутреннего нашего человека или сердца, — ни внешнего или тела.

35. *На Израили велелепота Его,* — на уме, зрящем красоту славы Самого Бога, сколько это возможно, — *и сила Его на облацех* (Пс. 67, 35), — на душах светозрачных, во утрии вперяющих взор свой в *Сидящего одесную Отца*, Который, осиявая их, подобно тому, как солнце озаряет лучами своими чистые облака, являет достолюбезнейшими.

36. *Согрешаяй един погубит благостыню многу,* говорит Божественное Писание (Еккл. 9, 18); и ум, согрешая, погубляет то,

о чем написано в предыдущей главе, — эти небесные пития и брашна.

37. Не сильнее мы Сампсона, не премудрее Соломона, не разумнее Давида блаженного, не паче Петра верховного любим мы Бога. Да не надеемся же на самих себя; ибо Писание говорит, что надеющийся на себя самого падет падением ужасным.

38. Научимся от Христа смиренномудрию, от Давида — смирению, от Петра — плакать о случающихся падениях, но не отчаиваться подобно Сампсону, Иуде и вельми премудрому Соломону.

39. *Диавол, яко лев рыкая, ходит* с своими полчищами, *иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Да не пресекаются же у нас никогда — сердечное внимание, трезвение, прекословие (помыслам) и молитва ко Христу Иисусу, Богу нашему. Ибо лучшей помощи, кроме Иисусовой, не найти тебе во всю жизнь твою; потому что только Он Один Господь, яко Бог, знает демонские ковы, обходы и лукавства.

40. Дерзновенно убо да уповает душа на Христа, да призывает Его; врагов же отнюдь да не страшится: ибо не одна воюет, но со страшным Царем Иисусом Христом, Творцом всего сущего, бестелесного и телесного, видимого и невидимого.

41. Как дождь, чем в большем количестве ниспадает на землю, тем более умягчает ее; так и святое имя Христово, без помыслов нами возглашаемое, чем чаще призываем Его, тем более умягчает землю сердца нашего, преисполняя его радости и веселия[1].

42. Неопытным хорошо знать то, что мы, дебелые и к земле поникшие и телом и мудрованием, врагов своих, бестелесных и невидимых, зложелательных и мудрых на озлобления, скорых и легких, искусившихся в брани, какую ведут от Адама доныне, не другим каким способом имеем возможность победить, как только непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Для неопыт-

---

[1] Этот пункт пополнен по Patr. gr.

ных молитва Иисус Христова да будет возбуждением и руководством к испытанию и познанию добра; для опытных же — самый лучший наставник в добре есть деяние, испытание делом и вкушение добра.

43. Как дитя малое и нелукавое, видя, как иной выделывает какие-либо фантазии, утешается тем и по незлобию своему последует за этим дивотворцем: так и душа наша, будучи проста и блага, — ибо такою создана от благого Владыки своего, — услаждается мечтательными прилогами диавола и, обольщаясь ими, подбегает к нему, злокозненному, будто к доброму, как голубица к расставляющему сети для ее птенцов, и смешивает таким образом свои помыслы с мечтанием бесовского прилога. Если это будет лицо красивой женщины или другое что, заповедями Христовыми совершенно запрещенное; то замышляет, как бы ухитриться и в дело привести то, что внушила представившаяся красота; а потом, дошедши до сосложения с помыслом тем, она уже и в дело, посредством тела, привводит вообразившееся ей в мысли беззаконие на осуждение себе.

44. Такова хитрость лукавого, и такими-то стрелами оядотворяет он всякую добычу. Поэтому небезопасно, прежде приобретения умом большой опытности в брани, попускать помыслам входить в сердце наше, — особенно в начале, когда душа наша еще сочувствует демонским прилогам, соуслаждается ими и охотно устремляется вслед их; но должно, как только они будут сознаны, тотчас, в самый момент нахождения их и приражения, отсекать их. Когда же ум, долгое время пребывая в таком дивном делании, обучится сему подвигу, все в нем разузнает и навык приобретет в ведении такой брани, так что верно будет распознавать помыслы и, как говорит пророк, будет в состоянии легко ловить *лисы малыя* (Песн. 2, 15): тогда можно искусно попускать им входить внутрь, сражаться с ними с помощью Христовою, обличать и извергать вон[1].

---

[1] Конец дополнен из Patr. gr.

45. Как невозможно по одному каналу вместе проходить огню и воде, так невозможно греху войти в сердце, если он не постучится прежде в дверь сердца мечтанием лукавого прилога.

46. Первое есть прилог; второе — сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; третье — сосложение, когда обоего рода помыслы сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвертое же есть чувственное деяние или грех. Итак, если ум, трезвенствуя, внимает себе и посредством прекословия и призывания Господа Иисуса прогоняет прилог с самого его приражения, то ничего из того, что обычно следует за ним, уже не бывает. Ибо лукавый, будучи умом бестелесным, не иначе может прельщать души, как через мечтание и помыслы. (Из этих действий) о прилоге говорит Давид: *воутрия избивах вся грешныя земли* (Пс. 100, 8); великий же Моисей говорит о сосложении: *да не смесишися с ними* (Исх. 23, 32).

47. Ум с умом невидимо сцепляется на борьбу, — ум демонский с нашим. Поэтому каждую минуту нужно из глубины души взывать ко Христу, чтобы Он отгнал ум демонский, добычу же победную даровал нам, как Человеколюбец.

48. Образом сердечного безмолвия да будет тебе держащий в руках зеркало и внимательно смотрящий в него; и тогда (когда то есть станешь подражать ему) увидишь ты, как мысленно написуется в сердце твоем и худое и доброе.

49. Блюди присно, чтобы никогда никакого помысла не иметь в сердце своем, ни непотребного, ни благовидного, дабы таким образом удобно было тебе узнавать иноплеменников, то есть первородных сынов египетских (разумеются прилоги).

50. Сколь блага, приятна, светла, сладостна, вседобротна, яснозрачна (веселолица) и прекрасна добродетель трезвения, Тобою, Христе Боже, благоуправляемая и человеческим умом в великом смирении бодренно проходимая! Ибо она до моря и глубины созерцаний простирает ветви свои и до рек сладких Божественных таин — отрасли свои (см. Пс. 79, 12), напаяет (орошает, освежает) ум, с давнего времени палимый нечестием

от сланости лукавых помыслов бесовских и неистового мудрования плоти, в коем смерть.

51. Трезвение подобно лествице Иакова, наверху которой восседает Бог и по которой ходят Ангелы. Оно исторгает из нас всякое зло, отсекает многословие, злословие, оклеветание и весь каталог (список) чувственных страстей, не терпя и на короткое время лишиться собственной своей сладости.

52. Его-то, братия мои, будем проходить всеусердно. Но, чистою во Христе Иисусе мыслию паря в видениях Его, будем поддерживать и зрение своих прегрешений и прежней жизни, чтобы, памятью грехов своих будучи сокрушаемы и смиряемы, имели мы в мысленной брани неотступную помощь Иисуса Христа, Бога нашего. Ибо коль скоро за гордость или тщеславие, или самолюбие лишимся мы помощи Иисусовой, то лишимся вместе с тем и чистоты сердечной, посредством которой дает познать Себя человеку Бог (см. Мф. 5, 8), так как по обетованию, первая есть причина второго (чистота сердца — боговидения).

53. Ум не нерадящий о своем сокровенном делании, вместе с другими благами, от непрестанного упражнения в хранении себя происходящими, обретает и то, что пять чувств телесных не будут у него споспешниками искушений греховных, приходящих со вне. Внимая всецело своей добродетели — трезвению и добрыми всегда желая услаждаться помышлениями, не попускает он пяти чувствам окрадывать себя, через вход к себе путем их вещественных и суетных помыслов; но зная, какие случаются через них обольщения, сильным напряжением обуздывает их изнутри.

54. Пребывай во внимании ума и не будешь преутружден искушениями. Отступая же от него, терпи, что найдет.

55. Как для потерявших аппетит и чувствующих отвращение к пище полезна горькая полынь, так для злонравных полезно терпеть злоключения.

56. Если не хочешь злострадать, не хоти и зло делать, потому что то первое неотступно следует за этим последним. Что кто сеет, то и пожнет. Так, когда мы, добровольно сея зло, против

воли пожинаем (скорбное), то должны дивиться в этом правосудию Божию.

57. Ослепляется ум тремя следующими страстями: сребролюбием, тщеславием и сластолюбием.

58. Ведение и вера, совоспитанники естества нашего, не от другого чего, как от них, отупели.

59. Ярость и гнев, брани и убийства и весь каталог (список) прочих страстей через них сильно утвердились в людях.

60. Не знающий истины не может и веровать истинно; потому что знание естественно предшествует вере. Что сказано в Писании, сказано не для того, чтобы мы знали только, но чтобы и делали то.

61. Начнем же делать. Так постепенно преуспевая, найдем, что упование на Бога, твердая вера, внутреннее ведение, избавление от искушений, благодатные дарования, сердечное исповедание, обильные слезы доставляются верующим молитвою; и не только это, но и терпение находящих прискорбностей, и искреннее прощение ближнему, и разумение духовного закона, и обретение правды Божией, и Духа Святого наитие, и духовных сокровищ подаяние, и все, что обетовал Бог верующим и здесь и в будущем веке. Одним словом, — невозможно душе иначе являться сущею по образу Божию, как благодатию Божиею и верою человека, в сердце пребывающего в глубоком смирении и в нерассеянной молитве.

62. Великое воистину благо из опыта прияли мы, — то, чтобы непрестанно призывать Господа Иисуса на мысленных супостатов, если желает кто очистить сердце свое. И смотри, как сказанное мною из опыта слово согласно со свидетельствами Писания: *Уготовися,* говорит оно, *призывати* Господа *Бога Твоего, Израилю* (Ам. 4, 12). Апостол также говорит: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17). И Господь нам вещает: *без Мене не можете творити ничесоже. Иже будет во мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет.* (Ин. 15, 5-6). Великое благо — молитва, все блага в себе совмещающее, поелику очищает сердце, в коем верующими узревается Бог.

63. Поелику сокровище смиренномудрия высокотворно и Богу любезно, имеет силу истреблять всякое зло в нас и все Богу ненавистное, то этого ради не удобно стяжевается. Удобно, может быть, найдешь ты в ином человеке частные некие деяния многих добродетелей, но, поискав в нем благоухание смирения, едва ли найдешь его. Потому много потребно радения и усилий, чтобы стяжать это сокровище. Писание и диавола называет нечистым за то, что с самого начала отверг он это благое сокровище смиренномудрия и возлюбил гордость. За это одно везде в Писании называется он нечистым духом. Ибо какую телесную нечистоту могло бы учинить существо совершенно невещественное, бесплотное и не членосоставное, чтобы ради этого называться нечистым? Явно, что за гордость и назван он нечистым, и из чистого и светлого Ангела прозван скверным. *Нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5). Первый грех, по Писанию, есть *гордыня* (Сир. 10, 15). Что фараон говорил: Бога твоего *не вем и Израиля не отпущу* (Исх. 5, 2), — говорил, яко гордый.

64. Есть много действий ума, могущих снискать нам благий дар смиренномудрия, если не будем нерадеть о своем спасении, как то: воспоминание согрешений — словом, делом и помышлением, — и другое многое, мысленно пересматриваемое, споспешествует к смиренномудрию. Располагает к истинному смирению и то, когда кто вращает в уме непрестанно добродетели ближних и другие естественные их преимущества превозносит, сравнивая свое с их. Видя таким образом ясно в уме своем свою худость и то, сколько отстоит он от совершенства других, человек естественно станет считать себя землею и пеплом, и даже не человеком, а псом неким, потому что от всех на земле сущих разумных тварей во всем отстает и всех их скуднее и нищетнее.

65. Уста Христовы, столп Церкви, великий отец наш Василий говорит: «великое пособие к тому, чтобы не грешить и на другой день не впадать опять в то же, есть — по окончании дня подвергать суду совести себя самих и все свое, чтобы видеть, в чем мы проступились и в чем поступили правильно. Так поступал и Иов, как в отношении к себе самому, так и в отношении

к детям своим». Такое каждодневное разбирательство освещает и то, что бывает у нас каждочасно (или научает каждочасному разбирательству, чтобы видеть, как должно действовать каждый час).

66. Другой же некто[1], также из мудрых в Божественных вещах, сказал: «начало плодоносия — цвет, а начало деятельной жизни — воздержание». Восприимем же воздержание, и притом мерою и весом, как учат отцы, и весь день двенадцатичасный будем проходить в хранении ума. Действуя так, мы при помощи Божией с неким себя нуждением, возможем угасить и умалить в себе зло. Ибо с нуждением себя стяжевается добродетельное житие, за которое дастся Царствие Небесное.

67. Путь к ведению есть бесстрастие и смирение, без которых никто не узрит Господа.

68. Непрестанно пребывающий во внутреннем своем и там всегда вращающийся целомудрствует; и не только это, но еще и созерцательствует, и богословствует, и молится. И это-то есть, о чем говорит апостол: *духом ходите, и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16).

69. Неумеющий шествовать духовным путем не заботится о страстных помышлениях, но все занят бывает только телом: или чревоугодничает и распутничает, или опечаливается, гневается и злопамятствует — и через то омрачает ум или, начиная чрезмерные подвиги, расстраивает сердце.

70. Отрекшийся от житейского, то есть от жены, имения и прочего, внешнего лишь человека сделал монахом, а не и внутреннего. Но кто отрекся от страстных помыслов[2] о всем этом, тот сделал монахом и внутреннего человека, который есть ум. И такой есть истинный монах. Внешнего человека легко сделать монахом, если захочешь, но немал труд — сделать монахом человека внутреннего.

71. Кто есть в роде этом совершенно освободившийся от страстных помыслов и непрестанной сподобившийся молит-

---

[1] Преподобный Нил Синайский.

[2] Чтение взято из Patrol. gr.

вы, чистой и невещественной, — что и есть отличительная черта внутреннего человека?

72. Много страстей сокрыто в душах наших; но обличают они себя только тогда, когда являются на глаза причины их (предметы, поводы).

73. Не все занимайся телесным обучением; но, определив для тела посильный подвиг, весь ум обрати на внутреннее: *телесное бо обучение вмале есть полезно: а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8).

74. При бездействии страстей, — потому только, что или причины их (предметы, поводы) устранены, или демоны коварно отступили, — порождается гордость.

75. Смирение и злострадание (подвижнические телесные лишения) освобождают человека от всякого греха, — то душевные отсекая страсти, а это телесные. Поэтому Господь говорит: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), — узрят и Его Самого, и сущие в Нем сокровища, когда любовию и воздержанием очистят себя, — и это тем более, чем более будут увеличивать свое очищение.

76. Созерцалище (обсерватория, обзорная башня) словес о всякой добродетели есть хранение ума, как *древле страж Давидов* (2 Цар. 18, 24) обозначал обрезание сердца.

77. Как, на чувственно-вредное смотря, повреждаемся, так бывает и в отношении к умственному.

78. Как повредивший сердцевину растения все оное иссушает, так разумей и о сердце человеческом. Ежеминутно надобно внимать, потому что хищники не дремлют.

79. Господь, желая показать, что всякая заповедь обязательна и что сыноположение есть дар, заслуженный людям собственно Его кровью, говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Поэтому Царствие Небесное не есть награда за дела, а благостный дар Владыки, уготованный верным рабам. Раб не требует свободы, как награды; но (получив ее) благодарит, как должник, а (не получив) ожидает, как милости.

80. Христос, по Писанию, умер за грехи наши и рабам, добре работающим Ему, дарует свободу; ибо говорит: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 21). Но верным раб бывает не тот, который опирается на голое знание (долга рабского), а тот, который показывает верность послушанием Христу, давшему заповедь.

81. Чтущий господина своего творит повеленное им, погрешив же в чем-либо или преслушав, терпит, как должное ему, то, что за это бывает с ним. Будучи любознателен, будь и трудолюбив (разумеется, — в исполнении заповедей): ибо одно голое знание надмевает человека.

82. Неожиданно случающиеся с нами искушения промыслительно научают нас быть трудолюбивыми.

83. Принадлежность звезды — свет, что около ее; а благочестивого и богобоязненного принадлежность — нищета и смирение: поелику не другому чему положено быть распознательным и показательным признаком учеников Христовых, как смиренному мудрованию и уничиженному виду. Об этом повсюду вопиют четыре Евангелия. Кто же не так, то есть не смиренно, живет, тот лишается части Того, Кто смирил себя до креста и смерти и Кто есть деятельный евангельский законоположитель Божественных заповедей (делом и жизнью, изображенными во Евангелиях, показавший обязательные для нас заповеди).

84. *Жаждущии, идите на воду,* говорит пророк (Ис. 55, 1); жаждущие Бога, ходите в чистоте ума и сердца. Впрочем, высоко через нее парящему должно обращать взор и на землю своего нищенства. Никого нет выше смиренного. Как там, где нет света, все темно и мрачно: так и когда нет смиренномудрия, все наши тщаливые по Богу труды — суетны и бесплодны.

85. *Конец слова, все слушай: Бога бойся и заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13) и мысленно и чувственно. Если мысленно будешь принуждать себя соблюдать их, то редко будешь иметь нужду в чувственных ради их трудах. Давид говорит: *еже сотво-*

рити волю Твою, Боже мой, восхотех, и закон Твой посреде чрева моего (Пс. 39, 9).

86. Если не сотворит человек воли Божией и закона Его *посреди чрева,* то есть посреди сердца, то и вне не может он удобно исполнять его. Не трезвенствующий и равнодушный как бы так говорит Богу: *путей Твоих ведети не хощу* (Иов. 21, 14), — конечно, по оскудению божественного просвещения, причастный которого не только убеждением содержит в сердце закон, но и достаточно силен бывает жить по-Божиему.

87. Как чувственная соль услаждает хлеб и всякую пищу, охраняет мясо от порчи и сохраняет его неповрежденным надолго: так разумей и об умном хранении мысленной сладости и дивного в сердце делания. Ибо и оно божественно услаждает и внутреннего и внешнего человека, прогоняет зловоние худых помыслов и сохраняет нас постоянными в добре.

88. От прилога — множество помыслов, а от этих — худое дело чувственное. Тотчас погашающий со Иисусом первое — избег и последующего. И обогатится он сладостным божественным ведением, в коем всюду присущим будет зреть Бога, и поставив против Него зеркало ума, освещаться Им, подобно чистому стеклу, поставленному против чувственного солнца. Тогда наконец ум, достигнув последнего предела своих желаний, почиет от всякого другого в себе созерцания.

89. Поелику всякий помысл входит в сердце через воображение чего-либо чувственного (чувственное же мешает умственному); то Божественный свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и сделается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме, при условии оскудения его от всяких помышлений.

90. Насколько бдительно внемлешь уму, настолько с теплым желанием будешь молиться Иисусу; и опять: насколько небрежно надзираешь за умом, настолько отдалишься и от Иисуса. И как первое сильно освещает воздух ума, так последнее — уклонение от трезвения и сладостного призывания Иисуса — обыкновенно совсем омрачает его. Естественно сему

делу быть так, как мы сказали, — и иначе оно не бывает. Это узнаешь ты из опыта, когда делом испытаешь. Ибо добродетель, и особенно такое светородное сладостное делание, обыкновенно не иначе изучается, как опытом.

91. Непрестанное с теплым неким желанием, полным сладости и радования, призывание Иисуса производит то, что воздух сердца от крайнего внимания исполняется отрадной тишины. Того же, чтобы сердце совершенно очистилось, виновником бывает Иисус Христос, Сын Божий и Бог, всего доброго виновник и Творец. Ибо Он Сам говорит: *Аз Господь Бог... творяй мир* (Ис. 45, 7).

92. Душа, будучи благодетельствуема и услаждаема Иисусом, с радованием неким и любовию воздает Благодетелю исповеданием, благодаря и с весельем призывая Умиротворившего ее: ибо внутри себя мысленно видит, как Он развевает мечтания злых духов.

93. *И воззре,* говорит Давид, умное *око мое* на мысленных *врагов моих, и востающия на мя лукавнующия услышит ухо мое* (Пс. 91, 12). И воздаяние грешникам зрел я от Бога во мне совершающимся (см. Пс. 90, 8). Когда же нет никаких мечтаний в сердце, тогда ум стоит в естественном своем чине, готов будучи подвигнуться на всякое сладостное созерцание, духовное и боголюбивое.

94. Таким образом, как я сказал, трезвение и молитва Иисусова взаимно входят в состав друг друга, — крайнее внимание в состав непрестанной молитвы, а молитва опять в состав крайнего в уме трезвения и внимания.

95. Добрый педагог и телу и душе есть незабвенная память о смерти, и то, чтобы, минуя все посреде сущее (то есть между настоящею минутою и часом смерти), ее всегда пред собою зреть, и тот самый одр, на котором имеем лежать, разлучаясь с телом, и прочее.

96. Нельзя, братия, предаваться сну тому, кто хочет всегда пребывать неуязвленным. Но одно из двух неизбежно — или пасть и погибнуть, обнажившись от добродетелей, или всегда

стоять (на страже) с вооруженным умом: так как и враг всегда стоит со своим ополчением (подстерегая).

97. Рождается в уме нашем божественное некое состояние от непрестанного памятования и призывания Господа нашего Иисуса Христа, если не будем нерадеть о всегдашнем к Нему во уме молении, о непрерывном трезвении и о приставническом или привратническом деле (то есть своих пропускать, а чужих отгонять); но воистину одно и одинаковым образом совершаемое всегда будем иметь дело призывания Иисуса Христа, Господа нашего, с горением сердца взывая к Нему, да даст Он нам причаститься (вкусить) святого имени Своего (чтобы оно в сердце внедрилось). Ибо учащение (частое повторение одного и того же) есть матерь навыка как в отношении к добродетели, так и в отношении к пороку; а навык потом державствует, как природа. Пришедши в такое состояние, ум сам уже ищет супостатов, как звероловный пес зайца в кустах; но сей ищет для того, чтобы пожрать, а тот — чтобы поразить и разогнать.

98. Итак, всякий раз, как случится умножиться в нас лукавым помыслам, ввергнем в среду их призывание Господа нашего Иисуса Христа; и тотчас увидим, что они начнут рассеиваться, как дым в воздухе, — как научил нас опыт. Когда после этого ум останется один (без помыслов смущающих), возьмемся опять за непрерывное внимание и призывание. Так будем поступать всякий раз, как потерпим такое искушение.

99. Как невозможно нагому телом выйти на войну или переплыть большое море в одеждах, или жить, не дыша — так невозможно без смирения и непрестанного моления ко Христу научиться мысленной и сокровенной брани, и искусно преследовать ее и пресекать.

100. Опытнейший в делах великий Давид говорит ко Господу: *державу мою к Тебе сохраню* (Пс. 58, 10) — (то есть к Тебе обращаясь за помощью). Так и сохранение державы сердечного и мысленного безмолвия, от которого рождаются все добродетели, бывает в нас от содействия Господа, давшего нам заповеди, и отгоняющего от нас, когда непрестанно призываем Его, непотребное забвение, которое паче всего губит сердечное

безмолвие, как вода огонь. Поэтому не предавайся, монах, сну от нерадения на смерть себе; но именем Иисусовым бичуй супостатов, и это имя сладчайшее, как сказал один[1] мудрый, да прилепится дыханию твоему: и тогда узнаешь ты пользу безмолвия.

101. Когда мы, недостойные, сподобимся со страхом и трепетом причаститься Божественных и Пречистых Таин Христа Бога и Царя нашего, тогда наиболее покажем трезвения, хранения ума и строгого внимания, да огнь сей Божественный, то есть Тело Господа нашего Иисуса Христа, потребит грехи наши, и наши — малые и большие — скверны. Ибо, входя в нас, оно тотчас прогоняет из сердца лукавых духов злобы и отпущает нам прежде бывшие грехи; и ум наш тогда оставляется свободным от беспокойной докучливости лукавых помыслов. Если после этого, стоя у дверей сердца, будем тщательно сохранять ум свой, то, когда опять будем сподобляться Святых Таин, Божественное Тело более и более будет просвещать ум наш и делать его блестящим, подобно звезде.

102. Забвение обыкновенно погашает хранение ума, как вода погашает огонь. Но непрестанная молитва Иисусова с неослабным трезвением вконец испаряет его из сердца. Молитва имеет нужду в трезвении, как малая лампадочка в свете свечи (может быть, — как лампада в безветрии, чтобы гореть, как свеча).

103. Должно болезненно пещись о сохранении того, что драгоценно; драгоценно же для нас поистине лишь то, что сохраняет нас от всякого зла, как чувственного, так и мысленного. Это есть хранение ума с призыванием Иисуса Христа, — то, чтобы всегда смотреть во глубину сердца и непрестанно безмолвствовать мыслию — даже, скажу так, и от помыслов, кажущихся десными; и стараться быть пусту от всяких вообще помыслов, дабы не утаились под ними тати. Но, хотя и болезнуем мы, с терпением пребывая в сердце, впрочем утешение близко.

104. Сердце, непрестанно хранимое, которому не попускают принимать виды, образы и мечтания темных и лукавых духов,

---

[1] Григорий Богослов.

обыкновенно рождает из себя помыслы световидные. Ибо как угль рождает пламень, так много паче обитающий от святого крещения в сердце нашем Бог, если находит воздух сердца нашего чистым от ветров злобы и охраняемым стражбою ума, возжет мысленную силу нашу к созерцанию, как пламень восковую свечу.

105. Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Иисус Христово, как молния вращается в воздушном пространстве, пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту мысленную будем вести в таком порядке: первое дело — внимание; потом, когда заметим, что подошел вражий помысл, бросим на него с гневом слова клятвы из сердца; третье за тем дело — помолиться на него, обращая сердце к призыванию Иисуса Христа, да развеется этот демонский призрак тотчас, чтобы иначе ум не пошел вслед этого мечтания, как дитя, прельщаемое каким-либо искусным фокусником.

106. Потрудим себя, подобно Давиду взывая: Господи Иисусе Христе! — Пусть измолчет (голос потеряет) гортань наша; но умные очи наши да не престанут устремляться горе в уповании на Господа Бога нашего (см. Пс. 68, 4).

107. Помня всегда притчу о неправедном судье, которую изрек Господь в научение нас, что *должно всегда молиться и не унывать* (и действуя по ней), — и пользу получим, и отмщение.

108. Как невозможно, чтобы у того, кто взирает на солнце, не блистали сильно зрачки: так невозможно не светиться и тому, кто всегда приникает в воздух сердца.

109. Как невозможно жить теперешнею жизнью без пищи и пития: так без хранения ума и чистоты сердца — что есть и называется трезвение — невозможно душе достигнуть чего-либо духовного и Богу угодного, или избавиться от мысленного греха, хотя бы кто страхом мук и удерживал себя принудительно от грешения делом.

110. Впрочем, и те, которые нуждением неким воздерживают себя от греха делом, блаженны пред Богом, Ангелами

и человеками: потому что нудящие себя суть восхитители Царствия Небеснаго (см. Мф. 11, 12).

111. Вот что дивно в плодах для ума от безмолвия, — что в нем грехи, стучащиеся сначала в ум только помыслами, чтобы, если будут приняты мыслию, сделаться потом грубыми, чувственными грехами, все отсекаются мысленно во внутреннем нашем человеке добродетелью трезвения, которая не позволяет им входить внутрь и известись в злые дела, мановением и заступлением Господа нашего Иисуса Христа.

112. Образ внешних, чувственно-телесных подвигов есть Ветхий Завет, а святое Евангелие, которое есть Новый Завет, есть образ внимания или чистоты сердечной. И как Ветхий Завет не доводил до совершенства, не удовлетворял и не удостоверял внутреннего человека в деле богоугождения: *ничтоже бо,* говорит апостол, *совершил закон* (Евр. 7, 19), а только грубые преграждал грехи (отсекать от сердца помыслы и пожелания порочные для сохранения сердечной чистоты, что есть евангельская заповедь, выше, чем, например, запрещение исторгать око или зуб у ближнего): так разумей и о телесной праведности, и телесных подвигах, — о посте, говорю, и воздержании, спании на голой земле, стоянии, бдении и прочих, кои подъемлются обыкновенно из-за тела и страстную часть тела успокаивают от греховных движений. Хорошо, конечно, и это все, как сказано и о Ветхом Завете (что добр Закон); потому что служит к обучению внешнего нашего человека и к охранению от страстных дел. Но подвиги эти не суть охранители и от грехов мысленных, или возбранители их, то есть не сильны избавить нас от зависти, гнева и прочего.

113. А чистота сердечная, то есть блюдение и охранение ума, коего образом служит Новый Завет, если соблюдается нами, как должно, все страсти и всякое зло отсекает от сердца и искореняет из него, и вместо того вводит в него радость, благонадежие, сокрушение, плач, слезы, познание себя самих и грехов своих, памятование смерти, истинное смирение, безмерную любовь к Богу и людям и божественное рачение сердечное.

114. Как ходящему по земле невозможно не рассекать этого воздуха; так невозможно сердцу человеческому не быть непрестанно бориму от демонов, или не подлежать скрытным от них воздействиям, хотя бы кто и строго проходил телесные подвиги.

115. Если о Господе хочешь не по видимости только быть монахом, — благим, кротким и с Богом всегда соединенным, но и поистине быть таковым желаешь, то всеусильно старайся проходить добродетель внимания, которая состоит в блюдении и хранении ума и в установлении сладостного сердечного безмолвия и свободного от мечтаний блаженного состояния души: — дело, которое не во многих найдешь.

116. Она-то именуется мысленным любомудрием, — и проходи ты ее в великом трезвении и теплом усердии с молитвою Иисусовою, со смирением и непрерывностью, с молчанием чувственных и мысленных уст, с воздержанием в ястии и питии и с удалением от всего греховного, проходи ее путем мысленным искусно, с рассуждением, — и она с Божиею помощью раскроет тебе то, чего не чаял, даст тебе знание, просветит, умудрит и научит тому, что прежде и в ум приять не имел ты способности, когда ходил во тьме страстей и темных дел, будучи погружен в бездну забвения и смятения помыслов.

117. Как долины обильно плодят пшеницу, так она обильно наплодит в сердце твоем всякое добро, — или лучше, это подаст тебе Сам Господь наш Иисус Христос, без Которого мы ничего творить не можем. И сначала ты найдешь ее лествицею, потом книгою, в которой будешь читать, наконец, более и более преуспевая, найдешь ее градом, Иерусалимом Небесным, и Христа Израилева, Царя сил, действительно узришь умом, со Единосущным Его Отцом и спокланяемым Духом Святым.

118. Бесы вводят нас в грех всегда лживым мечтанием. Так, мечтанием обогащения и корысти настроили они нечестивого Иуду предать Господа и Бога всяческих. Ложными мечтами о телесном довольстве, ничтожном по себе, о чести, богатстве, славе — вовлекли они его в богоубийство, а потом ввергли в самоубийство удавлением и вечную исходатайствовали ему

смерть, — совершенно противное тому, что представляли ему в мечтании или прилоге своем, воздав ему, коварные.

119. Вот и смотри, как лживыми мечтаниями и пустыми обещаниями ввергают нас в падение враги нашего спасения. И сам сатана таким же образом спал с небесных высот, как молния, возмечтав о равенстве Богу. Так потом Адама отдалил он от Бога, внушив ему мечту о божеском некоем достоинстве (всезнании); так и всех согрешающих обыкновенно обольщает этот лживый и коварный враг.

120. Горечью от яда худых помыслов исполняется сердце наше, когда, вознерадев по причине забвения, надолго отводимы бываем от внимания и молитвы Иисусовой. Но когда по любви к Божественному, с крепким усердием, прилежно начнем в нашем детелище мысленном (в мысленной мастерской, в сердце) совершать вышереченное (то есть внимание и молитву), оно опять исполняется сладости в чувстве услаждения божественным неким радованием. Тогда-то твердые полагаем мы намерения всегда ходить в безмолвии сердечном и не ради чего другого, а ради ощущаемой от него в душе приятной сладости и отрадности.

121. Наука наук и искусство искусств есть умение управляться с злотворными помыслами. Самое лучшее против них средство и искусство — смотреть с помощью Господа за появлением прилога их и мысль свою всегда хранить чистою, как храним око телесное, им же самим острозорко усматривая могущее случайно повредить его и всячески стараясь не допускать до него даже порошинки.

122. Как снег не породит пламени, вода не родит огня, терн — смокв, — так сердце каждого человека не освободится от бесовских помыслов, слов и дел, если не очистит своего внутреннего, не сочетает трезвение с молитвою Иисусовою, не стяжет смирения и душевного безмолвия, и не будет со всем усердием тещи, поспешая в предняя. Душа, себе не внемлющая, неизбежно бывает бесплодна на благие и совершенные помышления, подобно бесплодному мулу; потому что и в ней нет разумения духовной мудрости. Воистину призывание имени

Иисусова и упразднение страстных помыслов есть сладостное дело, водворяющее мир душевный.

123. Когда душа зле входит с телом в соглашение, тогда они обе вместе созидают град тщеславия и столп гордости, и для обитания в нем (плодят) нечистые помыслы. Но Господь страхом геенны расстраивает согласие их и разделяет их, понуждая госпожу душу мудрствовать и говорить чуждое и противное телу (рабе). От этого страха и разделение между ними происходит: *зане мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8, 7).

124. Каждодневные дела наши надобно ежечасно взвешивать, внимая им, а вечером необходимо облегчать бремя их покаянием, сколько сил есть, если желаем, с помощью Христовою, препобедить в себе зло. Надобно также смотреть, по Богу ли, пред лицом ли Бога и для единого ли Бога совершаем мы все свои чувственные и видимые дела, чтобы по неразумию не быть окрадаемыми при этом какими-либо недобрыми чувствами.

125. Если мы с Божиею помощью каждый день приобретаем что-нибудь через наше трезвение, то не следует нам без разбора вступать в сношение с другими, чтобы не понести ущерба от каких-либо соблазнительных бесед; но паче надобно презирать все суетное за красоту и благотворность этой добродетели (трезвения), прелюбезной и пресладкой.

126. Трем силам души мы должны давать движение правильное, сообразное с их естеством и согласное с намерением создавшего их — Бога. Именно: силу раздражительную надобно подвигать против внешнего нашего человека и против змия — сатаны. *Гневайтеся,* сказано, *и не согрешайте* (Пс. 4, 5). Это значит гневайтеся на грех, то есть на самих себя и на диавола, чтобы не согрешить против Бога. Силу желательную надо устремлять к Богу и добродетели, а мысленную поставим госпожою над обеими ими, чтобы с мудростью и благоразумием упорядочивала их, вразумляла, наказывала и начальствовала над ними, как царь начальствует над подданными. И тогда сущий в нас разум по Богу будет управлять ими (то есть когда будет господствовать над ними, а не им покоряться). Хотя

страсти и восстают на разум, но мы не перестанем повелевать, чтобы разум правил ими. Ибо брат Господень говорит: *аще кто в слове* не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело* (Иак. 3, 2). Истинно говоря, всякое беззаконие и грех этими тремя силами делаются, и всякая добродетель и правда этими же тремя силами совершаются.

127. Ум омрачается и становится бесплодным, когда монах или поговорит с кем о мирских вещах, или мысленно сам в себе поразглагольствует о них, или когда у него тело с умом суетно займутся чем-либо чувственным, или когда он вообще предается суетности (и суетливости). Ибо в таком случае тотчас непосредственно за тем теряет он теплоту, сокрушение, дерзновение к Богу и ведение (забывает о Боге и порядках Божиих): так что поколику внимаем мы умом, потолику просвещаемся, и поколику не внимаем — омрачаемся.

128. Кто повседневно стремится к миру и безмолвию ума и усердно ищет его, тот легко презрит все чувственное, дабы не напрасно трудиться. Если же он какими-либо ложными мудрованиями обманет свою совесть (что не беда быть занятым чем-либо чувственным), то горькою уснет смертью забвения, о неуснутии коею молится божественный Давид (Пс. 12, 4 — *да не когда усну в смерть*). Апостол же говорит: *ведущему убо добро творити и не творящему, грех ему есть* (Иак. 4, 17).

129. Приходит же ум из нерадения опять в свойственный ему чин и трезвение, если тотчас, как сознаем охлаждение, возгоримся ревностью и с теплым усердием опять восстановим обычное делание ума (трезвение и молитву).

130. Мельничный осел не может подвинуться вперед, шагая по колесу, к которому привязан (шагает, а все на одном месте, пока не остановят колеса); и ум не подвигнется вперед в совершенствотворной добродетели (то есть в трезвении, ведущем к совершенству), если не упорядочить своего внутреннего (остановив кружение там помыслов). Ибо таковой слепотствует

---

[1] В слове и в разуме. Преподобный Исихий видит у апостола последнее: кто разумом не согрешает.

всегда внутренними очами, не имея возможности видеть добродетель и светозарного Иисуса.

131. Конь добрый и сильный весело скачет, приняв седока: ум же весельем возвеселится во свете Господнем, когда *заутра предстанет* Ему свободным от всяких помышлений (Пс. 5, 4). Сам себя разгорячая, пойдет он от силы деятельного любомудрия ума в дивную силу созерцания и таин неизреченных, и добродетелей; а когда восприимет наконец в сердце свое безмерную глубину возвышенных божественных помышлений, тогда *явится* ему *Бог богов,* сколько вместимо это для сердца (Пс. 83, 8). Пораженный этим, ум любовно славит тогда Бога, зримого и зрящего, Который ради того и этого спасает так устремляющего к Нему умственный взор свой.

132. Высокую глубину узрит разумно держимое безмолвие сердечное; и дивное услышит ухо у безмолвившегося ума.

133. Путник, начав совершать путешествие далекое, неудобопроходимое и трудное, и опасаясь на возвратном пути заблудиться, ставит на дороге знаки, как путеуказателей, которые помогли бы ему удобно возвратиться восвояси: а муж, шествующий путем трезвения, пусть ставит (в качестве примет) словеса (слышанные от отцов), опасаясь и себе того же (то есть заблудиться в пути или попятиться назад).

134. Но для путника возвращение туда, откуда вышел, есть причина радости; а для трезвенника возвращение назад есть пагуба разумной души и знак отступления от богоугодных дел, слов и помышлений. И будет он во время смертоносного сна душевного иметь помыслы, которые, подобно остнам, будут будить его (от усыпления), напоминая, в какое глубокое помрачение и расслабление ниспал он, по причине вознерадения своего.

135. Впадши в прискорбности, отчаянности и безнадежности (— в крайности безвыходные, из которых выпутаться нет надежды), надобно нам и себе то же делать, что делал Давид, — изливать сердце свое и моление свое перед Богом, и печаль свою, как есть, возвещать Господу (см. Пс. 141, 3). Ибо мы исповедуемся Богу, яко могущему премудро устроить все, нас касающееся, — и беду нашу, если полезно, сделать легкою

(удобоносною и удобоисходною), и избавить нас от пагубной и разрушительной печали.

136. Гнев на людей, не по естеству движимый, печаль не по Богу и уныние — все равно гибельны для добрых и разумных помыслов; но Господь, расточая их нашего ради исповедания, водворяет радость.

137. Помыслы, против воли нашей втеснившиеся и стоящие в сердце, обыкновенно изглаждает молитва Иисусова с трезвением из глубин помышления сердечного.

138. Облегчение и радость в скорби от множества бессловесных помыслов обретем мы, когда укорим себя искренно и беспристрастно, — или возвестим все Господу, будто человеку (присущему нам). Всячески этими двумя способами найдем успокоение от всего (смущающего).

139. Образом ума признается отцами законоположник Моисей, — который Бога видит в купине, лицом прославляется и Богом фараону от Бога богов поставляется; потом казнями поражает Египет, изводит из него Израиля и дает закон. Все это, будучи принимаемо иносказательно, в смысле духовном, изображает действия и преимущества ума.

140. А образом внешнего человека служит Аарон, брат законодателя. Итак, с гневом возводя на него (внешнего человека) обвинения, будем говорить и ему мы, как Моисей погрешившему Аарону: «Чем онеправдовал тебя Израиль (ум, зряй Бога), что ты поспешил сделать его отступником от Господа Бога Живого Вседержителя» (помыслами своими отвлек его от созерцания Бога в трезвении)? (см. Исх. 32, 21).

141. В числе других многих добрых примеров Господь, приступая к воскрешению Лазаря из мертвых (тем, что *запрети духу*), показал и тот, что нам надобно строгим запрещением обуздывать душу, когда она женоподобно вдается в расслабляющую чувствительность, и вообще стараться установить в себе жесткий (к себе) нрав, который, — разумея самоукорение, — умеет избавлять душу от самоугодия, тщеславия и гордости.

142. Как без большого корабля нельзя переплыть морской пучины: так без призывания Иисуса Христа невозможно изгнать прилога помысла лукавого.

143. Прекословие обыкновенно преграждает дальнейший ход помыслам, а призывание имени Иисус Христова изгоняет их из сердца. Как только образуется в душе прилог представлением чувственного какого-либо предмета, как то: оскорбившего нас человека или женской красоты, или серебра и злата, или когда все это одно за другим побывает в мысли нашей; тотчас обличается, что привели в такое мечтание сердце наше духи злопамятства, блуда и сребролюбия. Если ум наш опытен, обучен и навык блюсти себя от приражений и видеть ясно, как днем, обольстительные мечтания и прелести лукавых; то тотчас отпором, прекословием и молитвою Иисус Христовою легко угашает разжженные стрелы диавола, не позволяя страстному мечтанию увлекать вслед себя и наши помыслы, а помыслам этим согласоваться с призраком прилога, или дружелюбно беседовать с ним и вдаваться в многомыслие, или сосложиться с ним, — зачем с некоторою необходимостью, как ночи за днем, следуют худые дела.

144. Если же ум наш неопытен в деле бодренного трезвения, то тотчас сцепляется пристрастно с представившимся ему прилогом, какой бы он ни был, и начинает с ним собеседовать, получая неподобные вопросы и давая такие же ответы. Тогда наши помыслы смешиваются с демонскими мечтаниями, которые вследствие того еще более расплождаются и размножаются, чтобы показаться прельщаемому и уловляемому уму более любезными, красивыми и привлекательными. Тогда ум наш страждет нечто подобное тому, как если бы на какой-нибудь равнине, где пасутся незлобивые агнцы, появился пес, и агнцы, как только он появился, подбегали бы к нему часто, как к матери своей, никакой от приближения к нему не получая пользы, а только разве заимствуя от него нечистоту и зловоние. Таким же точно образом и наши помыслы подбегают по неопытности ко всем бесовским в уме мечтаниям и, как я сказал, перемешиваются с ними, так что можно положить, что те и другие

вместе держат (между собою) совещание, — что бы такое следовало устроить, чтобы привести в дело посредством тела то, что так красным и сладким показалось им под действием бесовского обольщения. Так-то устрояются наконец внутри падения души; после чего, будто по необходимости какой, износится уже и вовне то, что созрело там внутри сердца.

145. Ум наш есть нечто легкодвижное и незлобивое, легко отдающееся мечтам и неудержимо падкое на помыслы греховные, если не имеет в себе такого помысла, который, как самодержец над страстями, удерживал бы его непрестанно и обуздывал.

146. Созерцание и ведение обыкновенно бывают путеводителями и виновниками строгой жизни через то, что сердце, ими восхищенное горе, приходит в презрение земных удовольствий и всякой чувственной сласти житейской, как вещей ничтожных.

147. И обратно, жизнь внимательная, во Христе Иисусе совершаемая, бывает отцом созерцания и ведения и родителем божественных восхождений и мудрейших помышлений, сочетавшись с супругою — смирением, как говорит божественный пророк Исаия: *терпящии же Господа изменят крепость, окрылатеют аки орли* (Ис. 40, 31).

148. Слишком строгим и тяжелым кажется людям — душевно безмолвствовать от всякого помысла. И воистину это притрудно и приболезненно: ибо не одним только непосвященным в тайны духовной брани до боли тяжело бестелесное заключать и удерживать в телесном доме, но и тем, которые искусились во внутренней невещественной брани. Но кто непрестанною молитвою содержит в персях Господа Иисуса, тот, по пророку, *не утрудихся, последуя* Ему, *и дне человеча не пожелах* (Иер. 17, 16), ради красоты, приятности и сладости Иисуса, и врагов своих — нечистых демонов, ходящих вокруг его, не постыдится, но возглаголет к ним во вратах сердца (см. Пс. 126, 5), и вспять прогонит их Иисусом.

149. Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возглаголет к ним во вратех. Только до самого исхода своего да не скучает она

день и ночь взывать ко Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ее вскоре, по неложному Божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном судие: *ей, глаголю вам, сотворит отмщение... вскоре* (Лк. 18, 8), — и в настоящей жизни и по исходе ее из тела.

150. Плывя по мысленному морю, дерзай о Иисусе; ибо Он Сам внутри тебя в сердце твоем, таинственно взывает к тебе: *не бойся, Иакове, малый Израилю, Аз Бог твой, держай десницу твою* (Ис. 41, 14, 13). *Аще убо Бог по нас,* какой лукавый *на нас?* (Рим. 8, 31). По нас Бог, Который ублажил чистых сердцем и законоположил, чтобы Сладчайший Иисус, единый чистый, божественно наитствовал чистые сердца и обитал в них. Не престанем же, по божественному Павлу, *обучать* ум свой *ко благочестию* (1 Тим. 4, 7).

151. Насладится, по Давиду, множеством мира (см. Пс. 36, 11), кто не приемлет лица человеческого, судя неправду в сердце своем, то есть кто не приемлет образов лукавых духов и через эти образы не умышляет греха, но строго судя и строгий произнося приговор на земле сердца своего, воздает греху должное. Великие и мудрые отцы в некоторых писаниях своих и демонов называют человеками, по причине их разумности. Так и в Евангелии Господь говорит: *враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 28), то есть всеял среди пшеницы и плевелы (разумея диавола; ибо потом сказал: *всеявый их есть диавол* — Мф. 13, 39). Поелику мы не оказываем тотчас прекословия этим делателям зла, то этого ради и преодолеваемы бываем помыслами.

152. Если, начав жительствовать во внимании ума, с трезвением сочетаем смирение и с прекословием совокупим молитву, то будем добре шествовать мысленным путем, как со светильником света, с покланяемым и святым именем Иисуса Христа, — как выметая и очищая от греха, так и украшая и убирая дом сердца своего. Если же на одно свое трезвение или внимание понадеемся, то скоро, подвергшись нападению врагов, падем, быв низринуты. И начнут тогда во всем одолевать нас эти коварнейшие злокозненники, а мы начнем больше и больше опутываться злыми пожеланиями, как сетями, — или и совершенному

закланию подвергнемся от них, не имея в себе победоносного меча, — имени Иисус Христова. Ибо только сей священный меч, будучи непрестанно вращаем в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать их вспять и посекать, попалять и поедать, как огонь солому.

153. Дело непрестанного трезвения, душеполезное и многоплодное, есть — тотчас усматривать образующиеся в уме мечтательные помыслы. Дело прекословия — обличать и выставлять на позор помысл, покушающийся войти в воздух ума нашего посредством представления какого-либо чувственного предмета. То же, что тотчас погашает и рассеивает всякое умышление сопротивоборцев, всякое слово, всякую мечту, всякого идола и всякий столп злобы — есть призывание Господа. И мы сами видим в уме державное поражение их от Иисуса, великого Бога нашего, и отмщение за нас, смиренных, бедных и ни к чему не годных.

154. Что помыслы наши не что иное суть, как одни мечтательные образы вещей чувственных и мирских, этого многие не знают. Когда же побудем мы подольше трезвенно в молитве, тогда молитва освобождает наш ум от всякого вещественного образа лукавых помыслов и дает ему познавать словеса супостатов (может быть, значение помыслов вообще, что они суть, или планы и виды врагов при всевании помыслов), и ощутить пользу молитвы и трезвения. *Обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников* мысленных мысленно и сам *узриши* и уразумеешь (Пс. 90, 8), как говорит блаженный псалмопевец Давид.

155. Будем, если можно, непрестанно памятовать о смерти: ибо от этого памятования рождается в нас отложение всех забот и сует, хранение ума и непрестанная молитва, беспристрастие к телу и омерзение ко греху, и почти, если сказать правду, всякая добродетель, живая и деятельная, из него проистекает. Поэтому будем, если возможно, делать это дело столь же непрерывно, как непрерывно наше дыхание.

156. Сердце, совершенно отчуждившись от мечтаний, станет рождать помышления божественные и таинственные, играющие внутри его, как играют рыбы и скачут дельфины в спокойном море. Море веется тонким ветром, и бездна сердца —

Духом Святым. *И понеже есте сынове,* говорит апостол, *послa Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче!* (Гал. 4, 6).

157. Усомнится и поколеблется всякий монах взяться за духовное делание прежде отрезвления ума, — потому ли, что не познал еще красоты его, или потому, что познавши, бессилен решиться на это по недостатку ревности. Но это колебание несомненно рассеется, коль скоро он вступит в делание хранения ума, которое есть и именуется мысленным любомудрием или деятельным любомудрием ума. Потому что тогда обретет он путь, Который сказал: *Аз есмь путь, и истина и живот* (Ин. 14, 6).

158. Опять восколеблется он, видя бездну помыслов и толпу младенцев вавилонских: но и это колебание рассеивает Христос, если основанием ума непрестанно в Нем утверждаемся и младенцев вавилонских отбрасываем, разбивая о камень сей (см. Пс. 136, 9), — исполняя, как говорится, желание свое на них (свое против них негодование). Ибо, как говорит Премудрый, — *храняй заповедь не увесть глагола лукавна* (Еккл. 8, 5). И Господь говорит: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5).

159. Тот подлинно есть истинный монах, кто держит трезвение, и тот есть истинный трезвенник, кто в сердце монах (у кого в сердце только и есть, что он да Бог).

160. Жизнь человеческая простирается вперед с чередованием годов, месяцев, недель, дней и ночей, часов и минут. Вместе с ними надлежало бы и нам до самого исхода простирать вперед (к совершенству) добродетельные делания, разумею — трезвение, молитву, сладость сердечную, при неослабном безмолвии.

161. Найдет, наконец, и на нас час смертный, — придет, и избежать его нельзя; и — о, если бы воздушный князь мира, пришедши тогда, нашел беззакония наши малыми и ничтожными, чтобы не мог справедливо обличить нас! — Иначе восплачемся тогда, хотя уже бесполезно. Ибо *раб,* как говорит Господь, *ведевый волю Господина своего, и... ни сотворив... биен будет много* (Лк. 12, 47).

162. Горе погубившим сердце! И что сотворят они, когда посетит Господь (см. Сир. 2, 14)? Возьмемся же, братия, поревностнее за дело сердца.

163. За простыми и бесстрастными помыслами следуют страстные, как узнали мы из долговременного опыта и наблюдения; и первые служат входом для последних, бесстрастные для страстных.

164. Воистину надлежит человеку надвое рассечь себя произволением, надобно ему разодрать себя мудрейшим помышлением, воистину врагом самому себе непримиримым подобает стать ему. Какое кто имеет расположение к человеку, крайне его оскорбившему и обидевшему, такое же, или еще худшее, должны мы иметь и к самим себе, если хотим исполнить величайшую и первейшую заповедь, то есть блаженное смирение, — Христово жительство, воплощенную жизнь Бога. Поэтому апостол говорит: *кто мя избавит от тела смерти сея?* (Рим. 7, 24) *Закону бо Божию не покаряется* (Рим. 8, 7). Показывая же, что покорять тело под волю Божию есть одно из лежащих на нас дел, сказал: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были. Судими же, от Господа наказуемся* (1 Кор. 11, 31-32).

165. Начало плодоносия — цвет; а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие.

166. Когда, возмогая о Христе Иисусе, начнем мы тещи в трезвении, твердо установившемся, — тогда сперва является нам в уме как бы светильник какой, держимый нами рукою ума и руководящий нас на стези мысленные, — потом, как бы луна в полном свете, вращающаяся на тверди сердечной, — наконец, как солнце, — Иисус, подобно солнцу сияющий правдою, то есть показующий Себя Самого и Свои всесветлые светы созерцаний.

167. Это-то таинственно открывает Он уму, с непрерывным рвением хранящему заповедь Его, которая говорит: *обрежите жестокосердие ваше* (Втор. 10, 16). Да, дивным истинам, как уже сказано, научает человека тщательное трезвение. Божество нелицеприятно. Почему Господь говорит: слышите Меня и уразумейте; *иже бо имать, дастся ему и преизбудет ему; а иже не имать,*

и еже имать, возмется от него (Мф. 13, 12); и еще: *любящим Бога вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28). Не тем ли паче к этому поспешествуют им сии добродетели (трезвение и молитва)?

168. Не двинется вперед корабль без воды: не преуспеет нисколько и хранение ума без трезвения со смирением и молитвою Иисус Христовою.

169. Основание дома — камни; а этой добродетели (хранению ума) и основание и кровля — святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа. Скоро и легко потерпит кораблекрушение во время бури неразумный кормчий, который корабельников распустит, весла и паруса бросит в море, а сам ляжет спать: но еще скорее потоплена будет бесами душа, которая при начинающихся прилогах вознерадит о трезвении и о призывании имени Иисус Христова.

170. Мы, что знаем, передаем через Писание и что видели, проходя путем, о том свидетельствуем желающим, — если захотите принять сказуемое вам. Се Сам Господь сказал: *аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огнь влагают, и сгарает. И иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног* (Ин. 15, 6, 5). Как невозможно солнцу сиять без света, так невозможно сердцу очиститься от скверны пагубных помыслов без молитвы именем Иисусовым. Если это истинно, как вижу (на опыте), то будем возглашать это имя так же часто, как дышим. Ибо оно — свет, а те (помыслы скверные) — тьма; и Он (призываемый Иисус) есть Бог и Владыка, а те — слуги демонские.

171. Хранению ума пристойно и достойно именоваться светородным, молниеродным, светоиспускательным и огненосным. Ибо, истинно сказать, оно одно превосходнее самых великих телесных добродетелей, сколько бы их ни имел кто. Сего-то ради и надлежит называть эту добродетель самыми почетными именами, ради рождающихся из нее светозарных светов. Возлюбившие ее, из грешников непотребных, скверных, невежд, несмысленных, неправедных делаются силою Иисус Христовою праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными: и не только это, но и начинают созерцать

таинства и богословствовать. Сделавшись созерцателями, они переселяются к оному пречистому беспредельному свету, прикасаются к нему неизреченными прикосновениями, с ним живут и действуют, поскольку вкусили, яко благ Господь; так что на этих первоангелах явно исполняется слово божественного Давида: *обаче преведнии исповедятся имени Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим* (Пс. 139, 14). И действительно, они только одни истинно и призывают Бога, и исповедаются Ему, и с Ним беседовать всегда любят, любя Его.

172. Горе внутреннему от внешнего; ибо внутренний человек много терпит от внешних чувств. Но потерпев что-либо, он должен употребить бичи против этих внешних чувств. Сделавший то, что следует по букве, уже уразумел и то, что следует по умозрению.

173. Если внутренний наш человек трезвится, то, по словам отцов, он силен сохранить и внешнего. По их же словам, мы и злодеи-демоны, обои сообща совершаем грехи: те в помыслах или мечтательных живописях изображают только пред умом грехи, как хотят, а мы и помыслами внутренне и делами внешне грешим. Демоны, не имея тел дебелых, лишь помыслами, кознями и обольщениями и себе и нам уготовляют муку. Но если бы эти непотребнейшие не были лишены дебелого тела, то грешили бы непрестанно и делами; всегда содержа в себе злое произволение, готовое нечествовать.

174. Но молитва сердечная ко Господу разбивает их и в прах обращает прельщение их. Ибо непрестанно и неленостно призываемый нами Иисус, Бог и Сын Божий, отнюдь не допускает им даже и начать вложение в нас греха, — что называют прилогом, — не допускает ни образ какой-либо показать уму в зеркале мысли, ни проговорить какие-либо слова сердцу. Но если никакой образ не втеснится в сердце, то оно и от помыслов, как мы сказали, будет пусто; потому что демоны обыкновенно через помыслы скрытно беседуют с душою и научают ее злу.

175. Итак, от непрестанной молитвы мысленный в нас воздух чист бывает от мрачных облаков и ветров духов злобы. Когда же воздух сердца чист, то ничто не препятствует уже сиять

в нем Божественному свету Иисусову, — если только мы не надымемся тщеславием, самомнением и хвастливым себя выказыванием, не понесемся к недосягаемому, и не будем за то лишены помощи Иисусовой; потому что Христос ненавидит все таковое, будучи образцом смирения.

176. Емлемся убо за молитву и смирение, — сии два оружия, коими совокупно с трезвением, как мечом огненным, ополчаются мысленные воители против демонов. Если так будем вести жизнь свою, то каждый день и час можем таинственно радостный иметь праздник в сердце.

177. Восемь главных помыслов греховных, коими объемлется вся область таких помыслов, и от коих все они имеют свое рождение. Все они подходят к дверям сердца и, нашедши его не охраняемым умом, один за другим входят в него, каждый в свое время. Когда какой из этих восьми помыслов, поднявшись к сердцу, войдет в него, то вводит с собою целый рой нечистых помыслов и, омрачив таким образом ум и сердце, раздражает тело и влечет его к совершению срамных дел.

178. Но кто блюдет главу змия (прилог) и гневным прекословием, гневные подобрав слова, как бы пястью бьет в лицо врага, тот тем самым пресекает брань. Ибо, стерши главу, он избег и помыслов порочных, и дел порочнейших. После этого мысль у него пребывает уже неволненною: потому что Бог приемлет его бодрствование над помыслами и в воздаяние за то дарует ему ведение, как надо преодолевать врагов и как надлежит очищать сердце от помыслов, оскверняющих внутреннего человека, о коих так говорит Господь Иисус: *от сердца исходят помышления злая... прелюбодеяния, любодеяния... Сия суть сквернящая человека* (Мф. 15, 19-20).

179. Таким-то образом душа может о Господе стать в своем благообразии, красоте и правости, как в начале создана была Богом прекрасною и правою, как говорит великий раб Божий Антоний: «Когда в душе ум бывает таким, как следует ему быть по естеству, тогда она бывает вся — добродетель». Он же сказал опять: «Быть душе правою есть то же, что иметь ей ум в естественном состоянии, как создан». И немного ниже опять говорит

он: «Очистим ум; ибо я верую, что он, будучи всесторонне очищен и придя в естественное свое состояние, может сделаться прозорливым и видеть более и далее демонов, имея в себе дающего откровение Господа». Вот что говорил славный Антоний, как сказывает Афанасий Великий в житии Антония.

180. Всякий помысл воспроизводит в уме образ какого-либо чувственного предмета: ибо ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас, чувственным.

181. Как невозможно нам, таким человекам, гоняться по воздуху за пернатыми птицами, или летать подобно им, потому что это несвойственно нашему естеству; так невозможно нам избавиться от нетелесных демонских помыслов и свободно устремлять внимательное око ума к Богу без трезвенной непрестанной молитвы. Если нет в тебе этого, то ты — на земле и за земным охотишься.

182. Если истинно хочешь покрыть стыдом помыслы, достодолжно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем; да прильпнет к дыханию твоему молитва Иисусова, — и в немного дней увидишь это на деле.

183. Как не следует букв писать на воздухе, а надо их резцом начертывать на каком-либо теле твердом, чтобы они могли надолго сохраниться, так с притрудным трезвением своим должно нам сочетать молитву Иисусову, дабы прекрасная добродетель трезвения вместе с Ним была в нас всегда целою, и через Него во веки сохранилась в нас неотъемлемою.

184. Возложи, как сказано, на Господа дела свои и обрящешь благодать, дабы и к нам с тобою не относились слова пророка: *близ еси Ты,* Господи*, уст их, далече же от утроб их* (Иер. 12, 2). Никто другой прочно не умиротворит сердца твоего от страстей, кроме Самого Иисуса Христа, сочетавшего в Себе далеко расстоящее (то есть Божество и человечество).

185. Равно омрачают душу и мысленные внутри беседы с помыслами, и внешние разговоры и празднословие. Итак, тем, которые стараются отвращать от ума своего все вредное, должно без жалости прогонять и тех и других любителей праздно-

словия — и помыслы и людей — по весьма уважительной по Богу причине, — именно: дабы ум, омрачась, не ослаб в трезвении: ибо, будучи омрачаемы забвением (от бесед), мы теряем ум (становимся такими, как бы в нас ума не было совсем).

186. Кто со всем рачением хранит чистоту сердца, тот наставником в ней будет иметь законоположителя ее Христа, Который таинственно будет изрекать ему волю Свою. *Услышу, что речет о мне Господь Бог* (Пс. 84, 9), говорит Давид, указывая на это. Изображая же разглагольствование ума с самим собою о мысленной брани и о заступническом в ней покровительстве Божием, говорил он: *и речет человек: аще убо есть плод праведнику?* (Пс. 57, 12). А потом, изъявляя состоявшееся вследствие обоесторроннего рассмотрения решение, говорит: *убо есть Бог судя им* — злым демонам — *на земли* сердца нашего (там же). И в другом месте говорит он: *приступит человек и сердце глубоко, и вознесется Бог;* и тогда *стрелами младенцев* будут сочтены *язвы их* (Пс. 63. 7-8).

187. Будем всегда вести себя, как *наказанные сердцем в мудрости* (Пс. 89, 12), непрестанно дыша Иисус Христом, Бога Отца Силою и Божиею Премудростью. Если же, по какой-либо случайности опустившись, вознерадим о сем умном делании, то в следующее утро опять добре препояшем чресла ума нашего и покрепче возьмемся за дело свое, зная, что нет никакого оправдания нам, ведущим добро творити, если не будем творить оного.

188. Как если, когда вредоносные яства, недавно принятые, произведут в теле болезненную тревогу, вкусивший их, лишь только почувствует сей вред, поспешит извергнуть их вон, то остается невредимым: так и ум, когда, поглотив принятые им порочные помыслы и почувствовав душевредную горечь их, поспешит молитвою Иисусовою, из глубин сердца возглашаемою, извергнуть их вон и далеко отбросить их от себя, то через это избежит всякого от них вреда, как, по милости Божией, научение от других и вместе с ним собственный опыт предали трезвенствующим разуметь настоящее дело.

189. С дыханием твоим соедини трезвение и имя Иисусово, или помышление о смерти и смирение; ибо то и другое великую доставляет пользу.

190. Господь сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29).

191. Сказал еще Господь: *иже убо смирится яко отроча сие, той есть болий во Царствии Небеснем* (Мф. 18, 4); *возносяйся* же *смирится* (Лк. 18, 14). *От Мене,* говорит, *научитеся.* И видишь ли, чему научиться? Смирению. Заповедь Его живот вечный есть; и эта заповедь есть смирение. Следовательно, кто не смирен, тот отпал от живота, и конечно обрящется там, что противоположно ему.

192. Если всякая добродетель творится душою и телом, душа же и тело, коими, как я сказал, совершается всякая добродетель, суть творение Божие; то не крайне ли сумасбродствуем мы, когда величаемся и тщеславимся чуждыми украшениями души и тела? И не тем ли это паче, что, опираясь на гордость, как на тростниковую трость, мы восставляем против себя беспредельного величием Бога, таким крайним беззаконием своим и безумием привлекая на главу свою страшнейшее Его неблаговоление; ибо *Господь гордым противится* (Иак. 4, 6). Вместо того, чтобы подражать Господу в смирении, мы своим тщеславным и гордостным мудрованием вступаем в содружество с неистовым врагом Господа гордым диаволом. Поэтому-то апостол говорит: *что же имаши, его же неси приял?* (1 Кор. 4, 7). Разве ты сам себя создал? Если же тело и душу, из которых, в которых и через которых всякая добродетель бывает, получил ты от Бога, то *что хвалишися, яко не приемь* (там же)? Ибо Господь все это тебе даровал.

193. Очищение сердца, через которое как смирение, так и всякое свыше сходящее благо имеется в нас, не что иное есть, как то, чтобы отнюдь не попускать приражающим ее помыслам входить в душу.

194. Хранение ума, с Божиею помощью и ради Единого Бога действуемое, установившись в душе, доставляет уму мудрость в ведении подвигов по Богу. Не малую также причастнику своему доставляет она способность и к тому, чтобы по Богу устроять и внешние дела и слова, с рассуждением безукоризненным.

195. Отличительное в Ветхом Завете первосвященническое украшение [чистая золотая дщица на груди, с надписью: святыня Господня (см. Исх. 28, 36)] было прообразованием

сердечной чистоты, которое внушает нам внимать дщице сердца нашего, не почернела ли она от греха, дабы (если окажется такою) поспешили мы очищать ее слезами, покаянием и молитвою. Ум наш есть нечто легкое (подвижное), и трудно удержать его от греховных воспоминаний. Можно, впрочем, сказать, что он с равным удобством последует как за худыми, так и за добрыми мысленными мечтаниями.

196. Блажен воистину, кто так прилепился мыслию к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим, или пламя к свечке. Солнце, проходя над землею, производит день; а святое и достопоклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений.

197. Когда рассеются облака, воздух показывается чистым; когда же Солнцем правды Иисусом Христом рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления, по причине просвещения Иисусом воздуха сердечного. Ибо премудрый говорит: *надеющиися на Господа уразумеют истину, и вернии в любви пребудут Ему* (Прем. 3, 9).

198. Сказал некто из святых: «Злопамятствуя, злопамятствуй на бесов, и враждуя, враждуй на тело всегда. Плоть — коварный друг, и, будучи довольствуемо, сильнейшую поднимает брань». И еще: «Враждуй против тела и воюй против чрева».

199. В предыдущих главах, составляющих первую и вторую сотню, описали мы труды священного безмолвия ума, представляя не собственного только изыскания плод, но и то, чему божественные глаголы богомудрых отцов учат нас относительно чистоты ума. Теперь, сказав еще немного в показание пользы хранения ума, кончим слово.

200. Итак, прииди, последуй за мною к достижению блаженного хранения ума, кто бы ты ни был, любящий в духе *дни видети благи* (Пс. 33, 12), — и я о Господе научу тебя видимому деланию и жительству бесплотных Сил. Не насытятся Ангелы, воспевая Творца; не насытится и ум, в чистоте им соревнующий. И как не пекутся о пище невещественные (Ангелы на небе), так

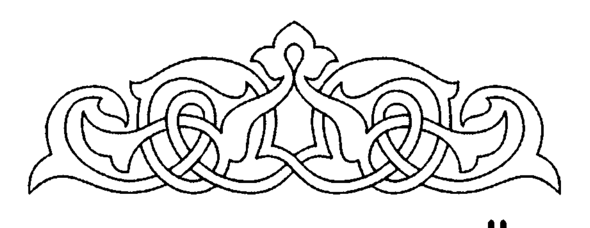
не пекутся о ней и вещественные невещественники (люди — трезвенники на земле), когда взойдут на небо безмолвия ума.

201. Как горние Силы не пекутся о богатстве и стяжаниях, так и душевное око очистившие и стяжавшие навык в добродетели (трезвения) не пекутся о злобствовании злых духов. И как тех отличает богатство преспеяния совершенства в Боге, — так этих отличают вожделение и любовь к Богу, стремление и восхождение к Божественному. И они, с ненасытимым вожделением от вкушения божественной приводящей в восхищение любви, простираясь в восхождение (горе́, по степеням совершенства духовного), не остановятся, пока не достигнут уподобления Серафимам, — и не почиют от трезвения ума и вожделетельного возвышения, доколе не сделаются Ангелами о Христе Иисусе Господе нашем.

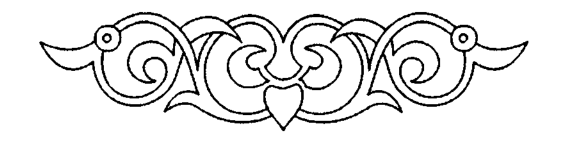
202. Нет яда, паче яда аспида и василиска; и нет зла, паче зла самолюбия. Исчадия же самолюбия — сии змии летающие, суть сии: самовосхваление в сердце, самоугодие, чревонеистовство, блуд, тщеславие, зависть и вершина всех зол — гордость, которая не только людей, но и Ангелов свергает с небес и вместо света покрывает мраком.

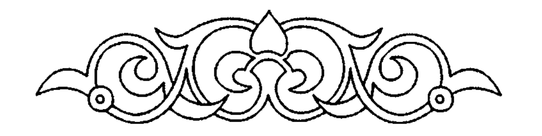
203. Это написал тебе, Феодуле, соименник безмолвия (то есть Исихий), хотя не безмолвник на деле. Может быть, я написал не все, относящееся к нашему предмету, но всячески то, что подал Бог, во Отце, Сыне и Духе Святом хвалимый и славимый от всего разумного естества: Ангелов и человеков, и от всякой твари, созданной неизреченною Троицею, Богом Единым, Коего светлое Царствие да сподобимся получить и мы, молитвами Пресвятой Богородицы и преподобных отцов наших. Ему, Богу непостижимому, вечная слава. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИЛ СИНАЙСКИЙ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ НИЛЕ СИНАЙСКОМ

Преподобный Нил происходил из богатой и знатной фамилии и, вероятно, еще тогда, как святой Златоуст был проповедником в Антиохии, был слушателем и учеником его. Знатное происхождение и личные достоинства возвели его на степень префекта столицы. Но стремления его духа не согласовались с должностными хлопотами и порядками жизни столичной. Почему, согласившись с супругою, с которою имел уже двух детей, оставил он мир, чтобы в уединении успешнее тещи путем спасения. Он, взяв с собою сына Феодула, поселился на Синае; а супруга его с дочерью нашли себе приют в одной из египетских женских обителей.

В Синайской пустыне преподобный Нил жил крайне строго: своими руками с сыном выкопали они себе пещеру и, живя в ней, питались даже не хлебом, а дикими горькими растениями. Все же время проходило у них в молитве, изучении Писания, богомыслии и трудах.

Оставя, однако же, мир, преподобный Нил не оставил общения с людьми. Из всех мест и всякого рода лица обращались к нему со своими духовными нуждами, и никто не был оставляем без потребного вразумления и назидания. И царь писал к нему, прося молитв, и он писал к царю, укоряя его в несправедливости к святому Златоусту[1]. Другие писания преподобного преимущественно нравственного и аскетического содержания. Из всего им написанного видно, как обширны и глубоки были его познания, и как неутомим труд его в этом деле.

Для испытания любви его к Богу было ему особое искушение. Напали на Синай и окрестные его области дикие варвары из Аравии и все разграбили, многих побили, иных забрали в плен. В числе последних был и Феодул, сын преподобного Нила. Беда эта была очень чувствительна для преподобного, – и он не находил себе покоя, особенно когда на второй или третий день после общей беды принесена была к нему весть, что сына его дикари положили принести в жертву утреннице – звезде Венере, не утверждая, исполнено ли было такое определение. Но недолго попустил Бог томиться его родительскому сердцу. Скоро узнал он, что жертва не состоялась и пленники распроданы в христианские страны.

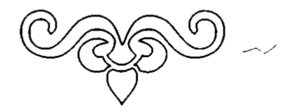
[1] Письма – ч. 2, 254, – и ч. 3, 239.

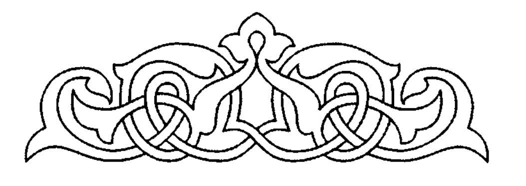
Поиски нашли его потом в городе Елузлузе, епископ которого купил его у варваров вместе с другими и готовил уже к служению Церкви, к которому был упрашиваем и отец, прибывший за ним. Любовь к пустынножитию не позволила им согласиться на это; и епископ, посвятив их во священники, благословил им отойти на любимый Синай, где и пребыли они до конца жизни.

Преподобный Нил оставил мир в 390 году; в пустыне Синайской прожил лет 60 и скончался около 450 года. Память его – 12 ноября и 14 января. Святые мощи его при Иустине Младшем были перенесены в Константинополь и положены в храме Святых Апостолов.

Из писаний преподобного Нила в греческое Добротолюбие, а из него в славянское, взяты – «Слово о молитве» и «Слово аскетическое». «Слово о молитве» берем и в наше Добротолюбие; вместо же «Слова подвижнического» предпочитаем взять «Слово о восьми духах лукавствия», и два собрания кратких изречений и наставлений, из которых одно озаглавливается: «Главы или увещания», – а второе: «Мысли, отводящие человека от тленного и прилепляющие к нетленному». Но как о молитве и о борьбе со страстями множество преблагопотребных советов и наставлений высказано преподобным в других его писаниях, равно как там же всюду в обилии встречаются преназидательные мысли и вообще о нравственном строе и особенно о жизни, отрешенной от всего: то подумав, что было бы несправедливо лишить наше Добротолюбие этих сокровищ, положили мы позаимствовать их из сказанных писаний преподобного, помещая, что к молитве относится, под «Словом о молитве», что – к борьбе со страстями, – под каждою из восьми страстей, что – к общему назиданию, – под собранием изречений. Подражаем в этом древним. Ибо в Patrol. gr. Migne t. 79, где помещены все писания преподобного Нила после «Мыслей, отводящих от тленного и прилепляющих к нетленному», – стр. 1249-1250, – сделана заметка, что в той рукописи, с которой там печатались сии мысли, следуют еще десятка четыре мыслей, заимствованных то из «Слова о нестяжательности», то из «Статьи о превосходстве пребывания на безмолвии пред жизнью в городе». Самые сии заимствования не напечатаны; но пример через это ничего не теряет.

Цитаты этих заимствований будем означать в конце статей указанием тома и страницы, – по изданию творений преподобного в русском переводе. Статьи без цитат находятся на той же, что выше указана, странице.

АСКЕТИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА СИНАЙСКОГО

1
СЛОВО О МОЛИТВЕ
(ч. I, 170)

Предисловие

Благовременно восставил ты меня, лежащего в жгучей горячке[1] нечистых страстей, прикосновением боголюбивого письма твоего, и ум мой, недугующий самыми срамными недугами, ободрил утешением, блаженно подражая великому Наставнику и Учителю. И не дивно. Долею твоею всегда было искать славного и знаменательного, как и благословенного Иакова. Почему, поработав хорошо ради Рахили и получив Лию, ищешь и возлюбленную, как и за нее исполнивший семилетие (работы) (см. Быт. 29, 20-28).

А я не отрекаюсь сознаться, что, потрудившись всю ночь, ничего не поймал; но, по слову твоему ввергши мрежи, извлек множество рыб, не думаю, что великих, однако же сто и пятьдесят и три (см. Ин. 21, 11). И их-то посылаю к тебе в кошнице любви; и тем исполняю повеление твое, составив равное тому число глав (о молитве). Удивляюсь я тебе и очень ублажаю прекрасное произволение твое, что возжелал ты (не другого чего), а глав о молитве; и притом не просто возжелал, чтобы они руками на хартии написаны были, но чтобы внедрены были в уме любовию и незлобием. Поелику *вся сугуба, едино противу единаго,* по слову премудрого Сираха (42, 25), то не по букве только приими их, но и уразумей духом.

---

[1] Речь применяется к исцелению тещи Симоновой прикосновением руки Спасителя.

За малочисленность глав не брани, как умеющий *и насыщатися.. и лишатися* (Флп. 4, 12). Ей, не брани, помня, что Господь не отверг и двух лепт вдовицы, но принял их благосклоннее, чем богатые вклады многих других. Но паче, умея хранить в отношении к искренним братиям своим благорасположение и любовь, молись о немоществующем, чтобы он стал здрав и, взяв одр свой, начал ходить, благодатью Христовою. Аминь.

153 главы о молитве

1. Если бы кто захотел приготовить благовонный фимиам, то ему надобно по закону сложить по равной части *стакти, ониха и халвана благовонна и ливана чистаго* (Исх. 30, 34). Это — четверица[1] добродетелей. Когда они все в полном совершенстве и в равной силе присущи в душе, тогда не будет предан ум (изменнически, разумеется, каким-либо внутренним предателем).

2. Душа, очистившись полнотою добродетелей[2], поставляет ум в состояние неколеблемости, соделывая его способным принять устроение, какое требуется (в молитве).

3. Молитва есть беседа ума к Богу. В каком же устроении имеет нужду ум, чтобы мочь, не озираясь вспять (или — сюда и сюда), вознестись к своему Владыке и беседовать с Ним без всякого посредника[3]?

4. Если Моисею, намеревавшемуся приблизиться к земной купине горящей, возбранено было это, пока не иззует сапоги от ног (см. Исх. 3, 5), — то как же тебе не отрешить от себя всякое страстное помышление, когда желаешь видеть Того, Кто выше всякого чувства и помышления, и быть Ему собеседником?

5. Прежде всего молись о получении слез, чтобы плачем умягчить сущую в душе жестокость и *исповем на мя беззаконие мое Господеви* (Пс. 31, 5), получить от Него оставление грехов.

---

[1] Воздержание, мужество, мудрость, правда.

[2] В Добротолюбии греческом и славянском: «исполнением заповедей».

[3] Славянское: «ничесому же посреде сущу», – может быть лучше.

6. Употребляй слезы как орудие к получению всякого прошения; ибо очень радуется о тебе Владыка, когда ты молишься со слезами.

7. Когда во время молитвы своей изливаешь потоки слез, отнюдь не возносись тем сам в себе, как будто ты выше многих. Это помощь свыше прияла молитва твоя, чтобы ты, усердно исповедав грехи свои, слезами умилостивил Владыку.

8. Не обращай же в страсть средства против страстей, чтобы еще более не прогневать Даровавшего тебе благодать эту (то есть слезы). Многие, проливая слезы о грехах, забывали цель слез и, вознеистовствовав, совратились (с правого пути, или с ума сошли).

9. Стой терпеливо и молись крепко, отревая приражения житейских попечений и всяких помыслов; ибо они возмущают и тревожат тебя, чтобы расстроить твое молитвенное устремление.

10. Когда демоны увидят, что кто-либо имеет усердие и ревность молиться как должно, то (не во время молитвы) влагают ему мысли о чем-либо, будто нужном (и отходят); а спустя немного опять возбуждают воспоминание о том, подвигая и ум на рассмотрение того (если это вопрос, — на разрешение, если вещь, — на приобретение); — и он, не находя искомого, досадует и скорбит. Потом, когда станет на молитву (этот усердный ревнитель молитвы), они напоминают ему, о чем он помышлял и чего доискивался, чтобы ум, подвигшись опять к узнанию (нерешенного прежде), сделал молитву бесплодною.

11. Подвизайся ум свой во время молитвы соделывать глухим и немым; и будешь тогда иметь возможность молиться как должно.

12. Когда встретит тебя искушение, или раздражит чье-либо прекословие, — так что ты или на гнев подвигнешься против того, кто воспоперечил тебе, или даже произнесешь какое неподобное слово; тогда вспомни о молитве и о суде во время ее (над тобою в совести пред лицом Бога), — и тотчас укротится в тебе безвинное движение.

13. Что ни сделаешь ты в отмщение брату, онеправдовавшему тебя, все то в соблазн будет тебе (смущать будет тебя) во время молитвы.

14. Молитва есть ветвь (от древа) кротости и безгневия.

15. Молитва — проявление (проторжение) радости и благодарения.

16. Молитва есть врачевство печали и уныния.

17. *Иди, продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21), и взяв крест, отвергнись себя (см. Мф. 16, 24), чтобы можно было тебе молиться без развлечения.

18. Если хочешь молиться похвальною молитвою, отвергайся себя во время молитвы и, крайнее озлобление терпя, будь любомудр молитвы ради.

19. Если, какую бы ни пришлось тебе терпеть прискорбность, будешь любомудр, то плод этого обретешь во время молитвы.

20. Если желаешь молиться как должно, не печаль души (или не держи огорчение на душе); иначе всуе течение твое (или молитвенный труд твой).

21. *Остави ту дар твой,* говорит Господь, *пред алтарем, и шед прежде смирися с братом твоим* (Мф. 5, 24), — и тогда, придя, станешь молиться без смущения; ибо злопомнение наводит мрак на владычественный ум молящегося и тьмою окружает молитвы его.

22. Собирающие в себе печали (огорчения) и злопомнения, и держащие (в этом состоянии молитву), походят на тех, которые черпают воду и вливают ее в дырявую кадь.

23. Если ты терпелив, то всегда будешь молиться с радостью.

24. Когда молишься как должно, могут встретиться тебе (или прийти на ум) какие-либо дела, за которые покажется тебе праведным погневаться на ближнего. (Поостерегись). Нет совсем гнева на ближнего, который был бы праведен. И если поищешь, то найдешь, что можно и без гнева дело устроить хорошо. Почему всячески ухитряйся не подвигнуться на гнев.

25. Смотри, как бы, думая уврачевать другого, самому не остаться неисцеленным, и не дать препинания молитве своей.

26. Щадя других и не гневаясь на них, и себе обретешь пощадение, покажешь себя разумным в отношении мнения о себе и будешь в числе истинно молящихся.

27. Вооружаясь против гнева, никогда не потерпишь приражения похоти; ибо она дает пищу гневу, а этот возмущает умное око и повреждает молитвенное устроение.

28. Молясь, не ограничивайся одними внешними телодвижениями и положениями, но возводи ум свой в чувство духовной молитвы с великим страхом.

29. Иногда лишь станешь на молитву, тотчас начнешь молиться хорошо; а иногда, и много потрудившись, не улучишь этой желанной цели; (и это попускается тебе для того), чтобы ты еще усерднее взыскал (молитвы) и, получив, имел молитву совершенно исправною, безопасною от окрадения.

30. Когда приблизится к нам Ангел, тотчас удаляются все, стужающие нам (демоны); ум бывает тогда в великой отраде и молится здраво. А иногда во время належания обычной брани ум бьется, борясь, и не дается ему возникнуть (к благомыслию и благочувствию). Это за то, что он прежде окачествовался разными страстями (увлекался, вкусил их). Впрочем, если побольше поищет, найдет, и если не поленится толкать, отверзется ему.

31. Не молись, да будет по желаниям твоим; ибо они не во всем бывают согласны с волею Божиею. Но лучше молись, как научен, говоря: *да будет* на мне *воля Твоя* (Мф. 6, 10). И во всяком деле так проси Его: ибо Он всегда желает доброго и полезного душе твоей, а ты не всегда этого взыскиваешь.

32. Много раз, молясь, просил я, да будет мне, что казалось благом для меня, и настаивал на прошении, неразумно нудя волю Божию, а не Богу предавая устроить лучше то, что Он ведает полезным для меня. Но получив (просимое), бывал потом в великой скорби, и именно за то, что не просил, — *да будет* лучше *по воле* Божией; ибо дело оказывалось для меня не таким, как я думал.

33. Что благо, кроме Бога? Предадим же Ему все, касающееся нас, и благо нам будет; ибо Благий конечно есть и благих даров податель.

34. Не скорби, не получая тотчас от Бога того, о чем просишь. Он хочет доставить тебе большее благодеяние тем самым, что заставляет тебя с терпением долее предстоять Ему в молитве. Ибо что выше, как простирать беседу к Богу и объяту быть общением с Ним.

35. Нерассеянная молитва есть наивысшее умное делание.

36. Молитва есть восхождение ума к Богу.

37. Если вожделенна для тебя настоящая молитва, отрекись от всего, да все наследуешь.

38. Молись, во-первых, о том, чтобы очиститься от страстей, во-вторых, о том, чтобы избавиться от неведения и забвения, и в-третьих, о том, чтобы избавлену быть от всякого искушения и оставления.

39. Ищи в молитве своей только правды и царствия, то есть добродетели и ведения, — и прочее все приложится тебе (см. Мф. 6, 33).

40. Праведно молиться не о своем только очищении, но и об очищении всякого человека, в подражание Ангельскому чину.

41. Смотри, воистину ли Богу предстоишь ты в молитве своей или препобеждаешься желанием человеческой похвалы, и ее уловить стараешься, прикрывая это (недоброе желание благовидным) протяжением молитвы.

42. С братиею ли молишься или наедине, подвизайся не обычаю только удовлетворить, но помолиться в чувстве.

43. Свойственно молитве (сей — в чувстве) самоуглубление с благоговением, умилением и болезнованием душевным, при исповедании с негласными воздыханиями грехопадений.

44. Если ум твой окрадается[1] во время молитвы, то он не как монах молится, но еще мирянин есть, украшающий внешнюю скинию.

---

[1] По Patrol. gr. – озирается туда и сюда, или вокруг.

45. Когда молишься, всеми силами храни память свою, чтобы она не предлагала тебе своего; но всячески воздвигай себя к разумному предстоянию (с сознанием, кому и для чего предстоишь). Ибо во время молитвы ум обыкновенно очень окрадывается памятью (приводит она на мысль вещи, лица, события, и ими отвлекает от молитвы внимание ума).

46. Память приводит тебе на ум во время молитвы или воображение давних дел, или новые заботы, или лицо, оскорбившее тебя.

47. Очень завидует демон человеку молящемуся и всякие употребляет хитрости, чтобы расстраивать такое намерение его; поэтому не перестает возбуждать посредством памяти помыслы о разных вещах, и посредством плоти приводит в движение все страсти, чтобы только помешать как-нибудь прекрасному его течению (то есть труду молитвенному) и к Богу преселению (восхождению вниманием).

48. Когда вселукавый демон, многие употребив хитрости, не успеет воспрепятствовать молитве рачительного (молитвенника); тогда немного ослабляет (свои нападки), но зато потом, когда кончит он молитву, отмщает ему. Ибо, или воспламенив его гневом, уничтожает то прекрасное настроение, какое приобретается молитвою, или, раздражив какую-либо бессловесную сласть (позыв ко вкушению чувственного удовольствия), посмеивается над умом.

49. Помолившись как должно, ожидай, чего не должно, — и стой мужественно, охраняя плод свой. На это с самого начала ты поставлен, — то есть чтобы *делати и хранити* (Быт. 2, 15). Почему поделавши (совершив как должно молитву), не оставляй без охраны того, что стяжал трудом; иначе никакой не останется тебе пользы от молитвы.

50. Вся ведомая между нами и нечистыми духами брань не из-за чего другого ведется, как из-за духовной молитвы: ибо она очень им противоборственна и несносна, а нам спасительна и благоприятна.

51. Для чего демонам желается возбуждать в нас своим воздействием чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, злопамятство

и прочие страсти? Для того, чтобы ум, одебелев от них, не мог молиться как должно; ибо страсти неразумной части нашей, начав действовать (пришедши в движение), не позволяют уму действовать разумно.

52. Добродетели проходим, потому что они требуются природою; природе покорствуем ради осуществовавшего ее Слова — (Господа). Слово же это обыкновенно явным для нас делается (в сознании нашем ясно печатлеется) в молитвенном состоянии. (Темна глава сия).

53. Молитвенное состояние есть бесстрастное устроение, крайнею любовию восхищающее на высоту любомудрый и духовный ум.

54. Не только над гневом и похотью надобно владычествовать тому, кто хочет истинно молиться, но быть чужду и всякого страстного помышления.

55. Кто любит Бога, тот всегда беседует с Ним, как с Отцом, отвращаясь от всякого страстного помышления.

56. Не всякий, улучшивший бесстрастие, уже и молится истинно; ибо такой может еще занят быть простыми помышлениями (о вещах, без страстных при том движений) и развлекаться историями их (может быть, картинами их и разными их сочетаниями), — и далеко отстоять от Бога (страстных движений нет, но ум мечтает).

57. Но и когда ум не коснит в простых помышлениях о вещах, не значит еще, что он достиг уже и места молитвы: ибо он может быть занят (философским) умозрением о этих вещах и углубляться в причинные их отношения. Хотя все это суть отвлеченности, но как они суть умозрение о вещах, то печатлеют в уме образы их, — и далеко отводят его от Бога. (Страсти не в движении, но ум философствует, а не молится: состояние ученых).

58. Пусть ум будет выше и умозрения о вещественной природе, не следует еще, что он узрел уже настоящее место Божие: ибо он может быть занят познанием мысленных тварей (Ангельского мира) и пестриться ими (быть полным разнообразных о них мыслей и представлений).

59. Если хочешь молиться как следует, то потребен тебе Бог, дающий молитву молящемуся. Его и призывай в молитве, говоря: *да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое* (Мф. 6, 9-10), то есть Дух Святой и Единородный Сын Твой. Ибо так научил Сам Господь, говоря, что Отцу *духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 24).

60. Молящийся в духе и истине не от тварей заимствует мысли к величанию Творца, но из Него Самого почерпает созерцание к воспеванию Его.

61. Если ты — богослов, то будешь молиться истинно; и если истинно молишься, то ты — богослов.

62. Когда ум твой, пламенея желанием к Богу, мало-помалу как бы отрешается от плоти и отвращается от всех помышлений, исходящих от чувственных впечатлений или из памяти, будучи вместе с тем полон благоговения и радования; тогда заключай, что он приблизился к пределам молитвы.

63. Святой Дух, снисходя к нашей немощи, приходит к нам и когда бываем мы еще нечисты; и если только найдет ум наш искренно Ему молящимся, находит на него и разгоняет всю окружающую его толпу помыслов и представлений (делает, что она исчезает), располагая его через то к вожделению духовной молитвы.

64. Прочие (духи — добрые и злые) через воздействие на тело вводят в ум помыслы, представления и воображения; а Господь действует противоположно тому: наитствуя самый ум, влагает ему ведение, о чем Ему угодно, — и посредством ума укрощает невоздержность тела.

65. Достоин всякого порицания тот, кто, любя истинную молитву, гневается или злопамятствует: ибо он похож на того, кто желает остро смотреть, а между тем запорошивает свои глаза.

66. Если желаешь молиться как должно, не делай ничего сопротивляющегося (враждебного) молитве, чтобы Бог, приблизившись, сшествовал тебе.

67. Когда молишься, не придавай Божеству какого-либо облика, и не попускай, чтобы ум твой преображался в какой-либо образ (или себя представлял под каким-либо образом, или

чтобы в уме твоем печатлелся какой-либо образ); но невещественно приступи к невещественному, — и сойдешься с Ним.

68. Берегись сетей вражеских: ибо бывает, что когда молишься чисто и безмятежно, вдруг предстанет тебе какой-либо образ странный и чуждый. Это враги делают для того, чтобы ввести тебя в самомнение, внушив мысль, что тут Божество (явилось тебе), — а далее и для того, чтобы ты подумал, будто подобно этому, внезапно явившемуся тебе, и Божество количественно (занимает место, протяженно, имеет части), тогда как Божество ни количества, ни вида не имеет.

69. Когда завистливый демон не успеет привести в движение память, тогда воздействует на кровь и соки, чтобы через них произвести в уме воображение чего-либо чуждого и наполнить его образами; он же, привыкши вращаться в помышлениях, легко увлекается тем, и, думая, что востекает к невещественному и безвидному ведению, обманывается, принимая дым вместо света.

70. Стой на страже своей, охраняя ум от помышлений во время молитвы и стараясь стоять в мирном устроении, — чтобы *спотрадати могий невежствующим* (Евр. 5, 2) пришел к тебе и дал тебе приять преславный дар молитвы.

71. Невозможно тебе молиться чисто, вплетаясь в вещественные дела и волнуясь непрестанными попечениями: ибо молитва есть отложение (всяких сторонних) помышлений.

72. Связанный не может бежать, — и ум, работающий какой-либо страсти, — видеть место духовной молитвы; к тому же вдается он и носится страстным помышлением, и не имеет стояния незыблемого.

73. Когда ум начнет наконец чисто и бесстрастно молиться, тогда демоны наступают на него уже не от шуиих, а от десных: представляют явление будто славы Божией, и какое-либо образное представление, чувству приятное, так что ему покажется, будто он совершенно достиг уже цели молитвы. Это, как сказал один знающий дело муж[1], бывает от страсти тщеславия

[1] Евагрий, в книге γνωστικός. Похожее нечто есть и у Кассиана.

и от бесовского прикосновения к известному месту мозга и от потрясения (или воспаления) в нем жил.

74. Думаю, что демон, касаясь сказанного места, как хочет, превращает свет, который около ума; от этого тщеславие подвигается на помысл, понуждающий ум легкомысленно присвоять себе божественное и существенное ведение[1]. Так как его не тревожат плотские нечистые страсти, а он чисто предстоит в молитве, то ему никак не думается, чтобы тут было какое-либо вражеское действие, — и он уверяется, что это есть точно божественное явление, тогда как оно произошло от демона, который, крайнюю употребляя хитрость, через мозг, как мы сказали, изменяет сопряженный с умом свет и его самого образует (ему самому дает образ, — или то и то заставляет воображать).

75. Ангел Божий, представ, одним словом прекращает в нас вражеское действие и подвигает свет ума действовать непрелестно.

76. Сказанное в Апокалипсисе об Ангеле, что он приносит фимиам, *да даст молитвам святых* (Апок. 8, 3), думаю, указывает на эту благодать, через Ангела воздействующую, которая сообщает умение истинно молиться; так что ум, наконец, стоит на молитве без смятения мыслей, без уныния и малодушия.

77. Фиалы с фимиамами суть, как говорится там, *молитвы святых*, кои приносили *двадесять и четыри старцы,* (Апок. 5, 8). Под фиалом должно разуметь содружение с Богом, или совершенную, духовную к Нему любовь, в которой молитва действуется духом и истиною.

78. Когда подумаешь, что во время молитвы твоей нет тебе нужды плакать о грехах, тогда посмотри, сколь далеко отстоишь ты от Бога, будучи обязан всегда пребывать в Нем, — и прольешь теплейшие слезы.

79. Истинно так: сознав меру свою (бедность и ничтожество), в сладость поплачешь, окаявая себя подобно Исаии, — как, будучи нечист *и нечисты устне имый* и живя среди такого народа,

---

[1] Место очень темно. Перифраз.

то есть противников (Божиих, — нечистых сил или помыслов), дерзаешь предстоять Господу Саваофу (см. Ис. 6, 5).

80. Если молишься истинно, то получишь во многом полное удостоверение, и Ангелы соберутся к тебе, как и к Даниилу, и просветят тебя ведением причин, почему что бывает.

81. Ведай, что Ангелы возбуждают нас к молитве и стоят с нами на ней, радуясь и вместе молясь о нас. Итак, если нерадим и принимаем противные помыслы, то тем крайне прогневляем их; ибо тогда как они столько подвизаются за нас, мы о самих себе не хотим умолять Бога, но, пренебрегая своим Богу служением, и их Бога и Владыку оставляя, ведем беседу с нечистыми бесами (в помыслах).

82. Молись мирно и безмятежно, пой разумно и благонастроенно, — и будешь как птенец орлий, поднимающийся на высоту.

83. Псалмопение усыпляет страсти и укрощает позывы телесной невоздержности; а молитва настраивает ум к свойственному ему умному деланию.

84. Молитва есть приличное достоинству ума делание или, лучше, настоящее его употребление.

85. Псалмопение есть образ многоразличной премудрости; а молитва — предначатие невещественного ведения.

86. Ведение есть дело прекрасное; оно содействует молитве, возбуждая мысленную силу ума к созерцанию Божественного ведения.

87. Если не получил еще ты дара молитвы или псалмопения, то проси неотступно и получишь.

88. *Глагола же* (Господь) *и притчу к ним, како подобает всегда молитися, и не стужати си* (Лк. 18, 1). Поэтому не горюй и не унывай, что еще не получил; ибо после получишь. К притче приложил Господь и это: *аще и Бога не боюся, и человек не срамлюся: но зане творит ми труды вдовица сия, отмщу ея* (Лк. 18, 4-5). Так и Бог *сотворит отмщение... вопиющих к нему день и нощь... вскоре* (Лк. 8, 7). Благодушествуй же, с трудолюбным терпением пребывая в молитве.

89. Не желай, чтобы то, что тебя касается, было так, как тебе кажется (лучше), но как Богу угодно; и будешь безмятежен и благодарен в молитве своей.

90. Хотя бы уже и с Богом, по-видимому, был ты, берегись демона блуда; ибо он очень обольстителен и коварен, и всячески усиливается превозмочь устремление трезвенного ума твоего и отвлечь его от Бога, даже когда он предстоит Богу с благоговением и страхом.

91. Если радеешь о молитве, то приготовься к бесовским наваждениям и терпеливо переноси бичевание их: ибо как дикие звери нападут они на тебя и все твое изъязвят тело.

92. Приготовься, как опытный борец — не колебаться, хотя бы внезапно увидел ты какое привидение, — не смущаться, хотя бы обращен был на тебя меч, или пламенник устремлен был тебе в лицо, — не падать духом (не робеть), хотя бы представился тебе зрак (рожа) какой безобразный и коварный; но стой, исповедуя доброе исповедание, и смело взирай на врагов своих.

93. Кто переносит печальное, тот сподобится и радостного; и кто претерпевает неприятное, тот не будет лишен части и в приятном.

94. Смотри, да не обольстят тебя лукавые бесы каким-либо видением. (Если случится что подобное, то) пребывая в себе собранным, обратись к молитве и проси Бога, чтобы, если это от Него (на вразумление), Он Сам просветил тебя, а если нет, то чтобы поскорее отогнал от тебя прелестника. И дерзай; ибо не постоят эти псы, когда ты притечешь к Богу теплым молением, но тотчас, невидимо и незримо биемы будучи Божиею силою, далеко от тебя убегут.

95. Надлежит тебе знать и следующее коварство демонов. Иногда они разделяют себя на группы. Одни приходят с соблазном. И когда ты взыщешь помощи, входят другие в ангельском виде и прогоняют первых, чтобы прельстился ты мнением, что они настоящие ангелы, и впал в самомнение, что удостоен того.

96. Постарайся быть сколько можно смиренномудрым и мужественным, — и вражеское нападение демонов не коснется

души твоей, и бич их не приблизится к телу твоему. *Ангелом своим заповесть о тебе* (Господь) *сохранити тя* (Пс. 90, 10-11); и они незримо отразят от тебя всякое вражеское действо.

97. Хотя и шум, и топот, и вопли, и ругательства услышит от демонов старающийся держать чистую молитву, но не ниспадет помыслом и не предаст его им, говоря к Богу: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4), и тому подобное.

98. Во время таких искушений употребляй непрестанно краткую, но напряженную молитву.

99. Если демоны станут угрожать тебе, что внезапно явятся в воздухе, чтобы изумить тебя и похитить ум твой, не бойся их и совсем не заботься о такой угрозе их. Это они стращают тебя, пытая, ставишь ли ты их во что-нибудь, или совсем презрел уже их.

100. Если Богу Вседержителю, Творцу и Промыслителю предстал ты в молитве, то для чего так неразумно предстоишь Ему, что, оставя страх Его непреоборимый, боишься мух и комаров? Или не слышишь, что говорит пророк: *Господа Бога твоего да убоишися* (Втор. 10, 20), — и еще: *Егоже вся боятся и трепещут от лица силы Твоея* — и прочее (2 Пар. 36, молитва Манассии).

101. Как хлеб служит пищею телу, а добродетель — душе: так духовная молитва есть пища ума.

102. Не фарисейски, а мытарски молись в священном месте молитвы, чтобы и тебе быть оправданным от Господа.

103. Подвизайся не молиться против кого-либо в молитве своей, чтобы не разрушать, что созидаешь, делая омерзительною (пред Богом) молитву свою.

104. Должник *тмою талантов* да научит тебя, что, если не оставишь ты (долга) должнику своему, то и сам не получишь оставления (своего долга); ибо сказано: *предаде его мучителем* (Мф. 18, 34).

105. Отложи в сторону телесные потребности во время молитвенного предстояния твоего (Богу), чтобы укушение блохи, комара и мухи не лишило тебя величайшего приобретения, доставляемого молитвою.

106. Дошло до нас, что одному святому, когда он становился на молитву, лукавый столько противоборствовал, что лишь только тот воздевал руки, как этот, преобразясь во льва, поднимал вверх передние лапы и, вонзив когти свои в бока подвижника, не отступал, пока тот не опускал руки. Но он никогда не опускал их, пока не доканчивал обычных своих молитв.

107. Таков же был, как знаем, и безмолвствовавший во рве Иоанн Малый, или лучше сказать, величайший монах, который неотступно пребыл в умном сопребывании с Богом, когда демон в виде дракона обвился вокруг него, грыз плоть его и изрыгал ее в лицо ему.

108. Читал ты, конечно, жития тавеннисиотских иноков, где говорится, что когда авва Феодор говорил слово братиям, две ехидны подползли к ногам его, а он, нимало не смутясь, изогнул ступни как бы сводом и, пустив под них ехидн, продолжал слово до конца; и тогда уже показал их братиям, рассказав это дело.

109. Читали мы еще о другом духовном брате, что, когда он молился, ехидна, подползши, коснулась ноги его; но он не прежде опустил руки, как совершив обычную молитву. И никакого вреда не потерпел сей, возлюбивший Бога паче себя.

110. Неразвлекающимся держи око свое во время молитвы и, отрешившись от плоти и души, живи умом.

111. Другому некоему святому, крепкому молитвеннику, безмолвствовавшему в пустыне, явились демоны и в продолжение двух недель играли им, как мячиком, бросая вверх и подхватывая на рогожу; однако же, нисколько не могли низвести ум его от пламенной молитвы.

112. Иному еще боголюбивому иноку, когда он творил умную молитву, ходя по пустыне, предстали два Ангела и пошли вместе с ним, имея его в средине. Но он ни на минуту не обратился к ним вниманием, чтобы не потерпеть ущерба в лучшем; ибо помнил изречение апостола, который говорит: *ни Ангели, ни Начала, ниже Силы... возможет нас разлучити от любве Божия* (Рим. 8, 38-39).

113. Инок молитвою делается равноангельным, вожделевая видеть лице Отца *Иже на Небесех* (Мф. 18, 10).

114. Отнюдь не желай и не ищи увидеть во время молитвы какой-либо лик или образ.

115. Не желай видеть чувственно Ангелов или Силы, или Христа, чтобы с ума не сойти, приняв волка за пастыря и поклонившись врагам — демонам.

116. Начало прельщения ума — тщеславие, коим движим будучи, ум покушается описать Божество в каком-либо образе и зраке.

117. Я свое буду говорить, что сказал и новоначальным: блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное безмолвие.

118. Блажен ум, который, молясь без развлечения, восприемлет все большее и большее вожделение Бога.

119. Блажен ум, который во время молитвы бывает невеществен и нестяжателен.

120. Блажен ум, который во время молитвы держит совершенное ко всему нечувствие.

121. Блажен инок, который всякого человека почитает как бы богом после Бога.

122. Блажен инок, который на содевание спасения и преспеяние всех взирает как на свое собственное.

123. Блажен инок, почитающий себя отребьем всех.

124. Монах тот, кто, от всех отделясь, со всеми состоит в единении.

125. Монах тот, кто почитает себя сущим со всеми и в каждом видит себя самого.

126. Тот молитву совершает, кто всегда все первомыслие свое плодоносит Богу.

127. Всякой лжи и всякой божбы избегай, как монах, сильно желающий молиться; иначе напрасно принимаешь несвойственный тебе вид.

128. Если желаешь молиться в духе, ничего не заимствуй от плоти, — и не будешь иметь облака, мрак простирающего пред тобою во время молитвы.

129. Вверь Богу телесные потребности, — и явно будет, что ты Ему же вверяешь и духовные.

130. Если сподобишься получить обетования, царствовать будешь. Не следует ли же тебе, взирая на это, с удовольствием переносить настоящую нищету?

131. Не отрицайся от нищеты и прискорбности (жизни), — сих орудий (крыльев) легкой молитвы.

132. Телесные добродетели да будут тебе залогом душевных, душевные — духовных, а эти — невещественного и существенного ведения.

133. Если, молясь против какого помысла, заметишь, что он скоро и легко утих, то рассмотри, от чего это произошло, чтобы не попасть в засаду, и, обманувшись, не сделаться предателем себе самому.

134. Бывает, что иногда демоны, вложив тебе какие-либо помыслы, сами же побуждают молиться против них, воспротиворечить им, — и тотчас отбегают, чтобы ты впал в прелесть, возомнив, что начал уже побеждать помыслы и устрашать демонов.

135. Если молишься против какой-либо страсти или какого демона, стужающего тебе, вспомни слова Псалмопевца: *пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются: оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима*, и так далее (Пс. 17, 38-39). Но скажи это благовременно, вооружая себя против сопротивоборцев смиренномудрием.

136. Не думай стяжать добродетель, не поборовшись прежде за нее до крови. Надлежит, по божественному апостолу, до смерти стоять, против греха подвизаясь (см. Евр. 12, 4), чтобы сохраниться непорочными.

137. Бывает, что, сделав пользу одному, потерпишь вред от другого (по козням вражеским), чтобы, встретив напраслину, сказал ты или сделал что-либо неуместное, и таким образом зле расточил, что добре собрал. Та и цель у лукавых демонов. Потому надо разумно внимать себе.

138. Подвергаясь демонским на тебя устремлениям, всячески заботься, как бы не попасть в рабство им.

139. Ночью лукавые бесы сами домогаются смутить духовного учителя; а днем — через людей, окружая его неприятными от них случайностями, клеветами и бедами.

140. Не отказывайся терпеть этих сукновалов. Пусть колотят и топчут ногами, растягивают и гладят; но через это одеяние твое делается более светлым.

141. Пока не отрешился ты совершенно от страстей и ум твой еще обнаруживает сопротивление добродетели и истине, до тех пор не обретешь ты благовонного фимиама в недре своем (то есть чистой и теплой молитвы).

142. Желаешь ли молиться (как должно)? Переселясь от здешнего, имей всегда жительство на небесах, не на словах только, но ангельским деланием и божественнейшим разумением.

143. Если только бедствуя (подвергаясь сильным искушениям, находясь в опасности пасть), воспоминаешь ты о Судии, как Он страшен и неумытен; то не научился еще ты *работать Господеви со страхом и радоватися Ему с трепетом* (Пс. 2, 11). Знай, что при духовных отрадах и утешениях еще более надлежит служить Ему со страхом и благоговеинством.

144. Мудр тот человек, который прежде совершенного покаяния не перестает со скорбью памятовать о грехах своих, и о праведном за них взыскании в вечном огне.

145. Пребывающий во грехах и Бога прогневлениях, и бесстыдно дерзающий простираться к познанию Божественных вещей и к невещественной молитве, — да приимет апостольское запрещение, что небезопасно ему молиться с обнаженною и непокровенною главою. Таковая душа, скажем словами апостола, *должна есть... власть имети на главе Ангел* предстоящих *ради* (1 Кор. 11, 10), облекшись в стыд и подобающее смиренномудрие.

146. Как больному глазами не принесет пользы долгое и напряженное смотрение на солнце при сильнейшем свете в самый полдень: так уму страстному и нечистому не принесет пользы воображение страшной и преестественной молитвы

в духе и истине; напротив, к негодованию на него воздвигнет Божество.

147. Если пришедшего к алтарю с даром не приемлет не имеющий ни в чем нужды и Нелицеприятный, пока он не примирится со скорбящим на него ближним (см. Мф. 5, 23); то смотри, какое нужно охранение себя и какая рассудительность, чтобы принести благоприятный Богу фимиам на мысленном жертвеннике.

148. Не будь словолюбив, ни славолюбив; в противном случае явно будет, что уже не *на хребте,* а на лице твоем *делают грешницы* (Пс. 128, 3). И будешь ты посмешищем для них во время молитвы, влекомый и прельщаемый от них на безместные помыслы.

149. Внимание, ищущее молитвы, молитву обретет. За вниманием не другое что лучшее следует, а молитва, о которой и надлежит возыметь всякое попечение.

150. Как зрение лучше всех чувств, так молитва божественнее всех добродетелей.

151. Похвала молитве — не одно количество, но и качество. Это показывают *вошедшие в церковь помолитися* (Лк. 18, 10), и следующее слово: вы же *молящеся не лишше глаголите,* и проч. (Мф. 6, 7).

152. Пока обращаешь ты внимание лишь на приличное молитве положение тела и ум твой печется о внешней лишь красоте скинии (о прочих внешних принадлежностях молитвования... слич. гл. 44), дотоле (знай, что) не узрел еще ты места молитвы, но что далеко еще от тебя блаженный путь ее.

153. Когда, стоя на молитве, будешь выше всякой другой радости; тогда (знай, что) истинно обрел ты молитву.

154[1]. Прекрасны молитва и чтение; они прекращают суетное скитание мыслей, связуя помысл, кружащийся над чем не должно, и с пользою удерживая его при себе нимало не развлекаемым в этом прекрасном занятии [1, 16].

---

[1] Отсюда идет прибавление из других писаний преподобного Нила о молитве.

155. Молитва настраивает нас на собеседование с Богом и долговременным навыком в этом вводит с Ним в содружество; с Ним, Который и ничтожных людей приемлет в любовь и не стыдится дружественного сближения с ними, пока пребывающая в них любовь дает им дерзновение [1, 17].

156. Молитва отрешает ум от всякого помышления о чувственном, возводит к Самому, над всеми сущему Богу, чтобы с Ним собеседовать и у Него с дерзновением испрашивать все, что угодно; и таким образом делает, что человек проводит жизнь в чистоте, как бывший уже в общении с Богом, и вскоре потом снова готовящийся к этому общению [1, 19].

157. Святой Павел учит *в молитве пребывающе* (Рим. 12, 12), продолжительным пребыванием в ней утверждая в себе навык к ней (см. Кол. 4, 2; Еф. 6, 18). И еще повелевает он творить *молитвы на всяцем месте* (1 Тим. 2, 8), чтобы ни один нерадивый не мог извиняться тем, что живет далеко от молитвенного храма. Всякое место пригодно для молитвы. Бог приемлет призывающих Его с чистым сердцем и праведными делами и, взирая на расположение их, выслушивает моление их, хотя бы место, где призывают Его, по нашему мнению, ничем не отличалось [1, 20].

158. Иногда на бдении надо скоро читать псалом, а иногда предпочитать следует пение псалмов. Нам надлежит изменять образ действования в противоположность козням врагов, которые иногда внушают гнать язык в скорочтении, по причине объятия души унынием, а иногда возбуждают к величавому сладкопению [1, 234].

159. Когда нападет на сердце твое вражеский помысл, — не ищи молитвою того или другого, а меч слез изостри против врага. Выступив против врага в таком сильном вооружении, мы скорее заставим его отступить от нас.

160. Люби упражняться в рукоделии; но паче в молитвенной памяти; потому что то не всегда, а эта непрестанно доставляет плод своего делания. Не пресекай молитвы, пока не воздашь вполне молитвенного долга, и не слушай помысла, будто пора садиться за работу; равно, когда сидишь за работою, не осуе-

чайся сильно делом, чтобы, торопясь, не возмутить сердца и не сделать его негодным для молитвы.

161. Ум, из которого похищена мысль о Боге и который далек стал от памятования о Нем, равнодушно грешит и внешними чувствами; ибо ни слуха, ни языка не в состоянии уже быть пестуном таковой, потому что изнутри его отошла приверженность к подвижническому труду над собою [1, 244].

162. Бывает, что усиливаемся творить чистую молитву, и не можем; но бывает и то, что не принуждаем себя, а душа пребывает в чистой молитве. Первое происходит от нашей немощи, а последнее — от благодати свыше, призывающей нас через то взыскать душевной чистоты, тем же и другим поучающей нас не себе *приписывать, если молимся чисто, но признавать в сем дар Дарующего это. О чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы* (Рим. 8, 26). Когда усиливаемся сделать молитву чистою и не можем, но омрачаемся; тогда, омочив ланиты слезами, будем умолять Бога, да рассеется ночь брани и воссияет свет в душе [1, 264].

163. Воспоминание о плотских похотях возмутительно; потому что не только не дает беседовать с Богом, но даже ум, повидимому молящийся, оскверняет мечтаниями гнусных представлений. Хорошо пребывать непрестанно в молитве и ум упражнять в собеседовании с Богом. Но так ли это бывает у нас? Часто отвлекаясь от слов молитвы, следуем за уводящими нас помыслами, не отрекаясь от них и не огорчаясь ими, — что было бы признаком несогласия воли с внушающими недолжное. Хотя наружность показывает молитвенный вид, — ибо, преклонив колена, смотрящим на нас кажемся молящимися, — но мыслию представляем что-либо приятное, благосклонно разговариваем с друзьями, с гневом злословим врагов, пируем с гостями, строим дома родственникам, сажаем деревья, путешествуем, занимаемся торговлею, насильно бываем привлекаемы в священный сан, с великою осмотрительностью устраиваем дела порученных нам церквей и большую часть всего этого перебираем в мыслях, на все, что ни подскажет

помысл, соглашаясь так, как угодно страсти расположить к этому сердце наше [2, 129-130].

164. Молитва требует, чтобы ум был чист от всякого помышления и не пускал в себя ничего немолитвенного, хотя бы то было и досточестно; но как вдохновенный Богом, отрешившись от всего, совершал свое собеседование с Ним Единым [2, 131].

165. Кто делит свое время между рукоделием и молитвою, тот тело укрощает трудом и беспорядочные его требования доводит до мерности, а душу, которая, трудясь вместе с телом, вожделевает наконец отдохновения, располагает через то к молитве, как к делу более легкому, и приводит к ней усердною и с живыми силами. Ибо она чувствует утешение при перемене дела и переходе от одного к другому, между тем как скучает, долго занимаясь одним и тем же; тяготится она однообразием, разнообразию же занятий радуется; кажется ей, что, оставляя одно дело, она как бы слагает с себя всякое утруждение, почему к другому приступает с свежими будто силами, как бы начинающая только трудиться[1] [2, 231. 232].

166. Кто не любит работать, тот бездействием питает страсти и пожеланиям дает свободу устремляться ко сродным им предметам, — что наипаче обнаруживается во время молитвы; ибо тогда внимание ума бывает все поглощено тем, чем занято сердце, и он только и делает, что в помыслах перебирает внушаемое пришедшею в движение страстью, вместо того, чтобы беседовать с Богом и просить у Него полезного себе. Зная это, святой Павел с ревностью нападает на праздность и всех апостольскою властью обязует к труду (см. 2 Фес. 3, 6-12). Дело есть якорь для мысли и дает ей безопасное направление. Пусть отовсюду приближаются бури и порывы ветров угрожают крушением, мысль стоит неуклонно, удерживаемая делом, как якорем; несколько волнуется она поднимающимися помыслами, но не увлекается в опасность, потому что держащие ее узы крепче гонящих ее ветров [2, 232. 234].

---

[1] Эта глава и след. направлены против евхитов.

167. Отказывающиеся от рукоделий под предлогом, что должно непрестанно молиться, на самом деле и не молятся. Они тем самым, чем думают в праздности доставить душе свободу от забот, запутывают ее в лабиринте неисходных помыслов и через то делают ее неспособною к молитве. Тело, трудящееся над делом, удерживает при себе мысль, которая не меньше глаз должна наблюдать за тем, что делается, и содействовать телу для непогрешительности в действии, а покоящееся тело дает мысли свободу кружиться; потому что во время покоя возбуждаются страсти, и при каждом похотливом воспоминании увлекают мысль и овладевают ею, как пленницею [2, 234, 5].

168. Есть высшая молитва совершенных, — некое восхищение ума, всецелое отрешение его от чувственного, когда неизглаголанными воздыханиями духа приближается он к Богу, Который видит расположение сердца отверстое, подобно исписанной книге, и в безгласных образах выражающее волю свою. Так, до третьего неба восхищен был Павел и не знал, *аще в теле* был он, *аще ли кроме тела* (2 Кор. 12, 2) [2, 235].

169. После (ниже) первой есть вторая молитва, когда произносятся слова, а ум с умилением следует за оными, и знает, к Кому обращает прошение.

170. Молитва же, прерываемая помыслами (низшая) и соединяемая с телесными заботами, далека от устроения, подобающего молящемуся. Такой не слышит сам себя, туда и сюда носясь мыслию и не помня, какие произносит слова. Но если молящийся таков, то будет ли Божественный слух внимать тому, чему по рассеянности не внемлет сам он? У говоривших: *вонми молению моему, внуши молитву мою* (Пс. 16, 1), и: *да будут уши Твои внемлюще гласу моления моего* (Пс. 129, 2) весь ум тщательно был собран там и не разливался, на что обыкновенно разливается и рассеивается не владеющая собою мысль нерадивых [2, 236].

2

О восьми духах зла

1) О чревоугодии (ч. 1, 201)

1. Начало плодоносия — цвет; а начало деятельной жизни — воздержание.

2. Обуздывающий чрево умаляет страсти; а побеждаемый многоядением размножает сластолюбные похоти.

3. Начало языков — Амалик, а начало страстей — чревоугодие.

4. Пища огню — дрова, а пища чреву — снеди.

5. Множество дров разжигает великий пламень, а множество снедей питает похоть.

6. Пламень исчезает с оскудением вещества, а скудость снедей иссушает похоть.

7. Похотение снеди породило преслушание, а усладное вкушение изгнало из рая.

8. Дорогие яства услаждают гортань, но питают и неусыпного червя похотливости.

9. Отощавшее чрево приуготовляет к бдению в молитве, а преисполненное наводит глубокий сон.

10. Трезвенно мудрование при сухоядении, а жизнь сытная в довольстве погружает ум в глубокое усыпление.

11. Молитва постника — парящий в высь орлий птенец; а молитва угостившегося ниспадает долу, тяготимая пресыщением.

12. Ум постника — светлая звезда на чистом небе, а ум угостившегося мрачен как небо в безлунную ночь.

13. Туман скрывает солнечные лучи; а густое испарение потребленных яств омрачает ум.

14. Запятнанное зеркало не передает раздельно черт отразившегося в нем образа; и мысленная сила, отуманенная пресыщением, не приемлет в себя ведения Божия.

15. Невозделываемая долго земля порождает терния; и ум чревоугодника произращает срамные помыслы.

16. Невозможно найти аромат в гною, — и в чревоугоднике — благоуханий созерцания.

17. Око чревоугодника высматривает, где пиршества; а око воздержного, — где собрание мудрых.

18. Душа чревоугодника вычисляет дни памяти мучеников, а душа воздержного подражает жизни их.

19. Боязливый воин трепещет от звука трубы, возвещающей битву, а чревоугодник — от возвещения о начале поста.

20. Чревоугодливый монах — данник своего чрева, и под бичом его выплачивает ежедневный налог.

21. Торопливый путник скоро достигнет города, и воздержный монах — мирного устроения сердца.

22. Медлительный путник (не добравшись до жилых мест) ночует в поле под открытым небом; и монах чревоугодливый не достигнет дома бесстрастия.

23. Курение фимиама облагоухавает воздух, и молитва воздержного — Божие обоняние.

24. Если предашься похоти насыщения чрева, то ничто не будет достаточно к удовлетворению сластолюбия твоего; потому что чревонеистовство есть огонь, потребляющий горючее вещество, и всегда требующий нового.

25. Достаточная мера (чего-нибудь влагаемого в сосуд) наполняет сосуд, а чрево, и разседшись, не скажет: довольно.

26. Воздеяние рук обратило в бегство Амалика, и делания, горѐ устремленные, побеждают плотские страсти.

27. Истребляй в себе все, оживляющее страсти, и крепко умерщвляй плотские члены свои.

28. Как убитый враг не возбуждает в тебе страха; так умерщвленное тело не возмутит души твоей.

29. Не чувствует боли от огня мертвое тело, — и воздержный — сласти от омертвевшей похоти.

30. Если поразишь египтянина, скрой его в песке, — то есть если победишь страсть похотную, не насыщай тела (или держи его на сухоядении); ибо как через напоение земли произрастает, что скрыто было в ней, так через насыщение тела распускается утаившаяся в нем страсть похотная.

31. Потухший пламень ярко вспыхивает снова, если подложить новых сучьев сухих; и угасшая сласть похотная снова оживает от насыщения чрева снедями.

32. Не сжаливайся над телом, когда оно станет жаловаться на изнеможение, и не насыщай его вдоволь угодными ему снедями; ибо если оно опять придет в силу, то восстанет на тебя и воздвигнет против тебя брань непримиримую, пока не пленит душу твою и не предаст тебя в рабы страсти блуда.

33. Скудно питаемое тело — добре объезженный конь, который никогда не сбросит всадника. Конь, уздою удерживаемый, уступает и повинуется руке седока, — и тело, укрощаемое скудноядением и бдением, не рвется из рук восседающего на нем помысла и не ржет, как делает, будучи движимо страстным порывом.

34[1]. Пресыщение пищею питает помыслы, и упившийся напоевает сон мечтою [1, 248].

35. Приятность наслаждения умирает, коль скоро пища прошла через гортань, но в этом гробе оживает похотливость.

36. Труды обрабатывания своей части земли имеют концом упокоение; разные же виды удовольствий имеют концом — жжение (или плотское здесь, или наказательное там).

37. Кто подвигами приводит в увядание цвет плоти, тот ежедневно во плоти помышляет о своей кончине (того измождение плоти заставляет непрестанно помышлять о смерти) [1, 249].

38. Благоразумие сердца да соразмеряет с состоянием тела труд воздержания, чтоб, когда расслабнет тело, не страдать и ему самому.

39. Плоть пусть довольствуется усеченным удовлетворением естественных потребностей.

40. Телесное твое подвижничество да устрояется в видах нравственных, чтобы научиться болеть сердцем (о грехах) и соболезновать душою.

41. Матерь сластолюбия (похотного) — чревоугодие: ибо оно порождает сластолюбивую похотливость и многие другие стра-

---

[1] Отсюда идут выписки из других писаний преподобного Нила о чревоугодии.

сти. От него, как от корня стебельки, дают побеги прочие страсти, и в скором времени став деревами наравне с ним, породившим их, разветвляются в пороки, до небес досязающие. Так, сребролюбие, гнев, печаль суть порождения и произрастения чревоугодия. Чревоугоднику прежде всего нужны деньги на удовлетворение пламенеющего всегда своего вожделения, хотя оно никогда не удовлетворяется; затем на препятствующих приобретению денег необходимо возбуждаться гневу; когда же гнев бессилен бывает перейти в дело, за этим по необходимости следует печаль [2, 73].

42. Чревоугодию паче всего сродственно сладострастное движение. И сама природа, желая показать сродство этих страстей, орудиям соития назначило место под чревом, сею близостью означая телесную их связь. Почему если ослабевает эта страсть (похоть), то ослабевает от оскудения того, что выше, — то есть чрева; и если усиливается и приходит в движение, то оттуда подается ей сила. Но не этой только страсти питательницею и воздоительницею бывает чревоугодие; оно истребляет в человеке все доброе. Коль скоро оно берет верх, обыкновенно падают и вземлются от среды воздержание, целомудрие, мужество, терпение и все прочие добродетели [2, 76].

43. Прекрасно оставаться в пределах потребности и стараться всеми силами не преступать оных. Если кого похоть немного перетянет на сторону житейских сластей, то уже никакое слово не сильно бывает остановить его стремление вперед (в этом направлении). Ибо тому, что сверх потребности, нет предела; но неутолимая забота и нескончаемая суетливость без меры размножают труд (по удовлетворению их) и питают похоть, подобно тому, как пламень питается подкладыванием дров [2, 88].

2) О блуде (ч. 1, 204)

1. Воздержание порождает целомудрие; чревоугодие же есть матерь блудной похотливости.

2. Елей питает пламень светильника; обращение же с женщинами разжигает огнь сласти похотной.

3. Ударами волн бросается туда и сюда ненагруженный корабль, а блудным помыслом — невоздержный ум.

4. Блуд берет в своинствование себе пресыщение, становится в ряд противников ума и до конца сражается против него вместе с врагами его.

5. Любящий безмолвие бывает трудно уязвим для стрел этого врага; а вмешивающийся в толпу непрестанные получает от него раны.

6. Взор женщины — ядовитая стрела, ранит душу и вливает в нее яд; и чем более застаревает эта язва, тем большее производит повреждение.

7. Кто охраняет себя от этих стрел, тот не ходит на многолюдные собрания, не блуждает рассеянно на празднествах. Ибо лучше спокойно оставаться дома и пребывать в молитвах, нежели, думая почтить праздники, сделаться скорою добычею врагов.

8. Избегай обращения с женщинами, если хочешь быть целомудренным, и никогда не давай им свободы смело обращаться с тобою; ибо в начале они или действительно имеют, или лицемерно оказывают несмелую стыдливость, а впоследствии отваживаются на все. И бывает это для тебя удою, уловляющею в смерть, хитросплетенною сетью, влекущею в погибель. Да не введут они тебя и в обман скромными речами; потому что и в них тоже сокрыт злой яд звериный (зверя из бездны).

9. Подойди лучше к горящему костру, нежели к юной женщине, когда ты и сам юн: ибо, почувствовав боль от огня, когда к нему приблизишься, тотчас отскочишь прочь, а разнежась женскими речами, не вдруг отойдешь.

10. Ботеет трава, растущая при воде, и страсть непотребства — в сообществе с женщинами.

11. Кто наполняет чрево и обещается быть целомудренным, тот подобен утверждающему, что соломою остановит действие огня. Как невозможно соломою удержать стремительность разливающегося огня, так невозможно пресыщением остановить жгучее стремление непотребства.

12. Столп опирается на свое основание, — и страсть блудная покоится на пресыщении.

13. Обуреваемый корабль поспешает в пристань; а целомудренная душа ищет пустыни. Корабль убегает от морских волн, угрожающих опасностью, а душа — от женских лиц, причиняющих гибель.

14. Вид нарядной женщины потопляет хуже волн. Из волн по любви к жизни можно еще выплыть; вид же женщины, прельстив, заставляет пренебречь и самою жизнью.

15. Пустынный куст безопасен от пламени огненного, — и целомудренный вдали от женщин безопасен от воспламенения страсти непотребства: ибо как воспоминание об огне не сожигает мысли; так и страсть не имеет силы, когда нет для нее пищи.

16. Если помилуешь противоборца, то будет у тебя враг; и если пощадишь эту страсть, то она восстанет на тебя.

17. Воззрение на женщину в невоздержном возбуждает непотребную страсть; а целомудренного располагает к прославлению Бога.

18. Если страсть похотная при обращении с женщинами будет покойна, не верь обещаемому ею бесстрастью. Ибо и пес, окруженный толпою, машет хвостом, но, когда выйдет из ней, тотчас оказывает свойственную ему лютость.

19. Когда воспоминание о женщине станет бесстрастно, тогда заключай, что вступил ты в пределы целомудрия. Когда же представляемый тобою образ ее за душу тебя берет, тогда знай, что ты еще чужд этой добродетели. Но и в первом случае не останавливайся на таковых помыслах, и долго не беседуй мысленно с женским образом; потому что страсть эта любит возвращаться назад, — и опасность от нее близка.

20. Как соразмерное плавление очищает серебро, а продолженное сверх меры производит в нем утрату, так и целомудренный навык портит долговременное представление в мыслях женщины.

21. Не беседуй долго с представившимся тебе лицом, чтобы оно не зажгло в тебе пламени сластолюбия, и не запалило гумна души твоей.

22. Как искра, надолго оставленная в соломе, производит пламень, так продолжительное памятование о женщине возжигает похоть.

23[1]. Если похотствующую на духа плоть усмиришь подвижническими трудами; то за пределами этого века будешь иметь славу, обещаемую изречениями о блаженствах, как победивший в брани того, кто в теле твоем противовоюет закону ума твоего, и пленяет тебя законом греховным, сущим во удех твоих (см. Рим. 7, 25) [1, 230].

24. Разумей, что отдельные виды блуда бывают совокуплены вместе, — блуд телесный и блуд духовный. Когда блудный помысл срастворяется с духом твоим, тогда душа твоя сочетавается с обольстительным в ней отпечатлением [1, 247-8].

25. Демон принимает на себя лицо женское, чтобы обольстить душу к смешению с ним. Облик образа (жены) принимает на себя бесплотный демон, чтобы похотливым помыслом ввести душу в блуд. Не увлекайся же не имеющим существенности призраком, чтобы не сделать чего-либо подобного и плотью. Обольщены бывают духом блуда все такие, не отражающие крестом внутреннего прелюбодеяния.

26. Наказывай помыслы скудостью питания, чтобы думали не о блуде, а о голоде.

27. С молитвенным бдением соедини слезы, чтобы получить помощь в настоящей брани.

28. Во время блудной брани отказывайся от приглашения на пиршества.

29. Демон непотребства на ревностного борца подвижнического нападает быстро, внезапно осыпая его стрелами страстной похоти, потому что не может долго сносить жжения огня светоносного, исходящего из подвижнических трудов его; а к тому, кто от обольстительности сласти похотной ослабел в строгости самообуздания, мало-помалу подступает на собеседование с сердцем его, чтобы оно, разгоревшись злыми похоте-

---

[1] Отсюда из других писаний преподобного Нила.

ниями, предалось беседе с ними, пленилось ими и совершенно отложило ненависть к этому греху [1, 252-253].

30. Всего опаснее, если сердце погрязло в навыке к сластям похоти; и потребно много трудов, чтобы эту пажить (страстную) подсечь под корень.

31. Не приучай помысла входить в собеседование со сластями похоти, потому что в сонме страстных мыслей и движений *разжжеся огнь* (Пс. 105, 18). Они, разгоряча тебя, заставят думать, что трудно удержать огнь естества, что не в силах ты долее делать насилие естеству, — и что хотя этого дня согрешишь по нужде, но завтра покаешься по заповеди. Ибо закон (христианский) человеколюбив, — легко прощает грех кающимся. При этом представят тебе в пример, как некоторые после воздержания пали и снова покаялись, придавая вероятность обольстительному совету своему, чтобы, сокрушив твердость сопротивоборства этою надеждою легкого снова обращения через покаяние, храм целомудрия сделать домом блуда [1, 253-4].

32. Смотри, человек воздержания, под предлогом покаяния не обольщайся неизвестными надеждами. Ибо многие, пав, немедленно похищены смертью, а другие не в силах были встать (от падения), привычкою к сластям похотным связанные, как законом. Почему знаешь ты, человек, будешь ли жив, и покаешься ли, что назначаешь себе годы жизни? — Падая от этого, ты поблажаешь плоти своей, тогда как надлежало бы тебе паче предаться памятованию о смерти, чтобы в сердце своем поживее представить страшное определение суда, и тем угасить мудрование распаленной плоти.

33. Естественный образ жизни один и тот же определен Создателем и нам и животным; *се, дах вам,* говорит Бог человеку, *всякую траву...* в поле, вам *и зверем...* будет *в снедь* (Быт. 1, 29-30). Поэтому, получив общее с бессловесными пропитание, и своими примышлениями превратив оное в более роскошное, не по справедливости ли должны мы быть признаны неразумнейшими бессловесных, если звери остаются в пределах естества, не нарушая постановленного Богом, а мы — люди,

одаренные рассудком, совершенно отступили от древнего законоположения? Ибо какие лакомства у бессловесных? Какие хлебники и повара тысячею искусств уготовляют услаждение бедному чреву? Не любят ли они древней скудости, питаясь травой, довольствуясь тем, что случилось, и в питие употребляя воду, — и ту иногда редко? Потому и плотским удовольствиям предаются они реже, не воспламеняя пожеланий никакою утучняющею пищею, и не всегда зная различие мужеского и женского пола. Ибо чувство это дает им одно время в году, в которое естественный закон средством к продолжению рода изобрел совокуплять их для посеяния подобных себе; в другое же время до того они чуждаются друг друга, что совершенно забывают о сем пожелании. А в людях от дорогих яств ненасытимая похоть любодейства всеяла неистовые пожелания, ни в какое время не дозволяя утихнуть страсти [2, 90].

3) О сребролюбии (ч. 1, 208)

1. Сребролюбие — корень всех зол; как худые ветви, питает оно все прочие страсти и не дает засыхать тому, что от него процвело.

2. Желающий истребить страсти пусть прежде исторгнет сей корень их; пока же остается сребролюбие, не сделаешь себе пользы, отсекая ветви; потому что, если и будут отсечены, скоро опять вырастут.

3. Многостяжательный монах — чрезмерно нагруженный корабль, легко потопляемый в воздымающихся от бури волнах.

4. Монах нестяжательный — легкий путник, на всяком месте находящий себе пристанище.

5. Монах нестяжательный — высокопарящий орел, тогда только спускающийся вниз, когда вынуждает к тому потребность пищи.

6. Таковой выше всякого искушения посмеивается над всем настоящим и, воспаряя горе, удаляется от всего земного и сожительствует с горними; потому что легки крылья у него, не обремененного заботами.

7. Пришла скорбь, и без печали оставляет он место; настала смерть, — благодушно отходит отселе, потому что никакими земными узами не связал душу.

8. А многостяжательный опутан попечениями и, как пес, привязан цепью; если принужден переселиться, то скорбное воспоминание об имуществе несет с собою, как тяжелое и бесполезное бремя.

9. Если пришла смерть, с жалостью оставляет он настоящее; отдает душу, а глаз не спускает с того, что имеет у себя, — и его влекут насильно, как беглого раба; разлучается с телом, но не разлучается с имением, потому что сильнее влекущих удерживает его страсть.

10. Море не наполняется, принимая в себя множество рек, и похотение сребролюбца не насыщается собранным уже имуществом; удвоил он его, — и удвоенное снова удвоить желает; и никогда не перестает удвоять, пока смерть не прекратит этого бесполезного труда.

11. Монах благоразумный имеет в виду только потребность тела, — и опустелое чрево наполняет одним хлебом и водою.

12. Не станет он ласкательствовать богатым, чтобы доставить усладу чреву, не поработит свободного ума многим властелинам; потому что достаточно одних рук, чтобы послужить телу, удовлетворяя его естественной нужде.

13. Нестяжательный монах — неуловимый борец и легкий течец, скоро достигающий *к почести вышняго звания* (Флп. 3, 14).

14. Монах многостяжательный радуется многим доходам, а нестяжательный — венцам за преспеяние.

15. Монах любостяжательный усиленно работает, а нестяжательный проводит время в молитвах и чтении.

16. Монах сребролюбивый наполняет сокровищницы серебром, а нестяжательный собирает сокровище на небе.

17. *Проклят,* кто делает идола и полагает его *в сокровении* (Втор. 27, 15). Но таков же и питающий страсть сребролюбия. Тот без пользы кланяется ложному богу, а этот мечту о богатстве носит скрытно в сердце, как кумир.

18[1]. Нестяжательный живет незаботливою жизнью, а у любостяжательного забота о богатстве — всегдашняя болезнь [1, 237].

19. Тогда отведешь в плен толпу помыслов, когда не вдашь сердца в заботы о вещественном. Тогда и крест понесешь не развлекаясь, когда отречешься от пожелания иметь собственность.

20. Помысл о вещественном стяжании предсказывает тебе старость и болезни, чтобы упование свое на Бога разделил ты с упованием на имущество.

21. Избравший жизнь подвижническую в отречении от мира да осенит себя верою, да укрепит любовию и да утвердит надеждою. Вера не есть оставление ни с чем, но есть непоколебимое убеждение в обладании совершеннейшим, с терпеливым упованием и с живою любовию.

22. Когда отречешься от всех вещей, внимай темным помыслам, которые станут укорять тебя в обеднении, представляя тебе теперешние — скудость во всем, нищету и бесславие, — чтобы таким злокозньством привести тебя в раскаяние о такой славной добродетели. Но если вникнешь в разумность такого подвижничества, то найдешь скорее, что за то самое, в чем укоряют тебя, сплетется тебе венец.

23. Оставим дела житейские и обратимся к благам духовным. Долго ли будем оставаться при детских игрищах, нимало не восприемля мужеского образа мыслей? В детстве служат забавой кости, шары и подобное, — и дети бывают к тому пристрастны, пока не придут в совершенный возраст. Когда же сделается кто мужем, бросает все это и со всем усердием занимается делами важными. А мы все остаемся в младенчестве, дивясь тому, что свойственно детству и не хотя позаботиться о лучшем, — о том, что прилично мужам. Как срамно глядеть, когда совершенный муж сидит на куче золы и чертит на пепле детские забавы; так срамно или гораздо срамнее, видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей, и несообразностью таких поступков срамят достоинство

[1] Отсюда из других писаний преподобного Нила.

обета. Причиною же этого у нас, как кажется, то, что мы не представляем себе ничего важнее видимого, не сознаем малоценности настоящих благ и превосходства благ тамошних, и, ослепляясь блеском того, что здесь почитается досточестным, прилепляемся к тому всем желанием [2, 81].

24. Начнем же отрешаться от настоящих благ, пренебрежем имущество и деньги, и все, что погружает в себя и потопляет помысл. Обуреваемые, выбросим груз, чтобы мог спастись кормчий — ум и с плавателями — помыслами. Если плывущие морем во время бури небрегут о своих товарах и своими руками бросают и дорогие вещи в море, имущество ставя ниже жизни; то почему же мы для лучшей жизни не пренебрегаем того, что душу влечет в бездну? Почему у нас не столько силен страх Божий, сколько у тех страх моря? Те из любви ко временной жизни невысоко ценят утрату того, что везут; а мы, говоря о себе, что вожделеваем вечной жизни, не пренебрегаем и малости, но решаемся лучше погибнуть с ничтожным грузом, нежели спастись, лишившись его. Поэтому умоляю, совлечемся всего. Борцы не вступают в борьбу одетыми; закон борьбы изводит их на поприще обнаженными. В жар ли, в холод ли, — так они выходят, оставляя одежды вне поприща. Если же кто из них откажется обнажить себя, то должен отказаться и от борьбы. А мы, дав обет подвизаться, не только не совлекаемся одежды (имуществ), но, тысячи бремен неся на плечах, вступаем в подвиг, доставляя тем противникам множество удобств схватить нас [2, 82, 83].

25. Как сражаться с духами злобы любоименному, когда через это отовсюду удобно наносятся ему удары? Как бороться с духом сребролюбия осыпанному деньгами? Как обогнать обнаженных от всякого попечения демонов облекшемуся в тысячи забот? Божественное Писание говорит: *наг побегнет в той день* (Ам. 2, 16). Наг, кто не облечен в бесчисленные рубища забот о делах житейских, — наг, коему многосложные помыслы о деньгах и имуществе не препятствуют в скорости бега; потому что нагого трудно и даже невозможно уловить злоумышляющим [2, 83, 84].

26. Бороться должно нагому, и не только нагому, но и умащенному. Обнажение делает, что борца не за что ухватить противнику, а умащение елеем, если и будет он схвачен, дает ему возможность ускользнуть из рук схватившего. Почему противники стараются осыпать друг друга землею, чтобы, пылью придав шероховатость гладкости елея, сделать противника удобоудержимым, когда будет схвачен. Но что там — пыль, то в нашем подвиге — дела земные, а что там — елей, то здесь — неимение попечений [2, 85].

27. Не иметь попечений свойственно душе совершенной, а сокрушать себя заботами — душе нечестивой. О совершенной душе сказано, что она *якоже крин в тернии* (Песн. 2, 2), а это означает душу, которая среди заботящихся о многом живет без попечений. Крин и в Евангелии означает душу, не имеющую попечений; ибо сказано: не труждается, ни прядет, а паче Соломона облекается славою (см. Мф. 6, 28). О тех же, которые имеют много забот о телесном, говорится: *все житие нечестиваго в попечении* (Иов. 15, 20). И подлинно нечестиво распространять попечение о телесном на целую жизнь, — и не оказывать никакой заботы о будущем [2, 86].

28. Мерою приобретения должна служить потребность. Что превышает эту меру, — то есть излишество затрудняющее, а не облегчающее. Как соразмерная с телом одежда составляет и потребность и украшение, со всех же сторон обвислая, опутывающая ноги и влекущаяся по земле, при безобразии делается препятствием во всякой работе: так и имение, превышающее телесную потребность, и для добродетели служит препятствием, и подвергается великому порицанию тех, которые в состоянии исследовать природу вещей [2, 87].

29. Нестяжательностью называем мы не нищету невольную, которая, приключившись по необходимости, сокрушает дух и, как непроизвольная, почитается несносною, но добровольную решимость довольствоваться малым, приобретаемую самовластием помысла, однако же требующую труда и до того именно времени, пока упражнение, обратившись в навык, не соделает сносным того, что долгое время казалось трудным и

нестерпимым. Не одна телесная красота прельщает, но и блеск богатства не менее сильно раздражает вожделение, — и в обоих случаях потребна душа мужественная, чтобы не уступить их обольстительности.

30. Поистине великими почесть и мужественными назвать надлежит тех, которые на поприще сем одерживают победу, между тем как помыслы борются и состязаются убедительными доводами, как бы телодвижениями, стараясь доказать, что должно согласиться с мнением многих, и кажущееся хорошим признать уже действительно хорошим, не отказываться от того, что, по общему мнению, почтено достойным цены, не уклоняться от обладания данным на употребление от Самого Создателя, и не обличать напрасно приобретение того, что приведено в бытие с известною целью, а не даром. Подвижники сии истинно достойны одобрения, как не уступившие места сопротивникам, не сбившиеся с поприща и не давшиеся в руки врагам. На правом суждении безопасно утвердив свои колена, не склонились они на принятие земных веществ, жизнь неразвлеченную предпочтя жизни мятущейся и умеренностью в потребах приобретши себе безмятежность [2, 99-101].

31. Древние святые до такой степени простирали ревность о нестяжательности, что вели жизнь бездомную, бесприютную, питались снедью, какую давала природа, находили себе ложе, где и какое случалось. Не было у них ни крова, ни ложа, ни трапезы, одеждою им служили овечьи кожи. Во всей точности ревновали они следовать совету Господню: *воззрите на птицы небесныя... смотрите крин селных...* (Мф. 6, 26-28). Они искренно верили, что необходимое для потребности тела само собою последует, когда будешь благоугождать подающему это Богу, и преимущественно пещись о приобретении Небесного Царствия [2, 102-3].

32. Нашей же жизни, окруженной полным во всем довольством, куда равняться с жизнью тех блаженных, которых не тревожили помышления о теле и телесном, но чистое некое вожделение Божественного, непрестанно восхищая их в превыспреннее, убеждало забывать о том, что на земле почитается

блистательным. Они ничего не имели на земле кроме тела, которое природа удерживала долу; но и его желали бы они иметь с собою там, где пребывали умом, созерцая небесные блага. И никогда не отрывались бы они от тамошнего наслаждения, если бы природа не возвращала их к удовлетворению телесных потребностей, благоговением к Связавшему душу с телом понуждаемых заботиться и о теле, при всем том, что признавали крайне благопотребным отчуждение от оного [2, 104].

33. Потребность телесная быстро течет и проходит; в прошедшем не имела она промышления о настоящем, и в настоящем не имеет его о будущем; врачует одно настоящее. А труд добродетели есть семя, дающее неоскудевающий плод; — и во время самого делания радует совесть ожиданием наслаждения, и по переселении отсюда оказывается благолепным и споспешествующим вечному веселью [2, 105].

34. Поелику путь, ведущий в Царство, имеет столько затруднений, будучи узок и со всех сторон окружен стремнинами, то какой же смысл, обременив себя грудами денег и других имуществ, покушаться идти этим путем так, как идти невозможно? Заботы о вещественном, рассеивая и сильно влеча долу, легким делают падение особенно там, где течение дел требует острого и трезвенного внимания. И при таком внимании шествие редко проходит без падений, по причине затруднений на узком пути по стремнинам; а для обременившего себя ненужною тяжестью стяжаний оно неизбежно. Да и самое стяжание есть уже падение [2, 111].

35. Поведение наше относительно стяжаний трояко: нестяжательность высшая и средняя, — и жизнь овеществившаяся, многостяжательная.

Происхождение их таково.

В раю вот что предписано было первозданному: *снеси траву сельную* (Быт. 1, 29). Достоинство Повелевшего ручается за полную приспособленность такого пропитания к жизни, человеку предназначенной. Можем, однако же, в пояснение этой приспособленности присказать, что оно было гораздо пригоднее всякого другого к сохранению в созданных по образу Божию

желанной утонченности, чтобы мысленная сила всегда пребывала необремененною и трезвенность ума неомрачаемою. Когда таким образом потребное для жизни тела давалось само собою, ум не праздным оставался, имея все время свободным от трудов телесных, но непрестанно восторгался к духовным созерцаниям, разливавшим в нем неистощимое веселье. Сие делание воспитывал в нем Сам Бог, по Своему благоизволению приходивший к нему каждодневно для собеседования. — Такова норма свойственной человеку жизни! — Существо ее не может быть изменено или отменено; но возможен иной образ видимого ее ведения, — что и необходимым сделало последовавшее падение.

Преступившему заповедь и изринутому из рая Бог узаконяет другой образ жизни, сообразно с его падшим состоянием, повелев невоспользовавшемуся покоем, как должно, добывать пищу работою и трудом; потому что не умел постоянно пребывать в служении Богу и в собеседовании с Ним, когда имел свободное время и не имел нужды в телесных трудах (в раю). В пищу ему назначен хлеб, добываемый в поте лица, а в одежду — кожаные ризы, чем положен предел любостяжательности и суетности. Первоначальная нестяжательность райская заменена таким скромным стяжанием, которое при том, несмотря на готовый труд, не от одного его зависело, но наипаче от Божия благословения. На деле раскрылись из этого три порядка жизни: одни довольствовались скромным стяжанием, при потовом труде в уповании на Бога; другие, углубившись в упование на Бога, совсем отреклись от всякого стяжания (ревнуя восстановить райскую нестяжательность) и были питаемы Богом; третьи, углубившись во всякого рода труд, на нем основали свою надежду иметь нужное, обеспечение же своей жизни основали на многоимении. Бог забыт: богом для них стало любоимание. Вот три сказанные вида отношения нашего к стяжаниям [2, 116-123, сокращенно].

36. Вторым поставленный здесь вид представляет поведение, (преимущественно) приличествующее разумному существу, именно: проводить время в служении Богу, и должное

получать из сокровищницы Божия Промысла; надеяться на Божию попечительность и землю иметь данницею; искренно служить Создавшему, и на нужды произвольною данью облагать тварь; здесь быть странником, а жилищем почитать то, которое уготовано на небе. Сию жизнь предписал Создатель вначале, — и сею жизнью, повинуясь Ему, жили все святые. (Примеры — Илия, Елисей, сыны пророческие, Предтеча, лик апостолов) [2, 124-129].

37. Такова нестяжательность святых — высшая. Но много имеет полезного и средняя после оной нестяжательность, как сообразная со временем и нуждою. Если и невозможно ей состязаться о первенстве и похвалиться равночестием с преимущественным образом жизни, то ей бесспорно принадлежит вторая степень чести. Первые святые (с совершенною нестяжательностью) жили для одной души и для Создавшего ее Бога, ни во что ставя тело; но они и без попечения о нем имели все потребное, не в житницы предварительно собираемое, но от Божия благоволения, как из сокровищницы, благовременно получаемое. Последовавшие же за ними святые (со среднею нестяжательностью), заботясь о необходимом утешении тела и промышляя о том, чтобы оставленная в небрежении животная наша часть не разрушилась против воли Сочетавшего ее с нами, в такой мере употребляли руки свои в дело, в какой по неизбежной необходимости требовалось услуживать телу; большую же часть времени проводили в попечении о душе, в молитвах, богомыслии и должных занятиях, имея в виду преспеяние в добрых делах [2, 137].

38. Последние же, совершенно став плотью, всецело посвятили себя на служение земному кумиру, желая иметь уже не только достаточное для телесной жизни, но и то, что показывало бы их не меньшими пред отличающимися изобилием, чтобы хоть через это быть у всех на виду. Этим явно выставляют они на позор свое безумие, предосудительное вменяя себе в похвалу, и думая тем обратить на себя внимание и заслужить удивление, за что достойны они презрения и осмеяния. Ибо как сообразное с каждым званием дает основательные поводы

к одобрению, так не приличное званию, хотя в другом отношении оно и недурно, весьма предосудительно там, где оно несвойственно [2, 138].

39. К которым же ближе средние из сопредельных с ними по ту и другую сторону? Конечно, к тем, к которым более приближаются делом, и о сродстве с которыми провозглашают тем, что стараются быть с ними близкими по жизни. Ибо потому что составляют средний чин между теми и другими, не одинаково уже склонны к обоим, и хотя они позади предшествующих, но непосредственно за ними следуя, и юношескою стопою идя по следам их, столько отстоят от последующих за ними, сколько бегущие постепенно удаляются от идущих шагом или остающихся на одном месте. С первыми же у последних — ничего общего. Кое общение у имеющих много вещественного с нестяжательными? Кое согласие у мудрствующих плотское с мудрствующими духовное? Какая общая часть у опутанных житейскими делами со служащими беспечально Богу? Одни апостольски оставляют все, что приобрели; другие приобретают то, чего не имели. Одни пребывают в безмолвии, внутренне прилагая попечение о преспеянии духовном, другие ведут все роды борьбы, сражаясь за деньги и имущество. Одни препираются с духами злобы за небесные блага; другие за земные блага нападают на подобных себе. Одним говорит Павел: *являетеся якоже светила в мире* (Флп. 2, 15), сияя, конечно, славою жизни и став для видящих виновниками доброго соревнования; а другим сказано: *имя бо Божие вами хулится* (Рим. 2, 24), то есть вами, поступающими противно званию и носящими на себе наружность, противоречащую делам [2, 139-40].

40. Какое же слово не возгнушается тем, кто говорит, что отрекся от житейского, а на деле предан его развлечениям? Хвалится, что презрел мир, и до неистовства предан мирским делам. Обещался не обращать и внимания на земное, а делами доказывает лживость обещания. Утверждает, что простился с суетою, и не расстается с ней. Изшел ты из Египта, — что же после этого общего у тебя с плинфоделием? Шествуешь пустынею, поспешая к земле обетования, для чего же медлишь, занимаясь суетными работами,

став медлительным путником в дальнем странствии? Всякой тщательности требует предлежащий тебе путь; что блуждаешь по распутиям, подвергаясь опасности остаться не достигшим упокоения? Возложил ты руку на рукоять рала, для чего же обращаешься вспять, делая себя неуправленным в Царство Небесное? Позади себя оставил ты запаление пятиградия, для чего же озираешься, желая увидеть совершающееся там? Взял ты крест? — последуй же за Христом, оставив все, потому что Христос, с Которым ты сочетался, желает быть любим паче всего [2, 141-2].

41. Немногого утешения требует тело, — попекись о сем утешении; потому что до времени связан ты с телом, чтобы и его иметь содейственником в делании добродетели и чтобы не встретило препятствия преспеяние души. А кто печется о волах, ежедневно пересчитывает стада овец, непрестанно ухаживает за виноградниками, рощами, нивами и садами, так что и продолжения дня недостаточно ему для этих работ; тот — где и когда будет иметь время вспомнить о Боге? Когда ему заняться псалмопением? Когда помолиться? Какое время посвятить упражнению себя в богомысленном созерцании? А если и найдет возможность изредка делать это между многих дел, то как принесет он Владыке чистое моление, когда мысль его не отрешена от того, о чем имеет он много заботы и попечения? Как наблюдет за движениями страстей, чтобы узнать вчерашнюю и сегодняшнюю разность в перемене на лучшее или худшее? Как отыщет сплетение помыслов, которые многообразно одни другими заменяются и самое наблюдение делают трудным? Или не примечаешь, как сокрушают тебя днем дела, а ночью забота о них, время отдыха делая временем мучений? Ибо тогда память, — приводя на мысль, кто нарушил межу, кто причинил вред плодам, кто преградил водотечи для орошения, кто потравил пастбище, кто делает или сделал другую какую-либо обиду, и о каждом, как он упорствует и спорит, — приводит тем в неистовство раздражительную силу души, возбуждая ко мщению, не давая времени на сон и покой, и тем паче на молитву, которая требует великого безмолвия и долгого свободного времени, доставляющего отчасти и освобождение от всех попечений [2, 142-144].

4) О гневе (ч. 210 и далее)

1. Гнев — неистовая страсть, легко выводит из себя даже имеющих ведение, зверскою делает душу и заставляет уклоняться от (дружелюбного) собеседования.

2. Сильный ветер не колеблет столпа, и душу негневливую не увлечет раздражение.

3. Вода приводится в волнение напором ветров, и раздражительный возмущается безрассудными помыслами.

4. Гневливый монах — вепрь пустынный; увидел кого-либо и точит зубы.

5. Увеличение тумана сгущает воздух, и движение раздражения огрубляет ум гневливого.

6. Набежавшее облако омрачает солнце, а помысл памятозлобия — ум.

7. Лев в зверинце непрестанно потрясает дверные крюки, а раздражительный в келлии перебирает гневливые помыслы.

8. Приятное зрелище — спокойное море, но не приятнее мирного устроения духа.

9. В тихом море играют дельфины, и в мирном устроении духа возникают боголепные помышления.

10. Долготерпеливый монах — тихий источник, всем доставляющий приятное питие; а ум гневливого всегда возмущен и не дает воды жаждущему; если же и дает, то мутную и негодную.

11. У гневливого и глаза мутны и кровавы, и обличают возмущение сердца; а лицо долготерпеливого спокойно, глаза благосклонны и смотрят прямо.

12. Кротость мужа поминается у Бога (Пс. 131, 1), и душа негневливая делается храмом Святого Духа.

13. Христос приклоняет главу в долготерпеливом духе, и умиренный ум бывает обителью Святой Троицы.

14. Лисицы живут в душе злопамятной, и звери укрываются в возмущенном сердце.

15. Честный муж избегает срамного пристанища, и Бог — злопамятного сердца.

16. Воду возмущает упавший камень, и сердце мужа — худое слово.

17. Удали гневливые помыслы из души своей и не давай раздражению водворяться в сердце твоем, — и не будешь ты возмущаем во время молитвы.

18. Как дым от тлеющей соломы беспокоит глаза, так и памятозлобие — ум во время молитвы.

19. Помыслы гневливого — ехиднины порождения, снедают породившее их сердце.

20. Молитва раздраженного — мерзостное курение, псалмопение гневливого — неприятный звук.

21. Дар злопамятного — червивая жертва, — и да не приближается он к очистительным алтарям.

22. Возмущенные сны видит раздраженный, и нападения зверей мечтаются гневливым.

23. Муж долготерпеливый видит в видении соборы святых Ангелов, и непамятозлобивый упражняется в духовных словесах, ночью приемля разрешение таин.

24[1]. Когда демоны увидят, что не воспламенились мы в самом пылу оскорбления; тогда, напав в безмолвии, стараются возбудить владычественное в нас (ум), чтобы заочно восстали мы против тех, с которыми соблюли мир, когда они были с нами лицом к лицу [1, 229].

25. Когда мирно кончится у тебя с братом спор или размолвка по случаю какого-либо неудовольствия, себя самого почитай погрешившим, чтобы на безмолвии в сердце своем не найти тебе борьбы помыслов, из которых одни, выставляя ничтожность оскорбления, будут укорять, что не стоило и останавливаться на нем, а другие, выставляя важность его, будут внушать сожаление, что за него не отплачено таким же оскорблением.

26. Когда сильное раздражение преогорчит каких-либо братий в общежитии; тогда помыслы начинают ублажать пред ними живущих в уединении, чтобы, как лишили их благодушного терпения, так удалить их и от поприща любви.

---

[1] Отсюда – из других писаний преподобного Нила.

27. Кто отражает от себя гнев благодушным терпением, и огорчение — любовию; тот отражает двух зверей злых, гневоборных, двумя доблестями.

28. Коленопреклонно умоляющий огорчившего прекратить гнев, зараз обоих отводит от раздражения.

29. Кто примиряет гневающихся, тот побеждает самый дух гнева.

30. Кто ради мира терпит сердитого, тот воистину есть сын мира [1, 230].

31. Приуготовь себя быть кротким и браннолюбивым: кротким с людьми, а браннолюбивым с врагом нашим; ибо в том и состоит естественное употребление гнева, чтобы враждебно противоборствовать змию (древнему) [1, 235].

32. В том и состоит кротость кроткого, чтобы по любви быть великодушным к брату и вести брань с (гневным против него) помыслом.

33. Кроткий да будет и браннолюбив, не распространяя кротости на злохитрые помыслы и брани на ближних по естеству.

34. Не обращай естественного употребления гнева в противоестественное, то есть не гневайся на брата, уподобляясь змию, и не сослагайся со злобными помыслами, братаясь с этим змием [1, 236].

35. Кроткий, если потерпит что и оскорбительное, не оставляет любви, но ради ее вся *покрывает, милосердствует* и *вся терпит* (1 Кор. 13, 4, 7).

36. Если дело любви — долготерпеть; то гневом воевать против брата — не дело любви.

37. Гнев возбуждает огорчение и неприязнь; а любовь все их три прогоняет.

38. Если твердое имеешь основание в любви; то ей паче внимай, нежели тому, что оскорбляет тебя.

39. Стяжавший добродетель любви пленяет страсти, свойственные недобрым.

40. Имеющий от Святой Троицы сии три добродетели: веру, надежду и любовь, — будет трехстенным градом, укрепленным, как бойницами, башнями добродетелей.

41. Кто уязвляется злоречием других, не относя его к диаволу, как источнику, тот еще более поощряет врага уготовлять на себя стрелы, — тем, что душа его падает, уязвляема будучи таким злоречием [1, 251].

42. Терпя самое великое злословие или тяжкую обиду, не будь злопамятен, но благословляй [1, 252].

43. Кто памятозлобствует на демонов, тот не злопамятен на людей; но с демонами состоит в мире, кто памятозлобствует на брата.

44. Гнев и ненависть — пожар сердца, а души незлопамятных орошаются росою духовною.

45. Огненные угли отбрасывают от себя искры; так и злопамятные души извергают из себя злобные помыслы.

46. Как укус скорпиона производит самую жестокую боль; так и злопамятная душа держит в себе самый горький яд.

47. Поносимый Давид ничего не говорил против, но остановил даже и мстительность Авессы (см. 2 Цар. 16, 10). И ты, подвергаясь поношению, не только не воздавай поношением, но укроти и того, кто бы стал отомщать за тебя [1, 228].

48. Переноси терпеливо поношение, и губами заключай дверь гневу: в этом для тебя преспеяние.

49. Вовсе ничего не отвечай угрожающим, чтобы молчанием заградить уста, дышащие пламенем.

50. Наложив узду на челюсти свои, ты причинишь чувствительнейшую боль угрожателям и поносителям своим.

51. Ты, молча, не будешь поглощен поношением; а поноситель твой сильно уязвлен будет твоим молчанием, видя, как великодушно переносишь ты его дерзость.

5) О печали (ч. 1, 212)

1. Опечаленный монах не знает духовного наслаждения; печаль же есть унылость души и бывает следствием гневных помыслов; ибо гнев желает отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль.

2. Печаль есть львиная пасть, и легко поглощает опечаленного.

3. Печаль есть червь в сердце, и изъедает родившую его мать.

4. Мучится матерь, рождая чадо, а когда родит, освобождается от мучения; но печаль и во время рождения великую производит боль, и по рождении не меньшею мучит болью.

5. Опечаленный монах не знает духовной радости, как вкуса в меду — страждущий сильною горячкою.

6. Опечаленный монах не подвигнет ум к созерцанию и никогда не возшлет чистой молитвы; ибо печаль всему доброму полагает препону.

7. Узы на ногах — помехи скорому шествию, а печаль — препона созерцанию.

8. Плененный варварами заковывается в железо, а пленник страстей связывается печалью.

9. Не имеет силы печаль, когда нет других страстей, как и узы не вяжут, когда нет связующих.

10. Связанный печалью побежден страстями, и в обличение своего поражения носит узы; потому что печаль бывает следствием неудовлетворения самолюбивого пожелания, а пожелание такое сопряжено со всякою страстью.

11. Кто победил пожелания, тот победил страсти; а кто победил страсти, тем не овладеет печаль.

12. Не печалится воздержный, что не достал снеди; целомудренный, что не улучил срамного непотребства; негневливый, что не удалось отомстить; смиренномудрый, что лишен человеческой почести; нелюбостяжательный, что потерпел неудачу. Они совершенно погасили в себе все такие пожелания, — почему и не испытывают печали; ибо бесстрастного не уязвляет печаль, как одетого в броню не пронзает стрела.

13. Воину доставляет безопасность щит, городу — стена; но большую щита и стены доставляет монаху безопасность — бесстрастие. Ибо щит нередко пробивает стремительно летящая стрела, и стена разоряется множеством воителей, а бесстрастия не одолеет печаль.

14. Одолевший страсти одолел печаль; а побеждаемый страстною сластью не избежит ее уз.

15. Кто часто печалится и приписывает себе бесстрастие, тот подобен больному, притворяющемуся здоровым, ибо как больной виден по цвету лица, так страстного изобличает печаль.

16. Любящий мир много имеет печалей, а презирающий все, что в мире, всегда весел.

17. Любостяжательный, понесши утрату, горько печалится, а презревший имущество беспечален.

18. Славолюбивый печалится, когда терпит бесчестие, а смиренномудрый принимает его как сотоварища.

19. Плавильная печь очищает неочищенное серебро; а печаль по Богу — сердце, сущее в грехах.

20. Частое плавление убавляет свинец, — и мирская печаль ослабляет ум.

21. Темнота уменьшает энергию глаз, и печаль притупляет созерцательность ума.

22. В глубину воды не проходит солнечный свет, и сердца в печали не озаряет светлое созерцание ума.

23. Всякому человеку приятен солнечный восход, но и им не услаждается печальная душа.

24. Болезнь желтуха пресекает действие вкуса, и печаль отъемлет чувство у души.

25. Кто презирает мирские удовольствия, того не потревожат печальные помыслы.

26[1]. Когда соединишь союзом мира сущую в тебе троицу (то есть дух, душу и тело), тогда, как объединившийся в себе по заповеди Божественной Троицы, услышишь: *блажени миротворцы: яко тии сынове Божии нарекутся* (Мф. 5, 9) [1. 230].

27. Велик этот союз мира, потому что с ним соединяется и радость, просвещающая мысленное око к созерцанию высших благ.

28. Если приобретем миротворную в тяжелых обстоятельствах радость, то легко будем с благодарением отражать ею находящие прискорбности и не допускать в себя рыкающего демо-

---

[1] Отсюда из других писаний преподобного Нила.

на печали, который, ища поглотить душу, наипаче нападает на нее в скорбях, уготовляя место и духу уныния, чтобы вдвоем сильнее омрачить душу и погубить труды ее.

29. Да будет для нас законом, в сердце написанным, радость мира: и печаль прогоняющая, и гнев погашающая, и ненависть отражающая, и мстительность уничтожающая, и уныние рассеивающая, и скорбь в радость претворяющая [1, 231].

30. Укрываясь в мирном благодушии, радость эта есть море добродетелей, крестом потопляющее сопротивное диавольское полчище.

31. Разумей и то, что бывает противная ей радость, — смутная, — и обманувшись тенью, не прими одну за другую; потому что демоны подделываются и под духовные дарования, чтобы, введя ум в заблуждение призраком, довести его до помешательства. Духовная радость приходит без всякой внешней причины, находя для себя превыспреннего вождя в печали по Богу.

32. Печаль по Богу слезами обновляет душу, вселяет заботливое попечение о приближающейся смерти и суде, и мало-помалу научает ожидать их с желанием [1, 232].

33. Неисполнившиеся желания произращают печали; а молитвы и благодарения заставляют их завянуть.

34. Между гневающимися движется посредствующая печаль. Если тот, кто из них отрезвится первым, восстанет от страсти и подаст другому руку извинением; то он прогонит горькую печаль.

35. Печаль бывает болезнью души и тела; душу берет она пленницею, а плоть иссушает, оставляя на месте.

36. Печаль рождается от того, что противно (беды, скорби, огорчения); от печали же происходит мрачное расположение духа (как говорится: он не в духе); а от них обоих порождается бессмысленная бранчивость (ворчание на все).

37. Если хочешь подавить печаль с мрачным расположением духа, то обыми благодушную любовь и облекись в радость незлобивую.

38. В скорбях наипаче будь благодарен; потому что через них яснее ощущается благодать заступления. Так, благодарением прогоняя печаль от постигающих тебя скорбей, не омрачишь ты блистательной красоты мужественного благодушия.

б) Об унынии (ч. 1, 215)

1. Уныние есть изнеможение души, а душа в изнеможении, не имея того, что ей свойственно по естеству, не устаивает мужественно и против искушений.

2. Что пища для здорового тела, то искушение для мужественной души.

3. Северный ветер питает произрастания, а искушения укрепляют терпеливость души.

4. Безводное облако уносится ветром, а не имеющий терпения ум — духом уныния.

5. Весенняя роса прибавляет роста полевому плоду, а духовное слово возвышает устроение души.

6. Дух уныния гонит монаха из жилища его; а кто имеет терпение, тот всегда пребывает в безмолвии.

7. Унылый выставляет в предлог к выходу (вовне) посещение больных, на деле же имеет при этом свою цель.

8. Монах в унынии скор на служение и считает заповедью удовлетворение через то своего желания.

9. Легкий ветерок наклоняет слабое растение, и мысль о странствовании легко увлекает уны́лого.

10. Хорошо утвердившееся дерево не преклоняется от напора ветров, и уныние не поражает окрепшие души.

11. Бродящий монах — иссохшая пустынная ветка; немного посидит в келлии, — и опять несется нехотя куда-нибудь.

12. Переносимое с места на место растение не приносит плода, и бродящий монах не приносит плода добродетели.

13. Больной не довольствуется одною пищею, и монах унылый одним делом.

14. Сластолюбцу не довольно одной жены, и монаху в унынии недостаточно одной келлии.

15. Глаз унылого непрестанно обращается на дверь, и мысль его мечтает о посетителях; скрипнула дверь, и он вскакивает; послышался голос, и он выглядывает в окно, и не отходит от него, пока не соскучится.

16. Унылый, читая книгу, часто зевает и клонится ко сну, потирает лицо, тянется, поднимая руки и, отворотив глаза от книги, пристально смотрит на стену; обратившись опять к книге, почитает немного, переворачивая листы, любопытствует видеть конец слова, считает страницы, делает выкладку о числе целых листов, охуждает почерк и украшения, — и наконец, согнув книгу, кладет под голову и засыпает сном не очень глубоким, потому что голод начинает уже тревожить его душу и заставляет позаботиться и о себе.

17. Монах унылый ленив к молитве, и никогда не выговаривает молитвенных речений.

18. Как больной не выносит тяжелого бремени, так унылый не в состоянии тщательно исполнить Божия дела; ибо у того телесные силы в расстройстве, а у этого не стало сил душевных.

19. От уныния врачует терпеливость, и то, чтобы делать свое дело (несмотря на недостаток охоты), со всяким самопринуждением, из страха Божия.

20. Во всяком деле определи себе меру, и не оставляй его прежде, чем кончишь; также молись разумно и усиленно, — и дух уныния бежит от тебя.

21[1]. Во всяких трудах твоих да предводительствует всем мужественное терпение; потому что против тебя всею злобою ополченным стоит уныние и, наблюдая за твоими трудами, пытает их все, — и если найдет, что какой-нибудь из них не укреплен терпением, то делает его несносно тяжелым [1, 233].

22. Когда во время службы Божией нападет на тебя дух уныния, то нашептав душе, что псалмопение обременительно, усердия же к нему противоборницею выставив леность, — внушает ускорить псалмопение, чтобы дать плоти отдых, потому что она будто по какой-то причине очень утомлена.

---

[1] Отсюда из других писаний преподобного Нила.

23. Когда бываем на бдении ночью, не будем во время службы садиться по унынию; а то придут демоны и, собрав плевелы помыслов, всеят их тотчас в сердце.

24. Проснувшись прежде службы, предзаймем сердце помыслами светлыми, чтоб, настроившись ими, с бодренною мыслию могли мы стоять потом на псалмопении [1, 234].

25. Как внешний наш человек работает своими руками, чтобы не обременять других; так и внутренний пусть работает (в своей рабочей), чтобы не попустить уму обремениться помыслами; помыслы же тогда задают свою работу душе, когда захватят ее праздною от помышлений, яже по Богу [1, 235].

26. Возделывай как рукоделие из человеколюбия, так и мысленную силу из любомудрия, чтобы первое служило к пропитанию странников, и к попалению или совершенному прогнанию лености, а другое было вождем к созерцанию и совершенному очищению ума от помыслов.

27. Не будем переноситься с места на место, но лучше покорпим в безмолвии над трудами; потому что от лености (и праздности) помыслы берут над нами силу [1, 238].

28. Когда помыслы заставят нас перейти на то место, которое прежде своими внушениями расположили нас полюбить; тогда заставляют раскаиваться об этом, чтобы сделать нас во всем непостоянными и бесплодными.

29. Перемена места пусть предприемлется в видах жития более духовного, а не в видах жития более покойного [1, 239].

30. Терпение, благодушие и любовь благодарны и в скорбях; а уныние, льготность и самолюбие радуются покойной жизни.

7) О тщеславии (ч. 1, 217)

1. Тщеславие есть неразумная страсть и удобно примешивается ко всякому делу добродетели.

2. Сливается (и делается невидимою) черта, проведенная на воде; и труд добродетели — в душе тщеславной.

3. Бела рука, скрытая в недре, — и скрываемое дело сияет блистательнее света.

4. Плющ обвивается около дерева и, когда достигнет вершины, сушит корень; а тщеславие прививается (прирастает) к добродетелям и не отстает от них, пока не отымет от них всего значения.

5. Грозд винограда, до земли спустившийся или прилегший к земле, легко загнивает; гибнет и добродетель, ко тщеславию прильнувшая.

6. Тщеславный монах — бесплатный работник — несет труд, а награды не получит.

7. Дырявый мешок не сохраняет в себе того, что вложено, и тщеславие губит мзду добродетелей.

8. Воздержание тщеславного — дым из печи; и то, и другое рассеивается в воздухе.

9. Ветер заметает след человека, и тщеславие (в ничто обращает) милостыню.

10. Камень, как сильно ни брось его, не достигает до неба, — и молитва человекоугодника не взойдет на небо.

11. Тщеславие есть подводный камень; если об него ударишься, погубишь груз.

12. Муж благоразумный скрывает сокровище, а благомысленный монах — труды добродетели.

13. На стогнах молиться советует тщеславие; но воюющий с тщеславием молится в клети своей.

14. Человек безрассудный всенародно объявляет о своем богатстве и многих возбуждает к злоумышлению против себя; а ты, идя путем, где есть разбойники, скрывай, что имеешь, пока не придешь в град мира и там не начнешь безопасно пользоваться своим добром.

15. Добродетель тщеславного — жертва сокрушенная, каковой жертвы не следует приносить на алтарь Божий (см. Лев. 22, 22).

16. Уныние расслабляет душевную силу, а тщеславие болезненного делает здоровым, старика более сильным, чем юношу, если только много свидетелей того, что делается: тогда легки и пост, и бдение, и молитва; потому что похвала многих возбуждает усердие.

17. Не продавай трудов за славу человеческую и не отдавай будущей славы за похвалу ничего не стоящую; ибо слава человеческая обращается в прах, и молва ее замирает на земле, а слава добродетели пребывает во веки.

18[1]. Истинная добродетель не ищет людской похвалы и не услаждается почестью — этою матерью зол [1, 226].

19. Начало почести — человекоугодие, а конец ее — гордость.

20. Домогающийся почестей сам в себе высится, и таковой не умеет переносить уничижения.

21. Да будет для тебя честью труд в добродетелях, а бесчестием — похвала взысканная [1, 227].

22. Не ищи славы от плоти — ты, возревновавший отрешиться от страстей плоти, но взыскуй лучшего, — и это будет тебе в славу.

23. Желающий быть в почете завидует тому, кто превосходит его славою, присоединяя к этой зависти еще и ненависть.

24. Побежденный сильным желанием почета не терпит, чтобы кто-либо был ему предпочтен, но себе восхищает первенство, чтобы не показаться низшим кого-либо.

25. Не терпит он, чтобы того, кто превосходит его, чтили и в отсутствие его, — и славу трудов его представляет обыкновенно ничего не значащей.

26. Поношение для славолюбивого — жесточайшая рана, — и не может он избежать ненависти к поносителю.

27. Славолюбивый — в рабстве у жестокой госпожи, — и перепродается многим деспотам: превозношению, зависти, ревнивости и всем толпам духов; а кто духа честолюбия поражает смирением, тот прогоняет целый полк демонов.

28. Кто по смирению делает себя рабом всякого, тот уподобляется смирившему Себя и приявшему *зрак раба* (Флп. 2, 7).

29. Если себя самого меряешь малою мерою, то не будешь меряться с другими.

---

[1] Отсюда из других писаний преподобного Нила.

30. Кто слезами обнаруживает душевную немощь, тот не будет высоко думать о трудах своих [1, 228].

31. Демоны нередко наводят на смиренномудрых унижение и поношения, чтобы, не стерпя незаслуженного презрения, оставили они смиренномудрие; но кто в смирении мужественно переносит бесчестие, тот этим самым возносится паче на высоту любомудрия.

32. Изгони изнутри даже и мысль о похвале человеческой, чтобы через то отразить любопоказательный помысл тщеславия еще прежде порождения его.

33. Когда, противоборствуя причинам страстей, препобедишь их, не дозволяй величать тебя лукавому помыслу, чтоб, поверив ему, не впасть тебе в прелесть; но старайся лучше увидеть недостатки в том, над чем потрудился, чтобы преспеяние твое не было окрадено внутренними врагами [1, 239].

34. Иные, быв восхвалены за преспеяние, со временем вознерадели; отчего — и похвала мимоиде, и труды пропали.

35. Иные, ожестев от надмения своими делами, возмечтали о себе как о великих; между тем совесть более и более оструплялась, болезнь хвалолюбия усиливалась, и помыслы, отвратив взор души от ее язв, под прикрытием похвал расхитили все труды их [1, 240].

36. Когда приносишь усердное покаяние в грехах, тогда демоны, возвеличивая твои покаянные подвиги, умаляют грехи, и нередко прикрывают их забвением, или наводят на мысль, что они прощены, чтоб, ослабив труды, не почитал ты более нужным горько оплакивать свои падения.

37. Самое острое оружие у змия (древнего) есть тщеславие, побивающее плоды всех трудов наших. Но кто устрояет предварительно противоположный ему маневр тайного доброделания, тот близок к тому, чтобы снести голову с самого диавола [1, 241].

38. Ароматы подвижнических трудов своих скрывай под печатью молчания, чтоб, быв выставлены наружу языком, не были они расхищены славою.

39. Скрывай язык свой в деятельном прохождении подвижничества (то есть вместо языка пусть говорят подвиги); ибо в таком случае и молча будешь иметь свидетелями о жизни твоей достойных веры сожителей своих — труды. О ком свидетельствуют какие-либо наличные труды, тому нет нужды свидетельствовать о себе языком своим.

40. Иные, сложив с себя тяготу трудов, леность свою стараются прикрыть делами прошлого времени, неуверенно и неубедительно представляя, как очевидных свидетелей, дела, не находящиеся налицо.

41. Как скрываешь от людей грехи свои, так скрывай от них и труды свои. Ты стыдишься открывать о срамных делах своих, чтобы не подвергнуться поношению и уничижению, — что полезно было бы для души твоей. Бойся показывать и труды свои, чтобы грех человекоугодия не принес пагубы душе твоей. Если одному Богу открываешь постыдные падения; то не открывай людям своих противоборствий оным, чтобы не сочли их увенчанием победы.

42. Некоторые, ославившись в народе дурным поведением, облекаются в жизнь честную не для того, чтобы греховные падения свои оплакивать в подвижнических трудах, но чтобы заглушить укоризненную о себе молву. Но если кто для одного имени только касается дел благочестия, то он работает не Богу, а людям [1. 245-6].

43. Отличающиеся в подвижнической жизни бледностью лица да отревают от себя людскую похвалу прежде, чем она придет, — то есть когда еще до встречи с людьми враг влагает помысл хвалолюбивый [1, 249].

44. Когда проведешь много времени, воздерживаясь от вина, елея и прочих излишеств, тогда помыслы с похвалою, высчитывая время, станут внушать тебе мысль ослабить труды ради тела. Сим злонамеренным вычислителям говори, напротив все, что может служить к ниспровержению их умысла. Так, один из братий, восхваляемый внутренними помыслами за труды свои в борьбе против демонов, говорил словами

псалма: *да возвратятся абие стыдящеся глаголющии ми, благоже, благоже* (Пс. 69, 4).

45. Не наряжайся в красивые одежды, чтобы явственнейше не облечься тебе в демона тщеславия; ибо не лепота одежд указывает, что ты носишь одежду добродетелей, но подвижнические труды, как золотые украшения, свидетельствуют о лепоте одеяния души твоей [1, 256].

46. Кто после опытов деятельной и созерцательной жизни намащает неопытных искусством различать помыслы, тому надлежит смотреть, чтобы не проскользнуло хвастовство таким знанием и желание выставить его напоказ для славы.

47. Безжалостнейше к себе трудящийся в несении телесных подвигов — не для похвалы пусть преутруждает себя, и славою пусть не превозносится. Иначе демоны, надмя душу его этими трудами и славою возбудя усилить еще более безжалостность к себе, увлекут его принять еще большие подвиги, чтобы он еще более превознесся. С этой целью они с иным ведут такую внутри посредством помыслов беседу: как такой-то подвизался, не щадя себя и такое приобрел себе великое имя, так что о нем говорят и по смерти его; так и ты взойди на самую высоту подвизания, чтобы стяжать себе славу, и чтобы имя твое сделалось великим, и по смерти твоей произносилось с великою похвалою [1, 268].

48. Иного в мечтах возводят они на кафедру учителя и представляют, будто он говорит слово, — и будто молва отдает ему первенство пред всеми, кои при подвижнических трудах прославились и ведением многосторонним. Через это они возбуждают в нем не только соревнование, но и зависть ко всем, которых преспеяния прославляются и которых как деяния достойны удивления, так и многознание изумительно [1, 269].

49. Бывает, что они усыпляют разжжение плоти и выводят изнутри нечистые помыслы с хитрым намерением, чтобы подвизающийся подумал, что строгостью своей жизни совсем победил дух блуда, что сердце его очистилось и стало близко к святости святых, — и он взошел на самый верх святости. Такого нередко заставляют они рассказывать самому себе о своих

подвигах: я сделал то и то, так и так подвизался и истомлял себя, — не давая ему, однако же, прибавлять при этом: *не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15, 10). Не позволяют же они ему исповедовать Бога помощником в том, чем хвалиться его заставляют, чтобы он, яко собственными трудами совершивший все в своих подвигах, и хвалу за то всю присваивал себе, — и через такое невоздавание славы Богу погряз в глубину богохульства, несмысленно величая себя самопомощным.

50. Когда в сердце слышатся такие славолюбивые помыслы и оно не противоборствует тому, тогда инок (и особенно уединенник) недалеко бывает от повреждения ума; тогда рассудок бывает в опасности расстроиться или от снов бесовских, принимаемых с верою, или от призраков во время бдений, или от явления бесов в каких-либо светлых видах. Ибо сам сатана для обольщения нашего преобразуется иногда в Ангела света; причем обещает, что если, падши, поклонишься ему, то даст тебе такое и такое дарование или восхитит тебя, как нового Илию, на небо на огненной колеснице. И бывало, что принимавшие это с верою уклонялись от истины и впадали в умоповреждение. Во избежание этого, помня, чего ради с любовию подъемлются подвижнические труды, *всяцем хранением блюди твое сердце* (Притч. 4, 23), чтоб, внимая одним внешним подвигам, не быть тебе коварно уловлену внутри (несмысленным самовозношением) [1, 270].

51. Тем, которые упражняются в делании добрых дел, Господь увещательно говорит: *егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему. Иже в тайне* (Мф. 6, 6), и еще: *егда убо твориши милостыню, не воструби пред собою* (Мф. 6, 2), повелевая избегать делания чего-либо доброго напоказ, как дела вредного. А пророк, говоря, что *собираяй мзды собра во влагалище дираво* (Агг. 1, 6), показывает, что развращенною целью славолюбия уничтожается всякий труд (подвизания и доброделания), — как сквозь дырявое влагалище, проходя через сердце, не огражденное смиренным мудрованием. Сердце смиренномудрое воистину есть сокровищница и отовсюду сильно укрепленное ограждение,

идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут (Мф. 6, 20). Под червем разумеется рождающееся внутри самомнение, уничтожающее, что в людях бывает доброго; а под татями — извне привходящие похвалы, которые, возбуждая неразумную кичливость, поспешно расхищают духовные сокровища, долгим трудом в доброделании собранные. Ибо как червь поедает вещество, из которого получил бытие, и тати, подкапывая стену, уносят тщанием накопленное (добро вещественное): так помысл, подвигнутый добрыми делами к превозношению, уничтожает цену этих самых дел, а похвалы людские, подкапывая легкие умы, (вторгаются внутрь) и ничего доброго не оставляют там, что туда внесено было извне законным путем (дверьми), а оттуда извергается ими дырою ушей. Но никто да не попустит этой страсти одолеть себя настолько, чтоб в усыплении от сладкоречия славолюбия потерпеть совершенную утрату всего, стяжанного усиленными трудами; да трезвится же всяк и бодрствует, чтобы истребить наветников, когда они еще только подкапывают, прежде нанесения ими вреда, поразив их в самый момент подкапывания, прежде чем воссияет солнце, — и мысль станет делом [2, 106-7].

8) О гордости (ч. 219)

1. Гордость есть опухоль (надутость) души, наполненная испорченною кровью; если созреет, прорвется и причинит большую неприятность.

2. Блистание молнии предуказывает громовой удар, а о гордости предвещает появление тщеславия.

3. Гордость на великую высоту возносит гордого и оттуда низвергает его в бездну.

4. Гордостью болезнует отступивший от Бога и своим собственным силам приписывающий добрые дела.

5. Как ставший на паутину проваливается и уносится вниз, так падает и полагающийся на собственные свои силы.

6. Обилие плодов нагибает до земли древесные ветви, и множество добродетелей смиряет мудрование мужа.

7. Сгнивший плод бесполезен земледельцу, и добродетель гордого непотребна Богу.

8. Жердь поддерживает обремененную плодами ветвь, а страх Божий — добродетельную душу.

9. Как тяжесть плода ломит ветвь, так гордость низвергает добродетельную душу.

10. Не предавай гордости душу свою — и не увидишь страшных мечтаний; потому что душа гордого бывает оставлена Богом и делается порадованием бесов.

11. Гордый ночью воображает множество нападающих зверей, а днем смущается боязливыми помыслами; если спит, часто вскакивает, и когда бодрствует, боится птичьей тени.

12. Шум листа в ужас приводит гордого, и журчание воды поражает душу его.

13. Так, только что Богу себя противопоставлявший и отвергавший Его помощь — пугается теперь ничтожных призраков.

14. Гордость Архангела низвергла с неба и сделала, что он, как молния, спал на землю. А смиренномудрие человека возводит на небо и уготовляет к ликованию с Ангелами.

15. Что горé возносишься, человек, и подъемлешься выше облаков, будучи пыль и прах?

16. Посмотри на естество свое, что ты — земля и пепел, и вскоре разрешишься в прах; теперь величав, а спустя немного будешь червь. Что подъемлешь выю, которая вскоре сгниет?

17. Великое нечто человек, когда помогает ему Бог; а коль скоро оставлен он Богом, познает немощь естества своего.

18. Нет у тебя ничего доброго, чего не приял бы ты от Бога. Для чего же величаешься чужим, как своим? Для чего хвалишься данным благодатью Божиею, как собственным своим стяжанием?

19. Признай Даровавшего и не превозносись много; ты — тварь Божия, не отлагайся от Сотворшего.

20. Бог помогает тебе, не отрицайся Благодетеля; взошел ты на высоту жития, но путеводил тебя Бог; преуспел в добродетели, но действовал в тебе Бог; исповедуй Возвысившего, чтобы неколеблемо пребыть тебе на высоте.

21. Признай своего соестественника, что он одной и той же с тобою сущности, и не отрицайся от родства с ним по надменности.

22. Он уничижен, а ты превознесен; но один Зиждитель сотворил обоих.

23. Не пренебрегай смиренного: он стоит тверже тебя, — по земле ходит, и не скоро падет, — а высокий, если падет, сокрушится.

24. Гордый монах — древо без корней, которое не может выдержать напора ветра; а некичливое мудрование — стенами огражденный город, обитающий в коем безопасен.

25. Былинка подъемлется высоко дуновением ветра, а гордого возносит приражение безумия.

26. Лопнувший пузырь обращается в ничто, — и память гордого погибнет.

27. Слово смиренного мягчительная мазь душе, а слово гордого исполнено кичения.

28. Молитва смиренного преклоняет Бога, а прошение гордого оскорбляет Его.

29. Смиренномудрие — венец дому, и вошедшего блюдет в безопасности.

30. Когда взойдешь на высоту добродетелей, — тогда великая тебе потребность в ограждении; ибо если упадет стоящий на полу, то скоро встанет, а упавший с высоты подвергается опасности умереть.

31. Драгоценному камню прилична золотая оправа, и смирение мужа блистает многими добродетелями.

32[1]. Не забывай своего падения, хотя и покаешься; но поминай о грехе твоем плачем к смирению твоему, чтоб, смирившись, по необходимости отсечь тебе гордость [1, 240].

33. Не взирай на падших с кичливым помыслом, надмевающим тебя, будто судию, но себе самому внимай помыслом трезвенным, — испытателем и оценщиком твоих деяний [1, 245].

---

[1] Отсюда из других писаний преподобного Нила.

34. Падая — воздыхай, и преуспевая — не надмевайся. Не величайся тем, что ты безукоризнен, чтобы вместо благолепия не облечься тебе в срамоту.

35. Некто из благоискуснейших, ведя речь о смирении, пересказал и следующее: «Весьма благоискусный отец ударен был по ланите бесноватым, который был в сильном припадке безумия; и отец, немедленно обернувшись, подставил ему другую ланиту, с готовностью принять удар. Тогда бес, как молниею, пораженный смирением, вскричал и тотчас вышел из создания Божия» [1, 259-60].

36. Как опускающиеся в основание земли вырывают там золото, так нисходящие до златоподобного смирения износят из него добродетели [1, 266].

37. Святой Павел заповедует, *задняя убо забывая, в предняя* простираться (Флп. 3, 13). Кто так расположен, тот не столько превозносится тем, в чем преуспел, сколько смиряется тем, чего не достает против предположенного, прилагая попечение довершить недоконченное и не обращаясь к тому, что уже кончено; поскольку сделанное нередко надмевает легкомысленных до безрассудства, а требующее делания смиряет мысль неизвестностью, будет ли оно приведено к концу, и прежде, нежели совершено, причиняет печаль. Поэтому и Господь, предохраняя от поползновения к самомнению восшедших на высоту добродетели, говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Хотя не препятствует радоваться, что долг исполнен, однако же не дозволяет думать о себе высоко. Ибо говорит, что отдан долг, а не произвольный принесен дар [2, 112-13].

38. Гордость надмевает мысли до напыщенности, научает пренебрегать всякого человека и с презрением смотреть на соестественного себе, как на нечто ничтожное, до безумия доводит высокопарный помысл, внушает мечтать о равности Богу, не признает Промысла и попечительности Всеблагого Бога, полагает, что, как должное за дела, получает все милости, какими пользуется, не хочет видеть Божия содействия в том, что

делает и в чем успевает, почитает себя достаточною на всякое доброе дело, по самомнению думает, что на все имеет силы, будучи вовсе бессильною. Она — водяной пузырь, надутый суетным о себе мнением, который, если только дунуть, обращается в ничто [2, 184].

3

Увещательные главы

(ч. 2, 233 и далее)

1. Имей страх Божий и любовь к Богу и поступай со всеми по чистому свидетельству совести.

2. Веруй, что Сам Бог предстоит тебе при всех делах, какие каждодневно ты делаешь.

3. Бегай похвал, но стыдись и укоризн.

4. Радуйся, когда делаешь добродетель, но не превозносись, чтобы не случилось крушение в пристани.

5. Чем более преуспеваешь в исполнении закона, тем более признавай себя далеким от совершенства.

6. Всякого дела конец исследуй прежде его начинания.

7. Ночью и днем взирай на последний свой день, и никакая любовь к настоящей жизни не привяжет тебя к земле.

8. Не связывайся с тем, кем, как видишь, гнушаются добрые.

9. Делаешь ли что или говоришь, или любомудрствуешь, старайся никому не быть во вред.

10. Не увеселяйся цветами жизни; это — цвет травный; как только коснешься его, увядает.

11. В скорбях благодари, — и легче станет грехов твоих бремя.

12. В искушениях будь тверд; ибо они многих и из великих обличили (в нетвердости или неблюдении себя).

13. Не порицай Божия долготерпения; ибо оно — общее врачевство.

14. Возненавидь нестроение жизни (людской), но не вини в нем Бога.

15. Будем внимать себе, — тогда не станем осуждать других; ибо в нас самих много такого, за что осуждаем других.

16. Псалом молитвенный да будет всегда в устах твоих; ибо одно произнесение имени Божия в бегство обращает демонов.

17. С трезвением да будет молитва наша, чтобы не просить у Бога того, чем Он недоволен бывает.

18. Памятуй всегда о Боге, — и небом сделается ум твой.

19. Обуздывай око; потому что, если не присмотришь за ним, оно кружится туда и сюда.

20. Береги язык; ибо он часто выносит наружу то, что лучше было бы утаить.

21. Возделывай ум поучением в законе; потому что непрестанное поучение в нем искореняет худые помыслы.

22. Добродетели скрывай, но старайся иметь многих свидетелей жизни своей.

23. Возненавидь услаждения плоти; потому что они с телом и душу делают нечистою.

24. Давай плоти одно то, что потребно, а не то, чего желает она по похоти.

25. Не люби жить в удовольствиях; потому что это привязывает к настоящей жизни, а от того и другого порождается вражда на Бога.

26. Отвращайся от радостей житейских; потому что от них поскользаются и падают текущие (путем жизни).

27. Богатство, если имеешь, расточай, а если не имеешь — не собирай.

28. Пост почитай оружием, молитвы — стеною, слезы — банею.

29. В чем ни согрешил ты, о всем воспоминай со стенанием; ибо от этого бывает в душе постоянное умиление.

30. Утешай бедных; ибо они милостивым к нам делают Судию.

31. Приобщайся нуждам святых; ибо через них бывает общение и с Богом.

32. В церковь входи как на небо, — и в ней не говори и не помышляй ни о чем земном.

33. Иметь вдоволь потребное для жизни признавай необходимым; но попечение о том предоставь Богу.

34. Изнуряй плоть добрыми трудами, но позаботься, чтобы она совсем не пала (под тяжестью их).

35. Вина пей как можно меньше; чем более умаляется мера его, тем благотворнее бывает оно для пьющих.

36. Укрощай гнев; потому что, выходя из меры, делается он отцом неистовства.

37. В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвою.

38. Иереев всех почитай, к добрым же прибегай.

39. Люби Божие домы, но и себя устрояй в дом Божий.

40. Учащай в церковь; потому что она избавляет нас от бури и треволнений внешних.

41. Что на земле, то временно; не печалься же, если что такое отъемлется у тебя.

42. Когда найдет на тебя помысл сладострастия, противопоставь ему стыд пред людьми и оскорбление Богу.

43. Заграждай слух и очи; потому что через них входят все стрелы вражеские.

44. Когда молишься, возводи помысл к Богу; и если он, развлекшись, низойдет долу, опять туда же возводи его.

45. Ум не перестает порождать помыслы; но ты худые изгоняй, а добрые возделывай.

46. Радуйся смирению; ибо порождаемая им высота велика и пасть не может.

47. Подвизайся столько, сколько нужно, чтобы подавить движения плотские; и если изнеможешь, дай льготу телу не для услаждения, а для здравия.

48. Худые помыслы отгоняй другими — добрыми.

49. Помышляй о благолепии небесных благ, и не войдет в тебя никакое пристрастие к земле и к земным наслаждениям.

50. Верь, что худые помышления суть диавольское насеяние; от этого они прекратятся и сеятель посрамится.

51. Берегись наиболее слуха; ибо он делает душу рассеянною и небрежною, а душа небрежная легко свергает с себя узду закона.

52. Душу надо разделить на дела и молитву (то есть чтобы она была то за делом, то на молитве); тогда не много входов найдет к нам диавол.

53. Если простираешь руку к работе, то пусть язык поет, а ум молится; ибо Бог требует, чтобы мы всегда памятовали о Нем.

54. Молитвою осеняй всякое свое дело, а наипаче то, при котором видишь помысл сомнящимся.

55. Если хочешь, чтобы дела рук твоих были божественны, а не перстны; то приобретаемое ими пусть будет у тебя общим с нуждающимися.

56. Радуйся посещению святых, потому что через них является Бог.

57. Истинно святых отличай по делам; потому что всякое дерево познается по плодам.

58. Старайся всегда пользоваться чем-либо, видя святых; наблюдай их взгляд и себя держание, потому что весьма полезно то и другое.

59. В сердце подвизайся держать незлобие, а в теле — чистоту; ибо то и другое соделывает тебя храмом Божиим.

60. Так храни храм свой, как храм Создавшего тебя и судить имеющего, и все устрояющего к тому, чтобы ты — образ Его — был чист.

61. Беседы с людьми мирскими отлучают помысл от Бога; поэтому не только сам не разговаривай с ними, но и разговаривающих отклоняй от этого.

62. Когда поносят тебя, смотри, не сделано ли тобою что достойное поношения; если не сделано, то считай это поношение дымом, быстро исчезающим.

63. Без сокрушенного сердца невозможно освободиться от страстей; сердце же приводится в сокрушение трояким воздержанием, разумею воздержание от сна, от пищи и от телесного покоя.

64. Если чем обижен, прибегай к терпению, — и вред перейдет на обидевших.

65. Когда увидишь богатство или славу, или мирскую власть; помысли о непрочности, — и избежишь приманки.

66. Терпи скорби; потому что в них, как розы в тернах, зарождаются и созревают добродетели.

67. Ничего не почитай по достоинству равным добродетели, потому что она есть лик Божий; почему неизменна, как и Он.

68. Плачь о грешнике благоденствующем; потому что меч правосудия висит над ним.

69. Матерью зол почитай леность; потому что она блага, какие имеешь, расхищает, а каких не имеешь, приобрести не допускает.

70. Когда делающий худо не стыдится этого, тогда язва утяжеляется, — и падение идет к отчаянию.

71. Всякий раз, как возмалодушествуешь, помысли, какие блага уготованы верным, — и плод духовный (обвеселение) скоро придет к тебе.

72. Верному надлежит смиряться пред всеми; ибо смиряться только пред некоторыми — значит иметь смирение ложное.

73. Ничего не предпочитай любви к ближнему, кроме тех случаев, когда из-за нее презирается любовь к Богу.

74. Ни к кому не привязывайся и не пристращайся вопреки Божию закону; ибо кто предпочитает кого-либо Богу, тот ставит Бога менее его достойным.

75. Не защищай злых, потому что через это ты их поощряешь на худое и себя оскверняешь, приобщаясь к делам их.

76. Вразуми согрешающего, но не осуждай падающего; ибо последнее есть дело злоречивого, а первое — желающего исправить.

77. Старайся всегда слышать и говорить о делах святых; потому что это возбуждает душу к доброму соревнованию.

78. Если сердце для каждого из нас есть домашняя церковь, то в нем должны мы совершать и церковные службы.

79. Если в церкви совершается служба, иди на нее; а если не совершается, (по пении) прочти апостольское благовестие, — и иди (на дело свое).

80. О славе добродетелей суди по святым; потому что слава их и по смерти бывает бессмертна.

81. Зло возненавидишь, когда убедишься, что это демонский против нас сверкающий меч.

82. Если вразумляешь падшего, то состраданием растворяй слова твои; тогда и уши его умягчатся, и сердце просветится.

83. Когда говоришь со святыми, вопрошай о духовном; а когда не со святыми, не говори об этом.

84. Добрые дела делать всегда поспешай, чтоб, оставив их, не отойти отсюда полусовершенным.

85. *Тако тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24), то есть без остановки; потому что вслед добродетели тещи должно, пока не сойдем с поприща жизни.

86. Не будь малозаботлив о делании заповедей; потому что у таких бесполезно прилагается труд на труд.

87. В терпении упражняйся и прежде нужды в нем; чтобы и во время нужды найти всеоружие его готовым.

88. Борись со злыми помыслами и говори им, что говорится в законе (то есть в Слове Божием против них).

89. С великим старанием отводи око от жизни сей; потому что злой из нее дым делает душу возмущенною.

90. Если овладела тобою худая какая привычка, отсекай ее понемногу, — и без большого труда терние это извлечешь из души.

91. Бога чистого люби чисто; и все считай низшим Его, Сущего над всем.

92. Если желаешь быть храмом Божиим, то приноси Богу непрестанную молитву, как жертву непрерывную.

93. Живущего нерадиво не бери в советники; потому что, любя худое, не может он советовать доброе, когда не любит его.

94. Воздерживайся от всего тленного, — и каждый день причащайся Таинственной Вечери; ибо таким образом Христово Тело бывает нашим.

95. Когда чем-либо наказываем бываешь от Бога, не ропщи; потому что Он наказывает, как Отец, и достоин благодарения, как Благодетель.

96. Когда потерпишь бесчестие, радуйся; ибо если это несправедливо, то велика тебе награда за то, а если справедливо, то, уцеломудрившись через то, избавишься от бича наказания.

97. Тени и колесу уподобляй житейские скорби и радости; потому что они не стоят, как тень, и вращаются, как колесо.

98. Старайся всегда преуспевать по Богу; ибо прилагающий и малое к малому в короткое время собирает доброе богатство, всеми искомое.

99. Если желаешь избежать болезненного мучения, никого никогда не злословь; ибо сим огорчается Божество.

100. Если желаешь отвратить от дома твоего всякий бич наказания, не злословь человека, — соестественника тебе; ибо Создавший его справедливо сим огорчается.

101. Если хочешь быть выше всякого греха, то не разведывай о чужих делах; ибо много и в тебе есть такого, в чем повинным предполагаешь другого.

102. Бегай гордости, человек, хотя ты и богат, чтобы не иметь противником себе Бога.

103. Возлюби смиренномудрие, хотя ты и велик, чтобы вознесену быть в день суда.

104. Не насмехайся над человеком, и во всю жизнь не потерпишь насмешки.

105. Когда ты в церкви, не пари умом; ибо стоящие пред Царем не смеются и не предаются рассеянности.

106. Твердо-натвердо запомни сказанное, — и это соделает тебя славным по жизни.

107. Ревнуй о досточестной жизни, чтобы иметь тебе дерзновение исправлять согрешающих.

108. Обуздывай продерзость, никого не порицай, — чтобы не быть осуждену, как возвысокоумствовавшему.

109. Не смейся над падением другого, чтобы не быть осмеянным, от кого не желаешь.

110. Соблюдай увещания сии, — и это доставит тебе венец славы.

111. Будь исполнителем этих заповедей, — и они соделают тебя славным пред людьми и благоугодным Богу; ибо сим благоугождается Бог, и такими преспеяниями воздается Ему истинное служение.

112. Старайся преуспевать всегда в добрых делах.

113[1]. И воин, если не будет обучен прежде долговременным упражнением, и испытан в трудах и битвах, показав на опыте, что одерживает победу над врагами, не прославляется.

114. Тем паче у Небесного истинного Царя никто не удостаивается приять небесные дары Святого Духа, если не будет предварительно упражняться в изучении святых заповедей, и таким образом не приимет небесного орудия самой благодати и не вступит в борьбу с духами злобы.

115. В какой мере преуспевает кто в духовном подвиге, в такой восходит на высоту таин Духа и утаенных сокровищ премудрости.

116. И в какой мере обогащается благодатью, в такой преуспевает в познании умышлений злобы, при помощи Владыки.

Ему слава и держава во веки! Аминь.

(В Patr. gr. первыми главами в этих «Увещательных главах» стоят нижеследующие, — и после них уже следует: «Имей страх Божий...» и проч.).

1) Начало спасения есть — самого себя осуждение.

2) Лучше камень бросить наобум, чем слово.

3) Будь ко всем таков, какими всех желаешь видеть к себе.

4) Правду являй более делом, чем словом.

5) Благочестив не тот, кто многим милость оказывает, но тот, кто никого не обижает.

6) Лучше спать на земле на древесных листьях с дерзновением (спокойною совестью), чем без этого на золотой постели.

7) Сладок тот друг, который питает душу.

8) Воспевай Бога словами, поклонение Ему воздавай делами, — а мыслию и сердцем благоговеинствуй пред Ним.

---

[1] Этим кончаются «Увещательные главы» в Patr. gr.; перевод Москов. Акад. прибавляет из рукописи, которой пользовался, еще следующие главы.

9) Иереем делает разумность, добрая жизнь и благородство (чувств).

10) Самое худшее дело есть раболепствовать всему срамному.

11) Словом изучай добродетель, а проповедуй о ней делом.

12) Не иметь только добродетель почитай делом прекрасным, но иметь ее как должно.

13) Почитая закон, и жить будешь по закону.

14) Странник тот, кому чуждо все мирское.

15) Богатому не льсти, но и не раздражай его.

16). Тело укрепляет вино, а душу — слово Божие.

17) Яства употребляй не сладкие, а здоровые.

18) Желая угодить толпе, толпе подобен будешь.

19) Паче всего умерщвляй тело свое.

20) Трудолюбив тот, у кого не бывает лишнего времени.

21) На Бога хулу изрыгать — грех непростительный.

22) От ушей и языка — великая беда.

4

Мысли, отводящие человека от тленного и прилепляющие к нетленному

(ч. 2, 246)

1. Путь к добродетели — бегство от мира, — путь благий и краткий.

2. Вожделевшему нетленного надлежит ни во что вменять все тленное.

3. Если желаешь истинной жизни, ожидай всегда человеческой смерти.

4. Возненавидь настоящую жизнь, ибо видишь, как беспорядочно вращается ее колесо.

5. Не вожделевай благ, которыми пользование проходит и обладание утрачивается.

6. Смейся над теми, которым во всем успех, и сострадай тем, которым во всем неудача; ибо это ведет к награде, а то — к любомудрию.

7. Подвизайся в терпении, какое, как знаем, показали мученики; потому что и от нас требуется мученичество совести (чтоб устоять в требованиях совести).

8. Всему предпочитай душу, и путь добродетели потечет тогда без труда; ибо все тленно, а душа бессмертна, тленному же надлежит предпочитать бессмертное.

9. Будь готов к скорбям, и большую от этого будешь иметь пользу.

10. Не проси у Бога приятного, но одного полезного; ибо первого, сколько ни проси, Бог не даст, если же и получишь его как-нибудь, оно скоро пропадет.

11. Не порицай нищеты; потому что она делает ничем не развлекаемым борца на поприще закона.

12. Не увлекайся богатством; потому что заботы о нем всего чаще отлучают человека от Бога и против воли.

13. Близок конец; готовься, ленивый, к бичам.

14. Недалеко до жатвы; очистим же от терния ниву души.

15. Ничто не сокрыто от Судии; и напрасно усиливаемся мы укрываться, греша.

16. Паче людей стыдись Ангелов, коих при нас много, и удаляйся от всякого срамного деяния.

17. Заботливо помышляй о весах Судии, — и выбросишь из дел жизни твоей все, что не может выдержать настоящего веса (на весах тех, — или что подложным окажется по причине примеси чуждых расположений, как оказывается подложною, например, золотая монета, не выдержав своего нормального веса, по причине примеси других элементов).

18. Почитай для себя ущербом праздность и покой, и спеши делать что-либо такое, что имеет быть потребовано от нас.

19. Помышляй всегда о непостоянстве настоящей жизни, и ничто в ней не в состоянии будет развлечь тебя.

20. Да не услаждают тебя земные радости, — временные; ибо это — уда, душу, как рыбу, приманивающая и уловляющая.

21. Против искушений стой, показывая потребное мужество.

22. Никогда не презирай проливающего слезы бедняка, чтобы не были презрены слезы твоей молитвы.

23. Любомудрие есть самое изрядное для людей стяжание; но, будучи единственно, оно и сопребывать хочет с единым стяжавшим его.

24. Добродетель — хитон Божий; его тки, — и будешь облачителем Одевающего всю тварь.

25. Наземное похищается татями; делай небесное, которое недоступно перстам похитителей (неухватимо перстами сими).

26. Отказываться должно от утех; потому что они вовлекают в дела, от которых после отрезвления бывают стенания.

27. Плотолюбивыми помыслами надобно всячески мерзить; потому что они, растлевая тело, и душу оскверняют.

28. И земные блага не без трудов достигаются; почему же из-за трудов уклоняемся мы от благ небесных?

29. Хочешь ли творить добродетель, не чувствуя труда? Держи в мысли, что труд этот временен, а награда за него вечна.

30. Все, истаявающие по безместным сластям, подумали бы о краткости наслаждения ими и о длительности наказания за него.

31. Все почитай тленным, и только добродетель нетленною.

32. Пренебреги всем, что делает человека скотоподобным, — и делай то одно, что может сделать тебя небесным.

33. Ревнуй о добродетели; потому что она через любомудрие богом являет Адама.

34. Удерживаешь чрево? Удерживай и язык, чтобы не быть одному рабом, а от другого свободником бесполезным.

35. Люби Бога, и к своим не будь привержен более, чем к Нему, чтоб, по слову Его, не оказаться тебе недостойным Его, хотя и не желаешь ты этого.

36. Терпеливо переноси скорби; потому что в них венец для ратоборцев.

37. Блаженно — терпеть зло, а делать — преокаянно; ибо терпящий его — наследник Христов, а делающий — сонаследник диаволу.

38. Добр хлеб поста; потому что нет в нем кваса сластолюбия.

39. Свят жертвенник молитвы; потому что привлекает к нам Святого святых.

40. Не считай справедливость приделием добродетели; потому что без нее всякое дело нечисто.

41. Если сеешь в нищих, сей свое; ибо чужое горче плевел.

42. Слеп милостивый, если он несправедлив; ибо возделывает поле, с которого не может собрать жатвы.

43. Всегда ожидай смерти, но не бойся (или поставь себя в состояние не бояться); ибо то и другое — истинные черты любомудрия.

44. Носи образ добродетели, но не для того, чтобы обмануть, а чтобы принести пользу видящим тебя.

45. Говорить надлежит о хорошем и тому, кто не делает хорошего, чтоб, устыдясь своих слов, начал он и делать.

46. Если истинно желаешь неба, то ничто же тебе и земля; ибо это не позволяет воспарять к тому.

47. Не желай разбогатеть ради нищелюбия; ибо Бог законоположил праведнику подавать милостыню *от сущих* (Лк. 11, 41; из того, что есть у него).

48. Если чаша студеной воды оправдывает милосердного; то какая награда ожидает расточающего все на бедных?

49. Чистота и сострадательность — матери добродетелей; потому без той и другой нельзя ввоиниться Христу (или воинствовать под Христом).

50. Не неради о сострадательности; ибо она благого Владыку низвела с неба.

51. Не пренебрегай чистоты; ибо через нее Соделавшаяся орудием воплощения (Пресвятая Дева) даровала людям воплотившегося ради нас Бога.

52. Не говори: отмщу врагу; ибо есть у нас на небе праведный Судия (и Отмститель).

53. Не желай ни жить в утехах, ни богатым быть, ни славиться; потому что это — житейская тля, а мы созданы не на истление.

54. Не плачь над умершим, это — общий путь; и блажен, кто достигает конца его (безукоризненно).

55. Плачь о грешнике, а не о нищем; ибо этот уготовляет себе венец, а этот — муки.

56. Смейся над колесом жизни, беспорядочно вертящимся; но берегись бездны, в которую низвергает оно засыпающих на нем.

57. С Богом беседуй много, а с людьми мало; но, поучаясь в законе, исправишь то и другое.

58. Благодетельная для души баня — слезы во время молитвы; но после молитвы помни, о чем ты плакал.

59. Не ублажай сильных мира; потому что *сильнии сильне истязани будут* (Прем. 6, 6); почему и Судию будут они иметь строжайшим к себе.

60. Адаму (то есть падшему человеку) трудиться положено (телом, невольно и безнаградно); но трудясь в законе, мы стяжеваем воздаяние.

61. Наследникам Евы необходимо скорбеть; но когда с благодарением переносим скорби, тогда клятва обращается нам в благословение.

62. В деяниях своих имей светильником совесть; ибо она показывает, какие из них добры и какие худы.

63. Осудим себя, — и Судия умилостивлен; ибо Он, как благий, радуется, видя, что грешник расточает бремя свое.

64. Если сделано нами что-либо нечистое, омоем это покаянием; потому что образ Божий должны мы представить в себе чистым.

65. Уврачуем душевные струны прежде обнажения их, чтобы сими врачевствами отвратить бичи наказания.

66. Как связанным неудобно ходить, так и сплетшимся с житейским нельзя чисто совершать течение добродетели.

67. Надлежит ненавидеть грех; ибо при этом, если и впадет кто в него, скорее выйдет из сетей его.

68. Кто не ненавидит греха, тот, хотя и не делает греха, причисляется к грешникам.

69. Стенай о ближнем грешащем, чтобы и о себе восстенать; ибо мы все повинны грехам.

70. Падшему другу напомни о Судии, — и свою намастишь через это греховную рану; ибо такой совет есть общее врачевство.

71. Намереваясь что-нибудь сказать или сделать, поимей в виду и ответ, который вскоре потребуется от тебя; и уцеломудришься под действием страха.

72. Бойся наказания за грех и цепеней при мысли о посрамлении из-за него; потому что тяжесть того и другого безмерна.

73. И лепота и множество будущих благ беспредельны, а настоящее — тень, дым, водяной пузырь.

74. Не сей зла, потому что жатва близко, — и возделывателя терний ожидает огонь.

75. Лицемеры, любостяжатели, сластолюбцы — розы мира этого; но пождешь немного и видишь (вместо роз) траву истоптанную.

76. Всякое худое дело оружие против нас дает диаволу; но он, вооруженный им, жестоко обходится с вооружившими.

77. Хочешь ли привести в изнеможение врага? Отсеки грех, — и можешь тогда издеваться над ним, как над ощипанным воробьем.

78. Горе нечестивому; ибо, когда все просвещаются, он мраком покрывается.

79. Горе богохульнику; ибо свяжется у него язык пред лицом Судии, и он ничего не будет в состоянии сказать в оправдание свое.

80. Горе беззаконнику; ибо пойдет он к строгому Судии и праведному Законоположнику.

81. Горе любостяжательному! Богатство от него отбежит, приимет же его огнь.

82. Горе ленивому! Взыщет он времени, зле потраченного.

83. Горе высокомерному! Когда ляжет во гроб, узнает, кто он.

84. Горе блудолюбцу, осквернившему брачную ризу! Со стыдом извержен он будет из брачного чертога царского.

85. Горе бранчивому и с ним пьянице! С убийцами они вчинены будут и с прелюбодеями наказаны.

86. Горе предающемуся утехам в это короткое время! Откармливает он себя, как тельца, определенного на заклание.

87. Блажен, кто идет тесным путем; ибо он внидет на небо венценосцем.

88. Блажен, кто попирает утехи; ибо его трепещут демоны.

89. Блажен, кто чист в душе и нелицемерен в добродетели; ибо он будет судить мир, а не судим вместе с миром.

90. Блажен, кто неусыпен в молитвах, чтении и добpоделании; таковой не уснет в смерть.

91. Блажен, кто высокую имеет жизнь и смиренное мудрование; ибо он подражает Христу и со Христом совоссядет.

92. Блажен, у кого закон не сходит с языка; ибо от скинии такового никогда не отступает Бог.

93. Блажен многим благодетельствующий; ибо на суде найдет он многих защитников.

94. Блажен, у кого добродетель не поддельна; ибо лопата Судии посмеваема не бывает.

95. Блажен украшающий дела свои прежде появления огня, коим все искушено будет.

96. Блажен поспешающий к будущей жизни; потому что настоящее издает вонь тления и влечется к смерти.

97. Блажен, кто расточает собранное зло и чистым предстанет чистому Судии.

98. Но глава слова: душа, не неради! Потому что спустя немного станешь пред весами страшного судилища Христа, Бога нашего.

5

Подобные предыдущим мысли и увещания, извлеченные из других писаний преподобного Нила

1[1]. Похвально мужество добродетели и во время мира, но еще похвальнее доблесть ее во время наступившей брани [3].

2. Добродетель являет себя не только в том, что делает, но и в бедствиях, противоборствующих ей.

---

[1] Из первого слова к Евлогию монаху, ч. 1, 223. Цифры цитат указывают главы слова. Где нет цитат, те изречения взяты из главы вышеуказанной.

3. Бесстрастен, кто одержал победу, перенося страдание во многих бранях; а говорящий, что приобрел добродетель без брани, еще страстен.

4. Сердце, у которого нет брани, лишается возможности оказать добродетель; потому что добродетель получила название свое от доблестных подвигов, делом являемых на брани.

5. Будем решительно отревать услаждение помыслами, обращая на них весь гнев, чтобы иначе, с услаждением принимая помыслы, не сделаться нам сочувственными и к предметам их [9].

6. У человека небезмолвного душа борется с впечатлениями чувств, а любитель безмолвия, охраняющий чувства, борется с помыслами [12].

7. От благодати приявшие силу на подвижнические труды, да блюдутся от мысли, что имеют ее сами от себя естественно. Виновник всего доброго в нас есть Давший слово о заповедях; как и виновник всего худого — лукавый подлагатель прелестей. Поэтому какое ни сделаешь добро, приноси благодарение Виновнику добра; худое же, докучающее тебе позывами, относи к родоначальнику всего худого [15].

8. Конец же всякого труда (затруднения, скорби) — приноси благодарение Богу Благодателю, чтобы таким искренно принесенным благодарением посрамлена была злоба врага. Кто к делу присовокупил благодарность, тот будет иметь неокрадомым сокровище сердца, соорудив против греха двойную стену с бойницами.

9. Достоин похвалы тот муж, который с деятельною жизнью сочетал умственную, чтобы нива душевная, орошаясь из обоих источников, обильнее произращала добродетели. Ибо умозрение окрыляет умную сущность к созерцанию вещей совершеннейших, а деятельность умерщвляет *уды, яже на земли: блуд, нечистоту, страсть, похоть злую* (Кол. 3, 5). Поэтому препоясавшийся всеоружием деятельности и умозрения удобно уже наступает на демонское лукавство.

10. Демоны воюют с душою помыслами, а им, чувствительнее для них, противоборствует терпение; и они, видя этого

мощного предводителя битвы, с робостью вступают уже в борьбу.

11. Если хочешь успешно вести брань с полчищем демонов, то врата души своей (чувства) заграждай уединенным безмолвием и ухо свое прилагай к словесам отеческим, чтобы, научившись таким образом лучше распознавать терние помыслов, пожигать их гневом и отвержением.

12. Когда внимаешь советам отцов, будь не судиею их дел, но уразумевателем и изучателем изречений их.

13. У врагов в обычае внимание вопрошающего отводить на деятельность советующего, чтоб, настроив тебя быть строго разборчивым его судиею, лишить полезного от него совета [16].

14. Когда предлагается тебе совет, не отвергай его, хотя бы ты был и сам знателем.

15. Кто не допускает до слуха отеческую заповедь, тот прослушает и заповедь закона.

16. Не в удовольствие только свое беседуй о преспеяниях отцов, но требуй от себя быть и самым трудолюбивым делателем оных.

17. Трудолюбно старающийся познать, какой помысл какому подвигу противоборствует, будет искусным в борьбе с прелестью вражией.

18. Ведай, что вместо того подвига, которого в целой совокупности духовных твоих трудов недостает, вкрался похитивший его, обычно противящийся ему, помысл.

19. Помни: с благоразумием в подвижнических трудах хранить и сердце, чтобы забвение попечения о вещах лучших, похитив его, не предало в плен помыслам. Забвение о сем пленении сговаривается со злобою (врагом), чтоб, как скоро оно окрадет ум, она (злоба — враг) проворнее входила в него и расхищала его, как угодно.

20. Когда один любит выслушивать, как другой кого-либо поносит, тогда они оба служат орудиями двум духам, взаимно друг другу содействующим: ибо злослушание разжигает злоречие, и злоречие вызывает злослушание; и обе они на пагубу сердцу любят друг друга.

21. Заграждай слух свой от пересудов, чтобы не грешить двояко: и тем, что себя приучаешь к пагубной страсти, и тем, что других не удерживаешь от языкоболия [17].

22. Любящий насмехаться разбойнически окрадает душу лучших (его людей), клеветами прокапывая слабый слух.

23. Убегающий от языка, который злословит ближнего, и свое собственное прогонит злословие.

24. С приятностью слушающий злословящего ушами всасывает яд зверя (из бездны).

25. Ухо твое да не вкушает этого горького яда, чтобы и тебе не поднести другому такого же снадобья.

26. Не обморочивай слуха своего пересудами, чтобы, продав себя этой страсти, не стать тебе рабом многих страстей; потому что одна страсть, найдя для себя место в тебе, в то же гнездо (или стойло) введет и другие страсти; делается же рабом многих страстей владычественный ум тогда, когда, сопрягшись с какою-либо страстию, совсем отбрасывает подвижнические труды.

27. Что достойно в тебе зависти, то скрывай наипаче от завидующего [18].

28. Когда друг твой, считая унижением для себя добрую славу о делах твоих, уязвится завистью и даже вздумает некоторым укором омрачать ее, смотри, не уязвись и сам, попустив влиться в душу твою горькому яду огорчения. О том и забота у сатаны, чтобы его завистью разжигать, а тебя огорчением съедать.

29. Но смиримся лучше и большею таковых *честию* почтим (Рим. 12, 10), — стараясь и трапезою укротить озверившийся от ревнивости дух их.

30. Одного терпеливого пустынножителя-старца некто усиливался вывести из пустыни по причине глубокой его старости. Но старец сказал ему: «Перестань вынуждать меня к этому; потому что для меня — злодея — еще не кончился срок изгнания» [20].

31. Когда я просил его сказать мне слово в назидание, он ответил: «Трудолюбно взыщи прежде всего вкоренение страха

Божия в сердце, — и тогда внутри себя будешь всегда находить потребное слово, учащее человека разуму».

32. Сей же старец, будучи вопрошен о стяжании страха, сказал так: «Кто заботливо блюдет память о смерти, тот руководится сим и к страху суда».

33. Побуждаемый страхом, будь ежедневным собеседником Божественных Писаний; через собеседование с ними выживешь ты беседы чуждых помыслов.

34. Кто поучением в Божественных Писаниях собирает сокровище духовного ведения в сердце, тот легко изгоняет из него помыслы.

35. При ночном чтении на бдениях, слушая Божественные Писания, не будем оглушать слуха сном, ни предавать душу в плен помыслам; но жалом Писаний будем уязвлять сердца, чтоб, пришедши в сокрушение, восприять ревность о спасении и пресечь противную нерадивость.

36. Горящий любовию к Богу памятованием о небесном изгоняет из мысли всякое человекоугодие [21].

37. Свидетельницу дел твоих — совесть свою — не отсылай к помыслу, презирающему падение и сладкоречиво о нем говорящему.

38. Не угасишь телесных страстей, если к плоти своей не приложишь врачевства подвижнических трудов, сокрушающих его страсти. Не угасишь и душевных страстей, если не исполнишь прежде сердце твое плодами любви [23].

39. Страсти телесные ведут начало свое от естественных потребностей плоти, — и против них нужно воздержание; а страсти душевные порождаются от потребностей душевных, — и против них потребна молитва.

40. Любовь есть полнота бесстрастия, — изглаждение страстей: она приносит долготерпение, охлаждает кипящий гнев, внушает смирение, смиряет гордыню.

41. Любовь собственно ничего не имеет, кроме Бога; потому что Бог есть любовь.

42. Страхом Божиим облекись поверх страха мук вечных, — чтобы страхом огня геенского возжечь в себе неугасимую

горячность (к делу богоугождения) и скорее умудриться против злокозненности помыслов; ибо страх — начало премудрости [24].

43. По опыту изъясняющий обольщения помыслов не всеми познан будет, а только теми, которые сами опытны; потому что путь к ведению этого один для всех — опыт.

44. Училище опытного ведения есть жизнь деятельная, которую восприяв трудолюбнейше, и себя узнаем, и помыслы различать научимся, и Бога уведаем.

45. Силою для умирения помыслов твоих да будут дела; потому что деятельное премудрее знательного и говорительного, равно как и многотруднее; при деятельности слова сверкают, как молния, а когда нет дел, слова не сверкают силою дел.

46. Помыслы, избодая душевное око, ослепляют нас, чтобы мы и наилучшими из заповедей пользовались наихудшим образом [25].

47. Лютуют демоны на тех, которые отличаются повиновением своему отцу, и скрежещут на них зубами, потому что с повиновением они сопрягли и беспопечительное отречение от мира [27].

48. Тем, которые покорны своему отцу, демоны, всякие изыскивая предлоги, готовят огорчение на него, и в случае движения при сем гнева возбуждают на него серчание, а потом мало-помалу возгнетают и ненависть к нему за то, что он будто несправедливо наказывает и лицеприятен; делают это демоны для того, чтобы, разными способами поколебав душу, похитить ее из отеческих объятий.

49. Иногда демоны возвеличивают подвижнические труды в помыслах, а иногда уничижают их, как ни к чему не служащие, чтобы где вложить высокоумие, а где посеять отчаяние. Возвеличивают они труды тех, которых не могут довести до разленения, чтобы ввести их в высокоумие; а тем, которые не соглашаются вдаться в высокоумие, твердят одно то, что подвиги их ни к чему не служат, чтоб, приведя их через то в разленение, ввергнуть в отчаяние [28].

50. Когда помыслы возвеличивают наши подвижнические труды, тогда, отринув их с презрением, будем уничижать душу; а когда уничижают сии труды, как ни к чему не служащие, тогда сколько есть сил будем возвеличивать Христово милосердие [29].

51. В какой мере удручаешь свое тело, в такой же испытай свою совесть. Познавай себя самого, ощущая тайные расхищения помыслов, чтобы, оставаясь нечувствительным к тайным их окрадениям, не прийти нам в омрачение от мысли, будто бы добродетели пожинаются одною суровостью жизни.

52. Как не бывшее в деле золото, вложенное в плавильную печь, делается чище: так и новоначальный монах, переплавив нравы свои в обители, делается светлым посредством опытов терпения. Приказаниями братий обучается он послушанию, а наказаниями наказующего (аввы или старца) уготовляется иметь вкорененным долготерпение. И если он с радостью будет принимать оскорбления и возлюбит смирение в уничижениях, тогда, став выше противоположных тому страстей, начнет далее просиявать добродетелями, по мере более и более даруемых ему благодатью сил [31].

53. Ум тогда ощутит упокоение, когда, отсекши причины страстей, вступит в созерцание; а до отсечения страстей ощущает он и труд и опасности, нетвердою ногою исходя на борьбу с соперниками.

54. Старцы очень одобряют отшельничество, когда оно бывает в свое время, — то есть когда кто приступает к нему, усовершившись в добродетелях в общежитии. И такой пусть сначала испытает себя, может ли с успехом жить в отшельничестве? И если найдет сие для себя невозможным, по недостатку сил, пусть возвратится в общежитие, чтобы иначе, не имея сил противостоять ухищрениям помыслов, не лишиться рассудка [32].

55. Как плачущей вдове утешителями служат сыновья, так падшей душе утешение — подвижнические труды, которые рассеивают помыслы отчаяния, углубляют верующее покаяние, провозглашают милосердие Христово и заглаждают соделянные грехи.

56. Как молодой пес покушается унести хлеб у младенца, так лукавый помысл — разумение у сердца. Поэтому не как младенцы будем смотреть на лукавство противных сил, чтобы не предать им душу на расхищение.

57. Как сверкающий сонм звезд светлым делает небо; так истина божественных словес, как бы светильник внося внутрь, осиявает человека. Поэтому будем все носить один и тот же образ истины, потому что *Бог вселяет единомысленныя в дом* (Пс. 67, 7).

58. Как солнце светозарными лучами улыбается всей земле, так любовь светозарными деяниями приветствует всякую душу. Если приобретем ее, то угасим страсти и просияем до небес. Всякий труд совершишь, как скоро улучишь святую любовь; а когда нет ее, ни в чем нет успеха, — тогда и гнев свирепеет, и нравы грубеют, и к трудам по высокоумию примешивается тщеславие.

59[1]. Прежде должно побороться со страстями и со многим трезвением предать памяти, что было во время брани, и потом по испытанному на себе сообщать и другим правила борьбы и делать для них победу удобнейшею, сказывая наперед способы, как вести брань. Иные и одолели в себе страсти, может быть, долговременным строгим житием, но не знают способа победы, потому что, как в ночном сражении, не следили они за ходом всего дела, и ум их не познал вражеских злоумышлений [24].

60. Вкусивший безмолвия и начавший сколько-нибудь упражняться в созерцании не согласится связать ум заботами о телесном и, отвлекши его от духовного ведения, обращать к делам земным, когда он большею частью парит превыспренно [26].

61. Когда покорены страсти, ниоткуда не беспокоят уже враги, и оборонительных орудий не нужно употреблять в дело; тогда можно приступать и к возделыванию душ других. А пока самовластвуют еще страсти, продолжается еще брань с мудрованием плоти, не должно отымать рук от оружия, но непрестанно надлежит иметь их под руками, чтобы злокозненные

---

[1] Из подвижнического слова (ч. 2, 1). Цитаты – главы.

враги нашего упокоения не обратили в случай к нападению и не пленили нас без пролития крови [31].

62. Святой Моисей дает Израилю, когда он войдет в землю обетованную и потребит живущие там народы, такой урок: *внемли себе, да не взыщеши последовати им, по потреблении их* (Втор. 12, 30). Этот урок очень пригоден для тех, которые, по отсечении страстей, не обращают тщательного внимания на свое сердце. Ибо в таком случае начинают возникать в них, как некие отпрыски, образы давно бывшего; и кто дает им свободу часто западать во владычественный ум, не возбраняя им входа туда, тот снова откроет в себе приют страстям, после победы над ними, делая таким образом жизнь не безопасною от борений. Ибо страстям, когда они даже укрощены и, подобно волам, приобучены есть сено, свойственно, по нерадению укротителя, снова делаться дикими и приходить в зверскую свирепость [37].

63. *Проклят,* иже положит идола *в сокровении* (Втор. 27, 15). Не одно и то же: навсегда что-нибудь сокрыть в земле и положить в сокровении. Сокрытое в земле и не являющееся уже чувству со временем изглаждается и из памяти; а положенное в сокровении, хотя утаивается от посторонних, но, часто видимое положившим, обновляет воспоминание о себе. Таким, положенным в сокровении идолом, бывает всякий срамной помысл, образовавшийся в мысли и не изверженный, но втайне удержанный. Кто так делает, тот подвергается прописанной в законе каре; потому что лелеяние им помысла срамного есть то же, что поклонение идолу [38].

64. Не надобно давать доступ к сердцу представлениям, повреждающим помысл; потому что если сердце ввергнется в омрачение нечистых помыслов, то уже будто насильно и против воли увлекается к страстному делу [39].

65. Дух Святой написал жития святых, чтобы каждый из проходящих какой-либо образ жития возводился к истине подобными примерами [43].

66. Недавно еще освободившимся от мятежей мирских советовать должно пребывать в безмолвии (внутри стен обители

или дома), и частыми выходами не растравлять ран сердца через чувственные впечатления, и к старым кумирам греховным не привносить новых изваяний. Трудно это безмолвие для отрекшихся недавно от мира; ибо тогда память приводит в движение всю, хранящуюся в ней, нечистоту, не имев досуга делать это прежде по причине множества дел, непрерывно чередовавшихся. Но так бывает только вначале: со временем же безмолвие, вооружившись терпением, совсем освободит ум от смущения скверными помыслами [45].

67. Ум едва только уклонившихся от греха подобен телу, начавшему восстановляться в силах после долговременного недуга, для которого, как не укрепившегося еще совершенно, и маловажный повод бывает причиною возвращения болезни. Силы его еще слабы; почему должно бояться, чтобы не возвратилась страсть, если кто даст ей повод раздражиться, дозволяя себе кружиться в толпе народной. Окрепшим и возмужавшим подвижникам можно и сюда смело выходить на брань; а кто не в состоянии еще бороться, тот пусть в безмолвии, оставаясь дома, находит себе безбедную безопасность [46].

68. Когда бывает истинная внутри тишина и не только движения страстные, но и воспоминания о них утихают; тогда душа, мирно в себе пребывая, имеет возможность усматривать впечатленные прежде и кроющиеся в ней образы, вступать в борьбу с каждым из них и исторгать их из сердца. Когда же образы привходят одни за другими, тогда невозможно изгладить прежних отпечатков; потому что мысль занята новыми образами, которые при непрестанном втечении помрачают душевное зрение. Как желающие ложе реки увидеть сухим никакой не получат пользы, исчерпывая воду на том самом месте, на котором, по их мнению, лежит искомое ими; потому что опустевшее место тотчас вновь наполняется притекающею водою; а когда преградят течение воды сверху, без труда откроется дно, так как оставшаяся вода стечет сама собою и сухою оставит им землю для желаемого исследования; так, удобно бывает истощить впечатленные образы страстей, когда чувства ничего уже не доставляют отвне; когда же подобно потоку дают они новые

и новые впечатления, тогда не только трудно, но и невозможно совершенно очистить душу от страстных образов и движений [48].

69. Пророк повелевает *истребить семя от Вавилона* (Иер. 50, 16). Для нас в этом — совет истреблять образы, пока они еще во влагалищах чувств, чтобы, пав на землю сердца, не дали ростков и, напояемые дождем частого с ними собеседования, не принесли плодов зла. Другой же пророк даже ублажает тех, которые не дожидаются созрения страстей, но истребляют, пока они еще походят на младенцев, питающихся сосцами, говоря: *блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 9). Нечто подобное означает и сказанное Иовом: *мраволев погибе, занеже не имеяше брашна* (4, 11). Видно, что великий Иов, желая изобразить злокозненность страсти, изобрел для нее сложное наименование: (муравий и лев), составив его из имен самого сильного льва и ничтожнейшего всех тварей муравья; потому что приражения страстей начинаются тонкими помыслами, неприметно вкрадываясь наподобие муравьев, но после разрастаются и делаются для подвергающегося сим приражениям не менее опасными, как и нападение льва. Почему подвижнику надлежит побороть страсти, когда они приступают еще как муравьи, приманкою имея свою ничтожность; ибо если успеют достигнуть силы льва, делаются непреоборимыми и сильно беспокоят. Тут отнюдь не должно давать пищи; пищею же их, как говорено уже было неоднократно, служат посредством чувств входящие образы страстей, которые питают страсти, каждый вооружая против души своего кумира [49].

70. И в храме Законодатель устроил *окна решетчатая* (Иез. 41, 16), — означая сим, что вознамерившимся сохранить сердце свое чистым, как храм, подобно тому, как там решетчатыми окнами сделано, что ничто нечистое не могло входить внутрь, должно оградить чувства страхом будущего суда, как решеткою, которая преграждала бы вход вновь рождающимся и вторгающимся внутрь нечистым образам [50].

71. Кто, во время борьбы с раздражающим (страстные движения) зрением, в состоянии страхом угрожающих в будущем

наказаний привести себя в столь напряженное противоборство, с каким обуреваемый в море борется с волнами; тот без труда одолеет поборающих его, не чувствуя наносимых ударов, так что скажет: *биша мя, и не поболех, и поругашася ми, аз же не разумех* (Притч. 23, 35), то есть они били меня, думая наругаться, а я и не чувствовал ударов, потому что *стрелы младенец быша язвы их* (Пс. 63, 8); не обратил я внимание и на обольщение их, не показав и вида, что замечаю присутствие их [51].

72. Отрекаться от мирских дел нет пользы для тех, которые не остаются при своей решимости, но снова увлекаются и уступают помыслу, и часто возвращаются к оставленному, обличая тем пристрастие к тому, как жена Лотова, которая, озревшись вспять, стала столп слан, во вразумление подобных людей. Частые склонения к тому, от чего мы удалились, без сомнения повлекут вспять от неустановившегося еще доброго навыка, и, ослабляя стремление вперед, всецело опять привлекут к себе и заставят возвратиться к прежним худым делам. Старая недобрая привычка от этого еще более усилится и едва ли позволит снова возвратиться к начатому было привыканию в добрых нравах. Ибо от привычки происходит навык, а навык обращается в природу; превратить же и изменить природу трудно. Посмотри на душу, следующую своим привычкам, как она восседает на идолах своих, как пригвожденная к ним: *не могу,* говорит, *востати пред тобою, яко обычная женская ми суть* (Быт. 31, 35). И душа, с давнего времени упокоевающаяся делами житейскими, восседает на них, как на идолах, и прикована к ним так, что расстаться с ними не может и не хочет [53, 54].

73. Святые Божии убегали городов, зная, что обращение с людьми развратными гораздо тлетворнее заразительной болезни. Илия, оставя Иудею, обитал на пустынной и наполненной зверями горе Кармильской. Учителю сему подражал в пустыннолюбии и ученик его Елисей. И Иоанн жил в пустыне Иорданской, питаясь акридами и диким медом, в показание, как нетрудно удовлетворять потребностям телесной жизни. А может быть, и Моисей нечто подобное предвозвещал, давая израильтянам закон — собирать манну только на один день, чем

внушалось, что заботу о человеческом содержании должно ограничивать одним днем. Да и все святые, *ихже не бе достоин мир,* оставя обитаемую вселенную, *в пустынях скитались* (Евр. 11, 38), бегая благовидных человеческих пороков, чтобы силою их стремления, как потоком, не увлечься в общее течение мирской жизни пагубной [60, 61].

74[1]. Сотворены мы по образу Божию для того, чтобы сохранять в себе черты оного, и тем, которые взирают на нас, отличным житием представлять ясные признаки богоподобия. Я, говорит Бог, *милостив и щедр, долготерпелив и многомилостив* (Иоил. 2, 13), и соблюдаю правду. Вот черты Божеского лика. По ним узнается и душа, причастившаяся богоподобия и ставшая сродственною с Божеством. По любви к Богу возревновав о полноте совершенства богоподобного, и воспещаемая узами связующего ее тела, восприемлет она труды на труды в стремлении к очищению себя, пока преуспеет приобрести то, чем отличается Божеское естество — благость, долготерпение, доброту и человеколюбие. И является тогда она малым чим умаленною от Ангел (см. Пс. 8, 6) [45].

75. Кто убегает мирской мятежности, не допускает себя до тревог житейской суетности, уклоняется от сообщества с людьми легкомысленными и необстоятельными, дома большую часть времени проводит безмолвно в молитвах, в изучении словес Божиих, при редких выходах из дома виден степенным, кротким, не раздражающимся, сострадательным, братолюбивым; такого кто не назовет подлинно Божиим ревнителем, истинным образом и подобием Бога, озаренным божественными лучами Божией благости, и свое Богу уподобление светло проявляющим добродетелями, как привлекательнейшими какими цветами.

76. Вот отличительные черты Бога, и человека, ревнующего об уподоблении Богу: тихость, незлобие, негневливость, независтливость, благотворительность, сострадательность,

---

[1] Из Слова к анкирской диакониссе Магне (ч. 2, 97). – Цитаты – главы. Где нет цитат, там вышеуказанная глава.

непамятозлобие, добролюбие, доброта, почтительность, блюдение пользы других, общительность, услужливость, нелюбочестие, — коротко сказать, все, в чем обилие благости являет Бог, Который *солнце Свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя* (Мф. 5, 45). По сим чертам узнается старающийся быть подражателем Богу [47].

77. Достаточно было бы и этого указания, чтобы благопокорных научить совершенной жизни; но, зная, как иные с трудом приводятся к тому, святой Павел многими внушениями старается искусно отвлечь нас от суеты, возбуждая ревность нашу разными похвальными наименованиями. То говорит он: *храм Божий есте* (1 Кор. 3, 16); то: *якоже чада света ходите* (Еф. 5, 8); то: *достойне благовествованию Христову жительствуйте* (Флп. 1, 27); то: *телеса ваша удове Христовы суть* (1 Кор. 6, 15); в одном месте называет нас святыми и непорочными (см. Еф. 1, 4), а в другом — неповинными и целыми, чадами Божиими непорочными (см. Флп. 2, 15). Обо всем этом говорит он как о находящемся в нас, хотя того нет еще в нас, — с тою целью, чтоб, ужаснувшись, как бы такие похвалы не обратились нам в укоризну и посмеяние, если не оказываемся такими, возревновали мы всею ревностью соделаться и пребывать такими. Почему святой апостол не ограничивается одними сими похвалами, но прописывает и разные способы и меры, как можем мы «достигнуть» *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

78. Прежде всего требует он, чтобы мы умерли и распялись для мира, так чтобы нимало не ощущать ни наслаждений, ни скорбей мирских. *Умросте бо,* говорит, *и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе* (Кол. 3, 3), желая показать, как живут совостающие с Христом, вышних взыскующие и горняя мудрствующие (см. Кол. 3, 1-2) умершие от стихий мира, и не живущие уже более по ним. Еще говорит он: *представляйте себе Богови, яко от мертвых живых* (Рим. 6, 13), желая, с одной стороны, чтобы мы умерли именно тому, чем в действие приводятся страсти плоти, похотствующей на духа, с другой же повелевая жить тому, чем совершаются дела добродетели в

благоугождение Богу. Поэтому-то и жертвою живою именует умертвивших уды, яже на земли (см. Рим. 12, 1; Кол. 3, 5), и ходящих *во обновлении жизни* (Рим. 6, 4), не к худу движимых, по жертвенном умерщвлении, и не праздными пребывающих для добрых дел; потому что, будучи жертвою живою, не утратили на то силы, но как цветущею и юною пользуются ею против враждебного издавна мудрования плоти, не увлекаемые уже сими неразумными пожеланиями, так как совершенно перешли из телесной жизни в духовную, и живут не плотью, но духом [48].

79. К тем, которые, быв обложены плотью, перестали уже быть тревожимы ее требованиями беспорядочными, говорит апостол: *несте во плоти, но в дусе* (Рим. 8, 9). Потому что грех не царствовал уже в мертвенном теле их, и не понуждал их насильственно слушаться собственных повелений, противовоюя закону ума и обычно пленяя их неким законом, сущим во удех; но восцарствовал закон духа жизни о Христе Иисусе, пленяющий их во всецелое послушание заповедям Христовым. В сем устроении они не услаждаются только лучшим по внутреннему человеку, но совершают его с готовностью отмстить телу всякое преслушание прежнее, допущенное в угодность ему, противоположными тому трудами ради добродетели. Какое же это отмщение и как совершается, сему так учит апостол: *якоже представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие: тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню* (Рим. 6, 19). Как велик этот труд, знают те, которые, будучи преобладаемы привычкою, принуждены бывают худой навык преобразовать в добрый. Велик труд, но не жалеющие себя преуспевают в этом благодатью Божией. После многократных отступлений и многократных устремлений вперед, возмогают они наконец совсем отступить от худых влечений, коим преданы были, и все расположение свое вполне обратить от худшего к лучшему, — чтобы все члены употреблять против враждебных страстей, сделав их из орудий неправды орудиями правды [49, перифраз].

80. Прилагайте попечение о движениях мысли, наблюдая, как производит она воспоминание о вещах, пристрастно или беспристрастно принимая в себя представление этих вещей. Многие уступают страстям больше в помыслах, чем в действиях, невидимо с ними соглашаясь и ими услаждаясь. Внутренне они падшие, хотя видимых падений за ними не водится. И бывает, что иной по наружности кажется совсем безукоризненным, — сам только сознавая укрываемую внутри гнусность и краснея от того, что невидимое противоположно видимому, истина противоречит почтенной наружности и заставляет совесть справедливо стыдиться. Такой чем отличается от гроба, когда душа его помышляет о недолжном и полна срамных чувств? Не хуже ли даже он гробов? Гробы не долго заключают в себе зловоние, пока в теле остаются еще влаги, но как скоро соки истощаются, пресекается и зловоние; сердце же, исполненное срамных помышлений, всегда внушает омерзение, будучи зловоннее гниющего тела, — и само только наслаждается собственною своею срамотою [53].

81. Как удовольствие и печаль следуют за пожеланием (то за исполнением его, а эта за неисполнением), а пожелание возбуждается ощущением (впечатлением от внешних вещей, или помыслом о них); то не допустивший этого последнего (впечатления, помысла) не дает места и первым (пожеланию и удовольствию или печали): подобно тому, как сокрушивший голову змеи, ущемленной во входе, за дверью оставляет все влекущееся за головою тело ее, которое без сомнения взошло бы свободно в дверь, если бы выставившаяся вперед голова нашла себе свободный вход. Таков закон внимания к себе, или трезвение [54].

82. Если кто вожделевает худое что, то удовлетворит ли он или не удовлетворит свое вожделение, то и другое одинаково вредно для него, — то есть как радость в первом случае, так и печаль во втором. Ибо печаль эта не *печаль по Бозе,* которая, по словам святого Павла, *покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10); и радость эта не о Господе радость, как радуются веселящиеся с доброю совестью (см. Флп. 4, 4). Эта

радость есть какое-то душевное обольщение, демоном внушаемое, как зависящая не от вкушения существенного блага, а от увлечения призраком его [55].

83. Вот отличительные черты того способа, каким добродетель приверженного к ней умудряет идти к возможному преспеянию. Преспеяние представляется не очень отдаленным, чтобы не показалось, будто бы добродетель хочет устрашать великим отдалением, но не стоит оно неподвижно, чтобы могло быть уловлено преследующими; и сие для того, чтобы он до смерти не прекращал своего усердия, но во всю жизнь усиливал рачительность, распространяя ее на все [58].

84. Если и времени целой жизни недостаточно для попечения о добродетели, и подвизающимся по причине противоборствующих членов потребна великая трезвенность, то, при рассеянии и переменчивости мыслей, как нам успешно совершить путь столь долгий и трудный, и охранить себя от козней противников, которые многочисленны и не видны, и в оружие против нас употребляют наши страсти и чувства, низлагают нас тем самым, чем Божия благость вооружила нас в защиту против них [59]? Поэтому необходимо быть внимательными и не увлекаться тем, что противникам нашим споспешествует против нас. Это же очевидно: что не содействует нам к успеху в нашем подвиге, то служит в пользу противникам [60].

85. Какими помыслами должны водиться намеревающиеся дать правильный ход своим мыслям? Внимай. Давид в одном месте сказал: *в поучении сердца моего разум* (Пс. 48, 4); в другом: *во оправданиях Твоих поучуся* всегда (Пс. 118, 16); и еще: *поучуся во всех делех Твоих, и в начинаниях Твоих поглумлюся* (76, 13). Делай так, — и вечно подвижный ум твой не будет иметь времени уноситься к ненадлежащему, но неотступно будет заниматься тем, углубление во что доставляет наслаждение и великую пользу, увеселяя чувство зрением, а душу созерцанием [61].

6

Увещание к монахам

(Из Patr. gr. Migne, t. 79, стр. 1236)

1. Неумеренность в пище пресекает пост, а блудную похотливость отражает самообуздание с молитвою.

2. Сребролюбие — матерь идолослужения — подавляет нестяжательность, заботу же о потребах тела отсекает надежда на Бога.

3. Блуждающий ум остепеняет чтение словес Божиих и бдение с молитвою.

4. Набег гнева укрощает благодушие и псалмопение.

5. Уныние прогоняют терпение и слезы, печаль же мирскую заставляет молчать отвращение от чувственных удовольствий.

6. Страннолюбие подается смиренномудрием и нелюблением любоначалия и преимуществ пред другими. Гордость же, — сие древнее зло, мерзость пред Господом, то, чему Бог противится, — усмиряет только безмерное смирение, говорящее: *аз же есмь земля и пепел* (Быт. 18, 27), и еще: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии... всуе бде стрегий* (Пс. 126, 1).

7. Как невозможно очистить мутную воду, не сделав ее неподвижною, так невозможно монаху узнать свое устроение внутреннее без безмолвия.

8. Как невозможно ратоборцу увенчаться венцом победы, не вступая в ратоборство, так невозможно быть христианином без подвигов.

9. Как невозможно чашам весов стоять ровно, когда одна обременена тяжестью, так невозможно исполнить заповедь Божию, когда преобладает плотское мудрование.

10. Как невозможно научиться искусству, не упражняясь в нем усердно, так невозможно стяжать молитву, не предстоя Богу в правости сердца.

11. Нестяжавший чистой молитвы не имеет оружия к брани.

12. Кто ходит нарядно, а между тем пуст от добродетелей Божиих, тот есть жилище демонов.

13. Как не станет жить в доме бедняка царь, так Христос не возобитает в душе, оскверненной грехами.

14. Как запущенное поле возделывается тщательным трудолюбием, так душа, одичавшая во грехах, укрощается, если станет жить по закону Божию.

15. Как камень, глубоко в море лежащий, недоступен приражению волн, так и преуспевший в добродетелях, и в них как бы погруженный, не будет поколеблен от диавола.

16. Как врач искусный тотчас придумывает врачевство для предлежащей болезни, так познание Бога, хранимое (в уме и сердце), научает причастника своего, как соблюсти себя (от падений) и на лучшее подвигнуться.

17. Как поток сам себе пролагает проход, так и грех, будучи воспринят, сам собою ведет стяжавшего его в пагубу.

18. Как оленю, попавшему в сети, нет удобства убежать, так не избежит греха и тот, кто похоти питает, вращаясь в мире сем; ибо похоти лукавые и сладкие суть неудоборазрешимые узы.

19. Как виноградную лозу, не дающую добрых плодов, срубают, чтобы не занимала понапрасну места, так и от Господа искоренится всякий, не творящий плодов Духа Святого.

20. Как невозможно человеку, пораженному стрелою, остаться без вреда, так невозможно монаху, приявшему худой помысл, не быть уязвлену от него.

21. Как человек, потерявший прямую дорогу, блуждает на чужой стороне, не зная, куда направиться, так блуждает и человек, не верующий в Единосущную Троицу.

22. Как человек, на многое разделяемый, един есть естеством, так и Святая Троица, хотя и именами и ипостасями разделяется, но естеством едина есть. Естества Божия не постигнешь, хотя бы ты и на крыльях воспарял к Нему. Бог непостижим, яко Творец наш.

23. Как уготовляемый сосуд не знает естества того, кто уготовляет его, так и человек не может познать естества Божия.

24. О Троице не испытуй, но веруй только и поклоняйся, ибо кто испытует, тот не верует.

25. Стяжите премудрость, а не серебро, сотворите себе паче светлое одеяние Христа, Господа нашего, нежели всякую виссонную одежду, потому что стяжания не принесут пользы в день смерти.

26. Как огонь поедает терние, так пожираем будет всякий грешник вечным огнем, но умереть не может; ибо будет мучиться бессмертно.

27. Ничего великого, если мы сделаемся праведными; ибо в таком случае мы станем лишь такими, какими созданы были от Бога вначале, добрыми зело.

28. Живущий не по естеству не соблюдает заповедей Божиих.

29. Вся мудрость в том, чтобы бояться Господа; всякая же наука, не учащая закону Господню, есть буйство и неразумие.

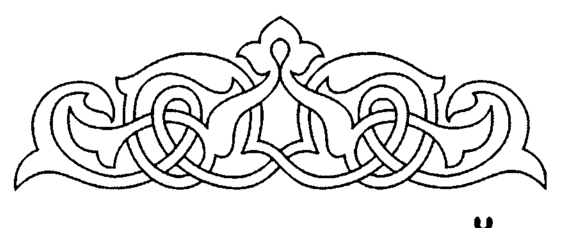
30. Не избавят от вечного огня вера и крещение без дел правды. Если ты сочетался со Христом, соблюдай заповеди Его, и если веришь в будущее, старайся заработать вечную славу и бойся меча огненного. Если же ты не соблюдаешь заповедей Божиих, то не называй себя верным.

31. Всякая тварь повинуется воле Божией; один человек дерзает не повиноваться Тому, *Имже вся быша.*

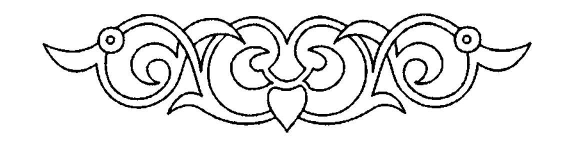
32. Богу ничего мы не доставим, если соблюдем себя чистыми, себе же самим стяжем жизнь вечную и наслаждение неизреченными вечными благами.

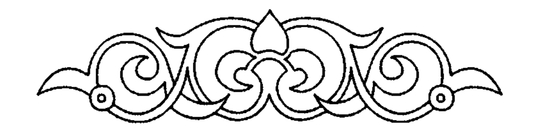
33. Не говори: не могу соблюсти заповедь Божию, по причине препятствия от отца или от матери, или от жены, или от чад, или от другого кого; ибо они не избавят тебя от гнева грядущего и от червя неусыпающего. Да будет же тебе всякий препятствующий тебе в стяжании Бога и добродетелей мерзостен и ненавистен; с таковым *ниже да яси.*

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕФРЕМ СИРИАНИН

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ЕФРЕМЕ СИРИАНИНЕ

Святой Ефрем родился в первых годах четвертого столетия в окрестностях Низибии или в самом городе сем от родителей не богатых. Родители воспитали его в страхе Божием; но лета юности увлекли его к некоторым преткновениям нравственным; от чего далее начало помрачаться и его верование в Божие Промышление, и ему стало думаться, что все в нашей жизни происходит случайно.

От этих душевных нестроений Божие Провидение уврачевало его очень чувствительным уроком. Его обвинили в покраже овец и посадили в темницу. В одно время с ним посадили туда еще одного, – а там нашли они третьего. Все они осуждаемы были, в настоящем случае, невинно. Проведя семь дней в этом заключении, святой Ефрем слышал во сне внушение, – что хотя в этом случае он не виноват, но страдает за прежние грехи; равно за прежнее же страждут и созаключенники его. Проснувшись, он рассказал сон другим двоим, – и все, пересмотрев прошедшее, нашли, что действительно ими прежде сделаны были недобрые дела подобного же рода, – и прошли даром. Судья оправдал святого Ефрема, как это предсказано было ему опять в видении сонном.

Это обстоятельство, восставив в сердце святого Ефрема полную веру в бдящее над нами Око Провидения Божия, так поразило его, что он немедля оставил мир и удалился в окрестные горы к отшельникам, где стал учеником святого Иакова, впоследствии великого святителя Низибийского. Под его руководством святой Ефрем упражнялся в подвигах благочестия, изучал слово Божие, и под влиянием того и другого совсем изменился в нраве. Вместо гневливого и колеблющегося сомнениями юноши святой Ефрем является здесь смиренным и сокрушенным пустынником, день и ночь оплакивающим свои грехи и совершенно преданным путям Провидения.

Святой Иаков, зная высокие достоинства своего ученика, и когда стал епископом, пользовался его способностями в деле управления Церкви, поручая ему проповедь слова Божия, обучение детей в училище, брал его с собою на Первый Вселенский собор в Никею и по возвращении делал соучастником в распоряжениях своих и молитвах об избавлении города от нашествия Сапора Персидского (337 года).

По кончине святого Иакова (338 г.) святой Ефрем вздумал посетить родину матери своей, город Амиду, находившийся тоже в Месопотамии, и пробыл в нем несколько времени. Оттуда повлекло его в Едессу желание поклониться тамошним святыням: ибо там хранилось ответное послание Христа Спасителя к Авгарю; оттуда сделался известен Нерукотворенный Образ Христов; там почивали мощи апостола Фаддея, просветившего верою царя, город и всю страну; а окрест города процветала иноческая жизнь.

Прибыв в этой город, святой Ефрем тут и остался. Не имея чем жить, он нанялся в работники у содержателя бани. Дело это не соответствовало его настроению и целям; но он ждал указания свыше, которое и не замедлило. Свободное от молитвы и лежавших на нем работ время он употреблял на беседы с язычниками. Во время одной из таких бесед случайно слушал его один старец из пустыни, который, судя по высокому достоинству этих бесед, справедливо заключил, что святой Ефрем не на месте. Почему, дождав конца беседы, вступил с ним в разговор и, узнав о его подвижнических стремлениях, предложил ему вступить в какую-либо из окрестных обителей, на что святой Ефрем тотчас и согласился.

Удалившись в горы, он нашел здесь все, чего искала душа его. Там много было великих подвижников, которых вся жизнь проходила в молитвах, псалмопенни и славословии Богу: они не имели другого убежища, кроме пещер; не употребляли и обыкновенной пищи, а питались единственно растениями. Видя все это, святой Ефрем со всем усердием восприял и себе такой порядок жизни, к трудам подвижническим и молитвенным приложив только неутомимое занятие изучением слова Божия. Душа его скоро сблизилась с этими любителями пустыни; но особенно подружился он с подвижником Иудианом, который одинакового с ним был сокрушенного духа, и одинаково любил изучение божественного Писания.

Непрестанно занимаясь изучением слова Божия, святой Ефрем почерпал из него умиление и мудрость. Но сокровища его познания по большей части оставались сокрытыми от других по смирению его и, может быть, потому, что они были еще плодом его собственных усилий умственных, а не особенного учительного дара, который не любит укрываться, но требует щедрого разлияния учения на всех.

Скоро ниспослан был сей дар, как открыто было тому же прозорливому старцу, который извлек святого Ефрема из города, в видении светлого Ангела, вложившего некую таинственную книгу в уста святого Ефрема. С этого времени душа его, напоенная живою водою ведения Бога и божественных вещей, начала изливаться неудержимым потоком умилительных наставлений. Согретые живым чувством и исходившие от полноты сердца, освященного благодатью Божией,

слова его были исполнены помазания духовного. Чудно плодились в устах его самые убедительные увещания, трогательные обличения самому себе и другим, мудрые правила и советы, и часто вдруг неожиданным полетом благоговейная мысль его возносилась к Богу, чтобы исповедать славу Его любви беспредельной, или просить у Него прощения грехов. Примеры и изречения библейские, опыты из жизни подвижнической, притчи и сравнения из царства природы – все было готово и являлось само собою в его простых, безыскусственных беседах.

Но не одни только нравственно-духовные и подвижнические уроки составляли предмет его творений. Немало потрудился он и в истолковании Святого Писания, и еще более в изложении догматов, преимущественно с тех сторон, против которых погрешали современные и предшествовавшие еретики.

В таких трудах прошла вся его жизнь, – и уже приближалась к концу, когда пришло ему желание повидать египетских подвижников и посетить великого архипастыря Каппадокийского Василия Великого. Взяв с собою ученика, умевшего говорить по-гречески, он достиг Средиземного моря и сел в корабль. Молитва и упование на Бога избавили его и плывших с ним от потопления. Гора Нитрийская приняла его как желанного гостя, и доставила ему утешение видеться с Великим Паисием, с которым провел он в беседе шесть дней, – с Иоанном Коловом и другими старцами. Кроме Нитрии он посетил и другие места, подвижниками населенные, и везде оставил по себе память сердечную, как о муже богопросвещенном, и сам вынес оттуда поучительные уроки о жизни и правилах скончавшихся и еще живых подвижников египетских.

На возвратном пути из Египта святой Ефрем вознамерился посетить Кесарию Каппадокийскую, чтобы видеть святого Василия Великого. Первое их свидание было в храме. Святой Ефрем вошел в храм, когда святой Василий Великий предлагал поучение народу, и получил удостоверение о высокоблагодатном состоянии его. Извещен был Духом Святым и Василий Великий о святом Ефреме и пригласил его к себе во святилище. После краткого здесь объяснения и взаимного приветствия, беседа продолжалась в доме, касаясь разных предметов. Кесарийский святитель хотел облечь святого Ефрема саном пресвитера; но смиренный едесский инок ни за что не согласился принять на себя сей сан и святой Василий мог только посвятить его в диакона, в пресвитера же посвятил ученика его. Впоследствии святой Василий присылал в Едессу двух учеников своих с приглашением святого Ефрема на кафедру епископа; но святой Ефрем притворным сумасшествием отклонил от себя эту честь, по смирению считая себя недостойным ее.

По возвращении в едесскую свою пустынь, святой Ефрем хотел остаток жизни провести в уединении. Но Промысл Божий еще раз вызвал его на служение

ближним. Жители города страдали в это время от голода. Святой Ефрем сильным словом склонил богатых облегчить страдания бедных, взяв на себя труд распоряжаться их пожертвованиями. Это был последний подвиг его для Церкви. По возвращении из города в горы он скоро заболел и, написав завещание, мирно скончался в 372 или 373 году. Скончался он на руках своих учеников и любивших его едесских жителей; при многочисленном стечении народа, клира и пустынников тело его предано было земле, но несколько времени спустя нетленные останки его перенесены были в храм.

Греческое Добротолюбие ничего не имеет из святого Ефрема. Мы считаем несправедливостью лишить свой сборник сокровищ его учения. Почему решаемся выбрать назидательнейшее из его творений под следующими оглавлениями:

1) Увещание к покаянию и содеванию спасения.

2) Уроки о покаянии.

3) Общее очертание жизни посвятивших себя на угождение Богу и содевание своего спасения.

4) О добродетелях и страстях.

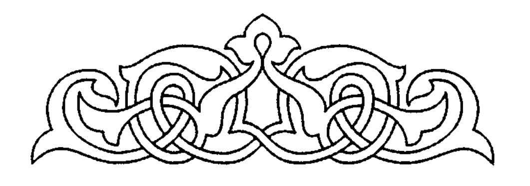
5) О борьбе с восемью главными страстями.

6) Общие уроки о подвижнической жизни.

7) Ко всему сему прибавляется, как перечень всех уроков – 50-е Слово: Советы подвижникам, с присовокуплением подобных же советов и из 55-го Слова.

[Выборки делаются по изданию писаний святого Ефрема, в ряду творений святых отцов. Первая цифра означает том, а вторая – страницу. Где нет цитат, там он – предыдущий].

ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ СВЯТОГО ЕФРЕМА СИРИАНИНА

1

Увещания к покаянию и содеванию спасения

1[1]. Придите, возлюбленные, займемся куплею, пока еще длится день купли. Придите, приобретем вечную жизнь, купим спасение душ наших. Возьмемся за прекрасную мысль, возжелаем Царства и рая.

2. Подвизайтесь в этот единонадесятый час; спешите, чтобы не остаться вне затворенных дверей. Вечер близко, и Мздовоздаятель идет с великою славою воздать каждому по делам его. Покаемся, братие, пока есть время.

3. Послушайте, что говорит Господь: *радость бывает пред Ангелы Божиими о единем грешнице кающемся* (Лк. 15, 10). Для чего предаешься нерадению, грешник? Для чего влагаешься в нечаяние? Если на небе бывает радость, когда каешься; то чего тебе страшиться? Ангелы радуются, а ты предаешься нерадению? Архангел возвещает покаяние, а ты будешь бояться? Нераздельная поклоняемая Троица призывает тебя, а ты воздыхаешь!

4. Поплачем немного здесь, чтобы не плакать там, вечно мучась. Пришествие Христово внезапно, как страшная молния. В оный час каждый восприимет по делам своим; каждый пожнет, что посеял. Все непокровенными предстанем судилищу Христову, и каждый даст Судии ответ за себя. В тот час никто никому не в состоянии помочь. Каждый со страхом и трепетом будет стоять в ожидании услышать Божий приговор.

---

[1] Из Умилительного слова – 1, 55-76.

5. Для чего оставляем в небрежении Святое Писание и слова Христовы? Слышите, что говорит Господь: *слово, еже глаголах, то судит* вам *в последний день* (Ин. 12, 48). Какое это слово? Святое Его Евангелие и прочие Святые Писания святых пророков и апостолов. Не будем же оставлять в небрежении написанного. Ибо *небо и земля мимоидет, словеса же* Христовы *не мимоидут* (Мф. 24, 35).

6. Приидите же, возлюбленные, ввергнем себя в море щедрот Божиих, пока не наступил тот страшный день. Сам Бог призывает нас: *приидите ко Мне вси... и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Всех приглашает; ибо всем хочет спастись. Не колеблись никто; ибо говорит — *грядущаго ко Мне не изжену вон* (Ин. 6, 37). А грядущий к Нему кто есть? Кто слушает слово Его и заповеди Его исполняет. Послушаем же и повинемся Ему: ибо *страшно еже впасти в руце Бога живаго* (Евр. 10, 31).

7. Покайся, грешник, с дерзновением взирая на безмерное человеколюбие Христа, рекшего: *не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 13). Покайся, пока время есть, чтобы не быть постыжену на Страшном Суде, где со страхом будут предстоять тысячи тысяч Ангелов и святых, — раскроются книги дел, и тайное сделается явным. Судия силен, судилище неумолимо, — дела пред глазами, — и огненная река. Размысли обо всем этом, и поспеши спастись.

8. Чего ждешь? Что у тебя в мысли? Другой разве кто будет отвечать за тебя? Не знаешь разве, что каждый сам за себя даст ответ Богу, — каждый пожнет, что посеял, — каждый понесет собственное свое бремя. Расточи же сие бремя грехов, пока еще есть время.

9. Однажды навсегда отрекся ты от сатаны и всех дел его, и при многих свидетелях вступил в завет со Христом. Помни об этом и не забывай. Ибо ведай, что в тот же час Ангелы записали слова твои, — и обеты твои, и отречение, и хранят то на небесах до страшного дня судного. В день Суда они принесут рукописание твое и слова уст твоих пред страшное судилище. И услышишь тогда: *от уст твоих сужду ти, лукавый рабе* (Лк. 19, 22). Будь же милостив к себе и пощади душу твою.

10. Посмотри на других, как они подвизаются, как стараются спастись, сколько употребляют усилий на всякое доброе дело, как оберегают себя от всего худого, как возлюбили путь узкий и тесный: постятся, бодрствуют, злостраждут и плачут, — уста их всегда воспевают и славословят Жениха, очи их всегда зрят красоту Его, и души их веселятся.

11. Подумай и смотри: се, Жених уже приближается. — Он грядет увенчать подвизавшихся законно и возлюбивших узкий и тесный путь; грядет помиловать милостивых, — сделать блаженными обнищавших и исполнить благ алкавших и жаждавших ради Его; грядет во свет привести *тайная тмы и объявить советы сердечныя* (1 Кор. 4, 5), — и *воздаст коемуждо по делом его* (Рим. 2, 6).

12. Наконец внезапно раздастся вопль: се, Жених! (Мф. 25, 6). Се, ожидаемая радость, похвала праведных, Солнце правды! *Се, Жених, — исходите в сретение!*

13. Тогда те, у кого светильники светло горят и чиста одежда, пойдут во сретение Его с весельем и дерзновением, радуясь и надеясь, что светильники их не угаснут. А с тобою — что будет? Примечая, что светильник твой угасает, в ужасе и скорби, обратишься ты к первым с прошением, — дать тебе несколько елея, и услышишь: поди к продающим и купи (см. Мф. 25, 9).

14. Пойдешь, — и не найдешь, где купить; ибо купля жизни уже кончена. Тогда в крайнем смущении, плача и сетуя, скажешь себе: «Пойду, ударю в двери милосердия Христова. Может быть, милосердый Господь и отворит мне их?» Идешь, ударяешь; но Жених изнутри ответствует тебе: *аминь глаголю* тебе: *не вем* тя (Мф. 25, 12). Отойди от меня, делатель беззакония. Ты не миловал, и не будешь помилован. Ты питал плоть свою, и запятнал одежду свою нечистотами; как же хочешь взойти сюда и осквернить Царство Мое? Ты выполнял волю диавола, Мою же волю отвергал; нет тебе части со Мною. Иди *от Мене... во огнь вечный* (Мф. 25, 41).

15. Слыша это, будешь стоять пристыженный. — В то же время дойдет до ушей твоих глас радования и веселья; узнаешь голос каждого из друзей своих и горько воздохнешь тогда,

говоря: Увы мне несчастному! Какой славы лишился я, и от какого содружества отлучен за злые и непотребные дела свои! Но воистину праведен суд Божий; воистину праведно терплю я такое лишение. Они жили воздержно, а я гонялся за всякого рода удовольствиями; они пели псалмы, а я распевал срамные песни; они молились, а я лежал в беспечности или гулял; они плакали, а я смеялся. Зато они теперь радуются, а я сетую; они веселятся, а я плачу; они будут царствовать со Христом в бесконечные веки, а я с антихристом ввержен буду во огнь вечный. Увы мне, несчастному!

16. Это и подобное сему будешь говорить тогда, терзаясь, и никакой не получишь от того пользы; потому что нет там пользы и в покаянии. — Восприимем же наконец попечение о спасении души: ибо это *едино же есть на потребу* (Лк. 10, 42).

17. Требует своего попечения и тело, но немного; о душе же попечение должно быть непрестанное; ибо душа всего выше. Состоишь из души и тела; и давай душе душевные снеди, а телу — телесные. Не дай душе умереть, но питай ее словом Божиим, псалмами, пением и песнями духовными, чтением душеспасительных писаний, постом, бдением, молитвами, слезами, надеждою и помышлениями о будущих благах. Все сие и подобное сему есть пища и жизнь для души.

18. По всему пространству Писания ублажаются одни идущие узким путем, вступившим же на путь широкий и пространный везде предсказывается горе. Оставим же путь широкий, ведущий в пагубу, и вступим на узкий, чтоб, потрудившись немного здесь, царствовать в бесконечные веки. Потрудимся, всегда имея пред очами Грядущего судить живых и мертвых, и непрестанно содержа в памяти вечную жизнь, нескончаемое Царство, ликостояние с Ангелами, пребывание со Христом.

19. Не увеселяйся цветами жизни. Пусть в устах у тебя будет всегда псалом; потому что произносимое имя Божие обращает в бегство бесов. Если и к работе простираешь руку, пусть язык твой говорит псалом, а ум молится. Сам Господь убеждает всех здесь приготовлять себя к другой жизни.

Так и будем делать; и если согрешим, преткнувшись, уврачуем то слезами, пока есть время покаянию. Время покаяния коротко; Царствию же Небесному нет конца.

20. Мы ублажаем святых и желаем себе их венцов, но не хотим подражать их подвигам. Или думаете, что они удостоились венцов даром, без трудов и скорбей? Угодно ли послушать, какое упокоение имели святые в жизни сей? *Избиени быша... проидоша в милотех... лишени, скорбяще, озлоблени...* и проч. (Евр. 11, 35-38). Хочешь вместе с ними вечно царствовать? Иди путем их.

21[1]. Отцы наши, как светила, осияли всю землю, пожив на ней среди терний и волчцев, среди еретиков и людей нечестивых, как многоценные камни и дорогие жемчужины. По причине высокого и чистого их жития самые враги сделались подражателями их. И кто не приходил в сокрушение, видя их смирение?! Здесь они подвизались, а там радуются; потому что и Бог прославлялся в них, и люди от них назидались.

22. Нашей же жизни течение, оставив прямые пути, идет по стремнинам и местам не гладким. Не видим человека, который бы ради Бога совсем оставил имение и для вечной жизни вполне отрекся от мира. Нет ни кроткого, ни смиренного, ни безмолвного. Никто не воздерживается от оскорбления, никто не терпит злословия; но все склонны ко гневу, любят прекословить, все ленивы и раздражительны, и заботятся о нарядных одеждах, все тщеславны и славолюбивы, все самолюбивы.

23. Слышим, что Сам Бог Слово за грехи наши пригвожден ко древу и умерщвлен, — и смеемся, предаваясь рассеянию. Солнце, не терпя поругания Владыки, изменило светлость свою во тьму; а мы не хотим выйти из тьмы нашей греховности. Завеса храма, нимало не согрешив, раздралась сама собою; а мы не хотим, чтобы сердце наше раздиралось сокрушением о грехах наших. Покаемся же наконец, братие, чтобы умилостивить Бога о грехах своих.

---

[1] Из Слова подвижнического – 1. 77-131.

24. Боюсь, чтобы день оный не застал нас внезапно, и чтобы мы, оказавшись нагими, бедными и негодными, не были отвержены. Ибо это самое было с жившими во дни ноевы: *ядяху, пияху, женяхуся, посягаху... куповаху, продаяху, саждаху, здаху,* пока не *прииде потоп, и погуби вся* (Лк. 17, 27-28).

25. Кто хочет спастись, тот ревнуй о спасении, и кто желает войти в Царство, тот не будь нерадив. Кто хочет избавиться огня геенского, тот подвизайся законно; кому не желательно, чтобы бросили его червю неусыпающему, тот трезвись. Кому желательно войти в брачный чертог и возвеселиться, тот заготовь светлогорящий светильник и елей в сосуде. Кто ожидает, что пригласят его на оный брак, тот приобрети себе светлую одежду.

26. Град царя полон веселья и радования, полон света и услаждения, и обитающим в нем, вместе с вечною жизнью, источает всякие утешения. Кому угодно жить в одном городе с царем, тот ускори свое шествие; ибо день преклонился, и никто не знает, что встретится на пути. Как иной путник, хоть знает, что длинен путь, но, прилегши, спит до вечера, а потом, проснувшись, видит, что день уже преклонился, и едва начинает шествие, вдруг — туча, град, громы, молнии и отовсюду беды, и он не в состоянии ни до ночлега дойти, ни воротиться в прежнее свое место: так и мы потерпим то же самое, если вознерадим во время покаяния. Мы — пресельники и пришельцы (см. Пс. 38, 13). Постараемся же вовремя войти в свой град и отечество.

27. Мы, братие, духовные купцы, — ищем многоценную жемчужину, которая есть Христос наш Спаситель, — некрадомое сокровище. Не будем же лениться, ища приобрести эту жемчужину. Блажен, троекратно блажен, кто поревновал приобрести ее; но крайне жалок и беден, кто вознерадел и сам приобрести общего нам Творца, и от Него быть приобретенным.

28. Не знаете разве, что мы розга истинной виноградной Лозы, которая есть Господь? Смотрите же, чтобы кто из нас не оказался бесплодным. Отец Истины, возделывая виноградник Свой, с любовию ухаживает за теми, которые приносят плод,

чтобы приносили еще больше плода; а кто не творит плода, тех посекает и извергает вон из виноградника на пожжение огнем. Будьте же внимательны к себе, чтоб, оказавшись бесплодными, не были вы посечены и преданы огню.

29. Мы также — доброе семя, посеянное Зиждителем неба и земли, Домовладыкою Христом. Вот приспело уже время жатвы, и серпы в руках у жнущих: они ожидают только мановения Владыки. Смотрите же, как бы не оказаться нам плевелами, не быть связанными в снопы и брошенными в огонь на вечное горение (см. Мф. 13, 30).

30. Не знаете разве, что Царь царствующих призвал нас на брак в чертог Свой? Почему же предаемся нерадению и не стараемся добыть себе светлую одежду и ясно горящие светильники, и елей в сосудах наших? Как не рассудите, что никто не входит туда обнаженным? А если поупорствует кто войти, не имея брачной одежды, то знаете, что таковой потерпит? По повелению Царя, свяжут ему руки и ноги и бросят его во тьму кромешную, где *плач и скрежет зубов* (Мф. 22, 13). Боюсь, чтобы плотские страсти не извергли из брачного чертога нас, приряженных только совне.

31. Какой отец столько сострадателен? Какой отец столько милостив? Какой отец так любит, как наш Владыка, изъявляющий любовь к нам, рабам Своим? Всем снабжает, все припасает с избытком, душевные наши язвы врачует, и долготерпит, оставляемый нами, желая, чтобы все сделались наследниками Царства Его; отпускает грехи грешнику, возбуждая его к усердию, скоро внемлет немощному, чтобы не малодушествовал. Он мог бы силою преложить нас на благое, но не хочет этого, чтобы наше произволение не лишилось похвал Его. Мы ли вознерадим о благоугождении Ему, когда Он так любит и милует нас? Он искупил и просветил очи ума нашего; Он даровал нам познание о Себе, дал вкусить сладости Своей, чтобы вполне взыскали мы Его. Блажен, кто вкусил любви Его; Он приготовил Себя через сие к непрестанному ее вкушению.

32. Кто не возлюбит такого Владыку? Кто не исповедует и не поклонится благости Его? Какое же оправдание будем мы

иметь в день суда, если вознерадим? Или что скажем Ему? То ли, что не слыхали или не знали, и не научены? Но *во всю землю изыде вещание Его* (Пс. 18, 5). Что надлежало сделать, и Он не сделал для нас? Не сошел ли Он для нас с безмерной высоты, из благословенного недра Отчего? Он — невидимый — не соделался ли для нас видимым? Он — Огнь бессмертный — не воплотился ли нас ради? Он — бессмертный — не умер ли за нас, чтобы нас оживотворить? Не погребен ли, чтобы нас воскресить с Собою? Он освободил нас от врага, связав его и дав нам силу наступать на него. Когда призывали мы Его, — и не услышал нас? Когда ударяли в двери, — и не отверз нам? Если же и медлил когда, то чтобы увеличить награду нашу. Приводя все сие на мысль, кто останется в нерадении и беспечности, оскорбляя тем такого Владыку?

33. Вникни и вот во что, брат! Тех братий, которые вчера были и беседовали с нами, сегодня с нами уже нет; они позваны ко Господу своему и нашему, чтобы каждый из них показал свою куплю. Видишь, что ***вчера*** и что ***сегодня:*** как ***вчера*** миновалось, подобно утреннему цвету; так прейдет и ***сегодня,*** подобно вечерней тени. Рассмотри же куплю свою, успешна ли она по Богу? Подобно скомороху бегут дни наши. Блажен, кто со дня на день приобретает большую прибыль от купли своей, и собирает в жизнь вечную. Ты же что нерадишь, возлюбленный? Что ленишься? Что упиваешься унынием (разленением), как вином?

34. Представь, что два путника, из которых каждый идет к себе в дом, встретившись друг с другом на дороге, когда застиг их вечер, остановились оба в обители (гостинице), до которой дошли, и по наступлении утра разлучились друг с другом; каждый из них знает, что у него в дому его, — богатство или бедность, покой или скорбь. То же и с нами бывает в этом веке; потому что жизнь эта подобна обители (гостинице), из которой, отходя в свое место, разлучаемся и знаем, что у нас впереди. Ибо каждому не безызвестно, что предпослал он на небо, например, молитву слезную или частое бдение, или сокрушенное псалмопение, или воздержание со смиренномудрием, или от-

речение от земного, или нелицемерную любовь и приверженность ко Христу. Если это предпослал ты, то дерзай; потому что отходишь в покой.

35. Тебе дается время на покаяние, а ты нерадишь о покаянии. Разве смерти скажешь: «Подожди, дай мне покаяться». Отрезвись же, возлюбленный, отрезвись. Как сеть найдет на тебя последний час, и тогда в ужасе начнешь вопить: «Увы! в рассеянности протекли дни мои. В неуместных помыслах иждил я время свое!» Но какая будет польза помышлять так в час смерти, когда уже не дозволяется тебе оставаться долее в веке сем? Теперь лучше вникни умом своим в слова сии, и соответственно силе их устрой жизнь свою.

36. Кто не станет плакать, кто не будет скорбеть, кто не придет в ужас от того, что Владыка вселенной и Сам и через рабов Своих, — пророков, апостолов, — проповедует и вопиет, но нет послушающих? Брак готов, взывает Он, *упитанная* Моя *исколена* (Мф. 22, 4). Жених со славою и великолепием восседает в брачном чертоге и с радостью принимает приходящих; дверь отверста, слуги изъявляют свое усердие. Пока не затворена дверь, спешите войти; иначе останетесь вне, и некому будет ввести вас. — И нет разумеющего; никто не прилагает старания; леность и заботы века этого, подобно цепям, оковали ум наш. Божественные Писания исписываем мы правильно и читаем правильно, а правильно их послушаться не хотим; потому что не угодно нам исполнять то, что в них повелевается.

37. Как среди ночи, когда род человеческий погружен в сон, внезапно бывают иногда с неба великий шум, и ужасные громы, и страшные молнии с землетрясением, и спящие приходят вдруг в ужас: так в оный час, подобно самой быстрой молнии, внезапно ужасающей всю землю, страшно вострубит с неба труба, пробудит спящих, восставит от сна усопших от века: небеса сии и *силы небесныя подвигнутся* (Мф. 24, 29), и вся земля, как вода в море, восколеблется от лица славы Его; потому что страшный огнь предыдет пред лицом Его, очищая землю от оскверняющих ее беззаконий; ад отверзет вечные врата свои, смерть упразднится, а согнившая персть естества человеческого,

услышав трубный глас, оживотворится. Тогда праведные возрадуются и преподобные возвеселятся; совершенные подвижники утешены будут за труд подвига своего; мученики, апостолы и пророки увенчаются. Блажен, кто сподобится в оный час со славою восхищен быть на облацех в сретение бессмертного Жениха (см. 1 Фес. 4, 17). Как здесь каждый возрастил крылья свои, так там воспарит в горняя; как здесь очистил каждый ум свой, так там увидит славу Его, и в какой мере возлюбил Его каждый, в такой там насытится любовию Его.

38. Воспомянул я об оном часе, — и содрогнулся; помыслил об этом Страшном Суде и пришел в ужас; помыслил о веселье райском и, восстенав, предался плачу и плакал, пока не осталось уже во мне силы долее плакать; потому что в лености и рассеянии провел дни свои, и в нечистых помыслах изжил годы свои, — и не уразумел, как унеслись, не почувствовал, как протекли они; оскудели дни, а беззакония мои умножились. Увы! Что мне делать в оный час, когда окружат меня знакомые мои, которые, видя меня в этом образе благочестия, ублажали меня, между тем как внутренне полон я был беззакония и нечистоты и забывал испытующего сердца и утробы Господа. Там действительный стыд, и жалок, кто там постыжден будет. Щедротами Твоими заклинаю Тебя, о Человеколюбивый и Благий, не поставь меня на левой стороне с преогорчевающими Тебя козлищами, не скажи мне: *не вем тя,* но по благоутробию Твоему дай мне непрестанные слезы, дай сокрушение и смирение сердцу моему, и очисти его, чтобы соделалось храмом благодати Твоей.

39. Умоляю единомыслие ваше, возлюбленные мои братия; постарайтесь благоугодить Богу, пока есть время; плачьте пред Ним день и ночь в молитве и псалмопении вашем, чтобы избавил Он нас от оного нескончаемого плача, и от скрежета зубов, и от огня геенского, и от червя неусыпающего, и чтобы исполнил нас радостью в Царстве Своем, в жизни вечной, откуда *отбеже печаль, болезнь и воздыхание,* — где всегда радость, и веселье, и восторг, и трапеза, исполненная духовных снедей, какую

уготова Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9). Блажен, кто сподобится ее; и жалок, кто лишится ее.

40[1]. *Богатый возглагола, и вси умолчаша, и слово его вознесоша даже до облак* (Сир. 13, 28). А нам глаголет Бог во Святых Писаниях, мы же не хотим умолкнуть и послушать; напротив того, кто говорит, кто дремлет, а иной кружится помыслами где-нибудь вне. Но что говорит Писание? *Уклоняяй ухо свое не послушати закона* Всевышняго *и сам молитву свою омерзил* (Притч. 28, 9) [1, 164].

41. Емлись за вечную жизнь, к которой ты призван, пред многими свидетелями исповедав доброе свое исповедание*: еще бо мало елико елико, Грядый приидет и не укоснит* (Евр. 10, 37) [1, 218].

42. Бойся Господа всею силою твоею и не соревнуй делам нечестивых; потому что *червь их не умирает, и огнь не угасает* (Мк. 9, 44) [1, 221].

43. Не верь лукавому, который внушает тебе обманчивые помыслы, говоря: «Еще ты молод, еще много лет должно тебе жить; потому теперь веселись и не печаль души своей, — в старости своей должно тебе приносить покаяние». Ужели ты так неразумен, брат, и не знаешь, что лукавый обманет тебя в этом? Если не каешься ты в молодости и в возрасте полном сил, когда в состоянии перенести всякий труд и выдержать подвиг, то, состарившись, не будешь ли представлять в предлог бессилия старости? А если еще в юности твоей похищен будешь отсюда, что тогда делать тебе? Поэтому оставь путь вражеский и послушай голоса истинного Владыки, Который сказал: *бдите убо* и молитеся*, яко не весте дне, ни часа* (Мф. 25, 13) [1, 220].

44. Приидет, приидет и не замедлит страшный тот час, в который мы, истязуемые, не будем иметь оправдания. Ибо что будем в состоянии ответить Господу? Что еще оставалось Ему сделать для нас, и Он не сделал? Не видели разве Бога Слово, смирившимся в образе раба, чтобы и мы сделались смиренными? Не видели разве недомыслимое Его Лицо оплеванным,

---

[1] Из разных других слов, отрывочно.

чтобы и мы, оскорбляемые, не ожесточались? Или не видели, как святой хребет Его предан был бичеванию, чтобы и мы покорно несли иго послушания? Или не видели, как Лицо Его было заушаемо, чтобы мы, уничижаемые, не приходили в ярость? Или не слыхали, как говорит Он: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), чтобы и мы стали кроткими и смиренными, а не завидовали друг другу, не угрызали, и не поедали друг друга? Какое же оправдание дадим мы Ему [1, 229]?

45. Знаю, что помиловал Бог многих покаявшихся; но большая часть из них грешила по неведению. Знаю, что простил Бог многих; но они многих имели пред Ним за себя предстателей. Читаю написанное о Корее и Дафане и прихожу в ужас, видя, как Бог наказал их за Моисея. Рассуждаю о том, что написано о Мариаме, сестре его, как она за одно слово, сказанное Моисею, вся покрылась проказою, — и содрогаюсь. Если такое постигло наказание за святого человека, то какое будет истязание за вечного Бога? Каин, убивший брата, подвергается столь долговременной казни; что же будет с оскорбившими Бога? Строг был приговор во время потопа, и боюсь, чтобы не подпасть одной участи с погибшими тогда. Бог прогневался за построение столпа, который не мог быть совершен, что же сделает за собственное падение? Я покаялся, но не знаю, умилостивил ли Бога? Умоляю и святых; но, может быть, не приемлются их молитвы; ибо слышу Иезекииля, который говорит, что ни Ной, ни Иов, ни Даниил не успеют в просимом ими (см. Иез. 14, 18) [1, 257-8].

46. Из Отчего недра снисшедший и сделавшийся для нас путем спасения, Господь Божественным гласом Своим воодушевляет нас на покаяние, говоря: *не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние* (Мф. 9, 13). Если бы я это говорил, ты мог бы не послушать меня. Но если говорит сие Сам Господь, то почему пренебрегаешь сим, нерадя о жизни своей? Если сознаешь в себе, что во внутренности твоей есть язва помыслов и дел, то почему нерадишь о сокровенных язвах твоих? Врача ли боишься?! Но Он исполнен благости и милосердия.

Для тебя пришел Он из Отчего недра. Для тебя воплотился, чтобы приступил ты к Нему без страха; для тебя вочеловечился, чтобы исцелить твои тяжкие язвы. И Сам призывает тебя к Себе с великою любовью и со всякою благостью [1, 295].

47. Отверста дверь покаяния; постарайся же, грешник, войти, пока она не затворена. Не будет она ждать тебя, если срок заключения ее, пришедши, застанет тебя пребывающим в нерадении. Почему возненавидел ты жизнь свою, несчастный? Что выше души твоей, человек? Но ты, грешник, пренебрег ею. Не знаешь, возлюбленный, в который час небесный Врач велит затворить дверь Своего врачевания. Приступи, умоляю тебя, постарайся исцелиться. Он хочет покаянием твоим обрадовать небесное воинство. Солнце достигло уже вечернего часа, и для тебя только медлит, чтобы ты достиг обители [1, 296].

48. Долго ли будешь терпеть нечистого врага своего, бесстыдно исполняя волю его? Он хочет ввергнуть тебя в огнь. Вот о чем его старание! Вот дар его тем, которые любят его! Он всегда воюет со всеми людьми, поражая их худыми и нечистыми пожеланиями, и он же, нечистый, покорившихся ему доводит опять до отчаяния, ожесточает сердце, иссушает слезы, чтобы грешник не пришел в сокрушение. Всемерно отвращайся от него, человек, питая ненависть и омерзение к тому, что ему любезно [1, 297].

49. Приступим, будем молиться, пока есть на сие время. Здесь, пока мы в этой жизни, всегда можем умилостивить Бога. Не трудно снискать нам прощение, пока благовременно для нас ударять в дверь Его милосердия. Прольем слезы, пока еще время принятию слез, чтобы, отойдя в тамошний век, не плакать бесполезно; ибо там ни во что не вменяются слезы [1, 299].

50. Почему небрежем о спасении? Почему не желаем исцелиться, пока есть еще время? Ради немногих слез, пролитых в это время, и ради покаяния Бог прощает все грехопадения. Поплачь немного здесь, чтобы не плакать там во век века во тьме кромешной. Будь благораскаян здесь, чтобы там не быть тебе ввергнутым в неугасимый огонь [1, 300].

51. Многие святые и праведные совлеклись этого мира и дел его по доброму произволению свободы и по благому упованию на заповеди Божии, убедясь, что насладятся Божиими благами в раю сладости. Возлюбив Христа, они предпочли Его всему тленному; почему ежедневно ликуют в Боге, просвещаются во Христе, непрестанно радуясь в Духе Святом. Веселится о них Святая Троица, веселятся о них Ангелы и Архангелы, веселится о них рай сладости [1, 301-2].

52. Другие же погрязли в тленном и уподобились почти бессмысленным. — Что делаешь ты, человек, проводя такую грешную жизнь? Бог создал тебя разумным: не делай же себя сам подобным бессловесным. Отрезвись сколько-нибудь и приди в себя. — Ради тебя пришел с неба Всевышний Бог, чтобы вознести тебя с земли на небо. Ты позван на брак небесного Жениха: для чего же небрежешь? Для чего медлишь? Скажи мне, как пойдешь на брак, не имея приличной брачному торжеству одежды? А если без нее войдешь, тотчас услышишь: *друже, како вшел еси семо не имый одеяния брачна?* (Мф. 22, 12). Свяжите его и бросьте в печь огненную (см. Мф. 22, 13). Уже ли не боишься этого, не трепещешь и того, что близко время явиться Жениху во славе Своей? Не знаешь разве, что все уже готово, и небесная труба ждет мановения? И что будешь делать в оный час, если не приготовишься к нему как должно? [1, 302-303].

53. Во время смерти великий предстоит страх всем грешникам. Час разлучения доставляет радость всем Святым, всем праведным, всем подвижникам; но тот же час ввергает в печаль неусердных и слабых, приводя им на память их нерадение и беспечность в прошедшее время жизни. Тогда раскаяние ужасно мучит сердце человека, дотоле не имевшего попечения о своем спасении. Мучительность раскаяния этого превышает самый страх смерти и разлучения. Напротив того, праведные, святые и подвижники веселятся в час смерти и разлучения, имея пред очами своими великий труд своего подвижничества, бдения, молитвы, посты, слезы, возлежание на голой земле и вретища; душа их ликует, потому что по разлучении с телом

чает войти в покой. Но страшно явление смерти грешникам и людям слабым, которые не заботятся о чистоте жизни в суетном мире. И весьма сильно печалит час разлучения человека грешного; ему вовсе не дозволяется сказать что-либо за себя; повеление о часе том дается со строгостью [1, 311].

54. Час разлучения не печалит того, кто освободился от всего земного; но печалит смерть человека любосластного; печалит грешника, печалит ленивого, который ленился делать угодное Богу; печалит многостяжательного, связавшего душу свою попечениями мирскими; печалит богача, потому что невольно разлучает его с богатством его; печалит миролюбца, потому что разлучает его с миром. Все такие печалятся в час смертный, потому что связаны мирскими попечениями. Но душе, свободной от мира и отрешившейся от попечений его, о чем воздыхать и печалиться? Возжелала она свободы, взыскала ее, стяжала, — и пребыла всегда такою, мужественно шествуя по пути Божию, с готовностью делая благоугодное Богу. И ты, если всею душою прилепишься к Богу, то никогда не убоишься смертного часа; скорее же смерть и разлучение с телом обратятся для тебя в радость [1, 313].

55. Благий Бог даровал нам просвещение ведения; а мы день ото дня отвергаем оное. Если бы исполняли мы волю Божию, то были бы блаженны в час воздаяния вместе со всеми творившими волю Его. Но как не исполняли, то не будет нам никакого там оправдания; потому что все грешим, имея ведение. Все мы испытываем Божий Промысл и все дары, какими ущедрил нас благий Бог. Благодать Его часто во всякое время посещает сердца наши, и если находит себе упокоение, то, вошедши, постоянно обитает в душе; если же не находит чистого сердца, тотчас отступает. Но щедроты снова побуждают ее снизойти и посетить нас грешных, потому что все мы изменяемы по произволению, но не по природе. Всегда мы рассеянны и слабы, завистливы и лукавы, часто думаем друг о друге худо, занимаемся лукавыми помышлениями, и всегда, как в ужасной тине, погружены в помыслах. И когда благодать приходит посетить нас, встречает в сердцах наших зловоние

нечистых помыслов, и тотчас отступает, не находя себе входа, чтобы вселиться и обитать в нас как ей угодно. И разве только светоносною своею сладостью производит впечатление на сердце, чтобы ощутил человек, что благодать посещала его, но не нашла себе входа, чтобы таким образом усладившись озарением благодати, взыскал он ее. Впрочем, сама благодать не может совершенно отступить от нас; потому что собственным своим милосердием побуждается всех миловать. Видишь ли Промысл Божий? Видишь ли милосердие Христово? Видишь ли, как Святой Бог всегда любит нас и хочет, чтобы спаслись мы? Блажен человек, который всегда старается уготовить благодати чистое сердце, чтоб, пришедши, нашла она благоухание добродетелей и святыню души и обитала в нем в век века [1, 317-18].

56. Блаженны те, которые, попавши в сети врага, успели разорвать его путы и скрылись, бежав от него, как рыба, спасшаяся из мрежи. Рыба, пока в воде, если, будучи поймана, прорвет сеть и скроется в глубину, то спасется; а когда извлечена на сушу, не может уже помочь себе. Так и мы, пока еще в этой жизни, имеем от Бога власть разорвать на себе узы вражеской воли, и покаянием свергнуть с себя бремя грехов, и спастись в Небесное Царство. А если застигнет нас страшное оное повеление, и душа выйдет, и тело предано будет земле, — то не в силах уже мы помочь себе, как и рыба, извлеченная из воды и заключенная в сосуде, не может уже оказать себе помощи [1, 409].

57. Не будем ждать, пока придет смерть, чтобы не остаться нам в стыде в воскресение мертвых; когда святые облекутся в светлую ризу, какую уготовали себе добрыми делами. Если увидим тогда себя не только обнаженными светлой славы, но и очерненными, исполненными зловония, то какой стыд овладеет тогда нами? Постараемся же о том, чтобы не подвергнуться такой опасности, вступив в подвиг покаяния и очищения себя от страстей [1, 410].

58. Грех есть тьма, а добродетель — свет. Грех, когда любят его и творят, чернит своих делателей; а добродетель, когда подвизаются в ней, преуспевших в ней делает светлыми [1, 414].

59. Сотворим плод, благоугодный Богу, прежде нежели изыдет страшное повеление взять душу из тела нашего. Горе тогда оскорбившему Господа Бога нашего и не покаявшемуся! Станет он искать времени, которое погубил в нерадении, — и не найдет. Восплачем же пред Господом Богом нашим, чтобы обрести у Него щедроты. Пока есть у нас время, побережемся, чтобы снискать благословение Господне. Не о деньгах у нас забота; их если и лишится кто, может вместо них приобрести другие. У нас в опасности душа, если погубим ее, то не можем уже возвратить (см. Мф. 16, 26-27) [1, 418].

60. Дни наши бегут, и конец приближается. Восплачем пред Господом Богом нашим, пока не заключены во тьму кромешную. Тогда и многими слезами не можно будет возвратить нам дни сии, если проведем их в нерадении и нимало не воспользуемся ими для спасения своего. *Се, ныне время благоприятно: се, ныне день спасения* (2 Кор. 6, 2). Блаженны трезвенствующие, потому что увенчаются они в радовании. *Блажени плачущии* ныне, *яко тии утешатся* (Мф. 5, 4), вместе с избранными Божиими. Блаженны трудящиеся о Господе, потому что их ожидает райское наслаждение [1, 436].

61. И мы не оправдаемся делами других, и другие не будут осуждены за наши дела. Когда нас обнаженных и открытых представят Судии дать отчет в том, что нами наделано; тогда не осудят одного за другого: *кийждо бо свое бремя понесет* (Гал. 6, 5) [1, 467].

62. Если на кого, сделавшего худое, донесено будет князю, то обвиненный может еще спастись от наказания, бежав в другое место; от лица же Божия куда убежим, по слову сказавшего: *камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бежу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во ад, тамо еси: аще возму криле мои рано и вселюся в последних моря, и тамо бо рука Твоя наставит мя, и удержит мя десница Твоя* (Пс. 138, 7-10) [1, 482].

63. Пойдем путем узким и тесным, любя сокрушение, чтобы пребывало в нас памятование смерти, и чтобы освободиться нам от осуждения. Ибо сказано: *горе вам смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете* (Лк. 6, 25). *Блажени* же *плачущии* ныне, *яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Заглянем в могилу и увидим

тайны нашего естества, — кучу лежащих одна на другой костей, черепа, обнаженные от плоти, и прочие кости. Смотря на них, увидим в них себя самих. Где красота настоящего цвета, где доброзрачность ланит? Размышляя о сем, откажемся от плотских вожделений, чтобы не быть нам постыжденными в воскресение [1, 512].

64. Каждый день ожидай исшествия своего и готовься к этому пути; ибо, в который час не ожидаешь придет страшное повеление; и горе неготовому! Прекрасно сокрушение сердечное; оно врачует человеческие души [1, 514].

65. Как невозможно пловцам навсегда оставаться на корабле, и путнику, остановившемуся в гостинице, не выйти из нее, так и нам невозможно вечно пребывать в жизни сей. Странники и пришельцы есмы. Будем же, взирая на сие мысленным оком, готовиться к преставлению из этой жизни [1, 520].

66. Если был ты тружеником, то не скорби о приближении доброго переселения в другую жизнь. Возвращающийся домой с богатством никогда не бывает в печали [1, 523].

67. Бог сотворил человека свободным; почему и предназначены ему почести и наказания, именно же: хорошо подвизающимся почести и венцы, а преступникам и небрежным — наказание и муки. *Есть грех к смерти* (1 Ин. 5, 16); смерть же готовит себе тот, кто коснеет в грехе и от запрещенных дел не переходит к лучшей жизни [1, 526].

68. Велик страх в час смерти, когда душа разлучается с телом; потому что в этот час разлучения предстанут душе дела ее, добрые и худые, какие деланы ею днем и ночью. В трепете, смотря на дела свои, говорит она им: отойдите, — дайте мне выйти. Дела же ее, все в один голос, отвечают ей: ты нас наделала, с тобою пойдем мы к Богу на суд [1, 543-4].

69. Никому неизвестны день и час разлучения. Когда беззаботно ходим и веселимся на земле, внезапно застигает нас страшное повеление — взять душу нашу из тела. И отходит грешник в путь тот, в день и час, в который не ожидал, когда душа его исполнена грехов и не имеет оправдания.

70. Не думай, брат, что проживешь еще много лет на земле, — и не разленивайся, поблажая греховным помыслам и делам. Повеление Господне придет внезапно и застигнет грешника не имеющим уже времени к покаянию и к получению прощения. — И что скажешь, брат, смерти в час разлучения?! [1, 545].

71. Непрестанно ожидай смерти, разлучения и предстания на судилище Господне. И, как рачитель о спасении мудрый, имей всегда уготованным светильник свой, — и ежечасно еще осматривай его в слезах и молитвах [1, 546].

72. День преклонился к вечеру; время наше на исходе; а мы, по неверию своему, думаем, что еще утро. Время приблизилось уже к жатве; кончается век сей; Ангелы в готовности держат серпы и ожидают мановения. Устрашимся, возлюбленные! Уже одиннадцатый час дня, а путь еще далек. Постараемся, чтобы нас застали в пути. Сделаемся бодренными, отрезвимся от сна [1, 547-8].

73. Говори сам себе: «Вон, братия наши работают, а мы с тобою проводим время в праздности, они, слушая Божественные Писания, напаиваются как жаждущая земля дождем, а мы, и внутри затвора находясь, скитаемся помыслами вне; они трезвятся, а мы нерадим; они бодрствуют в молитвах, а мы связали себя сном и леностью; они получили венец, а мы остаемся в своей лености; они благоугодны Господу, а мы угождаем миру. Чего ради не отрезвляемся, чтобы и себе получить награду?» [1, 601].

74. Се, дни, годы и месяцы проходят, как сон и как вечерняя тень, и скоро настанет страшное и великое пришествие Христово. — И воистину страшен день тот для грешников, не хотевших исполнять волю Божию и спастись. Свергнем же наконец с себя попечение о земном, и начнем готовиться к сретению дня того [2, 88].

75. Все приходит, все исчезает, и ничто не принесет нам пользы в час тот, кроме добрых дел, какие здесь имеем, каждый понесет тогда свои дела и слова к Престолу праведного Судии. Сердце придет в трепет, и внутренности изменятся, когда будет обнаружение дел, строгое исследование помыслов и речей. Кто не вострепещет, кто не будет плакать, кто не прольет

слез, когда там обнаружится все, что каждый из нас сделал в тайне и во мраке.

76. В пояснение этого представляю вам в пример плодовитые дерева, которые во время свое вместе с листьями дают плод. Не извне откуда-нибудь облекаются дерева своим благолепием, но изнутри себя каждое дает плод по роду своему. Так и в оный страшный день все тела человеческие изведут из себя все, что сделано доброго и худого; и каждый принесет к Престолу грозного Судии дела, как добрый и приятный плод, и слова, как листья. Святые принесут плод доброделания — прекрасный и драгоценный; мученики принесут прехвальное терпение в мучениях и озлоблениях; подвижники принесут труды воздержания, бдения и молитв. А люди грешные, нечестивые и оскверненные, со стыдом, плачем и сетованием принесут туда плод скверны и неправд — пищу для неусыпающего червя и огня неугасимого [2, 89].

77. Почему же нерадим? Или не знаем, что нас ожидает? Зная же, чего ради не плачем день и ночь, умоляя Бога дать нам покаяние, чтобы избавиться от оного стыда и вечной тьмы? Там заградятся грешные уста наши, там вострепещет вся тварь, вострепещут и самые чины святых Ангелов от славы и грозности пришествия Господня. Что скажем Ему в день тот, если проведем в нерадении все время свое? Здесь долготерпелив Он, и всех влечет и приемлет милостиво в Царство Свое. А там потребует отчета и суд без милости произнесет над хотевшими последовать Ему и нерадевшими [2, 90].

78. Се уготованы — с одной стороны Царство и жизнь, упокоение и радость, с другой — вечное мучение во тьме кромешной. Иди, куда хочешь; на все дана свобода. — Потому если нерадишь ты, не желая спастись, не ходишь прямыми путями Божиими и не хочешь исполнять заповедей Его, то сам себя губишь, сам себя извергаешь из небесного чертога. Святой Бог Единородного Сына Своего не пощадил ради тебя; а ты, несчастный, не милуешь себя самого. Отрезвись же наконец немного и пробудись от сна твоего греховного! [2, 912].

79. Взойди на высоту, и увидишь, что все, находящееся внизу, ничтожно; а если сойдешь с высоты, то подивишься и малому выбеленному дому [2, 112].

80. Позаботимся о своем спасении, позаботимся о часе смертном. Увы, как страшен час смертный, когда душа разлучается с телом! Тогда будут сопутствовать не отец сыну, не мать дочери, не жена мужу, не брат брату, но только дела каждого, — то, что он наделал доброго или худого. Пошлем же пред собою дела добрые, чтоб, когда и сами пойдем туда же, они приняли нас во град свой [2, 262].

81. Если хочешь наследовать Царство, позаботься еще здесь снискать дружество Царя. В какой мере будешь чествовать Его здесь, на такую степень и Он возведет тебя; сколько здесь послужишь Ему, столько и тебя почтит Он там. Ибо написано: *токмо прославляющия Мя прославлю, и уничижаяй Мя безчестен будет* (1 Цар. 2, 30). Чти же Его всею душою, чтобы и тебя сподобил Он чести святых. Спросишь: Как же снискать благоволение Его? Принеси Ему золото и серебро через помогание нуждающимся, если имеешь. Если же у тебя нет ничего такого, иные дары принеси Ему: веру, любовь, воздержание, терпение, великодушие, смиренномудрие; удерживайся от осуждения, блюди очи свои, чтобы не видели суеты; руки свои, чтобы не делали неправды; ноги свои уклони с худого пути; утешай малодушных, будь сострадателен к немощным, подай чашу студеной воды жаждущему, дай ломоть хлеба алчущему, что имеешь у себя, и чем Он наделил тебя, то и принеси Ему; ибо и двух лепт вдовицыных не отверг Христос [2, 262-263].

82. Будем чаще вспоминать о муках, ожидающих грешника, чтобы возбудить себя к покаянию и пресечению грешной жизни. Что меньше комара? Но мы и его укушение не можем стерпеть. Что же будет там от ядовитого неусыпающего червя? При наступлении вечера говорят: зажги светильник, потому что темно; и тьма прогоняется светильником. Что же будем делать там с непроницаемою тьмою — непрестающею? Здесь кого опаляют солнечные лучи, он бежит под тень. Что же будем делать с неугасимою огненною геенною? [2, 312].

83. Приди в себя и не пренебрегай пламени, никогда не угасимого. А если пренебрегаешь, то здесь еще испытай себя, можешь ли снести жестокость огня мучительного. Зажги светильник и приложи конец перста. Если в состоянии будешь вынести эту боль, то, может быть, и там возможешь помочь себе. Если же, когда все тело твое вне огня, не может выносить боли одного малого члена, то что будешь делать, когда все тело, вместе с душою, ввержено будет в геенну огненную? [2, 315].

84. Странники и пришельцы мы в этой жизни; но не знаем, когда восхищены будем отсюда. Многие, проснувшись утром, не доживали до вечера; другие, уснув вечером, не достигали утра. *Человек суете уподобися: дние его яко сень преходят* (Пс. 143, 4). И кто знает, не наступило ли уже время нашего разрешения? Не будем же нерадеть о своем спасении [2, 317].

85. Блажен, кто в час смерти окажется жертвою святою, благоугодною Господу, кто с великою радостью разлучается с телом и с суетною жизнью. Ангельские силы, увидев его на небесах, восхвалят его, как подобного себе раба, благоискусного о Господе [3, 144].

86. *Честна пред Господем смерть преподобных Его* (Пс. 115, 6); но *смерть грешников люта* (Пс. 33, 22).Придет день, непременно придет, и не минует нас день, в который человек оставит все и всех, и пойдет один, всеми оставленный, обнаженный и беспомощный, не имея ни заступника, ни сопутника, неготовый, безответный, если день сей застигнет в нерадении, — *в день, в оньже не чает, и в час, в оньже не весть* (Мф. 24, 50), — тогда как веселится, собирает сокровища, роскошествует, предается разгулу. Внезапно придет час тот, — и всему конец. Одна глубокая болезненная ночь, — и человек пойдет, как подсудный, куда поведут поемлющие его. Много тогда тебе, человек, нужно будет помощников, много молитв в тот час разлучения души. Велик тогда страх, велик трепет, великий переворот, при переходе в тамошний мир. Наш это час, — и час страшный, но неминуемый. Это общий для всех конец, — и для всех страшный; трудная стезя, но по которой все должны проходить; путь узкий и тесный, но все на него вступим; это горькая и страшная

чаша, но все испием ее. Страха и ужаса исполнено то, что испытывает тогда душа; но никто из нас не знает того, кроме тех одних, которые предварили нас там, кроме тех одних, которые изведали то на опыте [3, 382-384].

87. Не видишь ли кончающихся, как бывает тогда страшно? В каком они смятении, как вздыхают, как обращают очи туда и сюда? Как скрежещут иногда зубами? Тогда видят они, чего никогда не видали, и слышат, чего никогда не слыхали, и терпят, чего никогда не терпели; ищут избавителя, и нет спасающего [3, 384].

88. Иной из кончающихся говорит: «Прощайте, братия, прощайте. В дальний иду я путь, — в путь, которым еще не ходил, в новую для меня страну, из которой никто не возвращался, в землю темную, где не знаю, что встретит меня. Се, отхожу, — и не возвращусь уже к вам. Тесен для меня час сей, потому что поемлюсь неготовый; мрачна для меня ночь сия, потому что посекаюсь, как бесплодное дерево; тяжел для меня предстоящий путь, потому что не имею доброго напутствия. — Теперь вижу, как обманывал я сам себя, говоря: «Молод я, наслаждусь пока жизнью, а там покаюсь. Бог человеколюбив и простит меня, конечно. Так рассуждая каждый день, худо иждивал я жизнь свою. Меня учили, а я не внимал; делали мне наставления, а я смеялся; слушал Писания, и кончаю жизнь как не слыхавший; слышал о суде и издевался; слышал о смерти, и жил как бессмертный. И вот поемлюсь теперь совсем неготовый, — и нет у меня помощника; застигнут не покаявшимся, — и нет избавляющего; подвергаюсь осуждению, — и нет спасающего. Сколько раз решался я покаяться, и опять делал худшее? Сколько припадал к Богу, и опять отступал от Него? Сколько раз миловал Он меня, а я опять преогорчал Его? И теперь отхожу в безнадежном положении. Воздохните, братие, и пролейте о мне слезу!» Так кончающийся иногда беседует с нами, — и внезапно язык связывается, глаза изменяются, голос прерывается, и уста смолкают [3, 385-388].

89. Когда приближается последний час, посылаются Ангелы — изъятели душ, чтобы взять отходящую душу и представить ее

судилищу Божию. Увидев их, приближающихся, бедный человек, хотя бы был царь или властелин, или миродержец, весь приходит в смятение, как от землетрясения, — весь трепещет, как лист, колеблемый ветром, — бьется, как птичка в руках ловца; весь оцепеневает и изумевает, видя страшные силы, видя новые для себя и великие зраки, видя грозные и суровые лица, видя чин вещей, какого не видал прежде. Все это видит тогда один поемлемый от нас, и на нас уже не обращает внимания. Только сам в себе творит он молитвы, сколько позволяют силы. Из положений его мы заключаем, что он видит вышние силы, и друг другу говорим: молчите и не тревожьте более лежащего, чтобы приводить его в смятение. Будем лучше молиться, чтобы с миром отошла душа его, и он обрел Судию снисходительным [3, 388-389].

90. Се, скончался; не стало его; отжил свой век и лежит недвижим, бездыханен и безмолвен. Что же есть человек? Сонное видение и тень. — Ангелы-изъятели, появ душу, восходят по воздуху, где стоят Начальства и Власти, и миродержители противных сил. Эти злые наши обвинители, — здесь соблазнители и записыватели наших дел худых, а там истязатели. Они встречают возносимую душу на пути, осматривают ее и вычисляют ее грехи по записям своим, — грехи юности и старости, вольные и невольные, делом, словом и помышлением совершенные. О, какой там страх, какой трепет бедной душе! Неописуема нужда, какую терпит тогда она от неисчетного множества тьмами окружающих ее врагов, клевещущих на нее, чтобы не дать ей взойти на небо, вступить в страну жизни и поселиться в свете живых [3, 389-390].

91. Так Ангелы, взяв душу, отводят ее по пути, им одним ведомому. Мы же, опрятав тело, выносим его на кладбище, — и здесь встречаем новое страшное таинство. Малые и великие, цари и простолюдины, господа и рабы — все стали один прах, одна персть, один пепел, одно зловоние, одна гнилость; каков эфиоп, таков же и благообразный некогда, — каков юноша, таков же и старец, каков расслабленный, таков же и крепкий телом; все стали, как определено вначале — земля и пепел

(см. Быт. 3, 19). И ничего не различишь. Великое подлинно и страшное таинство пред нами! Видим, что всякий возраст там изглажден, всякое телесное благообразие изменилось, всякая красота лица исчезла, всякое приятное око угасло, всякие доброречивые уста запечатлены, всякое плетение волос сгнило, — все кончилось. Говорим, — и никто не слушает, — плачем, — и никто не внемлет [3, 391].

92. Спросить бы лежащих: куда отошли вы, братие наши? Где обитаете? Где место вашего пребывания? Подайте нам голос, побеседуйте с нами, как беседовали некогда. А им поучительно было бы ответить нам: «Мы, отшедшие от вас, пребывающих еще в жизни на земле, мы, то есть душа каждого из нас, — находимся в месте, подобающем каждой душе по достоинству ее. А этот прах, лежащий пред вами, этот пепел, который видите, это зловоние, эти согнившие кости — тела тех юношей и отроковиц, которые были некогда для вас вожделенны. Этот пепел — та самая плоть, которую заключали вы в свои объятия и ненасытно лобызали. Эти оскаленные зубы — те самые уста, которые день и ночь покрывали вы несчетными поцелуями. Этот гной и отвратительная влага — та самая плоть, в объятиях которой предавались вы греху. Поэтому смотрите, и уверьтесь в точности, что, обнимая на ложах своих юных соительниц, обнимаете вы прах и тину. Знайте, что, когда лобзаете члены их, лобзаете вы смрад и гной. Вразумитесь, что, когда возгораетесь к ним любовию, предмет вожделения вашего — черви, пепел, смрад. Не предавайтесь заблуждению, неразумные юноши и девы! Не обольщайтесь суетною красотою юности; потому что и мы, лежащие пред вашими глазами, согнившие мертвецы, некогда во время жизни своей, как и вы теперь, были видны, величавы, умащались благовониями, были любимы, наслаждались и благоденствовали; и вот, как видите, все это стало брением, прахом, пеплом и зловонием. Не обманывайте больше себя; но у нас, которые предварили вас и теперь в могиле, научитесь и уцеломудритесь, и уверьтесь, — что есть суд, есть нескончаемое мучение, есть непроницаемая тьма и безотрадная

геенна, есть неусыпающий червь, немолчный плач, непрестанный скрежет, неисцельная скорбь» [3, 392-4].

93. Сему, если не словами, то самым делом, учат нас братия наши, предварившие нас там. Воспрянем же от усыпления. Перестанем обманывать самих себя пустыми надеждами. Не попустим более издеваться над нами лукавому врагу. Да не вводит нас в обман льстивый помысл обещанием долгой жизни. Многие, замыслив многое, не дожили и до утра, но внезапно похищены смертью, как птичка ястребом или агнец волком. Одни, с вечера заснув здоровыми, не проснулись; другие, сидя за трапезою, испустили дыхание; иные внезапно умерли во время прогулки и забав; иные, умирая в бане, нашли себе в ней и погребальное омовение; иные внезапно похищены смертью во время брака, в самом брачном чертоге, — и стали брачные их одежды погребальными, и свиряющих[1] на браке заняли место сетующие, и место пляшущих — плачущие. Все это мы знаем — и все же не перестаем обманывать себя. Потому и не найдем себе никакого снисхождения у Бога; ибо не по неведению, но с ведением вдаемся в обман. Умоляю убо вас, — станьте наконец не слышателями только, но и исполнителями предлагаемого вам учения [3, 394-400].

94. Какому страху и какой нужде подвергнемся мы в час исшествия своего из этой жизни при разлучении души с телом?! Страшное и великое совершается тогда таинство! К душе приступают добрые Ангелы и множество небесного воинства, а также все сопротивные силы и князь тьмы; те и другие хотят поять душу в свое им место. При сем если душа приобрела здесь добрые качества, вела жизнь честную, и была добродетельна, то в день ее исшествия добродетели, какие приобрела она здесь, делаются добрыми Ангелами, окружают ее и не попускают прикасаться к ней какой-либо сопротивной силе; но в радости и веселии со святыми Ангелами поемлют ее и относят ко Христу, Владыке и Царю Славы, и покланяются Ему вместе с нею и со всеми небесными Силами. И наконец отводится ду-

[1] Играющих на свирелях.

ша в место упокоения, в неизглаголанную радость, в вечный свет, где нет ни печали, ни воздыхания, ни слез, ни заботы, но где бессмертная жизнь и вечное веселье в Небесном Царстве со всеми прочими благоугодившими Богу. Если же душа в этом мире жила срамно, предаваясь страстям бесчестия и увлекаясь плотскими удовольствиями и суетою мира этого, то в день исшествия ее из этой жизни те страсти и удовольствия, какие приобрела она в жизни сей, делаются лукавыми демонами и окружают бедную душу, и не позволяют приблизиться к ней Ангелам Божиим, но вместе с сопротивными силами, князьями тьмы, поемлют ее, жалкую, проливающую слезы, унылую и сетующую, и отводят в места темные, мрачные и печальные, где блюдутся все грешники на день суда и вечного мучения, куда низринут диавол со своими ангелами [3, 566-7].

95. Итак, пока есть время, позаботимся покаянием очистить себя от страстей, и трудами самоумерщвления и доброделания насадить вместо них в сердце добродетели, которые по исходе нашем заступятся за нас, и вместе с Ангелами Божиими представят Владыке нашему и Господу, и благоволение Его привлекут на нас [3, 567-9].

2

Уроки о покаянии

1. Увы мне! В каком я стыде! Сокровенное мое не таково, как видимое! Подлинно, у меня только образ благочестия, а не сила его. С каким лицом приду к Господу Богу, Который знает сокровенности сердца моего? Подлежа ответственности за столько худых дел, когда и на молитве стою, боюсь, чтобы не сошел с неба огнь и не потребил меня. Но не отчаиваюсь, уповая на щедроты Божии [1, 36].

2. Ожестело сердце мое, изменился рассудок мой, омрачился ум мой. Как *пес* возвращаюсь *на свою блевотину* (2 Пет. 2, 22). Нет у меня чистого покаяния, нет слез во время молитвы, хотя и воздыхаю я, и бью в перси — это жилище страстей [1, 37].

3. Там обнаружится и что сделано во тьме, и что сделано явно. Какой стыд обымет душу мою, когда осужденным увидят меня говорящие теперь, что я неукоризнен! Оставив духовное, покорился я страстям. Учиться не хочу, а учить рад; подчиняться не хочу, а подчинять себе люблю; трудиться не хочу, а других утруждать охоч; не хочу оказывать чести, а чтимым быть желаю; упреков не терплю, а упрекать люблю; не хочу, чтобы уничижали меня, а уничижать люблю. Мудр я на то, чтобы давать советы, а не на то, чтобы исполнять их самому; что делать должно, то говорю, а чего не должно говорить, то делаю [1, 38].

4. Не говори: «Сегодня согрешу, а завтра покаюсь». Но лучше сегодня покаемся; ибо не знаем, доживем ли до завтра [1, 155].

5. Согрешили мы? Покаемся, потому что Господь приемлет покаяние кающихся истинно [1, 156].

6. Если брат согрешит, с удовольствием обличаем его; а если грешим сами, не с приятностью принимаем обличение [1, 159].

7. *Не прекокай противу истины и о ненаказании твоем срамляйся. Не стыдися исповедати грехи твоя* (Сир. 4, 29-30). *Не рцы: согреших, и что ми бысть? Господь бо есть долготерпелив. Не медли обратитися ко Господу и не отлагай день от дне* (Сир. 5, 4, 8). *Помяни, яко гнев не замедлит* (Сир. 7, 18) [1, 180].

8. *Кто даст главе моей воду и очесем моим источник слез,* да *плачуся* о грехах моих *день и нощь?* (Иер. 9, 1). *Смеху рекох:* (Еккл. 2, 2): отойди от меня; и слезам: приидите ко мне; ибо очень велик грех мой пред Господом, и нет числа грехопадениям моим [1, 219].

9. Знаете ли, что у людей бывают трех различных родов слезы? Бывают слезы о вещах видимых, и они очень горьки и суетны. Бывают слезы покаяния, когда душа возжелает вечных благ, и они очень сладки и полезны. И бывают слезы раскаяния там, где *плачь и скрежет зубом* (Мф. 8, 12), — и эти слезы горьки и бесполезны, потому что вовсе безуспешны, когда уже нет времени покаянию.

10. По наружности мы смиренны, а по нраву жестоки и бесчеловечны; по наружности мы благоговейны, а по нраву убийцы;

по наружности полны любви, а по нраву враги; по наружности дружелюбны, а по нраву ненавистники; по наружности подвижники, а по нраву тля для подвижников; по наружности постники, а по нраву морские разбойники; по наружности целомудренны, а в сердце прелюбодеи; по наружности безмолвники, а в сердце бродяги; по наружности кротки, а по нраву высокомерны; по наружности советники, а по нраву совратители; по наружности простодушны, а по нраву опасны. Отчего так? Оттого, что не имеем страха Божия пред очами своими, и заповедей Господних или не знаем, или, зная, перетолковываем в угоду себе [1, 226].

11. И ныне еще (после долгих лет самоисправления) много во мне нечистых помыслов: зависти, зложелательства, самоугодия, чревоугодия, гневливости, тщеславия, любоимания. Сам в себе я ничто, а считаю себя за нечто; принадлежу к числу худых людей, а домогаюсь приобрести себе славу святости; живу во грехах, а хочу, чтобы почитали меня праведным. Сам лжец, а на лжецов досадую; оскверняюсь мыслию, а произношу приговор на блудников; осуждаю воров, а делаю обиды бедным; кажусь чистым, тогда как весь нечист; в церкви становлюсь на первое место, тогда как недостоин и последнего; требую себе чести, когда должен нести бесчестие; пред женщинами хочу казаться любезным, пред богатыми — благочестивым. Если оскорблен, мщу; обличаемый, изъявляю свое негодование; не видя лести, гневаюсь; высших презираю, а в лицо им лицемерю; не хочу отдать чести достойному, а сам, будучи недостоин, требую себе почестей. Не стану описывать ежедневно занимающих меня мыслей, забот о суетности, нерадения о молитве, страсти к пересудам. Не буду описывать хождения в церковь по одному заведенному порядку и умышленных при этом замедлений, выисканных встреч, лицемерных бесед с благочестивыми женщинами, ненасытность в принятии даров, ласкательств для получения большего. Такова жизнь моя, таковы недостатки мои! [1, 260-264].

12. Может быть, скажет кто, важное ли дело помыслы?! На это скажу вам: и очень важное, — и вот доказательства

из Писания. Иов приносил жертвы за детей своих, говоря: Может быть, в сердцах своих они подумали о чем-либо худом (см. Иов 1, 5). Если бы не подлежали ответственности помыслы, то для чего бы приносить ему *телца единаго* за грехопадение помыслами? Осуждены и зломысленные в сонме Кореевом; и поелику имели худые помыслы, то были пожжены. И Господь Спаситель соизволение на прелюбодеяние назвал прелюбодеянием, и вожделение жены — самым делом, и гнев — убийством, и ненависть ценит за одно с человекоубийством. Свидетельствует об ответственности нашей за помыслы и блаженный Павел, когда говорит, что Господь на суде откроет *советы сердечные и* въявь приведет *тайная тмы* (1 Кор. 4, 5). Итак, не говорите, что помыслы ничего не значат, когда соизволение на оные признается за самое дело [1, 264-265].

13. Не одни помыслы должны мы брать в рассмотрение, но паче решение произволения признать помыслы приятными и склониться на них. Земледелец сеет на земле, но не все принимается ею: так и ум сеет в произволение, но не все одобряется и приемлется сим последним. Что принято землею, от того земледелец ищет плода: и что одобрило и приняло произволение, в том Бог требует отчета [1, 265].

14. Апостол людей поступающих естественно назвал душевными, а поступающих противоестественно — плотскими; духовные же суть те, которые и естество преобразуют в дух. Бог знает и природу и произволение, и силы каждого; всевает в них слово Свое, и требует дел по мере их; сверхъестественно проникает Он в душу и дух, в естество и произволение (не насилуя последнего). Если человек довольствуется естественным, то Бог не взыскивает; потому что определил меру естества и положил ему закон. Но если произволение одолевается естеством, то взыскивает за ненасытность и за нарушение устава Божия [1, 266-267].

15. Ненавижу грех, но пребываю в страсти; отказываюсь от беззакония, но нехотя покоряюсь удовольствию. Поработил я природу свою греху, и он, купив мое произволение, производит для меня необходимость. Рекою льются на меня страсти; потому

что соединил я ум свой с плотью, и разлучение невозможно. Спешу изменить свое произволение, но предшествующее состояние противится мне в этом. Тороплюсь освободить душу свою, но стесняет меня множество долгов [1, 270].

16. Диавол, злой заимодавец, не напоминает об отдаче; ссужает щедро, никак не хочет брать назад. Домогается только порабощения, а о долге не спорит; дает в долг, чтобы богатели мы страстями, и данного не взыскивает. Я хочу отдать, а он к прежнему еще прибавляет. Когда же принуждаю его взять, дает что-нибудь другое, чтобы видно было, что уплачиваю ему из его же ссуды, обременяет меня новыми долгами, потому что прежние страсти истребляет другими, дотоле не бывшими. Старое, кажется, уплачено; а он вовлекает меня в новые обязательства страстей, и вводит в меня новые пожелания. Заставляет меня умалчивать о страстях и не исповедываться, и убеждает стремиться к новым страстям, будто безвредным. Свыкаюсь со страстями, дотоле не бывшими, и, развлекаемый ими, прихожу в забвение о прежних страстях. Заключаю договор с пришедшими ко мне вновь, и снова оказываюсь должником. Устремляюсь к ним, как к друзьям, и ссудившие меня опять оказываются моими властелинами. Хочу освободиться, и они делают меня продажным рабом. Спешу разорвать их узы, и связываюсь новыми узами; и стараясь избавиться от воинствования под знаменами страстей, по причине преспеяния и даров их, оказываюсь их домоправителем [1, 271].

17. О, прочь от меня, это рабство змия! Прочь, эта власть страстей! Прочь, этот застарелый грех. Он дал и залоги, чтобы купить себе мой ум; льстил плоти, чтобы отдать в услужение ей душу. Предвосхитил юность, чтобы разум не знал происходящего; привязал к себе несовершенный рассудок, и через него, как медною цепью, держит недалекий ум; и если сей хочет бежать, не пускает, держа на привязи. Грех ограждает ум и запирает дверь ведения. Страсть непрестанно на страже у разума, чтобы, воззвав к Богу, не воспрепятствовал он плоти быть проданною. Клянется, что заниматься плотью нимало не худо, и что за такую малость не будет взыскания. Приводит в пример

множество перепутанных помыслов, и уверяет в невозможности того, чтобы подвергались они исследованию; ссылается на их тонкость (малозначительность) и удостоверяет, что все подобное предано будет забвению. Вот чем удерживает и связывает меня враг, опутывая обманом и лестью [1, 272].

18. Павел сказал о грешащем, что он *плотян* (Рим. 7, 14). Грех приводится в дело произволяющими на оный; но между природою и грехом посредствуют навыки; и страсти суть нечто данное грехом и принятое природою; употребление этого есть подчинение души, смущенье ума и рабство. Ибо грех, находясь во плоти, властвует над умом и овладевает душою, подчиняя ее с помощью плоти. Грех употребляет плоть вместо управителя; через нее также обременяет и самую душу, и делается как бы домоправителем ее; потому что дает дело и требует отчета в исполнении. Если нужно наложить на нее удары, то через плоть обременяет ее оными. Ибо плоть обратил как бы в собственную свою цепь, и держит на ней душу, как овцу на заклание, и как высоко парящую птицу связал ее этою цепью, и ею же между тем, как у крепкого исполина мечем, отсек у нее руки и ноги. Не могу ни бежать, ни помочь себе, потому что заживо я мертв; смотрю глазами, но слеп; из человека стал псом; и будучи разумным, веду себя, как бессловесное [1, 275].

19. Но я желаю освободиться от жалкого страстного расположения, если поможет мне Господь. Если сотворит Он со мною по множеству милости Своей, то избавит меня от греха; и если излиет на меня благость Свою, то спасусь. Уверен я, что сие возможно Ему, — и не отчаиваюсь в спасении своем. Знаю, что множество щедрот Его препобедит множество грехов моих. Знаю, что, пришедши, Он всех помиловал, и в крещении даровал отпущение грехов. Исповедую сие, потому что и я воспользовался благодатью сею. Имею нужду в уврачевании грехов, содеянных по крещении; но Воскрешавшему мертвых не невозможно уврачевать меня и в этом. Я слеп, но Он исцелил и слепорожденного. Отвержен я, как прокаженный, но если восхощет, может Он и меня очистить. Избыточествую я грехами, но не препобедится ими благость Его

ко мне. Он помиловал Закхея, как достойного; меня же помилует как недостойного [1, 274-275].

20. Подлежит суду и праздное слово. А что такое праздное слово? Обещание веры, не исполненное на деле. Человек верует и исповедует Христа, но остается праздным, не делая того, что повелел Христос. И в другом случае бывает слово праздным, именно, когда человек исповедуется и не исправляется, когда говорит, что кается, и снова грешит. И худой отзыв о другом есть праздное слово; потому что пересказывает, что не было сделано, и чего не видал [1, 283].

21. Приступи, грешник, к доброму Врачу и исцелись без труда. Сбрось с себя бремя грехов, принеси молитву и смочи слезами загнившие язвы. Ибо этот небесный Врач слезами и воздыханиями исцеляет язвы. Приступи же, принеся слезы, — это наилучшее врачевство. Ибо то и угодно небесному Врачу, чтобы каждый собственными своими слезами врачевал себя и спасался. Врачевство сие не продолжительно, но действует, и не постепенно затягивает язву, но исцеляет тебя вдруг. Врач ожидает лишь того, чтобы увидеть слезы твои; приступи, не бойся. Покажи Ему язву, принеся вместе и врачевство: слезы и воздыхания [1, 296].

22. Кто не удивится, кто не придет в изумление, кто не благословит великое милосердие Твоей благостыни, Спаситель душ наших, когда благоволишь Ты принимать слезы в цену за врачевство Твое! О, сила слез! До чего простерлась ты! С великим дерзновением невозбранно входишь ты в самое небо. О, сила слез! Чины ангельские и все небесные Силы непрестанно веселятся о твоем дерзновении. О, сила слез! Если захочешь, то можешь с радостью предстоять святому и высокому Престолу пречистого Владыки. О, сила слез! Во мгновение ока воспаряешь ты на небо, и просимое тобою получаешь от Бога; потому что исходит Он в сретение тебе, охотно принося прощение [1, 307].

23. Как буду умолять Тебя, Спаситель мой, когда уста мои исполнены злоречия? Как буду песнословить Тебя, когда совесть моя осквернена? Как призову Тебя, когда не соблюл

заповедей Твоих? Но Ты Сам, Всеблагий, не презри меня ничтожного; не отринь меня мерзкого; не оставь меня безнадежного. Ибо врагу моему весьма приятно видеть, что я отчаиваюсь в себе; тем только и увеселяется он, чтобы вследствие отчаяния увидеть меня своим пленником: но Сам Ты милосердием Своим посрами его надежду, исхить меня из зубов его, избавь от злохитрого умысла, и от всех направленных им против меня сетей! И всех, кого печалит совесть о непотребных делах его, умоляю: не отчаивайтесь в себе, не доставляйте радости своему сопернику. Но без стыда приступите к Богу, плачьте пред Ним и не теряйте в рассуждении себя надежды. Ибо Господь наш весьма рад кающимся и ждет обращения нашего. Сам зовет всех: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Поэтому никто да не отчаивается в себе, хотя и согрешил. Господь строг только к тем, кто отвергает Его и не кается [1, 322-323].

24. Блажен, кто с ведением пожелал плакать и с сокрушением источает на землю слезы, как драгоценные жемчужины пред Господом [1, 530].

25. Блажен, у кого душа стала подобною новонасажденному дереву, и всегда, как водное орошение, имеет слезы по Богу [1, 548].

26. Блажен, кто насаждает в душе своей добрые растения, то есть добродетели, и насажденное в себе орошает, молясь со слезами, чтобы насаждения его были благоугодны и плодоносны Господу.

27. Хочу изобразить вам силу слез. Анна слезною молитвою приобрела пророка Самуила, восторжение горé и богохваление в сердце своем. Жена грешница в дому Симона, плача и омывая слезами святые ноги Господа, получила от Него прощение грехов. Умиление (сердечный плач пред Богом) есть уврачевание души. Оно вселяет в нас Единородного Сына, когда вожделеваем Его, и привлекает в душу Духа Святого. На земле нет радости сладостнее той, какая бывает от умиления. Озарился ли кто из вас этою радостью слез по Богу? Если кто из вас, испытав это и усладившись тем, во время молитвы возносился над

землею, то в этот час бывал он весь вне тела своего, вне всего века этого, — и уже не на земле. Святые и чистые слезы по Богу всегда омывают душу от грехов и очищают ее от беззаконий. Слезы по Богу во всякое время дают дерзновение пред Богом, нечистые помыслы никак не могут приблизиться к душе, которая имеет всегдашнее умиление по Богу. Умиление есть нерасхищаемое сокровище; умиление же разумею продолжающееся не один день, но непрестанно, день и ночь и до конца жизни. Умиление есть чистый источник, орошающий плодоносные насаждения души (то есть добродетели) [2, 96-98].

28. Прежде нежели совершено беззаконие, враг весьма умаляет его в глазах его; особенно же умаляет похоть сластолюбия, будто бы выполнить ее то же, что вылить на пол чашу холодной воды. Так лукавый умаляет грех в очах человека прежде совершения его; по совершении же греха, лукавый до крайности увеличивает беззаконие в глазах того, кто впал в оное. Воздвигает при этом на него волны отчаяния; а нередко вооружается против него и притчами, внушая такие мысли: «Что сделал ты, напрасный труженик? И на что похоже делание твое? Вот на что: насадил некто виноградных лоз, стерег и берег их, — пока дали плод, и собрав виноград, наполнил он бочки виноградным вином; а потом вдруг встал, взял топор и разбил бочки; вино вылилось и погибло; вот чему уподобилось делание твое». Сие внушает лукавый человеку с намерением низринуть его в глубину отчаяния [2, 213].

29. Поэтому, зная наперед козни врага, бегай греха. Если же подвергнешься какому грехопадению, не закосневай во грехе; но восстань и обратись к Господу Богу своему всем сердцем своим, чтобы спаслась душа твоя. Скажи лукавому помыслу: «Хотя и бочки разбил я, и вино погубил, но цел у меня виноградник, а Владыка долготерпелив, многомилостив, милосерд и праведен. И надеюсь, что, при содействии мне благодати Его, снова возделаю и соберу виноград свой, и наполню бочки свои, как и прежде. Ибо через пророка Исаию говорит Он: *аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко волну убелю* (Ис. 1, 18).

30. Иному помысл внушает и говорит: «Ты молод еще, в старости своей покаешься». А достигшему старости представляет помысл: «Состарился ты, — где тебе понести труды покаяния? тебе нужен покой» [2, 219].

31. Не отчаивайся в себе, и не говори: «Не могу уже спастись». Напротив, очень еще можешь спастись. Возлюби страх Божий всею душою своею; и он уврачует раны твои, и впредь сохранит тебя неуязвляемым. Пока душа твоя любит страх Господень, не впадешь в сети диавольские, но будешь как орел, парящий в высоте. Но если душа после этого, пренебрегши страх Божий, вознерадит о себе, то, низринувшись с высоты, делается игралищем преисподних духов. И они, закрыв ей глаза, вторгают ее в страсти бесчестия, как вола, впряженного в ярмо [2, 262].

32. Если уязвит тебя стрела лукавого врага, нимало не впадай в отчаяние; напротив того, сколько бы раз ни был ты одолеваем, не оставайся побежденным, но тотчас встань и сражайся со врагом; потому что Подвигоположник всегда готов подать тебе Свою десницу, и восставить тебя от падения. Как только ты первый протянешь к Нему десную руку, так и Он подаст тебе Свою десницу, чтобы восставить тебя. У скверного же врага все старание о том, чтобы ввергнуть тебя в безнадежность, как скоро падешь. Не верь ему; но если будешь и по семи раз в день падать, старайся восставать и умилостивлять Бога покаянием [3, 125].

33. Хотя и пали мы по увлечению, но постараемся уврачевать себя покаянием. Хотя как человеки подпали страсти, но не отчаемся в себе до конца; а напротив того, внемля Богу, послушаем Его, глаголющего: *покайтеся, приближися бо Царство Небесное* (Мф. 4, 17). Не для некоторых только грехов положил Он покаяние, для других же не положил; напротив того, Врач душ наших дал нам врачевство сие от всякой греховной язвы [3, 128].

34. Покаяние — поле, во всякое время возделываемое. Оно — обильно плодоносное древо, всякими способами приносящее Богу доблестные плоды. Оно — древо жизни, воскрешающее мертвых грехами. Оно сопричастно Божеству, и Бог

увеселяется им, как силою Своего творчества; потому что кого грех губит, тех оно воссоздает к Божией славе. Оно — духовная лихва; потому что жнет, чего не сеяло, и берет, чего не давало [3, 250].

35. Добрые делатели покаянием удобрили Божию ниву, через него обогатили Церковь, им наполнили Божии житницы. Через него земля стала небом, потому что наполнилась святыми, — этими земными Ангелами. Восхваляются добрые служители, покаянием во много крат умножившие посеянное [3, 251].

36. Бог видит, что род человеческий будет возмущаем врагом, и к низложению его противопоставил покаяние. Враг убеждает согрешить, а покаяние готово принять согрешившего. Враг побуждает сделать беззаконие, а покаяние советует обратиться. Тот влечет в отчаяние, а это обещает надежду спасения. Грех низлагает совесть, а покаяние служит ей жезлом к восстанию. *Господь возводит низверженныя* (Пс. 145, 8); совершает же сие через покаяние [3, 252].

37. В покаянии закон служит светильником, потому что согрешающие через него сретают опять Бога. Беззаконник омрачился и не видит благости, потому что враг наполнил душу его отчаянием. Но покаяние, как добрый врач, снимая с души мглу и все, что затрудняет ее, показывает ей свет Божией благости. Диавол не дает нечествующим одуматься, представляя им суровость покаяния. А покаяние, видя хитрость его, подходит с лаской и говорит: «Приведите только себе на память Бога, — и я потружусь за вас. Представьте в уме Его милосердие, — и я буду ходатайствовать за вас с воздыханиями. Слегка только воздохните, грешники, в сокрушении, — и я сделаю вас Божиими слугами. И пророк Исаия сказал: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися* (Ис. 30, 15). Вот привожу тебе и свидетельство, только покайся». Если согрешивший воздохнет, то с воздыханием спадет с него бремя греха, возложимое змием. Тогда и с ума свеется мгла неведения, — око душевное сделается ясным, — и покаяние начнет руководствовать душу ко спасению [3, 253].

38. Когда кающийся грешник узрит благость Божию, тогда не только будет воздыхать, но и с великою скорбью проливать слезы. Потому что душа, после долговременного разлучения с Богом, увидев Его, как Отца, возбуждается к пролитию слез. Оттого, что увидела наконец Создателя своего, проливает она слезы, и преклоняет к себе Бога, ибо любит отеческое благоволение; и таким образом очищается от всего, до чего доведена была змием. Или не слыхал, что сказал Давид: *измыю на всяку нощь ложе мое* (Пс. 6, 7)? Но сперва он воздыхал, а потом стал плакать. И в природе так: сперва ветер, а потом дождь; сперва гремит гром, потом из облаков образуются капли дождевые [3, 254].

39. Воздохнувший Давид омочал слезами ложе свое, потому что осквернен был прелюбодеянием. Слезами омыл он постелю свою, которую осквернил беззаконным союзом. Он говорил: *утрудихся воздыханием моим* (Пс. 6, 7); а труд воздыхания есть плод сердечной болезни, порождающей и множество слез. Так слезы умножаются от предшествующих воздыханий [3, 255].

40. Совесть имеет естественное к Богу стремление (стоит за Бога и все Божие) и отвергает вкравшуюся прелесть. Часто грех бесстыдно вторгается, но совесть, воспользовавшись обстоятельствами времени, берет верх. Приходит ли кто в страх, находясь в темноте, она обличает, что это по причине греха: ибо Писание говорит: *бегает нечестивый ни единому же гонящу* (Притч. 28, 1). Или на корабле будет кто приведен в смятение бурным волнением моря, совесть напоминает ему нечестие его. Или при землетрясении приводит она на мысль беззакония. Или когда один кто на пути, обновляет в памяти страстные дела. Наконец, если не обратится грешник, обличает его, когда впадет в немощь и телесную болезнь, — и он по животолюбию дает обет Богу сокрушить в себе грех. Боясь умереть и лишиться благ жизни вечной, он, терзаемый совестью, прибегает к покаянию, — этому посреднику Бога и человеков [3, 255-256].

41. Упоминаемый в Евангелии юноша, взяв у отца наследство, отошел в дальнюю сторону и расточил его с блудницами; следствием чего было то, что он во всем стал терпеть мучительную

скудость. Когда стал он изнемогать под тяготою лишений, тогда покаяние, обратив ему в обличение потерю прежней покойной жизни у отца, возродило в нем желание возвратиться к ней и надежду умилостивить отца раскаянием. И он воззвал: *востав иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согреших на небо и пред тобою* (Лк. 15, 18). Когда на юношу, поддавшегося обольщению, наскочил враг, и делал из него, что хотел, покаяние оставалось в покое, поманув[1] и совести молчать и до времени не приступать к делу. Когда же настало для него трудное время, тогда оно, как матерь, распростерши лоно свое, заключило его в объятия, исторгши его из рук мачехи — сластолюбия, чтобы возвратить матери — благочестию [3, 257].

42. Юноша воззвал: *отче, согреших на небо и пред тобою* (Лк. 15, 18). Согрешивший сын познал отца, жалуясь, что обольстивший его есть отчим и злоумышленник. Увидел он коварство, увидел обольщение и притек к покаянию, как к матери. Долгое время питался он рожцами и терпел голод; но покаяние, как сердобольная матерь, прияв этого юношу, снова питает его млеком, подавая ему сосцы свои, — млеком питает его, потому что грех истощил его силы через срамную жизнь. Если бы не было этого млека, не мог бы он исцелиться. Но кто не мог восстать, того восставило покаяние, напитав млеком. Оно уврачевало крайне немощного, и отдало на руки отцу [3, 258].

43. Видишь ли, что покаяние сперва представляется грешникам не суровым, но снисходительным и легким! Не предложило оно поста, не потребовало ни воздержания, ни бдения, но пригласило начать исповеданием: *согреших*. С легчайшего начинает, зная, что дальнейшее довершит совесть. Она — сотаинница покаянию; берет душу на свое попечение и спешит очистить ее. Ей известна благопокорность души, — и она правит ею, как всадник. Она хочет, чтобы принято было покаяние; желает, чтобы оно утвердилось в грешниках и, как солнце, проникло в ум и осветило его. Так она удобно приводит их к Богу и в непродолжительном времени делает стяжанием Его [3, 259].

---

[1] Подавая знаки.

44. Не должно нам, братие, отчаиваться в спасении, имея такую матерь — покаяние. Не должно терять надежду на спасение, когда утешает нас такая матерь. Уловленных лютым врагом вводило оно в рай к Богу; ужели отвратится от нас? Помиловало их, бывших вне Церкви, ужели не умилосердится над нами? Никто не позволит свободно другим расточать то, что сам собрал с трудом. Как же Богу и Отцу уступить врагу обладание нами, которых стяжал кровью Сына Своего? Мы — стадо Его, и Он — наш Пастырь. Он дал покаяние как очистительную воду, чтоб, если погрешим в чем, омываться им. У нас есть баня не только ***пакибытия***, но и ***обновления***. Если в чем согрешим, — омывшись покаянием, делаемся чистыми [3, 260-2].

45. Покаяние есть жертвенник Божий, потому что согрешающие при посредстве его умилостивляют Бога. Подзаконные, согрешив, должны были приносить жертву вещественную, и для этого идти во Иерусалим; а это исполнить не давала иным скупость, иным бедность, иным леность. В Новой Благодати все сие совершает одно покаяние, принося жертву в совести. Не требует оно козла, но исповедания. Нет горлицы у тебя, грешник? Воздохни, — и Бог вменит тебе это паче горлицы. Нет у тебя голубя? Возвести грехи свои Богу, — и это будет твоим всесожжением. Нет у тебя и никакой другой птицы? Плачь, — и вменится тебе в жертву. Если помолишься, Бог примет молитву твою вместо тельца. Если припадешь с искренним сердцем, усердие твое поставит выше принесенного в жертву вола. На что приготовлять тебе семидал? Покаяние очистит тебя без курения дыма [3, 262-4].

46. Покаяние есть и Божия трапеза, потому что через него вкушает Бог спасение человеческое. И Спаситель говорит: *Мое брашно есть, да сотворю волю Отца Моего, Иже на Небесех* (Ин. 4, 34). Итак, покаяние есть чудный хлеб Божий; Бог вкушает в нем исповедание совести; Он пиет в покаянии слезы умиления; в нем наслаждается благоуханною вонею — искренним чувством воздыханий; потому что они для Бога благоухающее кадило. Вот — многообразные брашна Божии: воздержание,

пост, бдение, прилежная молитва, покорность со смирением; ибо сие благоугоднее Богу многих жертв [3, 265-6].

47. Покаяние — праздник Богу; ибо Евангелие говорит, что Бог радуется более *о единем грешнице кающемся, нежели о девятидесятих и девяти праведник* (Лк. 15, 7). Покаяние, творя праздник Богу, призывает и небо на пир. Ангелы радуются, когда покаяние приглашает их на вечерю. Все небесные чины пиршествуют, возбуждаемые к веселью покаянием [3, 270].

48. Покаяние в жертву приносит согрешивших, но и опять оживотворяет их; умерщвляет, но и опять воскрешает из мертвых. Как же это? Слушай: берет оно грешных и делает их праведными. Вчера были мертвы, а сегодня они живы для Бога покаянием; вчера были чужие, а сегодня свои Богу; вчера беззаконны, а сегодня святые. Покаяние есть великое горнило, которое принимает в себя медь, и претворяет ее в золото; берет свинец и отдает серебро. Если видал ты, как стекло принимает цвет гиацинта или смарагда, или сапфира, то не усомнишься в таких претворениях силою покаяния. Покаяние, по благоволению Божию, срастворяет кающегося с благодатью Святого Духа и человека всецело делает сыном Божиим [3, 271-2].

49. Закон повелевал священные вещи устроять все из золота. Законодатель не допустил пустоты в этих драгоценностях, чтобы мы знали, что святые Божии имеют в себе всецелую святость. Слушай, кающийся! Приступи к Богу от всего сердца, и Он воздаст тебе всецелым тебя переплавлением. Взыскал ты переплавления в огне покаяния; смотри, ничего не оставляй непереплавленным. Вот что я разумею. Приносишь ты, положим, покаяние в блуде. Смотри, отбрось все виды блуда, потому что им порождены всякие распутства. И не только это, но отбрось и все, ведущее к осквернению им: смех, шутки, сквернословия, чревоугодия, — сии пути к блуду [3, 272-4].

50. Всецело отложи все греховное. Пророк Моисей, когда народ согрешил, повелел распять змия, то есть истребить грехи, — и сделал змия не пустого, но литого и цельного. Для чего же? Показывая сим тебе, что совершенно должен ты отвращаться от всякого лукавства. Он сделал змия всего из меди,

потому что корень всему злу есть сребролюбие. Литым вынул его из горнила, чтобы остановил ты в себе воспламенение, расширяющееся в тебе к растлению ума. На древе же повесил змия, чтобы ты, каясь, распял в себе сии три порока, потому что от них бывает душевная смерть [3, 275-276].

51. К тебе слово мое, кающийся; не имей в себе пустого места; будь тверд в решимости противостоять греху и стоять в добре как камень. *Утвердися сердце*, по пророку, да *не подвижится* (Пс. 111, 8, 5). Ты должен принести твердое покаяние, как Петр, потому что твердо грешил. Бог не приемлет покаяния, не оказывающего в себе твердого дела. Многие подражают в походке царям, но за это не чтут их как царей. Так и кающиеся, если не твердо принесут покаяние, будут иметь только вид кающихся, без силы, какую дает покаяние. Приносящие покаяние только напоказ, творят не один грех, но многие грехи, потому что и других располагают приносить наружное только покаяние. Таковым не только не отпускается, но еще прилагается грех [3, 281-2].

52. Приноси же твердое покаяние, согрешивший, чтобы получить тебе прощение. Святой Павел сказал, что назидающий на основании *дрова, сено, тростие* (1 Кор. 3, 12), не получит награды; сказал же сие не только об учении, но и о покаянии. Если кто не приносит твердого покаяния, то он — тростие, дрова, которые плавают поверх воды. Кто нетвердо приступает к покаянию, тот — дрова; и таковой не только будет отвержен, но и сожжен, как сказано, огнем. За что же? За то, что думал посмеяться Богу [3, 283].

53. Принесем покаяние, как ниневитяне, чтобы и нам улучить спасение. Истинно покаялись они, истинно и спаслись; как согрешили, так и покаялись, — и были приняты. Не половиною только обратились, потому что равно плакали и цари, и простолюдины. Не часть только их исправилась, потому что вместе рыдали и властелины, и рабы. Не короткое только время раскаивались, — потому что целые три дня, мужи и жены, младенцы и старцы не переставали приносить исповедание. Поверили приговору и, как бы готовясь к смерти, горько сетовали друг

о друге. Под Ниневиею разумею человека, а под множеством ее жителей представляю части души и движение ума. Как они всенародно приступили к покаянию, так и мы всеми силами в целом составе своем должны приносить покаяние [3, 292].

54. В законе повелел Бог не только истребить идолов, алтари и кумирницы, но и пепел сожженных камней и деревьев, как нечистый, выбросить вне стана. И ты, кающийся, содержи в уме, что на тебе лежит обязанность истребить в себе всякий след греха. Если останется в тебе пепел греховный, то привлечены будут нечистые животные и пресмыкающиеся. Если же извергнешь его из себя, то тебя не будут тревожить даже скнипы греховные и комары. Очисти ум свой вполне от греховных мертвецов, — и самое зловоние их исчезнет в тебе. Греховные же мертвецы суть страстные воспоминания. Если останутся они в тебе, то омрачат твою мысль, и помыслы твои заставят кружиться, которые, как густая мгла, налягут на душевные очи твои [3, 292-293].

55. Выжмем себя покаянием, чтобы не утратить нам благодати прощения, как настоящей своей краски. Выжимание есть тщательное отложение противного. Ибо таким образом наведенный на нас цвет (прощения), закалившись в душах наших, не сойдет уже. Тщательно измой себя слезами, как красильщики вымывают волну, предайся смирению, сократи себя во всем; ибо таким образом предочистив себя, приступишь к Богу готовым уже к принятию благодати [3, 294].

56. Некоторые из кающихся снова возвращаются ко греху, потому что не знали сокрывающегося в нем змия, а если знали, то не совершенно извергли его из себя, но позволили остаться внутри следам его образа; и он вскоре, как бы зачавшись в утробе, снова восстановляет полный образ своей злобы. Когда видишь кающегося и снова согрешающего, то разумей, что он не переменился в уме своем; потому что оставил в себе все позывы греховные. Признак же приносящего твердое покаяние — образ жизни собранной и суровой, отложение кичливости, самомнения, а также очи и ум всегда устремленные

к вожделенному Иисусу Христу с желанием, по благодати Христовой, стать новым человеком [3, 294-295].

57. Оградись от того, что противоположно добродетели. Если ты постишься, и безумно смеешься, то легко тебя запнуть. Если на молитве плачешь, а в обществе ведешь себя по-мирскому, то скоро уловят тебя в сети. Если при целомудренном поведении ты беспечен, — то не умедлишь пасть. Покаяние должно приносить от всего сердца. Кающемуся надлежит быть постоянно одним и тем же, а именно, всегда быть тем, чем начал быть. Если у кого будет в чем недостаток, это уже признак несовершенного обращения. Если он изменится, то сим обличается, что в сердце его не положено твердое основание жизни по Богу. Такой человек приносит покаяние как обучающееся дитя и, как битый, плачет по нужде, а не по произволению. Мирские законы исправляют страхом поведение, но не переменяют сердечного расположения. Так и покаяние иной приносит с заднею, может быть, мало сознаваемою мыслию, — поблажить иногда греху [3, 295].

58. Некто из пророков сказал: *в сонме Господни* не клевещите *слезами* (Мих. 2, 5-6). Сим не отметает пророк покаяния, и не исповедание пред Господом смиренного сердца называет клеветою, но говорит, что если при худом намерении притворно проливаются слезы, то подобное покаяние непрочно. И еще говорит: *расторгните сердца ваши, а не ризы ваша* (Иоил. 2, 13). Ибо хочет, чтобы мы не тщеславились покаянием, а действительно каялись. И Давид говорит: *слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Не в церкви буду проливать слезы, показывая пред людьми одну только наружность и домогаясь славы, чтобы почли меня праведным, но на ложе моем слезами измыю на всяку нощь постелю мою, чтобы в согласии быть со Христом, Который говорит: затворив клеть твою помолися, и Отец, для Которого делаешь это *втайне, воздаст тебе* и умилостивится над тобою *яве* (см. Мф. 6, 6) [3, 296].

59. Многие торгуют исповедью, выставляя себя нередко напоказ лучшими, нежели каковы они действительно, и тем прикрывают себя. Другие промышляют покаянием, покупая им

себе славу. Иные обращают покаяние в повод к гордыне, и вместо прощения пишут на себя новое долговое обязательство. Еще не освободился ты и от прежнего долга, — и входишь в новый? Пришел ты заплатить долг, — и связываешь себя новым обязательством? Стараешься освободиться от долга, и готовишь себе новое рабство? Вот что значит сказанное: *молитва его да будет в грех* (Пс. 108, 7). И как такому не возвратиться ко греху? Как снова не предаться страстям? Змий оставит ли его в покое? Перестанут ли тревожить его пресмыкающиеся? Увы! Исполнится над таковым сказанное Христом, что поселятся в нем *седмь других горших духов* (Лк. 11, 26) [3, 297].

3

Общее очертание жизни посвятивших себя на угождение Господу и содевание своего спасения[1]

1. Всем, которые посвятили себя Богу, и всегда стараются *представить телеса* своя *жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1), надлежит, согласно со священными обетованиями Евангелия и прочих Святых Писаний, веровать, что, предав себя на всякое дело благое и на всякое упражнение в добродетели, они, с благодатью Христовою и силою Божиею, могут получить совершенное избавление и очищение от страсти бесчестия, возбуждающейся в душе и теле. Невозможное для нас возможно для обетовавшего Бога. К тому же греховные страсти впоследствии превзошли в душу и тело вследствие преступления первозданного человека.

Хотя слово направлено к иночествующим, но в общем оно применимо ко всем.

2. Мы, верующие, прияли через святое Крещение залог благодати, как талант, для многократного умножения и приращения через то обетованного наследия. Божественный и Утешительный

---

[1] Из 110 слова извлечено сокращенно, стр. 508-565.

Дух, данный апостолам и через них преподанный единой истинной Церкви Божией, с минуты крещения пребывает в каждом приступившем ко крещению с чистою верою, — и каждый получает этот ***мнас*** для приумножения, возделания и приращения, как сказано в Евангелии.

3. Как младенец, рожденный в веке сем, не остается навсегда в младенческом возрасте, но ежедневно растет по закону естества, пока не придет в совершенного мужа: так и рожденный свыше водою и Духом не должен оставаться в младенчестве духовном, но, постоянно пребывая в подвиге, труде и многом терпении, обязан через борьбу с духовным сопротивником преуспевать и возрастать до полноты духовного возраста, — или *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова*, как учит апостол (Еф. 4, 13).

4. Но в телесном рождении родившийся младенец по необходимому закону природы достигает мужеского возраста: ибо так определил Промысл Божий, чтобы телесный возраст приходил в совершенство не по собственному произволению, а по уставу естества; а в духовном рождении свыше Бог установил иной порядок, — именно, — в деле духовного возрастания предоставил свободному произволению человека труд, подвиг и усиленное с твердым терпением шествие (к этой цели). *Подвизайтеся,* говорит Господь, *внити сквозе тесныя врата* (Лк. 13, 24); и еще: употребляйте усилие, потому что усиленные искатели восхищают Царствие Небесное (см. Мф. 11, 12); и еще: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). Так домостроительствовала благодать Божия, чтобы каждый, по собственному расположению и по собственной воле, трудом и подвигом достигал духовного возрастания.

5. В какой мере предается кто телесному и душевному подвигу со всяким услаждением добрыми делами, в такой же мере приобретает он причастие Святого Духа к духовному возрастанию в обновлении ума, — по благодати и туне получая (силы во) спасение, а по вере, любви и подвигу свободного произволения восходя в преспеяние и меру, чтобы как по благодати, так и правде, стать наследником вечной жизни. Не все-

цело Божиею силою и благодатью, без собственного человеческого содействия и старания возрастает он в преспеянии, и не всецело собственною силою и мощию, без содействия и помощи Духа, имеем возможность прийти в совершенную волю Божию и в меру чистоты. Ибо *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии; аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. 126, 1).

6. Что есть *воля Божия... совершенная,* которой достигать увещевает и убеждает апостол каждого (Рим. 12, 2)? Очищение и освящение сердца причастием Духа Божия, несомненно происходящее в душе, которая с верою и любовию всецело предает себя Богу. Господь сказал: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 7); от тех, которые желают достигнуть такого блаженства, требует совершенного очищения от греха, то есть решительного освобождения от страстей бесчестия и совершенного водворения в себе самой высшей добродетели. На это указует и пророк, когда, молясь, сказал: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50, 12); и еще: когда, вопросив: *кто взыдет на гору Господню, или кто станет на месте святем Его,* — ответил: *неповинен рукама и чист сердцем* (Пс. 23, 3-4). Этим Дух показал, что мы должны собственною своею деятельностью совершенно отсечь от себя грех, совершаемый делом, словом и помышлением, стремясь к совершенной чистоте духа, и надеясь достигнуть оной благодатью Святого Духа. Вот и апостол, сказывая, какими должны быть души, удаляющиеся от плотского брака и мирских уз и желающие пребывать в девстве, говорит: *непосягшая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята* не *телом* только, но *и духом* (1 Кор. 7, 34). Он внушает этим, что душе, невесте Христовой, желающей сочетаться с чистым Небесным Царем, надлежит стать свободною от деятельной и мысленной грешности, или как от явных грехов, так и от тайных страстей, по сказанному у Иоанна Богослова: *всяк имеяй надежду сию нань, очищает себе, якоже Он чист есть* (1 Ин. 3, 3).

7. Не от явных только грехов — блуда, воровства, чревоугодия, клеветы, празднословия, кличей, смеха, многоимения —

должна быть чистою душа, устранившая себя от мирского общения и возжелавшая пребывать в союзе и общении с нетленным Женихом; но тем паче надобно ей содержать себя в чистоте от сильнейших душевных страстей и тайных грехов, то есть от похотливости, тщеславия, человекоугодия, лицемерия, любоначалия, лести, злонравия, ненависти, неверия, зависти, превозношения, ревнивости, самоугодия, самолюбия, кичения и подобных этим невидимых *страстей бесчестия* (Рим. 1, 26). Писание и сокровенные душевные грехи почитает подобными грехам обнаруженным в действии; потому что это — отпрыски одного и того же корня. Так пророк неких обличает: *в сердце беззаконие делаете* (Пс. 57, 3). А о себе молится: *от тайных моих очисти мя* (Пс. 18, 13). Почему сколько стараемся охранять от явных грехов внешнего человека, то есть тело, как храм Божий: столько же нужно иметь старательности и подвигов к охранению внутреннего человека, то есть души, от всякого лукавого помысла, по сказанному: *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23).

8. В этом очищении сердца преуспеем мы, если всегда будем противоборствовать и противоречить лукавым помыслам: тщеславия, ненависти, кичения, лести, похоти, соперничества, любоначалия и проч. — со всею строгостью испытывая самих себя, и сохраняя ум свой от союза и согласия с тайными душевными страстями, и напротив, с усилием предаваясь всякому доброму начинанию, труду и подвигу, чтобы полагать препятствия врагу своему. Ибо если будем так действовать, то Господь, видя душевный подвиг наш, по человеколюбию Своему, собственною силою Духа, непременно совершит в нас великое исцеление от тайных страстей, отмщая мысленным врагам нашим.

9. В какую духовную меру должно нам стремиться взойти, этому поучимся у святого Павла. Он говорит: вся забота наша к тому обращена, *да представим всякаго человека совершенна о Христе* (Кол. 1, 28). А в чем сие совершенство, это указал он в молитвенном благожелании своем ефесянам, говоря: *да даст вам* (Бог), — *силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце: вселитися Христу верою в сердца ваша: в любви вкоренени...*

да возможете... и проч. (Еф. 3, 16, 18). Венец всего любовь; что еще разительнее представил он в другом послании, где перечисляя разные дарования Божии и самопожертвования человека, ко всякому прибавляет, что все сие и подобное ничто, если нет любви. Любовь же потом изображает поядательницею и истребительницею всех страстей (см. 1 Кор. 13, 1-8). Вот предел совершенства. Из этого следует, что сподобившиеся исчисляемых святым Павлом дарований, но не приявшие еще избавления (от страстей), силою совершеннейшей и действенной духовной любви, находятся еще в опасности, борении и страхе, хотя имеют уже дарования духовные.

10. Это показал апостол для тех, которые желают верно восходить к христианскому совершенству, чтобы кто из сподобившихся каких-либо дарований не подумал о себе, что и при неполном действии благодати достиг уже совершенства, и чтобы, возмечтав, будто ни в чем не имеет уже нужды, и удовлетворившись одними низшими дарованиями, не остался он не достигшим должного предела совершенства. Указанием же этой цели совершенства апостол учит, чтобы каждый, признавая себя нищим пред таким богатством любви, непрестанно и неослабно подвизался подвигом добрым, и проходил духовное поприще, пока не достигнет цели, по сказанному: *тако тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24).

11. Так много распространил я рассуждение о цели подвижничества с тою целью, чтобы в хотящих восприять его верную установить мысль о том, какое у нас упование, и какое предлежит нам поприще, и чтобы каждый и каждая из посвятивших себя Богу, имея, по руководству этой мысли, постоянно в виду, куда мы призваны и какой обязаны достигать меры, всеми способами, изо всех сил и со всяким тщанием самих себя и все, что имеем в веке этом, всегда усердно посвящали на благое, не допуская, однако же, самомнения, будто мы нечто, но рассуждая о себе, что мы действительно всегда ничто в сравнении с превосходством совершенной меры звания нашего и неисследимого богатства любви Христовой. *Терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на начальника веры и совершителя*

Иисуса (Евр. 12, 1, 2), — *задняя убо забывая, в предняя же простираяся* (Флп. 3, 13).

12. Как же, братия, должны жить и вести себя друг с другом? Какими трудами, потами и упражнениями любители истины могут достигать сказанной выше цели?

Стремящийся к этой цели, удалившись от мира и от мирских удовольствий, да предаст душу свою братству. Так заповедал Спаситель, когда, перечислив, что должен оставить желающий идти вслед Его, присовокупил: *еще же и душу свою* (Лк. 14, 26). Ибо что значит оставить душу свою, или отречься от нее? Безусловно и всецело предать себя братству, отнюдь не исполнять собственной своей воли, и решительно ничего не иметь в своей власти, кроме одежды, которую носит, чтобы ему можно было, ни о чем не имея попечения, всегда с радостью исполнять только то, что ему приказано. Отрекшийся от души своей, всех братий, и особенно настоятелей, да почитает как господ и владык; и со всяким благоразумием да служат им, *не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы* (Еф. 6, 6). Предав себя Господу, да течет он сим узким и тесным путем (послушания) и охотно да подклоняется под это благое иго Христово, несомненно веруя, что оно уготовляет ему великое спасение.

13. Братия должны жить между собою в простоте, чистоте, единодушии, мире и сердечной искренности. Никто да не превозносится над другим, и да не почитает себя лучшим или высшим кого-либо; а напротив того, всякий, как ученик Христов, да признает себя скуднейшим всех людей, чтобы любовью, простотою, отсутствием соперничества и кичливости, при взаимном подчинении друг другу, в страхе Божием, мог сохраняться в братстве союз мира, как бы оно было едино тело и един дух о Христе Иисусе.

14. Намереваясь держаться таких правил, каждый прежде всего всеми мерами да старается иметь в сердце своем священную любовь и страх Божий; непрестанно да просит их себе у Бога, и частым, лучше же сказать, непрестанным памятованием

о Господе и о небесной любви всячески да ревнует возращать их в себе ежедневно, при помощи благодати.

15. В любви же к ближнему (после этого) легко уже можем преуспеть. Поставь первое на первом месте, тогда второе, следуя за первым, совершится по порядку. А если кто вознерадит о первой великой заповеди, — о любви к Богу, которая при Божием содействии образуется в нас из внутреннего расположения, доброй совести и здравых мыслей о Боге, — вознамерится же иметь попечение о второй подобной ей, то отсюда проистечет одно только внешнее служение братиям, и никогда не будет он в состоянии исполнить это служение чисто и здраво; потому что козни злобы, находя ум его далеким от памятования о Боге, от любви и стремления к Нему или будут производить в душе роптание и жалобы на служение братии, представляя его трудным и тяжелым, или станут надмевать его и заставлять мечтать о себе, как о досточестном и великом, обольщая мыслью о своем многоделании в пользу всех. Когда человек далек от памятования о Боге и от страха Божия, тогда необходимо ищет он славы, и домогается похвалы от тех, кому служит. А когда самый ум и душевное расположение всегда заняты помышлением о Боге и стремлением к Нему, тогда, в сообразность любви Божией, человек, все делая во славу Божию и богатясь чистыми и Богу угодными делами любви к братиям, получает совершенный успех в своем труде, имеющем увенчаться вечным воздаянием от Бога.

16. Всякое предприемлемое нами упражнение в добродетели да совершается во славу Божию, и да не окажется совершаемым к собственной нашей славе. Всякое последование заповедям свято бывает и совершается нами чисто тогда только, когда совершается при памятовании о Господе, со страхом Божиим и по любви к Богу. Таким настроением далеко отгоняется от нас враг, всегда покушающийся осквернить исполнение заповеди, — и все повелеваемое в заповедях бывает для нас легко и удобоисполнимо; потому что любовь Божия в нас делает нетрудными заповеди, и всякое затруднение при исполнении их устраняет. Враг всячески усиливается отвлечь ум наш

от памятования о Боге, от страха и любви ко Господу разными земными приманками, чтобы потом какими-либо благовидностями отвратить и сердце наше к благам мнимым от блага истинного, то есть от любви к Богу. И все, что ни делает человек доброго, лукавый усиливается омрачить и осквернить, примешивая к исполнению заповеди свои семена тщеславия или сомнения, или ропота, или чего-либо подобного, чтобы делаемое добро не было истинное добро, — которое бывает только тогда, когда смиренномудренно и усердно совершается для Бога. Вот почему каждому потребно много ведения и рассуждения, чтобы ум мог распознавать козни и ухищрения врага и отревать от дел своих все греховное. Ибо и хорошее какое дело можно сделать нерадиво или небрежно, или с нечистым намерением, отчего оно окажется не благоугодным Богу, и можно сделать оное по воле Божией, тщательно, трезвенно, для Бога, — так что оно окажется благоугодным пред Богом.

17. Всецело предавшие себя Богу должны по мере сил своих исполнять все заповеди, так как всем очевидно предлежит одна цель благочестия, — именно — чтобы по вере и ревности о всех добродетелях сподобиться нам исполнения Духом Святым, и приобрести совершенное освобождение от страстей, то есть очищение сердца, производимое в душах верных и благочестивых освящающим Духом. Поэтому каждый да посвящает себя добру по той мере, до которой простирается душевная любовь к Богу. И, наконец, если кто желает непрестанно молиться, то да пребывает он постоянно в молитве (разумеются затворники).

18. Итак, если кто из братий желает вступить в молитвенный подвиг из любви к небесным благам, то надлежит его допустить до этого, — и весьма достоин он похвалы перед людьми и пред Богом. Единодушными братиями с радостью да будет дозволено такому пребывать в молитве, чтобы и сами они получили награду от Бога за данное брату соизволение и доброе ему содействие; только бы решающийся на сие решался, испытывая неудержимое жаждание пребывать с единым Господом, — и самым делом пребывал в этом подвиге непрестанного стремле-

ния ко Господу, противясь всем излишним помыслам, чтобы таким образом плоды его, к общему назиданию, для всех делались явными ежедневно. Кто имеет любовь ко Господу, хотя бы не было еще в нем уязвления и горения любовию божественною во время молитвы, но если делает он над собою усилия, подвизается и принуждает волю к труду сему, безусловно предавая себя небесной любви, стараясь приобрести истинную духовную молитву, тому с радостью да позволят пребывать в молитве прочие братия, и лучше сказать, да содействуют ему, как помощники, признавая собственным своим приобретением преспеяние брата в совершеннейшем, да не отвлекают от этого, действуя по соперничеству и ревности, да не препятствуют началу прекрасного ревностного подвига, и да не прерывают доброго стремления к Богу. И Бог, видя горячность взаимной любви, исполнит прошения всех, удовлетворяя каждого за правое и доброе изволение касательно друг друга.

19. Вступивший в чин молитвенников, как принял на себя самое великое дело, так и подвиг должен принять самый обширный, потому что к непрестанному пребыванию в молитве много препятствий: сон, уныние, отяжеление тела, кружение помыслов, нетерпение, расслабление; и кроме всего этого восстание лукавых духов, которые ведут брань с душою, самым делом непрестанно взыскующею Бога, противоборствуя ей и всячески возбраняя приблизиться к Богу. Поэтому ему надлежит постоянно пребывать в трезвенном внимании ко всему внутри происходящему, в борении, терпении и плаче, всеусильно стараясь не допускать ничего неблагоприятного молитве.

20. Если молитву нашу не будут украшать смиренномудрие, любовь, простота и доброта, то нимало не принесет нам пользы такая молитва, или лучше сказать, это будет личина молитвы. Это, впрочем, должно сказать не об одной молитве, но о всяком вообще подвиге: девства ли то или посте, или бдении, или псалмопении, или служении и о всяком другом труде, совершаемом ради добродетели. Если при них не находим в себе плодов любви, мира, радости, кротости, смирения, простоты, искренности, терпения, независтливости и подобное,

то напрасны все такие труды и подвиги. Ибо для таковых плодов они и подъемлются; почему когда не находится в нас этих плодов, то всякое делание наше и все подвиги наши тщетны. Не имеющие этих плодов в день Суда окажутся в одном ряду с юродивыми девами.

21. Неспособные еще в совершенстве посвятить себя делу молитвы, с верою и страхом Божиим уготовляйте себя на служение братии или на прохождение послушаний; и вступив в сей труд, совершайте его как исполняющие заповедь Господню и делающие духовное дело; будьте внимательны к нему, как к делу Божию, и служите с радостью, как рабы Господни, отнюдь не допуская злобе врага осквернять доброе дело ваше человекоугодием или ропотом, или высокомерием, или разленением, или небрежностью; а напротив, всячески стараясь прекрасное послушание свое освящать благоговением и любовию к Богу, да будет оно благоприятно пред Ним.

22. Итак, поелику всем братиям, ведущим один образ жизни, предлежит одна, сказанная выше цель, то каждый да подвизается по мере сил, и да верует Богу, что при доброй тщательности и при упражнении в добродетели достигнет он в совершенную меру христианского сыноположения. Простота же, искренность, взаимная любовь, радость и во всем смиренномудрие да будут всегда непоколебимыми в братстве, как основание, чтобы иначе, превозносясь или надмеваясь друг над другом, или предаваясь ропоту, не сделать нам труда своего напрасным. И тот, кто пребывает непрестанно в молитвах, да не превозносится над неспособным еще к такой постоянной молитве, чтобы дело его могло преспевать пред Богом и людьми. И тот, кто посвятит себя служению или прохождению другого какого послушания, да не ропщет по внушению злобы, и да не клевещет на пребывающего в молитвах и постах, чтобы и ему приобрести благодать у Бога, и чтобы дело его стало благоприятно Богу.

Будучи членами друг друга, обязаны мы один другого покоить. Как телесные члены, управляемые одною душою, без зависти услуживают друг другу, так и мы, будучи членами друг

друга, управляемы единым Духом и питаемы единым живым словом Истины, должны, ко взаимному друг друга упокоению, приводить себя в общее согласие любовию и простотою, добротою и радостью. — Когда будет сохраняемо такое расположение взаимной друг с другом простоты,тогда избыток упражняющихся в молитвах восполнит недостатки в этом деле несущих послушания, и обратно, избыток от трудов несущих послушание восполнит недостатки этого в пребывающих в молитвах, яко да будет, по слову апостола, *равномерность* (2 Кор. 8, 13). Только бы были утверждены между братиями простота, любовь, смиренномудрие и независтливость. Тогда в какой мере кто верует, любит и трудится, в такой же мере, ежедневно преуспевая, сподобится Царствия. Вот подлинно ангельская жизнь! Это-то и значит: *да будет воля Твоя яко на небеси и на земли,* — когда соединяемая друг с другом независтливостью, простотою, любовию, миром и радостью, преспеяние ближнего почитая собственным своим приобретением, а равно немощи, или недостатки и скорби, признавая собственным ущербом, как сказано: *не своих си кийждо, но и дружних кийждо смотряйте* (Флп. 2, 4). Таким образом, сострадая друг о друге, и особенно сильные о слабых, и крепкие о немощных, в состоянии будем исполнить закон Христов, как указал святой Павел (см. Гал. 6, 2).

4

О добродетелях и страстях[1]

(Т. 3, стр. 619-634)

1. Надобно знать, что поелику человек двойствен, то есть состоит из тела и души, то и чувства имеет двоякие. Есть пять чувств душевных и пять чувств телесных. Душевные у мудрецов

---

[1] Главное дело для решившегося благоугождать Господу есть очищение сердца через борьбу со страстями. Возымевшему это в виду надо знать, что есть и бывает в нас доброго и худого, чтобы одно возращать, а другое подавлять и искоренять. Святой Ефрем изображает это в 122-м Слове.

называются силами души и суть следующие: ум, разум (рассудок), мнение (смысл), воображение и чувствование; телесные же чувства суть: зрение, обоняние, слух, вкус, осязание. Отсюда происходят двоякие добродетели и двоякие пороки. И всякому человеку весьма необходимо знать в ясности, какие есть добродетели душевные и какие добродетели телесные, а также какие душевные и какие телесные страсти.

Добродетели душевные

2. О душевных добродетелях утверждаем, что главным образом четыре родовые добродетели, а именно: мужество, благоразумие, целомудрие, справедливость. От них же рождаются следующие душевные добродетели: вера, надежда, любовь, молитва, смирение, кротость, великодушие, терпение, доброта, негневливость, боговедение, нераздражительность, простота, невозмущаемость, нелицемерие, правдолюбие, свобода, отвращение от осуждения, от тщеславия, от кичения, от гордости, от зависти, от коварства и от сребролюбия, сострадательность, милосердие, щедрость, почтительность, благоговение, влечение к будущим бессмертным благам, желание Царствия Божия, вожделение всыновления.

Добродетели телесные

3. Телесные же добродетели, о которых вернее можно сказать, что они ведением по Богу обращаются в орудия добродетелей и, если чужды всякого лицемерия и человекоугодия, возводят человека к преспеянию в смирении и бесстрастии, суть следующие: воздержание, пост, голод, жажда, бдение, всенощное стояние, коленопреклонение, постоянное нехождение в баню, удовлетворение себя одним хитоном, сухоядение, позднее и то в малом количестве вкушение пищи, питие одной воды, возлежание на голой земле, нищета, нестяжательность, изможденность, небрежность в одежде, несамолюбивость, уединение, безмолвие, безвыходное пребывание в келлии, скудость, довольство малым, молчаливость, собственноручное упражнение в рукоделии, всякое злострадание и всякий телесный подвиг. Все сие, когда тело здорово и трево-

жат его плотские страсти, весьма нужно и полезно; а когда оно немощно, и при помощи Божией преодолело в себе страсти, не столько необходимо; потому что все исполняет святое смирение и благодарение.

Страсти душевные

4. Душевные страсти суть: забвение, леность и неведение. Сими тремя страстями омрачаемое око душевное, то есть ум, подпадает господству прочих страстей, каковы суть: нечестие, неправоверие, то есть всякая ересь, хула, раздражительность, гнев, досада, вспыльчивость, человеконенавистничество, памятозлобие, клевета, осуждение, неразумная печаль, страх, боязнь, раздор, ревность, зависть, тщеславие, гордость, лицемерие, ложь, неверие, неблагоразумие, неразборчивость, недальновидность, ненасытность, любостяжание, леность, притязательность, пристрастие, привязанность к земному, уныние, малодушие, неблагодарность, ропот, кичение, самомнение, запальчивость, высокомерие, любоначалие, человекоугодие, коварство, бесстыдство, нечувствительность, ласкательство, скрытность, насмешливость, двоедушие, соизволение на грех по страсти, непрестанное помышление о грехах, скитание помыслов, самолюбие — матерь всего худого, сребролюбие — корень всех пороков и страстей, злонравие и лукавство.

Телесные страсти

5. Телесные же страсти суть: чревоугодие, прожорство, роскошь, пьянство, ядение в тайне, разные роды сластолюбия, блуд, прелюбодеяние, распутство, нечистота, кровосмешение, деторастление, скотоложство, худые пожелания и всякие противоестественные и постыдные страсти, воровство, святотатство, разбой, убийство по зависти или в неразумном раздражении, всякое телесное успокоение, удовлетворение хотениям плоти, особенно в здоровом состоянии тела, волшебство, ворожбы, чародеяния, гадания, предвещание, щегольство, легкомыслие, нега, страсть к нарядам, натирание лица, предосудительное распутство, игра в кости, пристрастная преданность мирским удовольствиям, жизнь плотоугодная, одебеляющая ум, делающая его оземленившимся и скотоподобным, и никак

не допускающая возвести взор к Богу и к делам добродетелей. Корнем же всех зол и, как сказал бы иной первою причиною, служат сластолюбие, славолюбие и сребролюбие, от которых рождается все худое.

6. Но человек не грешит ни одним грехом, если наперед, как говорит мудрый из подвижников Марк, не превозмогут над ним и не возобладают им сильные эти исполины, то есть забвение, леность и неведение. Их же рождает сластолюбивая и покойная жизнь, привязанность к людской славе и развлечению. А первоначальная причина и самая негодная матерь всему этому есть самолюбие, то есть неразумная привязанность и страстная приверженность к телу, разлияние и рассеянность ума, вместе с острословным сквернословием, всякою вольностью в речах и смехом, кои приводят ко многому худому и ко многим падениям.

7. Сверх того надобно знать, что обратившееся в страсть сластолюбие весьма разнообразно и много имеет видов, и что много удовольствий, обольщающих душу, когда не трезвенствует она пред Богом, и не объемлется страхом Божиим и любовию Христовою, озабоченная деланием добродетелей. Ибо отовсюду представляются тысячи удовольствий, привлекающих к себе душевные очи: и телесная красота, и деньги, и роскошь, и слава, и леность, и гнев, и обладание, и любоначалие, и любостяжательность — на обольщение наше доставляют нам удовольствия, у которых взор светел и любезен, достаточен, чтобы привлечь к себе обвороженных чем-либо подобным, и не имеющих в себе сильной любви к добродетели, но испытывающих трудность. Всякая земная связь, всякое пристрастие к чему-либо вещественному, как бы ни было оно маловажно, в пристращающемся производит удовольствие и приятное ощущение, хотя неразумное, и впоследствии вредное, и вожделевательную силу души так сильно в этом порабощает, что покорившийся страсти лишением любимого ввергается в раздражительность, в печаль, в гнев, в памятозлобие. А если сверх пристрастия овладевает человеком хотя небольшая привычка, тогда, увы! она

делает, что плененный неразумным пристрастием до конца предается ему, по причине сокрытого в нем удовольствия.

8. Удовольствие похоти, по сказанному выше, многообразно, и находит себе удовлетворение не только в блуде и других телесных наслаждениях, но и в прочих страстях. И целомудрие состоит не в том только, чтобы воздерживаться от блуда и от плотских удовольствий, но чтобы свободным быть и от прочих страстей. Потому корыстолюбец, сребролюбец, любостяжательный — не целомудр. Как один пленяется телесною красотою, так этот деньгами. И последний еще в большей мере не целомудр; потому что не имеет равного с первым побуждения, которое бы нудило его требованием самой природы. Ибо не тот всадник, по справедливости, наиболее называется неискусным, который не удерживает упрямого и рьяного коня, но тот, который не умеет управиться с конем смирным и послушным. И из всего видно, что страсть к деньгам выше прочих и неестественна; и побуждение к оной заключается не в природе нашей, но в превратном произволении; почему, кто преодолевается ею, тот грешит непростительно. Поэтому надлежит нам ясно уразуметь, что сластолюбие не ограничивается одною блудливостью и телесными наслаждениями, но имеет место во всем, что любим по душевному произволению и пристрастию.

9. Чтоб еще яснее узнать нам страсти, признали мы необходимым присовокупить и следующее.

Душа делится трехсоставно: на силу мысленную, раздражительную и вожделетельную.

И грехи мысленной силы суть следующие: неверие, ересь, неблагоразумие, хула, неразборчивость, неблагодарность и соизволение на грехи, происходящие от страстной силы в душе. К уврачеванию же и исцелению от этих грехов служат — несомненная вера в Бога, истинные и непогрешительные догматы, постоянное изучение словес Духа, чистая молитва, непрестанное благодарение Богу.

Грехи раздражительной силы суть следующие: жестокосердие, ненависть, несострадательность, злопамятство, зависть, убийство и постоянное помышление о подобном сему.

К уврачеванию же и исцелению от этих грехов служат человеколюбие, любовь, кротость, братолюбие, сострадание, терпеливость и доброта.

Грехи вожделетельной силы суть следующие: чревоугодие, прожорство, пьянство, блуд, прелюбодеяние, нечистота, распутство, корыстолюбие, вожделение пустой славы, золота, богатства и плотских удовольствий. К уврачеванию же и исцелению от оных служат: пост, воздержание, злострадание, нестяжательность, расточение денег на бедных, стремление к будущим благам, желание Царствия Божия, вожделение всыновления.

10. Скажу теперь и о страстных помыслах, которыми приводится в исполнение всякий грех.

Всех порочных помыслов восемь: чревоугодия, блуда, сребролюбия, гнева, печали, уныния, тщеславия, гордости. Чтобы все сии помыслы тревожили или не тревожили нас, это не в нашей воле; но чтобы они пребывали или не пребывали в нас, и возбуждали или не возбуждали страсти, это в нашей воле.

Но иное дело — ***приражение***, иное — ***сдружение***, иное — ***страсть***, иное — ***борьба***, иное — ***соизволение***, приближающее к делу и уподобляющееся оному, иное — ***самодеятельность***, иное — ***пленение***.

Приражение есть простое напоминание, делаемое врагом, например: сделай то и то, как враг сказал Христу Богу нашему: *рцы, да камение сие хлебы будут* (Мф. 4, 3). И это, как сказано, не в нашей воле.

Сдружение же есть принятие помысла, внушаемого врагом, и как бы занятие им и с удовольствием соединенное собеседование с ним, происходящее по нашему произволению.

Страсть есть вследствие сдружения образовавшийся навык к помыслу, внушаемому врагом, и как бы постоянное о нем помышление и мечтание.

Борьба есть взаимное противление помысла и ума, клонящееся или к истреблению страсти в помысле, или к соизволению на страстный помысл, как говорит апостол: *плоть бо похот-*

ствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся (Гал. 5, 17).

Пленение есть принужденное, невольное увлечение сердца, преобладаемого предубеждением и долговременною привычкою.

Соизволение есть изъявление в помысле согласия на страсть; а ***самодеятельность*** — самое действие по соизволению страстного помысла.

11. Кто своим противоречием и твердостью в самом начале отражает от себя первое, то есть приражение, тот за один раз пресекает все остальное.

Истребляется же чревоугодие воздержанием, блуд — божественною любовию и влечением к будущему, сребролюбие — сострадательностью к бедным, гнев — добросердечием и любовию ко всем, мирская печаль — духовною радостью, уныние — терпением, твердостью и благодарностью пред Богом, тщеславие — тайным деланием добродетелей и постоянною молитвою с сердечным сокрушением, гордость — тем, чтобы никого не осуждать и не уничижать, подобно хвастливому фарисею, но почитать себя последним из всех.

Таким образом, ум, освободившись от всех сказанных страстей и вознесшись к Богу, еще здесь начинает жить жизнью блаженною, прияв залог Святого Духа, и по отшествии отсюда, с бесстрастием и истинным ведением поставляется во свете Святой и Божественной Троицы вместе с Божественными Ангелами, сияя во все беспредельные веки.

12. Душа, как сказано было выше, трехсоставна; потому что в ней три силы: помысл, раздражительность и вожделение. Если в раздражительности есть любовь и человеколюбие, а в вожделении чистота и целомудрие, то помысл светел. А если в раздражительности человеконенавистничество, и в вожделении распутство — то помысл мрачен.

Разум, когда страсти подчинены ему, бывает здрав, целомудрен и светел, духовно созерцает соотношение тварей Божиих, и возводится ко Святой и Блаженной Троице.

Также и раздражительность тогда бывает в естественном движении, когда любит всех человеков, ни на кого из них не сетует и не помнит зла.

И вожделение верно природе, когда воздержанием, смиренномудрием и нестяжательностью умертвит страсти, то есть плотское удовольствие, влечение к корысти и к преходящей славе; потому что вожделение имеет троякое стремление: или к плотским удовольствиям, или к пустой славе, или к прелести богатства, — и по причине этого противного разуму стремления небрежет о Боге и о Божиих заповедях, забывает собственное свое благородство, ожесточается против ближнего, омрачает помысл и не позволяет ему возвести взор к истине.

А кто приобрел высший образ мысли, тот еще здесь, как сказано выше, предвкушает Царство Небесное, начинает жить блаженною жизнью, ожидая себе блаженства, уготованного любящим Бога, которого да сподобимся и мы недостойные, по благодати Христовой.

13. Надобно знать, что в меру совершенства какой бы то ни было добродетели невозможно достигнуть тому, кто в продолжение целой жизни с неутомимым трудолюбием не стремится приобрести ее деятельною рачительностью. Сие должно сказать о милостыне, о молитве, о любви или о которой угодно из родовых добродетелей: о мужестве, благоразумии, целомудрии и справедливости. — При непрерывности труда в исполнении добродетелей надобно остерегаться, чтобы не умалять и совсем не уничтожать их цены и значения, допуская нехорошие при них цели, например — человекоугодие, пустую славу и подобное. И сверх всего этого в добродетелях надобно упражняться всегда с рассудительностью — которая выше всех добродетелей, как бы некая царица и добродетель добродетелей.

14. Всем, желающим преуспевать в добродетели и старающимся уклониться от греха, весьма необходимо знать еще, что поскольку душа несравненно выше тела, постольку и душевные добродетели, особенно же богоименные и богоподражательные, выше добродетелей телесных; равно как душевные пороки тяжелее и пагубнее телесных как по своим действиям,

так и по налагаемым наказаниям, хотя не знаю, почему ускользает сие от разумения многих. Пьянства, блуда, воровства и близких к сим пороков, как таких, которыми, видимо, многие гнушаются, они остерегаются, боятся и избегают; но равнодушно смотрят на пороки, гораздо важнейшие, как душевные: зависть, злопамятство, высокомерие, лукавство и корень всех зол — сребролюбие, — и подобные сим пороки.

5

О борьбе с восемью главными страстями вообще

(Сл. 55, ч. 2, 599-600)

1. Знай, что есть восемь помыслов, которыми производится все худое: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, безвременная печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они-то ведут брань со всяким человеком.

2. Ты же, если хочешь препобедить ***чревоугодие***, возлюби воздержание, имей страх Божий, — и победишь.

3. Если хочешь победить ***блуд***, возлюби бдение и жажду, помышляй всегда о смерти и никогда не имей бесед с женщиною, — и победишь.

4. Если хочешь препобедить ***сребролюбие***, возлюби нестяжательность и нерасточительность.

5. Если хочешь препобедить ***гнев***, приобрети кротость и великодушие, и содержи в мысли, сколько зла делали иудеи Господу нашему Иисусу Христу, и однако же Он, как человеколюбец Бог, не гневался на них, а напротив того — молился за них, говоря: *Отче, отпусти им* грех сей: *не ведят бо, что творят* (Лк. 23, 34).

6. Если хочешь преодолеть безвременную ***печаль***, никогда не печалься о чем-либо временном; но если тебя язвят словом или беспокоят, или бесчестят, не печалься, а напротив того — радуйся. Тогда только печалься, когда согрешишь; но и в этом случае соблюдай меру, чтобы не впасть в отчаяние и не погибнуть.

7. Если хочешь препобедить ***уныние***, займись, хотя ненадолго, каким-нибудь рукоделием или читай, или часто молись.

8. Если хочешь препобедить ***тщеславие***, не люби похвал, ни почестей, ни хороших одежд, ни первоседания, ни предпочтения, а напротив того — люби, чтобы порицали и бесчестили, взведя на тебя ложь; и укоряй сам себя, что ты грешнее всякого грешника.

9. Если хочешь препобедить ***гордость***, что ни делаешь, не говори, что делается сие собственными твоими трудами или собственными твоими силами; но постишься ли, проводишь ли время во бдении, спишь ли на голой земле, поешь ли псалмы или кладешь много поклонов, говори, что при Божией помощи и при Божием покровительстве делается сие, а не моею силою и не моим старанием.

1) О борьбе с чревоугодием

10. Не имей, монах, пожелания мяса, и не пей вина до упоения; иначе огрубеет твой ум, и житейским попечениям не будет у тебя конца [1, 139].

11. Признаки доброй жизни в молодом монахе — смиренномудрое воздержание от винопития и многословия. Кто любит их, тот не доведет до конца доброй жизни [1, 146].

12. Не принуждай брата своего пить вино до опьянения, хотя бы издавна он употреблял его; ибо корабль строится долгое время, а сокрушается мгновенно от одного удара.

13. Кто желает плотского упокоения, тот готовит себе много напастей; а долготерпеливый спасается [1, 150].

14. Лучше есть о Господе и благодарить Господа, нежели не есть и осуждать ядущих и благодарящих Господа [1, 154].

15. Сел ты за трапезу? Ешь хлеб, а не осуждай ближнего, чтобы через осуждение не сделаться тебе пожирающим брата своего.

16. Будь здрав в вере и ешь все предлагаемое тебе о Господе. Если предложено вам что снедное, чего не хочешь ты есть, не отсылай этого с трапезы, когда другие хотят есть и благодарить Господа.

17. Сел ты за трапезу? Ешь, как человек, и не озирайся, как невежда.

18. Один брат сказал: «не по брезгливости какой отказываюсь есть мясо: ибо *всякое создание Божие добро, и ничтоже отметно* (1 Тим. 4, 4); но поелику написано: *не пользует безумному сладость* (Притч. 19, 10), то неразумно монаху есть мясо животных».

19. Когда предложены куски (остатки), не гнушайся и кусками; ибо Господь повелел ученикам Своим собрать избытки укрух, *да не погибнет ничтоже* (Ин. 6, 12).

20. Укоризна человеку — упиваться вином; видев многих, никого не нашел я подобным упивающемуся [1, 157].

21. Воздержание измождает плоть, а многоядение делает грубым ум [1, 162].

22. Угнетай, монах, и порабощай плоть свою, чтобы не быть тебе отверженным [1, 168].

23. Делай во плоти своей, и принесешь плод Богу.

24. Хочешь ты, монах, достигнуть покоя в обществе братии? Довольствуйся общею трапезою братии; и *тогда изцеление будет телу твоему и уврачевание костем твоим* (Притч. 3, 8), и душа твоя не потерпит вреда. *Аще бо на чаши и сткляницы вдаси очи твои... последи* поболишь, *яко от змия уязвлен* (Притч. 23, 31, 32).

25. Лев, гонясь за добычею для своего чрева, делается пленником: и чревоугодник унижается для удовольствия чрева [1, 173].

26. От множества снедей грубым делается ум, а доброе воздержание очищает его [1, 179].

27. Человек упивающийся и раздражительный возмущает души братий, и посрамление его постоянно при нем.

28. Человек, выпивающий вечером, делает и говорит, что не должно, и поутру раскаивается; но если опять сыщет вино, снова поступает так же [1, 185].

29. Не пей вина до упоения, хотя упрашивают тебя находящиеся с тобою друзья; ибо если одолеет тебя вино, то упрашивавшие тебя прежде всех соблазнятся тобой.

30. Чревоугодник трудится и крушится о том, как наполнить чрево свое яствами, а когда поел, мучится во время пищеварения; воздержание же сопровождается здравием и трезвостью [1, 186].

31. Монах-чревоугодник заботится о многом, а воздержный подобен серне в поле [1, 191].

32. Не заботься, монах, о чреве, и будешь иметь покой [1, 193].

33. Всех дров в лесу недостаточно для насыщения огня: так ненасытима плоть, как ее ни довольствуй [1, 199].

34. Упивающийся пастырь не упасет вверенных ему овец, а сонливый и сам сделается добычею зверей. Ибо *терния прозябают в руце пияницы* (Притч. 26, 9), а душа воздержного припадает к Богу [1, 201].

35. Воздержание есть нерв терпения [1, 203].

36. Не пей вина до упоения в угождение людям; ибо тогда будет тебе великий стыд, когда найдут тебя упившимся [1, 212].

37. Вкусил ты хлеба и насытился! Воздай славу Богу, напитавшему тебя. А если хочешь довольствовать тело свое малым, воздай славу укрепившему тебя Богу, и не говори перед всеми: «не съел я и такой-то доли хлеба». Что придаешь этим себе? Не осуждаешь ли только ядущих и благодарящих? [1, 213].

38. Монах-чревоугодник называет пост временем печали, а воздержный и в посте не смотрит угрюмо [1, 215].

39. Воздерживаться сверх меры, как думаю, непохвально; и пренебрегать должным воздержанием неполезно. Как долговременное уклонение от установленных снедей производит расслабление и недостаток сил к служению, так пресыщение яствами подвергает осуждению. Сказано: *горе вам, насыщеннии ныне, яко взалчете* (Лк. 6, 25). Сверх того, невоздержный от неумеренности впадает в плотские страсти. Поэтому благочестно и надлежащим образом надобно управлять телом [1, 395].

40. Встав по приятии утешения (за трапезою), не ходи по келлиям, но безмолвствуй в своей келлии; потому что диавол многих обольстил вином. Поэтому по принятии утешения быть в чужой келлии служит признаком бесстрашия и развра-

щения. В подобных собраниях совершается падение душ, особенно когда в бездействии бывает жезл настоятеля. Ибо кто не хочет обуздывать ум свой страхом Божиим, тому нужен человеческий страх, чтобы им удерживался он от бесполезного, подобно тому, как раб бывает целомудренным при строгости господина [1, 416].

41. Снеди употребляй простые и необходимые, чтобы ум твой не огрубел в *объядении, пьянстве и печалях житейских* (Лк. 21, 34). Ибо одержимые подобною страстью и блуд ставят не в блуд, и прелюбодеяние не в прелюбодеяние, и не отрицаются от всего того, что делают язычники, не ведущие Бога; но все это совершают небоязненно, ничем не отличаясь от свиней в грязи; не памятуют ни о законе, ни о пророках, ни о Самом Господе, вочеловечившемся на разорение беззаконного греха. Не будь же пристрастен к мясам и к винопитию, чтобы не сделать тебе ум свой неспособным к принятию духовных дарований [1, 497].

42. Не услаждайся банями, питиями и множеством мяс, чтобы не впасть тебе в неодолимые опасности, погреша в чем-либо важном [1, 501].

43. Не слушай советов самоугодливых людей, которые сделали себя рабами чрева и плотских страстей [1, 514].

44. Многоядение и многопитие в настоящем только имеют приятность, а на следующий день оставляют в помысле неприятность и расслабление [1, 579].

45. Монах не останется долго на одном месте, и не найдет себе успокоения, если не возлюбит прежде молчания и воздержания. Ибо молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл неразвлекаемым. Наконец, приобретшего сие ожидает мирное устроение сердца [1, 587].

46. Не прельщайся насыщением чрева, *и не упивайся вином, в немже есть блуд* (Еф. 5, 18). Ни в чем нет тебе пользы, кроме одного — исполнять волю Божию [1, 598].

47. Знай, что в какой мере греет кто на беду себе плоть свою, в такой мере умножает в себе страсти, и наконец душа, обремененная худым навыком тела, делается бесплодною. Поэтому

Спаситель говорит: *внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими* (Лк. 21, 34). Потому и апостол говорит: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду* (1 Кор. 9, 27). Если же кто принуждает себя к делу Господню, то в такой же мере и тело его делается сильным, и душа просветляется. Как борец постоянно проводит время в телесных упражнениях, чтобы приспособить тело свое к искусству борьбы, так и подвижник благочестия должен упражняться во всяком добром делании, как говорит апостол: *обучай же себе ко благочестию* (1 Тим. 4, 7) [2, 161].

2) О борьбе с блудною страстью

48. Сластолюбивый при встрече женщин делается весел и привлекается красотою их; телесная доброцветность сводит его с ума, восхищает благообразие лица, очаровывает статность стана, и в беседах с женщинами тает он от удовольствия; при воспоминании виденного похотливо мечтает, живо представляя в уме женские лица, страстные их выражения, обворожительные улыбки, мановения очей, нарядность одежд, льстивые речи, сжатие губ. С мужчинами ему скучно; а если увидит женщин, просветляется, бегает взад и вперед, чтобы оказать свои услуги; тогда откуда берется у него и голос к пению, умение сказать острое слово, посмеяться и показать себя занимательным и приятным [1, 31].

49. Не позволяй глазам своим блуждать туда и сюда, и не всматривайся в чужую красоту, чтобы с помощью глаз твоих не низложил тебя противник твой [1, 153].

50. Укоризна монаху — блуждающее око. Блуждающее око причиняет много скорбей тому, кто следует за ним. Если не воздержишься от скитания очей, то не проложишь прямых стезей целомудрия [1, 157].

51. Если возлюбишь воздержание, то обуздаешь демона блуда [1, 163].

52. Кто питает плоть тела своего, тот питает злые похоти, и срамные помыслы не оскудеют у него [1, 168].

53. Кто обуздывает очи свои, тот сделается легким; а у кого взор блуждает, тот соберет на себя бремя. Ибо сказано: *парение похоти пременяет ум незлобив* (Прем. 4, 12) [1, 170].

54. Если по увлечению дашь глазам волю смотреть на суету, то скорее останови их, чтобы не впасть в срамоту плотоугодия.

55. При распалении плоти не касайся тела, чтобы не произвести сильнейшего распаления.

56. Будь внимателен к себе, монах, будь внимателен, встречаясь с женщинами [1, 179].

57. Бегаешь змеи, угрызающей тело, паче бегай женщины, которая угрызает душу [1, 183].

58. Кто занимается красотою женщины, тот в душе своей насаждает пожелание красоты ее, а кто замедляет у дверей дома ее, тот уподобляется идущему по льду; потому что недалеко от него поползновение.

59. Что два борца, то монах в обществе с женщиною. Но трезвенный соберет корысти, а сам не будет окраден.

60. Не склоняй слуха своего к речам срамным, чтобы не осквернился ум твой. *Якоже...* бо *дым очима* (Притч. 25, 20), так и срамное слово вредно душе [1, 187].

61. Если беспокоит тебя дух блуда, запрети ему, говоря: «Господь да потребит тебя, исполненный зловония, бес нечистоты». Ибо знаем сказавшего: *мудрование плотское вражда на Бога* (Рим. 8, 7).

62. Всякий, кто любит чистоту и целомудрие, делается храмом Божиим [1, 203].

63. *Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог* (1 Кор. 3, 17), говорит Божественное Писание. Как псу, усильно противься демону блуда; никак не соглашайся увлечься таким помыслом; потому что от искры много будет угольев, и от худой мысли умножатся худые пожелания. Старайся истреблять воспоминание о них паче зловония тинного [1, 204].

64. Как благоухание веселит обоняние, так и Дух Святой увеселяется чистотою и обитает в человеке.

65. Как свинье приятно валяться в грязи, так и бесы находят для себя приятность в блуде и нечистоте.

66. В чистоте обитают великий свет и радость, и мир, и терпение; а в блуде обитают печаль, уныние, ненасытный сон и густая тьма.

67. Возлюби, монах, чистоту в любви Христовой; она так же прилична житию твоему, как плотнику прилично иметь скобель.

68. Один монах, терпя от блуда, запрещал бесу, говоря: «Иди во тьму, сатана! разве не знаешь, что хотя и не достоин я, однако же ношу члены Христовы». И тотчас мгновенно прекращалось распаление (как будто кто, дунув, погашает светильник); почему он сам в себе дивился этому и прославлял Господа [1, 205].

69. Для чего с такою небоязненностью любишь наряжаться? Послушай, что говорит апостол: *похотей юных бегай* (2 Тим. 2, 22). Разве не знаешь, с каким врагом борешься? Разве не знаешь, как тяжко быть сетью для другой души? Как не размыслишь, какую гнилость и какое тление наследуют делающие подобные дела? Желательно мне сделать тебе известным, что если внешний человек и наряден, но жилище души осквернено, то красота его не замедлит повредиться. А если приобретешь душевную красоту, то из этой красоты и из этого света излиется нечто и на внешнего человека, и такая красота бывает постоянна!

70. Кто украшает одежды свои и наполняет чрево свое, тот потерпит много браней; а трезвенный страшен противникам.

71. Если во время работы потревожит тебя дух блуда, не обленись простереть руки свои на молитву, и молитва веры противостанет за тебя [1, 207].

72. Подавляй в себе похоть, пока она не подавила тебя; потому что покоряющихся ей приводит она во дно адово [1, 208].

73. Люби мир и святыню (чистоту), чтобы сподобиться узреть Лицо Господа Бога [1, 211].

74. Удерживайся, брат, от шуток, чтобы не сделали они тебя бесстыдным; бесстыдство же есть матерь непотребства.

75. Не ходи в келлию к упивающимся, чтобы не погубить тебе внезапно богатства целомудрия.

76. При воспламенении в теле похоти приводи себе на мысль неугасимый огнь и нескончаемого червя, и тотчас угаснет разжжение членов; иначе, расслабев, будешь побежден, и станешь раскаиваться, и обнимет тебя огонь скорбью раскаяния, и привыкнешь грешить, хотя будешь раскаиваться. В начале постарайся быть строгим ко всякому движению пожелания этого, чтобы не преодолеваться им, — и не привыкнешь уступать над собою победу в брани. Ибо привычка — вторая природа. Привычка к послаблению никогда не даст тебе приобрести строгость. Она всегда созидает и разоряет, грешит и раскаивается. Если привыкнешь расслабевать, когда нападают на тебя, то надписью в рукописании твоем в век века будет: раскаяние. Кто привык уступать над собою победу пожеланию, того всегда обличает совесть его; он во всякое время печален, и хотя при других показывает веселое лицо, но внутренне уныл по причине обличения совести своей. Ибо обыкновенное достояние похоти — сообщать мучительную печаль исполняющим ее. Поэтому внимай всею душою твоею, всегда имея в себе Бога [1, 330].

77. Будь внимателен к себе самому, и старайся до смерти соблюсти себя чистым, чтобы с дерзновением и радостью встретить тебе бессмертного Жениха. Чти девство, и оно введет тебя в небесный чертог. Поэтому сказал апостол: *обручих бо вас единому мужу деву чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2) [1, 374-5].

78. Охраняй тело от греха, чтобы не солгать пред Создателем; потому что принесли мы себя в дар Господу; и не имеем уже власти над телом своим, и не можем взять дара назад, по собственной своей воле. Если кто, дав обет Богу, принес дар Господу, и иерей, взяв дар, положил оный в храме, то хотя бы принесший дар сей и раскаялся после, не имеет уже он власти взять дар назад по принесении оного Господу; а если вознамерится похитить оный тайно, то не будет свободен от обвинения, как взявший свою собственность, но понесет наказание как святотатец. Подобно сему и посвятившие души свои Богу не имеют уже власти над собственным своим телом [1, 397].

79. Берегись худого совета. Ибо бывает, что отпадшие от добродетели усиливаются запнуть и других, чтобы не одним валяться в непотребной жизни. Говорят они с приятностью, чтобы послушных им, отвлекши от целомудрия, погрузить в грехи. Сами, подвергшись падению, не только не хотят они восстать, но и другим намеренно бывают в соблазн, нападение и растление. И диавол пользуется ими, как приманкою на уде. *Гроб отверст гортань их,* преданных *в страсти безчестия* (Рим. 3, 13; 1, 26). Берегись их, чтобы они не сожгли тебя мягкими речами своими [1, 398].

80. Блаженны соблюдающие святыню (чистоту) в смиренномудрии! Но никто да не надеется достигнуть покоя (в этом деле), предавая себя в послушание внушениям врага: ибо тогда мучитель сей будет держать их в плену через помыслы и услаждения похотные, хотя без дел срамных. В таком положении, поелику они не познали жены, враг внушает им мысль приписывать себе девство, тогда как все тело исполнено у них скверны похотной. Так враг делает, что величаются они, как свободные от греха, тогда как он насыщает их гроздом желчи и гроздом горести (см. Втор. 32, 32) [1, 409].

81. О том, чтобы не упиваться вином и не проводить времени с женщинами, излишне и говорить, так как всякий сам ясно видит, сколь чуждо это добродетели. И не в этом только одном необходимо беречься устремления бесов, но и с мужчинами не должно вести разговоров изнеженных, могущих возбудить похотную сласть и повлечь душу в погибель. От свидания с женщинами отказываемся мы не потому, чтобы почитали женщин лукавыми, но потому, что через свидание и беседу с женщинами врагу легко нас низложить и довести до преступления заповеди Божией. Нам же надобно отовсюду беречься приражения лукавых духов, возлагая надежду на всеоружие и силу Святого Духа. Кто запирает от врага одну дверь, а две отворяет ему и думает о себе, что он в безопасности, тот обманывается. Нет; отовсюду необходимо себя обезопасить, и не давать предлога ищущему предлогов [1, 424].

82. Не будь нерадив о добродетели целомудрия, но всеми силами старайся иметь в себе святыню (чистоту), так как для этого оставил ты и мир. Стяжи себе девственность, чтобы вселился в тебя Дух Святой. Не внимай срамным пожеланиям и суетным ласканиям; храни себя чистым, и если начнет в тебе возгораться греховный пламень, угашай его слезами и молитвою ко Господу, любящему тех, кои ищут святыни и работают Ему в ней. Драгоценное стяжание — девственность в правом помысле. Если возлюбишь ее, то будешь прославлен Господом, и во всем благоуспеешь [1, 435].

83. Если восстанет в тебе плотская брань, не бойся и не упадай духом. Этим придашь против себя смелости врагу, и он начнет всевать в тебя соблазнительные мысли, внушая: «Невозможно прекратиться в тебе разжжению, если не удовлетворишь своей похоти». Но *терпя потерпи Господа,* с плачем излей молитву свою пред благостью Его, и Он услышит тебя, и возведет тебя от рова страстей то есть нечистых помыслов, и *от брения тины*, то есть срамных мечтаний, *и постави на камени нозе* твои святыни (чистоты) (см. Пс. 39, 1-3), и узришь пришедшую к тебе от Него помощь. Терпи только, не расслабевай помыслом, не приходи в изнеможение, вычерпывая воду из ладьи; потому что пристань жизни близко. *Еще глаголющу ти, речет: се, приидох* (Ис. 58, 9). Но Он выжидает, чтобы увидеть подвиг твой, точно ли даже до смерти готов ты противоборствовать греху. Итак, не малодушествуй; Бог не оставит тебя. Он взирает на твой подвиг; смотрят на оный и лики святых Ангелов, и толпа бесов. Ангелы готовы подать венец победителю; а бесы — покрыть стыдом побежденного. Будь же внимателен. Не опечаль своих (Ангелов), и не обрадуй чужих (бесов) [1, 448].

84. Для очей Божиих нет скрытного места. Да не обольщает тебя противник, внушая: не узрит. Близ ног Божиих стоишь ты. Не пренебрегай этим. Ибо написано: *небо Мне престол есть, земля же подножие ногама Моима* (Деян. 7, 49) [1, 449].

85. Не то беда, что борют нас страсти и мы должны бороться с ними, но то бедственно, если, поблажив себе, падем пред сопротивниками. Противостой же палящей тебя похоти, чтобы

избежать никогда не угасающего пламени. Если раз победит тебя страсть, то не отступит, но еще более будет нападать на тебя. Будь же внимателен к себе, чтобы не лишиться тебе славы Лица Божия [1, 450].

86. Будем бегать пьянства, будем, сколько можно, бегать встречи с женщинами: ибо слово женщины, как *тенета* в сердце (Притч. 7, 21), и выслушавшего оное влечет к скверному смешению [1, 454].

87. Смотри, не будь уловлен кратковременною сластью, чтобы не лишиться вечной жизни. Призван ты быть купцом; вполне трезвись, чтобы не потерять тебе жемчужины, чтобы враг не похитил твоего сокровища, и не потопил корабля твоего с грузом, и чтобы не возвратиться тебе домой ни с чем. Враг, зная, какую славу приобретает себе у Бога хранящий себя чистым от скверн плоти, сильно борет его помыслами, желая опутать ими человека, чтоб, увлекшись ими, не улучил он будущей славы. И если найдет душу, отвергающую непотребные помыслы, то не часто нападает на нее, но и не вовсе отступает от нее. Скорее же идет туда, где, как только толкнет, тотчас отворяют ему; и оскверняет тело и душу самыми нечистыми пожеланиями у не сопротивляющегося ему; наконец, будто добрый советник, внушает ему такую мысль: «Лучше тебе идти в мир, и взять сожительницу, нежели таким образом сокрушать плоть свою». Но ничто подобное не приближается к трезвенному. Поэтому будь внимателен к себе, чтобы ничто подобное не постигло тебя [1, 468-9].

88. Помни, что обещал ты Богу, и храни святыню (чистоту), чтобы обрести тебе благодать пред Господом. Послушай сказавшего: *бегайте блудодеяния* (1 Кор. 6, 18). Желаешь ли знать, какой тяжкий грех — блудодеяние? Вот смотри: кого не могли умертвить змеи в пустыне, тех низложил блуд в земле Мадиамской. Если же впал ты в грех, то не оставайся в падении и не пренебрегай Божиим долготерпением и Божиею пощадою. *Помяни, яко смерть не замедлит* (Сир. 14, 12). Помни, что невозможно тебе избегнуть Божиих рук. Итак, не будь нерадив, но кайся, плачь, воздыхай о том, что обольщен ты; ибо если и

предадим забвению падение, то создавший нас Бог знает дела каждого [1, 473].

89. Не будь нерадив, но мужественно противостой врагу, и загради прокоп, которым обыкновенно входит враг разорять тебя, чтобы, не найдя удобного входа, ушел он ни с чем. А заградить прокоп значит обезопасить чувства, которыми входит в душу и доброе, и лукавое, то есть зрение, слух, обоняние, осязание, вкус, — и помыслам не дозволять уноситься, куда не должно. Имей в уме исполинов, растливших землю владычеством своим, и то, как Господь в одно мгновение с лица земли стер их потопом; и сила их не принесла им пользы. Посуди о земле Содомской и Гоморрской, как потреблена она за грехи обитателей; и не принесли им пользы роскошь и гордыня. Позаботимся же о своем спасении, чтобы и нас не постигла внезапно кончина, и чтобы не пойти нам отсюда в великом осуждении [1, 474].

90. Скажи внушающему тебе скверные и нечистые пожелания: «О, враг истины! Ужели мне стыдить себя для того, чтобы ты выполнил свое желание? Иди к подобным тебе непотребным. Выпросил ты себе стадо свиней! С ними и утопай. А я не буду больше рабом, послушным хотениям своим. Достаточно с меня и прошедшего времени; отныне буду заботиться об истине и умолять Бога моего, чтобы Он совершенно избавил меня от дел твоих. Он дал мне Духа Святого, а я прогневал Его; дал мне душу и тело чистые, а я осквернил их». Так говори, возлюбленный, внушающему тебе подобные страсти [1, 475].

91. Некто из святых сказал: «Блуд подобен псу; если будешь ласкать его, не отойдет от тебя, а если погонишь, убежит». Будь внимателен к себе и не пренебрегай житием своим. Смотри, чтобы за малое удовольствие не погубить тебе плода трудов своих, — ради нечистоты не отдать мзды своего делания, — ради нечистоты не погубить награды за безмолвие, награды за бдение, за воздержание и за прочие добродетели; не уподобляйся человеку, который полученную им плату кладет в дырявый кошелек. Огради себя страхом Господним.

92. Если разговариваешь с цветущею красотою, то блюди око, чтобы не возмутило ума твоего вожделение; и тогда начнешь длить речи, полные страстного движения; и окажется, что краями только уст беседуешь о целомудрии, душою же предаешься похотению и всецело им занят. Потому лучше, когда случится тебе иметь такую встречу, скорее прервав речь, браться тебе за молчание. Ибо Писание говорит: *и прельсти его многою беседою* (Притч. 7, 21). Частые такого рода беседы причиняют немаловажный вред душе [1, 499].

93. Блудник не может любить гнушающегося его страстью, а к *подобному себе прилепится муж* (Сир. 13, 20) [1, 514].

94. Доискивайся, чем преодолеть свое любострастие; потому что это предоставляется твоему деланию [1, 515].

95. Убежищем от сладострастия служит, — во-первых, часто и трезвенно молиться, а потом предоставлять владычество уму и чистой мысли, не произносить бесчинных слов, несообразных с благоговейным устроением духа, в той уверенности, что Господь есть непогрешительный Судия. Внимательность ума и ожидание суда уничтожат внутреннее щекотание и иссушат усиливающуюся похоть; и в таковой душе произойдет тишина (улягутся похотливые движения).

96. Если ты целомудрен, не превозносись своим воздержанием, но в смиренномудрии моли Господа, чтобы до конца был твоим хранителем. Ибо нередко внезапное вторжение четвероногих в виноградник вдруг губило плод по нерадению стража [1, 517].

97. Когда ложишься спать, не подстилай под себя сверх потребности; потому что нега естественным образом может распалить тело твое и сильно разжечь угль сладострастия [1, 522].

98. Блажен, кто блюдет тело свое во святыню Спасителю, и не постыдил души своей делами чуждыми, но пребыл благоугодным Господу. Блажен, кто возненавидел дела гнусные и постыдные, и принес себя самого в жертву живую, благоугодную Господу [1, 530].

99. Блажен, кто делом обличил мучителя (диавола — тирана душ) и не пришел в страх от пламени сладострастия; потому что душа его орошена будет росою Святого Духа [1, 533].

100. Если ты мужественно подвизаешься против покушающихся похитить труды делания твоего (тщеславные помыслы), то смотри, чтобы кто, ухитрившись, не подкрался снизу и не уронил тебя (блудный помысл). Но приводи в порядок свой помысл (внимай), чтобы не просмотреть тебе попутного ветра, и снаряд иметь в готовности, и спасти корабль, введя его в пристань жизни [1, 577].

101. Кто, посадив у себя смоковничное дерево, оставляет без присмотра плод его? Тем паче должно наблюдать за чистотою и целомудрием. — Или кто, укушенный аспидом, не остерегается приблизиться к норе его? Если же по угрызении вложит он руку в нору его, и в другой раз будет угрызен, кто тогда виноват в смерти? Ядовитое ли животное или не поберегший себя человек? А ты уразумей сказанное [1, 578].

102. Вредно монаху разделять общество с женщиною. А к девственнице вовсе не приближайся, ежели только есть еще в тебе мысль о плотском. Монах, который вместе с женщинами проводит время за вином, ничем не разнится от кидающегося в огонь. Бегай встречи с ними, как серна бежит от тенет [1, 597].

103. Охраняй непорочность тела своего. Если сохранишь ее по любви ко Христу, то удобно возможешь преуспевать во всякой добродетели. Обитающий в тебе Дух Святой возрадуется о тебе, что ты свой храм Божий наполняешь благоуханием чистоты и правого изволения, — и укрепит тебя на всякое дело благое. А к преуспеянию в добродетелях и в божественной чистоте имеешь следующие три пособия: воздержание чрева и языка и обуздание ока. Все их три надо держать. Если сохранишь, положим, первые два, а глаз не сохранишь от скитания, то не приобретешь прочной чистоты. Как разломанный водопровод не удержит в себе воды, так рассеянное око не удержит целомудренного ума. *Не назирай чуждыя красоты* (Сир. 9, 8), — и ум твой да будет пригвожден к страху Божию (см. Пс. 118, 120) [1, 599].

104. Не должно монаху с особенною тщательностью мыть тело или ноги. Как сластолюбцы в изяществе тела и одежд ищут себе удовольствий, так подвижник благочестия противоположным сему ополчается на сопротивников [1, 600].

105. Не мала борьба между святынею (чистотою) и скверною. Содействующие нам в осквернении внушают такую мысль: «Никто тебя не видит; чего боишься?» А содействующие нам во святыне возражают им: «Бог видит, — и Ангелы Его с тобою; как же говоришь: кто тебя видит?» Искуситель продолжает: «Где они? Пока никого здесь не видно». На этом содейственники святыни прерывают его: «Не видишь?! Правду сказал ты; ибо написано: *ослепи бо их злоба их* (Прем. 2, 21). *Создавый око, не сматряет ли?* (Пс. 93, 9). Где укроешься от Бога (см. Пс. 138, 1-12)?» — Вот что вложи себе в помысл, — и грех не будет более владычествовать над тобою, и печаль греховная не постигнет тебя, но приидут к тебе радость и мир о Духе Святе [1, 605].

106. Храни чистоту тела своего о Господе, как драгоценную жемчужину; не щеголяй одеждами; взор обращай долу, а душу горé; с юношей не доходи до вольного обращения, а с женщиной и говорить — лишнее дело; с отроком не дли беседы, и не входи в сообщество с упивающимися и смехотворами, но весь пребывай в страхе Божием, помня заповедь апостола: *не упивайтеся вином, в немже есть блуд* (Еф. 5, 18) [2, 127].

107. Бывает, что лукавый влагает такую соблазнительную мысль: «Ежечасно тревожит тебя блудный помысл; долго ли тебе нести это беспокойство и терпеть? Удовлетвори похоти, чтобы не быть в борении; после покаешься, — дело это не важное». С трезвенностью отвечай ему: «А кто мне скажет, что если растлю плоть свою, то найду время к покаянию, и не буду повлечен вместе с делающими беззаконие? Ибо *наше житие сень есть на земле* (Иов. 8, 9). Если же так случится, то согрешить мне не то же ли будет, что взять меч и самому себя убить? Да и как ты говоришь, что дело это не важное? Ибо вижу, как высоко чествуются не поддававшиеся сему влечению, и какими бесчестными имеются поблажавшие ему. Иосиф восхва-

ляется из рода в род, и на небе и на земле, а египтянка предается осмеянию; Сусанна целомудренная прославляется, а похотливые старцы на все роды оставили по себе недоброе имя. Как еще говоришь ты: удовлетвори однажды и успокоишься? Не знаешь разве, диавол, что зверь, если привык к плотоядству, чаще удовлетворяет этой страсти? А ты хочешь меня уверить, что если удовлетворю похоти, то она не будет меня более беспокоить. Господь да запретит тебе, лукавый злокозненник, ищущий, подобно льву, поглотить душу мою. Сладкое твое горько, внушение твое — глубина зол, посулы твои исполнены смерти и пагубы. Ты внушаешь мне грех, который обнажит меня от благодати Господней и оскорбит Духа Святого, *Имже знаменовастеся* я *в день избавления* (Еф. 4, 30); а говоришь, что это не важное дело. Ты подущаешь меня, да *уды Христовы сотворю уды блудничи* (1 Кор. 6, 15), чтобы в одно мгновение утратил я бессмертное богатство и сгубил освящение, без которого никто не узрит Господа. И это, по-твоему, ничего не значит? Ты подущаешь меня прогневить Господа, чтобы в оный страшный день, пред страшным Престолом судным, услышать мне от Него, праведного Судии: раб лукавый, больше сластолюбивый, нежели боголюбивый, осквернил ты землю своими нечистотами и своими грехами. И это не важно? Не испытал разве ты сам строгости и неизменности страшного суда праведного Бога, Который тебя и *ангелов, согрешивших* вместе с тобою, *не пощаде, но пленицами мрака связав предаде на Суд великаго дне мучимых блюсти?* И говоришь: не важное дело? Ложь ты, лесть и пагуба. Ложью и лестью ослепляешь ты очи ума и ухитряешься сманить иных — малое сие наслаждение предпочесть вечной жизни. Но мы, предав себя Господу, не боимся тебя. Господь — наша крепость; Господь — наше прибежище; Господь — помощник и защититель наш» [2, 223-6].

108. Демон блуда приводится в бездействие не только воздержностью от снедей, но и воздержанием очей, *еже не видети суеты* (Пс. 118, 37). В оке, рассеянно вращаемом, есть уже блуд, о котором засвидетельствовал Господь: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы*

своем (Мф. 5, 28). Такое прелюбодеяние искореняет в себе, кто око обращает долу, а душу ко Господу; а кто возобладал над чревом, тот возобладал и над взором. Страшный у нас предатель — рассеянное око [2, 231].

109. Брань, возбужденная рассеянным оком, и в присутствии и в отсутствии предмета разжигает душу похотью. Даже и во сне представляет предмет сердцу; потому что бесы живописуют искусительную вещь в мысли и занимают ум, возобновляя образ искусительного предмета, виденного прежде очами человека. Сего-то ради молится пророк: *отврати очи мои, еже не видети суеты* (Пс. 118, 37) [2, 232].

110. Когда бес начнет начертывать в тебе искусительный предмет, и напишет в уме твоем красоту женщины, некогда виденной тобою, введи внутрь страх Божий и вспомни о спящих во грехах, — помысли о дне исхода своего, когда душа твоя будет разлучаться с телом, — представь тот страшный и в трепет приводящий глас, который услышат нерадевшие о правде и не соблюдшие заповедей Христовых: *идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (Мф. 25, 41), — представь и червя неусыпающего и муку нескончаемую. О сем помышляй и припоминай, — и развеется в мысли твоей вожделение наслаждения, как тает воск от лица огня; ибо бесы и мгновения не могут постоять против страха Божия.

111. Кто не противится похоти, но дает очам своим свободно блуждать, тот, конечно, склонился уже умом пред страстями, и если бы не стыд человеческий, неоднократно растлил бы и тело. Почему если не будет он трезвиться и постоянно иметь страх Божий пред очами своими, то не замедлит растлить и тело свое. Ибо за сим демоном, который учит глаза рассеянности, следует другой демон, который вещественно соделывает грех во плоти. Если второй увидит, что первый успел развлечь душу и сделать ее развеянною, тотчас начинает советовать, чтобы совершен был и плотской грех. Побежденному оком своим начинает он советовать нечто подобное сему: «Вот в намерении ты согрешил и прелюбодействовал сердцем, заповедь уже нарушил, и грех преступления заповеди вменен уже тебе.

Поэтому удовлетвори теперь похоти. Ибо и сделать и вожделевать одно и то же. Насладись, по крайней мере, своим вожделением». — Но ты не верь его вымыслам; по слову апостольскому: *не не разумеваем бо умышлений его* (2 Кор. 2, 11). Ибо сим хочет он уловить душу твою. Этому демону, советующему совершить беззаконный грех, надобно сказать: «Хотя пал я оком и прелюбодействовал сердцем, однако же прелюбодейное сердце свое сокрушаю покаянными воздыханиями, и падшее око омываю слезами. Ибо *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19) [2, 233-4].

112. Если придет нужда дойти до селения, то не развлекай себя беседою с женщинами, иначе душа твоя увлечена будет подобно поглотившему уду. Трезвись тогда паче; потому что падение от тебя недалеко. Если будешь внимать себе, будешь как в пристани. В благоговении и страхе Божием борись с искушением. Бесстыдство — матерь блуда. Женщины, если увидят, что обходишься с ними вольно и говоришь о пустом, то, побудив еще к худшему, доведут тебя до падения. Но смотри и за тем, чтобы другие под видом сокрушения и благоговения не расслабили ума твоего речами своими. Некто из святых сказал: длят они речи, покушаясь преклонить тебя на страсть [2, 270].

113. Если приметишь, что какой-нибудь помысл влечет тебя на свидание с отроком или красивою женщиною, то знай, что приближаешься к вражиим сетям. Если, и по вразумлении (не делать этого), не оставляешь своего намерения, то знай, что ты уже опутан сетями, и нелегко тебе преодолеть сластолюбие. Скажешь ли: «Я не терплю от этого вреда». Но возможно ли ходить по угодьям горячим и не обжечь ног? [3, 87-88].

114. Если хочешь быть целомудренным, храни воздержание и прерви вредные свидания. В какой мере приближается человек к тому, что производит соблазн, в такой мере невозможно сердцу его пребыть без смятения помыслов и воспламенения лукавых пожеланий; потому что видимое лицо и речи возбуждают его к страсти. Как губка, поднесенная к чему-нибудь влажному, раздувается и вбирает в себя влагу, так и человек, нетвердый помыслом, если сближается или долго

беседует с рассуждающими по-плотски, вбирает в себя вред; поэтому, упившись сим, и без вина делается опьяневшим, и от того самого, что наполнен уже вредным, не принимает духовного слова [3, 88-89].

115. Желающему исправиться и утвердиться в чистоте надобно крепко взяться за целомудренный помысл, плоть изнурять добрыми трудами, и непрестанным памятованием о Боге очистить мысль от всего худого и срамного. Через это ум наш исполняется благодатью; обитающая же в уме и обладающая им благодать Божия заграждает злокозненным врагам доступ к нему, когда они покушаются войти [3, 90].

116. Когда увидишь женщину благообразную, которая блистает красотою, имеет светлый взор, сияющие ланиты и какую-то искусственную выразительность в лице, — и она распаляет твой помысл и усиливает в тебе вожделения, размысли, что приводящее тебя в удивление — земля, что воспламеняющее тебя — пепел; и душа твоя перестанет неистовствовать. Приникни помыслом на кожу лица ее, и тогда увидишь всю малоценность благообразия; потому что ничего не найдешь, кроме костей, жил и зловония. Представь также, что она стареет, изменяется, умирает, и весь этот цвет опал. Рассуди, чему дивишься, и устыдись, — и устыдившись, принеси покаяние [3, 98].

117. Блажен человек, который имеет попечение угодить Богу, и тело свое хранит чистым, чтобы соделаться святым храмом Христа Царя. По доброй воле стал уже ты храмом, человек? Будь внимателен к себе день и ночь, чтобы не растлился храм твой. Если сохранишь его чистым и благопотребным Владыке твоему, то Дух Божий будет обитать в тебе и святить тебя паче и паче [3, 112].

118. Препояшь себя верою, надеждою и любовию, и как сильный стань на стражу, охраняя храм Божий от всяких нечистых помыслов. Весь сделайся оком, непрестанно наблюдая и высматривая грабителей лукавого; а грабители сии, как скоро найдут кого расслабленным и рассеянным, всегда кидаются на него, чтобы растлить у этого жалкого телесный храм его, чтобы он не был уже благопотребен Владыке. Будь же внимателен

к себе, чтобы не оказалось, что ты сам принимаешь к себе этих грабителей лукавого, то есть нечистые помыслы и скверные пожелания [3, 113].

119. Корень похоти бесстыден. Если посекаешь его каждый день, то он прозябает каждый час. Вырви совсем корень похоти из сердца своего, чтобы не прозябала и не вырастала она ежечасно. Если тысячу раз посечешь ее, она двукратно большее число раз будет отрождаться, — пока совершенно не вырвешь ее корня [3, 113-114].

120. Будь внимателен к себе, чтобы вместо Святого и Пречистого Владыки не ввести тебе в храм скверного врага, и чтобы не был растлен храм твой бесстыдством этого врага, ненавистника добру. Он бесстыден и упрям в своем намерении; многократно выгоняешь его вон с упреком, но он бесстыдно усиливается войти. Если введешь его в храм свой, Бог оставит тебя. И храм твой преисполнится всякой нечистоты, зловония и мрака [3, 114].

3) О борьбе со сребролюбием

121. Не домогайся прибыли, в которой есть вред для души; ибо что дороже души? [1, 149].

122. Бедный монах, который в смиренномудрии безмолвствует, лучше богатого монаха, который исполнен гордости и надмения.

123. Кто любит золото, тот не будет оправдан; а кто любит Господа, тот будет благословен. Кто возложил упование на золото, тот падет; а кто возложил упование на Господа, тот спасется [1, 156].

124. Если возлюбишь сребролюбие, пойдешь отселе ни с чем; а если возлюбишь нестяжательность, не лишишься небесного богатства [1, 158].

125. Если возлюбишь нищету, то обратишь в бегство демона блуда [1, 163].

126. Кто в келлии своей скрывает золото, тот копит в себе страсти высокоумия и неподчинения. А кто собирает в свою сокровищницу молитвы и милостыни, тот богатеет в Бога.

Другие копят себе деньги, а ты, монах, копи себе молитвы и милостыни.

127. Будем искать лишь того, что удовлетворяет потребности; ибо излишнее только развлекает, а пользы не приносит [1, 169].

128. Монах, ищущий наследства от плотских родителей, впадет в искушения, а взыскующий Господа спасется [1, 178].

129. Не говори: «Чем буду питаться, если состарюсь?» Ибо нам не позволено заботиться и об утреннем дне, а ты заботишься уже о старости. Будем искать *Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся нам* (Мф. 6, 33). Если же не будем искать этого прежде всего, то явно будет, что и не заботимся о том. Итак, *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54. 23).

130. Монах любостяжательный — бесплодная пальма, а нестяжательный — то же, что подстриженная пальма, растущая в высоту [1, 181].

131. Монах, привязанный к вещественному, подобен ястребу, летящему с ремнями на ногах; где ни сядет он, тотчас запутается. А не привязанный к вещественному то же, что путник, всегда готовый в дорогу.

132. Золото не дает терпения, а вера ставит на прочном основании того, кто приобрел ее [1, 201].

133. Почему не свергаем с себя всякой бесполезной заботы, и не облегчаем себя от бремени земных вещей? Не знаете разве, что дверь узка и тесна, и что любостяжательный не может войти в нее? Бог любит нестяжательных, добровольно ради Христа подвергших себя лишениям и прискорбностям в подвиге, во бдении и во многом злострадании [1, 334].

134. *Не буди рука твоя простерта на взятие,* но да простирается лучше для подаяния (Сир. 4, 35) [1, 523].

135. Страсть *сребролюбия* самая тяжкая, потому что она есть *корень всем злым* (1 Тим. 6, 10). Угодно ли знать, чем искореняется эта страсть? Тем, чтобы всем сердцем и всею душою иметь упование на Бога [1, 573-577].

136. Иному брату лукавый дает усердие к рукоделию сверх надлежащего. Отсюда рождается страсть сребролюбия. Тогда душа, уязвившись сребролюбием, этим корнем всякого зла, располагает монаха и утром ранее обыкновенного садиться за рукоделие, и вечером позднее должного прекращать его; так что, если можно, нерадит о молитве и о службе Божией и, по сребролюбию, занят бывает одною работою. Когда ударяют к службе, брат этот приходит после всех, и выискивает предлога уйти от службы прежде всех. Зная сие, блюди себя, чтобы тебе, доведенному до уклонения в недозволенное, совсем не потерять своего чина. Ибо враг на этом не останавливается. Но, найдя доступ, успевает иного сбить с пути, внушая: «Трудишься ты, трудишься, а все почти ничего не имеешь; поди выучись более прибыльному рукоделию». Не разобрав дела, иной брат идет за этим в мир; да совсем там и остается уже. Блюдись убо [2, 172-3].

137. Целомудрие состоит не в том только, чтобы воздерживаться от блуда и от плотских удовольствий, но чтобы свободным быть и от прочих страстей. Корыстолюбец, сребролюбец, любостяжатель — не целомудренны. Как один пленяется телесною красотою, так этот — деньгами; и последний в большей мере не целомудрен; потому что не имеет равного с первым побуждения, которое бы нудило его требованием самой природы. Страсть к деньгам не естественна; и побуждения к оной заключаются не в природе нашей, но в превратном произволении; потому кто добровольно преодолевается оною, тот грешит непростительно [3, 624-625].

4) О борьбе с гневом

138. Прогоняющий от себя духа гневливости и раздражения далек от войны и мятежа, всегда спокоен духом, весел лицом, здрав умом, — и есть обитель Святого Духа [1, 14].

139. Кроткий, если и обижен, радуется; если и оскорблен, благодарит; гневных укрощает любовию; принимая удары, не мятется; когда с ним ссорятся, спокоен; когда подчиняют, — веселится; не уязвляется гордынею (чужою), в унижениях радуется,

заслугами не кичится, со всеми мирен, начальству покорен, на всякое дело готов, чужд лукавства, не знает зависти [1, 17].

140. Независтливый не домогается чести, с радующимися радуется, успевающим помогает, с удовольствием смотрит на тех, которые идут добрым путем, хвалит тех, которые живут как должно, и вообще, независтливый и не имеющий в себе соперничества всякому успеху и всякому доблестному делу другого радуется [1, 24].

141. Кто уязвляется завистью и соперничеством, тот жалок; потому что он — соучастник *диавола, завистию* коего *смерть вниде в мир* (Прем. 2, 24). Сердце его всегда изнемогает от печали, тело снедается бледностью, и силы его истощаются. Зависть и соперничество — страшная отрава: от них родятся оклеветание, ненависть и убийства [1, 25].

142. Кто не уязвил языка своего злоречием, тот соблюл сердце свое и совесть свою неоскверненными. Кто не уловлен духом злоречия, тот истинно познал, что сам он человек плотяной, и соблюл себя незлопамятным. Кто не в сообществе с злоречивыми, тот водворится с Ангелами. Кто не отравил ушей и языка злоречием, тот исполнен врачевством любви. Кто не оскверняет уст своих злоречием, у того уста благоухают плодами Святого Духа [1, 26-27].

143. Кто злословит другого, тот сам себя осуждает. В злоречивом есть и клеветничество, и ненависть, и наушничество; и справедливо признается он братоубийцею.

144. Ненависть или зависть под покровом благочестия — горькая вода в золотых сосудах. Вложи в нее древо жизни, — и она сделается сладкою. Крестом Спасителя нашего упразднены все наветы коварного врага [1, 143].

145. Любовь просвещает мысленные очи; а кто любит вражду и ссору, тот подобен человеку, который часто влагает руку свою в нору к аспидам.

146. Если будешь скрывать в сердце своем страсть памятозлобия, то сделаешься обителью ярости и неведения, а вместе и печали, — и вид лица в тебе изменится. Ибо сказано: *путие злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28) [1, 158].

147. Кто скрывает в сердце своем памятозлобие, тот подобен откармливающему змею в груди своей [1, 159].

148. Человек горячий возмутит души братии, а долготерпеливый в любви побоится Бога [1, 162].

149. Северный ветер приводит море в волнение, а вспыльчивость волнует мысли в человеке; но великодушие гонит прочь раздражительность, без раздражительности же прекращается и гнев [1, 164].

150. Необузданный конь предает всадника своего в руки злодеев: и человек ярый впадает в беды [1, 173].

151. Не слушай, монах, зависти, не строй козни брату своему, и не давай ему укоризненного имени. Желая со стыдом согнать его с места его, смотри сам не подвергнись тому же, что умышляешь другому. *Копаяй яму* ближнему *впадет в ню* (Еккл. 10, 8). Слушай, что написано: *падут во мрежу свою грешницы* (Пс. 140, 10) [1, 174].

152. Не представляй предлога: «Этот брат делает вред товариществу». Но ты не делай зла другому, и не входи в сообщество с делающими зло; потому что Бог *испытаяй сердца и утробы* (Пс. 7, 10).

153. Кто нашел путь долготерпения и незлобия, тот нашел путь жизни [1, 176].

154. Завидующий успехам брата своего отлучает себя от вечной жизни, а содействующий брату будет сообщником его и в вечной жизни. Ибо если по суду наказываются и делающие худо и соучаствующие с ними, то не тем ли паче Господь наградит того, кто споспешествует исполнению воли Его?

155. Лучше улыбкою пресечь раздражение, нежели свирепствовать неукротимо [1, 177].

156. Дым прочь гонит пчел: а памятозлобие изгоняет из сердца ведение [1, 190].

157. Моли Господа и проливай слезы пред Его благостью; тогда памятозлобие не водворится в душе твоей, и *молитва* твоя будет *яко кадило* пред Ним (Пс. 140, 2).

158. Кто хочет жить мирно на всяком месте, тот пусть ищет не собственного своего успокоения, а успокоения других о Господе,

и найдет успокоение себе. А сварливый и злонравный никогда не успокоится [1, 191-192].

159. Если случится ссора между братиями, то первый раскаявшийся получит венец победы, но венчается и другой, если не отвергнет раскаяния, но с готовностью сделает, что нужно для мира [1, 193].

160. Раздражительность в человеке — ров для него; а кто преодолел в себе раздражительность, тот миновал этот ров [1, 194].

161. В единомыслии братии обитает Господь, а вражда их увеселяет лукавого.

162. Кто, обличаемый в пороке, молчит, тот скрывает в сердце своем памятозлобие, а кто защищается (или сознается) с кротостью и мирно, тот не памятозлобив [1, 195].

163. Человек раздражительный и шумливый щедр на клятвы, а безмолвствующий разумен.

164. Что такое раздражительность? Страсть наглая и бесстыдная, за которою следует и раскаяние; печаль же снедает сердце человека, впадшего в нее.

165. Кто любит мятежи, того внезапно постигнут погибель, разделение и неисцельное сокрушение, потому что он радуется всему, что ненавистно Господу; а кто любит мир, тот наследует мир; кротость же в человеке предотвращает раздражение [1, 196].

166. Что яд аспидов, то раздражительность и памятозлобие; потому что они и лицо изменяют, и мысль возмущают, и жилы расслабляют, и производят в человеке недостаток сил к совершению дела; а кротость и любовь отдаляют все это [1, 197].

167. Чем истребляется памятозлобие? Содержанием в душе страха Божия и памяти о дне кончины. *Помяни последняя и престани враждовати* (Сир. 28, 6). Памятуй о смерти и не возносись; ибо еще немного, и сведен будешь во гроб; и какую пользу принесут тебе злые дела? [1, 197].

168. Будь миротворцем, чтобы сподобиться наименования сыном Божиим [1, 200].

169. Пища для огня — дрова; а пища для раздражительности — высокоумие [1, 201].

170. Хочешь ли укротить раздражительность? Возьмись за смиренномудрие и ходи путем кротких и смиренных.

171. Если братия в сильном огорчении друг на друга, то блажен миротворец; а кто поджигает их к ссорам, тот не останется не наказанным.

172. В человеке кротком и смиренном почиет дух премудрости; ходящих же в премудрости любит Господь.

173. Жизнь вечную наследует монах кроткий и безмолвный [1, 202].

174. Кроткий монах есть страж, наблюдающий за страстями.

175. Прости брата, если согрешил он против тебя, — и Господь простит тебе прегрешения твои [1, 210].

176. Предускори прийти к брату, оскорбившему тебя, и раскайся пред ним от чистого сердца, по слову Повелевшего отпускать брату грехи не только *до седмь крат, но до седмьдесят крат седмерицею* (Мф. 18, 22).

177. Принимай, брат, покаяние от брата, как от посланного Богом, чтобы не уничижить Пославшего и не подвигнуть Его на гнев против себя.

178. Не нападай на брата своего в день скорби его, и к душевной скорби его не прилагай новой скорби [1, 211].

179. Не помни зла на брата своего; ибо написано: *путие злопомнящих в смерть* (Притч. 12, 28).

180. Не можешь ты сносить оскорбления? Молчи — и успокоишься [1, 212].

181. Будь внимателен к себе, чтобы не возобладали тобою вспыльчивость, раздражительность, памятозлобие, — от чего будешь вести жизнь тревожную и неустроенную. Но приобрети себе великодушие, кротость, незлобие и все, что прилично христианам, чтобы вести жизнь покойную и безмятежную [1, 462].

182. Ни к кому не имей ненависти в сердце своем и не воздавай злом за зло; но приобрети себе любовь, которую Божественное Писание поставило выше всякой добродетели; потому

что уподобило ее Самому Сотворшему все, сказав: *Бог любы есть* (1 Ин. 4, 8) [1, 466].

183. Падшего, но не питающего в себе ненависти и зависти, Господь не оставит в падении; но подаст ему руку помощи к восстанию, потому что не отринул он любви. Напротив, и твердо по-видимому стоящий, но надмевающийся гордостью и питающий в себе ненависть, не безопасен; потому что омрачение ненависти ослепило очи его, — и не видит он, куда идет [1, 500].

184. Подвизайся быть не гневливым, чтобы не упиться тебе без вина, отягчив себя страстью гнева [1, 514].

185. Радоваться и веселиться о преуспеянии ближнего есть черта совершенства; признак же злонравия и лукавого расположения — скорбеть и быть недовольным, когда одобряют другого [1, 516].

186. Невозможное дело — довести до твердости добродетель, не растворив ее любовию (см. 1 Кор. 13, 2). Без любви далеко будем мы отстоять от прямой стези, ведущей к вратам небесным. Будем же проливать слезы, чтобы освободиться нам от уз ненависти, зависти, гордыни и всякой диавольской скверны. Бесовское это дело — оскорбляться доблестями преспевающих. В бесах внедрилась ненависть; им всего желательнее, чтобы все погибли совершенно. Святые же, подражая Владыке, желают *всем человеком... спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2, 4); потому что, преисполнившись любви, возлюбили они ближнего, как самого себя [1, 517].

187. Будь долготерпелив, чтобы стать сильным в благоразумии. Долготерпение — прекрасный дар; оно изгоняет раздражительность, гнев и презрительность, приводит же душу в мирное состояние [1, 523].

188. Когда кто тебя злословить будет, не воспламеняйся гневом; но тотчас со скромностию, показав улыбку на лице, раздражение перемени в мир. Помни, однако же, что улыбка при раздражении возжигает в другом больший гнев. Почему прежде умиротвори сердце, потом веди речь с улыбкою. Огонь не гасится огнем. И ты любовию и благодушием утоли гнев

раздраженного. Если брат не вразумится этим, другие меры, — всяческие, — постараемся употребить, чтобы уврачевать его, дабы вконец не возобладало им раздражение, и не сделало всякую нашу жертву Богу не богоприятною (см. Мф. 5, 23-24). Будем подражать Господу Спасителю, Который *укаряем противу не укаряше* (1 Пет. 2, 23), и Давиду, который на злословие Семея сказал: *оставите его и тако да проклинает, яко Господь рече ему проклинати Давида... негли призрит Господь на смирение мое* (2 Цар. 16, 10-12) [2, 209-211].

189. Солнце да не зайдет во гневе нашем, но будем прощать все должникам и утвердим любовь, потому что она покрывает множество грехов. Кто имеет вражду на брата и думает принести что-либо Богу, тот принят будет наравне с приносящим в жертву пса или цену блудницы. Кто имеет вражду к брату, — и думает, что любит Христа, тот лжец есть, и сам себя прельщает [3, 7, 8].

190. Если ты имеешь что на брата или брат на тебя, помирись. Если не сделаешь этого, то все, что ни приносишь Богу, не будет принято (см. Мк. 11, 25-26; Мф. 5, 23-24). Если же исполнишь такое повеление Владыки, тогда с дерзновением молись Ему, говоря: «Оставь мне, Владыка, долги мои, как и я оставляю брату моему, исполнив заповедь Твою!» И Человеколюбец скажет в ответ: «Если ты оставил, оставляю и Я; если ты простил, прощаю и Я твои долги» [3, 19].

5) О борьбе с печалью

191. Кто терпеливо переносит, когда его злословят или обижают, тот подобен заключившему льва в зверинце, а кто отражает злословие и обиду, тот походит на человека, который сам себя поражает (оружием) [1, 139].

192. Не будем малодушествовать; потому что нам не вечно жить в этой жизни [1, 149].

193. Не давай печали сердцу своему; ибо *мира сего печаль смерть соделовает...* а *печаль яже по Бозе* доставляет тебе жизнь вечную (2 Кор. 7, 10) [1, 159].

194. Монах, готовый мужественно претерпеть все, что ни случится, отчасти только будет иметь печали [1, 169].

195. Не давай печали сердцу своему, но утешай себя о Господе [1, 196].

196. Если подвергнешься клевете, и после откроется чистота совести твоей, не высокомудрствуй, но Господу, избавившему тебя от клеветы человеческой, работай в смиренномудрии, чтобы не пасть черезвычайным падением [1, 197].

197. Лукавая душа, когда льстят ей, превозносится, а когда оскорбляют ее, приходит в неистовство; а добрая душа и лести не радуется, и на оскорбление не негодует [1, 206].

198. Нет и меры терпению, если только оно растворено любовию [1, 208].

199. Потерпи Господа в день скорби, чтобы Он покрыл тебя в день гнева [1, 213].

200. Не смейся над огорченным, не радуйся, видя развращающегося, чтобы не прогневался на тебя Господь, и не остаться тебе без защиты в день скорби.

201. Не думай, что ты один терпишь скорбей больше всякого. Как живущему на земле невозможно избегнуть этого воздуха, так человеку, живущему в этом мире, невозможно не быть искушенным скорбями и болезнями. Занятые земным от земного испытывают и скорби; а стремящиеся к духовному о духовном и болезнуют. Но последние будут блаженны; потому что плод обилен о Господе [1, 414].

202. Если мы — узники Спасителя Бога, то не постыдимся носить на себе узы скорбей, но с радостью будем терпеть их, ожидая пришествия Его с небес, когда и нас причислит Он к лику святых; потому что ставшие общниками страстем Его, такожде и утешению общниками будут (см. 2 Кор. 1, 7).

203. Ныне два есть рода скорбей, которыми окружен всякий человек под солнцем: скорбь по Богу и скорбь мирская; и невозможно пройти настоящую жизнь без которой-нибудь из них, — или без скорби по Богу, или без скорби мирской. Скорбь мирская тяжела и не обещает вознаграждения; а скорбь по Богу с собою приносит утешение и еще паче обвеселяет и обетованием жизни вечной. Подвергаясь первой,

поспешай превратить ее во вторую, — и прогонишь мучительную скорбность из сердца [1, 453].

204. Если когда делаешь дело Божие в смиренномудрии и благоговении, враг, с намерением препнуть тебя в правом житии, вооружит против тебя людей нерадивых; но не бойся, не приходи в робость и не уклоняйся с прямого пути. *Потерпи Господа* (Пс. 26, 14), избранник Божий, чтобы оскорбляющие тебя ныне удивились славному твоему спасению, как написано: *праведник же аще постигнет скончатися, в покои будет* (Прем. 4, 7) [1, 463].

205. Как огонь в плавильне испытывает золото и серебро, так в напастях изведываются души смертных, имея помощником Господа [1, 521].

206. Не убоимся искушений, но смело простремся *к почести вышняго звания... о Христе* (Флп. 3, 14). Ибо Господь венчает всех любящих Его.

207. Сказал один брат: кто хочет стать монахом и не переносит оскорбления, уничижения и ущерба, тому монахом не бывать [1, 555].

208. Великодушно переноси оскорбления злословием, наименование злым принимая за наименование добрым, и наименование негоднейшим — за наименование благоугодным. И всяко помнить подобает, что *рабу Господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем* (2 Тим. 2, 24) [1, 576].

209. Если случится тебе впасть в болезнь, не прибегай к мертвой помощи и к человеческому покровительству; но лучше будем иметь терпение, ожидая милости от Бога, чтобы Он управил нас во всем; ибо бывает время, когда и плоть имеет нужду во вразумлении. Во всем же будем благоугождать Господу, *яко Той печется о* нас (1 Пет. 5, 7). Когда человек болен, тогда и душа его паче меры начинает искать Господа. Почему вразумление хорошо, если только вразумляемый благодарит: конечно же, таковой скажет: *аще благая прияхом от руки Господни, злых ли стерпим? Буди имя Господне благословено во веки* (Иов. 2, 10; 1, 21) [1, 579, 580-581].

210. Не малодушествовать должно во время искушения, а трезвиться в молитвах и добрых делах, — подражая плывущим по морю, которые, когда поднимается буря, внимательно за всем смотрят, бодрствуют и призывают Бога на помощь. Господь не презирает призывающих Его во истине. Поэтому и мы, когда постигнет скорбь, прибегнем к Господу, подобно сказавшему: *Господи, в скорби помянухом Тя* (Ис. 26, 16). Море не всегда спокойно; и настоящую жизнь невозможно переплыть без искушения. Но если за веру в Господа будем держаться, как за кормило, то она введет нас в пристань жизни; и тогда, сложив с себя труды, облечемся мы в жизнь и нетление [1, 588].

211. Если пришла на нас печаль, будем ожидать приближения к себе радости. Возьмем в пример плывущих по морю. Когда поднимется на них ветер и сильная буря, они борются с волнами, ожидая тихой погоды; а когда настанет тишина, ждут бури; и потому всегда бдительны, чтобы восставший внезапно ветер не застал их неготовыми и не опрокинул в море. Так и нам надо действовать. Когда приключаются скорбь и теснота, будем ожидать себе облегчения и помощи от Бога, чтобы, при продолжении скорби, не причинила нам смерти мысль, что нет уже нам надежды на спасение. А подобным образом, когда у нас радость, будем ждать скорби, чтобы при избытке радости не забыть о слезах [1, 611].

212. Будь тверд в искушениях и скорбях, и противься распаляющему тебя сладострастию, чтобы и тебя, как необожженный кирпич, не размыли дождевые капли, и чтобы не оказаться тебе не имеющим той твердости, какую думаешь иметь [2, 111].

213. Решившись благоугождать Богу, будь долготерпелив. Посмотри на древние роды, и увидишь, что все святые достигли обетования постоянным и долгим терпением. Потому будем каждый день побуждать себя, чтобы и нам с ними наследовать Царство Небесное. По неверию нашему удаляется от нас терпение. Придай себе ревности о Господе, и мужайся, как верный, чтобы от великой печали не утратить тебе душевных сил. Представь себе тех, которые подвергались истязаниям в изгна-

нии, в рудокопнях и горьком рабстве, — и подчинись о Господе сретающим тебя прискорбностям [2, 1378].

214. Если случится с тобою огорчение, то потерпеть его — не крайнее еще зло; тяжело же и опасно оставаться в огорчении. Если в отсутствие твое злословил тебя кто-нибудь, и другой, пришедши, объявит тебе, что такой-то брат злословил тебя, то, как мудрый, разбери, чье это наваждение, и не огорчайся на брата своего. А известившему тебя скажи так: «Хотя оскорбил он меня, но он мне брат, да и я сам заслужил оскорбление; впрочем, оскорбил он не сам по себе, но устроил это враг, чтобы посеять вражду между нами. Господь же да разорит умыслы лукавого, а брата да помилует, и нас да не оставит». Если опять и в лицо будешь оскорблен, не досадуй на сие и не приходи в движение умом. — Когда же случится потерпеть оскорбление за худое дело, то не будем жестокосердыми, но исправим лучше свою погрешность [2, 208].

215. Если утешающий скорбящего человек духовный, то приходит он к нему не на вред, а на великую пользу. А кто имеет плотской образ мыслей, тот не принесет немало пользы, но пришедши утешить скорбного, еще более расстроит его [2, 214].

216. Услышал неприятное слово, — и скорбишь. Но если право уязвлен ты словом, радуйся, что уязвлен для вразумления, и постарайся исправиться в своем падении. Уязвлен ты напрасно? Тем большая тебе награда, если благодушно перенесешь. И апостолы, как злодеи, биты были среди города; но не гневались, не пришли в негодование, а радовались, *яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти* (Деян. 5, 41). Радуйся и ты, что сподобился приять бесчестие ради имени Его [2, 235].

217. Кто-нибудь из нерадивых скажет, может быть: «Прискорбно мне, что это случилось со мною после стольких трудов». Это прискорбно тебе, раб Господень? Не лучше ли из этого познать тебе, что после стольких лет труда страсти твои все еще остаются непобежденными, и, познав это, начать с этого случая побеждать их. *Аще бо кто мнит себе быти что, ничтоже сый, умом льстит себе* (Гал. 6, 3). Искусство кормчего

обнаруживается во время бури. Кто хвалится: «Столько-то лет я в монашеском образе», а дел этого образа не показывает, тот носит при себе орудия такого искусства, которому еще не научился. — Приключилась тебе малая скорбь, и ты тотчас выступил из чина монашеской жизни, как бы отрекся от монашеского образа. В одну минуту сгубил ты труд стольких лет. Нет, брат, не обращай врагам хребта своего; но стой твердо, сражайся, и враги побегут от тебя. Облекись в броню веры, возложи на себя *шлем спасения,* восприими *меч* Духа Святого, *иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17), — и борись, да возрадуется о доблести твоей живущий в тебе Дух Святой [2, 235-237].

218. Если не переносишь малого искушения, то как перенесешь великое? Если не одолеваешь отрока, то как поборешь совершенного мужа? Если не переносишь слова, то как стерпишь удар? Если не терпишь заушения и удара, то как понесешь крест? Если креста не понесешь, то как наследуешь на небесах славу вместе с теми, которые говорят: *Тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся яко овцы заколения* (Пс. 43, 23)? Ужели мы с тобою, брат, забыли, что претерпел за нас общий наш Владыка? Он был поруган, уничижен. Ему говорили: *беса имаши,* — и Он не гневался; Его называли льстецом, заушали, били, пригвоздили ко кресту; Он вкушал оцет с желчью, пронзен копием в ребра. Все это претерпел Он нашего ради спасения. А мы — увы нам бедным!— никакого оскорбления, даже слова, не хотим перенести ради Него, столько ради нас потерпевшего [2, 237-238].

219. Кто желает благоугождать Богу и стать наследником Божиим по вере, чтобы ему наречься и сыном Божиим, рожденным от Духа Святого, тот, прежде всего, облекшись в благодушие и терпение, должен мужественно переносить встречающиеся ему скорби, беды и нужды, — будут ли то телесные болезни и страдания, или поношение и обиды от людей, или различные невидимые скорби, какие наводят на душу лукавые духи с намерением привести ее в расслабление, нерадение и нетерпеливость, и тем воспрепятствовать ей войти в жизнь. Бывает же все сие по Божию домостроительству, попускающему

каждой душе быть искушенною различными скорбями, чтобы явными стали любящие Бога от всей души, через мужественное перенесение всего без теряния упования на Бога, но со всегдашним, по благодати, с верою и терпением ожиданием избавления, — и чтоб, выдержав таким образом всякое искушение, соделывались они достойными Царствия Небесного [2, 526-527].

220. Которая душа не мужается и не переносит с твердостью всякого искушения и всякой скорби, но огорчается, унывает, негодует, тревожится и нерадит о подвиге, или даже отчаивается, как не имеющая уже надежды на избавление, та, не сохранив в себе упования, которое с несомненною верою ожидает милости Божией, конечно? не делается достойною жизни; потому что не последовала всем святым и не шествовала по стопам Господним. Смотри и наблюдай, как издревле отцы, патриархи, пророки, апостолы и мученики, пройдя сей путь искушения и скорбей, возмогли угодить тем Богу и сподобились великих мздовоздаяний [2, 529].

221. Бог не попускает душе, уповающей на Него и терпеливой, быть искушаемою в такой мере, чтобы дойти ей до отчаяния, то есть впасть в такие искушения и скорби, которых не может она перенести (см. 1 Кор. 10, 13). И лукавый не в такой мере искушает душу и тяготит ее скорбью, в какой хочет, но в какой попущено ему Богом. Пусть только душа переносит все мужественно, держась упования по вере и ожидая от Бога помощи и упования; и невозможно, чтобы она была оставлена. Напротив того, чем более подвизается душа, прибегая к Богу с верою и надеждою и несомненно ожидая от Него помощи и избавления, тем скорее избавляет ее Господь от всякой обдержащей ее скорби. Ибо Он знает, сколько душа должна подвергаться испытанию и искушению, — столько и попускает. Если горшечник, сделав сосуды, не положит их в печь, чтобы обожженные отвердели, то не бывают они годными к употреблению людям. Но и (полагая их в печь) знает он, сколько времени должно держать их в огне, пока не сделаются годными, и не оставляет их в печи сверх надлежащего времени, чтобы,

перегорев, не истрескались; и опять не вынимает прежде времени, чтобы не остались не доделанными и не годными к употреблению. Итак, если люди в рассуждении тленного имеют столько разборчивости и знания, то кольми паче Бог знает, сколько имеют нужды в испытаниях и искушениях души, желающие угодить Ему и вожделевающие улучить вечную жизнь [2, 529-531].

222. Как пенька не бывает годною для пряжи из нее тонких ниток, если не треплют ее много раз, но чем больше треплют ее, тем она делается чище и способнее к пряже: так и боголюбивая душа, подвергаясь многим искушениям и испытаниям, и мужественно претерпевая скорби, делается чище и пригоднее к духовному деланию, и наконец удостаивается наследовать Небесное Царствие. Скорби и искушения делают душу благоискусною и твердою, если она мужественно, охотно и с упованием на Бога переносит все случающееся, с несомненною верою ожидая избавления от Господа и милости Его [2, 531-532].

223. Души, преданные скорбям для испытания и различно мучимые лукавыми духами, как тайно — внутреннею тяготою скорбей или лукавыми помыслами, так и явно — телесными страданиями, — если будут мужественно терпеть, сохранять упование и ждать мздовоздаяния от Господа, то сподобятся венцов правды, и в день Суда приобретут одинаковое с мучениками дерзновение пред Богом. Ибо одинаково мучение в скорбях, одними претерпеваемое на кресте, другими от лукавых духов, на них действующих [2, 532].

224. Враг, если не возмог низвести кого на худое и низложить мыслями, наводит после этого на человека того скорби, чтобы омрачить его разум, и потом уже посевать в нем что угодно. А если и сим не возможет он навести на худое, то дает ему все удобства жизни; возносит его и вводит в великое обольщение, которое опаснее и хуже всех страстей, ибо делает человека горделивым, увлекает в пучину сластолюбия, изгоняет памятование о Боге, о своей немощи и о часе смертном. К чему склонным выведает в человеке расположение его, против

того и ополчается, чтобы противоборствовать ему всеми неправдами [3, 156-157].

225. Все от Бога, — и благое и скорбное; но одно — по благоволению, другое — по домостроительству, третье — по попущению. По благоволению, когда живем добродетельно; ибо угодно Богу, чтобы живущие добродетельно украшались венцами терпения; по домостроительству, когда, впадая в прегрешения, бываем вразумляемы; по попущению же, когда, и вразумляемые, не обращаемся. Опять домостроительно Бог наказует нас согрешающих, чтобы не были мы осуждены с миром, как говорит апостол: *судими, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 32). В сем разуме — *будет зло во граде, еже Господь не сотвори* (Ам. 3, 6), таковы: голод, язвы, болезни, поражения, брани; ибо все это служит к очищению от грехов. — Попускает же Бог и совершенно оставляет тех, которые или не хотят жить без греха, или, вразумляемые, не обращаются, но пребывают во грехе. Тогда Бог предает их *в неискусен ум,* то есть попускает их свободе *творити неподобная* (Рим. 1, 28) [3, 635-636].

б) О борьбе с унынием

226. Ропотливый ни к какому делу не годен и не имеет расположения. Он ленив и всегда имеет наготове предлог к отговорке от дела. И других развращает он, говоря: «И это на что, и то к чему? И вот в этом нет никакой пользы» [1, 22].

227. Ленивый, когда зовут его на псалмопение, раздражается, когда будят на бдение, отговаривается болью живота и головы. Если делают ему увещание, он говорит: «Себя учи»; если учат чему, кричит: «Сам знаю».

228. Человеку, который в силах работать, нехорошо есть чужой хлеб в праздности, когда апостол говорит: *без стужения вам себе соблюдох и соблюду* (2 Кор. 11, 9) [1, 148].

229. Ропотливый монах терпит большой вред; кто же все переносит мужественно, тот наследует радость [1, 149].

230. Если найдет на тебя дух уныния, не оставляй своего дома, но противостань сему духу с терпением. Да не убедит тебя помысл, внушающий перейти с места на место. Ибо если

склонишься на этот помысл, то никогда не будет у тебя терпения [1, 152].

231. Не говори, монах: «Здесь брань и теснота, а там (в таком-то месте) покойная и беспечальная жизнь (загадывая перейти туда)». Ибо знаешь ли, кто ведет с нами брань? Не враг ли наш диавол? А он обходит всю поднебесную (см. Иов. 2, 2). Так как, куда бы ни пошел ты, везде будешь в поднебесии; то везде будешь доступен диаволу. Почему лучше, оставаясь на месте, *противостать диаволу, и он бежит от тебя;* и напротив — *приблизься* к *Богу, и* Он *приблизится к тебе* (Иак. 4, 7, 8) [1, 156].

232. Ленивый монах представляет в предлог и говорит: «Сегодня здесь живу, а завтра пойду в другое место; для чего же мне трудиться?» [1, 169].

233. Много предлогов собирает себе ленивый монах, — и сонливый впадет в беды [1, 181].

234. Кто постоянно переходит из одной келлии в другую, тот приобретет суетные помыслы; кто же пребывает на одном месте, тот более безмолвствует [1, 184].

235. Бродящий монах не неуязвим, если не будет трезвиться; а пребывающий на том месте, куда призван, скорее найдет покой [1, 186].

236. Приятна тебе праздность, но горек конец ее; изнемогаешь, работая, но возвеселишься впоследствии [1, 188].

237. Монах ленивый и самолюбивый (саможалетельный), как скоро увидел работу, прячется, а за ужином ставит себя в числе первых [1, 194].

238. Памятование о смерти и наказаниях есть меч против беса уныния [1, 203].

239. Из тяжких тяжкое иго — уныние, особенно если имеет оно споборницею неверие; ибо плоды его исполнены смертоносного яда.

240. Оставил ты, монах, келлию, и ходишь по миру. Ужели не боишься *беззакония и пререкания во граде* (Пс. 54, 10)? [1, 210].

241. Кто ленивее того жаждущего, который сидит близ источника и не протянет рук, чтоб, взяв воду, утолить жажду? И кто нерадивее человека, который владеет книгою, и нерадит о чтении? [1, 214].

242. Потрудись с тем, кому желательно выучиться грамоте, чтобы, читая о чудных делах Божиих, благословлял он чудное Имя; и Бог будет твоим мздовоздаятелем.

243. На монаха в унынии нападает нерадение; а когда есть у него терпение, нападает высокоумие; но кто действительно любит Господа, тот отклоняет то и другое.

244. Ленивый монах во многом потерпит утрату, а трезвенный не пренебрежет ни одним часом.

245. Не люби переходить с места на место; но лучше терпением извлекай пользу из неудобств, встречаемых на месте твоего жительства. Скажи мне, после того, как мы с тобою обойдем целый мир, не келлия ли ожидает нас, если захотим спастись? А если и в общежитии оставаться нет у нас терпения, и в уединении не находим себе безмолвия, то где же, наконец, будет нам приют? Это походит на то, как если сказать: «И теплоты солнечной переносить не могу, и тень для меня несносна». Боюсь, чтобы не укрыла нас наконец оная пещь [1, 415].

246. Будем тверды сердцем; потому что слабость сердца противна добродетели. Не станем малодушествовать, если случится с нами небольшое уныние, но будем сами себя приневоливать, подобно бодрому путнику. Путник, когда случится ему ослабеть на пути, не отказывается от цели дальнейшего путешествия, но утешает себя словами: «Еще немного, и дойдешь до ночлега, и отдохнешь». И Господь, видя, как мы принуждаем себя, подаст нам силу и облегчит затруднение [1, 423].

247. Для пропитания себя будем работать в уповании на Бога. Не скорби о труде; многие, и ничего не делая, тяготились самою беззаботностью. Учись работать, чтобы не учиться просить милостыню. Не будь небрежен в работе. *Господь близ* (Флп. 4, 5) [1, 455].

248. Не будем унывать, сидя в келлии, припоминая себе, что святые мученики после многих истязаний заключаемы были

в железные узы. Поэтому не будем бегать неудобств келлии, не станем скучать за работою, помня, что многие из святых ради Господа посылаемы были в рудокопни. Если бы жили мы в те времена, то ужели бы изменили жизни своей по причине мучений? Ужели бы по причине крайне тесных обстоятельств отреклись от веры своей? [1, 484].

249. Держись того места, на котором живешь, сопротивляясь лености. Ибо не переменою и не расстоянием места, но только внимательностью ума можешь укротить страсти. Нам нужно *терпение*, чтобы, *волю Божию сотворше,* сподобиться *обетований* (Евр. 10, 36). Предающийся унынию далек от терпения, как больной от здоровья. Добродетель познается не в унынии, но в терпении. Терпение же обновляется и укрепляется, когда ум занят созерцанием и Божественным поучением. Сим утучняемый ум приобретает силы, как тело от питания здоровыми снедями. Если же ум отступит от этой благодати и от этого достоинства, то действительно сделается бедным и немощным. Поэтому, свергнув с себя пристрастие к вещественному, упражняй ум свой в оном божественном делании. И не будет у тебя потребности переносить тело с места на место и изнурять оное странствованиями без благословных причин. Ибо *Царствие Божие внутрь* нас *есть* (Лк. 17, 21) [1, 515-516].

250. Когда заметишь в себе, что скучно для тебя чтение Божественных Писаний, и неохотно слушаешь духовные наставления, тогда знай, что душа твоя впала в тяжкую болезнь. Ибо это — начало злоумия, которым болевшие пожали плод смерти [1, 527].

251. Блажен, кто ежечасно возделывает в себе прекрасные и добрые мысли, — и надеждою победил лукавую страсть уныния, с которою борются подвижники Господни [1, 532].

252. Блажен, кто в деле Господнем стал подобен мужественному воину, возбуждает ленивых и ободряет малодушных на пути Господнем.

253. Блажен, кого не низложила, как не мужественного, страсть уныния; но взял он совершенное терпение, за которое все святые получили венцы [1, 534].

254. Когда дух уныния беспокоит тебя, не увлекайся помыслами его; но пребывай на том же месте, на котором поставил тебя Бог, рассуждая в себе, какую любовь имел ты к Богу, когда вначале пришел к монастырским дверям. Ту же любовь будем иметь и до конца, терпя Господа подобно борцу, который терпением побеждает наносящего ему удары. Ибо *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22) [1, 562].

255. Одному брату пред бдением внушал помысл: «Сегодня дай себе отдых, и не вставай на бдение». Но он отвечал помыслу: «Кто знает? завтра, может быть, и не встанешь; потому надо встать сегодня». И за работой тоже внушал ему помысл: «Дай себе отдых сегодня, а завтра поработай». Он же опять отвечал: «Нет, сегодня поработаю, а о завтрашнем дне попечется Господь» [1, 576].

256. Если будет тревожить тебя уныние, не упадай духом, но помолись Господу, да даст тебе терпение. По молитве же сядь и, собрав помыслы свои, утешай псаломски душу свою: *вскую прискорбна еси, душе моя? И вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповемся Ему, спасение лица моего, и Бог мой* (Пс. 41, 6). Скажи также: «Чего расслабла ты, душа моя? Не всегда ведь жить нам в мире сем? Послушай, что говорит Псаломник: *пресельник аз есмь* на земли *и пришлец, якоже вси отцы мои* (Пс. 38, 13). Преселимся и мы с тобою, когда угодно сие будет Богу. Жизнь праведных начинается по кончине их. Почему и пророк, вожделевая будущей жизни, говорит: *имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже, когда прииду и явлюся лицу Твоему?* (Пс. 41, 2-3). Святые настоящую жизнь почитали темницею. Почему один из них с радостью взывал: *ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко* (Лк. 2, 29); а другой заявлял, что *желание* имеет *разрешитися и со Христом быти* (Флп. 1, 23) [1, 589].

257. Когда настанет утро, брат встает и, сотворив молитву, принимается за рукоделие. Тогда ненавистник добра, демон, влагает в него помысл уныния.

258. Если брат при нашедшем на него унынии продолжает работать и трудиться, то при содействии благодати отгоняет

тогда от себя уныние. Если же брат, когда найдет на него уныние, не отражает его от себя терпением, то бывает побежден им, и отдается ему в плен. Дав волю помыслу, начинает он говорить сам в себе: «Сегодня чувствую себя как бы расстроенным, и недомогаю. Дам себе ныне отдых; а наутро сделаю за два дня». Так брат в этот первый день ничего не делает, мечтая наутро вознаградить сие опущение. Наутро же ненавистник добра демон напускает на него еще сильнейшее уныние, нежели вчерашним днем. Тогда уже одолеваемый помыслами брат встает и оставляет рукоделие, — и или совсем не занимается им, или занимается кое-как, не как делом. Или враг выводит его из келлии и делает праздношатающимся [2, 271-272].

259. Что бы ни делал ты, если враг во время дела наводит на тебя уныние, в противодействие сему супостату укажи на какое-либо ремесло подобное (прибавляя: «Видишь, как трудятся ради временного? Чего же ради не хочешь трудиться ради вечного?»). И что бы ты ни производил делом, имей свидетелем совесть свою, что совершаемое тобою делается по Богу, — и спасешься (от уныния) [2, 308].

7) О борьбе с тщеславием

260. Разумей, монах, что говорю: да не будет у нас с тобою вне — благоговение, а в келлии — беспечная распущенность; чтобы не быть подобными *гробам повапленным* (Мф. 23, 27). Ибо на всяком месте один и тот же Бог, Коему слава во веки! Аминь [1, 150].

261. Монах, который хвалится своею крепостью, первый безумец; стыд и укоризна монаху — хвалиться собственною своею силою: *хваляйся, о Господе да хвалится* (1 Кор. 1, 31) [1, 157].

262. Хочешь ли приобрести доброе имя? *В кротости дела твоя препровождай* (Сир. 3, 17) [1, 174].

263. Это еще не добродетель — быть обесчещену и не чувствовать этого; но вот добродетель — чувствовать сие и переносить ради благочестия. Ибо сказано: *поносим ленивый не усрамляется* (Притч. 20, 4) [1, 177].

264. Славолюбие — душевный недуг, лукавая страсть [1, 180].

265. Написано: *да хвалит тя искренний, а не твоя уста, — чуждий, а не твои устне* (Притч. 27, 2). И еще: *искушение сребру и злату раздежение: муж же искушается усты хвалящих его* (Притч. 27, 21) [1, 186].

266. Всем воздавай честь ради Господа, не требуя чести себе, и обретешь благодать у Господа.

267. Никогда да не приводит тебя в удивление человекоугодник, старающийся угодить многим, но не для Господа [1, 194].

268. Втайне, возлюбленный, исполняй заповеди Господни, и Господь воздаст тебе явно.

269. Если видишь, что человек на земле достиг великого достоинства, не дивись сему; но дивись тому, кто возненавидел земную славу [1, 197].

270. Смотри, чтобы, желая себе излишней чести, не навлечь тебе на себя бесчестия, в подлинном смысле честь человеку — делать все по Богу: великое же бесчестие — преступать заповеди [1, 201].

271. Не старайся показывать себя искусным во всяком деле, чтобы не впасть тебе в тщеславие, которое приводит к славолюбию, гневу и печали. Более всего старайся сделать себя простым и во всем ровным [1, 397].

272. Не хвались, величаясь краснословием, но возвещай лучше учение из опыта людей простых и некнижных, чтобы стать тебе учеником Христовых апостолов; а хвалиться внешнею мудростью запрещено, особенно христианам. *Хваляйся же о Господе да хвалится* (2 Кор. 10, 17) [1, 524].

273. Которые из человекоугодия упражняются в добродетели, у тех основание спасения положено не на камне, а на песке; почему, как скоро пойдет дождь, потекут реки и подуют ветры (искушения), падают они от помыслов. Они, если не падают, а живут как должно, надмеваются великою гордостью; а когда падают, предаются бесполезному отчаянию [1, 583].

274. *Не хваляй бо себе сей искусен* (2 Кор. 10, 18). А ты прежде испытай дела свои, действительно ли проводил жизнь достодолжно, как величаешь себя, — победил ли вожделение, возлюбил ли нищету, возненавидел ли пересуды, отложил ли

любовь к тщеславию, возненавидел ли похоть, возгнушался ли сластолюбием, точно ли никому не делал зла, одолел ли страсти, точно ли, оскорбляемый, не гневался и, слыша себе похвалы, не превозносился, возлюбил ли Господа всею силою и ближнего, как самого себя? Если же не соблюли мы этого, то для чего велеречим о себе? Об этом надо плакать пред благостью Господа, чтобы исцелил нас от окаменения сердца и сделал сильными проводить достодолжное житие [1, 585].

275. Ничего не должно делать напоказ людям, но во всем надобно поступать от чистого сердца; потому что Бог знает сокровенное и тайное, и от Него одного надеемся получить воздаяние [1, 600].

276. Человек тщеславный, будучи скуден достоянием, если и примет на себя имя царя, не будет еще царем; так, не подвижник еще монах, который тайно ест, а за братской трапезой лицемерно выдает себя постником и воздержным. Он готовит паутинную ткань, — и идет не правым путем святых, но путем человекоугодников [2, 106].

8) О борьбе с гордостью

277. Гордый не терпит превосходства над собою, — и встречая его, или завидует, или соперничает. Соперничество и зависть друг другом держатся, и в ком есть одна из этих страстей, в том обе они [1, 23].

278. В ком есть они, того мучит успех других; а в ком нет, того не печалит он. Этот, когда другому оказана честь, не смущается; когда другой возвышен, не тревожится, потому что всем отдает преимущество, всех предпочитает себе.

279. Без смиренномудрия напрасны всякий подвиг, всякое воздержание, всякое послушание, всякая нестяжательность, всякая многоученость [1, 44].

280. Нечистый дух высокоумия изворотлив и многообразен, и все усилия употребляет, чтобы возобладать над всеми: мудрого уловляет мудростью, крепкого крепостью, богатого богатством, красивого красотою, художника искусством.

281. И ведущих духовную жизнь не пропускает он искушать подобным же образом, и ставит свои сети: отрекшемуся от

мира — в отречении, воздержному — в воздержании, безмолвнику — в безмолвии, нестяжательному — в нестяжании, молитвеннику — в молитве. Во всех старается он посеять свои плевелы.

282. Как врачевство против гордости чаще прочитывай следующие и другие подобные места Писания, направленные против нее:

Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите: яко раби неключими есмы (Лк. 17, 10).

Аще кто мнит себе быти что, ничтоже сый, умом льстит себе (Гал. 6, 3).

Еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом (Лк. 16, 15).

Не хваляй себе, сей искусен, но егоже Бог восхваляет (2 Кор. 10, 18).

Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим, говорит Господь (Мф. 11, 29).

Во смирении нашем помяну ны Господь: и избавил ны есть от врагов наших (Пс. 135, 23-24).

Смирихся, и спасе мя (Пс. 114, 5).

Нечист пред Господом всяк высокосердый (Притч. 16, 5) [1, 45 и далее].

283. Если здоров ты телом, то не превозносись и бойся [1, 140].

284. Кто сам себя возвышает, тот готовит себе бесчестие; а кто служит ближнему в смиренномудрии, тот прославится [1, 143].

285. Смири помысл гордыни прежде, нежели гордыня смирит тебя. Низложи помысл высокоумия прежде, нежели он низложит тебя. Сокруши похоть прежде, нежели похоть сокрушит тебя [1, 150].

286. Не осуждай брата в непостоянстве, чтобы и самому тебе не впасть в ту же немощь.

287. Новоначальный, не имеющий смирения, не имеет у себя оружия на сопротивного; и таковой потерпит великое поражение.

288. Пусть монах имеет себя из последних последним, — и приобретет себе упование. Ибо *всяк возносяйся смирится, смиряй же себе вознесется,* (Лк. 18, 14) [1, 152].

289. Злая укоризна монаху — гордыня, дерзость, бесчувственность, бесстыдство, безрассудность, вспыльчивость, безумие [1, 157].

290. Если возлюбишь гордыню, будешь часть бесам; если возлюбишь смиренномудрие, будешь часть Владыке Христу [1, 158].

291. Высокоумный человек много понесет печалей, а смиренномудрый всегда будет веселиться о Господе.

292. Высокоумие во всякое время домогается чести; а смиренномудрие в славе не превозносится и в бесславии не беспокоится; потому что ожидает награды от Господа [1, 159].

293. Превозношение ослепляет умные очи, а смирение просвещает их любовию; ибо Господь *научает кротких путем Своим* (Пс. 24, 9) [1, 160].

294. Опасно человеку надеяться на самого себя; а надеющийся на Господа спасется.

295. Украшающий одежды свои возгордится; а гордый монах — неоперившийся орел.

296. Смиренномудрый монах — легкий скороход и (как бы) меткий стрелок.

297. Как железо все утончает и покоряет, так и смирение по Богу разрушает козни врага.

298. Что рогатина для звероловова и оружие для воина, то для монаха смирение.

299. Опасна человеку гордыня, в каком бы то ни было виде. Не люби гордыни, потому что нет в ней пользы. Всякая немощь при попечительности исцеляется, но недуг гордости — с трудом врачуемое зло; потому что она отвергает целительное врачевство и вымышляет для себя смертную отраву. Да не будет ее в рабах Христовых! [1, 167].

300. Хочешь ли быть великим? Будь меньше всех (см. Мк. 9, 35) [1, 174].

301. Если выйдет брат из монастыря, не превозносись над ним мыслию, и да не будет он бесчестен в глазах твоих: *не веси бо, что породит день находяй* (Притч. 3, 28).

302. Слушай того, кто говорит: *мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12), и еще: *не хваляй себе искусен, но егоже Бог восхваляет* (2 Кор. 10, 18). Ибо многие думали о себе, что одержали они верх и начальствуют; но они стали из кромешных кромешными, а люди отчаянные прияли благодать; потому что *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6) [1, 175].

303. Если видишь человека непослушного, гордого и мудрого о себе, то корень его уже полумертв; потому что не приемлет в себя тука, сообщаемого страхом Божиим. А если видишь человека безмолвного и смиренного, то знай, что корень его прочен; потому что напаяется туком страха Божия.

304. Велико преспеяние и велика слава смиренномудрия, и нет в нем падения. Признак смиренномудрия — обеими руками удовлетворять потребности брата, — так, как бы и сам ты принимал пособие [1, 178].

305. Человек гордый и непокорный увидит горькие дни; смиренномудрый же и терпеливый возвеселится всегда о Господе [1, 180].

306. Великое дело найти человека смиренномудрого и терпеливого, доброте его нет меры.

307. Кто превозносится над братом своим, над тем издеваются бесы.

308. Дожди размножают сорные травы, а обращение с людьми мирскими производит страсть высокоумия. Но боящийся Господа не превозносится [1, 184].

309. Если сподобился ты дарования, не высокомудрствуй; ибо не имеешь у себя ни одного совершенства, *егоже неси приял* от Бога (1 Кор. 4, 7); и если не будешь ходить по Его заповедям и воле, отнимет Он у тебя собственность Свою и отдаст лучшему; и тогда будешь походить на человека, у которого отнимают перо, только что омоченное в чернила.

310. Сколько ни превозносится человек в гордыне сердца своего, все же он попирает землю, из которой взят и в которую пойдет; возвышает же Господь смиренных [1, 190].

311. Высокоумие низлагает, а смиренномудрие получает победную награду [1, 193].

312. Если пред братиями своими окажешься чистым, как золото, то и тогда почитай себя сосудом непотребным, и избежишь гордыни, ненавистной Богу и людям [1, 198].

313. Если видишь, что брат грешит, и наутро свидишься с ним, то не презирай его, признавая грешным в мысли своей: ибо не знаешь, что, может быть, когда ушел ты от него, сделал он по падении своем что-нибудь доброе и умилостивил Господа воздыханиями и горькими слезами.

314. Надобно удерживаться от осуждения других; каждому же из нас надлежит смирять себя, говоря о себе словами псалма: *беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне* (Пс. 37, 5).

315. Не дай мне, общий всех Владыка, такого сердца, которое ненавидит подчинение и отеческое вразумление; удали от меня горделивые помыслы; ибо Ты, Господи, запретил еси гордым [1, 199].

316. Не только взор пусть будет поникшим долу, но и сердце да не превозносится над другим [1, 207].

317. Если двое новоначальных живут со старцем, кто из них больше пред Господом? Тот, кто смиряет себя пред братом своим в страхе Божием. Ибо не лжив Сказавший: *смиряй себе вознесется* (Лк. 18, 14) [1, 208-209].

318. Кто хочет сдвинуть камень, тот не сверху, а снизу подложит рычаг, и тогда легко поворотит камень. Это — образец для смиренномудрия!

319. И Богу, и людям ненавистна гордыня, а любящих смирение возвышает Господь.

320. Не достоинство, не почесть, не величие вводят в Царство Небесное, но смирение, послушание, любовь, терпение и благодушие — вот что спасает человека. Не слыхали разве, что

диавол за гордыню ниспал с неба? Не слыхали разве, какой великой славы лишился он за противление Богу? [1, 230-231].

321. Смиренный не тщеславится, не гордится, служа Господу из страха пред Ним. Смиренный не установляет собственной своей воли, прекословя истине, но повинуется истине. Смиренный не завидует успеху ближнего и не радуется его сокрушению (падению), а, напротив того, радуется с радующимися и плачет с плачущими. Смиренный не унижается в лишении и бедности, и не оказывается надменным в благоденствии и славе, но постоянно пребывает в той же добродетели. Смиренный почитает не только высших, но и низших себя. Смиренный не впадает в раздражительность, никого не оскорбляет, ни с кем не ссорится. Смиренный не упрямится и не ленится, хотя бы и в полночь позвали его на дело; потому что поставил себя в послушание заповедям Господним. Смиренный не знает ни досады, ни лукавства, но в простоте служит Господу, мирно живя со всеми. Смиренный, если услышит выговор, не ропщет, и если будет заушен, не выйдет из терпения; потому что он — ученик Претерпевшего за нас Крест. Смиренный ненавидит самолюбие, почему не домогается первенства, но почитает себя в мире сем как бы временным пловцом на корабле [1, 403].

322. Если изучишь и все Божественное Писание, смотри, в противность Писанию да не надмевает тебя этим помысл; потому что все богодухновенное Писание учит нас смирению. А кто думает или делает противное тому, чему учился, тот сим самым показывает, что он преступник [1, 416-17].

323. Если тревожит тебя дух гордости или любоначалия, или богатства, то не увлекайся им, а, напротив того, стань мужественно против ополчений лукавого и льстивого духа. Представь в мыслях древние здания, обветшавшие изображения, изъеденные ржавчиной столпы, — и размысли сам с собою, и посмотри, где обладатели и соорудители всего этого; и старайся угодить Господу, чтобы сподобиться тебе Царствия Небесного: *зане всяка плоть яко трава, и всяка слава человеча яко цвет травный* (1 Пет. 1, 24). Что выше и славнее царского достоинства

и славы? Но и цари преходят, и слава их. А удостоившиеся Царства Небесного не испытуют ничего подобного, в мире и радовании пребывая на небе с Ангелами, без болезни, печали и воздыхания, в радости и веселии, хваля, прославляя и величая Царя Небес и Господа всей земли [1, 417].

324. Если прежде всех придешь к службе Божией и простоишь до конца, да не надмевает тебя сим помысл; ибо высокоумие подобно норе, в которой гнездится змий и умерщвляет подходящего [1, 423-424].

325. Не будем превозноситься, а станем лучше смирять себя. Да и что у нас за сила, чтобы превозноситься нам, когда и малая затруднительность повергает нас на землю? Поэтому возлюбим смирение, чтобы Господь не отвратился от нас [1, 462].

326. Во всяком месте и во всяком деле да будет с тобою смиренномудрие. Ибо как тело имеет нужду в одежде, тепло ли или холодно на дворе; так и душа имеет всегдашнюю нужду в облечении себя смиренномудрием. Предпочти лучше ходить раздетым и разутым, нежели быть обнаженным смиренномудрия; потому что любящих оное покрывает Господь [1, 519-520].

327. Имей смиренный образ мыслей, чтоб, превознесшись на высоту, не разбиться тебе в страшном падении [1, 525].

328. Начало смиренномудрия — покорность. Смиренномудрие да будет у тебя и основанием и облачением ответа; речь же твоя пусть будет проста и приветлива в любви Божией. Высокоумие не подчиняется, непослушно, непокорно, водится собственным своим помыслом. А смиренномудрие послушно, благопокорно, скромно, воздает честь и малым и большим [1, 552-553].

329. Избрав для себя благоговейную жизнь, трезвись, чтобы лукавый под видом благоговения не внушил тебе чуждого помысла, и именно тщеславия и гордыни, по которым не захочешь трудиться вместе с братиею. Работай, как и другие братия, и охраняй свое благоговение [1, 554].

330. Если будет тревожить тебя помысл самомнения, скажи борющему тебя: «Иди от меня прочь, лукавый помысл. Что та-

кое я сделал и в какой преуспел добродетели, что внушаешь мне подобные мысли? Святые *камением побиени быша, претерени быша, искушени быша, убийством меча умроша* (Евр. 11, 37). Сам Владыка всяческих за нас *претерпе крест, о срамоте нерадив* (Евр. 12, 2). А я, все время жизни своей проведя в грехах, какой дам ответ в день суда?» — И сам отгонишь от себя высокоумие [1, 556].

331. Один брат сказал: «Просил я себе у Господа помысл смиренномудрия, чтобы когда брат мой прикажет мне сделать что-нибудь, говорил я помыслу: «Это господин твой, слушай его»; а если прикажет другой брат, опять говорил: «Это брат господина твоего». И если прикажет ребенок, и тогда говорил: «Слушай сына господина своего». И таким образом, противясь чуждым помыслам, при содействии благодати безмятежно делал он дело свое [1, 563].

332. Бесстрашие рождает гордыню; а гордыня — матерь непокорности. Смиренномудрие и кротость обладающего ими пригвождают к страху Божию, как столп, утвержденный в храме Божием [1, 596].

333. Блюдись от беса высокоумия, чтобы не впасть в дух гордыни и неподчинения и не сделать себе вреда. Нет тебе стыда пребывать в подчинении о Господе и своими руками делать доброе. Сия небольшая печь — и скорбь, претерпеваемая тобою ради Господа, доставит тебе вечную жизнь. Представь, что кто-нибудь на драхму выменивает многие тысячи талантов золота; то же значит и всякая печаль монашеской жизни в сравнении с будущею скорбью, какая сретит делающих худое. Уступаешь ты малое, а тебе дается великое. Поэтому отрекайся высокоумия, и часть твоя будет Господь [2, 131].

334. Отличительные черты и признаки человека, имеющего истинное смирение, суть следующие: почитать себя грешным паче всех грешников, не сделавшим ничего хорошего пред Богом, укорять себя во всякое время, на всяком месте и за всякое дело, никого не хулить и не находить на земле человека, который был бы грешнее и нерадивее его самого, но всех всегда хвалить и прославлять, никого никогда не осуждать, не уничижать,

и не оклеветывать; во всякое время молчать и без приказания или крайней нужды ничего не говорить; когда же спросят и есть намерение или крайняя нужда заставляет говорить и отвечать, тогда говорить тихо, спокойно, редко, как бы по принуждению и со стыдом; ни в чем не выставлять себя за меру, ни с кем не спорить ни о вере, ни о другом чем; но если говорит кто хорошо, сказать ему: да, а если худо, отвечать: как знаешь; быть в подчинении и гнушаться своею волею, как чем-то пагубным; иметь взор поникший всегда в землю; иметь пред глазами смерть свою, никогда не празднословить, не пустословить, не лгать, не противоречить высшему; с радостью переносить обиды, уничижения и утраты, ненавидеть покой и любить труд, никого не огорчать, не уязвлять ничью совесть. Таковы признаки истинного смирения; и блажен, кто имеет их; потому что здесь еще начинает быть домом и храмом Бога, и Бог вселяется в нем, — и делается он наследником Царствия [3, 639-640].

335. В том нет смиренномудрия, чтобы грешнику почитать себя грешником: но смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая в себе многое и великое, не воображать о себе ничего великого. Смиренномудр, кто подобен Павлу; но говорит о себе: *ничесоже бо в себе свем* (1 Кор. 4, 4), или: *Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15). Итак, быть высоким по заслугам и уничижать себя в уме — вот смиренномудрие! [3, 661].

6

Общие уроки о подвижнической жизни

1. Есть воздержание языка — не говорить много и пустого, не злословить, не обижать словом, не клясться, не празднословить, не клеветать одному на другого, не пересуживать, не открывать таин, не заниматься тем, что не наше [1, 28].

2. Есть воздержание слуха — владеть слухом и не поражаться пустою молвою.

3. Есть воздержание глаз — владеть зрением и не устремлять зрение на грешно-приятное и неподобающее.

4. Есть воздержание раздражительности — владеть гневом и не воспламеняться вдруг.

5. Есть воздержание в славе — не желать и не искать прославления и чести, не превозноситься, не надмеваться, не мечтать о себе много.

6. Есть воздержание помыслов — низлагать помыслы страхом Божиим, не склоняться на помысл обольстительный и воспламеняющий, и не услаждаться им.

7. Есть воздержание в пище — не желать и не искать снедей многих, сладких и дорогих, не есть не в определенный час, не предаваться духу чревоугодия, не возбуждаться к алчности добротою снедей и не желать то одной, то другой снеди.

8. Есть воздержание в питии — не употреблять без меры не только вина, но и воды, не гоняться за удовольствием пить искусно приготовленные смеси, не искать разных напитков, не пить вина без нужды, не ходить на пиры.

9. Есть воздержание порочного сластолюбия — не потакать случайно возбудившимся движениям похоти, не склоняться на срамные помыслы, не исполнять волю плоти, но обуздывать страсти страхом Божиим.

10. Прекрасное святые отцы оставили нам правило для покаянных подвигов и трудов, говоря: «Не сегодня только воздерживайся, а завтра заготовляй обеды; не сегодня только пей воду, а завтра добывай вина; не сегодня только носи власяницу, а завтра дорогую ткань; не сегодня только будь кроток и смирен, а завтра высокомерен и горд; не сегодня только тих и послушен, а завтра бесчинен и неуступчив; не сегодня только предавайся плачу и рыданию, а завтра смеху и равнодушию; не сегодня только спи на голой земле, а завтра почивай на мягком ложе. Но удержи для себя одно правило, возлюбленный, по которому мог бы ты благоугодить Богу и принести пользу себе и ближнему [1, 81].

11. По сорока или по пятидесяти лет святые отцы не изменяли своего правила, то есть прекрасного и неукоризненного

воздержания, соблюдаемого касательно пищи, языка, спания на голой земле, смиренномудрия, кротости, веры и любви, нестяжательности, неусыпной молитвы с плачем и сокрушением, — и таким образом очистили себя. Почему и Бог вселился и прославился в них [1, 82].

12. Если кто не очистит себя от всякого дела лукавого, от нечистых помыслов, от порочных пожеланий, от гнева, раздражительности, зависти, гордыни, тщеславия, ненависти, прекословия, осуждения, пустословия, — одним словом, от всего, что Богу ненавистно, и если, отвратившись от того, не будет держать себя вдали, то не вселится в него Бог. Почему очистим себя, возлюбленные, чтобы Бог вселился в нас, — и мы сподобились обетований Его.

13. Хочешь ли знать, что у тебя в сердце? Внимай. Хвалолюбие служит знаком, что мы тщеславны; приятность яств показывает, что мы чревоугодники; нерадение обнаруживает, что мы ленивы; любостяжательность — что не любим Христа; зависть возвещает, что нет в нас любви; удовольствие, с каким осуждаем других, означает, что полны мы ненависти. Так невидимая душа по телесным действиям делается видимою, какова она — добра или зла [1, 88].

14. Но самым неудержимым проповедником о том, что любит и к чему прилепляется сердце, служит язык; устами обличаются тайны нашего сердца. Когда уста отверсты и нет при них стражи, тогда слово наше исходит без разбора, и с собою выбрасывает наружу все, что в сердце. Почему, если хочешь узнать сердечные помышления, обрати внимание на уста; от них узнаешь, о чем заботится и старается сердце, — о земном или о небесном, о духовном или о плотском, об удовольствии или воздержании, о многостяжании или нестяжательности, о смирении или высокоумии, о любви или ненависти. Из сокровищ сердца уста предлагают снеди приходящим, и то, чем занят язык, показывает, что любит сердце, — Христа или что-либо из настоящего.

15. Душа наша по природе добра, но превращается в злую по своему свободному произволению. Страсти не естественны;

они прививаются и развиваются злым произволением, — и привычка делает их сильными, как сильна природа. Природа — рабство, привычка — произволение. Произволение, будучи свободно, есть как бы земледелатель какой, прививающий к природе нашей и худые и добрые навыки, какие ему угодно. Природа — это земля, нами возделываемая; произволение — земледелатель; а Божественные Писания — советники и учители, научающие нашего земледелателя, какие худые навыки ему следует искоренять, и какие благие добродетели насаждать [1, 89].

16. Сколько бы ни был наш земледелатель трезвен и ревностен, однако же без учения Божественных Писаний он и не силен и не сведущ. Законоположение Божественных Писаний дает ему разумение и силу, а вместе от собственных ветвей своих и благие добродетели, чтобы привить их к древу природы, — именно: веру, надежду, любовь, ведение, прилежание и под. А если земледелатель наш, по высокоумию своему, вздумает когда оставить учителя и советника своего, то есть Божественные Писания, то начинает действовать погрешительно и к природе прививает несвойственное ей, разумею же: неверие, неведение, ненависть, зависть, гордыню, тщеславие, славолюбие, чревоугодие, любопрение, прекословие и многое другое подобное; потому что, оставя Законодателя, и сам бывает Им оставлен. Если же, раскаявшись, осудит он сам себя и, припадши к Законодателю, скажет: «Согрешил я, что оставил Тебя»; то Законодатель, по свойственному Ему человеколюбию, немедленно приемлет его, подает ему разумение и добрую силу опять снова возделывать ниву природы своей, искоренять в ней худые навыки и вместо их насаждать благие добродетели. Сверх же этого дает еще ему за это и венцы, и осыпает его похвалами [1, 90].

17. Для чего же отрекся ты от мира, если ищешь еще мирского наслаждения, вместо наготы домогаясь одежд, и вместо жажды — винопития? Призван ты на брань, и хочешь без оружия выйти в битву со врагом, вместо бдения погружаясь в сон, вместо плача и сетования предаваясь смеху, вместо любви

питая ненависть к брату. Призван ты к подчинению, а прекословишь. Призван к наследию Царства Божия, а думаешь о земном, вместо смиренномудрия и кротости выказывая высокомерие и гордость [1, 94].

18. Духовные купцы мы, братие, и подобны купцам мирским. Купец каждый день высчитывает прибыль и убыток; и если потерпел убыток, прилагает старание, как бы вознаградить потерю. Так и ты, возлюбленный, каждый день, и вечером и утром, тщательно размысли, до чего доведена купля твоя. И вечером, войдя в храмину сердца своего, расчисли и спроси сам себя: «Не прогневал ли я чем-нибудь Бога? Не сказал ли праздного слова? Не был ли беспечен? Не огорчил ли брата моего? Не осудил ли кого? Когда пел устами псалмы, тогда ум мой не мечтал ли о чем мирском? Не возрождалось ли во мне плотское пожелание, и не с удовольствием ли занимался я им? Не уступил ли я над собою победу земным заботам?» Если потерпел ты в чем-либо из сказанного ущерб, то постарайся возвратить утраченное; потом воздыхай, и плачь, чтобы не впасть опять в то же. А утром опять займись с самим собою и спроси: «Как прошла эта ночь?» Получил ли я в нее какую прибыль от купли своей? Бодрствовал ли ум мой вместе с телом? Лились ли слезы из очей моих? Не был ли отягчен я сном во время коленопреклонения? Не приходили ль мне на ум лукавые помыслы, и не занимался ли я ими с приятностью?» Если побежден ты был чем-либо из этого, то постарайся исцелиться, приставь стража к сердцу своему, чтобы не потерпеть опять того же. — Если так будешь попечителен, то сохранишь в целости куплю свою; а таким образом соделаешься благоугодным Господу своему, и принесешь себе пользу [1, 102-103].

19. Будь внимателен к себе, чтобы не вдаться тебе когда-либо в леность; потому что преобладание лености — начало погибели. Подражай пчеле, и всмотрись в дивную ее тайну, как с рассеянных по земле цветов собирает она свое произведение. Приникни мыслию своею на эту ничтожную тварь. Если собрать всех мудрецов земли, всех философов во вселен-

ной, то не в силах они будут сделать понятною мудрость ее. И всякий разумный человек, видя труды ее, прославляет Создателя Бога, изумляясь, что от такой малой твари выходит столько мудрости. Подобно сему и ты, возлюбленный мой, будь как пчела, и из Божественных Писаний собери себе богатое и некрадомое сокровище, и предпошли оное на небо [1, 103-104].

20. Монах подобен воину, идущему на брань, который отовсюду ограждает тело свое полным вооружением, трезвится до самой победы, и беспокоится, чтобы вдруг не напал на него враг, и чтобы ему, если не примет предосторожностей, не попасться в плен. Подобно и монах, если, приводя себя в расслабление, обленится, то удобно уловляется врагом; потому что враг влагает в него нечистые помыслы, которые принимает он с радостью, — разумею же помыслы высокоумия и тщеславия, а также зависть и осуждение, чревоугодие и ненасытный сон, — и сверх того доводит его до отчаяния. Если же монах всегда трезвится, то привлекает себе в помощь благодать Божию, научается Богом, как угождать Ему, делается и достохвальным о Боге и хвалителем Бога. Как наблюдающий себя в зеркале бывает вместе и зрителем и зримым, так и благодать, если найдет себе упокоение в человеке и вселится в нем, то и его прославляет, и сама им прославляется [1, 111-112].

21. Без помощи благодати сердце не может иметь в себе достаточных сил и исполниться умиления, чтобы надлежащим образом исповедаться Владыке; напротив того, человек бывает беден и скуден совершенствами, и поселяются в нем мерзкие и нечистые помыслы, *яко нощный вран на развалине* (Пс. 101, 7). Поэтому обязанность человека призвать благодать, чтобы она, пришедши, просветила его, — обязанность человека, очистив себя, домогаться, чтобы благодать обитала в нем и помогала ему; при благодати же успеет он во всякой добродетели и, просвещенный ею, в состоянии будет уразуметь разнообразие и благолепие благ будущего века. Благодать делается для него стеною и укреплением, и охраняет от века этого для жизни века грядущего [1, 112].

22. Старайся приобрести совершенную добродетель, украшенную всем тем, что любит Бог (это — любовь). Называется она одноличною добродетелью и заключает в себе всю красоту и все разнообразие добродетелей. Как царская диадема не может быть сплетена без драгоценных камней и отборных жемчужин, так и эта одноличная добродетель невозможна без красоты различных добродетелей. Она вполне подобна царской диадеме. Как последняя, если не достает в ней одного камня или одной жемчужины, не может сиять на царской главе: так и эта одноличная добродетель, если не достает в ней одной какой-либо красоты прочих добродетелей, не называется совершенною добродетелью [1, 114].

23. Еще подобна она дорогим снедям, которые приготовляются со всякими изысканными приправами, но не без соли. Как сии дорогие снеди, если не будет в них соли, негожи к употреблению и не вкусны, так и эта добродетель, украшенная всею лепотою различных добродетелей, если лишена любви ко Христу и ближнему, нимало не привлекательна.

24. Еще подобна она совершенному и прекрасному составу азбуки, в котором буквы отделаны и украшены, но который весь делается ни к чему негожим, если отнять у него хоть букву. Так и эта добродетель, если будет лишена одной из прочих добродетелей, вся оказывается бесполезной [1, 115].

25. И еще подобна она большому и высокопарящему орлу, который, завидев пищу в сетях, со всею стремительностью налетает на нее, но желая похитить добычу, зацепляется концами когтей, и от этой малости вся крепость его делается связанною; и хотя по-видимому все тело его свободно и вне сетей, однако же вся сила его оковывается сетями. Подобным сему образом и эта добродетель, если связана чем-либо земным, умерщвляется, изнемогает и гибнет, и не в состоянии уже воспарить на высоту; потому что пригвождена к земному.

26. Как иной погружается в глубину, чтобы сыскать многоценную и отличную жемчужину, и найдя ее, всплывает на поверхность вон, и нагой устремляется на сушу с великим богатством, — так и ты обнажи себя от всех житейских нечистот,

облекись же в эту добродетель и, украсившись ею, трезвись день и ночь, чтобы не совлекли ее с тебя. Душу, которая имеет ее у себя, не может поколебать никакое бедствие, ни голод, ни нагота, ни уныние, ни болезнь, ни бедность, ни гонения, ни другое какое диавольское искушение. Если трезвится она, то через это еще более возрастает и венчается, непрестанно преуспевая по Богу и просветляясь. Самая смерть не в силах причинить ей зло; напротив того, по исшествии из тела, Ангелы приемлют ее, ликующую, на небо и приводят к Отцу светов [1, 117].

27. Радуется о ней Отец и Сын с Духом Святым. Отец радуется о ней, потому что возлюбила Его и не любила никого, кроме Его. Единородный Сын Его радуется о ней, потому что вожделела Его и никого не приобрела, кроме Его. Святой Дух радуется о ней, потому что о Нем сделалась храмом святым, и Он вселился в ней. Радуются о ней небеса и небесные Силы, и единодушно припадают и прославляют Отца и Сына и Святого Духа, видя, что она украшена ангельскою добродетелью во всей лепоте праведности. Радуется о ней рай, потому что она получила его в наследие. Слава и велелепие единому благому и человеколюбивому Богу, Который по Своей благости дарует нам Царство Свое [1, 118].

28. Потрезвимся и потрудимся в это короткое время. Вечер близок. Мздовоздаятель идет со славою воздать каждому по делам его. Будьте внимательны, чтобы кто-нибудь из вас после успеха не вознерадел и не погубил безмерного мздовоздаяния Спасителева. Монах подобен засеянной ниве, которая, разросшись от плодотворных дождей и рос, приносит плод веселья; и достигнув времени плодоношения, приводит земледельца в большую заботу о том, чтобы град и дикие звери не опустошили ниву. Когда же земледелец получит вознаграждение в жатве, собрав пожатые плоды в житницу, тогда радуется и веселится, благодаря Бога. Подобно и монах, пока в теле сем, должен заботиться о вечной жизни, трудясь в подвиге до последнего дня, чтобы по нерадению не сделать бесполезным всего течения своего. Когда же, совершив течение, подобно земледельцу,

плоды трудов своих перенесет на небо, тогда доставляет радость и веселье Ангелам [1, 123].

29. Представь, что иной, предстоя царю и беседуя с ним, по зову подобного ему раба оставляет дивную и славную беседу с царем и начинает беседовать с рабом; подобен сему и тот, кто разговаривает во время псалмопения. Вразумимся, возлюбленные, Кому предстоим. Как Ангелы, предстоя с великим трепетом, совершают песнословие Создателю, так и мы со страхом должны предстоять во время псалмопения. Да не будет того, чтобы только предстояли тела наши, а ум мечтал [1, 125].

30. Три рода дел умножают зло, и четвертый не принадлежит к числу добрых: если юные не слушаются; если старцы завидуют успехам младших; если благоговейные склоняются на дела непотребные и если настоятель по невежеству своему теснит и тяготит братий [1, 166].

31. Три рода дел умножают добро, и четвертый род благ пред Господом и пред людьми: если братия единодушны в кротости и в правде; если брат брата поучает страху Господню; если младшие подчинены старшим, как своим владыкам, и если настоятель любит братий своих, как себя самого, и истинно печется о спасении душ их.

32. Если видишь торгующего чем-нибудь, скажи сам в себе: «Этот человек, вожделевая временного, столько терпит, чтобы собрать скоропреходящие блага. Ужели же ты, душа моя, вознерадишь о непреходящем?» Если видишь тяжущихся между собою, скажи сам в себе: «Эти люди столько прилагают старания и спорят между собою о том, что нимало не полезно. Ужели же ты, душа моя, должна будучи тьму талантов, не припадешь, как следует, к Богу, чтобы прощен был тебе долг твой?» Если видишь строящих дом из глины, то скажи сам в себе: «Эти люди, строя дом из глины, употребляют свое старание совершить дело. Ужели же ты, душа моя, пренебрежешь вечными обителями?» Но чтобы, говоря о том и о другом порознь, не продлить слова, скажу: что ни увидим в жизни, мирские помыслы и житейские рассуждения заменим духовными

и, при содействующей нам благодати, непременно получим пользу [1, 217-18].

33. Что такое монах? Монах подобен человеку, который, когда несся с высоты, встретив вервь, висящую высоко над землею, ухватился за нее, — виснет на ней и непрестанно вопиет ко Господу о помощи, зная, что если ослабеет и выпустит вервь из обеих рук, то упадет и умрет [1, 218].

34. Оттого, что не хотим ради Господа потерпеть малой скорби, невольно впадаем во многие и тяжкие скорби. Оттого, что не хотим ради Господа оставить собственную свою волю, сами себе уготовляем душевный вред. Оттого, что не терпим ради Господа быть в подчинении и уничижении, сами себя лишаем утешения праведных. Оттого, что не слушаемся вразумления, какое делают нам ради Господа, сами себя делаем игралищем бесов. Оттого, что не принимаем наказания жезлом, ожидает нас коноб, в котором не будет утешающего.

35. Хитрец-враг разными способами в каждого из нас влил свои отравы и кознями своими запинает каждого. Иной соблюл пост, но отдает себя во власть соперничеству и зависти. Иной опять воздержался от срамного пожелания, но связан тщеславием. Другой преуспел в бдении, но запутался в сетях осуждения. Иной удаляется от осуждения, но исполнен неподчинения и прекословия. Иной воздерживается от снедей, но тонет в гордости и высокомерии. Иной неутомим в молитвах, но уступает над собою верх раздражительности и гневу. Иной успел в чем-нибудь малом и превозносится уже над теми, которые нерадивее его. Каждого так или иначе связал грех, — и нет разумевающего [1, 223].

36. У нас брань не с видимыми людьми, от которых, осмотревшись, можно привести себя в безопасность. Воюющие с нами невидимы. Потому велика опасность для нерадивых, а победителям великое воздаяние. Не без искусства вступим с ними в брань и будем побеждать их. Если враг, — скажу для примера, — возбуждает к чревоугодию, нападем на него постом; если раздражает в нас похоть к женщине, употребив в дело терпение, преодолеем чувство, и враг тотчас убежит от нас;

если побуждает нас к гневу, вооружимся миром; если доводит нас до раздражения, возьмемся за кротость; если воспламеняет в нас ненависть, прилепимся к любви; если подстрекает к исканию почести, покажем уничижение; если подстрекает к исканию славы, возьмемся за свою незначительность; если мечтательно ведет на высоту, преднапишем перед собою смирение Господа. — Если таким образом будем противиться врагу, он не устоит против нас и побежит, а к нам возвратится благодать [1, 235].

37. Будь внимателен к себе, возлюбивший подвижничество, чтобы дни твои не протекли в рассеянности. Не допускай в себя лукавых помыслов, чтобы сила твоя не изнемогла в борьбе с врагом твоим. Имей всегда в уме своем сладчайшего Владыку, чтобы увенчалось течение твоего подвига. Ускоряй борение подвига твоего; ибо внезапу наступит день, когда трудящиеся увенчаются, а ленящиеся раскаются. Приобретай добродетель, пока есть к тому время; приобретай благоговение оку своему, истину слуху своему, глаголы жизни языку своему, посещение немощных стопам своим, образ Господа твоего сердцу своему, преспеяние в целомудрии членам своим, чтобы сподобиться тебе большей чести пред Ангелами и человеками. Чествуется бездушное дерево, если имеет на себе образ смертного царя; кольми паче в нынешнем и будущем веке предпочтена будет душа, имеющая в себе Бога [1, 329].

38. Придите, други мои, припадем ко Господу, да дарует нам просвещение души к уразумению козней врага — противника нашего, которому ненавистно все прекрасное. Ибо он ставит нам на пути преткновения, соблазны, вред, рассеянность века этого, плотское удовольствие, надежду на долговременность настоящей жизни, боязнь во время подвига, леность в молитве, сон и плотское успокоение во время псалмопения. Но сколько он рачителен, столько мы беспечны; и чем больше он злоухищряется, тем более мы небрежем, хотя знаем, что дни наши сокращены, — и Господь славы грядет [1, 338].

39. Дали мы обет — приносить плод жизни. Но для нашего плода нет слез, которые приводили бы его в зрелость; нет сокрушения, чтобы процвел он от дыхания слез; нет смирения, которое приосенило бы его в великой зной; нет нестяжательности, чтобы не бременило его что-либо сопротивное; нет любви Божией, — этого крепкого корня, поддерживающего плод; нет беспопечения о земном, нет бдения, нет бодренного ума, трезвящегося в молитве. Вместо этих прекрасных и благих добродетелей есть у нас противное им: есть ярый гнев и раздражительность, которыми избитый плод делается ни к чему не годным; есть многостяжательность, которая давит его вниз; есть великое уныние. Все сии неблагоприятности для него попустят ли созреть ему как должно, чтобы годен он был своему Владыке? [1, 341].

40. Для того, чтобы, видя образ жизни каждого, подражать житию их, а именно, тому, как кто, вооружившись ревностью, поспешает *к почести вышняго звания* (Флп. 3, 14), надобно в точности наблюдать у одного совершенную и точную веру, у другого надежду на Бога, у иного двоякую любовь ко Господу и ближнему, у иного же то, как в страхе Божием стоит он на страже своей, охраняя себя от всякого лукавого дела, ведя жизнь не порицаемую и не предосудительную, а, напротив того, похваляемую всеми за чистоту и безукоризненность его поведения [1, 370].

41. Смотри, как иной, боримый от врага различными страстями, прибегает в молитве к Богу, и в сокрушении с любовию прилепившись к Нему, получает помощь благодати, и избавляется от непотребных и нечистых помыслов, — с великим плачем, со слезами и воздыханиями каясь в содеянном, с печалью оплакивая грехи свои, исповедуясь Богу в молитвах и бдениях, злостраждя в посте, воздержании и скорби, и стараясь спасти себя сими оружиями. Так и себе старайся бороться до смерти, как истинный воин, — содержа в мысли, что подвижничество — не шуточное дело, и что спасение достигается только великою рачительностью [1, 371].

42. Подражай тем, которые являют совершенное отречение от мира, — и удобно востечешь на высоту добродетелей. Видя в ком-либо совершенную нестяжательность, — как он, оставя все, усиливается сделать ум свой свободным от всяких попечений, чтобы без развлечения прилежать молитвам, и чтобы никакой помысл и никакая забота не прерывали его молитвы, всею силою посоревнуй ему. Кто чистым сердцем с любовию и слезами молится Богу, тот Самого Бога, как в зеркале, отражает в уме своем. А это благо неоцененное приобретается нищетою, бедностью и всячески тесным житием. *Узкая врата и тесный путь вводяй в живот* (Мф. 7, 14) [1, 372].

43. Подражай в образе жизни святым, — кому в благоговении и страхе Божием, кому в смиренномудрии, кому в самоуничижении и самоосуждении, кому в безмолвии, кому в кротости, кому в терпении благодушном, кому в уступчивости и миролюбии, кому в дружелюбии и единомыслии, кому в трезвении и рассудительности, кому в приятности обхождения, приветливости и снисходительности, кому в прощении обид, мужестве и великодушии, кому в подвигах и послушании, кому в рукоделии и служении братиям, кому в ревности и горячности духа, кому в совершенном отчуждении от мира и в ежедневном умирании подобно распинаемому, кому в твердости духа и истиннолюбии, кому в целомудрии и девственности. Смотри также — у кого на милостивость и готовность помогать, у кого на тихость нрава и доброту, у кого на сердоболие и милосердие, у кого на беспристрастие и правосудие, у кого на невзыскательность и скромность, у кого на довольство малым и умеренность, у кого на простоту и прямоту, у кого на непрестанную молитву, на псалмопение и потоки слез, — коротко сказать, смотри у всех на черты богоугодной жизни, — и подражай им [1, 372-374].

44. Постараемся на горнее взирать, о горнем помышлять, горнее всегда помнить, к горнему быть всецело прилепленным, с горним быть в непрестанном общении, — и никак не склонять взора своего к дольнему, где удовольствия, где похоти века этого, лукавого и мертвящего. Прекрасно всегда в горнее

всматриваться оком сердечным, всячески блюдясь, чтобы не запало чего-либо в зеницу ока этого, — или помысла лукавого, или иного чего не благоугодного Богу, и не омрачило ума [1, 389].

45. Надобно нам непрестанно молиться, чтобы Господь избавил нас от бесовских козней. Ибо помыслы, не только когда сидим уединенно в келлии, подавляют нас, но сильно восстают и тогда, как сходимся в дому Господнем; делают, что и на мужские тела смотрим не чисто; и до самого срамного дела доводит нас змий мечтательными помыслами. Он всевает какую-то смесь помыслов, чтобы брат пришел в рассеяние и не мог чистым умом внимать пречистым тайнам Спасителя нашего — Бога. Впрочем, хранением очей и внимательностью ума воздержный преодолевает, при содействии благодати Божией. Поэтому надобно со всею бдительностью охранять сердце свое и чувства свои; потому что в этой жизни ведем мы великую брань; и враг наш неистов [1, 404-405].

46. От борьбы отказываться не должно. Кто в мире со страстями, тому как вести с ними брань, когда он продал уже себя в рабы сластям греховным и с охотою платит дани мучителю? Ибо где только вражда, там и брань; где брань, там и борьба; где борьба, там и венцы. Если кто хочет освободиться от горького рабства, то вступи в брань с диаволом. В этой брани сделавшись победителями, святые удостоились небесных благ [1, 405-406].

47. Кто хочет освободиться от вражеского поругания и избавиться от горького рабства ему, тем надобно противоборствовать воле этого тирана нашего и вести с ним брань из любви к Создателю. Ибо тогда покажут они опыты доблестной борьбы, когда не устами только, но и сердечным расположением скажут ему: «Не послушаем мы гласа твоего, диавол, и не станем более служить твоим похотям». Но во время борьбы надлежит воссылать молитвенный глас к Богу; да посрамит Он ищущих зла рабам Его. Тогда пусть свирепеющий мучитель сей седмерицею разожжет пещь похотей, надеющиеся

на Господа скоро узрят пещь эту превратившеюся в росу, — и мучитель, внушавший прежде страх, сам вострепещет пред ними [1, 408].

48. Некто из святых сказал: «Думай о хорошем, чтобы не думать о худом; потому что ум не терпит быть в праздности». — Почему посвятим ум свой поучению в словах Божиих, молитвам и добрым делам. Ибо занятие суетными мыслями рождает и дела суетные; а занятие добрыми мыслями рождает и добрый плод [1, 412].

49. Хотя и нет у тебя видимых слез, однако же пусть будет сердечное сокрушение; потому что и между слезами есть разность. Но блажен, кто в душе своей, как в зеркале, созерцает Господа, и вместе со слезами изливается в славословии Ему пред лицом Его благости; потому что молитва его будет услышана [1, 416].

50. Если хочешь стать сосудом избранным, то преуспевай в покорности своему наставнику о Господе и в смиренномудрии. Жизнь святых стала светлою, быв возвеличена послушанием. Иисус Навин за совершенную покорность Моисею удостоился дара быть преемником ему. Самуил, находясь в послушании у священника Илия, сподобился слышать глас Божий. Елисей за покорность получил сугубую благодать своего учителя. Сам Бог Слово, вочеловечившись, проводил жизнь в смирении и повиновении, как говорит евангелист: *и бе повинуяся има* (Лк. 2, 51). Апостол же сказал еще: *смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8). Начал ты добрым изволением; стой же твердо, чтобы Господь возвеличил тебя с кроткими и смиренными в Царствии Небесном [1, 421].

51. Один брат, пребывая в послушании у духовных отцов, пришел к другому брату и сказал: «Хочу отойти от духовных отцов и безмолвствовать сам по себе». Тот отвечал ему: «У одного человека был сын, которого отдал он на руки одному мастеру, чтобы он научил его своему мастерству. Мальчик был невнимателен к делу. И через несколько дней ребенок этот приходит к отцу своему и говорит: «Батюшка, возьми меня от

учителя; сам по себе могу лучше выучиться этому мастерству». Но отец его сказал ему: «Если, у других учась, ничему ты не научился при руководстве их, то как можешь успеть в чем-либо один? Вижу, что худо ты учился своему мастерству, и боюсь, что напрасно я старался о тебе. Поэтому примись как следует за работу свою, и навыкни ей под руководством мастера, чтобы, сделавшись искусным в этом мастерстве, мог ты потом жить от него». — Так и мы, брат, не будем усиливаться свергнуть с себя иго подчинения о Господе, чтобы не остаться неискусными в деле угождения Богу, и не быть беспомощными, когда впадем в искушение» [1, 425].

52. Когда, победив страсти, искореним мы в себе всякое житейское пристрастие, тогда благодать Святого Духа, обретши в нас упокоение, просветит сердца наши, как уготованный светильник, обильный елеем, снабженный светильнею. Но если мы порабощены еще страстям и погрязаем в них, то подобны светильнику, лишенному елея и светильни, — и сидим во тьме. Позаботимся же о приуготовлении себя к приятию умного света; взыщем жизни духовной, чтобы освятились в нас и ум, став под властью Духа Святого, и тело, став причастным Духа [1, 437].

53. Притча. Два человека пошли в город, отстоявший на тридцать стадий. Когда совершили они стадии две-три, встретилась им на дороге тенистая роща, по которой протекали ручьи воды, и было много приятных местоположений. Когда путники вступили в это место, один, желая поскорее увидеть город, прошел по нему поспешно, а другой остановился посмотреть и отстал. Посмотревши, и он хотел идти в город, но побоялся зноя и еще остался под древесною тенью. Но между тем, как он медлил, наслаждаясь приятностью места, вышел зверь из леса, схватил его и утащил в свое логовище. Между тем другой, которого не прельстила эта местность, благополучно достиг города. Притча эта вот что означает: два человека — это вступившие на путь благочестия и начавшие подвизаться на оном. Привлекательная местность на пути — это мир с его прелестями. Прошедший мимо означает тех, кои, ни на чем не останавливая внимания, поспешают достигнуть *почести вышняго*

звания о Христе (Флп. 3, 14). А увлекшийся привлекательною местностью означает тех, кои, забыв о своей цели, уклонили ум свой от невидимого к видимому. Зной — это труд добродетели. То, что человек тот, замедлив на месте, сделался добычею зверя, значит, — что когда кто останавливает помысл на вожделении земного, тогда из этого вожделения выходит грех и, овладев человеком, снедает его подобно лютому зверю, — как написано: *похоть зачениши раждает грех: грех же содеян раждает смерть* (Иак. 1, 15). Будем же бегать мирских похотей, чтобы снова не сделаться нам рабами греха [1, 446-447].

54. Избегай бесполезных речей, чтобы не впасть в срамные помыслы. Как добрые слова полезны душе, так недобрые речи развращают ее, по сказанному апостолом: *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33).

55. Когда увидишь нерадивыми людей, состарившихся в монашестве, тогда нужно тебе много предосторожности, чтобы, поревновав им, не пойти тем же путем, и чтобы, став воздержным, не превознестись пред ними, что значит уступить над собою победу высокоумию. Послушай того, кто говорит: *внемли себе* (см. Деян. 20, 28), и тщательно охраняй душу свою [1, 466].

56. Не всякому человеку открывай свои помыслы, а только тем, о коих дознаешь, что они духовны. Ибо много сетей у диавола. От людей духовных ничего не скрывай, чтобы враг, найдя себе угол, не возгнездился в тебе. Но с людьми плотскими не входи в совет [1, 468].

57. Надобно избегать бесполезных бесед, и не иметь обращения с небрегущими о страхе Божием; потому что ничего не говорят они полезного, ничего не делают для Господа, не говорят ни о добродетели, ни о благоговении, ни о чистоте. Речи их — сеть смертная; совет их — бездна адова; сообщество их — душевная пагуба.

58. Смотри, чтобы не утратить тебе дерзновения пред Богом ради чести или славы человеческой, или ради пищи, или пития, или одеяния; потому что все это подлежит тлению, дела же каждого, и добрые и злые, записываются. *Горняя мудрствуй,*

а не земная (Кол. 3, 2), чтобы получить тебе обетование Отца Небесного [1, 470].

59. Воины царя земного проливают кровь, чтобы угодить царю своему; но тебе нет нужды проливать кровь, а только не будь побежден грехом, чтобы не сотворить тебе *плода смерти* (Рим. 7, 5). Трезвись, брат, трезвись и пребывай в трудах. Бог не неправеден и не забудет труда твоего. Но и за ту тесноту, какую терпишь ты, сидя в келлии, воссияет тебе свет истины. *Подвизайся добрым подвигом веры* (1 Тим. 6, 12), чтобы мог ты, одержав победу над врагом, непостыдно поклониться Царю Славы. Ибо Господь венчает не только умерших от меча и пострадавших от мучителей, но и оказавшихся благоискусными в подвижничестве и в любви. Как первые для Господа терпели поругание, так и последние для Господа же потерпели скорбную жизнь и подвижничество [1, 472].

60. Будь внимателен к себе, и да не будет слова лукавого в сердце твоем. Не склоняйся на лукавый помысл. Так пострадал некто от древних, скрыв в куще своей нечто *от клятвы* (см. Нав. 7, 11-25); подобно пострадал и Гиезий, служитель пророка Елисея. Не укрылись они не только от Бога, но и от людей. Преступление совершили они тайно; но возмездие получили явно. Один побит камнями всенародно, а другой наследовал проказу (см. 4 Цар. 5, 27). Ибо не лжив сказавший: *Бог поругаем не бывает; еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет* (Гал. 6, 7).

61. Отчего преодолевает нас враг? Отчего умножаются в нас страсти? Не от непокоривости ли нашей? Когда учат нас, мы не бываем внимательны; когда обличают к исправлению погрешностей, отпираемся. От людей таимся, о Боге небрежем. Страшный змий влагает в нас мудрость побеждать словом тех, кто хочет нас исправить; и оттого грех умножается в нас, не имея противника себе [1, 473].

62. Начало душевного развращения в монахе — смех и вольность. Когда увидишь в себе это, монах, знай, что пришел ты во глубину зол. Не переставай молить Бога, чтобы избавил тебя от этой смерти. Смех и вольность ввергают в постыдные

страсти не только юных монахов, но и старцев. О вольности сказал некто из святых: «Вольность подобна знойному ветру; она губит плоды монаха». Слушай же теперь о смехе: смех лишает человека блаженства, обещанного плачущим (см. Мф. 5, 4), — разоряет доброе устроение внутреннее, оскорбляет Духа Святого, вредит душе, растлевает тело. Смех изгоняет добродетели, не имеет памятования о смерти, ни помышления о мучениях [1, 488].

63. Начало плача — познание самого себя. Да будет же плач наш не по человеку, но по Богу, Который знает сокровенности сердца, чтобы от Него получить нам ублажение. Поэтому будем лицом светлы, радуясь о дарах Господних, о Духе Святом; плакать же и сетовать станем мысленно, умоляя Бога, чтобы простил нам все грехи наши и сохранил нас от них навсегда до кончины нашей. Плач созидает и охраняет; плач омывает слезами душу и делает ее чистою. Плач рождает целомудрие, отсекает похоти, укрепляет добродетели. Плач ублажает Бога и приемлет утешение от Ангелов [1, 489].

64. Занимайся духовным, чтобы сохранялось в тебе памятование о Боге, гнушайся же речами бесполезными; потому что зловонию и благовонию быть в согласии — дело невозможное [1, 497].

65. Пустынножитель избавлен от трех браней — от зрения, слышания и говорения. И внимательный общежительник избавлен тоже от трех браней: от покупания, продавания и нападения разбойников. Но везде надо внимать себе и хранить совесть свою чистою [1, 499].

66. Не говори: «Я вступил в монастырь и ношу на себе ангельский образ». Не только людям, но и Самому Богу приятен не один внешний образ; требуются главное плоды добрых дел. Итак, стой, как цветоносное дерево, охраняя плоды добродетелей своих, чтобы не подкрался червь ***гордыни***, и не подточил в тебе плода смиренномудрия, чтобы ***тщеславие*** не омрачило твоего благоговения, чтобы ***гнев*** не похитил твоей кротости, ***раздражение*** не истощило твоего благодушия, ***ссора*** не нарушила твоего мира, ***вражда*** не послужила препятстви-

ем дружбе, ***памятозлобие*** не пресекло взаимной любви, ***обида*** не расторгла согласия, ***чревоугодие*** не попрепятствовало посту, ***жалость*** не истребила воздержания, ***беспечность*** не запнула рачительности, ***сон*** не усыпил бдительности, ***уныние*** не отяготило усердия, ***леность*** не помешала служению, ***ропот*** не уменьшил подчинения, ***ослушание*** не преградило входа послушанию, ***празднословие*** не превозмогло над псалмопением, ***шутливость*** не взяла верха над славословием, смех не преодолел плача, ***блуд*** не растлил целомудрия, ***сребролюбие*** не было предпочтено нестяжательности. Блюди, чтобы не возлюбить родителей паче Христа, и не усладиться миром паче Царствия; чтобы страсть к пересудам не подстрекала языка твоего; чтобы не томила тебя зависть к кому-либо; чтобы обман не очернил в тебе чистоты сердца, лицемерие не лишило тебя вкушения истинных благ, хищение не отлучило тебя от Царства, неправда не заградила тебе рая, человекоугодие не истребило в тебе дерзновения, любовь к удовольствиям не похитила у тебя боголюбия, похоть не погасила в тебе сердечного сокрушения [1, 375-376].

67. В какой мере отсекает и смиряет кто волю свою, в такой же мере идет он к преспеянию. А чем упорнее держится кто своей воли, тем более наносит себе вреда. Поэтому не желай раболепствовать своей воле, но лучше послушен будь воле Божией [1, 499-500].

68. Выходя из келлии на служение или для беседы с кем-либо, огради око, сердце же возбуждай благочестивым помыслом, говоря при том: «Ты не живописец, и не учиться вышел, как списывать изображения с людей». Будь внимателен к себе. Если внимание твое занято чувственным, то как можно тебе будет в чистом уме, как в зеркале, созерцать небесное, услаждаться и радовать себя памятованием о Боге? [1, 501].

69. Перестань любопытствовать о чужих грехах, чтобы от этого естественным образом не растлился благочестивый помысл твой.

70. Придерживайся молчания; оно избавит тебя от многих скверн. Памятуй непрестанно о тесноте грешников, страшась, чтобы и тебе в скором времени не быть причтенным к числу их.

71. Не будем самолюбивы; ибо от самолюбия, как ветви какие, отраждаются все страсти. Истребляется же самолюбие любовию, которая всех влечет к единомыслию и связывает воедино. Любовь — великое и драгоценное приобретение. Поэтому старайся не отпадать от любви [1, 511].

72. Заботясь о своем спасении, представим в себе ближнему образец добродетели в вере, в любви, в терпении, в чистоте, в послушании, в смиренномудрии, в страхе Божием, не увлекаясь худыми пожеланиями, но подвизаясь в трудах духовных [1, 511].

73. Для принятия заповедей Божиих имей простоту, а для отражения козней противника — хитрость (голубь и змея) [1, 513].

74. Умно отдаляйся от вредных встреч, чтобы добре покоился твой внутренний человек [1, 513].

75. Не проводи времени с лицедеями, чтобы не растлились мысли твои; потому что речи их весьма вредны. Стариков заставляют они поступать по-юношески, а молодых вовлекают в беззаконные дела [1, 514].

76. Когда кто плачет, тогда никак не согрешит; и никто в сердечном сокрушении не замышляет зла. При сердечном сокрушении приходят слезы, а за слезами следует умаление зла через удержание себя от худых дел [1, 514-515].

77. Если ты молод, приучайся к молчанию и труду. Труд сделает тебя необременительным; а молчание сохранит неугасимым душевный свет, не попуская, чтобы он затмился какою-либо страстью [1, 519].

78. Не волосы и не одежда делают человека мирским, а худой нрав и наклонность к мирским и нечистым пожеланиям, от которых душа делается мерзкою [1, 520].

79. Не пострижение и одеяние делают монахом, но небесное желание и божественное житие, в которых обнаруживается совершенство жизни [1, 521].

80. Не возвеличивай себя прежде искушения; потому что постигшее искушение нередко пристыжает стоящих, по-видимому,

твердо. Почему бодрствовать надлежит и приводить тем ум в безопасность от падений.

81. Так все делай и так обо всем думай, чтобы угодить Богу; ибо если нет у тебя этой мысли, то теряет цену всякое твое делание [1, 522].

82. В общежитии ли пребываешь или безмолвствуешь, уединясь от всех, не оставляй в нерадении искомого тобою, то есть чистого сердца и сокрушенного духа. Кто приобрел сие, тот не будет уничижен Богом; пренебрегать же этим — великая опасность [1, 524].

83. Божественными водами орошай душу свою (словом Божиим и таинствами), чтобы и процвела и плод принесла в правде. Надобно нам к душеполезному так же стремиться, как животные бегут на зеленые пажити [1, 524].

84. Когда душа здорова, тогда и тело имеет крепость для благих трудов; а если душа потерялась в скверных помыслах, тогда и тело по необходимости растлится грехом.

85. Лукавый ежедневно ставит скрытные сети душе нашей, чтоб, соблазнив ее, подвергнуть вечному мучению. Сии сети исполнены сладости, чтобы обольщать и приманивать не внимающие себе души. Не услаждайся, брат, этою смертною сладостью, увлекаясь обольстительными помыслами. Помысл-обольститель, если найдет себе доступ в душу, услаждает ее греховными мыслями, чтобы потом умертвить ее грехом. И делается он сетью для души. Но опомнись и поспеши разорвать эту сеть, изгнав помысл из души молитвою, слезами, воздержанием и бдением. Прочее же будь бодрствен, и ни на одно мгновение не останавливайся на обольстительном помысле. Прибегай всегда к Богу с молитвою, с постом и слезами, чтобы освободиться тебе от всех сетей, соблазнов и страстей [1, 544 5].

86. Будем бодренными воинами, будем ежедневно преодолевать во брани лукавого. Изучим уставы этой брани: она невидима, и устав ее — обнажить себя от всего земного. Если ждем смерти, ежедневно имея ее пред очами, то не будем грешить. Если обнажишь себя от всего земного, то не будешь

низложен в брани. Поелику земное влечет к себе долу, и страсти омрачают сердечные очи, то лукавый одолевает нас в брани с ним [1, 547].

87. Не рассуждай, монах, говоря так: «Велики труды подвижничества, а я малосилен и немощен, не в состоянии подвизаться». — Если вознамеришься идти в дальнюю какую страну и землю, то невозможно тебе будет в одно мгновение пройти расстояние целого пути, но проходя каждый день от ночлега до ночлега, с продолжением времени, достигнешь той страны, какую имеешь в виду. То же надобно сказать о Царстве Небесном и о рае сладости. Каждый достигает туда трудами целой жизни — постом, воздержанием, бдением. Воздержание, слезы, молитва, бдение, любовь — вот ночлеги, ведущие на небо. Проходи их терпеливо, и радуясь. После каждого ночлега будут укрепляться стопы души твоей, — и не найдешь затруднения в пути твоем, ведущем к небу [1, 548-549].

88. Человеку, без дальнего рассуждения вступившему в монашескую жизнь, враг ухитряется вложить вольность. А тому, кто из благоговения пошел в монахи, внушает он подвиги выше сил его. Но истинно боящийся Бога не уловляется ни тем, ни другим помыслом. Страх Божий просвещает сердце его для шествования прямым путем [1, 556].

89. Брат, по принятии им монашеского образа, боролся с мыслию выйти из общежития. И помыслы представляли ему такой пример: «Посмотри на эту зелень в саду; если ухаживающий за этими грядами не повыдергает растений и не пересадит на другое место, то не пойдут они в рост». Брат же на это отвечал помыслам так: «Ужели же садовник до конца выдергает все посеянное на этих грядах? Не оставит ли на гряде, что может она пропитать? Притом выдернутое не так надежно, как оставшееся на месте. Поэтому и ты будь в числе не выдергиваемых». И сим, при содействии благодати, преодолел он помысл [1, 559].

90. Монаху должно быть благоразумным, чтобы распознавать замышленное против него противником, — и иное пропу-

скать со смехом, иное же со смирением, а иное низлагать хорошо приправленным словом [1, 575].

91. Пока душа мечтает о земном, различные пожелания мира этого и суетные удовольствия, представляющиеся душе в помыслах, расслабляют силы ее; и от этого сидящий в келлии приходит в нерадение. Но когда кто совершенно отрешится от мира, возненавидит его и прелести его, и от всего сердца и от всей души предаст себя в рабы Господу, то нерадение не возьмет над ним власти, и вследствие того он свободно будет делать свое дело. Ему будет предлежать только брань с помыслом тщеславия; но и сей помысл отгонит от себя раб Господень, принимая в рассуждение и свою собственную немощь, и то, чей у него дар, согласно со сказавшим: *что же имаши, егоже неси приял*? (1 Кор. 4, 7). Бывает у него брань также с немощью плоти; но раб Господень не придет от этого в страх и не отлучит себя от любви Божией, по слову сказавшего: *кто ны разлучит от любве Божия?* (Рим. 8, 35-39). За всеми же страстями следует дух блуда; но бегай срамных слов, и избежишь нечистых помыслов [1, 594-595].

92. Мудрые старцы — тук для братии, умащающий и укрепляюший душу [1, 596].

93. Если отрекся ты от мира, то позаботься о деле своем, чтобы добыть тебе искомую жемчужину. Ибо иные, отрекшись от мира, удалились от мирской жизни, — и одни оставили военную службу, другие расточили свое богатство, — но напоследок, водимые своею волею, пали; так как всего бедственнее управляться собственною волею, а не жить по изволению Божию. Они сделали вид, что главными вратами удаляются всего житейского, но опять воротились к житейскому потаенною дверью [2, 107].

94. Это — благоухание ведения в человеке, если во всяком случае винит он самого себя и, виня себя, не осуждает другого, впадшего в ту же погрешность [2, 112].

95. У кого сердце омрачено бурею помыслов и кто побежден страстями, тот и человека не стыдится, и Бога не боится. Если

он властелин, то небоязненно делает зло. Если же немощен и беден, то, предавшись грубости своего нрава, без стыда также поступает дурно [2, 113].

96. У воинов брань кратковременна, а у ревнителя о спасении продолжается она до отшествия его ко Господу. Поэтому надобно приступать к делу со всем тщанием, трезвенностью и терпением. Если вознамеришься убить льва, то берись за сие с твердостью, чтобы не сокрушил он костей твоих, как сосуд скудельный. Если ввергнешься в море, не теряй бодрости, пока не выйдешь на сушу, чтобы тебе, как камню, не погрузиться в глубину. Если вступаешь в борьбу, будь трезв, чтобы противник не порадовался, победив тебя, и чтобы тебе вместо венца не получить противного тому [2, 223].

97. Кто хочет быть монахом, тому надо быть готовым к мужественному терпению, чтобы, по вступлении в монашество, не сказать: «Не знал я, что будет это со мной». Вот, делается тебе сие известным. Приведи же в порядок помысл свой и вооружись терпением, — чтоб, говоря ныне при постриге: «Все буду терпеть», на утро не оказаться тебе нарушителем этого и словом, и делом. Ангелы Божии предстоят и слышат все, исходящее из уст твоих. Смотри, не солги; потому что Господь *погубит вся глаголющия лжу* (Пс. 5, 7) [2, 124].

98. Приступающего работать Господу окружают многие искушения. Но во всех их побеждает тот, кто всем сердцем предает себя управлению Божию и пребывает в воле Божией. Бог требует от нас только решимости, и Сам подает нам силы и дарует победу: *Защититель бо есть уповающим на Него* (Пс. 17, 31).

99. Не смотри на нерадивых; но себе внимай, имея пред очами своими Бога, по примеру того, кто написал: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8) [2, 126].

100. Не будем осуждать кого-либо; ибо не знаем, как он ведет себя в келлии своей или как трудится пред Богом; не будем осуждать, если увидим, что он смеется или разговаривает; ибо

не знаем, каковы расположения его в келлии. Каждому из нас надо быть внимательным к себе; потому что каждый из нас за себя даст ответ Богу [2, 127].

101. Хочешь ли, чтобы не преодолело тебя искушение? Отсеки всякую свою волю. Если дело кажется тебе и хорошим, но настоятель о Господе не признает его хорошим, то покорись ему о Господе. Входить в споры, следовать собственному своему намерению есть уже признак совращения. Да слышит всяк, что говорится в псалме: *работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом. Приимите наказание, да не когда прогневается Господь, и погибнете от пути праведнаго* (Пс. 2, 11, 12) [2, 129].

102. Не так будем вести себя, чтобы сегодня были у нас воздержание и кротость, а наутро невоздержание и гордость; сегодня — безмолвие, бдение, смирение, а наутро — развлечения, ненасытный сон, неподчинение и тому подобное; сегодня у нас — отречение от мира, отречение от всего земного, отречение от отечества, друзей, родителей, по упованию на Господа; а наутро — возжелание видеть родину, родных, наследство, — погружающее во множество зол. Будем помнить, что жена Лотова, озревшись вспять, стала столп слан. И Господь учит: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62) [2, 136].

103. Имей всегда в уме тот день, в который, совлекшись всего, оставил ты мир для Господа, когда воспламенен ты был страхом Божиим и горел духом ко Господу. И такого расположения держись до конца; ибо *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22).

104. Не расслабевай от приходящих тебе помыслов; ибо это — начало борения. Бери себе урок с дождевого водоема. Вскоре после дождя, когда благословение дождевное только что собрано в водоем, вода бывает мутна, но потом чем более проходит времени, тем чище она делается. Потерпи; улягутся и твои помыслы, — и дадут тебе покой [2, 139].

105. Выслушай притчу о скверных помыслах. Когда виноградные ягоды собраны с лоз, вложены в точило, выжаты,

дали из себя вино, и оно влито в сосуды; тогда вино сначала кипит, как бы разгорячаемое самым сильным огнем, так что и отличные сосуды, не вынося стремительности его, иногда разрываются от напряжения. Так бывает и с помышлениями человеческими, когда от суетного века этого и от забот его переходят к небесному. Бесы, не терпя ревности в человеке, разными способами смущают ум его, с намерением примешать к нему *развращение мутно* (Авв. 2, 15); и если найдут сосуд не без недостатка, то есть душу неверную и сомневающуюся, то разрывают его. Бесы, как хищные волки, ходят по келлиям монахов, ища отворенной для себя двери, чтобы, ворвавшись внутрь, растлить покорную им душу. Если же найдут дверь запертою, душу, утвержденную в вере, то уходят назад с поникшим лицом [2, 140-1].

106. Во всех делах своих держи смиренномудрие, которое есть матерь послушания. — Сбрось с себя двоедушие, и во всем облекись верою, чтобы Господь, видя ревность души твоей, укрепил тебя в делании. — Питай в себе сильную ненависть к лености, к соперничеству, ко всякому злонравию и зависти, так как для Господа оставил ты все. Знай, что если в начале расслабят тебя такие помыслы, то много потом потерпишь труда и вреда [2, 142].

107. Если на дворе не даешь накопляться нечистотам, то не давай и внутри себя усиливаться пожеланиям плотским [2, 143].

108. На широком пути бывает следующее: злоумие, развлечения, чревоугодие, пьянство, расточительность, непотребство, раздор, раздражительность, надменность, непостоянство и тому подобное; а за ними следуют: неверие, неповиновение, непокорность, последнее же из всех зол — отчаяние. — А на тесном пути и узком бывает следующее: безмолвие, воздержание, целомудрие, любовь, терпение, радость, мир, смиренномудрие и тому подобное. За ними же следует бессмертная жизнь [2, 154-155].

109. Особенно блюди себя от вольности, чтобы не поработиться тебе многословию и бесстыдству, не сделаться радова-

нием бесов и напоследок не расстаться с братством. Не столько дикие ослы опустошают хлеб, сколько вольность разоряет труды монахов [2, 155].

110. Представим себе предстоящих земному царю и служащих тленному престолу; с каким вниманием и страхом предстоят они царю своему? Не тем ли паче мы, как верные, должны предстоять Небесному Царю, со страхом и трепетом и со всяким благоговением? Поэтому не признаю хорошим взирать бесстыдным оком на предлежащие тайны Тела и Крови Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. И да убедит нас в этом Божественное Писание, говоря: *трепетен же быв Моисей, не смеяше смотрити* (на купину) (Деян. 7, 32) [2, 162].

111. Как я рассуждаю, три есть рода дреманий, которые смущают человека ночью. ***Первое*** случается испытывать брату по действию лукавого, когда брат начнет петь псалмы. Но если нет в брате лености, оно никакой не имеет силы; сильнее же тревожит, если обременено чрево у брата яствами и питиями. ***Второе*** находит на брата среди Божией службы, по собственному его нерадению, когда брат не употребит усилия достоять до окончания правила, посреди службы хочет оставить поющих псалмы и пойти спать. ***Третье*** случается испытывать по требованию природы по окончании правила обычной службы. Не будь же нерадив. Не слышал ты разве, как пророк Самуил, неоднократно званный, ни однажды не обленился встать, хотя был еще отрок? Когда стоишь на службе Божией, среди братий или наедине, чтобы славословить Спасителя нашего Иисуса Христа, и потревожит тебя первый род дремания, — заметив его, воспротивься, чтобы по лености своей не лишиться тебе плодов служения Богу; но с твердостью терпи, хотя бы раз и два смежило очи твои дремание; не сходи с места своего, — и обретешь великую пользу. Пристрастие к ненасытному сну подобно страсти чревоугодия. Если кто привык есть много, то и природа требует многого; а если привык кто к воздержанию, то природа не требует многоядения. Примени к себе рыбаков: всю ночь они проводят в бодрствовании, не оставляя своего

дела. Если же кто из них, обремененный сном, предавшись нерадению, уснет, то когда встанет от сна, увидит, что ничего им не поймано. И начнет окаявать себя за нерадение. То же и с тобою будет, если предашься дреманию и сну, как и пророк говорит: *уснуша сном своим, и ничтоже обретоша* (Пс. 75, 6) [2, 163-165].

112. Как на море корабль, если сделается в нем малая скважина и не будет вскорости приложено старания, от такой малости при всей своей громадности затопляется волнами; так то же бывает и с душою, допустившею до себя вражеские приражения, если не воспрянет к Создавшему ее. Нужны потому нам с тобою, брате, трезвение и великое смиренномудрие. Все лукавое приводится в бездействие сердечным обращением к Богу [2, 176].

113. Бывает, что иной берет сосуд, чтобы почерпнуть воды, но не наполнив его водою, опрокидывает и разбивает. Подобен ему и тот, кто, вступив в обитель для стяжания совершенства христианского, отметет благодать Божию, и возвращается опять к мирской жизни [2, 178].

114. Вера есть матерь всего доброго, и ею достигает человек исполнения на себе обетований Владыки и Спасителя нашего Иисуса Христа, по написанному: *без веры же невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). — Но многоплодное приобретение диаволу — неверие, которое есть матерь всякого лукавого дела. От него рождается двоедушие, которое есть нестроение. *Муж двоедушен,* сказано, *неустроен во всех путех своих* (Иак. 1, 8) [2, 186].

115. Хочешь избежать соблазнов и пересудов? Приложи дверь к устам своим о Господе, и *отврати* свои *очи, еже не видети суеты* (Пс. 118, 37), — и избежишь того и другого, пересудов — молчанием, а соблазнов — хранением очей. Если не препобедим в себе этого, то куда ни пойдем, в себе самих будем носить врагов своих. Победи их, и будешь иметь покой, где бы ни жил [2, 190].

116. Прекрасны молитва и пост, но их укрепляет милостыня; ибо сказано: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. 6, 6). И Спаситель

ублажает милостивых: *блажени милостивии: яко тии помилованы будут* (Мф. 5, 7). И Корнилию что говорит Ангел: *молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога* (Деян. 10, 4), — не молитвы только, но и милостыни [2, 193].

117. Не пренебрегай церковной службы под предлогом какого-либо поделия. Как дождь возращает семя, так церковная служба укрепляет души в добродетели [2, 195].

118. Не делай так, чтобы сегодня пребывать в безмолвии и внимании к делу Божию, а наутро ходить из келлии в келлию или, еще хуже, из селения в селение. Но постоянно безмолвствуй, помня, что в какой мере кто безмолвствует, в такой мере делаются чистыми его помыслы, — и в какой мере удаляется кто от безмолвия, в такой грубеет у него ум [2, 195-196].

119. Страх Божий — крепкий столп пред лицом вражеским. Не разоряй этого столпа, и не будешь взят в плен. Привергнись к Человеколюбцу, с пророком вопия к благости Его: *на Тя, Господи, уповах, да не постыжуся во век: правдою Твоею избави мя и изми мя* (Пс. 30, 2). Тогда и Господь скажет тебе: Аз *буду и с тобою; и не оставлю тебе, ниже презрю тя. Крепися и мужайся* (Нав. 1, 5-6) [2, 205].

120. Будем великодушны и понесем тяготы друг за друга, усиливаясь восставить падших и попавшихся в плен врагу. Какой воин, увидев, что товарищ его взят в плен врагами, не вступает в борьбу и не сражается с ними, чтобы похитить товарища своего из рук взявших его в плен? Когда же не в силах он избавить его, тогда плачет и печалится, воспоминая о друге. Не гораздо ли паче мы должны друг за друга полагать души свои? Ибо Господь и Спаситель наш Иисус Христос сказал: нет больше *сей любви, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13) [2, 211-212].

121. Человек, проводящий в нерадении дни свои, сам себя обманывает, вовсе не помышляя о благах, какие уготовал Господь праведным, и о наказании, уготованном грешникам, без всякого страха предаваясь утехам. В таковом лукавый приводит в действие всякого рода плотские похоти; а он не в состоянии

заметить этого, как ворота не замечают входящих и выходящих ими; потому что похоть, поселившись в уме его, омрачила очи его [2, 212].

122. Бегай вольности и смеха; чревоугодие обуздывай воздержанием, сребролюбие — нестяжательностью, многоглаголание — молчанием, нетерпение сидеть на месте — пребыванием в келлии, леность — памятованием будущих благ, непокорность — смиренномудрием; паче же бегай вольности, которая, по моему разумению, есть начало всех зол. Если не обуздаешь ее, она сделает тебя бесстыдным. Обуздав же ее, блажен будешь; ибо говорится: *блажен муж, иже боится всех за благоговение* (Притч. 28, 14) [2, 261].

123. Будь внимателен к себе, чтобы не потерять тебе времени своего в нерадении и рассеянности. Насадил ты себе виноград — обнеси его оградой. Приобрел ты себе сад — охраняй плоды его, чтобы возвеселиться тебе под конец; и не пускай свиней своих на возделанное трудами твоими, чтобы они не опустошили того. Что пользы, если один день строим, а два разоряем? При таком образе действования как дело придет к концу? [2, 288].

124. Всякого рода приманки греховные рассеяны во всем человечестве, чтобы человек непрестанно боролся умом. Но иной борется, а иной поддается увлечению и падает; и падают — один в одном, другой в другом, соответственно предрасположению каждого. Не бывает это без участия врага, но и он сообразжается с предрасположениями нашими. И он, когда захочет связать какого человека пожеланиями греховными, связывает его теми, которыми он услаждается, чтобы, услаждаясь узами, не захотел он когда-либо развязать себя. Связывающий нас хитер, и хорошо знает, чем и как кого связать; знает, что если свяжет кого невольными узами, ум тотчас разорвет узы и скоро отбежит прочь. Поэтому связывает каждого, чем он услаждается и прохлаждается. Оттого мы, и связаны будучи, не тужим, а радуемся тому — и, уловлены будучи, кичимся тем; кичимся потому, что связанный, например, завистью, коль скоро не связан прелюбодеянием, почитает себя ничем не

связанным, и связанный тщеславием, коль скоро не связан явными неправдами, думает о себе, что свободен от всяких уз. Каждый из связанных не знает своих уз и не ведает сетей, разложенных ему. Все они страждут неведением упившихся. Связанный — как упоенный, не знает, что он связан. От вина забывают об узах, и в упоении не видят около себя сетей [2, 451].

125. Имей во внимании, что примесью страсти греховной портится и уничтожается всякое добро: уничижается правда, когда примешивается к ней низкое коварство; повреждается непорочность, если коснется ее похотливость; уничтожается вера, если будет внимать прорицаниям; омрачается благотворительность, если возымеет гордыню; посрамляется пост, если дать при нем место осуждению. Внимай же себе и не допускай таких доброгубительных примешений [2, 453].

126. Каждый член обязан ты приличным образом оберегать от вредного. Если тело твое чисто от блуда, береги уста свои от осуждения других. Уста не могут любодействовать, но могут лгать и клеветать. Если один твой член невинен, а другой виновен, то с осуждением одного этого члена весь ты подлежишь осуждению. Не пренебрегай осуждением, как чем-то малым. Из примера тех, которые бывают добычею ловцов, научись не пренебрегать и самою малостью. Случается, что птица задерживается в сети небольшим ногтем, и концом ничего не стоящего ногтя смиряется и преодолевается могущество крыл; и хотя птица совершенно вне сети, однако же вся ею уловляется [2, 458-459].

127. Будем бегать недоброго помышления; потому что помышление судится наравне с поступками. Приступим к доброму помышлению, которое от Испытующего советы сердечные получает награду наравне с делами. Намерение есть уже дело; потому что в нем, как все производящем, водружено основание нашей свободы [2, 464-465].

128. Милостивый Господь снабдил нас орудиями против всяких нападений вражеских. Только не ленись действовать ими, и не потерпишь вреда. Если враг пустит в нас своими

разжженными стрелами, то мы имеем у себя необоримый щит — молитву; если вознамерится он пленить неправдою, прибегнем к правде и спасемся; если вознамерится уязвить тебя человеконенавидением, встречай его могуществом человеколюбия; если борет тебя гордостью, сразись с ним смиренномудрием; если возбуждает плотскую похоть, облекись скорее в броню целомудрия; если нападает на нас ненасытность, сделаем себе крылья — пост. Так, есть стрелы у врагов наших, есть стрелы и у нашей немощи. Поражение в брани бывает не от недостатка орудий, а от невнимания и нехотения употреблять их [2, 465-466].

129. Что пользы, если имеет кто все, но не имеет любви спасающей? Если кто сделает большой обед, чтобы позвать царя и князей, и все приготовит богато, чтобы ни в чем не было у него недостатка, но нет у него соли; можно ли будет вкусить такого обеда? Без сомнения, невозможно. Тоже и здесь. Приобрел ли кто девство, постился ли, совершает ли бдения, молится ли, дает ли приют бедным, думает ли приносить дар или начатки, или плоды, строит ли церкви, другое ли что делает, — без любви все это ни во что не вменится у Бога (1 Кор. 13, 1-4) [3, 7].

130. Позаботимся о стяжании вечных обетованных нам благ; приложим о сем старание, пока не стемнело, пока не кончилось торжище; сотворим себе для тамошней жизни друзей из бедных и неимущих. У них купим себе елея и пошлем туда вперед себя; ибо здесь для тамошних светильников продают елей вдовы, сироты, немощные, увечные, хромые, слепые и все нищие, которые сидят у дверей церковных [3, 21].

131. Когда станешь пред Богом на молитву, смотри, чтобы прекрасных органов, на которых поешь Богу, то есть помыслов твоих, не расхитили враги твои. Как или чем будешь служить Богу, когда отнят у тебя твой орган, то есть пленены помыслы? Служение Богу требует, чтобы помыслы, вся крепость и сила души, и весь ум нерассеянно напряжены были к Богу. К золоту своему не примешивай меди или свинца, то есть к душе твоей — многих и нечистых помыслов. Как дева, обрученная мужу,

если ее обольстят другие, делается мерзкою в очах его, — так и душа, увлекаемая нечистыми помыслами и дающая на них согласие, мерзостна небесному Жениху своему, Христу. — Она должна всевозможно избегать связи с сими помыслами и не услаждаться согласием на оные, чтобы Господь, увидев ее любовь к Себе, возблаговолил к ней и, пришедши, погубил врагов ее, которые покушаются отвратить мысли ее от Него. Ибо как скоро Господь увидит, что душа усиленно старается быть собранною в себя, непрестанно ища Господа, ожидая Его ночью и вопия к Нему днем, то не умедлит сотворить за нее отмщение и, очистив ее от порока, какой еще в ней есть, представить ее Себе, как не имущую скверны невесту [3, 54].

132. Отверзи сердце свое, решись вожделевать Бога все дни жизни своей. Вожделевать Бога — всегдашнее услаждение и просвещение, и всегдашняя радость. Если всегда вожделеваешь Его, Он всегда будет обитать в тебе. Он обитает в душе боящихся Его, — и исполняет волю возлюбивших Его [3, 115].

133. Хочешь ли быть святым и непорочным храмом Божиим? Всегда имей в сердце своем Образ Божий. Под Образом же Божиим разумею не изображение красками, но тот Образ, который живописуется в душе добрыми делами, постами, бдениями, преспеяниями в добре, воздержанием, молитвами; и краски для этого небесного Владычного Образа суть — чистые помыслы, совлечение всего земного и чистая всегда жизнь.

134. И в мире и в подвижнической жизни никто не венчается без борьбы; без борьбы потому никто не может получить неувядаемого венца и вечной жизни. Ибо настоящая жизнь всегда подобна поприщу. Хочешь ли оказаться в борьбе совершенным? Всегда будь облечен в добродетели, как в орудия борьбы. Облекся ли в добродетель? Непрестанно употребляй усилия не совлекаться ее [3, 116].

135. Старайся стать подражателем жизни и добродетели преподобных отцов. Иди путем их жития и подвизайся, как и они, — подвизайся умом, подвизайся духом, подвизайся телом, будь подвижником и в одежде, будь подвижником и в пище,

будь подвижником и в языке, будь подвижником и во взоре, будь подвижником и в помысле, — чтобы во всем оказаться совершенным [3, 120].

136. Будь внимателен к себе, чтобы во время молитвы не быть рассеянным. Когда станешь на молитву пред Богом, стой пред Ним со страхом и трепетом. Кругом отсеки от сердца своего помыслы и попечения о всем земном. В час молитвенный всецело будь небесным Ангелом и приложи старание, чтобы молитва твоя была свята, чиста и нескверна, чтобы, увидев ее, восходящую горе, небесные врата тотчас отверзлись пред нею, чтоб, видя ее (востекшею туда), Ангелы и Архангелы, все с весельем встретили ее и принесли к святому и превознесенному Престолу Пречистого Владыки. Так в час молитвенный повергайся пред Богом всегда, как Херувим и Серафим [3, 120].

137. Брань твоя не какая-нибудь обыкновенная; напротив того, все Ангелы и Владыка их смотрят на брань твою, какую ведешь со врагом. Итак, когда ты сделаешься победителем врага, Бог и Ангелы будут рукоплескать тебе; и Ангелы, радуясь, прославят Бога, даровавшего тебе силу победить лукавого. Для того и брань усиливается более и более, чтобы и ты стал благоискусным, и Бог прославился, и люди стали тебе подражателями [3, 124].

138. Не приходи в нерадение от изнеможения, но имей в виду упование. Ибо где подвиги, там и награды, где брани, там и почести, где борьба, там и венец. Взирая на сие, умащай себя уроками терпения. Взывай к себе непрестанно, возглашая со святыми: *мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа* (Пс. 26, 14) [3, 148].

139. Приготовляй дела твои к исшествию; приведи все в порядок в поле своем; а поле есть жизнь сия: возьми добрый заступ — Новый Завет; огороди владения свои терниями (сделай изгородь из колючих произрастаний): постом, молитвою и учением. Если будет у тебя такая ограда, то не взойдет зверь, то есть диавол. Как прекрасный виноградник возделывай душу свою, — и как стерегущие виноградники бьют в ладоши и громко кричат, и таким шумом останавливают злоумышленни-

ков, — так делай и ты: возвысь голос, восклицай в псалмопении, и прогонишь хитрого зверя — лисицу, то есть диавола. Непрестанно наблюдай за врагом, если будет пожелание твое устремлять на дела непристойные. И если в душу твою станет метать, как бы из пращи, скверными помыслами, противопоставь щит веры, и возложи на себя шлем упования. Извлеки *меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17). И вооружись так на врага, терпи, и не будь нерадивым в брани; напротив того, трезвись во всем, говоря: знаем мы его замыслы [3, 148-149].

140. Когда взойдет в тебя лукавая мысль, извлеки меч свой, то есть восставь в сердце страх Божий, — и посечешь всю силу вражию. А вместо воинской трубы употребляй Божие Писание. Как труба звуком своим собирает воинов, так и Божие Писание, взывая к нам, собирает благие помыслы и, приведя их в строй страхом Божиим, составляет из них полк в противоборство врагу: ибо помыслы наши, подобно воинам, сражаются с врагами Царя. И еще, — как труба звуком своим во время брани и в юных борцах возбуждает готовность идти на сопротивников, так Божие Писание возбуждает твою ревность к добру и укрепляет тебя к борьбе со страстями [3, 155-156].

141. По мере сил своих принуждай себя как можно чаще читать Писание, чтобы оно собирало твои помыслы, которые враг рассевает своим злоухищрением, влагая в тебя лукавые мысли, между тем как или наносит тебе частые скорби, или доставляет тебе много успехов и житейских удобств. Делает же он сие по своей злокозненности с намерением удалить человека от Бога.

142. Будь трезвен и старайся всегда прилежно заниматься чтением, чтобы оно научало тебя, как избегать сетей вражеских и достигнуть вечной жизни [3, 157].

143. Чтение Божественных Писаний приводит в собранность блуждающий ум и дарует ведение о Боге. Ибо написано: *упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Слышишь, что ведение Бога приобретает тот, кто с чистым сердцем упражняется в чтении Божественных Писаний. Потому не будь нерадив, но упражняйся в этом чтении и в молитвах, чтобы

просветился твой ум, и чтобы стать тебе *совершенным и всецелым, и ни в чемже лишенным* (Иак. 1, 4) [3, 157-8].

144. Иные хвалятся беседою с вельможами, князьями и царями; а ты хвались тем, что в Святых Писаниях беседуешь со Святым Духом; потому что через них глаголет Дух Святой.

145. Старайся читать Божественные Писания и постоянно пребывать в молитвах. Ибо всякий раз, как беседуешь ты с Богом посредством оных, освящаются у тебя тело и душа. Зная сие, старайся чаще упражняться в них.

146. Если не умеешь читать, не отходи оттуда, где можно слушать и получать пользу; ибо написано: *аще узриши* мужа *разумна, утренюй к нему, и степени дверий его да трет нога твоя* (Сир. 6, 36). Сие полезно не только не умеющим читать, но и умеющим; потому что многие читают и не знают, что читают.

147. Смотри, чтоб, когда хочешь читать, не прерывал тебя враг, наводя уныние или рассеянность, или говоря: «Сделай сперва такое-то дело, так как оно невелико; и потом со спокойным духом будешь читать». Внушая это, он и особое усердие возжигает к рукоделию, чтобы поскорее отвлечь тебя от чтения. Это делает он, когда видит, что брат читает прилежно и получает оттого пользу, стараясь отвлечь его от этого занятия и воспрепятствовать ему сим и другими предлогами. Не верь ему; но будь как олень жаждущий и желающий прийти к источникам водным, то есть к Божественным Писаниям, чтобы пить из них и утолять жажду свою, палящую страстями [3, 159].

148. Когда Господь дарует тебе прочесть и узнать какое слово из Писаний, позаботься, чтобы оно проходило мимо (даром); но поучайся в нем умом своим, напечатлей его в сердце своем, и неизгладимым сохрани в памяти своей. Ибо написано: *во оправданиих Твоих поучуся* (Пс. 118, 16); и еще: *в сердце моем скрых словеса Твоя* (Пс. 118, 11).

149. Когда читаешь, читай с усердием и прилежно; с великим вниманием останавливайся на каждом слове и не листы только переворачивать старайся, но если нужно, не поленись и дважды и трижды, и несколько раз прочесть стих, чтобы выразуметь силу его [3, 161].

150. Когда садишься читать или слушать читающего, помолись прежде Богу, говоря: Господи Иисусе Христе! Отверзи уши и очи сердца моего, чтобы услышать мне словеса Твои, и исполнить волю Твою. *Открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18). Уповаю, Боже мой, что Ты просветишь сердце мое». Всегда так моли Бога, чтобы просветил ум твой и открыл тебе силу слов Своих. Многие, понадеявшись на свое разумение, впали в заблуждение, *глаголющеся быти мудри объюродеша* (Рим. 1, 22) [3, 161-162].

151. Приобрети безмолвие, как крепкую стену; потому что безмолвие поставит тебя выше страстей. Ты будешь вести брань сверху, а они снизу. Приобрети же безмолвие в страхе Божием, и все стрелы вражии не сделают тебе вреда. Безмолвие, сопряженное со страхом Божиим, есть огненная колесница, которая приобретших его возносит на небеса [3, 163].

152. Безмолвие — матерь сокрушения, зерцало грехов, кладезь неудержимых слез, училище назирания за помыслами и рассуждение их, утверждение поста, преграда чревоугодию, поприще упражнения в молитве и чтении, умирение помыслов, необуреваемая пристань от забот, благое и легкое иго, упокоевающее и носящее носящих его, родительница благоговения, узилище страстей, узда для очей, языка и слуха, вина нестяжательности, плодоносная нива Христова, приносящая добрые плоды [3, 163-164].

153. Приобрети себе эту благую часть, избранную Мариею, которая, сев при ногах Господа и прилепившись к Нему Единому, стала образцом безмолвия. За сие и похвалил ее Господь, сказав: *Мария же благую часть изобра, яже не отнимется от нея* (Лк. 10, 42). Видишь, каково безмолвие! Сам Господь хвалит приобретшего оное. Приобрети же безмолвие, и *насладишься Господеви* (Пс. 36, 4), присев у ног Его и прилепившись к Нему Единому, так что можно будет тебе сказать с дерзновением: *прильпе душа моя по Тебе: мене же прият десница Твоя* (Пс. 62, 9).

154. Болезни не вдруг делаются неизлечимыми, но получив недоброе начало от нерадения, переходят в безмерное повреждение. И страсти в душе возникают от малой причины, но если

не бывают истребляемы, производят безмерное расстройство в душе. Видишь, как на меди зеленый рубец делается глубже и глубже? Разумей поэтому, что производит в душе страсть при нерадении. Если не очистишь ржавчины, то не выведешь пятна: если не изнуришь естества плоти, то не успеешь прогнать от себя страсть. Ржавчина тесно соединяется с медью; так и страсть укореняется в природе. Кто вычистит медь, пока не заржавела, тому уже о ней нет забот; кто облечет душу добродетелью, тот не будет в опасности, тот не потерпит и скрытного приражения зла. Медь от чищения принимает блеск, как одежду; и если вычищена медь, не поврежденная еще ржавчиною, то долго служит в употреблении, в противном же случае наведенный блеск обманчив; сосуд тот бывает непрочен и скоро портится, как сделанный из поврежденной меди. И душа, если растленная уже приступает к добродетели, то впадает в колебание, а от колебания в растление [3, 403-404].

155. Как душа от соединения с увлаженным телом делается плотскою, так и тело, при нетлении души в единении с семенем Божиим делается духовным. И святой Павел различает людей духовных и плотских. Он знал, что и плотские имеют душу, и духовные — тело; но по причине преобладания того, чего в человеке больше, именование преобладающего усвояет целому человеку. Если в человеке плоть преобладает над душою, то он — плотской; а если преобладает душа, то он — духовный. И в другом месте, давая то же разуметь, говорит он: *плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть:сия же друг другу противятся, да не яже хощете, сия творите* (Гал. 5, 17). Евангелие сказало, что Царство Небесное принадлежит усиленным искателям (Мф. 11, 12). Дух усиливается возвести природу к Божественному; потому что природа плотью увлекается к земному. Это усилие духа над природою есть брань, и производится двояким образом: в новоначальных, чтобы не войти им в единение с плотью, и в совершенных, чтобы и самое тело сделать духовным [3, 408-409].

156. Если главное в человеке — бессмертная душа, то нет неправды у Бога, что Он обратил человека к нетлению; не делает

Он принуждения сложной человеческой природе, а только побуждает силою духа самоохотно привлекать к нетлению плоть, как рабу, растленную грехом. Как в огненном горниле и медь принимает вид огня, так и тело одухотворяется, если срастворяется нетлением. Тоже медь, зарытая в землю, съедается ржавчиною и обращается в прах; так бывает и с плотью, погруженною в страсти [3, 410].

157. Как святые относятся к плоти? Природа плоти требует покоя, а они стараются более о сокрушении ее и озлоблении. Природа наша (поврежденная, плотская) услаждается славою; они же, хулимые, утешаются и таят дела свои. Природа плоти требует вкушения пищи; они же изнуряют ее постами, истощают подвигами. Природа имеет склонность к брачной жизни; они же обуздывают ее воздержанием и отсекают все причины к возбуждению похоти. Природа гонится за удобствами жизни; а святые, когда делают им обиды, терпят; когда окрадают их, переносят великодушно. Вообще совсем отрешаются они от плотской жизни, по слову Господа: *возми крест свой и по Мне гряди* (Мф. 16, 24). Тому же учит и апостол, говоря: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5). Не создание Божие осуждает он на заклание, но желает оживотворить плотское, умертвив неестественное в нем усилием духа. Не сказал он: умертвите телесные члены, но *уды, яже на земли.* Какие ж это? Блуд, нечистоту, похоть злую, любостяжание и все тому подобное. Всем подобным услаждается плотской человек, унижаемый и растлеваемый грехом. Грех делает насилие природе. И тогда природа вместо довольства предается ненасытности, вместо утоления жажды питием — пьянству, вместо брака — блуду, вместо правды — неправде, вместо любви — неприязни. Это все пришлое к природе и учит апостол умертвить, делая принуждение поврежденной природе, чтобы, состоя под управлением духа, она не выступала из пределов своих. И Спаситель, когда сказал, что подвижнику лучше *хрому или бедну* улучить Царствие (Мф. 18, 8), — не отсекать члены, Им созданные, повелел, а не делать их орудиями греха [3, 410-12].

158. Желающий подвизаться ради Христа должен приобрести себе такое вооружение, чтобы ему быть в состоянии противостать диаволу и благоугодить Спасителю нашему, именно...

159. Вместо брони восприими подобную горчичному зерну веру в Единосущную и Нераздельную Троицу. Как горчичное зерно совершенно кругло и как бы самодвижно, так самодвижною да будет и вера твоя. Движение веры — добродетели. Иные имеют веру, но не имеют дел; это — не вера, потому что мертва, — как сказано: *вера без дел мертва есть* (Иак. 2, 20). Кто имеет веру и делает дела веры, в том вера как самодвижное горчичное зерно. Ее приобрети, и будь здрав и невредим в вере, горя произволением к заповедям Спасителя нашего, чтобы и тебе услышать от Него: *добре, рабе благий и верный... вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 23). Благим наименовал его Господь за дела, а верным за веру [3, 472-3].

160. Вместо полета восприими упование будущих благ, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша,* и *в няже желают Ангели приникнути* (1 Кор. 2, 9; 1 Пет. 1, 12). Упование сие подаст тебе крепкое утешение в злостраданиях и скорбях, и памятование оного возвеселит тебя. Ему внимали блаженные Христовы мученики, кои среди острий, среди страшных и разнообразных мучений, среди жаркого огня эту вожделенную надежду имели пред очами своими, а поэтому охотно и с благодарностью терпели все, чтобы только получить уповаемое. Это упование всегда непрерывно имей пред очами своими, чтобы желание уповаемого не дозволяло тебе помышлять о чем-либо непостоянном, и сверх того возбуждало в тебе готовность ко всякому делу благому [3, 473-4].

161. Вместо пояса препояшься совершенною любовью к Богу и ближнему: любовь сделает, что потечешь и не встретишь препятствий. Препоясанный через все удобно и беспрепятственно переходит; тем паче препоясанный любовью удобно проходит всюду. Ибо *любы*, как сказано, *вся* покрывает, *вся терпит* (1 Кор. 13, 7), ею преисполненный, святой Павел говорил: *кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не*

разжизаюся? (2 Кор. 11, 29). Видишь сострадательность и силу любви! [3, 474].

162. Вместо обуви восприими смиренномудрие: как обувь попирается ногами, так и приобретший смиренномудрие так себя держит, что когда все попирают его, он почитает это не выходящим из порядка вещей. И ты, брат, приобрети смирение. Это — обувь не телесная, но духовная: она предохранит тебя, *да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Пс. 90, 12). Блаженный Давид, приобретши смирение, сказал: *аз же есмь червь, а не человек* (Пс. 21, 7). Посмотри, как Бог любит смирение, как много приближается к приобретшему оное и всегда призирает на него. Ибо написано: *на высоких живый и на смиренныя призираяй* (Пс. 112, 5, 6), и еще: *очи Его на нищаго призираете* (Пс. 9, 29). Слыша о нищем, разумей не обнищавшего имением; потому что многие цари благоугодили Богу, и многие бедные погибли. Но нищим называет нищего духом, по сказанному: *блажени нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3) [3, 475].

163. Вместо щита ограждай себя крестом честным, запечатлевая им свои члены и сердце, и не рукою только полагай на себе крестное знамение, но и в мыслях запечатлевай оным всякое свое занятие: вхождение и исхождение свое, седение и восстание свое, и одр свой, — и какое ни проходишь служение, прежде всего, во благословение, знаменай себя крестом во имя Отца и Сына и Святого Духа. Весьма мощно орудие это, — и никто никогда не может сделать тебе вреда, если огражден ты сим оружием. Если и тому, кто носит печать царя земного, никто не может сделать зла, то кольми паче никто не в силах состязаться с нами, когда носим на себе такую печать великого Небесного Царя? Сим орудием всего чаще действуй, брат; потому что сильно противостоит оно стрелам врага. Никогда не забывай ограждать себя крестом; и расторгнешь сети, какие скрыл для тебя диавол; ибо написано: *на пути сем, по немуже хождах, скрыша сеть мне* (Пс. 141, 4). Запечатлевай всегда себя крестом; и зло не прикоснется к духу твоему [3, 476].

164. Вместо лука простри руки свои на молитву, как написано: *и положил еси лук медян мышца моя* (Пс. 17, 35). Ибо действительно лук медян на врагов — руки, простертые в молитве, приносимой в ведении; это стрела, метко пущенная натянувшим лук. Если позволишь скитаться помыслу, то уподобишься человеку, который держит в руках лук, но не умеет наметить стрелу в противника и пускает ее наугад. Испугает ли когда врага твоего этот удар, если держишь в руках лук и не в него, а наугад пускаешь стрелу? — Нимало. Только когда молится кто с ведением, не позволяет скитаться помыслам, и разумеет, кто он и Кому предстоит, и с Кем беседует, молитва приближается к Богу, и враг сильно страждет, как пораженный стрелою в сердце. Тогда душа, по благодати Божией, более и более преуспевает, а враг бежит, как прах пред лицом ветра, гонимый Ангелом Божиим. Вот почему заставляет страдать врага, кто молится с ведением и мужественно подвизается, пленяя свой помысл [3, 477].

165. Молись с ведением (с сознанием Кому и о чем молишься). И если во время молитвы что-нибудь или посредством очей, или по другой какой причине, рассевает ум твой, то знай, что это дело врага, и не спеши оканчивать молитву свою, но осудив самого себя, снова собери ум свой и тогда уже молись с ведением, чтобы знать тебе, о чем просишь ты Бога, и для чего просишь Его, и чтобы не говорить тебе напрасно лишнего и не многословить. И это дело сатаны, что устремляет помысл, как стрелу, пущенную наугад, и не дает человеку удержаться в том, чем он озабочен. Ибо знает, что, если человек продолжит молитву свою, то Сотворивший его услышит его, хотя бы он был тмочисленно грешен. Поэтому-то враг вводит его в многодуманье, чтобы помысл летел, как стрела, пущенная на град. И бывает, что руки его простерты на молитву, но язык говорит одно, а ум помышляет и воображает иное, — на посмеяние врагу. Поэтому, брат мой, проси Бога всегда о том, что особенно потребно и в чем особенная есть нужда, — и по чувству этой нужды. Посмотри на двух слепцов иерихонских. Вопияли они к Господу: *помилуй ны... Сыне*

Давидов. И когда Господь спросил их: *что хощета, да сотворю вама?* Они с болезнью и стенанием сердца своего просили, *да отверзутся очи наши* (Мф. 20, 30-33). Не сказали: дай нам то и то; ибо мало ли у них было нужд? Но просили то одно, в чем крайняя настояла нужда. Посмотри на хананеянку, — что вопиет она вслед Господа? *Помилуй мя, Господи!... дщи моя зле беснуется* (Мф. 15, 22). Не сказала ничего другого, кроме болезни сердца своего. Подобно и все приходившие к Нему не болезни ли сердца своего высказывали пред Ним? Если больной приходит к врачу, то не показывает ли, что болит у него. И ты, брат мой, представь Богу болезнь души своей. Взирай же на Него при помощи веры мысленными очами, чтобы, по написанному, видеть *Седяща на престоле высоце и превознесенне* (Ис. 6, 1), и предстоящие Ему воинства Ангелов и Архангелов, — и повергшись пред благостью Его, излей пред Ним прошение свое. Сперва исповедуй грехи свои, а потом уже возвещай пред Ним глаголы свои или скорбь свою, да умилосердится по благости Своей, и излиет на тебя щедроты Свои: О, душа! *велия вера твоя, буди тебе, якоже хощеши* (Мф. 15, 28) [3, 477-79].

166. У кого просвещены и всегда отверсты умные очи, те в точности знают, что не собственною своею крепостью, но непобедимою силою Божиею избавляются они от соблазнов лукавого. Свобода, возможная человеку, состоит только в решимости или нерешимости противостоять диаволу; при возможности же такой противиться не имеет он совершенной власти над страстями. Если бы человеческая природа и без всеоружия Духа Святого могла противостать козням диавольским, то Господь не заповедал бы говорить в молитве: *не введи нас в искушение, но избави нас от лукавого* (Мф. 6, 13). Итак, кто хочет избавиться от разжженных стрел лукавого, сподобиться бесстрастия и стать причастником божественной славы, тот с ненасытным расположением, всем сердцем и всею силою да взыскивает всегда помощи свыше, чтобы с ее пособием побеждать страсти, и через такое неопустительное побеждание

достигнуть в область чистоты, ея же *кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14) [3, 495-496].

167. Старайся быть неукоризненным чадом Божиим, и войти в тот покой, *идеже предтеча о нас вниде Иисус* (Евр. 6, 20); старайся быть написанным в небесной Церкви вместе с перводными; старайся взойти в горний Иерусалим, где и рай сладости. Но ведай, что не сподобишься этих чудных достояний, если не будешь день и ночь проливать слезы, как потоки, подобно святому, который говорит: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Разве не знаешь, что *сеющии слезами, радостию пожнут* (Пс. 125, 5)? Поэтому пророк говорит: *слез моих не премолчи* (Пс. 38, 13); и еще: *положил еси слезы моя пред Тобою, яко и во обетовании Твоем* (Пс. 55, 9); и еще: *быша слезы моя мне хлеб день и нощь* (Пс. 41, 4); и *питие мое с плачем растворях* (Пс. 101, 10). Слезы, проливаемые в ведении с великою скорбью, при чистом воспламенении сердечных внутренностей, суть душевная пища, небесный хлеб, питающий души для вечной жизни [3, 499-500].

168. Как есть это видимое небо, называемое твердью, так превыше его есть другое невидимое телесным очам светозарное небо, где полки Ангелов. Там нерукотворенная скиния, в которой святые Ангелы совершают свою службу. Все это божественно, неизреченно, светоносно, и принадлежит не сему веку, но иному миру, где нет ни ночи, ни лукавых духов, ни браней. Но поелику не всякому, кто бы то ни был, позволяется внутренним оком видеть небесное, то для этого, подобно некоей завесе, поставлена твердь, чтобы и им оттуда можно было не просто всех созерцать, но только тех, которые чисты сердцем и освящены в уме, одних сограждан и сотаинников своих. А когда завеса будет снята, тогда открыто будет праведным, что ожидает праведных [3, 506].

169. Молитва, совершаемая протяженно, с болезнующею душою, с напряженным умом, восходит к небу. Как вода, пока течет по ровному месту и пользуется большим простором, не поднимается на высоту, а когда руки водопроводов, преградив

ей течение внизу, сгнетут ее, тогда, стесненная, скорее всякой стрелы стремится вверх: так и ум человеческий разливается и рассевается, пока пользуется большою вольностью; когда же сокрушение и болезнование сердечные стесняют его, тогда в прекрасном этом угнетении воспаряет он горѐ и воссылает чистые к Богу и усиленные молитвы. Что молитвы, со скорбью воссылаемые, особенно бывают услышаны, о сем свидетельствует пророк, говоря: *внегда скорбети ми, воззвах, и услыша мя* (Пс. 119, 1). Итак, будет раздражать совесть и возбуждать в душе скорбь памятью о грехах, чтобы сделать ее достойною услышания, трезвенною, бодрственною, способною воплями своими досягнуть до небес. Ничто не отгоняет так от нас леность и нерадение, как болезненное чувство и скорбь, которые собирают ум воедино и возвращают его в себя самого. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы в состоянии будет водворить в душе своей великую отрадность. Как стечение облаков сначала делает воздух мрачным, а когда пойдет из них дождь и облака утратят одно за другим скопившиеся в них пары, тогда снова воздух делается чистым и ясным; так и душевная скорбь, пока заключена внутри, омрачает наш помысл, а когда истощит себя в молитвенных словах слезами и выйдет наружу, тогда производит в душе большую ясность, низведя в ум молящегося, подобно некоему лучу, мысль о Божией помощи [3, 659-660].

170. Хочешь ли молиться нерассеянно? Сделай, чтобы молитва твоя исходила из глубины души. Как дерева, пустившие корни вглубь, если принимают в себя и тысячекратные приражения ветров, не ломаются и не могут быть вырваны, потому что корни твердо укреплены в земной глубине; так и молитвы, воссылаемые из самой глубины души, как надежно укорененные, простираются в высоту, и никакое приражение помысла не может совратить их. Пример сему подает нам пророк, говорящий о себе: *из глубины воззвах к Тебе, Господи* (Пс. 129, 1) [3, 664].

171. Осматривал я оружейную победоносцев, вникая, какое оружие облекшемуся в оное доставляет решительную победу.

Много оружий представилось там взору моему, и каждым из них можно одержать блистательную победу. Во-первых, видел я чистый пост, — этот меч, который никогда не притупляется. Потом видел девство, чистоту и святость, — этот лук, с которого острые стрелы пронзают сердце лукавому. Видел и нищету, с пренебрежением отвергающую серебро и всякое имущество, — эту броню, которая не допускает до сердца изощренных стрел диавольских. Заметил там любовь — этот щит; и мир — это твердое копье, от которых трепещет сатана и обращается в бегство. Видел бдение — этот панцирь; молитву — эти латы; и праведность — эту легкую военную колесницу. Но рассматривая все сии вооружения и домышляясь, какое из них всех тверже, увидел я оплот смирения и нашел, что ничего нет тверже его; потому что никакое вражеское оружие не может пробить его, и лукавый не в силах взять его приступом. Поэтому, если желаешь одержать победу в брани, которую ведешь ты, то ищи себе убежища за оплотом смирения; там укройся и не оставляй этой ограды, — и не уловит тебя в плен хищник; не полагайся вполне на другие свои оружия, чтобы не поразил тебя лукавый [4, 150].

7

Советы подвижникам

(Сл. 50, т. 2, стр. 570-584)

1. Начало монашеского отречения — бояться Бога; не богобоязненный же монах водворится вне врат Божия Царства. Начало доброй жизни монаху — ведение Бога; неведение же Бога омрачает душу монаха.

2. Доброе наследие монаху — целомудрие и святыня; лишается же наследства отцов монах, у которого нет их.

3. Подвиг для монаха — изучение Писаний и исполнение заповедей Божиих; монах же, не занимающийся сим — не подвижник.

4. Пища монаху — творить волю Божию; пища же чувственная не поставит монаха пред Христом, но *во чрево вмещается и афедроном исходит* (Мф. 15, 17).

5. Стопа монаха, движась чинно, да стирает собою церковные ступени; но да не преходит она из дома в дом, бесчинствуя.

6. Совет у монаха пусть будет с разумными, совет же неразумного да не вселяется в сердце его.

7. Монах, бодрствующий в псалмах и пениях и песнях духовных, отгоняет от себя ночные мечтания; монах же, который, надмеваясь своими добрыми делами, спит, плетет паутинную ткань.

8. Мужественный монах Крестом Христовым избегает диавольских сетей.

9. Монах, оземленившийся и к земле склонившийся, во всем поступает по-сатанински (противлением заповедям, лукавством и самоугодием).

10. Мысль у монаха да будет всегда занята добрыми делами. Упражнение монаха — благочинные помыслы. Бодрственность монаха укрощает нечистые помыслы.

11. Возделывание монаха — добрая душа, приносящая плод по-евангельски. Возделывающий ее монах первый вкушает от плода ее.

12. Бессмертная сила в монахе — нестяжательность, несущая крест; сребролюбие же пагубно для них, ибо заграждает для них Царство Небесное.

13. Добрый дар монаху — девство, которое с Илиею на колеснице возносит его на небо. Сила девства — воздержание в пище; монах же, упивающийся, сквернит плоть свою.

14. Слезы, проливаемые из очей — древо жизни, возращаемое в высоту смиренномудрия. Приобретший сие монах соберет добрые плоды.

15. Монах, который всем разглашает о даре своем, возбуждает омерзение, — и услышит от Господа: ты уже восприял *мзду свою* (Мф. 6, 2). А кто стыдится рассказывать, тот получит мзду от Господа, ведущего тайное.

16. Воздавая Божия Богови, не превозносись, монах; но, молясь Господу, говори: Твоя от Твоих приношу Тебе, Владыка, и у Тебя только ищу избавления души.

17. Монаха, который с чистым сердцем совершает ночные молитвы, слышит Господь; днем же содевает его светлым, как день, и ежедневно все более и более являет его светлым.

18. В гордыне монаха не почиет Господь, в смиренномудрии же его почиет Дух Святой.

19. Хитон монаха (не тканый, а духовный) во всякое время да будет не очернен. Такой монах в полунощи с Женихом внидет в чертог.

20. В сретение Жениху припаси, монах, елея; ибо если тогда нечего тебе будет подлить в светильник, чтобы горел ясно, то останешься вне чертога с юродивыми девами.

21. Жизнь монаха в подражание Ангелам да будет попаляющею грехи; она должна быть непрестанным благоплодием кающегося.

22. Жизнь монаха да полагает печать умерщвления похоти на все члены его: образец для него жизнь Иоаннова.

23. Буря бесовская да бежит от монахов: тишина же Ангельская да ликует у них. Когда находит буря бесовская, держи, монах, раздражительность свою; потому что жизнь монаха всегда должна носить одежду кротости и терпения.

24. Монах, горящий духом (ревности по Богу), прогоняет бесов; а монах, из соперничества (гордостного) соревнующий брату, привлекает к себе диавола.

25. Солнце да не зайдет во гневе твоем, и беспорядочный крик, исходящий из раздраженной гортани твоей, да не возмущает братий.

26. От слышания песнопения не отказывайся, потому что это — Ангельское песнословие; шума же бесовских зрелищ бегай, потому что это — бесовская прелесть.

27. На челе твоем всегда да будет Крест Христов, в сердце же — страх Божий.

28. Безмолвие с чистым сердцем намащает монаха елеем Духа Святого.

29. Добрый нрав порождает братолюбие и гонит прочь ссору.

30. Сочетавшийся с Господом не предает себя диаволу, чтобы не быть постыжденным в брачном чертоге.

31. Необоримый щит монаху — Ангельское пение в устах его; смерть же ему — сон, любезный паче пения.

32. Сокровище монаху — произвольная нищета; облеченный в нее монах божествен. На небе собирай себе сокровище; потому что нескончаемы веки наслаждения.

33. Ум твой да будет всегда занят Божественными Писаниями. Дверь твоя пусть будет заперта не железными запорами, но заграждена краеугольным камнем (в трезвении возглашаемым именем Господа Иисуса).

34. Чудным делается лицо монаха в молитве, и следы бывшего у него от этого веселья духовного приводят в веселье все множество монахов.

35. Монах, небрегущий о чреве и не любящий винопития, делается равноангельным.

36. Неописанная красота — сияющее в душе монаха девство, самое же гнусное лицо у него по осквернении девства.

37. Всего хуже для монаха — падение в грех; он у него поедает все добро, как огнь солому.

38. Монах, поправший мир, делается собеседником Христу; а опутавшийся мирскими делами не угоден бывает Воеводе — Христу.

39. Монах не сребролюбивый — самый верный проповедник Царствия Небесного, а недугующий сребролюбием — человек злосчастно погибший.

40. Украшение молодому монаху — целомудрие, обладающее неомраченным девством.

41. Драгоценность для монаха — послушание: кто приобрел его, тот услышан будет Господом.

42. Слово благо да отрыгает монах и устами своими да глаголет словеса Вышнего.

43. Монах да восприимет на себя произвольный голод, чтобы смирить земное тело и возвысить небожительницу — душу.

44. Монах да вещает словеса истины, и ложь да будет изгнана из уст его.

45. Слыша жесткое слово, не приходи в запальчивость, но смирись; потому что, став посредником мира, приимешь верную награду за мир и наречешься сыном Вышнего.

46. Лев страшен диким ослам; таков да будет и монах для похотных помыслов.

47. Монах, разрешающий не во время пост, то же что подкапывающий основание столпа (в котором живет).

48. Что вихрь, поднимающий пыль на равнине, то и горделивый монах, возбуждающий страстные движения в монастыре.

49. Ангел на земле — добрый монах, не уязвленный стрелами сластолюбия.

50. Не вдавайся в гордыню, чтобы не пасть страшным падением. Подражай смиренномудрию Павла, чтобы сделаться и сонаследником ему.

51. Избери себе в образец Моисееву кротость, чтобы Бог претворил каменное сердце твое в озеро водное, и ты, испытав благотворность этого, мог хвалебно возглашать: *на воде покойне воспита мя Господь* (Пс. 22, 2).

52. Познай, как прекрасно смиренномудрие, и его избери себе; потому что оно возводит к небу. Добрая награда предложена тебе за смиренномудрие — Царство Небесное: не вознерадши о нем.

53. Юный монах, презирая тщеславие, да утверждается в целомудрии. Монах, напоеваемый целомудрием — новонасаждение, освященное Богом.

54. Пост — узда монаху; кто свергает с себя эту узду, тот делается *конем женонеистовым* (Иер. 5, 8). Юный монах, не обуздывающий чрево, не удержится от греха плотского.

55. День и ночь прилежно пребывает в молитвах бодренный монах; ударяя в сердце себе, проливает он слезы и низводит на себя елей с неба.

56. Древо жизни на земле — монах, не преданный страстям и восприявший ангельскую жизнь.

57. Самый острый меч на диавола — псалом в устах монаха.

58. Сухое дерево у Елисея извлекло из глубины железо; тело же, сделавшееся у монаха сухим, извлекает душу из глубины (страстей). Пост монаха иссушает токи сластолюбия. Пределом поста монаху смерть; и прежде кончины да не оставляет его.

59. Меч на страсти — бодрствование монаха в молитвах. Предел молитвы монаху не назначен; потому во всякое время да благословляет он Господа.

60. Монаху, не удерживающему языка своего в день гнева, нелегко совладеть и со страстями. Монах гневающийся убивает душу свою и острыми стрелами уязвляет ближнего своего.

61. Вооружай себя прежде искушения; это поможет тебе в искушении оказаться благоискусным.

62. Не стяжевай богатства и не удобряй плоти: путь узкий и тесный требует отложить в сторону все, что не пользует на нем. Подражай Павлу, *вменяя вся уметы быти, да Христа приобрящу* (Флп. 3, 8). Богатство и удобрение плоти не будут допущены во врата небесные. Возлюби же нестяжательность и воздержание; — и не останешься вне этих врат.

63. Огнь, палящий в монахе — сластолюбие, возжженное винопитием. Христос — приснотекущий источник; из Него почерпая, угаси смрадный костер.

64. Не произноси слова худого; иначе сделаешься виноградником, произращающим терния. Самые приятные слова употребляй в разговоре с ближним, подражая пчеле, которая всегда приносит мед, не имеющий горечи.

65. Легкомысленный монах волнуется бурею помыслов; владеющий же собою подкрепляет себя евангельскими глаголами.

А нерадивый монах подавляем бывает помыслами, как пшеница терннием.

66. Не держи в сердце своем злого слова на брата своего, чтобы можно было тебе возглашать в молитве: *остави... яко и мы оставляем* (Мф. 6, 12).

67. Венец похвалы для монаха — *мир... и святыня*; кто приобрел их, тот *узрит Господа* (Евр. 12, 14).

68. Мудрость монаха не в знании, какие нести должно труды, а в разумном их несении. Кто таков, тот не словом учит, а делом вразумляет.

69. Мудрый монах, ратуя с полчищем бесов, не бывает уязвлен их стрелами; укрепляясь Крестом Христовым, сокрушает он главу змию.

70. Драгоценное достояние монаху — девство, озаряемое светом милостыни. Стяжавший его и сохранивший несомненно войдет в брачный чертог.

71. Соблюдая заповеди Вышнего, храни и правила отцов; и будешь наследником Царства Небесного.

72. Монах вольный и продерзый впадет в искушение и в сеть диавольскую; а кроткого сретит мир и венец святыни.

73. Монах пространно питающийся впадет в обольщение и ночные мечтания; у постящегося же ложе нескверно и сон безмятежен.

74. Монах, Бога боящийся, не потерпит ничего зловредного, потому что такого хранит Господь, и в день смерти будет у него примирительная жертва.

75. Покорность монаха не в великих подвигах познается, а испытывается в искушениях. Терпение монаха в скорбях, соблюдаемое верно, приобретает ему непостыдную надежду. И да хранит он его до последнего издыхания, потому что *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). Терпи, монах; ибо время терпения коротко, а века наслаждения нескончаемы.

76. Песнословие у монаха да будет неумолкающим; потому что Серафимы славословят немолчно. В устах твоих, монах,

да будет духовная песнь, облегчающая бремя постигающих тебя искушений.

77. Послушливый монах с благим дерзновением будет стоять при Кресте; потому что на Кресте — Господь, бывший послушливым *даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8).

78. Голос монаха в молитвенной кротости искренно да возносится к Богу из недвижимых уст.

79. Истинное светило на земле — монах, не поползнувшийся языком своим. Кто таков, и не осквернял тела своего грехами, тот друг Христов.

80. Если страх Божий объемлет монаха, то он как столп непреоборимый. Монах, который не приобрел страха Божия, удобно будет пленен противниками.

81. Чистый свет на земле монах, у которого нет ничего; потому что сребролюбие, будучи корнем всего злого (см. 1 Тим. 6, 10), не приносит добрых плодов.

82. Лучше монаху есть мясо и пить вино, чем в пересудах поедать плоти братий своих.

83. Золото испытывается в огненной печи, и монах познается во множестве монашествующих.

84. Руки монаха да будут преподобно простираемы к Богу на поражение врага, подражая Моисею, который, руками предызобразив крест, преоборол Амалика.

85. Обильная благодать на монахе распятом и ежедневно умирающем; о нем радуются Ангелы, приемля его в Небесное Царство.

86. Узда для страстей — пост, а умерщвление страстей — молитва с милостынею.

87. Белее снега монах, который выше плотских страстей; Единого возжелав Христа, узрит он, как Христос увенчает его в день благостыни.

88. Монах-шепотник разгонит множество монахов и рассеет друзей. Змий шепотничеством изгнал Еву из рая; и монах-шепотник ему подобен, потому что душу ближнего губит и своей не спасает.

89. Кто разумно поет в сердце своем, тот услышан будет Богом. Душа монаха нерассеянным оком да взирает к Богу; потому что ей, отрекшейся от мира и сочетавшейся со Христом, свойственно пренебрегать всем земным.

90. Душа монаха, благоухая духовно, свято ограждает обоняние свое от змия, чтобы не обонять в нем скверны похотения. — Также, у кого в сердце страх Божий, того не коснется скверна сладострастия.

91[1]. Старайся всегда быть простосердечным и искренним, и не держи одно на сердце, а другое в устах; потому что это лукавство.

92. Будь правдолюбив и не лжив, потому что ложь от диавола.

93. Не воздавай злом за зло; но если кто сделает тебе зло, прости ему, чтобы и тебе простил Бог.

94. Если борет тебя злопамятство, от всей души помолись о том брате, и злопамятство отступит от тебя.

95. Смотри, не допускай в себя страсть зависти, чтобы диавол не поглотил тебя живого, но скорее исповедуйся и моли Бога, чтобы избавил тебя от таковой опасности.

96. Если видишь согрешающего, не разглашай его греха, не осуждай его, не питай к нему ненависти, чтобы и тебе не впасть в тот же грех; а лучше скажи: «Я хуже его; и сегодня согрешил он, а наутро согрешу я».

97. Знай же и то, что бесы боятся молчания, поста, бдения, воздержания, смирения, молитв, слез и прочих добродетелей подвижнических.

98. Если хочешь, чтобы Бог даровал тебе слезы, сокрушение и бесстрастие, непрестанно приводи себе на память смерть и гроб свой.

99. Если обольщен будешь диаволом и впадешь в малый или великий грех, не приходи в отчаяние и не обрекай себя на пагубу, но прибегни к исповеди и покаянию, — и Бог не отвратится от тебя.

---

[1] Отсюда идут уроки из 55-го слова, т. 2, стр. 600-660.

100. Не люби ходить в города; ибо если не будешь видеть греховного, то останешься чистым.

101. Не пей вина до опьянения; иначе сделаешь, что сердце твое с неистовством устремится к удовольствиям.

102. Не ешь по два раза в день, чтобы не огрубело тело твое, а с ним не окрепли и страсти.

103. Не много спи, но неотступно проси помощи Божией, да избежиши *яко птица от сети* (Притч. 6, 5).

104. Не много говори, чтобы не впасть в ложь.

105. Ничего не приобретай себе сверх потребности своей, и живи с умеренным достатком.

106. Безмолвствуй и делай свое дело.

107. Всею силою держи язык и чрево.

108. Имей смиренномудрие; будь как незнающий и невежда.

109. Будь кроток со всеми людьми.

110. Много вреда от говорливости и смеха; и муж благоразумный соблюдает безмолвие.

111. Имей всегда пред очами своими смерть, и искушение никогда не доведет тебя до падения.

112. Вечером и утром испытывай сам себя, как провел ты время; но этого невозможно сделать без труда (постоянного к себе внимания и наблюдения за сердцем).

113. Бойся Бога, как обязанный дать Ему ответ о всех делах своих.

114. Ежедневно спрашивай себя, какую страсть победил ты?

115. Кто верует, что будет суд, тот не судит ни одного человека, но себя паче блюдет и охраняет даже от малого и неважного худа.

116. Кто верует, что тело его воскреснет, тот заботится очистить его от осквернения.

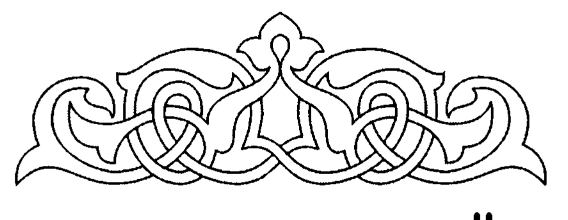
117. Утвердясь в страхе Божием, храни и исполняй все, что должно тебе делать, — и не полагай претыкание совести своей; но будь к ней внимателен, чтобы и она была стражем твоим, и тотчас показывала, во что впадаешь, не оставляя тебя и не попуская впасть в руки врагов твоих.

118. Знай, что когда ум монаха начнет убегать своей воли и прибегать к Богу, сперва нападает на него уныние. К истреблению такого уныния служат молитва и непрестанное размышление о Боге; размышление же это поддерживается воздержанием, а воздержание охраняется телесным трудом. Таков тесный путь, *вводяй в живот* (Мф. 7, 14).

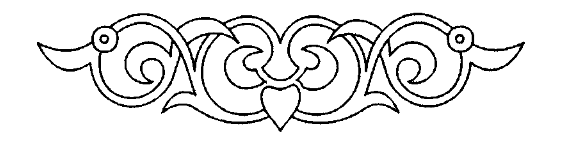
119. Если истинно возлюбил ты Господа и прилагаешь старание улучить будущее Царствие, и дал обет трудиться по причине своих грехопадений, то помни суд и вечное мучение, со страхом ожидая исшествия своего из этого мира.

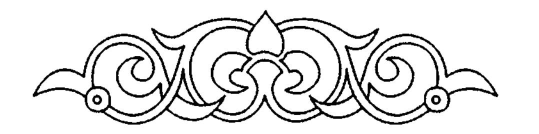
120. Не имей пристрастия ни к деньгам, ни к имению, ни к родителям, ни к мирской славе, ни к друзьям, ни к родным, ни к братиям, и вовсе ни к чему земному. Не имей ни заботы, ни попечения об этом; но прервав всякую связь, отложив заботу и возненавидев сие, даже собственную плоть свою обнажив от всего этого, беспечально и неленостно иди вслед за Христом, взирая всегда на небо, и оттуда ожидая себе помощи. Ибо смерть внезапна, суд близок. И горе неготовому!

ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН ЛЕСТВИЧНИК

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ИОАННЕ ЛЕСТВИЧНИКЕ

Родители святого Иоанна, место рождения и предшествовавшие вступлению его в Синайскую обитель обстоятельства неизвестны. Из его творений видно, что он получил хорошее образование; но влечение к сопребыванию с Богом понудило его оставить мир и славу его и уединиться в обитель Синайскую, славившуюся тогда мудрыми отцами. Вступил он в нее 16-ти лет и отдал себя в учение и руководство старцу Мартирию, который через четыре года, на 20-м году его жизни, постриг его в иноческий образ. Послушание его старцу было так велико, что, казалось, совсем не имел он своей воли; в отношении же к братиям он держал себя просто и смиренно, никакого ни пред кем не выказывая преимущества.

Прожив со старцем своим 19 лет, святой Иоанн осиротел от него и, по смерти его, стал жить один, избрав для этого уединенное место, Фола именуемое, отстоявшее от обители на пять стадий. Здесь прожил он 40 лет. Жизнь его в уединении текла мирно, в строгом подвижничестве, которое он, однако же, умел скрывать, не выдаваясь ничем особенным. Каждую субботу и воскресенье приходил он в обитель, чтобы в храме слушать богослужение, – приобщиться Святых Христовых Таин и потом побеседовать со святыми отцами и проверить их указаниями свое состояние. При таких беседах в собрании нередко говаривал и святой Иоанн, и как естественно, речь его не могла не иметь преимущества пред другими. Смиренных это радовало; а некоторые неискусные стали подозревать мудрого собеседника в тщеславии, и не умели скрыть такого подозрения. Тогда святой Иоанн, чтобы не соблазнять немощных, наложил на себя совершенное молчание, которое строго держал целый год; и разрешил его уже по усердному молению тех самых, которые принудили его к осуждению себя на такой подвиг.

По сорокалетнем житии в безмолвии святой Иоанн общим желанием всех братий избран был в игумены обители Синайской. Но поуправляв этой паствою духовною четыре года, он опять возвратился в свое уединение, незадолго до своей смерти, которая последовала на 80-м году его жизни, в 563 году.

По просьбе игумена Раифского, соименного себе, святой Иоанн написал Лествицу духовную, в которой в 30-ти словах изображает степени восхождения к

совершенству в духе. К Лествице присовокупил он и «Слово к пастырю», в коем излагает обязанности духовного пастыря.

Из 30 слов Лествицы делаем выборку под следующими заглавиями:

1) Общие начала подвижничества.

2) О покаянии.

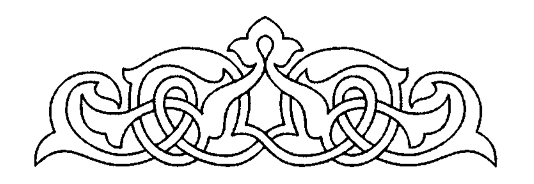
3) О добродетелях и страстях и о борьбе с последними вообще.

4) О борьбе с восемью главными страстями: а) чревоугодием, б) блудом, в) сребролюбием, г) гневом, д) печалью, е) унынием, ж) тщеславием, з) гордостью.

5) О бесстрастии.

[В цитатах первая цифра указывает «Слово», а вторая – пункт «Слова».]

ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ УРОКИ СВЯТОГО ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА

1

Общие начала подвижничества

1. Бог есть жизнь и спасение для всех, одаренных свободною волею [1, 3].

2. Богу себя посвятивший, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных, — держится одних только Божиих словес и заповедей, во всяком времени, месте и деле, — всегда неослабно хранит свои чувства и творит насилие или осуждение естеству своему, — всегда помышляет о смерти, скорбя и болезнуя душою, — отвращается от вещественных благ, похваляемых миром, для получения благ премирных [1, 4].

3. Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, соделали это или будущего ради Царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из этих намерений, то удаление их из мира было неразумно. Впрочем, добрый наш Подвигоположник ожидает, каков будет конец их течения [1, 5].

4. Когда хотим выйти из Египта и бежать от фараона, то и мы имеем нужду в некоем Моисее, то есть ходатае к Богу и по Богу, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы, наставляемые им, перешли мы море грехов и победили Амалика страстей [1, 7].

5. Для всех, покусившихся с телом взойти на небо, поистине потребно самонасилие (принуждение себя) и непрестанное самоозлобление (произвольные лишения), — особенно в самом начале отречения, доколе сластолюбивый наш нрав не очистится

и бесчувственное сердце не согреется любовию к Богу. Ибо труд, поистине труд и великое сокровенное болезнование неизбежны в этом подвиге, доколе ум наш, сей яростный и сластолюбивый пес, не сделается целомудренным и любительным. Впрочем, страстные и немоществующие, будем благодушны! Исповедуем Христу Господу немощь свою, представляя ее Ему несомненною верою, как десною рукою, — и непременно получим помощь Его, даже сверх нашего достоинства, если только всегда будем низводить себя в глубину смиренномудрия [1, 8].

6. Приходящие к этому подвигу должны всего отвергнуться, все презреть, всему посмеяться, все отрясти, чтобы положить твердое основание. Хорошо следующее трехстолпное основание: незлобие, пост и целомудрие [1, 10].

7. От твердого начала (решимости), без сомнения, будет нам польза, если бы мы впоследствии и ослабели; ибо душа, бывшая прежде мужественною, если ослабеет, — то воспоминанием прежней ревности, как острым оружием, бывает уязвляема. Некоторые много раз воздвигали себя сим образом от расслабления [1, 11].

8. Когда душа, предательски изменяя сама себе, погубит блаженную и вожделенную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она ее лишилась; и на эту причину да обратит весь труд свой и всю ревность; ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возвратить, как теми же дверьми, которыми она вышла [1, 12].

9. В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, самопринуждением и прискорбностью исполняем добродетели; но предуспевши, перестаем ощущать в них скорбь, или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено огнем ревности, тогда совершаем их уже со всею радостью, вожделением и божественным пламенем [1, 16].

10. Спрашивали меня миряне: «Как мы, живя с женами и сплетаясь мирскими попечениями, можем коснуться совершеннейшей христианской жизни?» — Я ответил им: «Все доброе, что только можете делать, делайте; никого не осуждайте,

не окрадывайте, никому не лгите, ни пред кем не возноситесь, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой чести и сохраняйте верность женам вашим. Если так будете поступать, то недалеко будете от Царствия Небесного» [1, 21].

11. С радостью и мужеством приступим к доброму сему подвигу. Не будем бояться врагов наших; ибо они взирают на лицо души нашей, хотя сами и невидимы, — и когда заметят, что оно изменилось от боязни, тогда яростнее вооружаются против нас, видя, что мы устрашились. Итак, смело вооружимся против них; ибо с мужественным борцом никто бороться не может [1, 22].

12. Желающие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание — избрать себе, при помощи духовных отцов и собственным разумением, приличные места и образы жизни, пути и обучения; ибо не для всех полезно общежитие, и не все способны к безмолвию. Каждому должно рассмотреть, какой путь соответствует его качествам [1, 25].

13. Все житие монашеское содержится в трех главных устроениях и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве; или в безмолвствовании с одним и, много, с двумя; или, наконец, в терпеливом пребывании в общежитии [1, 26].

14. Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине водрузил в себе память о Суде и о вечном мучении, кто истинно страшится исхода из этой жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не станет суетиться и заботиться ни об имениях и приобретениях, ни о славе и чести мира этого, и ни о чем земном; но отложив всякое о сем попечение, еще же и тело свое возненавидев, наг и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову святого, сказавшего: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9), и по слову иного приснопамятного: *аз же не утрудихся, Тебе последуя, и дне* или покоя *человеча не пожелах,* Господи (Иер. 17, 16) [2, 1].

15. Стыдно нам, оставившим все, опять воспринимать заботу о том же. Это-то и значит — обратиться вспять и не быть управлену в Царствие Божие [2, 2].

16. Слушай, что сказал Господь юноше оному, едва не все заповеди исполнившему: «Одного тебе недостает — продать имение свое и раздать нищим, и самого себя сделать нищим для принятия милостыни от других» (см. Лк. 18, 22; Мф. 19, 21) [2, 4].

17. Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким путем, в самом деле не блуждать по широкому и пространному. Вот верное начертание узкого пути: утеснение чрева, всенощное стояние, умеренное питие воды, скудость хлеба, очистительное питие бесчестия, укоризны, осмеяния, ругательства, отсечение своей воли, терпение нападков, нероптание при презрениях, перенесение досаждений тяжелых, — чтобы мужественно претерпевать, когда обижают; не негодовать, когда клевещут; не гневаться, когда осуждают, смиряться, когда унижают. Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, яко *тех есть Царствие Небесное* (см. Мф. 5, 3-12) [2, 8].

18. Кто думает, что не имеет пристрастия к какой-либо вещи, а, лишившись ее, печалится сердцем, тот прельщает сам себя [2, 11].

19. Это пристанище (отречение от мира) бывает причиною и спасения и бед; это знают переплывающие это мысленное море. Но жалкое зрелище, когда спасшиеся в пучине претерпевают потопление в самом пристанище [2, 12].

20. Устранившись мира, не прикасайся к нему; ибо страсти удобно опять возвращаются [3, 7].

21. Тех мест, которые подают тебе случай к падению, убегай, как бича; ибо когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем [3, 9].

22. Постараемся подражать Лоту, а не жене его; ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и сделается неподвижною. Беги из Египта невозвратно; ибо сердца, обратившиеся к нему, не увидели Иерусалима, то есть земли бесстрастия [3, 11].

23. Да будет отцом твоим тот, кто может и желает помочь тебе в свержении бремени твоих грехов; матерью — сокрушение, которое может омыть тебя от скверны; братом — сотрудник и соревнитель в стремлении к горнему; в неразлучную сожительницу возьми память смерти; любезными чадами твоими да будут сердечные воздыхания; рабом да будет тебе тело твое; а друзьями сделай себе небесные Силы, которые во время исхода души могут быть полезными для тебя, если будут друзьями твоими. *Сей* есть *род ищущих Господа* (Пс. 23, 6) [3, 14].

24. Удаляясь от мира, мы должны избирать для жительства места, лишенные случаев к утешению и тщеславию, — и смиренные; если же не так, то мы действуем по страсти [3, 17].

25. Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю, так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился от всякого сродства с миром [3, 22].

26. Добрый и благоустроенный нрав приобретается многим трудом и подвигом; но можно в одно мгновение потерять то, что было приобретено долгими усилиями; *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33) [3, 23].

2

О покаянии

1. Покаяние есть возобновление крещения. Покаяние есть очищение совести. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни. Покаяние есть примирение с Господом через совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть помысл самоосуждения и попечение о себе, свободное от внешних попечений. Покаяние есть дщерь надежды и отвержение отчаяния [5, 1].

2. Нам, впадшим в ров беззакония, невозможно быть извлеченными из оного, если не погрузимся в бездну смирения [5, 28].

3. Иное есть сокрушенное смирение кающихся, а другое — угрызение совести еще падающих в свой грех, и иное — блаженное богатство смирения, посещающее совершенных через

воздействие Божие. Признак второго (рода смирения) — совершенное терпение бесчестия. Прежняя привычка тиранит часто и плачущих (о ней). И не дивись сему. От чего и как бывают падения, — темно и совершенно непостижимо для души, какие из них случаются по причине нерадения, какие по причине домостроительного оставления, какие по причине отвращения Божия. Некто, впрочем, поведал мне, что в падениях, случающихся с нами по домостроительству, сподобляемся мы скорого от них возвращения; потому что Предающий нас им не дозволяет долго держать нас демону печали [5, 29].

4. Когда язва еще нова и горяча, тогда она легко врачуется; но застарелые, оставленные в небрежении и запущенные язвы нелегко врачуются, и для уврачевания своего требуют многого труда, резания, присыпания и прижигания. Многие раны от времени делаются неисцельными; но *у Бога же вся возможна суть* (Мф. 19, 26) [5, 30].

5. Прежде падения в грех бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения неприступно строгим [5, 31].

6. Не внимай врагу, нашептывающему тебе по падении о малости прегрешения, говоря: «Лишь бы того и того тебе не сделать, а это — ничего». Часто и малые дары утоляли великий гнев Судии (и наоборот) [5, 32].

7. Кто истинно ищет удостоверения в отпущении грехов своих, тот почитает потерянным всякий день, в который не плачет, хотя бы сделал в оный сколько-нибудь добра [5, 33].

8. Никто из долженствующих плакать о грехах да не ослабляет ревности о сем, обольщая себя таким чаянием: в исходе моем (в час смерти) получу извещение о прощении. Неизвестное не твердо верно. *Ослаби ми* извещением, *да почию, прежде даже не отъиду* отсюда без сего извещения (Пс. 38, 14). *Где же Дух Господень,* там узы разрешены (см. 2 Кор. 3, 17); где смирение неоцененное, там узы разрешены. А в ком нет этих двух, те пусть не обольщают себя: они связаны [5, 34].

9. Живущие в мире, и они одни чужды этих извещений. Но некоторые из них, текущие путем милостыни, в час исхода познают, сколько это благоплодно для них [5, 35].

10. Кто плачет о себе, тот не станет узнавать о плаче или падении, или укоризне другого. Пес, уязвленный зверем, еще более на него разъяряется, неудержимо неистовствуя против него по причине боли от язвы [5, 36].

11. Вникнем, не оттого ли совесть перестала нас обличать, что как бы подавлена злом, а не оттого, что стала чиста. Признак разрешения в падении — всегдашнее признание себя должником [5, 37].

12. Будем внимать все мы, особенно же падшие, да не внидет в сердце наше пагубное учение безбожного Оригена. Оно, скверное, выставляло преимущественно Божие человеколюбие, очень по сердцу сластолюбцам [5, 41].

13. В самом начале подвига исповедуем согрешения наши доброму судье нашему (духовному отцу) наедине; если же повелит, то и при всех. Ибо язвы, будучи объявляемы, не развережаются тем, а врачуются [4, 10].

14. Во время исповеди будь как наружным видом, так и внутренним чувством и мыслью, как осужденный преступник, поникши лицом в землю; и если можно, то омочай слезами ноги своего отца духовного, как ноги Самого Христа [4, 62].

15. Бесы обыкновенно внушают нам или совсем не исповедывать согрешений отцу своему, или исповедывать, но складывая вину греха своего на других [4, 63].

16. Не прельщайся духом возношения, и возвещай отцу своему согрешения свои, не укрываясь; потому что без самопосрамления невозможно избавиться от вечного стыда. Обнажай струп свой врачу, и не стыдись сказать ему: «Отче, моя это язва, моя рана; она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лености; никто не виновен в ней, ни человек, ни дух, ни тело, ни другое что-либо, но только мое нерадение» [4, 61].

17. Иоанн Предтеча от приходивших к нему прежде крещения требовал исповеди, не сам нуждаясь в ней, но ища спасения приходивших [4, 66].

18. Ничто так не противно кающимся, как смущение от раздражительности, потому что покаяние требует великого смирения, а раздражительность есть знак великого возношения [8, 12].

19. Луч солнечный, проникнувший через скважину в дом, просвещает в нем все так, что видна бывает и тончайшая пыль, носящаяся в воздухе: подобно сему, когда страх Господень приходит в сердце, то показывает ему все грехи [26/2, 37][1].

20. Как вода смывает буквы, так и слеза может очищать согрешение [26/2, 43].

21. Как, за неимением воды, изглаждают буквы и другими способами, так и души, лишенные слез, очищают и заглаждают грехи свои печалью, воздыханием и многим сетованием [26/2, 44].

22. Как свежая рана скоро излечивается, так, напротив, многовременные душевные язвы неудобно врачуются, хотя и могут исцелиться [26/2, 47].

23. Как похоронившему отца своего стыдно тотчас по возвращении с похорон идти на брак, так и плачущим о грехах своих неприлично искать в настоящем веке покоя или чести и славы от людей [26/2, 59].

24. Как жилища граждан отличны от жилищ осужденных преступников, так и образ жизни плачущих о грехах своих должен быть совершенно отличен от образа жизни неповинных [26/2, 60].

25. Чувство души есть естественное ее свойство; но грех оглушает сие чувство. Сознание производит или прекращение зла, или уменьшение оного. Сознание же есть порождение совести, а совесть есть слово и обличение Ангела Хранителя, данного нам при крещении. Поэтому-то мы и примечаем, что непросвещенные крещением не столько бывают мучимы в душе за свои злые дела, сколько верные, но как-то неясно [26/2, 62].

26. Желающий избавиться от бремени грехов своих да подражает тем, которые сидят над гробами вне града, и да не перестает изливать теплые и горячие слезы, и да не прерывает безгласных рыданий сердца до тех пор, пока и он не увидит Иисуса пришедшим и отвалившим от сердца камень ожесто-

---

[1] Цифрою 26/2 означается статья в 26 слове, под заглавием: возглавление предыдущих слов, в котором пункты имеют особую от предыдущих нумерацию.

чения, и ум наш, как Лазаря, разрешившим от уз греховных, и повелевшим слугам своим — Ангелам: *разрешите его* от страстей *и оставите ити* (Ин. 11, 44) к блаженному бесстрастию [1, 6].

3

О добродетелях и страстях и о борьбе с последними вообще

1. Рассуждение есть верное постижение воли Божией во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи; оно бывает только в чистых сердцем [26, 2].

2. Кто низложил первые три из главных страстей (тщеславие, сребролюбие, чревоугодие), тот низложил вместе и пять последних (блуд, гнев, печаль, уныние, гордость); но кто нерадит о низложении первых, тот ни одной не победит [26, 3].

3. Все брани бесовские происходят от трех главных причин: или от нерадения нашего, или от гордости, или от зависти диавола [26, 6].

4. Правилом во всех случаях да поставляем по Богу совесть нашу (просвещенную верою и заповедями Господними) и, узнавши, откуда веют ветры, по ее указанию да распростираем и ветрила [26, 7].

5. Во всех деяниях, коими стараемся мы угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы: во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу; во-вторых, когда они в этом первом покушении бывают побеждены, то стараются, чтобы сделанное было не по Богу; когда же и в этом умышлении не получают успеха, тогда уже, тихо подкравшись к душе нашей, ублажают нас, как живущих богоугодно. Первому искушению сопротивляется ревность (о спасении) и попечение о смерти; второму — повиновение и уничижение; а третьему — всегдашнее укорение себя самого. *Сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие* (Пс. 72, 16-17). Тогда уже не будет в нас насилия злых навыков; *ибо Бог наш огнь, поядаяй* (Евр. 12, 29)

всякое разжжение и движение похоти, всякий злой навык, ожесточение и омрачение; внутреннее и внешнее, видимое и мысленное [26, 8].

6. Когда бесы одолеют душу и свет ума помрачат, тогда не будет более в нас, окаянных, ни трезвенного внимания, ни рассуждения, ни ведения, ни стыда, но место их заступят: жестокосердие, нечувствие, нерассуждение и слепота [26, 9].

7. ***Окрадение*** души есть, когда мы почитаем за добро, в чем нет добра, — оно есть неприметное лишение богатства, — есть неведомое пленение души. ***Убиение*** души есть умерщвление словесного ума впадением в непотребные дела (страха Божия, совести и чувства духовного подавление смертными грехами). ***Погибель*** души есть впадение в отчаяние после совершения беззакония [26, 11].

8. Да дерзают раболепствовавшие страстям и покаявшиеся! Ибо если они и во все ямы впадали и во всех сетях увязали, и всяким недугом недуговали; но по выздоровлении будут для всех светилами и врачами, светильниками и наставниками, объявляя свойства и виды каждого недуга, и своею опытностью спасая близких к падению [26, 13].

9. Превосходнейший алфавит ***для всех*** (начинающих) есть следующий: послушание, пост, вретище, пепел, слезы, исповедание, молчание, смирение, бдение, мужество, мраз, труд, сострадание, уничижение, сокрушение, непамятозлобие, братолюбие, кротость, простая и нелюбопытная вера, беспопечение о мире, непорочная ненависть к родителям, беспристрастие, простота с незлобием, произвольная худость [26, 16].

10. Состояние и признаки ***преуспевающих*** суть: нетщеславие, безгневие, благая надежда, безмолвие, рассуждение, твердая память Суда, милосердие, страннолюбие, умеренное поучение, непрестанная молитва, несребролюбие [26, 17].

11. Предел же, состояние и закон душ ***совершенных по благочестию*** таковы: непленяемое сердце, совершенная любовь, источник смиренномудрия, исшествие ума, Христово вселение, неокрадение света и молитвы, изобилие осияния Божия, желание смерти, ненависть жизни, отвращение от тела, молитвен-

ник о мире, как бы насильно преклоняющий Бога на милость, сослужебник Ангелам, бездна разума, дом таинств, хранилище неизреченных откровений, спасатель человеков, бог над бесами, господин страстей, владыка тела, повелитель естества, чуждый греха, дом бесстрастия, подражатель Владыки помощью Владыки [26, 18].

12. Мы должны непрестанно заботиться о духовном чувстве и искать его; ибо когда оно явится, тогда внешние чувства перестанут обольстительно действовать на душу; и зная это, некто из премудрых сказал: *и познание Божие обрящеши* (Притч. 2, 5) [26, 22].

13. Жизнь монашеская в отношении дел, слов, помышлений и движений должна быть проводима в чувстве сердца. Если же не так, то она не будет монашеская, не говорю уже ангельская [26, 23].

14. Некоторые, так сказать, по природе склонны к воздержности или к безмолвничеству, или к чистоте, или к скромности, или к кротости, или к умилению; но другие имеют природу почти совершенно противную вышесказанным добрым качествам, но насильно принуждают себя к оным, и хотя иногда и побеждаются, однако их, как понудителей естества, я похваляю больше первых [26, 28].

15. Свет монахов суть Ангелы, монахи же свет для всех человеков; и потому да подвизаются они быть благим примером во всем, никому *ни в чемже дающе претыкание* (2 Кор. 6, 3), ни делом, ни словом [26, 31].

16. С помощью Святой Троицы вооружимся и против трех главных страстей тремя добродетелями. Если не так, то мы сами на себя навлечем множество трудов [26, 33].

17. Если Бог воскреснет в нас деянием, то *расточатся врази Его;* и если мы видением приблизимся к Нему: то *побежат ненавидящии Его* и нас *от лица Его* и нашего [26, 35].

18. Потом наипаче, а не нагим словом, потщимся научаться познанию Божественных истин; ибо не слова, а дела должны мы показать во время исхода [26, 36].

19. Услышавшие, что сокровище сокрыто на известном месте, ищут его, и с трудом найдя, тщательно сохраняют обретенное; без труда же разбогатевшие бывают расточительны [26, 37].

20. Какие грехи происходят от восьми главных страстных помыслов и какой из трех главных родитель есть каждому из пяти прочих? Матерь блуда есть объядение; матерь уныния — тщеславие; печаль и гнев рождаются от всех трех главных страстей; а гордости матерь есть тщеславие. Какие же грехи происходят от восьми главных, на это скажу, что в неистовых страстях нет толку и порядка, но всякое бесчиние и нестроение [26, 39, 40].

21. Безвременный смех, например, иногда рождается от беса блуда, иногда от тщеславия, когда человек сам себя внутри бесстыдно хвалит; иногда же смех рождается и от пресыщения [26, 41].

22. Многоспание происходит иногда от насыщения, иногда от поста, когда постящиеся возносятся; иногда от уныния, а иногда просто от естества [26, 42].

23. Многословие происходит иногда от насыщения, а иногда от тщеславия [26, 43].

24. Хула есть собственно порождение гордыни; но нередко она рождается от осуждения ближнего в том же самом или от неприязненной зависти бесов [26, 45].

25. Ожестение сердца бывает иногда от пресыщения, иногда от бесчувствия, иногда же от пристрастия к чему-либо. А пристрастие, опять, бывает иногда от блуда, иногда от сребролюбия, иногда от чревоугодия, иногда от тщеславия, — и от многих других причин [26, 46].

26. Лукавство происходит и от превозношения, и от гнева [26, 47].

27. Лицемерие — от самодовольства и от своечиния [26, 48].

28. Противоположные же сим добродетели рождаются от противоположных родителей. Но как мне не достало бы времени рассуждать о каждой из них порознь, то вообще кратко скажу, что умерщвление всем означенным страстям есть смиренномудрие, — и кто приобрел эту добродетель, тот победил все страсти [26, 49].

29. Страх, который чувствуют к начальникам, да будет для нас примером страха Божия; а любовь к телесной красоте да будет для нас образом любви к Богу: ибо ничто не препятствует нам брать образцы для добродетелей и от противных им действий [26, 51].

30. Не в трудах одних является Бог, но при них в простоте и смирении. Хотя *сила Божия в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9), но несмиренномудрого делателя отринет Господь [26, 52].

31. Болезнь посылается иногда для очищения согрешений; а иногда для того, чтобы смирить возношение [26, 54].

32. Благий наш и всеблагий Владыка и Господь, видя, что кто-нибудь весьма ленив к подвигам, смиряет плоть его недугом, как менее трудным подвигом; и иногда этим очищает душу от лукавых помыслов и страстей [26, 55].

33. Все случающееся с нами, видимое или невидимое, бывает принимаемо трояко: или с добрым, или со страстным, или с неким средним расположением. Я видел трех братьев, потерпевших ущерб: один из них негодовал, другой пребыл без печали, а третий принял это с великою радостью [26, 56].

34. Видел я земледельцев, которые бросали в землю одинаковые семена, но при сем каждый из них имел свое особое намерение: один — чтобы долги уплатить, другой — чтобы обогатиться, третий — чтобы почтить дарами Владыку своего; но иные имели при этом в виду — заслужить за свое доброделание похвалу от проходящих путем жизни сей или досадить завистливому врагу своему, или избежать укоризны от людей за праздность. — Вот наименование семян этих земледелателей: пост, бдение, милостыня, разные служения и тому подобное. Намерения же свои братия сами пусть тщательно испытывают о Господе [26, 57].

35. Как, черпая воду из источников, иногда незаметно почерпаем и жабу вместе с водою, так, и проходя добродетели, мы часто исполняем тайно сплетенные с ними страсти. Так со страннолюбием сплетается чревоугодие; с любовью — блуд, с рассудительностью — излишняя строгость (ригоризм); с благоразумием — лукавство; с кротостью — подозрительность,

медлительность, леность, прекословие, своечиние и непослушание; с молчанием — гнет учительства; с радостью — самомнение; с надеждою — леность; с любовью опять — осуждение; с безмолвием — уныние и леность; с чистотою — горечь; со смиренномудрием — дерзновение (без меры); за всеми же ими, как общее врачевство, лучше же сказать — отрава, следует тщеславие [26, 58].

36. Не будем скорбеть, когда, прося чего-либо у Господа, долгое время не бываем услышаны. Господь Сам в Себе хотел бы, чтобы все люди в одно мгновение сделались бесстрастными (но встречает большие препятствия от нашего произволения) [26, 59].

37. Все просящие чего-нибудь у Бога и не получающие, без сомнения, не получают того по какой-нибудь из следующих причин: или потому, что просят прежде времени; или потому, что просят выше меры своей и по тщеславию; или потому, что, получив просимое, они возгордились бы или впали в нерадение [26, 60].

38. Бывает, что в иных, не только верных, но и неверных, отходят все страсти, оставив только ту одну, которая, как зло первенствующее, одна заменяет все прочие, и которая столь вредоносна, что может свергнуть с самого неба (это гордость) [26, 62].

39. Вещество (страстей) потребляется, будучи снедаемо и искореняемо из души Божественным огнем [26, 63][1].

40. Иногда бесы отступают и сами собою, чтобы ввести нас в беспечность. Но потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее и до такой степени приучают ее к порокам, что она после того уже сама себе наветует и против себя воюет [26, 64].

41. Известно мне и иное отступление оных зверей, — бывающее тогда, когда душа совершенно утвердится в греховных навыках. Пример этого видим в младенцах, которые от долгой

---

[1] В Оптинском переводе прибавка есть: «И по мере того, как вещество искореняется и душа очищается, отходят и страсти, если человек сам не привлечет их опять веществолюбивым житием и леностью».

привычки сосут пальцы, когда матери не дают им более сосать грудей [26, 65].

42. Знаю еще и пятое бесстрастие, которое бывает в душе от многой простоты и похвального незлобия. Таковым посылается *помощь... от Бога, спасающаго правыя сердцем* (Пс. 7, 11), — и неприметно для них самих избавляющего их от страстей. Подобно как младенцы, когда с них снимут одежду, вовсе не примечают наготы своей [26, 66].

43. Греха и страсти, естественно, нет в природе человека. Бог — не творец страстей. Добродетели же многие даровал Он нашей природе, из числа которых суть и следующие: милостыня, — ибо и язычники сострадательны; любовь, — ибо часто и бессловесные животные проливают слезы при потере друг друга; вера, — ибо все мы от себя ее порождаем; надежда, — ибо мы и когда взаймы даем или берем, и когда сеем, и когда плаваем, делаем это, надеясь обогатиться. Итак, если, как доказано, любовь и добродетель естественно присущи нашей природе, любовь же есть исполнение закона, то явно, что добродетели не чужды нашему естеству. И да постыдятся те, которые извиняют неделание добродетелей своим бессилием [26, 67].

44. Но что касается до чистоты, безгневия, смиренномудрия, молитвы, бдения, поста и всегдашнего умиления, то сии добродетели выше естества. Некоторым из них научили нас люди своим примером; образцами других были для нас Ангелы; а иных учитель и дарователь есть Сам Бог Слово [26, 68].

45. Бывает, что когда стоим на молитве, встречается дело благотворения, не допускающее промедления. В таком случае надо предпочесть дело любви. Ибо любовь больше молитвы, так как молитва есть добродетель частная, а любовь объемлет все добродетели [26, 69].

46. Нередко Бог, по распоряжению Своего Промысла, оставляет в духовных людях некоторые легчайшие страсти для того чтобы они, взирая на сии легкие и почти безгрешные немощи, много себя укоряли и тем приобретали некрадомое богатство смиренномудрия [26, 71].

47. Кто вначале не жил в повиновении, тому невозможно приобрести смирения, ибо всякий, сам собою научившийся художеству, много о себе мечтает [26, 72].

48. Двумя преимущественно добродетелями отцы ограничивают деятельную жизнь, — постом и послушанием. И справедливо; ибо первый есть истребитель сластолюбия, а второе ограждает сие истребление смиренномудрием. И плач двоякое имеет действие, так как с одной стороны истребляет грех, а с другой рождает смиренномудрие [26, 73].

49. Давать всякому просящему свойственно благочестивым, давать и непросящим есть дело благочестивейших; а не требовать взятого от взявшего взаймы, особенно когда он имеет возможность отдать, принадлежит только одним бесстрастным [26, 74].

50. В отношении ко всем страстям и добродетелям будем непрестанно испытывать, где мы находимся, — в начале, в средине или в конце [26, 75].

51. Все бесовские брани против нас происходят от трех следующих причин: самоугодия, гордости и зависти бесов [26, 76].

52. Иное дело — молиться против помыслов; иное — противоречить им; и иное — ни во что их вменять и быть выше их (или властвовать над ними). О первом образе свидетельствует сказавший: *Боже, в помощь мою вонми* (Пс. 69, 2), и другое подобное. О втором же образе — сказавший: *и отвещаю поношающим ми слово* (Пс. 118, 42), то есть слово противоречия [16]; и еще: *положил еси нас в пререкание соседом нашим* (Пс. 79, 7). О третьем же свидетельствует воспевший в псалмах: *онемех и не отверзох уст моих* (Пс. 38, 10); и: *положих устом моим хранило, внегда востати грешному предо мною* (Пс. 38, 2), и еще: *гордии законопреступоваху до зела, от закона же Твоего не уклонихся* (Пс. 118, 51). Средний из них часто прибегает к первому способу по причине своей неготовности; но первый еще не может вторым образом отвергать врагов своих; а третий вконец посмеивается врагам [26, 79].

53. Как имеющие здравое чувство обоняния могут ощущать ароматы, хотя кто и тайно их при себе имеет, так и душа чистая

познает в других и благоухание, которое сама получила от Бога, — и злосмрадие, от которого совершенно избавлена, хотя другие этого и не примечают [26, 81].

54. Хотя не все могут быть бесстрастны, однако спастись могут все [26, 82].

55. Не давай возобладать над тобою иноплеменникам оным, которые побуждают тебя испытывать неизреченные судьбы Промысла и смотрения Божия в отношении к людям, — и тайно внушают, будто Господь лицеприятен. Это суть исчадия самомнения, — и признаются таковыми [26, 83].

56. Некоторые сказали, что одни бесы сопротивляются другим; а я удостоверился, что все они ищут нашей погибели [26, 85].

57. Всякому духовному деланию, видимому или умственному, предшествует собственное произволение и искреннейшее желание, которые, при содействии Божием, приводятся в дело. Ибо если первые (произволение и желание) не предварят, то не последует и второе (содействие Божие) [26, 86].

58. *Время всяцей вещи под небесем,* говорит Екклезиаст (Еккл. 3, 1). Итак, да не обольщает нас горделивое усердие, побуждая прежде времени искать того, что придет в свое время. Не будем искать во время сеяния того, что принадлежит жатве; ибо есть время сеять труды, и есть время пожинать неизреченные дарования благодати. В противном случае мы и в свое время не получим того, что оному времени прилично и свойственно [26, 87].

59. Некоторые, по непостижимым распоряжениям Промысла Божия, получили благодатные дарования прежде трудов, другие — в самых трудах, иные — после трудов, а некоторые — уже при смерти. Достойно испытания, кто из них смиреннее прочих [26, 88].

60. Есть отчаяние от множества грехов и тяготы совести; и есть отчаяние от гордости и возношения, когда впадшие в грех думают, что они не были достойны (оставления до) падения. — От первого исцеляет воздержание (от грехов) и надежда благая; а от последнего — смирение и никого не осуждение [26, 89].

61. Во всех твоих начинаниях и делах, и наружных и внутренних, испытывай, истинно ли в угодность Богу предприемлются

они и совершаются. Признаком того, что делание наше благоугодно Богу, в новоначальных служит преуспевание в смирении, в средних — прекращение внутренних браней, а в совершенных — умножение и изобилие Божественного света [26, 91].

62. Когда воздух очистится от облаков, тогда солнце показывается во всем своем сиянии; так и душа, которая сподобилась прощения грехов и освободилась от страстных навыков (и помыслов), без сомнения видит свет Божественный [26, 93].

63. Некоторые ублажают больше всего чудотворения и другие видимые духовные дарования, не зная того, что есть много превосходнейших дарований, которые сокровенны и потому безопасны от падения [26, 95].

64. Совершенно очистившийся от страстей видит душу ближнего, — не самое существо ее, но ее устроение, чувства и расположения; преуспевающий же еще судит о душе по телесным ее действиям [26, 96].

65. Немощные душою должны познавать посещение Господне и Его милость к ним из телесных болезней, бед и внешних искушений; совершенные же познают посещение Божие по присутствию в них Духа Святого и по умножению дарований [26, 102].

66. Есть между злыми духами бес-предваритель, который тотчас по пробуждении является искушать нас и оскверняет первые наши мысли. Посвящай начатки дня твоего Господу; ибо кому прежде отдашь их, того они и будут. Один искуснейший делатель сказал мне следующее достойное внимания слово: «По началу утра узнаю я все течение дня моего» [26, 104].

67. В случающихся с нами искушениях бесы борют нас — сказать или сделать что-либо неразумное; и когда не смогут одолеть нас, то, тихо подступивши, тайно влагают гордое благодарение Богу [26, 106].

68. Мудрствовавшие горняя по смерти восходят на небеса, а прилепляющиеся к земному нисходят в страну преисподнюю; ибо для душ, разлучающихся с телами, нет третьего, среднего места [26, 107].

69. Как олень, палимый жаждою, желает вод, так иноки да желают постигать благую волю Божию; и не только волю эту, но и то, когда примешивается к ней наша воля собственная, и когда действует даже противная (сила). И то еще должно быть предметом их рассмотрения, какие дела должны быть исполняемы неотложно и без всякого промедления, и какие — без торопливости и с осмотрительностью [26, 109].

70. Все, хотящие познать волю Господню, должны прежде умертвить в себе собственную волю; и помолившись Богу с верою и нелукавою простотою, вопрошать отцов и братий в смирении сердца и без всякого сомнения в помысле; и принимать советы их, как из уст Божиих, хотя бы они и противны были собственному их разуму. Много смиренномудрия исполнены те, которые руководствуются сим правилом без сомнения. И Бог не попускает им прельщенными быть [26, 110].

71. Некоторые узнавали волю Божию так: отрешали помысл свой от всякого склонения к тому или другому волению души, то есть и к побуждающему на дело, и к противоречащему тому; и обнажив ум свой от собственной воли, представляли его с горячим молением Господу, в продолжение положенного числа дней; и таким образом достигали познания воли Его, — или тем, что мысленный Ум мысленно изрекал ее уму их, или тем, что одно из оных помышлений совершенно исчезало из души [26, 112].

72. Другие по скорби и затруднениям, какие встречало их начинание, заключали, что оно согласно с Божественною волею. Иные, напротив, по неожиданной помощи, какую получали в своем деле, ощущали, что оно благоугодно Богу, говоря в себе: Бог содействует только избирающему благое [26, 113-114].

73. Кто просвещением свыше стяжал в себе Бога, тот скоро извещается о святой воле Божией как в делах, скорости требующих, так и в делах, дозволяющих промедление, вторым способом [26, 115].

74. Праведен Бог, и двери милосердия Своего не заключит для тех, которые стучатся в них со смирением [26, 117].

75. Во всех случаях должны мы испытывать намерение наше: ибо Господь на оное взирает во всех делах наших. Все, что

чуждо пристрастия и всякой нечистоты, и делается единственно для Бога, а не ради иного чего-нибудь, вменится нам в благое, хотя бы оно и не совсем было благо [26, 118].

76. Есть мужественные души, которые от сильной любви к Богу и смирения сердца покушаются на деяния, превосходящие меру их; но есть и гордые сердца, которые отваживаются на такие же начинания (по внушению врагов наших). Ибо враги наши часто нарочно подущают нас на дела, превышающие меру нашу, для того, чтобы мы, не получив успеха в них, впали в уныние и оставили даже и те дела, которые соразмерны нашим силам, — и таким образом сделались бы посмешищем наших врагов [26, 121].

77. Видел я немощных душою и телом, которые, за множество согрешений своих, покусились на подвиг выше их меры, но не могли понести их. Я сказал им, что Бог судит о покаянии не по мере трудов, а по мере смирения (сопровождаемого плачем, сокрушением и отвращением от греха) [26, 122].

78. Иногда воспитание бывает причиною крайних зол, а иногда — худое сообщество; но часто и собственное развращение души достаточно ей к погибели. Кто избавился от первых двух зол, тот избавится, может быть, и от третьего; а в ком господствует третье, тот непотребен на всяком месте. Нет места безопаснее, как небо, однако же и там некоторые погибли от своей развращенной воли [26, 123].

79. Между нечистыми духами есть такие, которые лукавее других. Они не довольствуются тем, чтобы одних нас ввести в грех, но советуют нам и других иметь сообщниками зла, чтобы навлечь на нас лютейшие муки. Видел я одного человека, который передал другому свою греховную привычку; потом же, пришедши в чувство, начал каяться и отстал от греха; но так как наученный им не переставал грешить, то покаяние его действительно не было [26, 126].

80. Слушание повествований о подвигах и добродетелях духовных отцов ум и душу возбуждает к ревности; а слушание поучений их есть светильник во тьме, возвращение заблудших на правый путь, просвещение слепотствующих [26, 135].

81. Кто желает представить Господу тело целомудренным и сердце чистым, тот должен сохранять безгневие и воздержание, потому что без этих двух добродетелей весь труд наш будет бесполезен [26, 140].

82. Между добродетелями есть дщери, и есть матери добродетелей. Разумный подвизается наиболее о приобретении матерей. Сам Бог собственным действием научает матерям, а для научения дщерям наставников много [26, 142].

83. Будем внимать, чтобы скудость наслаждения (пищею) не пополнять излишеством сна, и наоборот; ибо так поступать неразумно [26, 143].

84. Между нечистыми духами есть и такие, которые в начале нашей духовной жизни толкуют нам Божественные Писания. Они обыкновенно делают сие в сердцах тщеславных, и еще более в обученных внешним наукам, чтобы, обольщая их мало-помалу, ввергнуть их наконец в ереси и хулы. Мы можем узнавать это бесовское богословие, или, лучше сказать, богоборство, по смущению, по нестройной и бесчинной радости, которая бывает в душе во время этих толкований [26, 151].

85. Мы никогда не перестанем преуспевать в добродетели и любви, ни в этом веке, ни в будущем, светом (просвещением свыше) приемля всегда новый свет разума. И Ангелы, эти умные существа, не пребывают без преуспеяния, но всегда приемлют славу к славе и разум к разуму [26, 152].

86. Не будь строгим судиею тех, которые словами учат о великих добродетелях, тогда как к благому деланию ленивы; ибо недостаток дела часто восполняется пользою оного учения. Мы не все стяжали всё в равной мере: некоторые имеют превосходство более в слове, чем в деле, а в других, напротив, дело сильнее слова [26, 154].

87. Бог не есть творец зла; потому заблуждаются те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе, не разумея того, что мы сами свои природные свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, имеем мы семя для чадородия, а мы употребляем оное в беззаконное сладострастие;

по естеству есть в нас и гнев, но на древнего оного змия, а мы употребляем оный против ближнего; нам дана ревность для того, чтобы мы ревновали о добродетелях, а мы ревнуем о пороках... и подобное [26, 155].

88. Неленостная душа воздвигает бесов на брань против себя; с умножением же браней умножаются и венцы. Не уязвляемый супостатами не получит никакого венца; а кто от случающихся нападений не унывает духом, того восхвалят Ангелы, как храброго воина [26, 156].

89. Непрестанно испытывай проявления в тебе страстных движений; и увидишь, что в тебе находятся многие страсти, которых, будучи в недугах душевных, мы и распознать не можем или по немощи нашей, или по причине глубоко укоренившегося греховного навыка [26, 162].

90. Бесы часто отвлекают нас от легчайшего и полезного и побуждают предпринять труднейшее [26, 164].

91. Общежитие, устроенное по Богу, есть белильня духовная, стирающая всякую скверну и грубость, и все безобразие души. Отшельничество же может назваться красильнею для тех, которые сперва очистились от вожделения, памятозлобия и раздражительности, и потом уже удалились на безмолвие [26, 170].

92. Бес блуда и бес гнева, бес чревонеистовства, бес уныния и сонливости не имеют свойства возгордевать ум наш (а, напротив, смиряют его), бесы же сребролюбия, любоначалия, многословия и многие другие ко злу греха присовокупляют обыкновенно и зло возношения; и бес осуждения подобен им в этом [26, 173].

93. Если инок, посетив мирских людей или приняв их у себя, через час или через день по разлучении с ними уязвится стрелою печали вместо того, чтобы радоваться о своем избавлении от препятствующей течению его сети, то он служит игралищем страсти тщеславия или блуда [26, 174].

94. Со многим рассуждением должны мы рассматривать, когда и в каких случаях должно нам стоять против предметов

страстей и бороться с ними, и когда отступать; ибо иногда можно, по немощи, предпочесть и бегство, чтобы не умереть душевно [26, 181].

95. Как ветры в тихую погоду колеблют только поверхность моря, а в другое время приводят в движение самую глубину, так должно заключать и о ветрах тьмы; ибо в страстных людях колеблют они самое чувство сердца, а в преуспевших — уже только поверхность ума; потому сии последние скорее восстановляют в себе обычную тишину свою, остававшуюся неприкосновенною [26, 185].

96. Воздержание есть матерь здравия; а матерь воздержания есть помышление о смерти и твердая память о желчи, смешанной с уксусом, которой вкусил Господь наш, Владыка и Бог [26/2, 5].

97. Безмолвие есть причина и споспешник целомудрия; пост погашает разжжение плоти; сокрушение же сердца есть враг лукавых и студных помыслов [26/2, 6].

98. Как змея не может совлечь с себя старой кожи, если не пролезет через тесную скважину, так и мы не можем отвергнуть прежние злые навыки и ветхость души, и ризу ветхого человека, если не пройдем узкого и тесного пути поста и бесчестия [26/2, 15].

99. Как яйца, согреваемые под крыльями, оживотворяются, так и помыслы, скрываемые от духовного отца, превращаются в дела [26/2, 21].

100. Как добрые кони, когда вместе бегут, горячатся один пред другим, так и в общем житии добрых братий один другого побуждает к благой ревности [26/2, 22].

101. Как облака закрывают солнце, так и лукавые помышления помрачают и погубляют ум [26/2, 23].

102. Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествование о великих добродетелях святых отцов, невольно еще более смиряется в своем образе мыслей [26/2, 25].

103. Как носящего ароматы и против воли его обнаруживает благовонный запах, так и имеющий в себе Духа Господня познается по словам своим и по смирению [26/2, 29].

104. Как воры не пойдут опрометчиво в такое место, где видят лежащим царское оружие, так и мысленные тати неохотно приступают обкрадывать того, кто с сердцем совокупил молитву и утвердил ее в нем [26/2, 32].

105. Как корабль, имеющий хорошего кормчего, при помощи Божией безбедно входит в пристань, так и душа, имея доброго пастыря, удобно восходит на небо, хотя и много грехов некогда сделала [26/2, 50].

106. Как не имеющий путеводителя удобно заблуждается на своем пути, хотя бы и весьма был умен, так и идущий самовластно путем иночества легко погибает, хотя бы и всю мудрость мира этого знал [26/2, 51].

107. Кто слаб телом и наделал много тяжких беззаконий, тот да шествует путем смирения и родственных с ним добродетелей; ибо иного спасения не найти ему [26/2, 52].

108. Умаление злоделания рождает отступление от него; отступление же от него есть начало покаяния. Начало покаяния есть начало спасения, начало же содевания спасения есть благая решимость (угождать Богу). Эта благая решимость рождает труды, начало же трудов — добродетели. Начало добродетелей — цвет, цвет же добродетели — делание. Порождение добродетели — непрерывность (помышления и ревнования о ней), плод же и порождение непрерывного помышления (и ревнования) — навыкновение. Порождение навыкновения — окачествование души добром, окачествование же души есть матерь страха. Страх рождает соблюдение заповедей, небесных и земных, соблюдение же заповедей есть знак любви. Начало любви — богатство смирения, богатство смирения — полнота любви, — и затем совершенное вселение Бога в соделавшихся чистыми сердцем через бесстрастие; ибо таковые *узрят Бога* (см. Мф. 5, 8) [26/2, 63].

4

О борьбе с восемью главными страстями

1) Борьба с чревоугодием

1. Чудно было бы, если бы кто-нибудь прежде сошествия своего во гроб освободился от нападений со стороны чрева [14, 1].

2. При страсти многоядения чрево, и будучи насыщено, вопиет: алчу! и будучи наполнено и расседаясь от излишества, взывает: я голодно. Страсть сия, имея яства пред глазами, подстрекает все пожрать за один раз [14, 2, 4].

3. Кто ласкает льва, тот часто укрощает его: а кто угождает телу, тот усиливает его свирепость [14, 6].

4. Раб чрева изыскивает, какими снедями почтить праздник; а раб Божий помышляет, какими бы дарованиями ему обогатиться [14, 7].

5. Когда пришел гость, чревоугодник подвигается на любовь, подстрекаемый чревонеистовством; и думает, что случай сделать пришедшему утешение есть и для него разрешение на все. Посещение другого принимает за предлог, разрешающий пить вино; и под видом скрытия добродетели делается рабом страсти [14, 8].

6. Часто тщеславие враждует против объядения; и сии две страсти воюют между собою за бедного монаха, как за купленного раба. Объядение понуждает разрешать, а тщеславие внушает показать свою добродетель; но разумный человек избегает той и другой пучины; и умеет пользоваться удобным временем для отражения одной страсти другою [14, 9].

7. Если плоть буйствует еще, то должно укрощать ее воздержанием во всякое время и во всяком месте. Когда же она утихла (чего, впрочем, не надеюсь дождаться прежде смерти), тогда может скрывать пред другими свое воздержание [14, 10].

8. Если духовный отец тебе — юному — разрешит пить вино на пиршествах, то смотри, каков он сам; если он богобоязнен, то можешь немного разрешить, а если он не совсем радив, то лучше тебе, не обращая внимания на его благословение,

хранить воздержание, особенно когда еще борешься с огнем плотской похоти [14, 11].

9. В укрощении чрева употребим благоразумную постепенность: отсечем прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после и услаждающую. Давай чреву своему пищу мерную и удобоваримую, чтобы умеренным насыщением отделаться от его алчности, а через скорое переваривание пищи избавиться от разжжения, как от бича [14, 12].

10. Для не падавших особенное воздержание потребно только при движении похоти, а для падавших оно необходимо даже до смерти; до самой кончины пусть они не дают утешения телу своему и борются с ним без примирения. Первым предлежит только охранять всегда чинное благоустроение ума; а последним надлежит еще умилостивлять Бога душевным сетованием и истаиванием (от глада и жажды) [14, 14].

11. Будем укрощать чрево помышлением о будущем огне. Повинуясь чреву, некоторые (по причине разжжения от того похоти) отрезали наконец свои члены, — и умерли двоякою смертью. Присмотрись и увидишь, что объядение есть единственная причина потоплений (в море похоти), с нами случающихся [14, 18].

12. Ум постящегося молится трезвенно, а ум невоздержного исполнен нечистых мечтаний. Насыщение чрева иссушает источники слез, а чрево, иссушенное воздержанием, рождает слезные воды [14, 19].

13. Кто служит своему чреву и между тем хочет победить духа блуда, тот подобен угашающему пожар маслом [14, 20].

14. Когда чрево утесняется, тогда смиряется и сердце; если же оно упокоено пищею, то сердце возносится помыслами [14, 21].

15. Утесняй чрево воздержанием, — и заградишь тем себе уста; ибо язык берет силу от множества снедей [14, 23].

16. Наполняющий чрево свое расширяет внутренности; а у того, кто томит его воздержанием, они мало-помалу суживаются; суженные же они не требуют уже и не принимают много пищи [14, 24].

17. Знай, что часто бес *приседит* чреву и не дает человеку насытиться, хотя бы он пожрал все снеди Египта и выпил всю воду в Ниле [14, 26].

18. Если ты обещался Христу идти узким и тесным путем, то утесни утробу свою. Пространен и широк путь чревоугодия, вводящий в пагубу блуда, и многие идут по нему, но узки врата и тесен путь воздержания, вводящий в живот чистоты, и немногие входят им (см. Мф. 7, 13-14) [14, 29].

19. Сидя за столом, исполненным кушаний, представляй пред мысленными очами твоими смерть и суд; ибо и таким образом едва возможешь хоть немного укротить страсть объядения. Когда пьешь, всегда воспоминай уксус и желчь Господа твоего; и таким образом или пребудешь в пределах воздержания, или, по крайней мере, восстенав, смиришь помысл свой [14, 31].

20. Чревообъядение есть причина всех падений и нарушений (обетов) в иноческих общежитиях. Если ты победишь эту госпожу, то всякое место будет тебе способствовать к достижению бесстрастия; если же она будет обладать тобою, то до самого гроба везде будешь бедствовать [4, 97].

21. Живая память смерти пресекает невоздержание в пище; а когда невоздержание в пище пресечено со смирением, то и другие страсти отсекаются в то же время [6, 12].

22. Однажды, когда я был еще молод, пришел я в один город или селение, — и там во время обеда напали на меня вдруг помыслы объядения и тщеславия; но, боясь исчадий объядения, я рассудил лучше быть побежденным тщеславием. В мирянах корень всех зол есть сребролюбие, а в монахах — объядение [26, 70].

23. Видел я мужественных деятелей, которые по некоторой нужде давши утробе малое послабление в пище, вслед за тем утомляли сие окаянное тело всенощным стоянием; и тем научали его с радостью отвращаться от насыщения [26, 144].

24. Невозможное дело в начале иночества быть совершенно чистыми от объядения и тщеславия. Но против тщеславия не должно нам бороться услаждением чрева.

25. Как преступник, которому объявили приговор и который идет на казнь, не беседует о народных зрелищах, так и тот, кто истинно оплакивает грехи свои, не будет угождать чреву [26/2, 24].

26. Как во множестве навоза рождается много червей, так и от множества яств происходит много падений, лукавых помыслов и сновидений (срамных) [26/2, 45].

27. Если крайний предел чревоугодия есть — понуждать себя на принятие пищи, когда и не хочешь есть, то крайний предел воздержания будет — воздерживать естество свое, когда оно алчет, несмотря на то, что оно ничем в это время не провинилось [29, 10].

28. Как тучные птицы не могут высоко летать, так и угождающему своей плоти невозможно взойти на небо [26/2, 16].

29. Иссохшая тина неугодна бывает свиньям: так и плоть, увядшая от подвигов, не упокоевает более бесов [26/2, 17].

30. (***Исповедь чревоугодия.***) Как вы хотите отделаться от меня, когда я связана с естеством вашим? Дверь моя — потребность снедей, ненасытным же делает меня привычка, которая потом вместе с нечувствием души и непамятованием смерти служит основанием страсти ко мне. Первородный сын мой есть блуд, второе после него исчадие есть ожесточение сердца, а третье — сонливость. Море злых помыслов, волны скверн, глубина неименуемых нечистот — также от меня происходят. Дщери мои суть: леность, многословие, дерзость, смехотворство, кощунство, прекословие, жестоковыйность, непослушание, нечувствие, пленение ума, самохвальство, высокомерная и безумная самонадеянность, любовь к миру, за которою следует оскверненная молитва, парение помыслов и часто злоключения нечаянные; и за всем этим следует отчаяние — самая лютая из всех страстей. Память согрешений восстает против меня, но не побеждает. Мысль о смерти сильно враждует на меня, но нет ничего в человеках, что бы могло меня совершенно упразднить. Кто приял Утешителя, тот молитвенно жалуется Ему на меня; и Он, умолен будучи, не дает мне действовать в

нем страстно. Не вкусившие же Его, всячески ищут услаждаться моею сластью [14, 36].

2) Борьба с блудом

1. Насыщение чрева есть матерь блуда, а утеснение чрева — виновник чистоты [14, 5].

2. По пресыщении нашем дух чревоугодия отходит и посылает на нас духа блудного, извещая его, в каком состоянии мы находимся, и говоря: «Иди и возмути такого-то; чрево его пресыщено, и потому ты не много будешь трудиться». Этот, пришедши, улыбается и, связав нам руки и ноги сном, уже все что хочет делает с нами, оскверняя душу мечтаниями и тело истечениями [14, 27].

3. Никто из обучившихся хранению чистоты да не вменяет себе приобретение ее; ибо невозможное дело, чтобы кто-нибудь победил свою природу; и где природа побеждена, там познается пришествие Того, Кто выше естества; ибо без всякого прекословия меньшее упраздняется большим [15, 9].

4. Начало чистоты бывает, когда помысл не слагается с блудными прилогами, и без мечтаний случаются по временам во сне истечения; средина чистоты, когда естественные движения происходят только от довольства пищею и бывают свободны от мечтаний и истечений; конец же чистоты — умерщвление тела, предваряемое умерщвлением нечистых помыслов [15, 10].

5. Отгоняющий сладострастного пса молитвою подобен борющемуся со львом; кто низлагает его сопротивлением, тот подобен обратившему врага своего в бегство и преследующему его; кто же стал совершенно свободен от самого прилога, однажды навсегда сделав для него невозможным всякий доступ к себе, тот хотя и пребывает во плоти, но уже воскрес из гроба [15, 13].

6. Если признак чистоты — не испытывать похотного движения и в сонных мечтаниях, то, конечно, крайняя степень похотливости будет — терпеть истечения и наяву от одних помыслов и воспоминаний [15, 13].

7. Кто телесными трудами и потами ведет брань с этим соперником, тот подобен связавшему врага своего веревкою; кто воюет против врага своего воздержанием и бдением, тот подобен

обложившему врага своего железными оковами; а кто вооружается против него смиренномудрием, безгневием и жаждою, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке [15, 14].

8. Ин есть, кто подвигами, ин, кто смирением, и ин, кто Божиим внутрь присещением имеет связанным этого мучителя. Первый подобен деннице, второй — полной луне, а третий — светлосияющему солнцу; но все они имеют жительство на небесах [15, 15].

9. Лисица притворяется спящею, а бес — целомудренным; та, чтобы обмануть птицу, а этот, чтобы погубить душу. Не верь во всю жизнь свою бренному телу сему; и не полагайся на него, пока не предстанем Христу [15, 16, 17].

10. С новоначальными падения в плотские грехи случаются обыкновенно от обилия яств; со средними они бывают от высокоумия и от той же причины, как и с новоначальными; но с приближающимися к совершенству они случаются только от осуждения ближних [15, 20].

11. Некоторые ублажают скопцов по естеству (от рождения), как избавленных от мучительства плоти: а я ублажаю людей, которые повседневно делаются скопцами, и помыслом, как ножом, привыкли себя обрезывать [15, 21].

12. Не думай низложить беса блуда возражениями и доказательствами; на его стороне благословные поводы, так как он воюет с нами с помощью нашего естества [15, 24].

13. Кто надеется бороться с плотью своею или победить ее своими силами, тот тщетно подвизается. Ибо если Господь не разорит дома плотской похоти и не созиждет дома души, то вотще бдит и постится покушающийся успеть в этом сам собою [15, 25].

14. Повергни пред Господом немощь своего естества, сознав свое во всем бессилие, и неощутительно получишь дарование целомудрия [15, 26].

15. Поскользнувшиеся и падшие в ров похоти далеко отпадают от восходящих и нисходящих по оной (Иаковом виденной) лествице, и чтобы опять приступить им к такому восхож-

дению, потребны для них многие поты и крайнее пощение [15, 27].

16. Есть блуд и без познания жены, — который, как противоестественный, большей подвергает муке. Это некая смерть и погибель, которую мы всегда носим в себе, а наиболее в юности. Но погибель эту я не дерзаю объявить писанием, потому что руку мою удерживает сказавший: *бываемая бо отай от них срамно есть и глаголати* и писати (Еф. 5, 12) [15, 30].

17. Человеколюбивым представляет Бога бесчеловечный враг, наущатель на блуд, внушая, что Он великое оказывает снисхождение к этой страсти, как естественной. Но понаблюдай за этим злокозненником и найдешь, что по совершении этого греха он уже иным представляет Бога, — только правосудным и не прощательным. Первое внушение делает он для того, чтобы вовлечь нас в грех, а второе — с тем, чтобы ввергнуть нас в отчаяние [15, 33].

18. Когда, по совершении греха, томит нас туга и нечаяние, тогда снова предавать себя падениям не обычно нам; когда же они утихнут, тогда злобный враг снова начинает толковать нам о человеколюбии Божием [15, 34].

19. Господь, как нетленный и бестелесный, радуется о чистоте и нерастлении нашего тела; бесы же ни о чем другом столько не веселятся, как о блуде злосмрадном, и никакой страсти не любят так, как эту осквернительницу тела [15, 35].

20. Матерь сладости (плодов, утешение доставляющих) — земля и роса; а матерь чистоты — безмолвие с послушанием. Чистота тела, одним безмолвием достигаемая, сближаясь с миром, часто не оставалась непоколебимою; послушанием же стяжеваемая — везде благоискусна и непоколебима [15, 37].

21. Кто одним воздержанием пытается пресечь эту брань, тот подобен человеку, который усиливается выплыть из пучины морской, действуя одною рукою. Сопряги с воздержанием смирение; потому что первое без последнего оказывается неполезным [15, 40].

22. Какую страсть увидишь в себе господствующею, против той одной наипаче и вооружайся, в особенности же против

естественного домашнего врага. Ибо если мы с тобою не победим этой страсти, то от победы над другими не будет нам никакой пользы; поразивши же этого египтянина, конечно, и мы узрим Бога в купине смирения [15, 41].

23. Находясь в искушении, чувствовал я радость, слезы и утешение, и по младенчеству думал, что это плод духовный, а это была прелесть вражия [15, 42].

24. Не вдавайся в обман, юноша! Видел я некоторых, молящихся о любимых ими лицах, которые, будучи побуждаемы на то блудною страстью, думали, однако же, что исполняют долг святой любви [15, 49].

25. Когда повергаемся на постель, тогда наиболее должны мы трезвиться; потому что тогда ум без тела борется с бесами; и если он еще не отсек сочувствия сласти похотной, то охотно делается предателем [15, 52].

26. Память о смерти да засыпает и да восстает с тобою, и вместе Иисусова молитва; ибо ничто не может тебе доставить столь сильное заступление во время сна, как сии делания [15, 53].

27. Бывают истечения во сне иногда от изобилия пищи и вообще от излишнего покоя плоти; иногда — от гордости, когда мы, долго пребывая свободными от истечений, этим возносимся; иногда — от того, что осуждаем ближнего; иногда же — и от одной зависти бесовской. Бог попускает это иному, чтобы безгрешным сим злоключением поучить его смирению [15, 54].

28. Не дозволяй себе днем помышлять о бывших во сне мечтаниях; ибо у бесов и то есть в намерении, чтобы сновидениями осквернять нас бодрствующих [15, 55].

29. Во время бури искушения похотью хорошею помощью бывают для нас — власяница, пепел, всенощное стояние, голод, жажда палящая и немногими каплями прохлаждаемая, пребывание в гробищах, а паче всего смирение сердца, и если можно, духовный отец или усердный брат, скорый на помощь и старый разумом; ибо я почитаю за чудо, чтобы кто-нибудь мог один, сам собою, спасти корабль свой от этой пучины [15, 57].

30. Некто, увидев необыкновенно красивую женщину, прославил о ней Творца. От воззрения на нее возгорелась в нем

любовь к Богу, и из очей исторгся источник слез. И дивно было видеть, как то, что для другого послужило бы в погибель, для него паче естества стало венцом (победы). Если такой человек всегда в подобных случаях имеет такое же чувство и делание, то он восприял нетление прежде общего воскресения [15, 59].

31. Таким же правилом должно нам руководствоваться и в отношении к сладкопению и песням. Боголюбивые и мирскими и духовными песнями возбуждаются обыкновенно к святому радованию, Божией любви и слезам, а сластолюбцы — к противному [15, 60].

32. Некоторые говорят, что по вкушении плотского греха невозможно называться чистым, а я, опровергая их мнение, говорю, что хотящему возможно и удобно дикую маслину через прививку превратить в добрую. Если бы ключи Царствия были вверены девственнику телом, то мнение сказанных лиц, может быть, было бы справедливо. Но да постыдит их тот, кто, имея тещу, стал чист и носит ключи Царствия [15, 66].

33. Многовиден змий телесной похоти: не вкусившим сласти ее внушает он — однажды только вкусить и перестать, а вкусивших сей коварный побуждает опять к новому вкушению. Многие из первых, по неведению этого зла, бывают свободны от брани; а последние, как испытавшие мерзость эту, терпят брани и подстрекания. Впрочем, часто случается и противное сему [15, 67].

34. Когда встаем мы от сна в благом и мирном настроении, то бывает это с нами по сокровенному воздействию святых Ангелов, особенно если уснули с молитвою и трезвением. Но бывает, что встаем в мрачном и досадливом расположении, подвергаясь сему по причине злых сновидений [15, 68].

35. Не диво — невещественному бороться с невещественным; но то чудо и чудо воистину дивное, что облеченный веществом обращает в бегство невещественных врагов в борьбе с этим своим веществом, враждебным и коварным [15, 71].

36. Рассудительные отцы полагают, что иное есть ***прилог***, иное — ***сочетание***, иное — ***сосложение,*** иное — ***пленение***, иное — ***борьба***, а иное — так называемая ***страсть*** в душе. Они

определяют, что ***прилог*** есть простое слово (мысль) или образ какого-либо предмета, вновь являющийся уму и вносимый в сердце; ***сочетание*** есть собеседование с явившимся образом, со страстью или бесстрастно; ***сосложение*** есть склонение души к виденному, соединенное с услаждением; ***пленение*** есть насильственное и невольное увлечение сердца увиденным или совершенное его с ним слитие, разоряющее наше доброе устроение; ***борьбою*** называют усильное сопротивление борющему, кончающееся или победою, или поражением — произвольно; а ***страстью*** называют такое похотливое расположение, которое, вгнездившись в душу, соделывается потом через долгий навык как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама собою стремится к удовлетворению его. Из всех этих первое безгрешно; второе — не совсем; третье бывает или грешно или безгрешно, судя по устроению подвизающегося. Борьба бывает виною или венцов, или мучений. Пленение иному подлежит суду, когда случается во время молитвы, и иному, когда бывает в другое время, — иному при помышлении о вещах безразличных, и иному при помышлении о вещах худых. ***Страсть*** же несомненно во всяком случае осуждается и, если не будет очищена равносильным покаянием, подлежит вечному мучению. Но кто к первому, то есть прилогу, относится бесстрастно (отревает его, не останавливаясь на нем вниманием), тот одним разом отсекает все последующее [15, 73].

37. Просвещеннейшие и рассудительнейшие из отцов приметили еще иной помысл, который утонченнее всех вышесказанных. Его называют набегом мысли, — который без определенного времени, без слова и образа, с быстротою стрелы внушает искушаемому страсть. Нет ничего скоробежнее в телах, ничего быстрее и мгновеннее в духах — того, как этот помысл одним тонким напоминанием — и безвременным, и несказанным, а для иных даже и неведомым, — вдруг являет свое присутствие в душе, без предварительного собеседования и сосложения с нею. Кто плачем возмог постигнуть (понять, уразуметь) такую тонкость этого помысла, тот может объяснить нам и то, как бывает, что душа от одного взгляда или прикоснове-

ния руки, или слышания пения страстно блудствует (оскверняется и растлевается похотью), не думавши о том и не замышлявши того [15, 74].

38. Иной раз похоть, родившись внутри души, переходит и в тело, а иной раз от тела переходит она в душу. Последнее обыкновенно бывает с живущими в мире, а первое — с проходящими монашескую жизнь, по скудости у них вещества (или материала похотного) [15, 76].

39. Когда, после долгой борьбы с бесом, — союзником нашей бренной плоти, — изгоним его наконец из сердца своего, камнями поста и мечами смирения, тогда этот окаянный, как червь, пресмыкаясь внутри тела нашего, усиливается осквернить нас неким щекотанием, возбуждая безвременные и бессловесные движения [15, 77].

40. Этот бес тщательнее всех других наблюдает случай, когда мы не можем помолиться против него телесно. И тогда сей непотребный особенно покушается нападать на нас [15, 79].

41. Тем, которые не приобрели еще истинной сердечной молитвы, помогает (в борьбе с блудною страстью) утомление себя в телесной молитве, — разумею, — воздеяние рук, биение в перси, очей на небо умиленное возведение, воздыхание со стенаниями и частое преклонение колен; чего, однако же, часто не могут они делать по причине присутствия других лиц. — Тогда-то особенно демоны и пытаются нападать на них; и они, не имея еще сил противостать им твердостью ума и невидимым действом молитвы, по необходимости, может быть, уступают иногда борющим их. Ты же в таком случае отскочи, если можно, поскорее от людей, скройся где-нибудь незаметно на короткое время, — и там, возведши горе́ око душевное, если можешь, а если нет, хоть телесное, — и руки крестовидно распростерши, на посрамление и побеждение сим образом мысленного Амалика, — возопий к Могущему спасти, не преухищренными словесами, а смиренными речениями прежде и паче всего взывая: *помилуй мя Господи, яко немощен есмь* (Пс. 6, 3). Тогда опытом познаешь силу Всевышнего, и невидимо невидимою помощью обратишь в бегство невидимых. Навыкший сим

образом воевать скоро и одною душою станет прогонять врагов: ибо это второе дается от Бога делателям в награду за первое [15, 80].

42. Как воду жизни, усердно пей поругание от всякого человека, желающего напоить тебя этим врачевством, очищающим от блудной похоти; ибо тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей, и свет Божий не оскудеет в сердце твоем [4, 85].

43. Не преставай воображать и воспоминать бездну темного огня, немилостивых служителей, Судию немилосердого и неумолимого, бесконечную глубину преисподнего пламени и тесные сходы в подземные места, ужасные пропасти и другое сему подобное; чтобы страхом, рождающимся от этих воспоминаний, ты мог удалить от себя ощущение блуда, соединиться с нетленною чистотою и принять в душе своей сияние невещественного света, который блистательнее всех огней [7, 10].

44. Есть бес, который, как только мы возляжем на одр, приходит к нам и стреляет на нас лукавыми и нечистыми помыслами: чтобы мы, поленившись вооружиться против них молитвою и уснувши со скверными помыслами, объяты были потом и скверными сновидениями [26, 103].

45. Чего глаза не видели, того и гортань по одному слуху не сильно желает вкушать; так и чистые телом получают от своего неведения (сласти блудной) большое облегчение в брани против блуда [26/2, 31].

46. Как сражающийся со львом, если отвратит от него глаза, тотчас погибает: так и борющийся с плотию своею, — если ее упокоит [26/2, 40].

47. Тем, которые борются с телесною похотью, в свое время прилично бывает безмолвие, — но с разрешения хорошо знающего их наставника [27, 14].

48. Узнал я, что бес уныния предшествует бесу блуда и уготовляет ему путь; чтобы, крепко расслабив и погрузив в сон тело, дать возможность бесу блуда производить в спящем осквернения, как наяву [27, 49].

49. Как земному царю мерзок предстоящий ему и в то же время отвращаюший от него лицо свое и с врагами его беседу-

ющий, так и Господу мерзок бывает предстоящий на молитве и принимающий нечистые помыслы [28, 54].

50. Пса этого (блудного беса), когда он приходит к тебе, прогоняй духовным орудием молитвы; и сколько бы он ни продолжал бесстыдствовать, не уступай ему [28, 55].

51. (***Исповедь блудной страсти.***) Душа спрашивает: «Скажи мне, супруга моя, — естество мое (ибо я не хочу никого другого, кроме тебя, спрашивать о том, что тебя касается), — скажи мне, как могу я пребывать не уязвляем тобою? Как могу победить твое мучительство?» Она, отвечая душе своей, говорит: «Не скажу тебе того, чего и ты не знаешь; но скажу то, о чем мы обе разумеем. Я имею в себе отца своего — самолюбие (самоугодие и саможаление). Издали подготовляет мое разжжение всякое мне угождение и упокоение; от этого меня упокоения и соответственных ему дел загорается потом внутри жжение похотное. И тогда, зачавши, я рождаю грехопадения; они же, народившись, в свою очередь рождают смерть души через отчаяние. Если сознаешь мою и свою немощь, — явную и глубокую, — то свяжешь мне руки. Если умучишь голодом гортань, то свяжешь мне ноги, чтобы я не шла далее. Если сочетаешься с послушанием, то расторгнешь союз со мною. А если стяжешь смирение, то отсечешь мне голову» [15, 86].

3) Борьба со сребролюбием

1. Сребролюбие есть дщерь неверия. Оно в предлог к себе выставляет возможные немощи, приближение старости, внезапность голода по причине бездождия [16, 2].

2. Сребролюбец есть осмеятель и добровольный нарушитель Евангелия (дух Евангелия — любовь). Но кто имеет любовь, тот не убережет денег. Загадывающий ужиться с тем и другим (с любовию и деньгами) сам себя обманывает [16, 3].

3. Кто оплакивает себя, тот (не только имения, но) и тела своего отвергается; и если время потребует, не пощадит и его [16, 4].

4. Не говори, что имеешь нужду собирать для нищих (чтоб через помощь им получить Царствие); ибо Царствие можно купить и за две лепты [16, 5].

5. Страннолюбец и сребролюбец друг с другом встретились; и второй назвал первого нерасчетливым [16, 6].

6. Кто победил эту страсть (сребролюбия), тот отсек все заботы; а кто связан ею, того всегда томят заботы, и он никогда не может помолиться чисто [16, 7].

7. Начинается сребролюбие предположением раздачи милостыни, а кончается ненавистью к бедным. И он (сребролюбец), пока собирает, милостив бывает; а как скоро набрал — и руки сжал [16, 8].

8. Видел я нищих деньгами, которые, живя жизнью нищих духом, обогатились духовно и забыли о прежней своей нищете [16, 9].

9. Нестяжательный отложил все заботы (о земном), не печется о жизни и житейском и шествует путем своим без препон. Он — владыка мира, всю печаль свою возвергший на Бога. Не скажет он человеку о своей нужде, но все приходящее приемлет как от руки Господней [17, 1, 2].

10. Нестяжательный ни к чему не привязан, и о том, что есть у него, не думает, как бы того не было; так как все уже вменил в уметы, когда решился стать отшельником. Кто печалится о чем-либо, тот еще не нестяжателен [17, 3].

11. Нестяжательный чисто молится; а любостяжательный во время молитвы бывает исполнен вещественных образов, и будто им молится [17, 4].

12. Пребывающие в послушании чужды сребролюбия; ибо когда они и тело свое предали, то что еще могут иметь как собственность? [17, 5].

13. Вкусивший горнего ни во что вменяет дольнее; не вкусивший же первого услаждается стяжанием (последнего) [17, 6].

14. О, монахи! Не будем маловернее птиц, которые не пекутся и не собирают [17, 8].

15. Велик благочестно отрекшийся от всякого имущества; но кто отвергается от своей воли, тот свят. Первый сторицею приимет или имуществами, или дарованиями, а второй жизнь вечную наследует [17, 9].

16. Моря не оставят волны, а сребролюбца — гнев и печаль [17, 10].

17. Непоколебимая вера пресекает все попечения, а память о смерти научает отрекаться и от тела [17, 12].

18. В Иове не было и следа сребролюбия; потому-то он, и всего лишившись, пребыл без смущения [17, 13].

19. *Корень всех зол есть* и именуется *сребролюбие* (1 Тим. 6, 10); потому что оно производит ненависть, татьбы, зависть, разлучения, вражды, смятения, памятозлобие, жестокосердие, убийства [17, 14].

20. Вера и странничество есть смерть сребролюбия; милосердие же и любовь не щадят и самого тела [26/2, 7].

21. Как имеющие на ногах оковы не могут удобно ходить, так и те, которые собирают деньги, не могут взойти на небо [26/2, 46].

22. Если крайняя степень сребролюбия есть то, когда человек не может перестать собирать богатство или не насыщается им, то высота нестяжания состоит в том, чтобы не щадить и тела своего [29, 10].

23. Оставим попечения; ибо мы записались в число свободных от попечений. Нам ничем нельзя извинить себя, если не исполним этого. Вспомним одно, — что тем, которые прияли Господа через возрождение святым Крещением, дал Он *область чадом Божиим быти* (Ин. 1, 12); почему им говорится: *упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11) [29, 14].

24. Великий стыд нам, оставившим все, после звания, которым Господь, а не человек, позвал нас, заботиться о чем-либо, что не может принести нам пользы во время великой нашей нужды, то есть во время исхода души. Это-то значит, как сказал Господь, обратиться вспять, и не быть управлену в Царствие Небесное [2, 2].

25. Бес сребролюбия борется с нестяжательными; и когда не может их одолеть, тогда представляет им нищих, и под видом милосердия увещевает их, чтоб они из невещественных опять сделались вещественными [26, 145].

26. Как променивающие золото на глину делают себе большой убыток, так и те, которые для приобретения телесных выгод объявляют и разглашают о своих духовных успехах, получают один убыток [26/2, 55].

4) Борьба с гневом

1. ***Гнев*** есть припоминание сокровенной ненависти, то есть памятозлобие. ***Гнев*** есть желание сделать зло огорчившему. ***Вспыльчивость*** (острожелчие) есть мгновенное возгорание сердца. ***Огорчение*** есть неприятное (досадное) чувство, заседшее в душе. ***Ярость*** есть низвращение благонастроения и осрамление души [8, 5].

2. Некоторые, будучи склонны к раздражительности и гневу, не обращают на то внимания и не пекутся об уврачевании этой страсти, не помышляя о том, что сказал Премудрый: *устремление бо ярости его падение ему* (Сир. 1, 22) [8, 7].

3. Гнев, подобно быстрому движению жернова, в одно мгновение может истереть и уничтожить душевной пшеницы и плода больше, нежели что другое в целый день. Поэтому тщательно надлежит внимать себе. Он, как пламя, раздуваемое сильным ветром, скорее, нежели медленный огонь, опаляет и губит душевную ниву [8, 8].

4. Безгневие есть ненасытное желание бесчестий, как в тщеславных есть непомерное желание похвал. Безгневие есть победа над естеством, приобретаемая трудами и потами, при нечувствительности к оскорблениям [8, 2].

5. Кротость есть неподвижное устроение души, пребывающее одинаковым при бесчестиях и похвалах [8, 3; 24, 2].

6. Начало безгневия есть молчание уст при возмущении сердца; средина — молчание помыслов при тонком смущении души; а конец — незыблемая тишина при дыхании ветров нечистых [8, 4].

7. Как вода, непрерывно возливаемая на огонь, угашает его совершенно, так и слезы истинного плача обыкновенно угашают всякий пламень гнева и серчания [8, 1].

8. Как с появлением света удаляется тьма, так от благоухания смирения исчезает всякое огорчение и гнев [8, 6].

9. Ничто так не неуместно для кающихся, как раздражительный гнев; потому что обращение к Богу требует великого смирения; а раздражительность есть знак высокого о себе мнения [8, 12].

10. Если предел крайней кротости есть и в присутствии раздражающего мирно и любовно в сердце быть к нему расположенным, то, без сомнения, предел крайней гневливости есть, когда кто, находясь один сам с собою, свирепую ведет брань и борьбу с оскорбившим его, показывая это словами и телодвижениями [8, 13; 29, 10].

11. Если Дух Святой есть мир души, а гнев есть смятение сердца; то ничто не полагает такой преграды пребыванию Его в нас, как раздражительный гнев [8, 14].

12. Молчание уст — начальное орудие против гнева; но можно под покровом молчания скрывать памятозлобие. И это хуже; лучше уже высказаться, хоть и в гневе. Иной в гневе не принимает пищу, — и тем более углубляет страсть эту; а иной много ест, — и от этого приходит в бешенство, — умеренное же утешение нередко подавало помощь к утолению ярости. Потому борьба с сею страстью требует большой осмотрительности. И ей, как змию плотской похоти, содействует естество [8, 15, 16, перифраз].

13. Иногда умеренное сладкопение успешно разгоняет раздражение; а иногда, будучи безмерно и неблаговременно, оно содействует сластолюбию. Почему сим пособием надобно пользоваться разумно, устанавливая для него и меру и время [8, 17].

14. Гневливым полезнее жить в братстве; а похотливым лучше проходить безмолвное житие, как врачевство против блуда и смрадной нечистоты. Страждущим же тою и другою болезнью надо отдать себя в руки отца-руководителя, чтоб он иногда держал их в безмолвии, а иногда вводил в подвиги общежительного послушания [8, 18, сокращенно].

15. Большой вред — возмущать око сердца раздражением, по слову сказавшего: *смятеся от ярости око мое* (Пс. 6, 8); но еще больший — словами изъявлять душевное волнение гнева;

пускать же в дело при этом и руки — совсем противно и чуждо житию монашескому — ангельскому и Божественному [8, 19].

16. Присмотримся и увидим, что многие из гневливых усердно держат бдение, пост, безмолвие, — и враг не мешает им в этом; ибо он умеет и под подвигами покаяния и плача уготовлять материалы к питанию и возращению этой страсти [8, 21].

17. Начало блаженного незлобия — терпеливо переносить бесчестия, несмотря на горечь и боль души; средина — держать во время их сердце бесскорбным и беспечальным; совершенство же, если оно бывает, — вменять их себе в похвалу [8, 23].

18. Иное дело — безгневие в новоначальных, происходящее от покаянного плача, а иное — неподвижность на гнев, бывающая в совершенных. В первых гнев связан слезами, как некой уздою, а в последних этот змий умерщвлен мечом бесстрастия [8, 26].

19. Видел я троих вместе потерпевших бесчестие монахов. Один из них почувствовал оскорбление, но смолчал; другой порадовался за себя, но опечалился за поносившего; третий же, напечатлевши в уме вред ближнего, горячие пролил о нем слезы. Тут видны делатели страха, мздовоздаяния и любви [8, 27].

20. Памятозлобие есть последний предел гнева, хранение в памяти грехов (против нас ближнего), отвращение от образа оправдания (Богом определенного: прости и прощено будет), — сгубление всех прежних добродетелей, яд душегубный, грызущий сердце червь, стыд молиться (как скажешь: остави, якоже и мы?) — вонзенный в душу гвоздь, непрестанный грех, неусыпное беззаконие, ежечасное зло [9, 2].

21. Укротивший гнев пресек зарождение и памятозлобия; ибо чадородие бывает только от живого отца [9, 4].

22. Стяжавший любовь стал чужд вражды; а держащий вражду множит в себе не знающие покоя труды [9, 5].

23. Памятозлобствуя, памятозлобствуй на демонов, и враждуя, враждуй на тело свое всегда. Плоть — друг неблагодарный и коварный; когда угождают ей, она еще более вредит [9, 9].

24. Злопамятство — кривой толковник Писания, иносказательно обращающий словеса Духа в угоду себе. Но да посрамит

его данная нам Господом Иисусом молитва, которой не можем мы произносить, имея злопамятство в сердце [9, 10].

25. Если, много потрудившись над собою, не возможешь ты исторгнуть сей остен из сердца своего, — поди, смирись покаянно пред тем, на кого враждуешь, хоть на словах; и, устыдясь долгого своего пред ним лицемерия, возприимешь его в любовь свою, уязвляем будучи совестью за то, как огнем [9, 11].

26. Не тогда признай себя избавившимся от этой язвы, когда помолишься об оскорбившем или воздашь ему дарами, или пригласишь его на трапезу; но когда, услышав, что он подвергся какому-либо душевному или телесному злоключению, возболезнуешь и восплачешь о нем, как о себе самом [9, 12].

27. Память страданий Господа Иисуса уврачует памятозлобие, — сильно постыжденное Его незлобием.

28. Некоторые для получения прощения предают себя на труды и поты, но незлопамятный опережает их. Ибо истинно слово: если скоро отпустите, и вам щедро отпустится (см. Лк. 6, 37) [9, 15].

29. Непамятование зла есть знак истинного покаяния; а кто, помня зло, думает, что проходит покаяние, тот похож на человека, во сне представляющего себя бегущим [9, 16].

30. Видел я злопамятных, которые, другим злопамятным подавая совет не быть злопамятными, устыдились собственных своих слов и отстали от этой страсти [9, 17].

31. От ненависти и памятозлобия рождается злословие, — тонкий недуг, скрытная пиявка, высасывающая кровь любви [10, 1, 2].

32. Иной прикрывает злословие любовию, желанием исправить. Но если ты любишь ближнего, то не обхаивай его, а молись о нем. Такой только образ действования приятен Господу [10, 4].

33. Кто хочет избавиться от духа осуждения, тот пусть обращает укор не на падающего, а на подучающего беса. Ибо никто не желает грешить против Бога, хотя всякий свободен от насилования (то есть грешит сам) [10, 5].

34. Один из самых кратких путей к получению прощения грехов состоит в том, чтобы никого не осуждать; ибо сказано: *не судите, и не судят вам* (Лк. 6, 37) [10, 7].

35. Как огонь противен воде, так кающемуся несвойственно судить других. Если бы ты увидел кого-нибудь согрешающим даже при исходе души из тела, — и тогда не осуждай его, ибо суд Божий сокрыт от людей. Иные явно падали великим падением, тайно же совершали еще большие добрые дела; и любители пересудов впали в ошибку, видя дым и не усматривая за ним солнца [10, 8].

36. Опытом узнано, что за какие грехи, телесные или душевные, осудим ближнего, в те сами впадем [10, 9].

37. Скорые и строгие истязатели прегрешений ближнего потому сею страстью недугуют, что не имеют совершенной и постоянной памяти и печали о своих собственных согрешениях. Ибо если кто, без покрывала самолюбия, верно взглянет на свои злые дела, то не будет уже заботиться ни о чем другом, кроме их, справедливо рассуждая, что и на оплакивание себя самого не достанет ему времени всей своей жизни, хотя бы прожил сто лет, и хотя бы видел из очей своих изливающимся целый Иордан слез [10, 10].

38. Бесы, убийцы душ, побуждают нас или согрешить, или, если не грешим, осуждать грешащих, чтоб через то осквернить нас и негрешащих [10, 11].

39. Знай, что в духе неприязни порицать с удовольствием учение, дела и добродетели ближнего — есть признак людей злопамятных и завистливых [10, 12].

40. Видал я людей, тайно совершающих тяжкие прегрешения, только не оглашающиеся, которые в мнении о своей чистоте безжалостно нападали на впадавших в грехи, хотя легкие, но огласившиеся [10, 13].

41. Судить — есть бесстыдное похищение сана Божия; а осуждать есть погибель души своей [10, 14].

42. Как возношение и без всякой другой страсти может погубить человека, так и осуждение само по себе одно может нас

совершенно погубить. Так фарисей оный за это осужден был [10, 15].

43. Встретились друг с другом гневливый и лицемер; и в беседе их невозможно было найти ни одного слова правды. Заглянув в сердце первого, найдешь неистовство; а рассмотрев душу второго, увидишь лукавство [24, 13].

44. Как ветры взволновывают бездну, так ярость больше всех страстей возмущает ум [26/2, 30].

45. (***Исповедь сей страсти.***) Скажи нам, безумная и постыдная страсть, как зовется породивший тебя отец, и как имя зле родившей тебя матери, также, какие имена скверных твоих сынов и дщерей; и не это одно, но и то, кто суть борющиеся с тобою, и кто — убивающие тебя? «Матерей у меня много, и отец не один. Матери мои суть: тщеславие, сребролюбие, чревоугодие, а иногда и блуд; отец же мой, главное, — гордость. Дщери мои суть: памятозлобие, ненависть, вражда, самооправдание. Соперники мои суть противоположные дщерям моим добродетели — безгневие и кротость; наветница же моя — смиренномудрие» [8, 29].

5) Борьба с печалью

1. Кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее; ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи? Хотя во всем нужно нам иметь трезвение, но паче всего должно нам в этом отношении наиболее быть благоразумно внимательными [2, 7].

2. Когда настоятель искушает нас полезным бесчестием, досадами и выговорами, тогда представим себе страшное изречение всемирного Судии, и всеваемую в нас безрассудную печаль и горесть без сомнения посечем кротостью и терпением, как обоюдоострым мечом [7, 19].

3. Если мы пали, то прежде всего против духа печали да ополчимся; ибо он, представ во время молитвы нашей и воспоминая нам прежнее наше дерзновение к Богу, хочет отторгнуть нас от молитвы [5, 29].

4. Любление бесчестий есть исцеление раздражительности; псалмопение же, милосердие и нестяжательность суть убийцы печали [26/2, 9].

5. Как слишком большое количество дров подавляет и угашает пламень и производит множество дыма, так и чрезмерная печаль делает душу как бы дымною и темною, и воду слез иссушает [26/2, 18].

6. Тесный путь обозначается бесчестием, укоризнами, осмеянием, ругательствами, тяготою досад. И он спасителен, если будешь — обижаемый — терпеть мужественно, оклеветанный — не негодовать, унижаемый — не гневаться, осуждаемый — смиряться. Блаженны ходящие стезями этого пути, яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5, 3-12) [2, 8].

7. Добровольное терпение всего скорбного есть настоящий спасительный путь покаяния [5, 1].

8. Почитать себя достойным не только претерпеваемых уже видимых и невидимых скорбей, но еще и больших, есть признак деятельного покаяния [5, 38].

9. Как вода, стесняемая, поднимается вверх, так и душа, угнетенная бедами, востекает в покаянии к Богу и спасается [26/2, 28].

10. Некоего Аввакира в обители всякий день обижали; а служители едва не каждый день выгоняли его из трапезы, так что он часто оставался без еды. Я (святой Иоанн Лествичник) спросил его, как он на это смотрит? Он ответил: «Поверь, отче, сии отцы мои искушают меня, точно ли я монах? — И как они делают это не вправду, то и я, зная намерение их, благодушно терплю сие и не скучаю». — При смерти же, через два года, он сказал: «Благодарю вас, братие; ибо ради того, что вы искушали меня на спасение мое, я семнадцать лет был свободен от искушений бесовских» [4, 29, 30].

11. Другому некоему Македонию, старому уже, по справедливому поводу, в наказание было определено быть всегда среди новоначальных; но когда кончился срок, он сам упросил оставить его под этою унизительною епитимьею, будто тяжко согрешившего. Потом он исповедал святому Лествичнику:

«Никогда не видел я такого облегчения во всякой внутренней брани, и никогда так, как теперь, не чувствовал в себе сладости Божественного света» [4, 31].

12. Будучи уязвляемы обличениями, будем воспоминать грехи свои, пока Господь, видя нашу нужду и насилие, какое мы сами себе делаем, благоволит изгладить грехи наши, — и скорби, угрызающие наше сердце, претворит в радость, как говорит о том Псалмопевец: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19) [4, 43].

13. Блажен, кто, будучи ежедневно укоряем и уничижаем Бога ради, понуждает себя к терпению; он будет ликовать с мучениками и дерзновенно беседовать с Ангелами. Кто отвергает от себя праведное или неправедное обличение, тот отвергается своего спасения, а кто принимает оное со скорбью или без скорби, тот скоро получит прощение согрешений [4, 44].

14. Сын мой! Если ты сначала предашь себя терпению бесчестий, то немного будешь трудиться для приобретения блаженного покоя душевного [4, 65].

15. Как небольшой огонь смягчает много воска, так и малое бесчестие нередко вдруг смягчает сердце, услаждает его и истребляет всю свирепость его, все бесчувствие и ожесточение [4, 88].

16. Досады, унижения и все подобные случаи в душе послушника уподобляются полынной горечи, — а похвалы, честь и одобрение — меду. Но полынь очищает всякую внутреннюю нечистоту, а мед обыкновенно умножает желчь [4, 103].

б) Борьба с духом уныния

1. Уныние есть расслабление души, небрежение о подвигах, отвращение от обета, ублажательница мирян, клеветница на Бога, якобы немилосердого и бесчеловечного; в псалмопении оно нестройно, в молитве немощно, в телесном же служении крепко, как железо, в рукоделии неленостно, на послушание скоро и охоче [13, 2].

2. Муж, состоящий в послушливом подчинении, не знает уныния; и посредством чувственного преуспевает в духовном [13, 3].

3. Общежитие — враг уныния, а мужу-безмолвнику оно всегдашний сожитель; прежде смерти не отступит оно от него, и до кончины его не перестанет бороть его. Увидев келлию отшельника, оно улыбается и, приблизясь, вселяется близ него [13, 4].

4. Врач посещает больных утром, а уныние подвижников — около полудня [13, 5].

5. Уныние подущает к страннoприимству и докучает внушениями творить милостыню от рукоделия; усердно тянет посещать больных, приводя на память Говорившего: *болен* бех*, и посетисте Мене* (Мф. 25, 36); неотступно твердит: сходи к скорбящим и малодушествующим, — и, будучи само малодушно, советует утешать малодушных [13, 6].

6. Ставшим на молитву напоминает оно о необходимо нужных делах и всячески ухищряется отвлечь нас от нее какою-либо благословностью, как уздою бессловесных [13, 7].

7. Каждая из прочих страстей упраздняется одною какою-либо добродетелью; уныние же для инока — всеобъемлющая смерть. Из всех восьми предводителей зла дух уныния есть самый тягчайший [13, 9, 10].

8. Когда нет псалмопения, уныние не является; и по окончании правила (на коем берет дремота) глаза бодро раскрываются [13, 11].

9. Во время нападок уныния обнаруживаются нудители (естества); и ничто столько не доставляет венцов (внимательному) иноку, как уныние [13, 12].

10. Плачущий о себе не знает уныния [13, 13].

11. Монах, любящий деньги, не знает уныния: он ежечасно воспоминает слова апостола: *аще кто не хощет делати, ниже да яст* (2 Фес. 3, 10); и другое: *и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. 20, 34) [16, 10].

12. Уныние происходит иногда от вкушения удовольствий чувственных, а иногда от бесстрашия пред Богом [26, 44].

13. Прилежная молитва — пагуба уныния; память же о последнем Суде рождает усердие (к действованию по Богу) [26/2, 8].

14. Благая надежда есть меч, которым инок побеждает и закалает уныние [30, 32].

15. (***Исповедь уныния.***) Скажи нам, страсть нерадивая и расслабленная, кто есть зле родивший тебя? Какие твои исчадия? Кто суть воюющие против тебя? И кто убийца твой? (***Ответ.***) Родительницы у меня многие: иногда бесчувствие души, иногда забвение небесных благ, а иногда и чрезмерность трудов. Исчадия мои, со мною пребывающие — перемены местопребывания, пренебрежение заповедей отца духовного, не памятование о последнем Суде, а иногда и оставление монашеского обета. Противники мои, которые вяжут меня, суть — псалмопение с рукоделием. Враг мой есть помышление о смерти; умерщвляет же меня молитва с твердою надеждою сподобиться вечных благ [13, 14].

7) Борьба с тщеславием

1. Тщеславие есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, муравей на гумне жизни, который, хотя мал, однако всегда готов похищать труды и плоды наших подвигов [22, 2].

2. Тщеславие ко всему льнет: тщеславлюсь, когда пощусь, но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым; побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь; стану говорить, побеждаюсь тщеславием; замолчу, опять им же побежден бываю. Как ни брось сей трезубец, все он станет вверх острием [22, 5].

3. Тщеславный человек есть идолослужитель. Он думает, что почитает Бога, но в самом деле угождает не Богу, а людям [22, 6].

4. Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна; ибо он то и другое делает для похвалы человеческой [22, 7].

5. Тщеславный подвижник сам себе делает двойную обиду, потому что тело свое изнуряет, а награды не получает [22, 8].

6. Господь часто скрывает от очей наших те добродетели, которые мы приобрели; а человек хвалящий нас или, лучше

сказать, льстящий нам, похвалою отверзает нам очи, а как скоро отверзлись они, богатство добродетели исчезает (с глаз съедаемо бывает) [22, 10].

7. Льстец есть слуга бесов, руководитель гордости, истребитель умиления, губитель добродетелей, отводитель от истинного пути. *Блажащии вас льстят вы, и стези ног ваших возмущают,* говорит пророк (Ис. 3, 12) [22, 11].

8. Видал я плачущих, которые, будучи похвалены, за похвалу воспылали гневом; и, как то случается в торговле, променяли одну страсть на другую [22, 13].

9. Когда ближний или и друг укорит тебя в отсутствии или присутствии твоем, тогда покажи любовь, — похвали его [22, 15].

10. Великое дело — отвергнуть от души похвалу человеческую, но большее — отвратить от себя похвалу бесовскую [22, 16].

11. Не тот показывает смиренномудрие, кто охуждает сам себя (ибо кто не стерпит поношение от себя самого?), но тот, кто, будучи укорен другим человеком, не уменьшает к нему любви [22, 17].

12. Когда бес тщеславия видит, что подвижник приобрел — хотя малое — умирение сердца, тотчас побуждает его идти в мир, говоря: «Иди на спасение погибающих душ» [22, 20].

13. Тщеславие побуждает легкомысленных при посторонних облекаться в смирение и в поступках своих, в лице и голосе показывать благоговение; за трапезою оно заставляет заметно воздерживаться; на псалмопении — ленивых делает ревностными и безголосых доброгласными [22, 22].

14. Тщеславие предпочитаемых делает гордыми, и в презираемых посевает памятозлобие [22, 23].

15. Тщеславие весьма удобно прививается к естественным дарованиям и через них нередко низвергает в пагубу несчастных рабов своих [22, 26].

16. Однажды видел я, как бес тщеславия прогнал брата своего — беса ярости. Один брат рассердился на другого; но пришли миряне, и он вдруг стих, перепродав себя тщеславию; ибо не мог зараз работать обоим сим господам [22, 27].

17. Кто сделался рабом тщеславия, тот ведет двойную жизнь: одну — по наружности, а другую — по образу мыслей и чувств, одну — наедине с собою, а другую — на людях [22, 28].

18. Предвкусивший небесную славу естественно презирает всякую земную славу; и я подивился бы, если бы кто, не вкусив первой, совершенно презирал последнюю [22, 29].

19. Видел я, как иные начинали духовное делание по тщеславию; но потом, переменив намерение в делании, предосудительное начало увенчали похвальным концом [22, 30].

20. Кто возносится естественными дарованиями, как то: остроумием, понятливостью, искусством в чтении и произношении, быстротою ума и другими подобными способностями, без труда нами получаемыми, — тот никогда не получит вышеестественных благ; ибо *неверный в малом неверен и во многом* по своему тщеславию (Лк. 16, 10) [22, 31].

21. Кто просит у Бога даров за труды, тот на опасном основании утверждается; а кто, напротив, смотрит на себя как на всегдашнего должника пред Богом, тот, сверх чаяния своего, вдруг увидит себя обогащенным небесным богатством [22, 33].

22. Не слушай веятеля этого, когда он научает тебя объявлять свои добродетели на пользу слышащих; *кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит* (Мф. 16, 26)? Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав, и такое же слово. Таким образом мы и других будем побуждать, чтоб они не возносились; а что иное может быть полезнее этого? [22, 34].

23. Похвалы возвышают и надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, возводит до небес и низводит до бездн [22, 35].

24. Скверное тщеславие научает нас принимать образ добродетели, которой нет у нас, приводя к обольщению нас слова Спасителя: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела* (Мф. 5, 16) [22, 37].

25. Не скрывай стыда своего с тою мыслию, чтобы не подавать ближнему повода к преткновению; хотя, может быть, и не

во всяком случае полезно будет употреблять сей пластырь, но смотря по особенным свойствам грехов [22, 40].

26. Когда хвалители наши или, лучше сказать, льстецы, начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество грехов наших (и суд Божий, не сходный с человеческим), — и увидим, что мы не достойны того, что говорят или делают в честь нам [22, 42].

27. Простые сердцем не очень подвержены отравлению этим ядом; ибо тщеславие есть погубление простоты и притворное жительство [22, 44].

28. Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и возлетает на высоту; так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и завершительницу [22, 45].

29. Начало к истреблению тщеславия есть хранение уст и любление бесчестия, средина — отсечение всех мысленных приражений тщеславия; а конец (если только есть конец в бездне) — без смущения при других делать то, что служит к бесчестию [22, 39].

30. Утаивай благородство свое, и не величайся своею знатностью, чтоб не быть тебе по словам в одном, а по делам в другом устроении [3, 18].

31. Видел я неискусного ученика, который в присутствии некоторых людей хвалился добродетелями своего учителя и, думая присвоить себе славу от чужой пшеницы, приобрел вместо того одно бесчестие, когда все сказали ему: «Как же доброе дерево произвело бесплодную ветвь?» [4, 83].

32. Тщеславие любит торжественно являться на седалище многословия; молчание же уст упраздняет тщеславие [11, 2, 6].

33. Покоряющиеся бесу тщеславия подвергаются безвременным движениям похоти, когда они, освободившись временно от блудных помыслов, начинают много о себе думать. Восставшие за это блудные движения приводят их к узрению кроющегося в глубине их сердца тщеславия, и научают прочее не приписывать бывающей иногда чистоты сердца собственному тщанию и усилию, следуя показанию апостола: *что же*

имаши, егоже неси приял? (1 Кор. 4, 7), туне или непосредственно от Бога, или помощью других и посредством их молитвы [15, 78, перифраз].

34. Молчание и безмолвие — враги тщеславия; но если ты находишься в общежитии, то переноси бесчестия [26/2, 11].

35. Если крайнее тщеславие есть, когда человек, не видя при себе никого, кто бы его хвалил, и наедине обнаруживает тщеславные поступки; то признак совершенного нетщеславия есть, чтоб и в присутствии других не скрадываться тщеславною мыслию [29, 10].

8) Борьба с гордостью

1. Гордость есть отвержение Бога, презрение человеков, матерь осуждения, исчадие похвал, отгнание помощи Божией, виновница падений, источник гнева, горький истязатель чужих дел, судья бесчеловечный, противница Богу, корень хулы [23, 1].

2. ***Начало*** гордости — укоренение тщеславия; ***средина*** — уничижение ближнего, бесстыдное проповедование о своих трудах, самохвальство в сердце, ненавидение обличения; а ***конец*** — отвержение Божией помощи, высокомерное упование на свое тщание, бесовский нрав [23, 2].

3. Видал я людей, устами благодаривших Бога, и велехвалившихся в мыслях своих. Ясное доказательство на сие представляет фарисей, когда он говорил: *Боже, благодарю Тебя* (Лк. 18, 11) [23, 3].

4. Где совершилось грехопадение, там прежде водворилась гордость; ибо гордость есть предвестница падения [23, 4].

5. Высокомудрый монах сильно прекословит; а смиренномудрый не только не прекословит, но и очей возвести не смеет [23, 6].

6. Не преклоняется кипарис и не стелется по земле; так и высокосердый монах не может иметь смиренного послушания [23, 7].

7. Если *Бог гордым противится* (Иак. 4, 6), то кто может помиловать их? И если *нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5), то кто может очистить его? [23, 9].

8. Отвергающий обличение обнаруживает страсть гордости; а кто принимает оное, тот разрешился от уз гордости [23, 11].

9. Один мудрый старец увещевал горделивого брата; но сей, слепотствуя душою, сказал: «Прости меня, отче, я совсем не горд». Тогда мудрый старец возразил: «Чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не уверением, что нет в тебе гордости?» [23, 14].

10. Людям гордого нрава полезнее всего быть в повиновении, проводить житие грубейшее и презреннейшее, и прочитывать повествование о пагубных последствиях гордости и сверхъестественных уврачеваниях от оной [23, 15].

11. Стыдно тщеславиться чужими украшениями, и крайнее безумие — гордиться Божиими дарованиями. Превозносись только теми добродетелями, которые ты совершил прежде рождения твоего; а те, которые ты исполнил после рождения, даровал тебе Бог, так же как и самое рождение. — Если ты исправлял какие-нибудь добродетели без помощи ума, то пусть они только и будут твоими, потому что и самый ум дарован тебе Богом. И если ты без тела показал какие-нибудь подвиги, то они только и были от твоего тщания; ибо и тело не есть твое, оно — творение Божие [23, 16].

12. Не надейся на свои добродетели, пока не услышишь последнего о тебе изречения от Судии; ибо в Евангелии видим, что и возлежавший уже на брачной вечери был связан по рукам и по ногам, и во тьму кромешную извержен (Мф. 22, 13) [23, 17].

13. Да не престанем сами себя испытывать и сравнивать житие наше с житием прежде нас бывших святых отцов и светил; и найдем, что мы и шагу еще не сделали, чтобы идти по следам жизни этих великих мужей, — даже обета своего не исполнили как должно, но пребываем еще в мирском устроении [23, 21].

14. Монах есть бездна смирения, в которую он низринул и в которой потопил всякого злого духа [23, 27].

15. От гордости происходит забвение согрешений; а память о них есть ходатай смиренномудрия [23, 28].

16. Гордость есть убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и, находясь во тьме, думает, что имеет свет [23, 29].

17. Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотою [23, 31].

18. Гордый не имеет нужды в бесе-искусителе; он сам сделался для себя бесом и супостатом [23, 31].

19. В гордых сердцах рождаются хульные слова, а в смиренных душах — небесные видения [23, 34].

20. Не знаю, как это бывает, что весьма многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и уже при исходе из этого мира усматривают свое убожество [23, 36].

21. Кто пленен гордостью, тому необходимо нужна чрезвычайная Божия помощь для избавления; ибо человеческие средства к спасению его безуспешны [23, 37].

22. Хульные помыслы рождаются от гордости, гордость же не допускает открыть их духовному отцу. Почему часто случается, что эта бедственность повергает иных в отчаяние, истребив всю надежду их, подобно червю, истачивающему дерево [23/2, 1].

23. Нет никаких помыслов, которые бы (по причине гордости) столь трудно было исповедать, как помысл хульный; поэтому нередко он во многих пребывает до самой старости. Но между тем ничто так не укрепляет против нас бесов и злых помыслов, как то, что мы их не исповедуем, но таим в сердце, — что питает их [23/2, 3].

24. Никто не должен думать, что он виновен за хульные помыслы; ибо Господь есть сердцеведец и знает, что такие слова и помышления не наши, но врагов наших [23/2, 4].

25. Научимся презирать духа хулы и, отнюдь не обращая внимания на влагаемые им помыслы, говорить ему: *иди за мною сатано... Господу Богу* моему поклоняюся, *и Тому единому* послужу (см. Мф. 4, 10); *болезнь* же твоя и слова твои д*а обратятся на главу* твою, и *на верх* твой да снидет хула твоя, в нынешнем веке и в будущем (см. Пс. 7, 17) [23/2, 10].

26. Кто презирает этого врага, тот от мучительства его освобождается; а кто иным образом намерен вести с ним борьбу, тем он возобладает. Хотящий победить духов словами подобен старающемуся запереть ветры [23/2, 15].

27. Когда начнет в нас процветать святое смирение, тогда начнем мы презирать всякую похвалу и славу человеческую. Когда же оно созреет, тогда не только за ничто станем мы почитать свои добрые дела, но и вменять их в мерзость, думая, что мы ежедневно прилагаем к бремени грехов своих, неведомым для нас расточением добродетелей [25, 5].

28. Покаяние прилежное и плач, очищенный от всякой скверны, воздвигая храм смирения в сердце, разрушают построенную на песке лачугу гордыни [25, 7, перифраз].

29. Признаки исчезновения гордости и водворения смирения суть — радостное подъятие поношений и уничижений, утоление ярости и неверие своим добродетелям [25, 8].

30. Конец всех страстей — тщеславие и гордость, для всякого не внимающего себе. Истребитель же их — смиренномудрие — хранит сожителя своего невредимым от всякого смертоносного яда (страстей) [25, 9].

31. Смиренномудрый монах не любопытствует о предметах непостижимых; а гордый хочет исследовать и глубину судеб Господних [25, 12].

32. К одному из рассудительнейших братий приступили бесы и ублажали его. Но сей смиренномудрый сказал им: «Если бы вы перестали хвалить меня в душе моей, то из отшествия вашего я заключил бы, что я велик; если же не перестанете хвалить меня, то из похвалы вашей вижу мою нечистоту; ибо *нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5). Итак, или отойдите, чтобы я почел себя за великого человека; или хвалите, — и я приобрету через вас великое смирение». Этим обоюдоострым мечом рассуждения они так были поражены, что тотчас исчезли [25, 13].

33. Иное дело превозноситься, иное — не превозноситься, и иное — смирение. Один целый день судит; другой ни о чем не судит, но и себя не осуждает; а третий, будучи неповинен, всегда сам себя осуждает [25, 19].

34. Конь, когда бежит один, то ему кажется, что он скоро бежит; но когда находится в бегу с другими, тогда познает свою

медленность. (Сравнивай себя с лучшими, и избежишь самомнения) [25, 22].

35. Нечистые бесы тайно влагали похвалу в сердце одному внимательному подвижнику. Но он, будучи наставляем Божественным вдохновением, умел победить лукавство духов такою благочестивою хитростью: написал на стене своей келлии названия высочайших добродетелей, то есть совершенной любви, ангельского смирения, чистой молитвы, нетленной чистоты и других подобных. Когда потом помыслы начинали хвалить его, он говорил им: «Пойдем на обличение», — и, подошедши к стене, прочитывал написанные названия, — и присовокуплял: «Когда и все сии добродетели приобретешь, знай, что ты еще далек от Бога» [25, 25].

36. Хочешь ли стяжать неотступную любовь к молитве, прежде приобучи сердце не зазирать чужих согрешений, но предтечею этого должна быть ненависть к тщеславию [25, 28].

37. Если хотим постигнуть себя, да не престанем сами себя испытывать и истязать; и если в истинном чувстве души будем держать, что каждый ближний наш превосходнее нас, то милость Божия недалека от нас [25, 32].

38. Многие называют себя грешными, а может быть, и в самом деле так о себе думают; но сердце искушается уничижением (от других) [25, 34].

39. Кто говорит, что он ощущает благовоние смирения и во время похвал, хотя мало движется сердцем, тот да не прельщается, ибо он обманут [25, 42].

40. *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу*, сказал некто в чувстве души (Пс. 113, 9); ибо он знал, что естество человеческое, будучи столь немощным, не может принимать похвалу безвредно. *От Тебе похвала моя в Церкви велицей* (Пс. 21, 26), — в будущем веке; а прежде того не могу принимать ее безопасно [25, 43].

41. Естественное свойство лимонного дерева таково, что оно, будучи бесплодно, вверх принимает ветви; а когда оные наклонит, то они скорее бывают плодоносны. Стяжавший знание понимает это [25, 48].

42. Если гордость некоторых из Ангелов превратила в бесов, то, без сомнения, смирение может и из бесов сделать Ангелов. Итак, да дерзают падшие, уповая на Бога [25, 63].

43. Ничто так не смиряет душу, как пребывание в нищете и пропитание подаянием [25, 66].

44. Кто в беседе упорно желает защищать свое мнение, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим диавольским недугом (гордостью); и если он так поступает в беседе с равными, то, может быть, обличение старших и исцелит его; если же он обращается так с большими себя и мудрейшими, то люди не могут исцелить сей болезни [4, 48].

45. Однажды спросил я одного из искуснейших старцев, каким образом послушание имеет смирение? Он ответил: благоразумный послушник, если и мертвых будет воскрешать, и дарование слез получит, и избавления от браней достигнет, всегда думает, что это совершает молитва отца его духовного, — и пребывает чужд и далек от суетного возношения; да и может ли он превозноситься тем, что, как сам сознает, сделал помощью другого, а не собственным старанием? [4, 54].

46. Находясь в общежитии, внимай себе, и отнюдь не старайся в чем-нибудь показываться праведнее других братий; иначе ты сделаешь два зла: братию уязвишь своею ложною и притворною ревностью, и себе дашь повод к высокоумию [4, 81].

47. Будь ревностен, но в душе своей нисколько не высказывая этого во внешнем обращении ни видом, ни словом какимлибо, ни гадательным знаком; во всем будь подобен братиям, чтоб избежать высокоумия [4, 82].

48. От ложного умиления рождается возношение, а от истинного — утешение [7, 30].

49. Кто слезами своими внутренне гордится, и осуждает в уме своем не плачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего, и убивающему им самого себя [7, 44].

50. Если кто замечает, что он легко побеждается превозношением и вспыльчивостью, лукавством и лицемерием, — и захочет извлечь против этих врагов обоюдоострый меч кротости и незлобия, — тот пусть поспешит вступить, как бы в белильню

спасения, в собор братий, — и притом самых суровых, когда хочет совершенно избавиться от своих порочных навыков; чтобы там, потрясаемый досадами, уничижениями и треволнениями братий, и ударяемый ими умственно, а иногда и чувственно удручаемый, попираемый и ударяемый пятами, он мог очистить ризу души своей от сущей в ней скверны [8, 25].

51. Видел я, что гордость бывает причиною смирения. Ибо плод надмения есть падение в грех; грехопадение же для желающих спастись часто бывает поводом к смиренномудрию [15, 38].

52. Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самых теней [21, 4].

53. Блудных могут исправлять люди, лукавых — Ангелы, а гордых исцеляет Сам Бог [26, 180].

54. Видимую гордость исцеляют скорбные обстоятельства; а невидимую — прежде век Невидимый [26/2, 12].

55. Неусыпно наблюдай душевным оком за гордостью; ибо между обольщениями нет ничего губительнее этой страсти [27, 80].

56. Если вид погибели, то есть гордости, есть то, когда кто возносится и малыми и незначительными делами; то спасительный признак смирения есть — иметь смиренный образ мыслей и при великих предприятиях и исправлениях [29, 10].

57. Некогда я уловил эту безумную прелестницу в сердце своем, внесенную в оное на раменах ее матери — тщеславия; связав обеих узами послушания и бив их бичом смирения, я понуждал их сказать мне: как они вошли в мою душу? Наконец, под ударами они говорили: «Мы не имеем ни начала, ни рождения, ибо мы сами — начальницы и родительницы всех страстей. Немало враждует на нас один из наших неприятелей — сокрушение сердца, рождаемое повиновением. Но кому-нибудь быть подчиненными, — этого мы терпеть не можем; поэтому-то мы и на небе, бывши начальниками, отступили оттуда. Кратко сказать: мы — родительницы всего противного смиренномудрию; а что оному споспешествует, то нам сопротивляется. Впрочем, если мы и на небесах явились в такой силе, то куда ты убежишь от лица нашего? Мы весьма часто следуем за терпением поруганий, за исправлением послушания и

безгневия, и непамятозлобия, и служения ближним. Наши исчадия суть падения мужей духовных: гнев, клевета, досада, раздражительность, вопль, хула, лицемерие, ненависть, зависть, прекословие, своенравие, непокорство. Есть одно нечто, чему мы не имеем силы противиться, — будучи сильно биемы тобою, мы скажем тебе и сие: если будешь искренно укорять себя пред Господом, то презришь нас, как паутину. Ты видишь, говорила гордость, что конь, на котором я еду, есть тщеславие; преподобное же смирение и самоукорение посмеются коню и всаднику его, и со сладостью воспоют победную оную песнь: *поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море* (Исх. 15, 1), то есть в бездну смирения» [23, 38].

5

О бесстрастии

1. Великолепие тверди суть звезды, а украшение бесстрастия — добродетели [29, 2].

2. Бесстрастным называется и есть тот, кто плоть свою соделал нерастлеваемою страстьми, ум возвысил превыше всякой твари, все чувства покорил уму, душу же свою представил лицу Господа, всегда простираясь к Нему, даже и выше сил своих [29, 3].

3. Некоторые говорят еще, что бесстрастие есть воскресение души прежде воскресения тела, а другие, — что оно есть совершенное познание Бога (спознание с Богом), — второе после Ангелов [29, 4].

4. Это совершенное и никогда не завершаемое совершенство совершенных о Господе, как сказывал мне некто, вкусивший его, так наконец освящает ум и отторгает его от всего вещественного, что, по достижении этого небесного пристанища, большую часть жизни во плоти держит его в видении, восторженным в небесное [29, 5].

5. Есть бесстрастный, и есть бесстрастного бесстрастнейший. Ибо один сильно ненавидит зло, а другой ненасытно богатится добродетелями [29, 6].

6. Чистота (целомудрие) также называется бесстрастием. И справедливо; ибо она есть предначатие общего воскресения и нетление тленных [29, 7].

7. Если знак совершенного порабощения страстям состоит в том, что человек скоро повинуется почти всем, тайно всеваемым от бесов помыслам, то почитаю за признаки святого бесстрастия, когда кто может неложно сказать с Давидом: *уклоняющагося от мене лукаваго не познах* (Пс. 100, 4), и не знаю, как он пришел, и зачем приходил, и как ушел; я ко всему тому стал не чувствителен, будучи весь соединен с Богом, и надеясь всегда быть в таком состоянии [29, 10].

8. Кто сподобился быть в этом устроении, тот еще здесь, обложенный бренною плотью, бывает храмом живого Бога, Который руководствует его и наставляет во всех словах, делах и помышлениях; и он, по причине внутреннего просвещения, познает волю Господню, как бы слышал некоторый глас, и, будучи выше всякого человеческого учения, говорит: *когда прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс. 41, 3). Ибо не могу более сносить действа вожделения небесного, но ищу той бессмертной красоты, какую Ты даровал мне прежде, нежели впал я в тление [29, 11].

9. Бесстрастный — что много говорить? — *не ктому* себе *живет, но живет в* нем *Христос* (см. Гал. 2, 20), как сказал *подвигом бодрым подвизахся, течение скончах, и веру* православную *соблюдох* (2 Тим. 4, 7) [29, 12].

10. Из одного камня не составляется царский венец; так и бесстрастие не совершится, если вознерадим хотя об одной какой-либо добродетели [29, 13].

11. От послушания рождается смирение, от смирения же — бесстрастие, которым завершается смирение. Начало смирения — послушание; а бесстрастие, которое есть дщерь смирения, совершает матерь свою [4, 71].

12. Некоторые изнуряют тела свои для получения бесстрастия и богатства дарований, чудодействия и силы прозрения; но сии бедные не знают, что не труды, но более всего смирение есть матерь этих благ [22, 32].

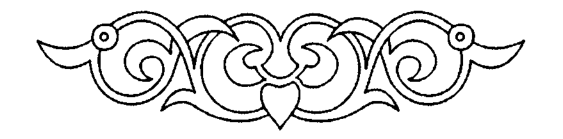
13. Кто с добродетелью смирения сочетался браком, тот кроток, тих, удобоумилен, милосерд, наипаче же мирен, радостен, благопокорлив, беспечален, бодр, неленостен, и — что много говорить? — бесстрастен; потому что *во смирении нашем помяну ны Господь... и избавил ны есть от врагов наших* (Пс. 135, 23-24), — от страстей и скверн наших [25, 11].

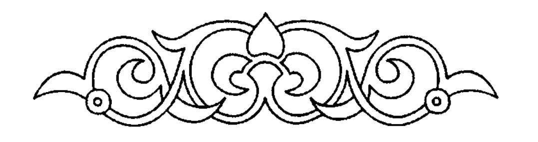
14. Многие скоро получили прощение грехов, — но никто скоро не приобрел бесстрастия; ибо для приобретения его нужно долгое время, многий труд любви и помощь Божия [26/2, 56].

СВЯТЫЕ ПРЕПОДОБНЫЕ ОТЦЫ ВАРСОНОФИЙ И ИОАНН

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНЫХ ВАРСОНОФИИ И ИОАННЕ[1]

Святой Варсонофий родом был египтянин. С юных лет горел он желанием вести подвижническую жизнь. Проходя однажды мимо конского ристалища, он вошел в него и, видя, как там каждый старается обогнать другого, сказал себе мысленно: «Видишь, как усердно подвизаются искатели тленных венцов? Не тем ли паче должны подвизаться мы, – наследники Царствия Небесного?» И ушел с этого зрелища, еще более прежнего горя духом к подвижничеству (Отв. 450).

Был ли он в какой обители в Египте, – неизвестно. Сказание указывает его иноком прямо в Палестине. Пришедши в Иерусалим на поклонение святым местам, он остался здесь и сначала жил под руководством старца Маркелла, а потом перешел в обитель аввы Серида близ Газы. Здесь, стремясь к высшему подвижничеству, он устроил себе малую келлию вне обители и, затворившись в ней, наслаждался сладчайшим безмолвием.

В начале его безмолвия ему приносили из обители только три хлебца в неделю (Отв. 72). Но как он предавался плачу и великую почерпал сладость от слез, то от ощущения этой неизреченной сладости нередко довольствовался только одним хлебцем, а многократно забывая вкушать и его. Так вкушал он пищу иногда два раза в неделю, иногда один раз; ибо почасту восхищаем был к пище духовной, от сладости коей забывал о пище чувственной (Отв. 96).

С течением времени, омывая себя всегдашними слезами, блаженный так очистил сердце свое от страстей душевных и телесных, что стал превыше стрел вражеских, приобрел мир помыслов, который есть вместилище дарований Святого Духа, – приобрел и то, что в нем уснуло, или, лучше сказать, умерло всякое страстное движение и мудрование, почему и назвал затвор свой гробницею (Отв. 73).

С того самого времени, как он очистил сердце свое от страстей и сподобился быть храмом и жилищем Святого Духа, вследствие такой чистоты, обогатился он высокотворным, истинным и совершенным смирением, по которому считал

---

[1] Извлечено из жизни их, составленной преподобным Никодимом Святогорцем.

себя землею и пеплом на деле, а не на словах только, и всегда говорил себе: кто я такой? и кто считает меня за что-либо?

Через такое смирение сподобился он и большей из всех добродетелей – рассуждения, которое дается от Бога иноку, как управитель.

От рассуждения же великий Варсонофий удостоился получить прозрение, которым, по изъяснению преподобного Петра Дамаскина, постигаются мысленные и сокровенные сущности чувственных и мысленных тварей.

Через прозрение же сподобился он получить дарование прозорливости и пророчества, – видеть происходящее вдали, как находящееся вблизи, и будущее, как настоящее (Отв. 31, 812). Он узнавал также по благодати и сердечные расположения людей, и отвечал вопрошающим его, не сообразуясь со словами их, но сообразно с направлением их ума и мыслей (Отв. 54, 161).

Полагая же непрестанно, по слову божественного Давида, восхождение в сердце своем к Богу, и прилагая смирение к смирению, безмолвие к безмолвию, и любовь к любви, удостоился он наконец достигнуть и высочайшего дарования – восхищения к Богу, в коем возносился до седьмого неба, не на мечтательных крыльях мысли, но в неизреченной силе Духа, и там получил благословение и видел неизреченные блага и тайны Царствия Божия, не зная, в теле ли он был или вне тела, подобно великому Павлу (см. 2 Кор. 12, 3-4) [Отв. 109].

И дано ему было затем обильное дарование чудотворения, так что он мог воскрешать мертвых именем Владыки Иисуса Христа, изгонять демонов, исцелять неисцельные болезни, совершать и другие силы и чудеса, и подобно Илии заключать и отверзать небо [Отв. 181, 172-173, 512, 513].

Такие великие дарования сподобился получить и столь великого совершенства добродетелей достигнуть великий во отцах Варсонофий. Однако столь великие дарования и совоспитаны были в нем с такими искушениями, каких многие не только не могут претерпеть самым делом, но даже и слух их не в состоянии будет вместить их (Отв. 13). Равно и великим болезням подвергался преблаженный этот, но переносил их с такою доблестью, что, будучи болен, не только не восклонялся когда-либо на одр для своего успокоения, но даже не оставлял и рукоделия своего (Отв. 165).

Жил сей святой в VI веке, во времена царя Иустиниана, и в течение целых пятидесяти лет и более ни один человек не видал его. Только однажды показался нескольким братиям и умыл им ноги для рассеяния сомнения в его существовании (Отв. 60). И еще под конец жизни расставался он с дорогим ему безмолвием для блага Церкви, когда Иустиниан начал теснить не принимавших учение Аффартодокетов, покровительствуемых им. Патриарх Иерусалимский в этой нужде уговорил этого авву великого отправиться к императору с ходатайством

преложить гнев свой на милость. Посольство имело успех. Убежденный силою слова аввы, император остановил задуманное преследование непокорных, как ему казалось, лично ему, и возвратил Иерусалимской Церкви свое благоволение, прислав ей с Варсонофием дары.

Скончался великий авва в 563 году. А иные, не определяя года, вообще говорят: раньше 600 года.

Другой старец, преподобный Иоанн, проходил такое же безмолвное житие, как и Варсонофий, и сподобился таких же, как и он, дарований Духа, особенно же и по преимуществу дарования прозорливости и пророчества, почему и именовался пророком (Отв. 129, 220).

Откуда был родом и откуда пришел в эту обитель преподобный Иоанн, неизвестно. Жил же он в первой келлии великого Варсонофия, когда сей последний устроил себе другую близ той же обители, – и безмолвствовал в ней 18 лет до самой своей кончины (Отв. 221). Никто не видел, чтоб он когда-либо улыбался или был смущен, или без слез причащался Божественных Таин, как засвидетельствовал о нем игумен той обители (Отв. 568).

По дару предвидения преподобный Иоанн, предсказав многое другое, делом совершившееся так, как он предсказывал, предсказал и о своей кончине, сказав о сем так: «В седминах аввы Серида я скончаюсь. Если бы авва Серид прожил долее, и я бы прожил еще пять лет, но как Бог скрыл сие от меня и взял его, то и я не проживу более» (Отв. 221).

Но так как авва Елиан, тогда еще юный по летам, будучи пострижен и поставлен в игумена обители, не зная уставов монастырских и как должно управлять братиею, умолял блаженного Иоанна: «Хотя две недели подари мне, чтобы я мог вопросить тебя касательно монастыря и управления им»; то старец, сжалившись над ним, и будучи подвигнут от живущего в нем Святого Духа, сказал: «Хорошо, я останусь с тобою еще на две недели».

И авва Елиан спрашивал его о всем, касающемся до управления общежитием. По окончании же двух недель преподобный призвал всю монастырскую братию и, приветствовав каждого особо, отпустил их в свои келлии; и затем в мире предал дух свой в руце Божии (Отв. 221).

По кончине преподобного Иоанна святой Варсонофий умолк совершенно и более не давал никому ответов, как говорит в заглавии второго своего слова авва Дорофей, который, по умолкнутии Варсонофия, вышел из той обители и учредил свое особое общежитие.

Эти блаженные отцы, от всей души любившие ближних, не только при жизни своей благодетельствовали им духовными благодеяниями, но продолжают благодетельствовать и по смерти, оставив нам душеспасительную книгу своих

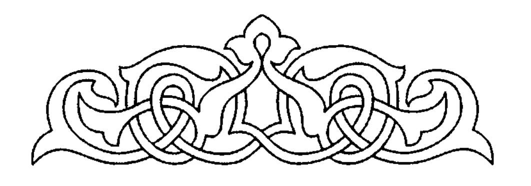
богомудрых ответов, как отеческое наследие чадам своим, чтоб, прилежно читая оную, почерпали мы из нее великую пользу душевную.

Книга эта содержит 850 ответов, сделанных на различные вопросы различных лиц: архиереев, иереев, монахов, мирян, старцев, юных, немощных и здоровых. Одни из этих ответов писал так называемый другой старец Иоанн, иные же – и притом большую их часть – давал сам великий старец Варсонофий, который не сам их писал, а через авву Серида.

При этом достойно удивления следующее обстоятельство. Когда великий Варсонофий начал давать свои ответы, то, призвав авву Серида, пересказал ему свой ответ и велел его написать (ответ был Иоанну, иноку Миросавской обители); авва Серид, не надеясь удержать в уме своем всех слов, которые сказал ему святой, недоумевал, как он напишет такое множество слов, и полагал, что старец велит ему принести чернила и хартию, чтоб, слушая, писать все, слово за словом. Святой Варсонофий, по данной ему благодати прозрения, узнал тайную мысль Серида; лицо его просияло, как огонь, и он сказал Сериду: «Поди, напиши и не бойся; если я скажу тебе и бесчисленное множество слов, чтоб ты написал их; то знай, что Дух Святой не попустит тебе написать ни одним словом больше или меньше сказанного, хотя бы ты и сам пожелал этого, но наставит руку твою верно написать все в последовательном порядке» (Отв. 1).

Такова книга сия! Она, изобилуя дивным рассуждением, разрешает самые неудоборазрешимые вопросы, – и есть учительница терпения, искоренительница роптания, меч, отсекающий свою волю, секира, поражающая человекоугодие, руководительница к истинному и совершенному смирению, поучающая нас почитать себя за ничто, провозвестница покаяния, родительница плача и ходатаица спасения душ и совершенства во Христе Господе.

СВЯТЫХ ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ ВАРСОНОФИЯ И ИОАННА ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ

(Выбирается подряд все, относящееся к подвигам и борьбе со страстями. Цифры в конце статей указывают на вопрос и ответ)

1. Настрой себя благодарить Бога за все, слыша слово апостола: *о всем благодарите* (1 Фес. 5, 18). Будешь ли ты в скорбях или в нуждах, или в утеснениях, или в болезнях и трудах телесных, — за все, постигающее тебя, благодари Бога, *ибо многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Итак, не сомневайся душою твоею и не расслабевай ни в чем сердцем твоим; но вспоминай апостольское слово: *аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Если не претерпишь страданий, не можешь взойти на крест и причастником быть спасительных плодов его [2].

2. Пока корабль на море, он бывает подвержен опасностям и приражению ветров. Когда же достигнет в тихую и мирную пристань, не страшится более опасностей, бедствий и приражения ветров, но пребывает в безопасности. Так и ты, пока пребываешь с людьми, ожидай скорбей, опасностей и приражения мысленных ветров. Когда же достигнешь в уготованное тебе пристанище безмолвия, тогда не будешь иметь страха [8].

3. Не унывай в скорбях и трудах телесных, которые несешь, трудясь ради общежития; ибо и это также значит *полагать души свои за братьев* (1 Ин. 3, 16), — и надеюсь, что велика будет награда за труд сей. Как Иосифа Господь поставил прокормить братию свою во время голода (см. Пс. 32, 19) в Египте, так и тебя поставил Он послужить общежитию. Я же повторяю тебе слово апостола: *ты убо, чадо мое, возмогай во благодати* Духа Святого (2 Тим. 2, 1) [9].

4. Один трудами по Богу достигает в покой Его, а другой достигает туда же смирением. Ты же держись в том устроении, чтоб получить оный за то и другое, когда умрет в тебе гнев вследствие укрощения раздражительности в сердце твоем; и тогда исполнится на тебе слово Писания: *виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя* (Пс. 24, 18). Господь да сохранит душу твою и тело твое, и дух твой от всякого зла, от всякой противности, наносимой диаволом, и от всякого мечтания, возбуждающего мятеж мыслей [10].

5. Паче всего берегись духа уныния, рождающего все злое и различные искушения. Зачем сердце твое расслабевает и изнемогает ради скорби, наносимой тебе от овец Христовых? Выслушай со вниманием, что скажу тебе: долготерпение есть матерь всех благ. Посмотри на Моисея, избравшего себе — *паче же... страдати с людьми Божиими, нежели имети временную греха сладость* (Евр. 11, 25) [13].

6. Остерегайся, чтоб не окрали тебя лукавые змии и не отравили ядом своим (серчанием). Он смертоносен. Никто никогда не совершит добра посредством зла, потому что сам побеждается злом. Напротив того, *добром* исправляется *злое* (см. Рим. 12, 21). Ты стоишь *на позорище;* почему и должен бороться со зверьми, подобно апостолу в Ефесе (см. 1 Кор. 15, 32), который хвалился, победив зверей. Ты ввергнут в бурю морскую; почему и должен претерпеть многие опасности и подвизаться против обуревания волн. Препобедив их с помощью Божиею, войдешь в тихое пристанище о Христе Иисусе, Господе нашем [15].

7. Тебя беспокоят помыслы, понуждая смутить других и самому смутиться от других. Но знай, брат мой, что если кто оскорбляет другого или делом, или словом, то после сам бывает оскорбляем стократно более. Будь же долготерпелив во всем и остерегайся примешивать к чему-либо волю свою. Внимательно испытывай помыслы свои, как бы они не заразили сердца твоего смертоносным ядом (серчанием), и не прельстили тебя принимать комара за верблюда и камешек за утес, так что тогда ты бываешь подобен человеку, который, имея сам у себя бревно, смотрит на чужой сучок [16].

8. Ты называешь себя грешным, а на деле показываешь, что не чувствуешь себя таким. Признающий себя грешником и виновником многих зол никому не противоречит, ни с кем не ссорится, ни на кого не гневается, но почитает всех лучшими и разумнейшими себя. Если ты грешен, то зачем укоряешь ближнего своего и обвиняешь его, будто через него приходит тебе скорбь? Выходит, что мы с тобою не достигли еще того, чтобы почитать себя грешными. Смотри, брат, как мы поруганы: говорим только устами, а дела показывают иное. Почему, когда противоречим помыслам, не получаем силы отвергать их? Потому что прежде вдаемся в осуждение ближнего, и через то ослабевает наша сила духовная, и мы обвиняем брата своего, будучи сами виноваты. Возложи на Господа всякий помысл, говоря: Бог знает полезное, — и успокоишься, — и мало-помалу получишь силу терпеть [17].

9. Если кто не переносит поношения, не узрит и славы; и если не очистится от желчи, не ощутит сладости. Ты вступил в среду братий и различных случаев, дабы быть разжженным и испытанным: а золото испытывается не иначе, как огнем. Отнюдь ничего не назначай себе (в правило), ибо через это ты подвергнешь себя брани и попечениям; но со страхом Божиим испытывай, что прилично времени, и ничего не делай по рвению; сколько возможно, удаляйся от гнева, никого не осуждай и люби особенно искушающих тебя. Если вникнешь, то найдешь, что они-то и приводят нас в преспеяние [21].

10. Будь долготерпелив в скорбях, как достигнувший Владычнего завещания, которое говорит: *в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33); да достигнешь непобедимой любви, которая вводит приобретших ее во дворы царские и соделывает их братиями Христа [22].

11. Сбивай молоко, и будет масло; если же стиснешь рукою сосец, выйдет кровь (см. Притч. 30, 33). Если кто хочет согнуть дерево или виноградную лозу наподобие обруча, то сгибает постепенно, и они не переламываются; если же нагнет вдруг и сильно, то дерево тотчас ломается. (Это о строгих мерах настоятелей, — и о чрезмерных подвигах иноков.) [25].

12. Что изнемогаешь в скорбях, как человек плотской? Или не слышал ты, что предстоят тебе скорби? И разве не знаешь, что *многи скорби праведным* (Пс. 33, 20), — и они испытываются ими, как золото в горниле? Итак, если мы праведны, то подчиним себя благодушно испытанию скорбями; если же грешны, то потерпим оные, как достойные того. Приведем себе на память всех святых от начала мира, — и вспомним, сколько они терпели, благое делая, благое говоря и в истине непоколебимо пребывая. Они были ненавидимы и оскорбляемы людьми до самой кончины своей, — и, по слову Спасителя, *молились за творящих им напасть* (Мф. 5, 44). Разве и ты был продан, как целомудренный Иосиф? Терпел ли ты, подобно Моисею, озлобления с детства до старости? Был ли ты гоним, подобно Давиду, терпевшему гонение от Саула? Или, как Иона, был ли и ты вержен в море? Зачем же расслабевает помысл твой? Не устрашайся и не бойся, как чуждый мужества, чтобы не лишиться тебе Божиих обетований. Не ужасайся, как неверующий, но ободри маловерные твои помыслы. Возлюби скорби во всем, чтобы быть тебе искусным сыном святых [31].

13. Никто, желая достигнуть города, не лежит; никто, желая работать и видя восходящее солнце, не предается лености; никто, желая удобрить ниву свою, не нерадит о ней. Но хотящий достигнуть города спешит дойти туда, прежде чем смеркнется, — (хотящий кончить работу свою), видя восходящее солнце, с бодростью спешит на труд, опасаясь быть задержанным чем-либо, — и хотящий удобрить поле свое старается сделать это прежде, чем оно сделается никуда не гожим. *Имеяй уши слышати, да слышит!* (Мф. 11, 15) [33].

14. Желаешь ли избавиться от скорбей и не тяготиться ими? Ожидай больших, — и успокоишься. Поминай Иова и прочих святых, какие скорби претерпели они; приобрети их терпение, — и утешится дух твой. Мужайся, крепись и молись [47].

15. Плачь, рыдай, не ищи, чтоб тебя считали за нечто, ни в чем не равняй себя с другими. Оставь мир, взойди на крест, свергни с себя земное, отряси прах от ног твоих, *о срамоте неради* (см. Евр. 12, 2), не разжигай с Халдеями пещи, чтоб

не быть сожжену вместе с ними гневом Божиим. Считай всякого человека превосходнейшим тебя, — восплачь о мертвеце твоем, — изми бревно твое, — восстанови ниспровергнутый дом твой, воззови: *Иисусе Сыне Давидов, помилуй* мя... *да прозрю* (Лк. 18, 38, 41) [48].

16. Пока есть у нас время, будем внимать себе и обучаться молчанию. И если хочешь быть покойным ко всему, будь мертв в отношении ко всякому человеку, и успокоишься. Это говорю я касательно помыслов, касательно всяких дел, обращения с людьми и забот [52].

17. Ты писал: помолись о грехах моих. И я скажу тебе тоже: помолись о грехах моих. Ибо сказано: *якоже хощете, да творят вам человецы, и вы творите им такожде* (Лк. 6, 31). Хотя я и окаянен и меньше всех людей, но доселе делаю это по силе моей, по заповеди: *молитеся друг за друга, яко да исцелеете* (Иак. 5, 16) [55].

18. Если не можешь рассуждать о вере, то и не рассуждай. Твердый в вере, если будет говорить и состязаться с еретиками или с неверными, никогда не смутится; потому что имеет внутри себя Иисуса, Начальника мира и тишины. И такой, после мирного состязания, может с любовию привести многих еретиков и неверных в познание Спасителя нашего Иисуса Христа. Ты же, так как рассуждать об иных предметах выше меры твоей, держись царского пути, то есть веры 318 святых отцов (а нам ныне — веры, утвержденной семью Вселенскими Соборами), в которую ты и крестился: она заключает в себе все с точностью для совершенно разумеющих. Внимай себе паче, помышляя о грехах своих и о том, как сретит тебя Бог [58].

19. Когда слышишь похвалу себе, поминай слово Писания: *людие мои, блажащии вас, льстят вы, и стези ног ваших возмущают* (Ис. 3, 12). Такое ублажение не допускает нам видеть гнусность дел наших: оно, думается, вредит и достигшим в меру (духовного преспеяния), и отлучает от веры в Бога, Который говорит: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще?* (Ин. 5, 44). Тот, кто понимает смирение апостола, изберет скорее буйство, *да премудр будет* (1 Кор. 3, 18). Кто же

показывает себя разумным, а не паче духовным, тот, удивляюсь, если избежит осуждения, назначенного за кичливость [61].

20. (***На вопрос о боязни по ночам.***) Граждане до тех пор боятся нашествия неприятелей, пока не имеют помощи от царя. Когда же получат известие, что в город их вступил военачальник, то не беспокоятся более, зная, что начальники пекутся о них. Если же и услышат о приближении неприятелей, то, имея защитника, уже не боятся. Так и мы, если веруем в Бога, то не боимся демонов; ибо Бог посылает нам помощь Свою [67].

21. Часы и песни суть церковные предания, и хорошо учреждены для соглашения всех людей (в молитвах), также и в общежитиях для согласия многих. Скитяне же ни часов, ни песней не читают, но наедине упражняются в рукоделии, чтении и размышлении, и через несколько времени становятся на молитву. Когда стоишь на молитве, ты должен молиться об освобождении себя от ветхого человека или произносить: *Отче наш* или то и другое вместе, и потом сесть за рукоделие. А о том, сколько продолжать молитву, когда стоишь на ней, скажу: если ты *непрестанно молишься,* по слову апостола (1 Фес. 5, 17), то не нужна продолжительность [74].

22. Что касается ночного сна, то молись с вечера два часа, считая их от захождения солнца, и кончив славословие, спи шесть часов, потом встань на бдение и бодрствуй остальные четыре часа. И в летнее время также; но сократи славословие и читай менее псалмов, по мере краткости ночей [75].

23. Господь научил нас, как стяжать смиренномудрие, говоря: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Если и ты хочешь приобрести совершенный покой, познай, что претерпел Господь, и ты претерпи, и отсекай во всем волю свою. Сам Спаситель сказал: *снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38). Совершенное же смиренномудрие состоит в том, чтобы сносить укоризны и поношения, и прочее, что пострадал Учитель наш Христос Иисус. Сие же служит и признаком того, что человек коснулся совершенной молитвы, — именно то, что он не смущается более, хотя бы и весь мир его оскорблял [79].

24. Вступлением в совершенную молитву служит то, когда кто освобождается от рассеяния помыслов и видит, что ум его, просвещенный о Господе, исполняется весельем. Совершенно молящийся есть тот, кто умерщвляет себя миру и покою его; а когда кто Бога ради исполняет прилежно дело свое, это не есть рассеяние, но тщательность богоугодная [79].

25. О мере воздержания в пище и питии отцы говорят, что должно употреблять того и другого несколько менее надлежащего, то есть не наполнять совершенно желудка. И всякий должен сам себе определить меру как в вареной пище, так и в вине. Впрочем, мера воздержания не ограничивается только пищею и питием, но простирается и на разговоры, и на сон, и на одежду, и на все чувства; во всем этом должна быть своя мера воздержания [81].

26. «Как определять меру пищи и пития, чтоб она была несколько менее надлежащего?» От всего количества пищи, то есть хлеба и других снедей, отделять без малого одну унцию; а в отношении вина и воды от обеих отделять менее половины чаши. Если ты внимаешь себе и не трудно тебе пить один только раз, это было бы хорошо; если же не можешь, то пей два раза, но всякий раз менее надлежащего. А во время смущения и брани помыслов должно и обыкновенное количество пищи и пития несколько уменьшать, то есть пищу еще на одну унцию, а все питие еще на одну чашу, — так, чтобы вообще уменьшить количество пищи на две унции, а пития на одну чашу [82].

27. «А надлежащую меру как определить или как узнать, сколько кому нужно есть и пить?» Наблюдая за собою в течение нескольких дней относительно всей пищи, то есть хлеба, других снедей и овощей, человек может из опыта узнать, сколько нужно его телу пищи и пития (чтоб быть сыту без обременения). От этой меры и пусть отделяет пищи одну унцию и пития — полчаши. А когда брань, и еще пусть отделяет по унции и по полчаши [83].

28. «Что есть воздержание по силе своей?» Воздерживаться по силе своей и есть употреблять пищу и питие, как сказано, — именно: употреблять их несколько менее надлежащего, — равно и сна. Но если кто по причине труда и утомления прибавит

несколько против этого, то это не будет нарушением правила: «По силе своей». Спросишь: какая должна быть мера сна? Отцы назначают для этого половину ночи. В отношении к пище переставай принимать ее, когда желаешь съесть еще немного, — и таким образом всегда употребляй ее умеренно [84].

29. «Что значит по прихоти принимать пищу, и что — по требованию естества?» — По прихоти — значит хотеть принимать пищу не по потребности тела, а для угождения чреву (и гортани). Если, однако же, видишь, что тело твое охотнее принимает иную пищу, не по сласти, а по легкости, то принимать ее не будет прихоть. Еще одни по естеству своему требуют сладкой пищи, другие — соленой, а иные — кислой: — и это не есть прихоть. — Но любить какую-либо пищу особенно и похотливо желать ее, — это есть прихоть — служительница чревоугодия. Если желаешь узнать, одержим ли ты страстью чревоугодия, вот как узнаешь: если пища обладает помыслом твоим (так что ты не можешь противиться ему), то ты чревоугодник. Если же такого обладания нет, и ты свободно принимаешь всякую пищу, в меру потребности тела, то у тебя нет чревоугодия [86].

Другой еще признак чревоугодия есть — хотеть есть прежде времени; чего никогда не должно делать, — разве будет какая уважительная причина [88].

30. «Если страсть (чревоугодия) прежде не борет меня, а появляется в самое время принятия пищи, что мне тогда делать, — оставить ли пищу или нет?» Когда с другим принимаешь пищу, то не оставляй; но призвав на помощь имя Божие, отгони похотение и принимай в малости, приводя себе на память, что пища эта скоро превратится в зловоние. Когда же ты один, и голоден, — ешь хлеб и другую какую пищу, к которой не чувствуешь брани [87].

31. «Должно ли вопрошать старцев о всех помыслах, рождающихся в сердце?» Не о всех возникающих в сердце помыслах должно вопрошать; а только о тех, которые долго остаются в человеке и борют его. Дело сие сходно с тем, когда человек, хотя и многие досаждают ему, пренебрегает неприятностями и не заботится о них. Если же кто восстанет и будет нападать на

него, тогда он доносит на него правителю [90].

32. «Должно ли прекословить борющему нас помыслу?» Не прекословь; потому что враги этого желают и (видя прекословие) не перестанут нападать; но помолись на них Господу, повергая пред Ним немощь свою, и Он может не только отогнать, но и совершенно упразднить их [91].

33. Ночные мечтания и осквернения бывают то от превозношения, то от пресыщения, то по зависти диавола. О последнем следует сказать, что когда с нашей стороны не содействуют врагу вознoшение и пресыщение, то он не может часто повторять этого. Как строящий дом, если не найдет потребных материалов, трудится напрасно; подобно этому и диавол [95].

34. «Хочу удержать чрево свое и уменьшить количество пищи и не могу. Если и уменьшу когда, то спустя немного времени опять возвращаюсь к прежней мере, также и в питии, отчего это?» От этого никто не освобождается, кроме пришедшего в меру того, кто сказал: *забых снести хлеб мой: от гласа воздыхания моего прильпе кость моя плоти моей* (Пс. 101, 5-6). Такой скоро достигает уменьшения пищи и пития; ибо слезы служат ему хлебом, — и наконец доходит он до того, что питается Духом Святым. Поверь мне, брат, — я знаю человека такой меры; в течение недели раз и два, и чаще восхищается он к духовной пище, и от сладости ее забывает чувственную пищу, когда же приходит вкусить хлеба, то как бы пресыщенный не хочет вкушать его и, вкушая, осуждает себя, говоря: отчего я не всегда в таком состоянии? И желает преуспеть еще более [96].

35. «Как достигнуть такого состояния?» Когда все помыслы человека составляют одно целое по Богу, тогда и плоть эта последует помыслу по Богу, — и является радость Духа в сердце, питая душу и утучняя тело, и укрепляя их обоих. Такой человек уже не ослабевает и не унывает; ибо Иисус отселе бывает Ходатаем о нем, и поставляет его близ преддверия там, отнюдуже *отбеже* всяка *болезнь и печаль, и воздыхание* (Ис. 51, 11), — и исполняется на нем слово Писания: *идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Приводит же человека в такую меру смирение [97].

36. «Как различить немощь тела (по причине воздержания) естественную от наводимой демоном, и сколько следует вкушать пищи?» О немощи скажу: если тело, принимая пищу повседневную (с обычною мерою воздержания), расслабевает, — это от демонов; в противном случае (при увеличении меры воздержания), это — немощь естественная. Обычная же мера воздержания есть вставать из-за трапезы немного несытым, как определили старцы новоначальным. Когда потом утвердится человек в сей и большей этого мере воздержания, тогда не может укрыться от него, как уже обученного навыком, сколько следует ему есть [98].

37. «Помолись о мне, очень скорблю». Совершенно умирающие миру терпением и скорбями приходят в меру возраста. О, возлюбленный брат! Господь претерпел крест, — и тебе ли не радоваться в скорбях, терпение которых вводит в Царствие Небесное? Что скорбишь — добрый знак. Разве не знаешь, что скорби и искушения умножаются, когда кому Господь готовит милость Свою. И вообще не ищи телесного покоя, если не посылает его тебе Господь, ибо мерзок пред Господом покой телесный. И Господь сказал: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33) [109].

38. «Какую назначить себе ежедневную пищу?» Если назначишь себе ежедневную пищу в келлии, это введет тебя в попечение и брань. А что посылает Бог, тем и будь доволен. *Иже ходит просто, ходит надеяся* (Притч. 10, 9) [125].

39. «Когда читаю псалмы, должно ли после каждого псалма произносить: *Отче наш?*» Один раз прочесть: *Отче наш* — будет достаточно [127].

40. Идите по тому пути, по коему ходили и мы, последуя отцам своим. Не помню, чтоб, найдя совершенный покой, мы когда-нибудь воспользовались им; но всячески старались примешивать отовсюду малую тесноту и скорбь, боясь Того, Кто сказал: *восприял еси благая твоя в животе твоем* (Лк. 16, 25), и памятуя, что *многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Так поступали мы и тогда, когда многие стяжания приходили в руки наши, и знает Бог, в какой нищете жили мы ради Обнищавшего для нас. Не хорошо давать себе

покой во всем. Кто ищет этого, тот живет для себя, а не для Бога; ибо такой человек не может отсечь волю свою [133].

41. Господь хочет, чтоб ты почитал всякого человека превосходнее себя. Старцу своему оказывай послушание во всем и исполняй все, что он ни говорит тебе, будет ли то относиться к пище или к питию, или к какой-либо другой вещи. Если оклевещут тебя, радуйся: это весьма тебе полезно. Если оскорбят тебя, претерпи; *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). За все благодари Бога; потому что благодарение ходатайствует пред Богом о немощи. Во всем и всегда осуждай себя, как согрешающего и прельщаемого, — и Бог не осудит тебя; смирись во всем и получишь благодать [141].

42. Во всех случаях будем прибегать к смирению; ибо смиренный лежит на земле, а лежащий на земле куда может упасть? Находящемуся же на высоте удобно пасть. Если мы обратились и исправились, — это не от нас, — Божий дар; ибо *Господь умудряет слепцы: Господь возводит низверженныя* (Пс. 145, 8) [161].

43. Болезнь есть вразумление нам Божие, и служит к преспеянию, если будем благодарить Бога. Не был ли Иов верным другом Божиим? Но чего не претерпел он благодаря и благословляя Бога? И терпение привело его наконец к беспримерной славе. Потерпи и ты немного (в болезни), и *узриши славу Божию* (Ин. 11, 40). А что поститься не можешь (в болезни), не скорби. Бог ни от кого не требует трудов сверх силы. К тому же, что такое пост, как не наказание тела для того, чтобы усмирить тело здоровое и сделать его немощным для страстей, по слову апостола: *егда бо немоществую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10)? А болезнь более этого наказания, и вменяется вместо поста, — и ценится даже более его. Кто переносит ее с терпением, благодаря Бога, тот через терпение получает плод спасения своего. Вместо того, чтобы ослаблять силу тела постом, оно бывает уже ослаблено болезнью. Благодари же Бога, что ты освободился от труда поститься. Если и десять раз в день будешь есть, не печалься; ты не будешь осужден за то, так как поступаешь так не в поблажку себе [169].

44. Демоны от зависти (плодам веры) наносят нам неверие; и если мы его принимаем, то делаемся их слугами и сообщниками [175].

45. (***Ежедневные упражнения.***) Должен ты несколько упражняться в псалмопении, несколько молиться изустно (молитвы на память), нужно время и на то, чтоб испытывать и блюсти свои помыслы. В псалмопении же и молитве изустной не связывай себя, но делай, сколько Господь тебя укрепит; не оставляй также чтения и внутренней молитвы. Несколько того, несколько другого, и так проведешь день, угождая Богу. Совершенные отцы наши не имели определенного правила, но в течение целого дня исполняли свое правило: несколько упражнялись в псалмопении, несколько читали устно молитвы, несколько испытывали помыслы, мало, но заботились и о пище, — и все сие делали со страхом Божиим. Ибо сказано: *аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31) [176].

46. Да не смущает тебя враг в скорби твоей. Разве искушение или скорбь случается с кем-либо без попущения Божия? Нет. Бог попускает это для нашей душевной пользы, а диавол иначе показывает нам вещи, как некогда, когда изгнал прародителей из рая. Но мы не вникаем в сие и, забывая, что Бог посылает нам скорбь для очищения нас от всякой скверны, смущаемся и унываем. Если хочешь спастись, то не верь своему помыслу; ибо бесы сеют в тебе злое семя и представляют одно вместо другого. Отнюдь никого и ни в чем не обвиняй, но во всем старайся угодить ближнему. И ни о ком не помышляй зла; ибо через это сам делаешься злым, так как злое помышляет злой, а доброе — добрый. Когда приходит тебе мысль: «Они про меня говорят», — знай, что это враг нашептывает тебе. Не имей никогда таких подозрений. Терпи же все, радуясь и веселясь; ибо велика награда за терпение. А демонам не верь; ибо нет того в действительности, что они тебе показывают: им бы только смутить тебя как-нибудь [188].

47. (***«Опять оскорбление».***) Удивляюсь простоте твоей, брат. Неужели ты думаешь, что диавол перестает искушать кого-либо? К тому же, разве можно обвинять бесноватых, которые

падают на землю и источают пену? Точно так же нельзя винить и тех, которых диавол ввергает в противление нам и оскорбление. Не их надо винить, а страсть и разжигателя ее. Тебя смущает враг, — и ты не смотришь на свои грехи, а зорко видишь грехи ближнего; о проступках брата твердишь, а про свои забыл. — Да и кто ты, чтобы смотреть на чужие грехи? Вспомни Лазаря, — сколько времени терпел он, благодаря Бога? [192].

48. «Я впал в мечтания (срамные во сне)». Впадать в мечтания и в другие страсти оставляет нас Бог, чтобы мы познавали немощь свою, и упование свое и надежду возлагали не на себя, а на Него Единого. — Однако ж, не думай, что мы по воле Божией впадаем в мечтания и другие страсти; но за нерадение наше попускает сие на нас Бог, и по человеколюбию Своему через зло (проявляющееся в нас) приводит нас к смирению для нашего спасения. Познай же, кто ты таков, и смирись не только перед Богом, но и перед людьми, возложив все свои попечения на Того, Кто может сделать несравненно более того, что просим или о чем помышляем [193].

49. «Изнемогаю от искушений». Не изнемогай, брат, Бог не оставлял тебя и не оставит. Знай, что приговор, изреченный Владыкою общему нашему отцу Адаму: *в поте лица твоего снеси хлеб твой* (Быт. 3, 19), — непреложен. Как золото, разжигаемое в горниле, делается чистым и годным для царского венца, так и человек, разжигаемый скорбями, если терпит сие с благодарением, делается сыном царствия. Верь же, что и все, с тобою случающееся, служит к твоей пользе, чтоб и ты получил дерзновение перед Богом [196].

50. (***Больному унывающему.***) Облобызай страдания Спасителя нашего, — как бы и ты вместе с Ним терпел поношения, раны, уничижения, оскорбление через оплевание, укоризну багряницы, позор тернового венца, оцет с желчью, боль от вонзения гвоздей, прободение копьем, излияние воды и крови, — и заимствуй из сего отраду болезням твоим. Господь не оставит вотще труда твоего. Он попустил тебе потерпеть малую болезнь для того, чтобы ты не чужд был святых, когда увидишь их в оный час носящими плоды терпения скорбей и прославленными, но был сообщником их и Иисуса, имея дерзновение

перед Ним со святыми. Не печалься же; Бог не забыл тебя, но печется о тебе, как об искреннем Своем сыне, а не как о *прелюбодейчище* [197].

51. Да подаст всем нам помощь великий оный Брат наш; разумею Господа нашего Иисуса Христа, благоволившего соделать нас Своими братиями (см. Евр. 2, 11). И мы уже соделались ими, и Ангелы ублажают нас. О, Кого имеем мы своим братом! Сильного, чтоб укрепить нас, — Крепкого, чтобы разделить корысти, — Военачальника, чтоб во время брани поразить врагов, нападающих на нас, — Врача, чтоб уврачевать внутреннего нашего человека, вместе с внешним, покорив его Ему, — Питателя, чтоб напитать нас духовною пищею, — Живого, чтоб живить нас, — Милостивого, чтоб нас помиловать, — Щедрого, чтоб нас ущедрить, — Царя, чтоб и нас соделать царями, — Бога, чтоб и нас сделать богами. Итак, зная, что все заключается в Нем, молись Ему, — и Он подаст тебе прошение сердца твоего, если только сам не воспрепятствуешь Ему [200].

52. Господь Иисус, сказавший: *просите и приимите* (Ин. 16, 24), да исполнит все прошения твои. Только приготовь дом свой, тщательно очистив его, для принятия Божиих дарований. Они сохранными пребывают только в очищенном доме, — и только там издают благоухание свое, где нет нечистоты. Кто вкушает их, тот делается чуждым ветхого человека, распятым для мира, как и мир для него, и живет всегда о Господе. Сколько ни ударяют воины вражии, не разбивают корабля его; и отселе он делается страшным для врагов своих, — ибо они видят на нем святую печать, — и сколько он становится врагом их, столько делается искренним и любезным другом Великого Царя [203].

53. Да не расслабляют тебя тревоги, наносимые бесовскими страстями и мечтаниями. Веруй, что хотя бесы беспокоят и искушают нас, но не успеют ничего сделать, а еще увеличат добродетель нашу, если только прилежно внимаем себе, чтобы сохранить малое терпение. Не будем же ослаблять усилия, чтобы не потерять обетований, данных нам человеколюбивым и милосердым Богом. От Него зависит подать, а наше дело сохранить. И не удивляйся, что после святых обетований и нераска-

янных дарований Божиих бесы снова воздвигают на тебя постыдные страсти свои, надеясь похитить безмерное богатство, но вспоминай, как они были бесстыдны, когда после того, как Сам Бог засвидетельствовал о святом Иове, такие искушения и казни воздвигли против него, чтобы низложить сей столп терпения; однако же не преодолели его и не могли расхитить сокровища светлой его веры и благодарения. Золото сделалось чище, пройдя через огонь, то есть праведник через множество искушений. Бог позволил и допустил, чтобы и после особенного свидетельства Его о праведнике раб Его был искушен, для большей чести и славы Владыки и безответности врагов. Не унывай же. Печати обетований целы; но *потерпи Господа* (Пс. 26, 14); *претерпевый бо до конца, той спасется* (Мф. 24, 13), о Христе Иисусе Господе нашем [209].

54. (*Ответы.*) — Смущения помыслов случаются с тобою оттого, что ты имеешь непостоянное сердце. Вина (виноградного) оставлять совершенно не надобно, но употребляй его понемногу. Спать сидя — впоследствии приводит к смирению. Вообще же всего себя предай Богу, в страхе Его [222].

55. Внимай себе; демоны хотят прельстить тебя к тому, что мало полезно, как то: спать сидя или не класть изголовья, — что есть то же, *мятва, и кимин и копре*, — и внушают *оставити вящшая закона* (Мф. 23, 23), то есть чтобы угасить гнев, иссушить раздражительность и стяжать послушание во всем. Посевают же они в тебе это для того, чтобы привести в изнеможение тело твое, отчего ты впадешь в недуг и поневоле потребуешь мягкой постели и различных снедей; а лучше будь доволен одним изголовьем и упокаивайся на нем со страхом Божиим. Вложи в горшок твой приправу из мысленных снадобий, каковы: смирение, послушание, вера, надежда, любовь, — ибо имеющий их учреждает пир Небесному Царю Христу [224].

56. «Я увлекся хульным помыслом». Уже немало времени тому, как ополчился на тебя бес хульный, погубляющий души, которые приемлют его. Он уловил тебя за гривну (цепь на шее — страсти), чтоб умертвить тебя. О, да не даст ему Бог мой места исполнить на тебе волю свою (см. 2 Тим. 2, 26). Но не отчаивайся. Се, предстоит тебе Бог, приемлющий покаяние твое.

Пробудись от прелести пленения, — и прежде всего угаси гнев и раздражительность, зная, что они приводят человека к пагубному хулению на Бога; приобрети же смирение, опаляющее демонов; послушание, открывающее Сыну Божию вход в человека; веру, спасающую человека; надежду непосрамляющую; любовь, не допускающую человека отпасть от Бога. Ты не позаботился о сих добродетелях, а, напротив, избрал себе противоположное — гнев, раздражительность и совершенную погибель — вышеупомянутое хуление. Но потрудись исправиться, взирая на благость Божию и помышляя, сколько благ Господь. Прошедшее прощено тебе, но исправься отныне. В течение 40 дней приноси покаяние Богу, делая ежедневно по три поклона и говоря: «Прости меня, хулившего Тебя, Бога моего!» и исповедуй Его злохулившими устами твоими, трижды в день говоря: «Слава Тебе, Боже мой, и благословен еси во веки — аминь!» И не впадай в то же снова, чтоб не случилось с тобою чего-либо худшего. От нечувствия сердца ты пришел в гнев, а от гнева перешел к тому, что отступил от Святого Причащения; будучи пленен совершенно, впал и в ров хулы. И если бы не предварила рука человеколюбивого Бога и молитвы святых, то душа твоя впала бы в пагубу отчаяния. Се, через меня, малейшего, говорит тебе Бог: согрешил ты, — не греши более. Молись и о прежних грехах твоих. Бог милостив и при желании нашем (исправиться) прощает нам грехи [226].

57. «Скорблю на авву за то, что он другим дает предпочтение». Брат! Ты сам себя искушаешь. Разве не знаешь, что *кийждо же искушается от своея похоти влеком и прельщаемь* (Иак. 1, 14)? Не внимай никому другому, кроме себя самого, и не любопытствуй о других, потому что это неполезно для тебя ни в каком отношении. И смотри, через какую ничтожную вещь смутил сатана сердце твое. Восстань же, поддерживаемый рукою Божиею, — и не верь помыслам своим, через которые демоны показывают тебе вещи, как хотят [232].

58. (Когда предлагают сделать что-либо, означающее почтительность.) Сохрани себя от того, чтобы не радоваться, когда тебя почитают за нечто, и покажи послушание, изгоняющее прекословие, ненавидимое Богом и любящими Его. Держись

послушания, которое возводит на небо, и приобретших оное делает подобными Сыну Божию [248].

59. «Как положить начало покаянию?» Если желаешь положить начало покаяния, посмотри, что сделала блудница: слезами своими омыла она ноги Владыки (см. Лк. 7, 38). Плач омывает всякого от грехов. Но человек достигает плача трудом, посредством многого поучения в Писании, терпения, размышления о Страшном Суде и стыде вечном, и через самоотвержение, как сказал Господь: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Отвергнуться же себя и взять крест свой значит: отсекать свою волю во всем и почитать себя за ничто [254].

60. «По немощи телесной не могу подвизаться подобно отцам». Если ты немощен и не можешь многого понести, то делай по силе своей, вкушая хлеба и пития несколько менее потребного для тебя; ибо Бог принял две лепты вдовицы и порадовался о них более, нежели о всем прочем. Обучи себя не обращаться с другими свободно — и ты спасешься [254].

61. «Возникающие во мне помыслы говорят: иди в чужую страну, и там спасешься». Это от врага, который предлагает тебе сие под видом правды, для того, чтобы, поругавшись над тобою, сделать тебя предметом соблазна для многих, дабы ты и за них понес осуждение. Впрочем, ты подвергаешься сему за твое нерадение и тщеславие. К нерадению и тщеславию присоединяют свои козни и демоны, чтобы погубить твою душу. Внимай же себе тщательно и подвизайся против помыслов, прогоняя нерадение и тщеславие; не делай ничего по своей воле и не принимай возникающих в тебе помыслов и самооправдания: в противном случае ты подвергнешься сильному падению. Приобрети твердость, и она удалит от тебя свободу в обращении с ближними, причину всех зол в человеке; оставь все попечения, — и будешь свободно служить Богу; сделайся мертвым для всякого человека, — и будешь странником; почитай себя за ничто, — и мысль твоя не будет смущаться; не думай, чтобы ты сделал что-либо доброе, — и награда твоя сохранится тебе в целости. Сверх того помни, что ты недолго пробудешь в теле, и старайся сделать то, чтоб с дерзновением мог ты сказать в оный

день: *уготовихся и не смутихся* (Пс. 118, 60). Брат! Нельзя жить без труда, и никто не венчается без подвига. Понуждай себя подвизаться о своем спасении, — и поможет тебе Бог, *Иже всем человеком хощет спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2, 4) [256].

62. Не все живущие в монастырях — монахи, но тот монах, кто исполняет дело монашеское. Господь сказал: *не всяк глаголяй ми, Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21).

Брат! Зачем ты позволяешь врагу издеваться над тобою и подвергать тебя опасностям падения? Ты спрашиваешь, — и не стараешься исполнять сказанного тебе. Опять спрашиваешь и тщеславно передаешь то другим из человекоугодия, — и сам препятствуешь себе преуспеть вскоре.

Время нам дано, чтоб, познав свои страсти, трудиться над уврачеванием их, плача и рыдая.

Если, пребывая в келлии, рассеиваешься мыслями, укоряй себя за то, повергая немощь свою перед Богом [257].

63. Кто хочет быть иноком, тот отнюдь ни в чем не должен иметь своей воли. Христос Господь, научая нас сему, сказал*: яко снидох с небесе, не да творю волю Мою* (Ин. 6, 38). Если же ты одно будешь исполнять, а от другого отказываться, то тем покажешь, что ты рассудительнее повелевающего тебе, а это то же есть, что быть поругану от бесов. Итак, ты должен слушаться во всем, хотя бы тебе и казалось, что дело повеленное не безгрешно. Авва, назначающий тебе оное, понесет и грех твой, и с него взыщется ответ за тебя. Если дело крайне для тебя неудобно и опасно, или выше сил твоих, объясни то авве, и сделай, как он рассудит [285].

64. «Когда вступлю в разговор, увлекаюсь и себя забываю; а потом стыжусь и скорблю». Чтоб немощному не впасть в это, и в славолюбие, ему должно всячески избегать многословия и прекращать разговор, извиняясь чем-нибудь и удаляясь от разговаривающих. — Когда разговор приносит пользу, и не служит препятствием более нужному делу, то стой, пока разговаривают; если же разговор этот не полезен, скажи: простите, я немощен, — и удались [304].

65. «Как поступать при встрече с другими?» При встрече с кем-либо ограничивайся только приветствием; потом скажи: помолись о мне, я иду по делу, — и уйди. А когда спросят тебя о чем-либо, и ты знаешь это, то скажи и проходи далее; при незнании же скажи: не знаю, — и проходи далее [306].

66. «Хочу пресечь свидания: сразу ли пресечь их или малопомалу?» Если пресечешь свидания одним разом, то будешь покоен; а иначе и для себя и для других будешь причиною многих смущений [309].

67. «Больничник спрашивает, читать ли врачебные книги». Читай, но, читая их или спрашивая кого о врачевствах, не забывай, что без Бога никто не получает исцеления. Кто посвящает себя врачебному искусству, тот должен предать себя имени Божию, и Бог подаст ему помощь. Врачебное искусство не препятствует человеку быть благочестивым; но ты занимайся им, как рукоделием, для братии. Что делаешь, делай со страхом Божиим, и сохранишься молитвами святых [324].

68. «Целый день нахожусь в занятии, — и оно не допускает меня помнить о Боге». Бывает, что иной много слышит о каком-либо городе, но когда случится ему войти в него, он не знает, что это тот самый город, о коем он слышал. Так и ты, брат, целый день проводишь в памяти Божией и не знаешь того. Иметь заповедь и стараться сохранить ее, как Божию, в сем заключается и повиновение и память Божия [325].

69. Мы ежедневно нуждаемся в пище, но не должны вкушать ее с услаждением. Когда мы принимаем ее, благодаря Бога, Который дал ее, и осуждая себя, как недостойных, то Бог делает, что она служит нам в освящение и благословение. Также, если нуждаешься в какой вещи и успеваешь получить ее, благодари Бога, помогающего тебе, и осуждай себя, как недостойного; и Бог отвратит от тебя пристрастие [335].

70. Каждый по своей мере любит ближнего своего; мера же совершенной любви состоит в том, чтобы ради той любви, какую человек имеет к Богу, любить и ближнего своего, как самого себя. Юные от неразумной любви друг к другу и от того, что собираются вместе для особых бесед, подвергаются падению. Мера же любви их друг к другу должна быть такова:

не клеветать друг на друга, не ненавидеть друг друга, не уничижать, не искать своего только, не любить один другого ради телесной красоты или ради какого-либо телесного занятия, не сидеть друг с другом без крайней нужды, чтобы не впасть в дерзость, погубляющую все плоды инока и делающую его подобным сухому дереву [339].

71. «Хочу спастись, но не знаю пути спасения». Брат! Бог через Божественное Писание и через отцов указал нам путь спасения, сказав: *вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе* (Втор. 32, 7). — Итак, если хочешь не заблудиться в деле спасения, то не делай ничего без вопроса у отцов духовных, и не заблудишься, благодатью Бога, *всем хотящего спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2, 4) [341].

72. «Помысл говорит мне, что если уйду куда-нибудь и стану жить один, то достигну совершенного безмолвия». — Владыка наш Иисус Христос, прежде Креста, претерпел многие досаждения и поношения, и после сего уже взошел на Крест. Подобным образом и никто не может достигнуть совершенного и многоплодного безмолвия и упокоения святого и совершенного, если прежде не спостраждет Христу (живя среди братий) и не претерпит всех страданий Его, вспоминая слова апостола: *аще... с Ним страждем, да и с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17). Не обольщайся: иного пути спасения нет, кроме сего [342].

73. (*Больному.*) Болезнь сия постигла, чтоб ты не отошел к Богу бесплодным. Если претерпишь и будешь благодарить Бога, то она вменится тебе вместо подвигов, так как ты недолго пробыл в иноческом образе [445].

74. Не должно без повеления ходить куда бы то ни было; потому что то, что мы делаем по своим помыслам, не угодно Богу. А когда по повелению идешь, тогда в том, что исполняешь повеление пославшего, заключается и молитва, и угождение Богу, Который сказал: *снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38) [453].

75. «Преутруждаюсь в послушании. Попросить ли помощника?» Брат! Кто желает прийти ко Иисусу и ходить путем спасительным, тот должен ежечасно ожидать искушений и скорбей.

Писание говорит: *чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение* (Сир. 2, 1). И Господь сказал: *аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой* на всякий день, *и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Итак, желающий быть Его учеником должен до самой смерти исполнять послушание. Быть одному, и несколько утруждать себя полезнее для тебя, нежели приглашать другого. Свобода в обращении не столько усиливается тогда, когда брат только помогает тебе; сколько в том случае, когда он будет постоянно находиться вместе с тобою [356].

76. «Кого спрашивать о помыслах; и следует ли, спросив одного, спросить о том же и другого?» Вопрошать надобно того, к кому имеешь веру, и знаешь, что он может понести помыслы, и веруешь ему, как Богу; вопрошать же другого о том же помысле есть дело неверия и пытливости. Если веришь, что Бог говорит через святого Своего, то к чему здесь испытание или какая надобность искушать Бога, вопрошая другого о том же самом? [358].

77. «Сколько раз надо помолиться, чтобы помысл получил извещение о деле?» Когда не можешь спросить своего старца, то надо трижды помолиться о всяком деле; и после сего смотреть, куда преклоняется сердце, хотя на волос, — так и поступить; ибо извещение бывает заметно и всячески понятно сердцу [362].

78. «Как должно молиться по три раза, — в разное ли время, или тотчас? Бывает, что нельзя отсрочивать». Если имеешь свободное время, помолись три раза в течение трех дней; если же случится крайняя надобность, как во время предания Спасителя, то прими в образец, что Он отходил трижды для молитвы, и молясь трижды, произносил одни и те же слова (Мф. 26, 44) [363].

79. (*О руководстве.*) Когда корабль обуревается волнами, то, если он имеет кормчего, тот премудростью, данною ему от Бога, спасает корабль и плывущий на нем радуется, видя его благосостояние. Равным образом больного немало веселит воспоминание о враче, а еще более его искусство; и путника, находящегося в опасности от разбойников, ободряет глас стражей,

а тем более их присутствие. Ежели сие действительно так, то не гораздо ли более должен доставить веселья ответ отца всякому слышащему, особенно когда он соединен с прилежною молитвою к Богу, Сказавшему: *молитеся друг за друга, яко да исцелеете* (Иак. 5, 16)? [371].

80. Открывающий свои согрешения оправдывается в них, по словам Писания: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26), и еще: *рех: исповем беззакония моя Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего.* Будем беречь себя вперед, а прежнее Бог простил нам [396].

81. Если кто, соблюдая пост, примешивает что-либо к нему по своей воле или постится, ища человеческой славы и приобретения от нее, то пост его бывает мерзок Богу. Так и во всем. Всякое доброе дело, которое совершается не из одной только любви к Богу, но к которому бывает примешана и своя воля, нечисто и неприятно Богу. Сие можно познать и из Божественного закона, который говорит: *мешаннаго семени да не сееши на селе твоем, ниже да сотвориши себе ризы от волны и льна* (см. Втор. 22, 11; Лев. 19, 19) [398].

82. Изучая псалмы на память, не высокомудрствуй, чтоб не оказалось, что ты наполняешь воздух бесполезными словами, и это не послужило тебе в осуждение. Слово Божие есть семя добра; если оно в тебе бесплодно будет, то ты осудишься вместе со скрывшим в землю серебро, данное ему для приумножения [399].

83. Какими устами возблагодарим Того, Который сперва создал нас, потом даровал нам помощь на сопротивного, — и что всего важнее — даровал место покаянию нашему, и Тело и Кровь Свою во оставление грехов и к утверждению сердца? Никогда не достигаем мы того, чтобы по достоинству благодарить Его; однако будем приносить Ему посильное благодарение устами и сердцем, — особенно же претерпением всего ради Его до самой смерти, — и Он, по человеколюбию Своему, сравнит все сие с двумя лептами евангельской вдовицы [401].

84. Когда тебе представляется какое-либо дело по Богу, а противоположный помысл сопротивляется ему, то из этого самого познается, что дело то действительно есть по Богу. —

Но приложи молитву, — и смотри: если в то время, когда будешь молиться, сердце твое утверждается в благом и благо сие возрастает, а не умаляется, тогда будет ли оставаться противоположный помысл, докучающий тебе, или нет, знай, что дело то по Богу; ибо благому непременно бывает прискорбное сопротивление по зависти диавольской, но оно (благое) молитвою берет над этим верх. Если же кажущееся добро будет внушено диаволом; а притом будет и сопротивление, от него же происходящее; тогда молитвою и самое мнимое добро умаляется, и вместе с ним мнимое сопротивление. В таком случае очевидно, что враг сопротивляется помыслу, влагаемому от него, лишь для того, чтобы через это самое обольстить нас принять сей помысл за добро [404].

85. Когда помысл хвалит тебя, и ты не можешь избежать вреда сего, постарайся призывать имя Божие, и скажи своему помыслу: Писание говорит: *людие мои, блажащии вас льстят вы и стези ног ваших возмущают* (Ис. 3, 12). То же делай, и когда другие хвалят, — припомнив при том, что принимающие похвалу человеческую не получают пользы, как говорит Сам Владыка: *како вы можете веровати* в Мя*, славу друг от друга приемлюще?* (Ин. 5, 44). Вообще же надо держать в уме и сердце, что *хваляйся же, о Господе да хвалится* (2 Кор. 10, 17); потому что если и бывает что у нас по Богу, то все с Божиею помощью. Почему апостол, достигнув и великой меры, не хвалился в себе, но взывал, говоря: *благодатию же Божиею есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10) [423].

86. Когда во время псалмопения или молитвы, или чтения придет худой помысл, пренебреги им и вникни тщательнее в псалмопение, молитву или чтение, чтоб заимствовать силу от произносимых тобою слов; если он упорствует, постарайся призывать имя Божие, и Бог поможет тебе и упразднит ухищрение врагов [424].

87. «Как стяжевать умиление в молитве, чтении и псалмопении?» Умиление в молитве приходит от воспоминания о грехах своих. Молящийся должен привести себе на память дела свои и то, как бывают судимы делающие подобное оным, и страшный оный глас: *идите от Мене, проклятии, во огнь*

вечный (Мф. 25, 41). При чтении же и псалмопении умиление приходит, когда кто возбуждает ум свой ко вниманию произносимых им слов и восприемлет в свою душу силу, заключающуюся в них. Если, несмотря на то, нечувствие еще все будет оставаться в тебе, не ослабевай, а все труди себя терпеливо; ибо милостив, и щедр, и долготерпелив Бог, принимающий наше тщание. Вспоминай всегда слова Псалмопевца: *терпя потерпех Господа, и внят ми* (Пс. 39, 1). Поучаясь в сем, уповай, что вскоре посетит тебя милость Божия [425].

88. Если во время псалмопения или когда бываешь с людьми, случится тебе призвать Бога; не подумай, будто без устного произношения ты не призываешь Его, но помни, что Он сердцеведец и взирает на сердце, — и призывай Его в сердце твоем. Это и есть сказанное в Писании: *затвори двери твоя и помолися Отцу твоему втайне* (Мф. 6, 6). Если же и не произнесешь в сердце имени Божия, а только вспомнишь о Боге, то это еще скорее призывания, — и достаточно в помощь тебе [427].

89. Истинный плач, соединенный с умилением, заглаждает прежние согрешения и омывает скверны, и постоянно именем Божиим охраняет человека, который приобрел его, изгоняет смех и рассеянность, и поддерживает непрестанное сетование; он есть щит, отражающий все разжженные стрелы диавольские (см. Еф. 6, 16); имеющий его вовсе не уязвляется бранью, если он будет и среди людей, и даже с блудницами [458].

90. Несовершенный плач то отходит, то приходит, сообразно с тем, как помысл (ревность) о спасении попеременно то разгорячается, то расслабляется. Когда же теплота соделается постоянною, тогда бывает умиление великое и постоянное, а ему последует и истинный плач, о коем должно заботиться, понуждая себя, дабы получить его [459].

91. Смирение состоит в том, чтобы отсечь во всем свою волю и не иметь ни о чем попечения. Отсечь корень страстей (похоти, чревоугодия, сребролюбия) значит то, чтоб отсечь свою волю, огорчать себя, сколько возможно, и понуждать органы чувств, чтоб они сохраняли свой чин, а не злоупотреблять ими; через сие отсекается корень не только этих, но и прочих страстей [459].

92. Предание всего в волю Божию охраняет человека от смущения, что бы ни случилось. Но смущение все же может подступать и препятствовать принять случившееся благодарно и с радостью. В таком случае надо вести брань с сим смущением, оживляя преданность в волю Божию восстановлением убеждения, что все — от Бога, и что все, бывающее от Бога, благо для нас. Ничто доброе не совершается одним нашим старанием, но силою и волею Божиею. Однако же и от нас Бог требует старания, сообразного с Его волею, а не на какой-либо хитрости и лжи основанного, что происходит от лукавого [464].

93. Молчание лучше и удивительнее всяких бесед назидательных. Его почитали и лобызали отцы наши, и им прославились. Но как мы, по причине нашей немощи, еще не достигли того, чтобы ходить путем совершенных, то будем беседовать о том, что служит к назиданию, — и беседовать, ссылаясь на отеческие слова, а не вдаваясь в изъяснение Писаний; ибо дело сие представляет немалую опасность для несведущих. Писание изречено духовно, а человек плотской не может разуметь духовного. Лучше будем прибегать в беседе к словам отеческим и найдем пользу, в них заключающуюся. Но и ими будем пользоваться умеренно, вспоминая сказавшего: *от многословия не избежиши греха* (Притч. 10, 19). А чтобы не впасть при сем в высокоумие и самохвальство помыслов, будем держать в мысли, что, не исполнивши делом того, что говорим, говорим то на осуждение самим себе [466].

94. Если молчание признается полезнейшим добрых бесед, то тем паче оно более полезно бесед о вещах средних (городах, селах, торговле, мире и войне и подобном). Но когда не можем умолчать, а увлекаемся в разговор о подобных предметах, то, по крайней мере, не будем длить беседы, чтоб от многословия не впасть в какую-либо сеть вражию [467].

95. Если ты будешь в обществе с людьми, беседующими о мирском или духовном, то дозволь и себе сказать что-либо, не заключающее в себе вреда, но рассудительно, лишь для избежания от собеседников похвал тебе, как молчаливому. Но и когда так поступаешь, то есть говоришь мало, берегись осуждать их, как говорящих много [469].

96. Когда думаешь что-либо сделать и видишь смущение в помысле, и оно после призывания имени Божия все еще будет оставаться, хотя бы на волос, то познай отсюда, что то дело, которое хочешь сделать, внушено тебе лукавым, и не делай оного; ибо ничто, делаемое со смущением, не угодно Богу. Но когда кто сопротивляется смущению (когда бывает помысл, сопротивляющийся смущению), тогда не должно сразу считать дело вредным, а рассмотреть его, хорошо ли оно или нет, — и если не хорошо, оставить его, если же хорошо, сделать, презирая смущение [471].

97. Если, начав беседу, спохватишься, что она грешна, — пресеки ее, сказав: нет, об этом не будем говорить, или, помолчав немного, скажи: забыл, о чем я начал речь, — и переведи ее на другое — безгрешное [472].

98. «Что есть самооправдание?» Есть то, когда кто отрекается от греха, как видим на Адаме, Еве, Каине и подобных, которые согрешили, но, желая себя оправдать, отрекались от согрешения [474].

99. Всякий помысл и всякое дело, как сказано, надо рассматривать, хорошо ли оно или нет, и хорошее делать, а нехорошее отвергать. Однако, чтобы доброе не было сопряжено со смущением, надобно рассматривать господствующий (при сем) помысл, с какою целью он что-либо предприемлет, — и когда допросишь его по страху Божию, то Бог не попустит тебе впасть в заблуждение. Но и во всяком случае не забывай призывать имя Божие [475].

100. (*Получившему удар от брата и хотевшему разлучиться с ним*). Не возмущайся, чтоб не сделать чего опрометчиво, особенно в отношении к человеку, смущенному помыслами от завистливого диавола. Иные больные, находясь в помрачении смысла от сильной горячки, досаждают здоровым, которые служат им, сами не зная того, потому что болезнь совершенно овладевает ими. Так и искушаемый, хотя и погубляет душу свою, не знает того; ибо упился страстью недуга по действию сопротивного, который всегда и все извращает перед ним, чтобы ввергнуть в ров пагубы. Не гнева и отмщения достоин он, а сожаления и снисхождения. Через них и нам искушенными

быть попускает Бог, — и попускает смотрительно, дабы мы явились перед Ним искусными. Будем же снисходить ближнему во время брани его чувственной и мысленной; ибо сказано: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2). — Не покушайся выйти из места своего и разлучиться с братом твоим; ибо это будет не по Богу, и исполнение воли диавола, и если ты решишься на это, враг не успокоится, но подвигнется еще на худшее. Лучше помолись о брате от всей души, и возлюби его о Христе Иисусе, Господе нашем [480].

101. (*Брату, обеспокоиваемому боязливостью.*) Брат! Ты должен прославить Бога за то, что Он оправдывает на тебе слова Писания, которое говорит: *верен Бог, Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете* (1 Кор. 10, 13). По силе твоей попускает Он тебя обучаться брани духовной; великих же мужей по силе их испытывает Он великими искушениями, и они радуются этому; ибо искушение приводит человека к преуспеянию. Где предстоит благое, там бывает и брань. Не бойся же искушений, но радуйся им, потому что они ведут к преуспеянию. Презри это искушение. Бог помогает тебе и покрывает тебя [493].

102. Старайся приобрести смирение и покорность; не настаивай ни в каком случае, чтобы было по воле твоей, ибо от этого рождается гнев; не суди и не уничтожай никого, потому что от этого изнемогает сердце и ослепляется ум, отсюда же является нерадение и рождается сердечное нечувствие. Непрестанно бодрствуй, поучаясь в законе Божием, ибо через это согревается сердце небесным огнем, как сказано: *и в поучении моем разгорится огнь* (Пс. 38, 4). Храни уста твои от праздного слова и пустословия, и да не навыкает сердце твое злым словам. Повергай себя пред Богом, говоря: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18, 13); и Он помилует тебя, и сохранит, и покроет от всякого зла, чтоб ты от тьмы перешел к истинному свету, от прелести к истине, от смерти к жизни о Христе Иисусе, Господе нашем [495].

103. Давай телу столько (пищи), сколько ему нужно; и не получишь вреда, хотя бы ты ел и три раза в день. Если человек и один раз ест в день, но безрассудно, то какая ему от того польза?

За многоядением следует брань блуда, — и враг после него отягощает тело сном, чтобы осквернить его [500].

104. Что иногда чувствуешь сильную слабость при служении (на правиле) и при рукоделии, — не дивись. Таков уж путь этот: иногда чувствует себя человек так, а иногда иначе; подобно тому, как путник: то идет путем гладким, то встречает стремнины и горы, то снова опять выходит на ровную дорогу. Не смотри на слабость; а все делай и делай свое дело [504].

105. (*Больному, вынуждаемому принимать пищу не по уставу.*) Кто ест не для услаждения себя, а по немощи телесной, Бог не осуждает того. Снеди возбраняются нам для того, чтобы предохранить нас от пресыщения и возбуждений телесных, а где немощь, там упраздняются их действия; потому что где немощь, там и призывание Бога [507].

106. (*Больному, просившему молитв в изнеможении.*) Брат унылый и ропотливый! Зачем скорбишь? Зачем вопиешь? Для чего посылаешь (за помощью) далеко, имея Иисуса, стоящего близ тебя и желающего, чтобы ты призывал Его в помощь? — Воззови к Нему: *Наставниче!* и Он ответит тебе. Прикоснись краю одежды Его, и Он исцелит тебя не только от одного этого страдания, но и от всех страстей твоих. Если бы ум твой находился там, где бы ему надлежало быть, то и угрызения ядовитых змей и скорпионов не могли бы низвести тебя оттуда к ощущению телесной болезни: *забых,* говорит, *снести хлеб мой... от гласа воздыхания моего...* (Пс. 101, 5-6). Не скорби; милость Божия близка к тебе [511].

107. Презри тело, которое будут есть черви; оно нисколько не поможет тебе, когда предастся тлению. Апостол говорит: *плоти угодия не творите в похоти* (Рим. 13, 14) [514].

108. (*Больной:* «Снисходить ли телу по немощи?») Бог дал нам разум, чтобы нам руководиться на путь правый посредством Божественных Писаний. Апостол говорит: *вся же искушающе, добрая держите* (1 Фес. 5, 21). Человек должен только наблюдать, чтоб не употребить чего или не сделать чего по страсти; а что он делает по немощи или по нужде, то не вменяется ему ни в грех, ни в послабление. В состоянии здоровья искать телу покоя побуждает похотение; а когда будем поддержи-

вать тело по нужде, то оно будет помогать нам при исполнении наших дел. Если мы заботимся о животных, которые служат нашим потребностям, тем более должны заботиться о теле, как об орудии души. Когда орудие притупится, сие затрудняет художника, хотя бы он был и быстроумен, и сведущ. Апостол, обращая внимание на болезнь и слабость желудка святого Тимофея, повелел ему употреблять вино (см. 1 Тим. 5, 23), хотя и заповедал ему злопострадати (терпеть лишения), исполняя *дело благовестника* (2 Тим. 4, 5). И во всем человеку должно держаться рассуждения, — и он не скоро поползнется [515].

109. «Брани все более и более восстают на меня». Брат! Время браней есть время делания; не расслабляйся, но делай. Веди брань; и когда она усиливается, укрепляйся и ты, взывая: Господи, Иисусе Христе! Ты видишь немощь мою и скорбь мою, помоги мне и *избави мя от гонящих мя, яко... к Тебе приидох* (Пс. 141, 7; 142, 9); и помолись, чтоб получить тебе силу служить Богу в чистом сердце [540].

110. Два дарования дал Бог людям, через которые могут они спастись и избавиться от всех страстей ветхого человека: смирение и послушание; а мы не стремимся к ним, не желаем ни пребывать в них, ни руководствоваться ими. Оставь все уклонения, преклони выю твою к смирению и послушанию, и получишь милость. Если будешь исполнять со смирением и послушанием то, что слышишь от отцов, то Господь подаст тебе благую помощь Свою не только в том деле, в котором ты упражняешься, но устроит, что и все дела твои будут успешны, ибо Он хранит путь боящихся Его и покрывает шествие их. Зачем негодуешь? Зачем споришь? Милость Божия поможет тебе, если ты пребудешь постоянно в терпении Божием. Перестань быть гневливым, раздражительным и завистливым. Умри для всякого человека. Скажи помыслу: кто я? *Земля и пепел* (Быт. 18, 27) и *пес* (Мф. 15, 27). Не разбирай других, уничижая их и осмеивая. Понуждай себя не говорить: что это? Зачем то? (Сир. 39, 22). Зачем я не имею равного с тем или другим? Но прилежно трудись в малом рукоделии твоем, со страхом Божиим, и получишь за него немалое воздаяние [550].

111. Когда от уныния находит дремание и препятствует предлежащему делу, тогда должно встать на молитву и не переставать молиться, — и Господь упразднит дремание молитвою [561].

112. (*Желавшему быть последним — чтоб только приняли в обитель*). Чтобы быть на последнем месте — не твое дело искать сего. Это зависит от аввы твоего; а твое дело приготовить себя к послушанию [563].

113. Если человек сам не потрудится по силе своей и не присоединит собственного труда к молитвам святых, то никакой не получит пользы от того, что святые будут за него молиться. Когда они будут поститься и молиться за него, а он будет сластолюбствовать и вести себя беспорядочно, то какую пользу принесет молитва их о нем? Ибо здесь сбывается сказанное в Писании: *един созидаяй, а другий разоряяй, что успеет более, токмо труд?* (Сир. 34, 23). И апостол говорит: *много бо может молитва праведнаго поспешествуема* (Иак. 5, 16), то есть когда святой и праведный молится за грешного, то и грешный, по силе своей, должен содействовать молению святых покаянием [622].

114. Когда кто-нибудь будет просить другого дать ему что, а он не имеет того, то он не будет осужден за то, что не подаст ему просимого. И апостол Петр, когда хромой просил у него милостыни, сказал: *сребра и злата несть у мене* (Деян. 3, 6), — и не взял взаймы, чтобы подать ему. — Также если кто имеет необходимо нужное для него самого, то и сего не должен издерживать на милостыню, как случится, чтобы после, при собственном недостатке, не стал скорбеть, не в силах будучи понести скудости. А когда просящий будет докучать ему, и он скажет: прости меня, мне нечего дать тебе, то это не будет ложь; потому что тот, у кого есть только необходимо нужное для него самого, не имеет, что дать другому. Пусть скажет просящему: прости меня, я имею только то, что необходимо нужно себе самому. Вспомни пять дев, которые, когда другие просили их дать им елей для светильников, отвечали им: *еда како не достанет нам и вам* (Мф. 25, 9). И апостол Павел, пиша к коринфянам, говорит: да будет *ваше избыточествие во онех ли-*

шение (2 Кор. 8, 14), и: *не бо да иным убо отрада, вам же скорбь* (2 Кор. 8, 13) [626].

115. Когда хочешь подать милостыню, а помысл наводит сомнение, чтобы не подать, тогда испытай свой помысл, и если найдешь, что он делает так по скупости, то дай и еще несколько более против того, чтобы следовало дать [632].

116. «Кому нечего подать, тот как может сделаться причастником блаженства?» Блаженство обещано не одним милостыннодателям. *Блажени нищии духом, — блажени плачущии* и проч. (Мф. 5, 3 и далее). Итак, если не можешь подавать милостыню, то будь нищ духом, чтобы наследовать со святыми Царство Небесное. Плачь о грехах своих в сем мире, чтобы утешиться с плачущими. Приобрети кротость, чтоб наследовать землю. Будь чист сердцем, чтобы узреть Бога во славе Его. Претерпи Господа ради поношение, гонение и ложные злословия, чтобы возвеселиться в радости, получив многую мзду на небесах [633].

117. «Если закон Господень повелевает одно, а закон мира сего определяет противное: что должно делать?» Закон Божий важнее; ибо он говорит о спасении души, закон же мирской, будучи плотян, говорит к плотским [657].

118. Любовь твоя спрашивает меня о том, что тебе случается страстно смотреть на предстоящего и увлекаться душой. Это очевидно относится к браням от диавола. При этом должно тебе вспоминать истление и смрад естества нашего, как изменимся мы, когда будем в гробах. Представляй также себе перед глаза будущий Страшный суд Божий, и то, каков будет жребий так поступающих, и как возможешь ты понести великий оный срам при обнаружении дел наших перед Ангелами и Архангелами, перед всеми людьми и перед праведным Судиею, и как заградятся тогда уста совершающих дела сии. Убоимся того, который сказал: *не льстите себе, ни блудницы, ни идолослужителе, ни прелюбодее, ни малакии, ни мужеложницы... Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 9-10), — и: *всяк, иже воззрит на жену ко* еже *вожделети ея* и проч. (Мф. 5, 28). Ты должен воспоминать это, и не бывать часто у тех людей, к которым чувствуешь брань сию; но и не обнаруживай им, почему

ты удаляешься от них, чтоб не подать им повода к разным помыслам. — А как скоро нужно будет беседовать с ними, призови святое имя Божие в помощь, говоря: Владыко Иисусе! Покрой меня, и помоги немощи моей. И не бойся; Он сокрушит лук врагов, ибо от имени Его зло становится недействительным. Вместо многого говори мало, и не давай свободы своему слуху и помыслам; но держи себя благочинно и без смущения, дабы никто не мог заметить того, что происходит. Если же через сие получишь и силу, то не будь смел в отношении врагов твоих, потому что они бесстыдны, и хотя и тысячи раз будут побеждены, снова приступают к борьбе. Но Бог Победитель помогает смирению человека, ради которого Он, по собственной воле Своей, восхотел воплотиться [666].

119. «Как ум увлекается в блудный помысл?» Увлечение или отвлечение (и плен) ума бывает не только в отношении блудной страсти, но и в других случаях. Ум подвергается сему от рассеяния, — и когда это случится, человек должен воззвать себя самого, говоря: Господи, прости меня, имени ради Твоего святого; за нерадение мое я подвергся сему. Избавь меня от рассеяния и от всякой сети вражией. А признак, по которому можешь узнать такое увлечение, пусть будет тебе следующий: если кто беседует с другим, а ум его рассеивается туда и сюда, то случается, что когда он говорит об одном, мысль его переносится к другому. Вот это и есть увлечение. Таким же образом увлекает нас и блудный помысл. Случается, что кто-либо беседует с другим, и если враг успеет отвлечь ум от богоугодного трезвения, то вследствие рассеяния является в уме и блудное вожделение. И это есть также увлечение, потому что оно случилось не по размышлению или воспоминанию, но человек увлекся им по забвению. Пришедши в себя, такой человек должен воззвать себя, по вышесказанному, и прибегнуть к милости Божией. Господь благоутробен и примет его, как блудного сына. Когда же и без рассеяния оная брань возникнет в помысле, то должно трезвиться, не услаждаться такими помыслами, не медлить в них, но скорее прибегнуть ко Владыке Богу [667].

120. Лучше всего избегать всякой беседы с женщинами. Если нужда заставляет входить в обращение с ними, поищем исполнить это через других. Если же и этого невозможно, то, вступая в обращение с ними, будем держать себя, как держит себя приближающийся к огню. Этот всячески бережется, чтоб не обжечься огнем: так и мы будем обращаться с женщинами, как бы приступая к огню, — и всемерно утвердим себя в страхе Божием. Не будем смотреть на женщин, как ни случилось. Не дадим воли глазам своим, не станем медлить в беседе с ними; ибо от сего рождается огнь вожделения, но постараемся вскоре удалиться от них, моля Бога, да спасет Он нас в этот трудный час от сети диавола, расставленной перед нами, и непрестанно будем воспоминать Бога, — и великая сила Его покроет немощь нашу о Христе Иисусе, Господе нашем [668].

121. «Полезно ли мне оставить жену свою с намерением вступить в монастырь?» Ты не должен оставлять ее сам собою, потому что нарушишь заповедь апостола, который говорит: *привязался ли еси жене? не ищи разрешения* (1 Кор. 7, 27). Если она (после тебя) согрешит и станет жить худо, то грех сей будет на тебе; разве только оставишь ее по согласию, посоветовавшись с нею, и ради пользы. Но предоставь сие дело Богу; и как угодно Его человеколюбию, так Он и сотворит [669].

122. Отнюдь не должно скорбеть о вещах мира сего, но только об одном грехе. Также — радоваться с радующимися, — значит сорадоваться тем, которые успевают в добродетели по Богу и веселятся упованием будущих благ; а плакать с плачущими — значит сострадать согрешающим в их покаянии о грехах [682-3].

123. (На — *блажени миротворцы.*) Лучше умиротворять собственное свое сердце: сие каждому прилично, — и блажен, кто это делает. А примирять ссорящихся не всем прилично, но только тем, которые могут сие предпринимать без всякого вреда для себя. Немощный же должен радоваться о мире всех, но не делать себя посредником для примирения каждого человека, а разве только тех, которых он любит по Богу; и то когда не предстоит ему душевного вреда [685].

124. «Терплю оскорбление от некоего: что мне делать?» Делай ему добро [687].

125. «Когда приходит ко мне кто из отцов, я не имею нужных вещей, чтоб предложить ему, и скорблю». Такой помысл от диавола. Достаточно предложить им то, что у тебя есть, по сказанному: *довольни сущими* (Евр. 13, 5), — и Бог известит их о твоем усердии. Когда и тебе случится пойти куда-либо, не ожидай найти там покоя, — и ты не смутишься; а когда, возмечтав найти его, не найдешь, то будешь злословить принявшего тебя к себе: но злословие есть смерть души. Благодари за все: ибо в сем состоит духовная и душеполезная пища и покой [689].

126. Вопрошающий отцов подражает Христу, Который *смирил Себя*, приняв *зрак раба* (Флп. 2, 8, 7). Муж, живущий без совета, враг себе; ибо Писание говорит: *без совета ничесоже твори* (Сир. 32, 21). Полезнее со смирением вопрошать, нежели идти со своею волею; ибо Сам Господь влагает в уста вопрошаемого, что сказать, ради смирения и правоты сердца вопрошающего [701].

127. Никогда не состязайся о вере: Бог не требует от тебя сего, но лишь того, чтобы веровал право, как принял от святой Церкви при крещении, и чтобы соблюдал заповеди Его. Сохрани сие, — и спасешься. Если же будешь спрошен, скажи: простите меня, отцы святые, это выше меня [702].

128. Не исследуй ничего из того, чего Бог не требует от тебя, но будь доволен, как я выше сказал, исповеданием правой веры, и не любопытствуй ни о чем сверх того [704].

129. Когда случится тебе быть с мирянами, и они начнут празднословить, то, если не имеешь особой нужды, уйди; а когда будет надобность, то обратись умом к молитве своей, не осуждая их, но познавая свою немощь. Впрочем, если они расположены к тебе и ты знаешь, что они охотно слушают слово Божие, попытайся переменить эту пустую беседу на полезную, рассказав им что-либо из жития святых [714, 715].

130. Когда кто из знаемых твоих держится еретических мудрований, увещай его познать правую веру, но не состязайся с ним, и не желай слышать, как он мудрствует, чтоб не заразиться ядом его. Если он пожелает услышать истину веры, приведи

его к святым отцам, которые могут оказать ему пользу во Христе. Таким образом ты поможешь ему по Богу без вреда себе. Но если он по первом и втором увещании не исправится, то такового, по слову апостола, *отрицайся* (Тит. 3, 10) [740].

131. «Помысл говорит мне, чтоб я не часто выходил из своего дома, а случается так, что в продолжение недели бывает несколько раз церковная служба: должен ли я ходить к ней или лучше дома заниматься (молитвою)?» Если знаешь, что при выходе из дома встречи наносят тебе вред, то полезно тебе не выходить часто (из дома), даже и по причине церковной службы, но лишь по временам; ибо безмолвие избавляет от многих зол [746].

132. «Если же представится мне нужда выйти из дома по собственной потребности или для отцов, — не послужит ли в отягчение совести — не пойти (в таком случае) в церковь?» Если тебе нужда будет выйти из дома по необходимой потребности или по повелению отцов, постарайся сделать свое дело со страхом Божиим и не сомневайся касательно того, что не будешь у церковной службы, но возвратись в дом свой, и там вспоминай грехи свои. Если же выйдешь из дома по лености и рассеянию, то полезнее тогда пойти в церковное собрание и не рассеиваться, а внимать себе [747].

133. «Хорошо ли ходить в церковь ночью (на бдение) или дома по силе своей совершать бдение?» Хорошо совершать бдение дома, ибо в церкви бывают беседы [748].

134. «Помысл представляет мне недостаток моих потребных средств, внушая, что я не могу пропитаться с домашними моими, — и от сего нападает на меня печаль». Это — печаль человеческая. Если бы мы имели надежду на Бога, то Он Сам управлял бы нами по воле Своей. Итак, *возверзи на Господа печаль твою* (Пс. 54, 23), и Он силен подать тебе и домашним твоим все необходимое без печали и скорби. Скажи Ему: *да будет воля Твоя* (Мф. 6, 10), и Он не оставит тебя в печали и скорби [751].

135. «Когда делаю что-либо несправедливое, и потом исправляюсь в том, помысл мой высокомудрствует, внушая, будто я сделал нечто благое: что я должен в этом случае говорить

ему?» Скажи ему: без Бога мы не можем сделать ничего благого, как сказал Он Сам: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). И апостол говорит: *что же имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишися яко не приемь?* (1 Кор. 4, 7). А потому, когда мы и в делании благого не можем высокомудрствовать, тем более в удалении от злого. Великое безумие вменять себе в похвалу то, что не согрешаем [776].

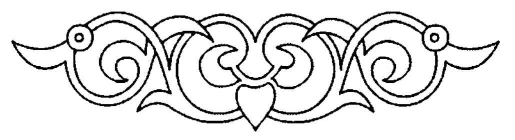
136. «В каждой пище есть естественная сладость: не делает ли она вреда принимающему пищу?» Владыка Бог каждому роду пищи даровал сладость, и принимающему оную с благодарением нет от сего вреда. Пристрастия же всегда надобно остерегаться: ибо оно составляет вред для души [780].

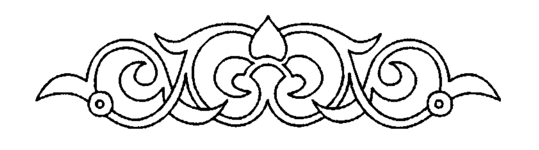
137. «Не неприлично ли делать что-либо так, чтоб работа выходила чистою, — когда, например, случится мне строить здание или делать что-либо другое?» Делать вещь так, чтобы она выходила чистою и красивою, не неуместно, ради употребления, для которого эта вещь служит, но без пристрастия, ибо и Господь радуется о всякой чистоте. Если же примечаешь в себе пристрастие к вещи, то вспоминай конец ее, как она подвергается тлению, и успокоишься; ибо нет ни одной вещи, которая бы пребывала постоянно в одном и том же виде, но все тленно и изменчиво [781].

ПРЕПОДОБНЫЙ АВВА ДОРОФЕЙ

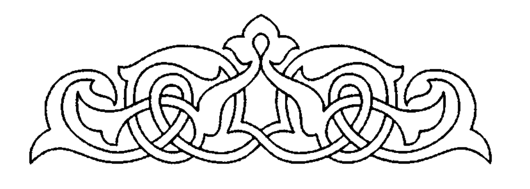

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ АВВЕ ДОРОФЕЕ

Процветал авва Дорофей в конце шестого и в начале седьмого века. Раннюю молодость свою провел он в изучении светских наук, – очень прилежном. По окончании образования жил несколько времени на родине, недалеко от обители аввы Серида, может быть, в Аскалоне или Газе. Состояние его было достаточное. Скоро вступил он в сношение с великими старцами Варсонофием и Иоанном, которых наставления расположили его, оставив все, принять монашество в обители аввы Серида, где они имели покой. Под их руководством прошел он иноческое свое воспитание, преимущественно, впрочем, под руководством старца Иоанна, проходя в то же время и послушания, возлагаемые на него аввою обители, который сначала вверил его надзору странноприимницу, а потом больницу. Во время этого последнего послушания он был руководителем святого Досифея. По кончине аввы Серида и старца святого Иоанна, когда общий наставник их великий Варсонофий совершенно заключился в своей келлии, преподобный Дорофей удалился из общежития аввы Серида и был настоятелем другой некоей обители. Вероятно, к этому времени относятся его поучения, говоренные им своим ученикам. Эти поучения в числе двадцати одного и несколько посланий составляют все, что осталось нам в наследие от писаний сего отца, свет учения которого распространялся не только в обителях иноческих, но и всюду между христианами. Год кончины его неизвестен. Память его 5 июня.

ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ СВЯТОГО АВВЫ ДОРОФЕЯ

(Извлекаются подряд. Цитируются страницы по изданию 1856 года)

1. По благости Своей Бог дал нам заповеди, очищающие нас, дабы мы, если пожелаем, могли соблюдением заповедей очиститься не только от грехов, но и от самых страстей. Ибо иное суть страсти, и иное грехи. Страсти суть: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грехи же суть самые действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, то есть совершает с телом те дела, к которым побуждают его страсти; ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним [22-23].

2. Закон (ветхий) имел целью научить нас не делать того, чего сами не хотим пострадать; потому он и останавливал нас только от делания зла. Ныне же (в Новом Завете) требуется изгнать самую страсть, побуждающую делать зло, — самую ненависть, самое сластолюбие, самое славолюбие и прочие страсти [23].

3. Послушайте, что говорит Господь: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Здесь Он показал корень и причину всех зол и врачевство от них — причину всего доброго; показал именно, что возношение низложило нас, и что помилование получить иначе не возможно, как через противоположное ему смиренномудрие. От чего подверглись мы всем скорбям? Не от гордости ли? Человек был создан во всяком наслаждении и был в раю. Но ему было повелено не делать одного дела, а он сделал. Видишь гордость? Видишь непокорность (дщерь гордости)? — Тогда Бог сказал: человек не умеет наслаждаться одною радостью; если он не испытает злоключений, то пойдет еще далее и

совершенно погибнет; если не узнает, что такое скорбь и труд, то не узнает, и что такое радость и покой; — и изгнал его из рая. Тут он предан был собственному своему самолюбию и собственной воле, чтобы они сокрушили кости его, и чтобы через то научился он следовать не самому себе, но заповедям Божиим, и чтобы самое злострадание преслушания научило его блаженству послушания, как сказано у пророка: *накажет* (научит) *тя* отступление твое (Иер. 2, 19). Вот ныне благость Божия и взывает: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии... и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 28-29). Как бы так: вот вы натрудились и настрадались, испытали злые последствия непокорности: придите же теперь и обратитесь; оживите себя смиренномудрием, вместо высокомудрия, которым вы себя умертвили. *Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29) [24-26].

4. Авва Марк сказал: без сокрушения сердечного невозможно освободиться от зла и приобрести добродетель. Через сокрушение сердечное человек делается послушным заповедям, освобождается от зла, приобретает добродетели, — и потом восходит в покой свой [27].

5. Некоторые боголюбивые люди, пресекши по святом крещении действия страстей, восхотели победить и самые страсти и стать бесстрастными, каковы: святой Антоний, святой Пахомий и прочие богоносные отцы. Они восприяли благое намерение *очистить себя от всякия скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1). Но зная, что, находясь в мире, не удобно достигнуть сего, они измыслили свой особенный образ жизни, особенный образ действования, то есть отрешенную от мира уединенную жизнь, и начали убегать от мира и жить в пустынях, подвизались в постах и бдениях, спали на голой земле, и всякие другие несли лишения, совершенно отрекшись от отечества и сродства, имений и стяжаний [27-28].

6. Они не только сохранили заповеди, но и принесли Богу дары. Заповеди даны всем христианам, и всякий христианин обязан их исполнять. Это есть то же, что в мире дань, должная

царю. Но как в мире есть люди великие и знатные, которые не только дани дают царю, но приносят ему и дары, — за что удостаиваются особой чести, наград и достоинств; так и отцы не только дань принесли Богу, сохранив заповеди, но принесли Ему и дары — девство и нестяжание, кои не суть заповеди, а дело произволения; ибо о первом сказано: *могий вместити да вместит* (Мф. 19, 12), а о втором: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21) [28].

7. Они распяли себе мир, а потом восподвизались и себя распять миру, подражая апостолу, который говорит: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14). Ибо когда человек отрекается от мира и делается иноком, — оставляет родителей, стяжания и все житейские дела и заботы, тогда он мир распинает себе. Когда же потом, освободившись от внешних вещей, подвизается он и против самых услаждений, или против самого вожделения вещей, и против своих пожеланий, и умерщвляет самые страсти, тогда он и себя распинает миру, — и дерзновенно может сказать с апостолом: *мне мир распяся, и аз миру* [29].

8. Отцы наши, распяв себе мир, и себя распяли миру, предавшись подвигам. А мы, хотя по-видимому распяли себе мир, оставив мир и пришедши в монастырь; но себя распять миру не хотим, ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастие его, сочувствуем славе его, удерживаем в себе пристрастие к снедям, к одеждам и прочим суетностям. Однако, мы не должны так делать, но как отреклись от мира и вещей его, так должны отрешиться и от самого пристрастия к вещам тем [29, 30].

9. Мы оставили мир, оставим и пристрастие к нему. Ибо пристрастия опять привязывают нас к миру и соединяют с ним, хотя бы они касались маловажных, обыкновенных и ничего не стоящих вещей. Но если хотим совершенно измениться и освободиться от пристрастий, научимся отсекать хотения свои, — каких бы малых вещей они ни касались. Ибо ничто не приносит столько пользы людям, как отсечение своей воли; и поистине, от сего человек преуспевает более, нежели от всякой другой добродетели. Между тем такое отсечение своей воли и своих хотений может быть поминутное. Положим, что кто-либо

идет; помысл говорит ему: посмотри туда и сюда, но он отсекает свое хотение и не идет. Встретил он разговаривающих; помысл говорит ему: скажи и ты с ними слово-другое, но он отсекает свое хотение и не говорит. Подошел он к кухне; помысл говорит: зашел бы спросить, что готовит повар, но он отсекает это хотение и не заходит и проч. и проч. Отсекая, таким образом, свое хотение, он приходит в навык отсекать его и, начиная с малого, достигает того, что и в великом отсекает его без труда и спокойно; и так начинает наконец вовсе не иметь своей воли, и чтобы ни случилось, бывает спокоен. Так отсечением своей води приобретается беспристрастие, а от беспристрастия, с помощью Божиею, восходят и к совершенному бесстрастию [33-34].

10. Некто из старцев сказал: «Прежде всего нужно нам смирение». Почему же он так сказал? Почему не сказал, что прежде всего нужно нам воздержание? Ибо апостол говорит: *подвизайся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25). Или почему не сказал, что прежде всего нужен нам страх Божий? Ибо в Писании сказано: *начало премудрости страх Господень* (Притч. 1, 7). Почему также не сказал, что прежде всего нужна нам милостыня или вера? Ибо сказано: *милостынями и верами очищаются греси* (Притч. 15, 27), и еще: *без веры же невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). Почему же он, оставя все сие столь нужное, выставляет только смиренномудрие? Старец показывает нам сим, что ни страх Божий, ни милостыня, ни вера, ни воздержание, ни другая какая-либо добродетель не может быть совершена без смиренномудрия. Смиренномудрием же сокрушаются и все стрелы врага и противника. Все святые шествовали путем его и трудом. *Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя,* взывает Псалмопевец; и еще: *смирихся, и спасе мя* Господь (Пс. 24, 18; 114, 5) [39, 40].

11. Тот же старец сказал: смирение ни на кого не гневается и никого не прогневляет. Смирение привлекает на душу благодать Божию; благодать же Божия, пришедши, избавляет душу от сих двух тяжких страстей. Ибо что может быть более тяжким, как гневаться на ближнего и прогневлять его? Но что я

говорю, будто смирение избавляет от двух только страстей? Оно избавляет душу и от всякой страсти и от всякого искушения [41].

12. Когда святой Антоний увидел распростертыми все сети диавола и, вздохнув, вопросил Бога: «Кто же избегнет их?», то Бог ответил ему: «Смирение избегает их»; и, что еще более удивительно, — присовокупил: «Они даже не прикасаются ему». Видишь силу сей добродетели? Поистине нет ничего крепче смиренномудрия, ничто не побеждает его. Если со смиренным случится что скорбное, он тотчас себя осуждает, что достоин того, — и не станет укорять никого, не будет на другого возлагать вину. Таким образом, переносит он случившееся без смущения, без скорби, с совершенным спокойствием; а потому и не гневается ни на кого, и никого не прогневляет [41, 42].

13. Смирения два, так же как и две гордости. Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, осуждает его и бесчестит, как ничего не значащего, а себя считает выше его. Такой если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу приходит и во вторую гордость, которая гордится против Самого Бога и приписывает себе свои подвиги и добродетели, а не Богу, как будто он сам собою совершил их, своим знанием и умом, а не помощью Божиею. Из сего видеть можно, в чем состоят и два смирения. Первое смирение состоит в том, чтобы почитать брата своего разумнее и по всему превосходнее себя, — или почитать себя ниже всех. Второе же смирение состоит в том, чтобы свои подвиги приписывать Богу. И это есть совершенное смирение святых [42-44].

14. Совершенное смирение рождается от исполнения заповедей. Когда на деревьях бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви их книзу и нагибают их; а ветвь, на которой нет плодов, стремится вверх и растет прямо. Есть же такие деревья, которые не дают плода, пока их ветви растут вверх; но если кто возьмет камень, привесит к ветви и нагнет ее книзу, тогда она дает плод. Так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. Оттого святые, чем более приближаются к Богу,

тем более видят себя грешными. Так Авраам, когда увидел Господа, назвал себя *землею и пеплом* (см. Быт. 18, 27); Исаия, увидев Бога превознесенна, воззвал: *окаянный аз... и нечисты устне имый* (6, 5) [44, 45].

15. Никто не может выразить словами, что такое есть смирение, и как оно рождается в душе, если не узнает сего из опыта. Из одних же слов никто не может познать сего. Некогда авва Зосима говорил о смирении (что чем кто святее, тем смиреннее), и какой-то софист, бывший при том, спросил его: «Разве ты не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, что исполняешь заповеди: как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?» Старец не находил, какой дать ему ответ, а только говорил: «Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным». И когда софист все еще докучал ему вопросом: как это? — старец говорил ему одно: «Не знаю как; но я подлинно считаю себя таким. Не смущай меня». Так и когда авва Агафон приближался к кончине, и братия сказали ему: «И ты ли боишься, отче?», то он ответил: «Сколько мог я понуждал себя сохранять заповеди, но я человек, и почему могу знать, угодно ли Богу дело мое? Ибо иной суд Божий, и иной человеческий» [46, 47].

16. Что приводит к смирению, об этом некто из старцев сказал так: «Путем к смирению служат телесные труды, совершаемые разумно, — и то, чтобы считать себя ниже всех, и непрестанно молиться Богу». Телесные труды приводят душу к смирению, потому что душа сострадает телу и соучаствует во всем, что делается в теле. Как труд телесный смиряет тело, то вместе с ним смиряется и душа. То, чтобы считать себя ниже всех, есть отличительная черта смирения, и навыкновение и упражнение в сем само собою укореняет смирение и искореняет гордость, какую назвали мы первою. Ибо как может кто-либо гордиться перед кем-либо или укорить, и уничижить кого тот, кто почитает себя ниже всех? Так же и то, чтоб молиться непрестанно, явно противится гордости — второй. Ибо очевидно, что тот наклоняет себя к смирению, кто, зная, что не может совершить никакой добродетели без помощи Божией, не перестает всегда молиться Богу, чтобы Он совершил с ним

милость. Почему непрестанно молящийся если и сподобится совершить что-либо, то, зная, почему он совершил сие, не может возгордиться; ибо не может приписать сего своей силе, но все свои успехи относит к Богу, всегда благодарит Его и всегда призывает Его, трепеща, как бы ему не лишиться таковой помощи. Итак, он со смирением молится и молитвою смиряется; и чем более преуспевает всегда в добродетели, тем более всегда смиряется; а по мере того, как смиряется, получает помощь и преуспевает в смиренномудрии [47-49].

17. Сотворив человека, Бог всеял в него нечто Божественное, — некий, подобный искре помысл, имеющий в себе и свет и теплоту, — помысл, просвещающий ум и показующий ему, что добро и что зло. Называется сие совестью, — и она есть естественный закон. Следуя сему закону — совести, — патриархи и все святые, прежде писанного закона, угодили Богу. Но когда люди через грехопадение закрыли и попрали совесть, тогда сделался нужен закон писанный, стали нужны святые пророки, нужно сделалось самое пришествие Владыки нашего Иисуса Христа, — чтобы открыть и воздвигнуть ее, — чтоб засыпанную оную искру снова возжечь хранением святых Его заповедей [50].

18. Ныне в нашей власти или опять засыпать ее, или дать ей светиться в нас и просвещать нас, если будем повиноваться. Когда совесть наша говорит нам сделать что-либо, а мы пренебрегаем сим, — и когда она снова говорит, а мы не делаем, но продолжаем попирать ее, тогда мы засыпаем ее, — и она не может уже явственно говорить нам от тяготы, лежащей на ней, но как светильник, сияющий за завесою, начинает показывать нам вещи все темнее и темнее. Как в воде, помутившейся от многого ила, никто не может узнать лица своего; так и мы, по преступлении, не разумеем, что говорит нам наша совесть, — так что нам кажется, будто ее вовсе нет у нас.

19. Совесть называется соперником, потому что всегда сопротивляется злой воле нашей и напоминает нам, что мы должны делать, но не делаем, и если что не должны делать, делаем, — осуждает нас. Посему Господь и назвал ее соперником,

и заповедует нам: *буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним* (Мф. 5, 25) то есть в мире сем, как говорит святой Василий Великий [51].

20. Будем же хранить нашу совесть, пока находимся в мире сем, не допустим, чтоб она обличала нас в каком-либо деле, не будем попирать ее ни в чем, хотя бы то было самое малое. Знайте, что от пренебрежения сего малого и в сущности ничтожного мы переходим к пренебрежению и великого. Если кто начнет говорить: «Что за важность, если я съем эту безделицу? Что за важность, если я посмотрю на ту или на эту вещь?» то от этого: «Что за важность в том, что за важность в другом?» — впадет он в злой навык и начнет пренебрегать великим и важным и попирать свою совесть; а таким образом, закосневая во зле, будет он в опасности прийти и в совершенное нечувствие [51, 2].

21. Совесть хранить должно и в отношении к Богу, и в отношении к ближнему, и в отношении к вещам. — В отношении к Богу тот хранит совесть, кто не пренебрегает Его заповедями; и даже в том, чего не видят люди, и чего никто не требует от нас, он хранит совесть свою к Богу втайне. — Хранение совести в отношении к ближнему требует, чтоб отнюдь не делать ничего такого, что, как знаем, оскорбляет или соблазняет ближнего делом или словом, или видом, или взором. — Хранение совести в отношении к вещам состоит в том, чтобы не обращаться худо с какою-либо вещью, не давать ей портиться и не бросать ее без нужды. — Во всех этих отношениях должно хранить совесть свою чистою и незапятнанною, чтоб не попасть в беду, от которой Сам Господь предостерегает нас (см. Мф. 5, 26) [52-54].

22. Святой Иоанн говорит: *совершенна любы вон изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18). Как же святой пророк Давид говорит: *бойтеся Господа, вси святии Его* (Пс. 33, 10)? Сим показывается что есть два страха: один первоначальный, а другой совершенный, — один свойствен начинающим, а другой свойствен совершенным святым, достигшим в меру совершенной любви. Кто исполняет волю Божию по страху мук, тот есть еще новоначальный; а кто исполняет волю Божию из любви к Богу, —

для того, чтоб угодить Богу, того сия любовь приводит в совершенный страх, по коему он, вкусив сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. И сей-то совершенный страх, рождающийся от любви, вон изгоняет страх первоначальный [55, 6].

23. Страха совершенного невозможно достигнуть, если кто прежде не приобретет первоначального страха. Премудрый Сирах говорит: страх Божий есть начало и конец (см. Сир. 1, 15, 18). Началом назван первоначальный страх, за которым следует совершенный страх святых. Первоначальный страх свойствен душевному состоянию. Он охраняет душу от всякого падения; ибо сказано: *страхом же Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27). Но кто уклоняется от зла по страху наказания, как раб, боящийся господина, тот постепенно приходит к тому, чтоб делать благое добровольно, — сначала как наемник, надеяся некоего воздаяния за свое благое делание. Если же он таким образом будет постоянно избегать зла из страха, подобно рабу, и делать благое в надежде награды, подобно наемнику, то, пребывая, по благодати Божией, во благом и соразмерно сему соединяясь с Богом, получает он наконец вкус ко благому, приходит в некоторое ощущение истинно благого, — и уже не хочет разлучиться с ним. Тогда достигает он в достоинство сына, и любит добро ради самого добра, — и хотя боится, но потому, что любит. Сей-то есть великий и совершенный страх [57-58].

24. Сию постепенность изображает и святой пророк Давид в следующих словах: *уклонися от зла и сотвори благо; взыщи мира и пожени и* (Пс. 33, 15). *Уклонися,* говорит, *от зла,* то есть избегай всякого вообще зла, уклоняйся от всякого дела, ведущего к греху. Но сказав это, он не остановился на сем, но прибавил: *и сотвори благо.* Ибо случается, что иной не делает зла, но и добра не творит; и, например, не обижает, но и милосердия не оказывает, или не ненавидит, но и не любит. Сказав же и об этом, он последовательно продолжает: *взыщи мира и пожени и.* Не сказал только — взыщи, но усильно стремись за ним, чтоб достигнуть его. Следите внимательно умом своим за сею речью и примечайте тонкость, наблюдаемую святым. Когда кто сподо-

бится уклониться от зла и потом, с помощью Божиею, будет старательно делать благое, тотчас восстанут на него брани вражеские, — и он подвизается, трудится, сокрушается, то боясь возвратиться опять на злое, как раб, то надеясь награды за благое, как наемник. Но терпя нападения от врага, борясь с ним и сопротивляясь ему; по сим побуждениям он, хотя делает благое, однако же с большою скорбию и великим трудом. Когда же, получив помощь от Бога, и приобретет некоторый навык в добре, тогда видит он покой, тогда вкушает мир, тогда ощущает, что значит прискорбная брань, и что — радость и веселье мира. И начинает уже потом искать мира, усиленно стремиться к нему, чтоб достигнуть его, приобрести совершенно и водворить его в себе. Достигший же в меру сию, вкушает наконец блаженство миротворцев (см. Мф. 5, 9). И отселе кто может побудить душу сию делать добро ради чего-либо иного, кроме наслаждения тем самым добром? Тогда-то таковой познает и совершенный страх [59-61].

25. Отцы сказали, что человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений, — если каждый вечер испытывает себя, как провел день, и каждое утро, — как прошла ночь, — если не будет дерзок, и наконец, если будет находиться в близком общении с человеком, боящимся Бога. Ибо говорят, что один брат спросил некоего старца: «Что мне делать, отче, чтобы бояться Бога?» Старец отвечал ему: «Иди, живи с человеком, боящимся Бога, — и он тем самым, что боится Бога, научит и тебя бояться Бога». Отгоняем же страх Божий от себя тем, что делаем все противное сказанному: не имеем ни памяти смертной, ни памяти мучений, — не внимаем самим себе и не испытываем себя, как проводим время, — но живем нерадиво и обращаемся с людьми, не имеющими страха Божия, — и бываем дерзки. И сие последнее хуже всего: это совершенная пагуба; ибо ничто так не отгоняет страха Божия от души, как дерзость. Спросили о ней некогда авву Агафона, — и он сказал: «Дерзость подобна сильному жгучему ветру, от которого, когда он подует, все бегут, и который портит всякий плод

на деревьях». — Бог да избавит нас от всегубительной сей страсти — дерзости [61, 62].

26. Дерзость бывает многообразна: можно быть дерзким и словом, и движением, и взором. От дерзости иной впадает в празднословие, говорит мирское, делает смешное и побуждает других к непристойному смеху. Дерзость и то, когда кто коснется другого без нужды, протянет руку на кого смеющегося, толкнет кого, вырвет что у него из рук, бесстыдно смотрит на кого: все это делает дерзость, все это происходит оттого, что в душе нет страха Божия, — и от сего человек приходит мало-помалу и в совершенную небрежность. Посему-то Бог, когда давал заповеди закона, сказал: *благоговейны сотворите сыны Израилевы* (Лев. 15, 31); ибо без благоговения и скромной стыдливости (несмелости) человек не чтит и Самого Бога и не хранит ни одной заповеди. Потому нет ничего вреднее дерзости, — потому-то она и есть матерь всех страстей, что изгоняет благоговение, отгоняет страх Божий от души и рождает небрежность [62, 3].

27. Авва Иоанн, ученик аввы Варсонофия, имел обыкновение повторять следующие четыре изречения, — иногда одно, иногда другое, при отпуске от себя приходивших братий: «Через сохранение совести в отношении к ближнему рождается смиренномудрие; никогда не должно предпочитать свою волю воле брата своего; бегай от всего человеческого и спасешься; *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6, 2)». — Каждый раз он предварял сии изречения такими словами: «Сказал я однажды: брат, — Бог да сохранит любовь, — отцы сказали»; и после сего прилагал одно из своих изречений [66].

28. При всяком встречающемся деле, хотя бы оно было крайне нужно и требовало тщания, не хочу, чтоб вы делали его со спорами или со смущением, но будьте уверены, что всякое дело, которое вы делаете, — велико ли оно или мало, — есть восьмая часть искомого, а сохранить свое устроение, если и случится от сего не исполнить дела, есть семь восьмых. Итак, если вы делаете какое дело и хотите совершенно и всецело

исполнить его, то старайтесь как самое дело исполнить, что, как я сказал, есть восьмая часть искомого, так вместе с тем сохранить и свое устроение неповрежденным, — что составляет семь восьмых. Если же для того, чтоб исполнить дело вашего служения, настоять будет необходимость увлечься и повредить себе или другому, споря с ним, то не надобно терять семь восьмых для того, чтоб сохранить одну восьмую [69-70].

29. Премудрый Соломон говорит в притчах: *имже несть управления, падают аки листвие; спасение же есть во мнозе совете* (Притч. 11, 14). Видите ли, чему учит нас Святое Писание? Оно увещевает нас не полагаться на самих себя, не считать себя все разумеющими, не верить тому, что можем сами управлять собою, ибо мы имеем нужду в помощи, нуждаемся в наставляющих нас по Богу. Нет несчастнее и ближе к погибели людей, не имеющих наставника в пути Божием. Ибо что значит сказанное: имже несть управления, падают аки листвие? Лист сначала всегда бывает зелен, цветущ, красив, но потом постепенно засыхает, падает и, наконец, попирается ногами. Так и человек, никем не управляемый, сначала всегда имеет усердие к посту, бдению, безмолвию, послушанию и к другим добродетелям; потом усердие это мало-помалу охлаждается, и он, не имея никого, кто бы наставлял его, поддерживал и воспламенял в нем это усердие, не чувствительно засыхает, падает и становится наконец подвластным рабом врагов, кои делают уже с ним, что хотят [72-73].

30. О тех, которые открывают свои помышления и поступки и делают все с советом, говорит Премудрый: *спасение есть во мнозе совете*. Не говорит: «В совете многих», — чтоб с каждым совещаться, но что должно совещаться обо всем, — конечно, с тем, к кому имеем доверие, и не так, чтоб одно говорить, а другое умалчивать, но все открывать и обо всем советоваться; такому и есть верное спасение *во мнозе совете* [73].

31. Когда мы не открываем своих мыслей и намерений и не испрашиваем совета опытных, тогда держимся своей воли и следуем своим оправданиям (то есть тому, что сами считаем праведным). И тогда, делая по-видимому доброе дело, мы сами

себе расставляем сети и гибнем, не ведая того. Ибо как можем мы уразуметь волю Божию или вполне предаться ей, если верим самим себе и держимся своей воли? Посему-то авва Пимен и говорил, что «воля наша есть медная стена между человеком и Богом» [74].

32. Тому, кто верит своему уму и предается своей воле, враг, как хочет, устраивает падение. К тому же, кто с совета все творит, ему нет доступа. Оттого он ненавидит и вопрошение, и наставление по поводу его, ненавидит самый голос, самый звук таковых слов. И сказать ли, почему? Потому что знает, что злокозненность его тотчас обнаружится, как только станут спрашивать и говорить о полезном. А он ничего так не боится, как быть узнанным, потому что тогда он уже не может коварствовать, как хочет. Когда кто спрашивает и слышит совет от коголибо опытного: «Это делай, а сего не делай» или: «Теперь не время сему делу», и иной раз: «Теперь время»; тогда диавол не находит, каким образом вредить ему или как низложить его, потому что он всегда советуется и со всех сторон ограждает себя, — и таким образом исполняется на нем сказанное: *спасение есть во мнозе совете* [75-76].

33. Враг любит полагающихся на свой разум; потому что они помогают ему и сами себе строят козни. Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от того, или от того падает человек; а я не знаю другого падения, кроме того, когда человек следует сам себе. Увидишь ли падшего, — знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего гибельнее сего [77-78].

34. Я всегда говорю вам, что от незначительных послаблений себе доходим мы и до значительных грехов. Что тяжелее греха осуждать ближнего? Что столько ненавидит Бог, и от чего столько отвращается? И однако же в такое великое зло приходит человек от ничтожного по-видимому, — от того, что дозволяет себе малое зазрение ближнего. Ибо когда это дозволяется, тогда ум начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближнего. А от сего (от навыка в этом) происходят пересуды, укоры, злословия, — и наконец — пагуб-

ное осуждение. Но ничто столько не прогневляет Бога, ничто так не обнажает человека (от благодати) и не приводит к погибели, как укорение, злословие и осуждение ближнего [82-3].

35. Иное дело злословить, а иное — осуждать или уничижать. Злословить — значит сказать о ком-либо: такой-то солгал, или соблудил, или погневался, или другое что недоброе сделал. Вот такой позлословил брата, то есть сказал страстно о его согрешении. А осуждать — значит сказать: такой-то лгун, блудник, гневлив. Вот такой осудил самое расположение души его, произнес приговор о всей жизни его, говоря, что он таков-то, и осудил его, как такого: а это тяжкое прегрешение [83].

36. Фарисей, молясь и благодаря Бога за свои добродетели, не солгал, но говорил истину, и не за то был осужден: ибо мы должны благодарить Бога, когда сподобились сделать что-либо доброе, потому что Он помог и содействовал нам в этом. Не за это был он осужден; и не за то, что сказал: *несмь, якоже прочии человецы*. Но когда, обратясь к мытарю, сказал: *или якоже сей мытарь*; тогда подвергся осуждению (сам за осуждение другого). Ибо он осудил самое лицо, самое расположение души его, всю жизнь его. Почему мытарь и вышел оправдан паче оного (Лк. 18, 11) [83-84].

37. Одному Богу принадлежит оправдывать или осуждать, поелику Он знает и душевное расположение каждого, и силу стремления, и дарования, телосложение и способности; и сообразно с этим осуждает или оправдывает каждого — праведно. Ибо кто может верно знать все сие, кроме Единого, сотворившего всех, и всеведущего [85].

38. Иногда мы не только осуждаем, но и уничижаем ближнего; ибо иное есть осуждать, и иное — уничижать. Уничижение есть то, когда человек не только осуждает, но и презирает другого, — гнушается им и отвращается от него, как от некоей мерзости: это хуже осуждения и гораздо пагубнее [87].

39. Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают. Таков был тот, который, видя, что брат согрешил, вздохнул и сказал: «Горе мне! как он согрешил сегодня, так я согрешу

завтра». Видишь ли мудрое настроение души? Как он тотчас нашел средство избегнуть осуждения брата своего? Ибо, сказав: «Так и я завтра», он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить, — и так избежал осуждения ближнего. При том не удовлетворился этим, но и себя повергнул под ноги его, сказав: «И сей покается о грехе своем, а я не покаюсь как должно, не достигну покаяния, не в силах буду покаяться». Видишь просвещение божественной души? [87-88].

40. Бывает, что яд осуждения, переполнив нашу душу, ищет излиться и в других. И вот мы, встречая другого брата, мирного ко всем, спешим пересказать ему: то и то случилось, — и причиняем ему вред, внося в сердце его грех осуждения. Не боимся мы говорившего: *горе напаяющему подруга своего развращением мутным* (Авв. 2, 15); но совершаем бесовское дело и нерадим о том. Ибо смущать и вредить, чье дело, как не бесовское? И вот мы оказываемся помощниками бесов на погибель свою и ближнего. Отчего так? Оттого, что нет в нас любви. Ибо *любовь покрывает множество грехов* (1 Пет. 4, 8) [88].

41. Святые не осуждают согрешающего и не отвращаются от него, но сострадают ему, скорбят о нем, вразумляют, утешают, врачуют его, как больной член, и делают все, чтоб спасти его. Что сделал святой Аммон, когда братия пришли и сказали ему в смущении: «Пойди и посмотри, отче; у такого-то брата в келлии женщина»? Какое милосердие показал он? Догадавшись, что брат скрыл женщину под кадкою, он пошел и сел на оную, и велел им искать по всей келлии. Когда же они ничего не нашли, он сказал им: «Бог да простит вас». Так он постыдил их, и оказал им великую пользу, научив не легко верить обвинению на ближнего; и брата того исправил, не только покрыв его по Богу, но и вразумив его, когда нашел удобное к тому время. Ибо выслав всех вон, он взял его за руку и сказал ему: «Подумай о душе своей, брат!» Брат сей тотчас устыдился, пришел в умиление и пресек грех. Так благотворно подействовало на душу его человеколюбие и сострадание старца [89-90].

42. Представьте себе круг, средину его — центр, и из центра исходящие радиусы — лучи. Эти радиусы чем дальше идут от центра, тем более расходятся и удаляются друг от друга; напротив, чем ближе подходят к центру, тем больше сближаются между собою. Положите теперь, что круг сей есть мир, самая средина круга — Бог, а прямые линии (радиусы), идущие от центра к окружности или от окружности к центру, суть пути жизни людей. И тут то же. Насколько святые входят внутрь круга к средине оного, желая приблизиться к Богу, настолько по мере вхождения они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и притом так, что сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу, и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так разумейте и об удалении. Когда удаляются от Бога и обращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они отходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга, — и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково и свойство любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовию к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними, и сколько соединяемся с ближними, столько соединяемся и с Богом [91-92].

43. Отчего происходит, что иногда кто-либо, услышав оскорбительное слово, не обращает на него внимания, а переносит оное без смущения, как будто вовсе не слыхал его, иногда же, как только услышит, тотчас смущается? Отчего так бывает? Не смущаются вот отчего: ***во-первых,*** случается, что иной после молитвы или доброго упражнения находится в добром расположении духа, и потому снисходит брату своему и не смущается его словами; случается ***также,*** что иной имеет большое расположение к кому-либо, и потому без огорчения переносит все, от него наносимое; бывает ***также,*** что иной презирает желающего оскорбить его и ни во что вменяет обиды его. А смущаются от противоположного сему, — оттого, что бывают не в добром расположении духа, или оттого, что имеют неприязнь против оскорбившего, — и от других причин.

Но главною причиною всякого смущения служит то, что мы не укоряем самих себя [92-4].

44. Авва Пимен сказал: «Куда бы ни пошел укоряющий себя, какой бы ни приключился ему вред или бесчестие, или иная какая скорбь, он уже предварительно считает себя достойным всего неприятного и никогда не смущается. Есть ли что беспечальнее такого состояния?..» [94].

45. Скажет кто-нибудь: если брат оскорбит меня, и я, испытав себя, найду, что не подал ему никакого к тому повода, то как могу укорить себя? Поистине, если кто испытает себя со страхом Божиим, то найдет, что всячески сим подал повод: или делом, или словом, или видом; если же не окажется, чтоб в настоящее время он подал какой-либо повод, то, всеконечно, когда-нибудь в другое время оскорбил его или в этом, или в другом деле, или, может быть, оскорбил другого брата, и должен был пострадать за сие, — или часто за иной какой-либо грех. Потому и говорю я, что если кто рассмотрит себя со страхом Божиим и строго испытает совесть свою, то непременно найдет себя виновным и укорит себя [94-95].

46. Случается, что иной, сидя в уединении безмолвном, пребывает в мире. Но вот пришел брат, и между разговорами сказал что-либо неприятное, и он тотчас пришел в смущение, — и говорит потом: «Если бы он не пришел ко мне и не смутил меня, то я не согрешил бы». Какое смешное рассуждение! Разве тот, кто сказал ему слово, вложил ему страсть? Он только вызвал наружу ту, которая была уже в нем; и теперь предлежит ему не на брата скорбеть, а каяться в страсти, укоряя себя. Такой человек похож на гнилой хлеб, который снаружи хороший, а внутри заплесневел, и когда кто-либо разломит его, то обнаруживается его гнилость, — или на чистый сосуд, который внутри полон смрада и зловония, и когда кто откроет его, тотчас становится чувствительным смрад его. Так и этот пребывал, как ему казалось, в мире, не замечая, что страсть была внутри его; брат сказал ему одно слово и обнаружил гнилость, сокрытую внутри его. Посему если он хочет быть помилованным, то пусть покается, укорив себя. Сим только путем он достигнет

чистоты и преуспеет. Брата же того ему должно еще благодарить, как доставившего ему такую пользу [95].

47. Душа по мере того, как творит грех, изнемогает от него; ибо грех расслабляет и приводит в изнеможение того, кто предается ему; и потому все, приключающееся ему, отягощает его. Если же человек преуспевает в добре, то по мере преуспеяния ему делается более легким то, что некогда было тяжело [95].

48. Во всяком случае должны мы взирать горе́. Добро ли нам кто сделает или злое потерпим от кого-либо, мы должны взирать горе и благодарить Бога за все, случающееся с нами, всегда укоряя самих себя и говоря, что если случится с нами что доброе, то это дело милостивого промышления о нас Божия, а если злое, — то это за грехи наши [98].

49. Окаянные мы, ежедневно согрешающие и страстям своим удовлетворяющие! Оставили мы путь правый, указанный нам отцами, — путь самоукорения, и идем кривым путем укорения ближнего. И каждый из нас старается во всяком деле сложить вину на брата своего и на него возложить всю тяготу; каждый ленится и не соблюдает ни одной заповеди, а от ближнего требует исполнения всех заповедей [98].

50. Где тот старец, который, когда его спросили: «Что главное из найденного тобою на пути сем, отче?» — ответил: «То, чтобы во всем укорять себя»? Так и авва Пимен сказал со стенанием: «Все добродетели вошли в дом сей, но без одной добродетели трудно устоять человеку». «Какая же это добродетель?» — спросили его. Он ответил: «Та, чтоб человек укорял себя». И святой Антоний сказал: «Велико делание возлагать перед лицом Бога согрешения свои на себя, — и до последнего издыхания ожидать искушения». И везде находим мы, что отцы наши обретали покой от того, что, возложив на Бога все, даже и самое малое, они всегда соблюдали сие правило — себя во всем укорять [100].

51. Отцы сказали, что монахам несвойственно гневаться, также и оскорблять кого-либо, и еще: «Кто преодолел раздражительность, тот преодолел демонов, а кто побеждается сею страстью, тот вовсе чужд иноческой жизни, и проч.» Что же

должны мы сказать о себе, когда не только предаемся раздражению и гневу, но и пребываем в злопамятстве? Что нам делать, как не оплакивать такое жалкое и не человеческое состояние (душ наших)? Однако же будем внимать себе, братия, и постараемся с помощью Божиею избавиться от горечи этой губительной страсти [103].

52. Между братиями нередко происходят смущения и возникают неудовольствия, но они обычно спешат уладить эти размолвки и умиротворяются. Бывает однако же, что иной и после того, как, поклонившись, помирится, продолжает скорбеть на брата и держать мысли против него. Это есть злопамятность, — и она требует многого внимания, чтобы не закоснеть в оной и не погибнуть. Кто помирился тотчас после раздражения, тот исцелил гнев, но против злопамятности еще не подвизался, — и потому продолжает скорбеть на брата. Ибо иное — злопамятность, иное — гнев, иное — раздражительность, и иное — смущение. Чтоб вы лучше поняли это, скажу пример. Кто разводит огонь, тот берет сначала малый уголек: это слово брата, нанесшего оскорбление. Если ты перенесешь это слово, то ты и погасил уголек. Если же будешь думать: «Зачем он это сказал? Когда так, и я ему скажу то и то; если бы он не хотел оскорбить меня, то не сказал бы этого, — так и я оскорблю его непременно». Вот ты и подложил лучинки или что другое, подобно разводящему огонь, и произвел дым, который есть смущение. Смущение есть то самое движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце. А раздражение есть отмстительное восстание на опечалившего, которое обращается в дерзость, как сказал блаженный авва Марк: «Злоба, питаемая помыслами, раздражает сердце; молитва же убивает ее». Если бы ты перенес малое слово брата, то погасил бы этот малый уголек прежде, чем произошло смущение. — Однако же и его, если хочешь, можешь удобно погасить, пока оно еще ново, молчанием, молитвою, одним поклоном от сердца. — Если же будешь продолжать дымить, то есть раздражать и возбуждать сердце помышлениями: «Зачем он... так и я»... то от сего разгорится сердце твое и породится воспаление раздражительности. Если

хочешь, можешь погасить и ее прежде, чем произойдет гнев. Если же будешь продолжать возмущать и раздражать себя, то уподобишься человеку, подкладывающему дрова на огонь, от чего образуется пламень огненный, — и это есть гнев. А гнев, если закоснеет, обращается в злопамятность, от которой человек не освободится, если не прольет крови своей (потов и трудов над собою) [103-105].

53. Се слышали вы, что такое начальное смущение, что раздражительность, что гнев, и что злопамятство. Видите ли, как от одного слова доходят до такого зла? Ибо если бы ты сначала укорил себя, терпеливо перенес слово брата твоего, и не хотел бы отомстить ему и на одно слово сказать два или пять слов, и воздать злом за зло, то избавился бы от всех зол этих. Посему и говорю вам: всегда отсекайте страсти, пока они еще молоды, прежде нежели они укоренятся и укрепятся в вас, и станут удручать вас: ибо тогда придется вам много пострадать от них. Иное дело — вырвать малую былинку, и иное — искоренить большое дерево [105].

54. Воздавать злом за зло можно не только делом, но и словом и видом. Иной думает, что он на деле не воздает злом за зло, но оказывается, что воздает словом, или видом, или движением, или взором; ибо и всем этим можно оскорбить брата своего, — и это также есть воздаяние злом за зло. Другой же не старается мстить за зло ни делом, ни словом, ни видом, ни движением, но в сердце своем имеет неудовольствие на брата своего и скорбит на него. Другой хотя не имеет скорби на брата своего, но если услышит, что кто-нибудь оскорбит брата того в чем-либо, или что его побранили или унизили, — и радуется тому, то и он оказывается воздающим злом за зло в сердце своем. Другой не питает злобы в сердце своем и не радуется, слыша об унижении оскорбившего его, даже и печалится, если ему нанесут оскорбление; однако же не радуется и благополучию его, — когда, например, видя, как того прославляют и тому угождают, скорбит; и это есть также вид злопамятности, хотя и легчайший [107-108].

55. Иной, если случится кому оскорбить его, и они поклонятся друг другу и примирятся между собою, живет в мире с тем и не имеет против него никакой злой мысли в сердце своем; когда же через несколько времени тому опять случится сказать что-либо скорбное для него, то он начинает вспоминать и прежнее и смущаться не только о втором, но и о прежнем. Сей подобен человеку, имеющему рану и положившему на нее пластырь, и хотя он в настоящее время заживил рану, и она заросла, но место еще болезненно; и если кто бросит в него камень, то место сие повреждается более всего тела и тотчас начинает источать кровь. То же самое претерпевает и оный человек: была у него рана, и он приложил пластырь, — то есть сделал поклон и исцелил рану, то есть гнев, примирением; начал также усиливаться и против злопамятности, стараясь не питать ни одной злой мысли в сердце своем. Это значит, что рана зарастает; но она еще не совершенно зажила, — есть еще остаток злопамятности, от которого удобно возобновляется рана, если человек получит хотя легкий ушиб [108-109].

56. Надобно подвизаться — совершенно очистить и внутренний гной, дабы больное место совсем заросло, и чтобы не осталось никакого безобразия, и вовсе нельзя было узнать, что на этом месте была рана. Как же сего достигнуть? Молясь от всего сердца об оскорбившем и говоря: Боже, помоги брату моему и мне ради молитв его! Молясь таким образом за брата своего, являет он сострадание и любовь, прося же помощи себе ради молитв его, смиряется. А где сострадание, любовь и смирение, там что может успеть раздражительность или злопамятность, или другая какая страсть? И авва Зосима сказал: «Если диавол подвигнет все хитрости злобы своей со всеми демонами своими, то все коварства его упразднятся и сокрушатся от смирения, по заповеди Христовой». А другой старец сказал: «Молящийся за врага не будет злопамятен» [109].

57. Делом исполняйте советы старцев, и тогда хорошо уразумеете, что говорят они; если не будете исполнять, никогда не можете одними словами научиться делу подвижничества. Какой человек, желая научиться искусству, постигает его из одних

слов? Нет; сперва он работает и портит, работает и уничтожает свое изделие; и так мало-помалу, трудами и терпением научается искусству с помощью Бога, взирающего на его труд и произволение. А мы хотим искусству искусств научиться одними словами, не принимаясь за дело. Возможно это?! Будем же внимать себе и трудиться со тщанием, пока еще имеем время [109-110].

58. Нужно всячески внимать, чтоб не быть окраденными ложью, ибо лжец не соединяется с Богом. Ложь чужда Богу. В Писании сказано, что ложь от диавола, что он *ложь есть и отец лжи* (Ин. 8, 44). Се, отцом лжи назван диавол, истина же есть Бог; ибо Он Сам говорит: *Аз есмь путь и истина и живот* (Ин. 14, 6). Видите, от Кого мы отлучаем себя и с кем соединяем себя ложью! — Итак, если поистине хотим спастись, то мы должны всею силою и всем усердием любить истину и охранять себя от всякой лжи, чтоб она не отлучила нас от истины и жизни [110-111].

59. Есть три различных вида лжи: иной лжет мыслью, другой лжет словом, а иной лжет самою жизнью своею. Мыслью лжет тот, кто принимает за истину свои предположения, то есть пустые подозрения на ближнего; когда, например, видит, что кто-нибудь говорит с братом своим, делает свои догадки: «Это он про меня что-нибудь говорит», и подобное. Такой лжет мыслью; ибо он ничего истинного не говорит, но только по одному своему мнению, а от сего происходят злословие, пересуды, враждование и осуждение. Словом лжет тот, кто, например, поленившись встать на бдение, не говорит: «Прости, я поленился встать»; но говорит: «У меня был жар, я был нездоров», и десятки лживых слов придумывает, — чтоб не сделать одного поклона и не смириться. Также, если он желает чего, то не скажет прямо: «Я этого желаю», но все извращает слова свои, указывая то на болезнь, то на нужду, — и лжет до тех пор, пока не удовлетворит желания. Такому наконец перестают верить и когда он говорит правду. Жизнью своею лжет тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным, или, будучи

корыстолюбив, выставляет себя милостивым, или, будучи надмен, принимает вид смиренного [111-117].

60. Позаботимся о себе. Кто нам даст время сие, если мы понапрасну потеряем его? Поистине будет время, когда взыщем дней этих и не обрящем. Авва Арсений всегда говорил себе: «Арсений, для чего вышел ты из мира?» [119].

61. Если бы мы восхотели поподвизаться не много, то не скорбели бы много и не испытывали бы трудностей. Ибо если кто понуждает себя на подвиги, то, продолжая подвизаться, мало-помалу преуспевает и потом с покоем совершает добродетели; поелику Бог, видя, что он понуждает себя, подает ему помощь. Будем же понуждать себя; ибо мы хотя не достигли еще совершенства, но если будем подвизаться, то через подвиг получим помощь, и с сею помощью стяжаем всякие добродетели. Посему-то некто из отцов сказал: «Дай кровь, и приими дух», то есть подвизайся, и получишь навык в добродетели [119-120].

62. Как желающий обучиться плотничеству не занимается иным ремеслом, так и те, которые хотят научиться деланию духовному, не должны заботиться ни о чем другом, но день и ночь поучаться в том, как бы приобрести оное. Однако же, всему должна быть мера. Некто из старцев сказал: «Ходите путем царским и считайте поприща (версты)». Ибо добродетели суть средина между излишеством и недостатком. Поэтому и сказано в Писании: *да не уклонишися... ни на десно, ни на лево*, но путем царским ходи (Втор. 17, 11) [121-122].

63. Зло само по себе есть ничто, ибо оно не есть какое-либо существо и не имеет никакого состава. Но душа, уклонившись от добродетели, делается страстною и рождает грех, и потом томится, не находя себе в нем естественного упокоения. И дерево разве имеет по естеству червей внутри себя? Но заводится в нем малая гнилость; от этой гнилости зарождается червь, — и сей самый червь съедает дерево. Так и душа сама производит зло, — и опять сама мучится от зла, как сказал Григорий Богослов: «Огонь есть порождение вещества; и поедает вещество, как и злых зло» [122].

64. То же самое видим и в телесной болезни: когда кто живет беспорядочно и не бережет здоровья, то происходит избыток или недостаток чего-либо в теле, и от этого потом человек делается больным; а прежде этого вовсе не существовало болезни, и она не была никогда чем-либо; и опять, по исцелении тела, болезнь уже вовсе не существует. Так точно и зло есть недуг души, лишившейся свойственного ей и по естеству ей принадлежащего здравия, которое есть добродетель [122-123].

65. Есть три состояния в человеке: он или действует по страсти, или сопротивляется ей, или искореняет ее. Действует по страсти тот, кто приводит ее в исполнение, удовлетворяет ей. Сопротивляется ей тот, кто не действует по ней и не отсекает ее, но благоразумно минует как бы страсть, однако имеет ее в себе. А искореняет страсть тот, кто подвизается и действует против страсти [124].

66. Действующий по страсти подобен человеку, который, будучи поражен от врага своего стрелами, берет их и собственными руками вонзает в свое сердце. Сопротивлявшийся страсти подобен осыпаемому стрелами врага своего, но облеченному в броню, и потому не получающему ран. А искореняющий страсть подобен тому, кто, будучи осыпаем стрелами врага своего, сокрушает их или возвращает в сердце врага, как сказано в псалме: *мечь их да внидет в сердца их, и луцы их да сокрушатся* (Пс. 36, 15) [128].

67. Один брат семь дней пробыл в горячке, и вот прошли другие сорок дней, а он еще не находит в себе крепости. Семь дней был болен сей смиренный, — а сколько дней прошло, что он все еще не поправился? Так бывает и с душою: иной согрешает не много, а сколько времени проводит потом, проливая кровь свою, пока исправится? [129-130].

68. Видим, как братия наши похищаются из среды нашей, и не внимаем себе, тогда как знаем, что и мы мало-помалу приближаемся к смерти. Будем же внимать себе, и пока есть время, не будем терять его понапрасну. Как не помним мы слова оного старца, сказавшего, что если кто потеряет золото или серебро, то он вместо него может найти другое; если же потеряем

время, живя в праздности и лености, то не возможем найти другого взамен потерянного. Поистине будем искать хотя одного часа сего времени, и не найдем его [131].

69. Один великий старец прохаживался с учениками своими на некотором месте, где были различные кипарисы, большие и малые. Старец сказал одному из учеников своих: вырви этот кипарис. Кипарис был мал, и брат тотчас одною рукою вырвал его. Старец указал ему на другой, больший первого, и сказал: вырви и этот. Брат раскачал его обеими руками и выдернул. Старец указал ему другой, еще больший. Он вырвал и тот, но с великим трудом. Потом указал ему на иной, еще больший. Брат с величайшим трудом сперва много раскачивал его, трудился и потел, и наконец вырвал и этот. Наконец старец показал ему и еще больший кипарис. Но брат, хотя и много трудился и потел над ним, однако не мог его вырвать. Старец, видя, что он не может сделать этого один, велел другому брату помочь ему. И они оба едва успели вырвать его. Тогда старец сказал ученикам своим: «Вот так и страсти; пока они малы, то, если пожелаем, легко можем исторгнуть их; если же вознерадим о них, как о малых, то они укрепляются, и чем более укрепляются, тем большего требуют от нас труда; а когда очень укореняются в нас, тогда даже и с большим трудом мы не можем одни исторгнуть их из себя, если не получим помощи от некоторых святых, помогающих нам по Бозе» [131-132].

70. Пророк говорит к дщери вавилонской: *блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 9). Дщерь вавилонская — образ всего греховного и богопротивного. Порождения ее суть страстные помыслы и дела. Блажен, кто не принимает порождающихся в нем лукавых помышлений, и не дает им места возрастать в себе и приводить зло в действие, но пока они еще малы, и прежде чем укоренятся и восстанут на него, всячески старается сокрушать их о камень непоколебимой решимости и истреблять их именем Господа Иисуса Христа [133].

71. Отцы указали нам, как человек должен постепенно очищать себя: каждый вечер должен он испытывать себя, как про-

вел день, и опять утром, как провел ночь, и каяться перед Богом, в чем ему случилось согрешить. Нам же, так как мы много согрешаем, поистине нужно по забывчивости нашей и по истечении шести часов испытывать себя, как провели мы время и в чем согрешили [134].

72. Кто станет таким образом испытывать себя, в том зло начнет мало-помалу уменьшаться, — и если он делал девять проступков, будет делать восемь; и так преуспевая постепенно, с помощью Божиею, не допустит укрепиться в себе страстям. Великое бедствие впасть в навык какой-либо страсти [137].

73. Не тот, кто однажды разгневался, называется уже гневливым, — и не тот, кто однажды впал в блуд, называется уже блудником, — и не тот, кто однажды оказал милость, называется милостивым; но как в добродетели, так и в пороке, от частого в оных упражнениях, душа получает навык, и потом этот навык или мучит, или покоит ее. Добродетель покоит: ибо чем более мы делаем доброго, тем больший приобретаем навык в добродетели, и через то возвращаем себе свое природное свойство, и восходим к первоначальному своему здравию. А порок мучит: потому что через него мы принимаем некоторый чуждый и враждебный естеству нашему навык, который и разрушает его [139-140].

74. Орел, если весь будет вне сети, но запутается в ней одним когтем, то через эту малость низлагается вся сила его, — и ловец может захватить его, лишь только захочет. Так и душа, если хотя одну только страсть обратит себе в навык, то враг, когда ни вздумает, низлагает ее, так как она, по причине той страсти, находится в руках его. Не допускайте же, чтобы какая-либо страсть обратилась вам в навык, но подвизайтесь и молитесь Богу день и ночь, чтобы не впасть в искушение. Если же мы и будем побеждены, как человеки, и впадем в согрешение, то постараемся тотчас восстать, покаемся в нем, восплачемся перед благостью Божиею, будем бодрствовать и подвизаться. И Бог, видя наше доброе произволение, смирение и сокрушение наше, подаст нам руку помощи и сотворит с нами милость [141-142].

75. Все случающееся должно возводить к Богу и говорить: ничего не бывает без воли Божией; знает Бог, что то и то благо и полезно, потому и случается так. Из всего, что Бог творит, ничего нет такого, что не было бы благо, но *вся добра и добра зело* (Быт. 1, 31). Итак, никому не должно скорбеть о случающемся, но возведши то к Богу, успокаиваться. Есть некоторые люди, которые до того изнемогают от случающихся скорбей, что отказываются от самой жизни и считают сладкою смерть, лишь бы только избавиться от скорбей: но это происходит от малодушия и от многого неразумия. Не знают они той страшной нужды, которая встречает нас по исходе души из тела [143].

76. Один весьма ревностный брат спросил некоего старца: «Отчего душа моя желает смерти?» Старец ответил ему: «Оттого, что ты не хочешь терпеть находящие скорби, не зная, что грядущая скорбь гораздо тяжелее здешней». И другой брат тоже спрашивал старца: «Отчего я впадаю в беспечность, пребывая в келлии своей?» И тот сказал ему: «Оттого, что ты не узнал еще ни ожидаемого покоя, ни будущего мучения. Ибо если бы ты достоверно знал это, то хотя бы келия твоя была полна червей так, что ты стоял бы в них по самую шею, ты терпел бы это, не расслабевая». Но мы, спя, хотим спастись, и потому изнемогаем в скорбях; тогда как должны бы были благодарить Бога и считать себя блаженными, что сподобляемся немного поскорбеть здесь, дабы там обрести малый покой [143-4].

77. Евагрий говорил: «Кто предается страстям и молит Бога, чтоб поскорее умереть, тот подобен больному, который упрашивает плотника поскорее изрубить одр его (на котором он все же получал некое утешение в своем страдании). Ибо находясь в теле сем, душа получает облегчение от страстей своих и некое утешение: тут человек ест, пьет, спит, беседует, общается с друзьями своими. Когда же душа выйдет из тела, тогда остается одна со страстями своими, и потому всегда мучима бывает ими; объятая ими, она жегома бывает их горением, — и терзается ими до того, что и о Боге вспомнить не может. Это воспоминание о Боге могло бы утешать душу, как говорится

во псалме: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4); но до сего не допускают ее страсти [144].

78. По здешним страданиям можете несколько понять, что есть и тамошняя мука. Когда, например, у кого-либо сделается горячка, то что палит его? Какой огонь производит сие жжение? Так и страстная душа всегда мучится там своим злым навыком, имея горькое воспоминание и томительное впечатление от страстей, непрестанно жгущих и воспаляющих ее [145].

79. Кто, притом без ужаса, может воспоминать страшные места мучений, огнь, тьму, безжалостных слуг-мучителей, и другие томления, о коих говорится в Писании; сожительство с демонами, для которых одним и уготован тамошний огнь (см. Мф. 25, 41)? Да и один стыд осуждения как сокрушителен и убийствен! Святой Златоуст говорит: «Если бы и не текла река огненная и не предстояли страшные Ангелы, но только бы призывались все человеки на Суд, и одни, получив похвалу, прославлялись бы, другие же отсылались бы с бесчестием, чтоб не видеть им славы Божией, то наказание оным стыдом и бесчестием и скорбь о лишении толиких благ не была ли бы ужаснее всякой геенны?» [145-6].

80. Постараемся же очистить себя, чтоб избавиться от такого бедствия. Потребен, конечно, труд: и потрудимся, да обрящем милость. Когда кто, имея поле, оставит его в небрежении, не зарастет ли оно? И не тем ли более наполнится оно тернием и волчцами, чем более он будет небречь о нем? Когда же потом он захочет очистить свое поле от всякой худой травы, которой дал разрастись во время нерадения своего, то не тем ли более окровавятся руки его, чем более он запустил его? Ибо ему предлежит не подрезать только траву, но с корнем повыдергать ее; потому что иначе она опять все будет вырастать, сколько ни подрезывай. Так бывает и с душою нашею. Когда нерадим о ней, она зарастает всяким злым зельем страстей; когда же потом, опомнившись, возьмемся очищать ее, неизбежен труд болезненный: ибо нам предлежит не отстать только от страстных дел, но искоренить самые навыки страстные. Но нет ничего хуже навыка страстного. «Немалый подвиг, — говорит святой

Василий Великий, — преодолеть злой навык, ибо навык, укоренившись долгим временем, часто получает силу естества» [147-8].

81. Должно не только отсечь страсти, но и причины их, потом хорошо удобрить устроение нрава своего покаянием и плачем, — и тогда уже начать сеять доброе семя, то есть добрые дела. Ибо как бывает с полем, — что если по очищении и удобрении его не посеют на нем доброго семени, то всходит сорная трава и, находя землю рыхлою и мягкою от очищения, глубже укореняется в ней: так бывает и с человеком, что если он, покаявшись в прежних своих делах и исправив нравы свои, не станет заботиться о приобретении добродетелей, то на нем сбывается сказанное в Евангелии о возвращении нечистого духа опять в прежнее житье, теперь очищенное и подметенное, уже с семью другими духами, — от чего человеку тому бывает хуже прежнего (см. Мф. 12, 44-45) [149-50].

82. Каждый желающий спастись должен не только не делать зла, но обязан делать и добро, как сказано в псалме: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15). Например, если кто был гневлив, должен не только не гневаться, но и приобрести кротость; если кто гордился, должен не только не гордиться, но и стать смиренным. Ибо каждая страсть имеет противоположную ей добродетель: гордость — смиренномудрие, скупость — милосердие, блуд — целомудрие, малодушие — терпение, гнев — кротость, ненависть — любовь [150].

83. Как прежде изгнали мы добродетели и восприяли вместо них страсти, так теперь должны мы потрудиться не только изгнать страсти, но и водворить в себе вместо них добродетели. Мы естественно имеем в себе добродетели, данные нам от Бога. Ибо Бог в самом сотворении человека всеял в него все добродетели, как и сказал: *сотворим человека по образу нашему и по подобию* (Быт. 1, 26). Сказано: *по образу,* — поелику Бог сотворил душу бессмертною и свободною, а *по подобию* — относится к добродетели, — как бы так: *святи будите, яко Аз свят есмь* (1 Пет. 1, 16). Следовательно, добродетели — по естеству нам; а страсти не принадлежат к естеству нашему, но привносятся

в него, — именно: когда душа предается самоугодию, тогда уклоняется от добродетели и водворяет в себе страсти [151].

84. Хорошо сказал авва Пимен, что преуспеяние монаха обнаруживается в искушениях: ибо монах, истинно приступающий *работати Господеви Богу,* должен уготовать *душу* свою *во искушение* (Сир. 2, 1), — чтоб никогда не изумляться и не смущаться ничем случающимся с ним, веруя, что ничего не бывает без Промысла Божия. А в чем Промысл Божий, то вполне благо и служит к пользе душевной; ибо все, что делает Бог, делает Он для нашей пользы, любя и милуя нас. И мы должны, как сказал апостол, *о всем благодарити* (1 Фес. 5, 18) благость Его, и никогда не печалиться и не малодушествовать о случившемся с нами, но все, что с нами бывает, принимать без смущения, со смиренномудрием и с надеждою на Бога, веруя, что все, что ни делает с нами Бог, делает по благости Своей, любя нас и во благо нам [154-5].

85. Если кто имеет друга и уверен, что он любит его, то и когда потерпит что от него, даже и тяжелое, думает, что тот сделал это любя, и никогда не поверит о своем друге, что он хотел ему повредить; тем более должны мы думать о Боге, Который создал нас и привел нас из небытия в бытие, вочеловечился нас ради и умер за нас, что Он делает все с нами по благости Своей, и любя нас. О друге иной может подумать: он все делает любя и жалея меня (и всегда готов так поступать); но у него нет столько благоразумия, чтобы всегда все, касающееся меня, устроять хорошо; оттого случается, что он нехотя вредит мне. О Боге же мы не можем сего сказать; ибо Он есть источник премудрости, знает все, что нам полезно, и сообразно с сим устрояет все касающееся нас, даже и самое маловажное. Опять о друге можно сказать, что он, хотя любит и жалеет нас и довольно разумен, чтоб устроить относящееся к нам, но не в силах помочь нам в том, в чем он думает принести нам пользу. Но о Боге нельзя сказать и сего; ибо Ему все возможно и для Него нет ничего невозможного. — Согласно всему сему, мы должны все, случающееся с нами, принимать с благодарностью, как исходящее от Бога, Благодетеля и благого Владыки, хотя бы то было и прискорбное [155-6].

86. Если кто перенесет искушение с терпением и смирением, то оно пройдет без вреда для него; если же он будет малодушествовать, смущаться, обвинять каждого, то он только отягощает себя и никакой не получает пользы, но лишь вредит себе; тогда как искушения большую приносят пользу тому, кто переносит их без смущения [157].

87. Мы не должны смущаться даже и тогда, когда смущает нас страсть. Чему дивиться тебе, страстный, и зачем смущаться, когда тревожит тебя страсть? Ты сам же образовал ее в себе, самоохотно имеешь ее в себе, — и смущаешься? Принял залоги ее и говоришь: чего ради она смущает меня? Лучше терпи, подвизайся и моли Бога помочь тебе; не иметь же прискорбных нападений от страстей невозможно тому, кто исполнял страсти. Сосуды их, как сказал авва Сисой, находятся внутри тебя; отдай им залог их, и они отойдут от тебя. Так как мы возлюбили их и привели в действие, то и невозможно нам не пленяться страстными помыслами, понуждающими нас и против воли нашей исполнять страсти; потому что мы добровольно предали себя в руки их [157-8].

88. На кого восстают страстные помыслы прежде, чем станет он действовать по страсти, тот еще в своем городе, он свободен и имеет себе помощника в Боге. Почему, как только смирится при сем перед Богом и немного поборется, то помощь Божия явится освобождать его от нападения страсти. Если же кто не станет бороться и, поблажив себе, предастся плотскому услаждению, то помощь Божия отступает от него, и страсть увлекает его к делу страстному, а за сим последует то, что он поневоле уже будет служить страсти той [159].

89. Повествуется, что когда одного ученика великого некоего старца постигла плотская брань, и старец, видя труды его, сказал ему: «Хочешь ли, я помолюсь Богу, чтобы Он облегчил тебе эту брань?», то ученик тот ответил ему: «Хотя мне тяжело и притрудно, отче, но вижу в себе плод от труда; посему моли Бога, чтоб Он дал мне терпение». Старец сказал ему на это: «Теперь я познал, что ты преуспеваешь и превосходишь меня».

Таковы истинно хотящие спастись! И вот что значит нести со смирением иго искушения!

90. Когда Бог послал Моисея извести израильтян из Египта и рабства фараонова, тогда фараон еще более обременил их работою. Так и диавол, когда видит, что Бог умилосердился над душою, готов ее помиловать и облегчить от бремени страстей, тогда еще более отягощает ее страстями и сильнее борет ее. Но отцы, зная сие, укрепляют человека своим учением и не допускают его предаться боязни. *Мужайтеся, и да крепится сердце ваше, вси уповающии на Господа* (Пс. 30, 25) [162].

91. Страх Божий побуждает душу к хранению заповедей, и посредством заповедей созидается дом душевный. Убоимся же Бога и созиждем себе дома, дабы найти защиту во время зимы, дождей, молний и громов, потому что великое бедствие терпит зимою не имеющий дома [164-5].

92. Как должно созидать дом душевный, сему можно научиться из построения дома житейского. Строящий дом возводит стены со всех четырех сторон, а не об одной только стене заботится; иначе понапрасну будет он тратить издержки и труд. Так и человек, желающий создать душевный дом, не должен нерадеть ни об одной стороне своего здания, но ровно и согласно возводить оное. Сие-то значит сказанное аввою Иоанном: «Я хочу, чтоб человек каждый день приобретал понемногу от всякой добродетели», — а не так, как делают некоторые, кои, держась одной добродетели и пребывая в ней, только ее одну и исполняют, а о прочих не заботятся [165].

93. Возводится же душевный дом ровно и стройно со всех сторон таким образом. Сперва надлежит положить основание, которое есть вера: ибо *без веры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 6). И потом на сем основании строить здание равномерно, — именно: случилось ли послушание, должно положить камень послушания; встретилось ли огорчение от брата, должно положить камень долготерпения; представился ли случай к воздержанию, должно положить камень воздержания. Так от всякой добродетели, для которой представляется случай, должно полагать в здание по камню, и таким образом возводить оное со всех

сторон, полагая в здание то камень сострадания, то камень отсечения своей воли, то камень кротости и так далее. Но при всем том должно позаботиться о терпении и мужестве, ибо они суть краеугольные камни, ими связуется здание и соединяется стена со стеною, не давая им наклоняться и отделяться одной от другой. Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Почему и сказано: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19) [166].

94. Строящий дом на каждый камень кладет известь; ибо если он положит камень на камень без извести, то камни выпадут, и дом обрушится. Известь (в душевном созидании) есть смирение, потому что она берется из земли и находится у всех под ногами. А всякая добродетель, совершаемая без смирения, не есть добродетель. Об этом сказано и в Отечнике: «Как корабля нельзя построить без гвоздей, так и спастись нельзя без смиренномудрия». В доме обычном есть кровля. Кровля дома душевного есть любовь, которая составляет совершенство добродетелей, так же как и кровля дома есть завершение дома. Кругом кровли идут перила, чтоб, как говорит закон (см. Втор. 22, 8), дети не падали с кровли. Перила в здании душевном суть — трезвение, внимание и молитва; а дети — помышления, бывающие в душе, которые хранят трезвение и молитва [167].

95. Но в деле сего созидания нужно и еще одно, — именно, чтоб здатель был искусен. Ибо если он неискусен, то может покривить стену, и дом когда-либо обрушится. Искусен тот, кто разумно совершает добродетели; ибо случается, что иной и подъемлет труд доброделания, но оттого, что неразумно совершает труд сей, губит его сам или постоянно портит дело; и таким образом здания не доводит до конца, но только строит и разрушает [168].

96. Вот один пример из многих. Если кто постится или по тщеславию, или думая в себе, что совершает особенную некую добродетель, то таковой постится неразумно, и потому начинает после укорять брата своего, почитая себя чем-то великим; и оказывается, что он не только, положив один камень, снял два, но находится в опасности разрушить и всю стену через осужде-

ние ближнего. А кто разумно постится, тот не думает, что совершает особенную добродетель, и не хочет, чтоб его хвалили, как постника; но думает, что через воздержание приобретет целомудрие, и посредством сего придет в смирение, как говорят отцы: «Путь к смирению суть труды телесные, совершаемые разумно», — и проч. Таковой оказывается искусным здателем, могущим прочно построить свой дом [170].

97. Не увлекайся помыслами, будто добродетель превышает твои силы и неисполнима для тебя; но, воодушевясь верою, дерзновенно положи начало, яви пред Богом доброе произволение и старание, — и увидишь помощь, которую Он подаст тебе для совершения добродетели. Представь себе две лестницы, — одна возводит на небо, а другая низводит в ад, — ты же стоишь на земле посреди обеих лестниц. Не думай и не говори: как могу я возлететь от земли и очутиться вдруг на высоте неба, то есть на верху лестницы? Ты только берегись спуститься вниз, делая худо; вверх же напрягайся подниматься понемногу, делая добро, какое встречается. Каждое дело будет шаг вверх. Так, поднимаясь с помощью Божией с одной ступени на другую, достигнешь наконец и верха лестницы [171].

98. Если будем искать, то найдем, и если будем просить, получим; ибо Евангелие говорит: *просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7). Сказано: *просите* для того, чтоб мы в молитве призывали Бога на помощь; а *ищите* значит, чтоб мы, увидав, как приходит добродетель и что приносит ее, соответственно сему употребляли и свои усилия на приобретение ее. *Толцыте* же значит исполнять заповеди; ибо всякий, кто толкает, толкает руками, а руки означают деятельность. Итак, мы должны не только просить, но искать и действовать, стараясь, по апостолу, быть *на всякое дело благое* готовыми (2 Тим. 3, 17), — то есть имея полную готовность разумно исполнять волю Божию, как Он хочет, и как Ему угодно [172].

99. Апостол заповедал *искушати... что есть воля Божия, благая и угодная и совершенная* (Рим. 12, 2), чтоб потом и действовать по ней. Какая же есть воля Божия благая? Та, чтоб любить

друг друга, быть сострадательными, творить милостыню и тому подобное; вот *воля Божия благая.* А какая есть *воля Божия благоугодная?* Не всякий делающий что-либо благое делает это благоугодно Богу. Случается, например, что кто-нибудь находит сироту убогую и красивую собою; она нравится ему по красоте своей, — и он берет ее и воспитывает, хотя как сироту убогую, но вместе и как красивую собою. Вот это воля Божия и *благая,* но не *благоугодная.* А *благоугодная* та, когда кто делает дело милосердия не по какому-либо побуждению человеческому, но ради Бога, заповедавшего сие, ради самого добра, из одного сострадания: сие благоугодно Богу. *Совершенная,* наконец, воля Божия есть та, когда кто творит дело милосердия не со скупостью, не с леностью, не с презрением, но всею силою и всем произволением, творя милость так, как будто бы принимал сам, и так благодетельствуя, как будто бы сам принимал благодеяния: тогда исполняется *совершенная* воля Божия. Вот как исполняет человек *волю Божию благую, и благоугодную, и совершенную* [172-4].

100. Есть два вида чревоугодия: первый, когда человек ищет приятной пищи и не всегда хочет есть много, но желает вкусного; второй, когда кого борет многоядение, — и он не желает хороших снедей, и не заботится о вкусе их, но хочет только есть и есть, не разбирая, каковы снеди, но заботясь только о том, чтоб наполнить чрево. Первый по-гречески называется лемаргия — гортанобесие, а второй — гастримаргия — чревобесие. Кто хочет восприять пост во очищение грехов своих, тот должен избегать обоих сих видов чревоугодия: ибо ими удовлетворяется не потребность тела, а страсть, и если кто предается им, то это вменяется ему в грех [180-1].

101. Не только, однако же, сказанное перед сим правило о пище должны мы соблюдать, постясь, но должны удерживаться и от всякого другого греха, чтоб, как постимся чревом, поститься нам и языком, удерживаясь от клеветы, от лжи, от празднословия, от уничижения братий, от гнева и от всякого другого греха, совершаемого языком. Должно также и глазами

поститься, то есть не смотреть на суетные вещи, не давать глазам свободы, ни на кого не смотреть бесстыдно и без страха. Также и руки и ноги должно удерживать от всякого дела злого [182-3].

102. Какую цель должны мы иметь, когда посещаем друг друга? Во-первых, мы должны посещать друг друга по любви; во вторых, для того, чтоб слышать слово Божие, потому что во множестве братий лучше познается слово Божие, когда чего не знает один, то знает другой, и первый, спрашивая его, также узнает это; наконец, для того, чтобы узнавать свое душевное устроение и состояние, — и заимствовать примеры жития от других, как делал святой Антоний, от одного заимствуя кротость, от другого — смирение, от иного — безмолвие, и таким образом собирая в себе добродетели каждого из посещаемых [185-7].

103. При виде других больше всего должно избегать подозрительности, от которой происходит пагубное осуждение. Имею множество опытов, подтверждающих ту истину, что всякий судит о других по своему устроению. Приведу пример. Положим, что кому-либо случилось стоять ночью на каком-либо месте, — и мимо его идут три человека. Увидев его, один из них думает: он ждет кого-либо, чтоб пойти и соделать блуд; другой: это, должно быть, вор; третий: он сговорился с кем-либо из ближайшего дома вместе пойти куда-либо на молитву, — и ждет его. Вот, трое видели одного и того же человека, на одном и том же месте, однако же не одно и то же возымели о нем мнение, но один — одно, другой — другое, третий еще иное, — и очевидно каждый сообразно со своим душевным состоянием. Как тела черно-желчные и худосочные каждую пищу, которую принимают, претворяют в худые соки, хотя бы пища была и полезная, так и душа, имеющая худой нрав, получает вред от всякой вещи, хотя бы встречаемые вещи и хороши были. А имеющий добрый нрав подобен тому, кто имеет тело добросочное, при котором, если он и съест что-либо вредноватое, то оно образуется у него в хорошие соки. Так и мы, если имеем добрый нрав и находимся в хорошем душевном настроении, то можем

от каждой вещи получать пользу, хотя бы вещь эта и не была полезна [187-8].

104. Слышал я о некоем брате, что, когда он приходил к кому-либо из братии и видел келлию его невыметенною и неубранною, то говорил себе: блажен сей брат, что отложил заботу обо всем земном и так весь ум свой устремил горé, что не находит времени и келлию свою привести в порядок. Также если приходил к другому и видел келлию его убранною и выметенною и чистою, то опять говорил себе: как чиста душа сего брата, так и келлия его чиста, и состояние келлии согласно с состоянием души его. И никогда не говорил он ни о ком: сей нерадив или горд, но по своему доброму настроению всех видел добрыми, и от всех получал пользу. Благий Бог да подаст и нам такое же доброе настроение, чтоб и мы могли получать пользу от каждого и никогда не замечать пороков ближнего [189].

105. ***Наставления обучаемым иночеству.*** Если ты пребываешь в послушании, то никогда не верь своему сердцу, ибо оно ослепляется ветхими пристрастиями. Ни в чем не следуй своему суждению, и сам ничего не назначай себе без вопрошания и совета. Не думай и не предполагай, что ты лучше и праведнее своего наставника, и не исследуй дел его. Поступая так, ты будешь повиноваться, спокойно и безопасно идти путем отцов наших.

Понуждай себя во всем и отсекай волю свою, и, благодатию Христовою, через обучение войдешь в навык отсечения своей воли, и потом будешь делать это без принуждения и скорби, так что все у тебя будет происходить, как ты хочешь.

Не желай, чтоб все делалось так, как ты хочешь; но желай, чтоб оно было так, как будет, и таким образом будешь мирен со всеми. И веруй, что все, случающееся с нами, до самого малейшего, бывает по Промыслу Божию, и тогда ты без смущения будешь переносить все, находящее на тебя.

Веруй, что бесчестия и укоризны суть лекарства, врачующие гордость души твоей, и молись об укоряющих тебя, как об истинных врачах души твоей, будучи уверен, что тот, кто ненавидит

бесчестие, ненавидит смирение, и кто избегает огорчающих его, тот убегает кротости.

Не желай знать пороков ближнего твоего, и не принимай на него подозрений, внушаемых тебе врагом; если же они и возникают в тебе, по порочности нашей, то старайся обращать их в добрые помышления.

Благодари за все, и приобретай благость и святую любовь.

Паче же всего будем все хранить совесть свою во всем, — в отношении к Богу, к ближнему и к вещам; а прежде чем скажем или сделаем что, будем испытывать, согласно ли оно с волею Божиею; и тогда, помолившись, скажем или сделаем то, повергая немощь свою пред Богом, с испрашиванием помощи Его [192-4].

106. Если хочешь, чтоб святые по вере помышления, в нужное время, оказывали свое успокоительное действие на пресечение неправых движений, мыслей и чувств, то поучайся в них всегда, часто проходя их мысленно, — и веруй Богу, что обретешь покой. Также молитву растворяй поучением. Постарайся преуспеть в этом, чтобы, когда случится и скорбь телесная или духовная, ты мог перенести ее без печали, без отягощения и с терпением [195-6].

107. Когда услышишь, будто ты сделал то, чего не делал, то не дивись сему и не огорчайся, но тотчас со смирением поклонись сказавшему тебе сие, говоря: «Прости меня и помолись о мне», — и потом молчи, как сказали отцы. А когда он спросит тебя, правда ли это или нет, — тогда, поклонясь со смирением, скажи по истине, как было дело, а сказав, опять поклонись со смирением и скажи: «Прости меня и помолись за меня» [196].

108. Если при встрече или столкновении с братиями не можешь ты пребыть в неизменном расположении духа, то по крайней мере старайся ничем не соблазняться, никого не осуждать, не злословить, не подмечать за словами, делами или движениями брата, что не принесет тебе пользы, — но лучше старайся из всего извлекать себе назидание [196].

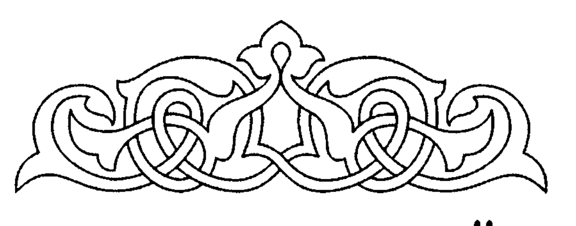
109. Знай, что кто бывает борим каким-либо помыслом или скорбит от оного и не исповедует его; тот сам укрепляет его

против себя, то есть подает помыслу сему силу более бороть и мучить его. Если же он исповедует его и станет бороться и сопротивляться помыслу своему, и делать противное ему, то страсть ослабеет и не будет иметь сил бороть его и наносить ему печали. А потом, мало-помалу подвизаясь и получая помощь от Бога, он преодолеет и самую страсть [196-7].

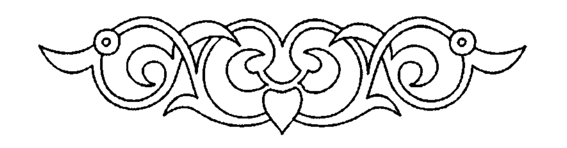
110. Авва Пимен сказал, что бояться Бога, молиться Богу и делать добро ближнему — суть три главные добродетели. Бояться Бога поставил он на первом месте потому, что страх Божий предшествует всякой добродетели, ибо *начало премудрости страх Господень* (Пс. 110, 10), — и что *страхом же Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27). Молиться Богу сказал он потом потому, что человек сам собою не может ни сделать что-либо благое, ни приобрести добродетели, но во всем нужна ему и помощь Божия при всем его собственном старании, возбуждаемом страхом Божиим. А благотворить ближнему сказал он в конце потому, что это есть дело любви, которая есть верх совершенства христианского (см. Рим. 13, 10) [197].

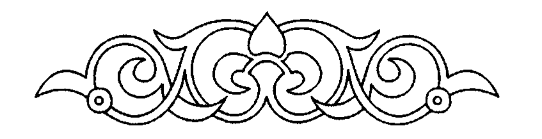
111. При бесчувствии души полезно частое чтение Божественного Писания и умилительных слов богоносных отцов, памятование о Страшном Суде Божием, об исходе души из тела и об имеющих встретить ее страшных темных силах, с которыми она делала зло в сей маловременной и бедственной жизни [214].

ПРЕПОДОБНЫЙ ИСААК СИРИАНИН

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ
О ПРЕПОДОБНОМ ИСААКЕ СИРИАНИНЕ

Святой Исаак отечеством имел Ниневию. О родителях его ничего не известно. В цветущей юности, удалившись от мира и от всего мирского, вместе с братом своим поступил он в монастырь святого Матфия, и там принял образ и чин монашеского жития.

Усовершившись в этой обители в подвижничестве и в достаточной мере преуспев в добродетелях, уязвился он желанием безмолвия. Посему, удалившись на большое расстояние от киновии, водворился в пустынной келлии и начал проводить жизнь совершенно уединенную, ни с кем не имея общения и внимая только себе и Богу. Родной брат его, вступив в управление вышеупомянутою киновиею, сильно убеждал его и умолял, оставя пустынь, возвратиться в прежнюю обитель; но он так привязан был к пустыне, что не соглашался оставить ее и на короткое время.

Но чего не сделала братская просьба, то совершило Божественное откровение. Святой Исаак, не послушавшийся единокровного, покорился Отцу, свыше призывавшему его управлять Ниневийскою Церковью. Поэтому оставляет он пустыню, – и рукополагается во епископа великого града Ниневии. Ибо светильнику и надлежало не скрываться под спудом пустыни, но быть поставлену на свещнице пастырства, и далеко разливать светлые лучи светозарной добродетели. Но сие продолжалось весьма недолго: едва воссиял сей свет, как скоро снова сокрылся. Святитель оставил святительскую кафедру по следующему обстоятельству.

Пришли к нему в епископский дом два человека, заимодавец и должник, из коих первый требовал от второго неотложной уплаты долга, а второй, признавая за собою долг, просил первого дать ему небольшую отсрочку. Но заимодавец говорил на это: «Если он не уплатит мне долга теперь же, то сейчас представлю его судье». Святой Исаак заметил ему: «Если по заповеди евангельской не должно тебе и совсем взыскивать от взявшего твое, то кольми паче должен ты оказать великодушие тому, кто обещается заплатить тебе долг скоро». А этот жестокий человек ответил на это: «Евангельскую заповедь оставь теперь в стороне». И не хотел более слушать.

Тогда святитель Божий сказал в себе: «Если они не повинуются евангельским повелениям Господа, то что остается мне делать здесь?» Видя же притом, как много безмолвие и безмятежие, к коим привык он в пустыне, расстраиваются неизбежными по управлению делами, он решился оставить престол и возвратиться в любимый им пустынный скит.

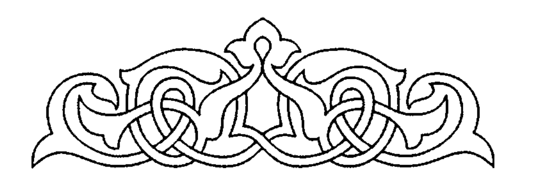
Пребывая здесь до смерти, какие святой Исаак совершил подвиги в борьбе с демонами и плотью, сколько преуспел в добродетели, требуемой как деятельною жизнью, так и жизнью созерцательною, какого достиг духовного совершенства, и какой, еще в жизни сей, сподобился благодати, – о сем излишне говорить: об этом без труда можно узнать из его писаний.

Святой Исаак писал много, и все, что писал, писал с опыта. Он прежде деятельно проходил все то, что впоследствии предал писанию, и собственною деятельностью обучал руководимых им. Так и из пустыни продолжал он источать и неиссякаемо изливать чистую и живительную струю, которою обильно напаявал души братий.

Писания святого Исаака дошли до нас на сирском и арабском языках, из коих до половины переведено на греческий язык, а с греческого на русский, в ряду творений святых отцов, в числе 91, «Слова».

Переселился в небесные обители святой Исаак прежде шестисотого года, по месяцеслову Вершинского в 540 году. Память его 12 апреля.

ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ СВЯТОГО ИСААКА СИРИАНИНА

(Извлекаются краткими статьями. Цитаты указывают страницу издания 1858 года. Если нет цитаты, это значит, что статья находится на вышеуказанной странице)

1. Страх Божий есть начало добродетели; она есть порождение веры и посевается в сердце, когда ум устранен от мирской рассеянности, чтобы кружащиеся от парения мысли свои собрать ему в размышлении о будущем восстановлении [1].

2. Для того, чтоб положить основание добродетели, лучше всего человеку держать себя в устранении от дел житейских и пребывать в законе, освещающем правые и святые стези, как указал Дух Святой через Псалмопевца (см. Пс. 22, 3; 118, 35).

3. Начало пути жизни — поучаться всегда умом в словесах Божиих и проводить жизнь в нищете. Напоение себя одним содействует усовершению в другом. Если напоеваешь себя изучением словес Божиих, это помогает преспеянию в нищете; а преспеяние в нестяжательности доставляет тебе досуг преспевать в изучении словес Божиих. Пособие же того и другого содействует к скорому возведению целого здания добродетелей [2].

4. Без удаления от мира никто не может приблизиться к Богу. Удалением же называю я не переселение телом, но устранение от мирских дел. Добродетель удаления от мира состоит в том, чтоб не занимать ума своего миром.

5. Когда умножится в человеке благодать, тогда ничтожным делается для него страх смерти на пути к праведности вожделенной (или перед лицом препятствий на сем пути), — и много причин находит он в душе своей, по которым, ради страха Божия, готов бывает он терпеть скорби как нечто должное; тогда все неприятное телу и могущее причинить ему страдание ни во что вменяется в очах его в сравнении с тем, чего надеется он

в будущем. Но когда увеличится в человеке оскудение благодати, тогда бывающее в нем и с ним бывает противоположно сказанному: тогда ведение, по причине исследования (могущего опираться только на осязаемом), становится у него больше веры, упование на Бога имеется не во всяком деле, и Промысл Божий о человеке понимается иначе. Такой человек постоянно подвергается страхам, по козням подстерегающих *состреляти во мраце* его стрелами своими (Пс. 10, 2) [3].

6. Сомнение сердца приводит в душу боязнь; а вера может делать произволение твердым и при отсечении членов. В какой мере превозмогает в тебе любовь к плоти, в такой не можешь ты быть дерзновенным и бестрепетным при многих противоборствиях, окружающих любимое тобою [4].

7. Целомудрен не тот, в ком во время борьбы, труда и подвига прекращаются срамные помыслы, но тот, кто истинностию сердца своего уцеломудривает зрение ума своего, не позволяя ему простираться к непотребным помыслам. И тогда как честность совести его взором очей свидетельствует о верности его (закону чистоты), стыд, как завеса, висит в сокровенном вместилище помыслов, и непорочность его, как целомудренная дева, соблюдается Христу верою [4-5].

8. Для отвращения предзанятых душою расположений к непотребству ничто не бывает так помощно, как погружение себя в любовь к изучению Божественного Писания, и постижение глубины его мыслей. Когда помыслы погружаются в услаждение постижением сокровенной в словесах премудрости, тогда человек, в какой мере извлекает из них просвещение, в такой же оставляет позади себя мир и забывает все, что в мире. Но и когда ум плавает лишь на поверхности вод моря Божественных Писаний и не может проникнуть мыслей Писания до самой глубины, и тогда сего самого, что он занят рвением к уразумению Писания, достаточно для него, чтобы единым помышлением о досточудном крепко связать свои помыслы и воспрепятствовать им стремиться к вещественному и плотскому [5-6].

9. Во всем, что встретится тебе в Писании, доискивайся цели слова, чтобы проникнуть тебе в глубину мысли святых, и с большею точностью уразуметь оную. Божественною благода-

тью путеводимые в жизни своей к просвещению всегда ощущают, что как бы умный какой луч проходит по стихам написанного, и отличает уму голые слова от того, что душевному ведению сказано с великою мыслью [7].

10. Если человек многозначащие стихи читает, не углубляясь в них, то и сердце его остается бедным (ничего не вкушает), и угасает в нем святая сила, которая при чудном уразумении души доставляет сердцу сладостнейшее вкушение.

11. Всякая вещь обыкновенно стремится к сродному ей. И душа, имеющая в себе удел духа, когда услышит речение, заключающее в себе сокровенную духовную силу, пламенно влечет к себе содержание сего речения. Не всякого человека пробуждает к удивлению то, что сказано духовно и имеет в себе сокровенную великую духовную силу. Слово о добродетели требует сердца, не занятого землею; в человеке же, которого ум обременен заботою о преходящем, добродетель не пробуждает помысла к возлюблению ее и взысканию обладания ею [7-8].

12. Отрешение от вещества бытием своим предваряет союз с Богом, хотя нередко, по домостроительству благодати, в иных оказывается последний предшествующим первому. Чин, обычный домостроительству иноков, — от чина, общего для людей. Ты же сохраняй общий чин. Если предваряет в тебе благодать, это — ее дело; и если не предваряет, то путем всех людей восходи и ты на высоту духовного столпа [8].

13. Ненасытность души в приобретении добродетели обращает в свою пользу часть видимых (чувственных) вожделений сопряженного с нею тела. Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным [9].

14. Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом? Послужи милостыне. К духовной любви, которая отпечатлевает невидимый образ (Бога в себе), нет иной стези, если человек не начнет прежде всего быть щедролюбивым в такой же мере, в какой совершен Отец наш Небесный, как сказал Господь (см. Лк. 6, 36) [9-10].

15. Что художник, который живописует на стенах воду, однако же не может тою водою утолить своей жажды, то же и слово, не оправданное деятельностью. Кто говорит о добродетели, что

сам испытал на деле, тот так же передает сие слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые трудом своим. И кто из собственного стяжания посевает учение в слух внемлющих ему, тот с дерзновением отверзает уста свои, говоря духовным чадам своим, как престарелый Иаков сказал целомудренному Иосифу: *аз же даю ти сикиму избранную* (единую часть) *свыше братии твоея, юже взях из руки Аморрейски мечем моим и луком* (Быт. 48, 22) [10].

16. Прекрасно сказал некто, что страх смертный печалит мужа, осуждаемого своею совестью; а кто имеет в себе доброе свидетельство, тот столько же желает смерти, как и жизни [11].

17. Если что-либо глубоко сочеталось с душою твоею, то почитай сие своим стяжанием не на этот только век, но верь, что оно пойдет с тобою и в век будущий. И если это что-либо доброе, — веселись и благодари Бога в уме своем; если же это нечто худое, — то печалься и воздыхай и старайся освободиться от сего, пока ты в теле.

18. Содержи всегда в уме тягчайшие скорби скорбящих и озлобленных, чтобы самому тебе воздавать должное благодарение за малые и ничтожные скорби, бывающие с тобою, и быть в состоянии переносить их с радостью [13].

19. Во время охлаждения и разленения представляй в сердце своем прежнее время рачительности своей, как был ты заботлив о всем даже до малости; какой показал подвиг, с какою ревностью сопротивлялся тем, кои хотели положить препону шествию твоему. Таким воспоминанием душа твоя опять пробудится, как бы от глубокого сна, облечется снова пламенем ревности, как бы из мертвых восстанет, и горячим противоборством диаволу и греху возвратится в прежний свой чин.

20. Деятельность крестная двояка: одна состоит в терпении плотских скорбей (телесных лишений, неизбежных в борьбе со страстями), и называется деятельностью собственно; а другая заключается в тонком делании ума, в божественном размышлении и в пребывании в молитве, и так далее, и называется созерцанием. Первая очищает страстную часть души, а другая просветляет умную часть души. Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части переходит к сей

второй, привлекаемый ее сладостью, не говорю уже — своею леностью, постигает гнев за то, что не умертвив прежде *уды своя, яже на земли* (Кол. 3, 5), — то есть не уврачевав немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, дерзнул в уме своем возмечтать о славе креста. Сие-то и значит сказанное древними святыми, что если ум вознамерится взойти на крест прежде, нежели чувствилища его, исцелясь от немощи, придут в безмятежность, то его постигает Божий гнев. У кого ум осквернен постыдными страстями и кто скор на исполнение ума своего мечтательными помыслами, тому заграждаются уста запрещением за то, что, не очистив прежде ума скорбями и не покорив плотских вожделений, но положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился он прямо вперед идти путем, исполненным мраков, когда слеп очами [17-18].

21. Представь себе, что добродетель есть тело, созерцание — душа, а то и другое — один совершенный человек, соединяемый духом из двух частей, из чувственного и разумного. И как невозможно, чтоб душа пришла в состояние проявлять свое бытие без совершения образования тела с его членами, так невозможно душе прийти в созерцание без совершения дела добродетели [19].

22. Слыша, что должно удалиться от мира, оставить мир, очиститься от всего, что есть в мире, надлежит тебе сначала понять и узнать по понятиям не простонародным, но чисто разумным, что значит самое наименование: мир, из каких различий слагается это имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей, сколько далека она от мира и что примешано к ней от мира. Мир есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями. Когда в совокупности хотим наименовать страсти, называем их миром; а когда хотим различить их по различию наименований их, называем их страстями [20, 21].

23. Когда дознаешь, что такое мир, тогда из различения всего, под ним разумеваемого, дознаешь и то, чем связан ты с миром, и чем отрешился от него. И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрование плоти. По тому самому, что человек исхитил себя из этого, познается, что изшел он из мира [21, 22].

24. Страх за тело бывает в людях столько силен, что вследствие оного нередко остаются они неспособными совершить что-либо достославное и досточестное. Но когда на страх за тело приникнет страх за душу, тогда страх телесный изнемогает перед страхом душевным, как воск от силы пожигающего огня [23].

25. Душа по природе бесстрастна. Страсти суть нечто придаточное, — и в них виновна сама душа. Если некогда естество души было светло и чисто по причине приятия им в себя Божественного света, а подобно сему таковым же оказывается оно, когда возвращается в первобытный чин; то несомненно уже, что душа бывает вне своего естества, как скоро приходит в страстное движение, как утверждают питомцы Церкви [25-6].

26. Естественное состояние души есть ведение Божиих тварей, — чувственных и мысленных. Сверхъестественное состояние ее есть движение (или действо и состояние) созерцания пресущественного Божества. Противоестественное же ее состояние есть движение души или настроение ее и житие такое, какое бывает в людях страстных, страстям работающих. Итак, явствует, что страсти душевные не суть душевные по естеству [27].

27. Если желаешь знать человеческие тайны и не достиг еще до того, чтоб узнавать по духу, дознаешь по речам, образу жизни и расположениям каждого. Кто чист в душе и непорочен в образе жизни, тот всегда с целомудрием произносит словеса Духа, и сообразно с мерою своего разумения рассуждает и о Божественном, и о том, что в нем самом. А у кого сердце наполнено страстями, у того ими же и язык приводится в движение. Если станет он говорить и о духовном, то будет рассуждать под влиянием страсти. Мудрый замечает такого человека при первой встрече, и чистый обоняет его зловоние [59].

28. Дела инока суть следующие: свобода от телесного, в молитвах телесный труд и непрестанное сердечное памятование о Боге [83].

29. Иное дело молитва, а иное — созерцание в молитве, хотя молитва и созерцание заимствуют себе начало друг в друге. Молитва есть сеяние, созерцание — собрание рукоятей, при котором жнущий приводится в изумление неизглаголанным виде-

нием, как из малых и голых посеянных им зерен вдруг произросли пред ним такие красивые класы [90].

30. Спаситель постом начал дело устроения нашего спасения. Подобно и все исходящие вослед Спасителя на сем основании утверждают начало своего подвига, потому что пост есть оружие, уготованное Богом. И кто, если вознерадит о нем, не будет укорен за сие? Если постится сам Законоположник, то как не поститься кому-либо из обязанных соблюдать закон? Посему-то до поста род человеческий не знал победы, и диавол никогда не испытывал поражения своего от нашего естества: но от сего оружия изнемог в самом начале. И Господь наш был вождем и первенцем сей победы, чтоб на главу естества нашего возложить первый победный венец. И как скоро диавол видит сие оружие на ком-нибудь из людей, тотчас приходит в страх сей противник и мучитель, помышляя и воспоминая о поражении своем в пустыне Спасителем, — и сила его немедленно сокрушается, и воззрение на оружие, данное нам Началовождем нашим, попаляет его. Облеченный во оружие поста во всякое время распаляется ревностью. Кто пребывает в нем, у того ум непоколебим и готов встретить и отразить все лютые страсти [132-3].

31. Дела и труды тогда доставляют душе бесстрастие, умерщвляют *уды, яже на земли* (Кол. 3, 5) и даруют упокоение помыслов, когда приобщимся безмолвия, когда прекратится в душе смятение, производимое впечатлениями от внешних чувств. Иначе успеху в этом быть нельзя. Ибо если древо ежедневно поливается, то засохнет ли когда-нибудь корень его? Убывает ли когда воды в сосуде, в который ежедневно прибавляют ее? Когда же придет человек в безмолвие, тогда душа удобно различает страсти, и внутренний человек, возбудившись на духовное дело, побеждает их и день ото дня возводит душу к чистоте [134-36].

32. Когда можно сказать, что достиг кто чистоты? Когда всех людей видит кто хорошими и никто не представляется ему нечистым и оскверненным; тогда подлинно чист он сердцем [141].

33. Что свойственно делать подвижнику, пребывающему на безмолвии в келлии своей? Разве человек рачительный и трез-

венный душою имеет нужду спрашивать, как ему вести себя, когда он бывает один с собою? Какое иное занятие у монаха в келлии его, кроме плача? И какое другое занятие лучше этого? Самое пребывание монаха и одиночество его, уподобляясь пребыванию во гробе, далекому от радости человеческой, учат его, что деятельность его — плач. И все святые в плаче переселялись из жизни сей. Будем же молить Господа даровать нам плач. Ибо если получим сию благодать, лучшую и превосходнейшую прочих дарований, то при помощи ее достигнем чистоты. А как скоро достигнем ее, то не отнимется уже она от нас до самого исхода нашего из жизни сей [43-4].

34. Блаженны чистые сердцем, потому что нет времени, когда бы не услаждались они сладостью слез, — в коей всегда зрят они и Господа. Пока еще слезы у них на глазах, они сподобляются зрения откровений Его на высоте молитвы своей; и нет у них молитвы без слез. Это-то и значит сказанное Господом: *блажени плачущие, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Ибо когда монах сподобился с помощью слез прейти область страстей и вступить в равнину душевной чистоты, тогда сретает его утешение, какое плачущим дает Бог за чистоту их. Проливать слезы и плакать — дарование бесстрастных. И если слезы плачущего и сетующего временно могут не только путеводить его к бесстрастию, но и совершенно очистить и освободить ум его от памятования страстей, — что сказать о тех, которые с ведением день и ночь упражняются в сем делании? [144-5].

35. Некто из святых сказал, что другом греха делается тело, которое боится искушений, чтоб не дойти ему до крайности и не лишиться жизни своей. Посему Дух Святой понуждает его умереть (внушает подвижнику обречь себя на смерть). Ибо знает, что если не умрет, не победит греха. Если кто хочет, чтоб вселился в нем Господь, то принуждает тело свое служить Господу, работать в заповедях Духа, написанных у апостола, и хранить душу свою от дел плотских, описанных апостолом (см. Гал. 5, 19). Тело же, приобщившееся греху, упокоевается в делах плотских, и Дух Божий не упокоевается в плодах его. Ибо когда тело изнемогает в посте и смирении, тогда душа укрепляется молитвою [161].

36. Телу, когда оно много угнетается скорбями безмолвия, терпит лишения и недостатки и приближается к тому, чтобы лишиться жизни своей, обычно умолять тебя и говорить: «Дай мне немного свободы пожить прилично; хожу я теперь право, потому что испытано всякими злостраданиями». И как скоро из сострадания успокоишь ты его от скорбей и доставишь ему несколько отдохновения, оно мало-помалу станет нашептывать тебе с ласкательством (а ласкательства его весьма сильны): «Можем и близ мира жить хорошо, по тем же правилам, по каким водимся теперь; потому что испытаны во многом. Искуси меня только, и если не буду таким, как тебе угодно, можем возвратиться. Пустыня не убежит от нас». Не верь ему, хотя и сильно будет умолять, и даст много обещаний. Оно не исполнит того, что говорит. Когда склонишься на просьбу его, ввергнет тебя в великие падения, из которых не будешь в состоянии восстать и выйти [161-2].

37. Когда придешь от искушений в уныние и пресытишься ими, скажи сам себе: «Снова вожделеваешь ты нечистой и срамной жизни». И если тело скажет тебе: «Великий грех самому себя убивать», то ответь ему: Сам себя убиваю, потому что не могу жить нечисто. Умру здесь, чтоб не увидеть истинной смерти души моей, — смерти для Бога. Лучше мне умереть здесь ради непорочности и не жить худою жизнью в мире. Произвольно избрал я смерть сию за грехи свои. Сам себя умерщвляю, потому что согрешил я Господу; не буду более прогневлять Его. Что мне в жизни, далекой от Бога? Буду терпеть озлобления сии, чтобы не быть отчужденным от небесной надежды. Что Богу в жизни моей в этом мире, если живу в нем худо и прогневляю Бога?» [162-3].

38. Монаху вредно видеть мир и мирское. И какое изменение происходит в уме того, кто, долгое время безмолвствовав с самим собою, вдруг снова впадает в водоворот мира, видит и слышит, что для него непривычно! Да не обольщают нас утверждающие, будто никакого вреда нет для нас от того, что слышим и видим нечто, будто одинаковы мы по мыслям своим и в уединении, и в мире, будто и в келлии, и вне ее не возмущается скромность наша, не происходит с нею худой перемены, и при

встрече с лицами и вещами не чувствуем мы тревоги страстей. Утверждать сие могут только такие крепкие духом, кои, если и раны приемлют, не чувствуют того. Но мы не достигли еще такого здравия, еще имеем на себе смердящие раны, которые воскипят червями, если и один день не будет о них попечения и они останутся неперевязанными, не будут обложены пластырем и стянуты перевязями [171-2].

39. Душа, однажды с верою предавшая себя Богу и многократным опытом изведавшая Его содействие, не заботится уже о себе, но связуется изумлением и молчанием, и не имеет возможности снова возвратиться к способам своего ведения и употребить их в дело, чтоб иначе не лишиться Божия Промышления, которое втайне неусыпно назирает над душою, печется о ней и непрестанно следит за нею, — не лишиться же потому, что в таком случае она окажется самонадеянно мечтающею, будто сама достаточно может промышлять о себе по силе своего ведения [172-3].

40. Те, в коих воссиявает свет веры, не доходят уже до такого бесстыдства, чтобы снова им испрашивать у Бога в молитвах «дай нам это» или «возьми у нас то», — и нимало не заботятся о себе самих; потому что духовными очами веры ежечасно видят Отеческий Промысл, каким приосеняет их тот истинный Отец, Который безмерно великою любовию Своею превосходит всякую отеческую любовь, паче всех может и имеет силу содействовать нам до преизбытка в большей мере, нежели как мы просим, помышляем и представляем себе [173].

41. Кто сподобился вкусить сладости веры и снова обратился к ведению душевному, тот уподобляется нашедшему многоценную жемчужину и обменявшему ее на медный овал; и еще — оставившему полновластную свободу и возвратившемуся в состояние нищеты, исполненное страха и рабства [178].

42. Есть три мысленные способа, по коим ведение восходит и нисходит. Способы сии суть: тело, душа, дух. Ведение есть Божие даяние естеству разумных тварей, данное вначале при их создании, — и оно по природе своей просто и неделимо, как свет солнечный, но сообразно с деланием своим приобретает

изменения и деления. — Послушай, какой порядок сего делания [181-2].

43. ***Первая степень ведения***. Когда ведение следует плотскому вожделению, тогда сводит воедино следующие способы: богатство, тщеславие, убранство, телесный покой, рачение о словесной мудрости, годной к управлению в мире сем и источающей обновление в изобретениях, искусствах и науках, и все прочее, чем увенчивается тело в этом видимом мире. А по сим отличительным чертам ведение делается противным вере. И оно именуется голым ведением; потому что исключает всякое Божественное попечение, и по причине преобладания тела вносит в ум неразумное бессилие, и все попечение его совершенно о сем только мире.

Вот понятие о себе этого ведения: будто оно есть мысленная сила, тайно правящая человеком, Божественная попечительность, назирающая над ним и совершенно о нем пекущаяся. Посему не Промыслу Божию приписывает оно управление миром, но все доброе в человеке, спасение его от вредоносного для него и естественное его остережение от затруднительного и от многих противностей, тайно и явно сопровождающих естество наше, кажутся ему следствием собственной его рачительности и собственных его способов.

Таково понятие о себе глумящегося ведения. Оно мечтает, что все бывает по его промышлению; и в этом согласно с утверждающими, что нет управления сим миром. Впрочем, не может оно пробыть без непрестанного попечения и без страха за тело, а потому овладевает им малодушие, печаль, отчаяние, страх от бесов, боязнь от людей, молва о разбойниках, слухи о смертях, заботливость в болезни, попечительность в скудости и недостатке потребного, страх смерти, страх страданий и злых зверей, и все прочее, сходное с сим, — делающее ведение похожим на море, в котором ежечасно день и ночь мятутся и устремляются на пловцов волны.

Так как ведение сие не умеет попечения о себе возвергать на Бога в уповании веры в Него, то непрестанно бывает занято ухищрениями и придумыванием средств относительно всего, что касается до него самого. Когда же способы его изобретения

в одном каком-либо случае окажутся недействительными, — таинственного же в сем Промысла оно не усмотрит; тогда препирается с людьми, которые препятствуют и противятся ему. В сем отношении, в ведении сем насаждено древо познания добра и зла, искореняющее любовь. В нем качествует надмение и гордыня. Кичится оно, а между тем ходит во тьме, — и ценит достояние свое по сравнению с тем, что на земле, и не знает, что есть нечто лучшее его [182-5].

44. ***Вторая степень ведения***[1]. Когда человек, оставя первую степень, бывает занят душевными помышлениями и пожеланиями, тогда во свете естества души совершает следующие превосходные дела: пост, молитву, милостыню, чтение Божественных Писаний, добродетельную жизнь, борьбу со страстями и прочее. Ибо все добрые дела, все прекрасные отличия, усматриваемые в душе, и чудные способы, употребляемые на служение во дворе Христовом, на сей второй степени ведения, в делании силы его, совершает Дух Святой. И оно-то указывает сердцу стези, ведущие нас к вере, в нем собирает напутствие к истинному веку.

Но и здесь ведение еще телесно и сложно. В нем только путь, ведущий и препровождающий нас к вере. Есть еще высшая степень ведения. И если кто преуспеет, то найдет возможность, при помощи Христовой, возведенным быть и на оную, когда основание своего делания положит в безмолвном удалении от людей, в чтении Писаний, в молитве и в прочих добрых делах, которыми совершается все относящееся ко второму ведению. И им-то совершается все прекрасное; оно и называется ведением дел; потому что чувственными делами, при посредстве телесных чувств, совершает дело свое на внешней степени [186-7].

45. ***Третья степень ведения*** — степень совершенства. Послушай теперь, как человек утончается, приобретает духовное и уподобляется в житии невидимым Силам, которые служение свое отправляют не чувственно производимыми делами, но совершаемыми заботливостью ума. Когда ведение вознесется над

---

[1] По покаянии труды доброделания и подвижничества в видах очищения сердца, при помощи благодати Святого Духа.

земным и над попечениями о делании земного, и начнет испытывать свои помышления в том, что сокрыто от очей внутри, и простреться горé и последует вере в попечении о будущем веке и в вожделении обетованного нам, и в изыскании сокровенных таин, тогда сама вера поглощает сие ведение, и обращается, и рождает оное снова, так что всецело делается оно духом.

Тогда может оно воспарять на крыльях в области бесплотных, касаться глубин неосязаемого моря, представляя в уме Божественные и чудные действия правления в естествах существ мысленных и чувственных, и разыскивает духовные тайны, постигаемые умом простым и тонким. Тогда внутренние чувства пробуждаются для духовного делания по тому чину, какой будет в оной жизни бессмертия и нетления; потому что еще в здешнем, как бы втайне прияло мысленное воскресение в истинное свидетельство о всеобщем воскресении [187-8].

46. Вот три способа ведения. — С того времени, как начинает человек различать зло от добра, и пока не изыдет он из мира сего, ведение души его пребывает в сих трех мерах. И полноту всякой неправды и нечестия, и полноту правды, и то, чтобы коснуться глубины всех таин духа, производит единое ведение в трех сказанных мерах, и в нем заключено всякое движение ума, когда восходит или нисходит он, в добре или в зле, или в среднем между добром и злом. Эти же меры у отцов называются: естественное, противоестественное и сверхъестественное. И это суть три направления, по которым возводится и низводится памятование разумной души, когда, по сказанному, или по естеству делает кто правду, или превыше естества восхищается ее памятованием в созерцании Бога вне естества, или исходит пасти свиней, как расточивший богатство своей рассудительности, работая со множеством демонов [188-9].

47. Первая степень ведения охлаждает душу для дел шествия по Богу. Вторая согревает душу для скорого течения к тому, что на степени веры. Третья же есть упокоение от делания, в едином упражнении ума наслаждающееся тайнами будущего. Но как естество наше не может еще совершенно возвыситься над состоянием омертвения и тяготою плоти, то, как человек живет во плоти, остается в переходном состоянии от одного к другому.

То, как убогий нищий, душа его начинает совершать служение во второй, средней степени добродетели; то, подобно приявшим духа сыноположения, в таинстве свободы наслаждается духовною благодатию, по достоинству Дающего оную; и опять снова возвращается к смирению дел своих, совершаемых с помощью тела. Ибо в веке несовершенном нет совершенной свободы [189-90].

48. Дело ведения на второй степени состоит в делании и продолжительном упражнении; дело же его на третьей степени есть делание веры, которое не делами производится, но исполняется духовными умопредставлениями, в чисто душевном делании; и оно превыше чувств. Веру же разумеем не ту, какую человек имеет в рассуждении разнствия достопоклоняемых Божественных Ипостасей и чудного домостроительства в воплощении восприятием нашего естества, хотя и сия вера крайне высока; — но веру, воссиявающую в душе от света благодати, умным свидетельством подкрепляющую сердце, чтоб не поколебалось оно в несомненности надежды, далекой от всякого сомнения. И вера сия обнаруживается не в приращении слуха ушей, но в духовных очах, которые видят сокрытые в душе тайны, невидимое Божественное богатство, сокровенное от очей сынов плоти, и Духом открываемое тем, кои питаются с трапезы Христовой, в поучении законом Христовым, как сказал Господь: если заповеди Мои соблюдаете, пошлю вам Утешителя Духа, Духа *истины, Егоже мир не может прияти...* и *Той вы научит всякой истине* (Ин. 14, 17, 26) [190-1].

49. ***Еще иное различие ведений.*** Ведение, которое занимается видимым или чувствами приемлет, что передается от видимого, называется естественным. Ведение же, которое занимается силою мысленного и внутри себя природами существ бесплотных, именуется духовным; потому что ощущение приемлется духом, а не чувствами. И по причине этих двух рождений (ощущения вещей видимых и духовных) то и другое ведение бывает в душе отвне. А ведение, подаваемое Божественною силою, именуется сверхъестественным; и оно паче недоведомо и выше ведения. И созерцание сего ведения душа приемлет не от вещества, которое вне ее, как в первых двух ведениях; но внутри ее самой

невещественно, туне, скоро и сверх чаяния обнаруживается и открывается оное из самой внутренности; потому что, по слову Христову, *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), — не прообразованием питает надежду, не с соблюдением приходит, но внутри образа, запечатленного в сокровенном уме, открывается само собою, без помышления о нем. Первое ведение бывает следствием непрестанного занятия и рачительности обучения; второе — следствием доброго жития и разумной веры; а третье дано в жребий одной вере, которою упраздняется ведение и дела приемлют конец [193-4].

50. Не сомневайся в силе молитв нашего стихословия, когда во время молитв или ежечасного чтения, не последует за ними сильного возбуждения и непрестанного сокрушения [196].

51. Сказанное из опыта слово необходимо принимай, хотя изрекший оное и некнижный человек; потому что царские сокровища больше всех на земле, но не пренебрегают тем, чтобы принять вдобавок себе овал, взятый у нищего; и из малых потоков наводняются реки и делаются великими в течении своем.

52. Воспоминание о добром и воспоминание о худом, как бы перстом указывают нам или на срамоту наших помыслов, или на высоту нашего жития, — и каждое по роду своему укрепляет в нас помыслы и движения или десных, или шуих. Мы бываем заняты ими в тайне ума нашего; но в этом мысленном занятии изображается удел нашего жития, и в нем мы можем увидеть себя самих.

53. Есть любовь, подобная малому светильнику, питаемому елеем, с истощанием которого светильник угасает, — или дождевому потоку, которого течение прекращается с оскудением составляющей его дождевой воды. Но есть любовь, подобная бьющему из земли источнику, никогда не оскудевающему. Первая есть любовь человеческая; а вторая божеская, Бога имеющая своим виновником [199].

54. Хочешь ли насладиться стихословием во время службы своей и постигнуть смысл произносимых тобою словес Духа? Отложи совершенно в сторону количество стихословий, не принимай в расчет знания меры в стихах, оставь обычное громогласие; но углубляйся умом твоим в изучение словес Духа,

пока душа твоя не возбудится к высоким разумениям и через то не подвигнется к славословию или к полезной печали. В рабском же делании (в вычитывании только положенного) нет мира уму; а смущение отнимает обыкновенно вкус у смысла и понятливости и расхищает мысли. Смущение прилично назвать колесницею диавола, потому что сатана имеет обычай, подобно ездоку, восседать на ум, брать с собою кучу страстей, с ними входить в несчастную душу и погружать ее в смущение [199-200].

55. Не прекословь помыслам, всеваемым в тебя врагом, но лучше молитвою к Богу прерывай беседу с ними. Не во всякое время имеем мы силу так воспрекословить сопротивным помыслам, чтоб прекратить их; напротив того, в таковом случае нередко получаем от них язву, которой долгое время не уврачуешь. Несмотря на всю твою мудрость и на все твое благоразумие, враги успеют поразить тебя. Но когда и победишь ты их, и тогда нечистота помыслов осквернит ум твой и зловоние смрада их надолго останется в обонянии твоем. Употребив же первый способ, будешь свободен от всего этого и от страха; потому что нет иной помощи, кроме Бога [201-2].

56. Когда во время пребывания твоего в келейном безмолвии обращаешься к рукоделию, не обращай отеческой заповеди в покрывало своему сребролюбию. Во избежание уныния пусть будет у тебя небольшое дело, не возмущающее ума; но не забывай, что молитва в чине своем выше всего [202-3].

57. Будь уверен, что Хранитель твой всегда с тобою, — и что вместе с другими тварями и ты состоишь под единым Владыкою, Который единым мановением приводит все в движение, и все устрояет. Стой же мужественно и благодушествуй. Ни демоны, ни губительные звери, ни порочные люди не могут исполнить воли своей на вред тебе и пагубу, если не попустит сего изволение Правящего и не даст сему места в определенной мере. Посему говори душе своей: «Есть у меня оберегающий меня Хранитель; и ни одна из тварей не может явиться предо мною, разве только будет повеление свыше. Если же есть на то воля Владыки моего, чтоб лукавые возобладали над созданием, то принимаю сие, не огорчаясь, как не желающий, чтоб воля

Господа моего осталась без исполнения». Таким образом, в искушениях твоих будешь исполнен радости, как увидавший и в точности сознавший, что управляет и распоряжает тобою Владычнее мановение. Так подкрепляй сердце свое упованием на Господа [204-5].

58. Хранение языка не только заставляет ум воспрянуть к Богу, но и делом явным, совершаемым с помощью тела, втайне доставляет великую силу к их совершению, и также просвещает и в тайном делании, как говаривали отцы, потому что хранение уст заставляет совесть воспрянуть к Богу, если только соблюдает кто молчание с ведением [208].

59. За всякою мыслью доброго желания последует ***ревность,*** горячностью своею уподобляющаяся огненным углям; и она обыкновенно ограждает сию мысль и не допускает, чтобы приблизилось к ней какое-либо сопротивление, препятствие и преграда. Это есть добродетель, без которой не производится доброе. Некто, облеченный во Христа, ревность сию назвал псом и стражем закона Божия.

Эта сила ревности двумя способами пробуждается, укрепляется и воспламеняется на хранение дома (души), — и также двумя способами приводится в изнеможение, дремоту и леность.

Пробуждение и воспламенение ее бывает (во-первых), когда человеку приходит на мысль какой-нибудь ***страх,*** заставляющий его бояться за то благо, которое он приобрел или имеет в виду приобрести, чтобы не было оно украдено или уничтожено. Когда возбужден этот страх, тогда ревность день и ночь разгорается, как пылающая печь, — и подобно Херувиму, непрестанно внимает тому, что окрест, и всеусердно блюдет свое благо от всяких вражеских покушений совне и совнутрь.

И другой есть способ воспламенения сей ревности, — когда в душе наиболее возрастает вожделение добродетели. И в какой мере возрастает в душе это вожделение, в такой же воспламеняется и ревность к добродетели.

Первый повод к охлаждению ее есть, — когда в душе уменьшится или прекратится самое вожделение добра; а второй повод, — когда войдет в душу какой-то помысл уверенности и отважности и утвердится в ней, — и человек станет надеяться,

думать и держаться той мысли, что нет ему причины бояться потерпеть вред от какой-либо силы; потому слагает с себя орудие ревности, и бывает дом без стража, пес засыпает и надолго оставляет стражу.

То же и другое бывает оттого, что вошел в душу какой-либо самый тонкий помысл гордыни, и вогнездился там; или человек стал более предаваться попечению о преходящем, или частому обольстительному для него сообщению с миром. Или бывает сие от чрева, этой госпожи всего худого. Всякий раз, как подвижник вступает в общение с миром, душа его тотчас изнемогает. То же бывает, когда сходится он со многими, которые по тщеславию неизбежно сокрушают душу его. Ум подвижника, входящего в общение с миром, уподобляется кормчему, который спокойно идет по морю и внезапно попадает в средину подводных камней и терпит крушение [210-14].

60. Предпочитать доброе изволение есть дело желающего; довершать же выбор доброго изволения — дело Божие. Для сего человек имеет нужду в Божией помощи. Будем же делать так, чтоб за появляющимся в нас добрым желанием следовали частые молитвы, с прошением не только оказать нам помощь, но и показать, благоугодно ли желание сие воле Божией или нет. Ибо не всякое доброе желание входит в сердце от Бога, но только то, которое полезно [214-15].

61. Иногда человек желает доброго, но Бог не помогает ему; потому что иногда подобное сему желание входит и от диавола, не на пользу нам, а во вред, — или потому, что дело желаемое не в меру нам, так как мы не достигли еще соответствующего тому жития, — или потому, что оно чуждо принятому нами на себя образу, — или потому, что не пришло еще время, когда можно исполнить оное или начать его исполнение, — или потому, что не имеем ни ведения, ни телесных сил, достаточных для него, — или потому, что обстоятельства времени не способствуют нам в том. Диавол между тем всячески ухищряется приукрасить такое дело благовидностью, чтоб, склонив на него, расстроить душевный покой или причинить вред телу. Посему надлежит тщательно обсуждать и добрые желания. Лучше же с советом все твори [215].

62. Добродетель есть матерь печали; от печали рождается смирение; смирению дается благодать. И воздаяние потом бывает уже не добродетели и не труду ради ее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно утрачено, то первые будут напрасны [217].

63. Господь требует не одного делания заповедей, но паче исправления души, для которого узаконил заповеди. Тело равно действует и в десных, и в шуих делах; ум же при сем правым является или погрешает, судя по настроению своему [218].

64. Дарование без искушений — погибель для приемлющих оное. Если делаешь доброе пред Богом и Он дает тебе дарование, умоли Его дать тебе умение смириться, сколько для тебя прилично, или приставить к тебе стража над дарованием, или взять у тебя оное, чтоб оно не было для тебя причиною погибели. Ибо не для всех полезно хранить богатство.

65. Добродетели сопряжены с печалями. Кто уходит от скорбей, тот несомненно разлучается и с добродетелью. Если желаешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Ибо скорби рождают смирение. Пока не достигнем истинного ведения, дотоле посредством искушений приближаемся к смирению. Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости [218-19].

66. Когда человек пребывает в гордости, тогда удаляется от него промыслительный Ангел, который близ него и возбуждает в нем попечение о праведности. Когда же человек оскорбит сего Ангела, и он удалится от него, тогда приближается к нему чуждый (дух тьмы), — и с того времени нет уже у него попечения о праведности [219].

67. Бог нередко попускает, чтобы добродетельные искушаемы были чем-либо, — дозволяет, чтобы отовсюду восставали против них искушения, поражает их в теле их, как Иова, ввергает в нищету, делает, что отступает от них человечество, поражает их в том, что приобретено ими; только к душам их не приближается вред. И невозможно, чтобы, когда идем путем правды, не встретилась с нами печаль, тело не изнемогло в болезнях и трудах, — и пребывало неизменным, если только возлюбим жить в добродетели. Когда человек совершает шествие

свое по Богу, — и встретится с ним что-либо подобное, тогда неприлично ему уклоняться от стези своей, но должен он с радостью, без пытливости принимать это и благодарить Бога, что послал ему благодать сию и сподобился он ради Бога впасть в искушение и соделаться сообщником в страданиях с пророками, апостолами и прочими святыми, ради пути сего претерпевшими скорби. От людей ли, от демонов ли, от тела ли придут на него искушения, да будет сие для него поводом к благодарению. Ибо невозможно, чтобы Бог возжелавшему пребывать с Ним иначе как оказал благодеяние, а не послав на него искушения за истину; как и человеку соделаться достойным того, чтобы сподобиться сего величия, — то есть войти в искушения и возрадоваться, — невозможно без благодати Христовой.

Дело сие столь велико, что святой Павел явно называет дарованием, когда человек сподобляется пострадать ради надежды на Бога, говоря филиппийцам: *яко вам даровася, еже о Христе, не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (Флп. 1, 29). Также и святой Петр написал в послании своем: *аще и страждете правды ради, блажени есте* (1 Пет. 3, 14), — потому что сделались общниками страстей Христовых.

Не надлежит тебе, тогда как живешь пространно, радоваться, в скорбях же посуплять лицо и почитать их чуждыми пути Божию. Ибо стезя его от века и от родов крестом и смертью пролагается. А у тебя откуда такая мысль (прохладно идти путем Божиим)? Дознай из этого, что ты вне пути Божия и удаляешься от него, не хочешь идти по следам святых, или намереваешься устроить себе иной особенный путь и по нему идти, не страдая. Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прохладно. О пути же прохладном знаем, где он оканчивается [221-23].

68. Истинные праведники всегда помышляют в себе, что недостойны они Бога, — и самое то, что они истинные праведники, дознается из того, что они признают себя окаянными и недостойными попечения Божия, и исповедуют сие тайно и явно, и умудряются на сие Святым Духом, чтоб пребывать в труде и тесноте, пока находятся в жизни сей. Время же упокоения Бог соблюл им в будущем веке. И имеющие в себе живущего Господа

по сему самому не желают быть в покое и освободиться от скорби, хотя по временам и дается им таинственно утешение в духовном [227].

69. Такова воля Духа, чтобы возлюбленные Его пребывали в трудах. Не Дух Божий пребывает в тех, кои пребывают в покое. Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что живут они в скорбях; а мир гордится роскошью и покоем. Не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но паче восхотел, чтобы они, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в наготе, в нужде, в унижении, в оскорблениях, в утружденном теле, в печальных мыслях, чтоб исполнялось на них сказанное: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33). Господь знает, что живущим в покое невозможно пребывать в любви Его, и потому отказывает им в покое и услаждении оным [228-9].

70. По любви, какую святые показали к Богу, страдая за имя Его, сердце их приобретает дерзновение взирать на Бога непокровенным лицом и просить Его с упованием. Велика сила дерзновенной молитвы. Потому попускает Бог, чтобы святые Его искушаемы были всякою печалью и также опытно изведывали помощь Его и то, сколько промышляет о них Бог. Вследствие искушений приобретают они мудрость, и из опыта почерпают ведение о всем, чтоб не потерпеть осмеяния от демонов. Если бы Бог упражнял их в одном добром, то не доставало бы им обучения в другой части, и во бранях были бы они слепы [229-30].

71. Если человек не бывает сперва искушен испытанием худого, то он не имеет вкуса в добром, чтоб, когда встретится в худом доброе, воспользоваться тем с ведением, как своею собственностью. Как приятно знание, заимствованное самым делом из опыта и из упражнения, и какую силу доставляет оно тому, кто долговременным опытом своим приобрел оное в себе самом, — сие познается теми, которые изведали содействие сего знания, равно как немощь естества и помощь Божественной силы, — и уверились в этом. Ибо тогда только познают они сие, когда Бог, удержав сперва силу Свою от содействия им, приводит их в сознание немощи естества, трудности искушений,

лукавства вражеского, и того, с кем у них борьба, каким облечены они естеством, и как были охраняемы Божескою силою, сколько совершили пути, сколько возвысила их Божия сила, и сколько бывают они немощны в борьбе со всякою страстью, если удаляется от них эта Божия сила; — так что из всего этого приобретают они смирение, приближаются к Богу, начинают ожидать Его помощи и пребывать в молитве. И откуда бы заняли они все это, если бы не приобрели опыта о многом худом, впав в сие худое по Божию попущению, как говорит апостол: *за премногая откровения да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, аггел сатанин* (2 Кор. 12, 7)? Но в искушениях, многократно испытывая Божию помощь, человек приобретает и твердую веру; отчего делается небоязненным и приобретает благодушие в искушениях [230-31].

72. Искушение полезно всякому человеку. Подвижники бывают искушаемы, чтоб присовокупить нечто к богатству своему; расслабленные, чтобы охранять им себя от вредного; погруженные в сон, чтобы приуготовляться им к пробуждению; далеко стоящие, чтобы приблизиться им к Богу; своители Богу, чтобы веселиться им с дерзновением. — Всякий необученный сын приемлет богатство из дома отца своего не в пользу себе. Поэтому-то Бог сперва искушает и томит, а потом показует и дарование [231-2].

73. Человек, пока в нерадении, боится часа смертного; а когда приблизится к Богу, боится сретения суда; когда же всецело поступит в предняя, тогда любовию поглощается тот и другой страх. Почему же это? Потому что пока человек остается в ведении и житии телесном, ужасается он смерти. Когда же бывает в ведении духовном и в житии добром, тогда ум его всякий час занят памятованием будущего суда; так как право стоит он по своему естеству, движется в душевном чине, занимается своим ведением и житием, и благоустроен для того, чтобы приближаться к Богу. Но когда достигнет оного ведения истины, по возбуждении в нем ведения таин Божиих и по утверждении надежды будущего, тогда любовию поглощается и оный телесный человек, подобно животному боящийся заклания, и человек разумный, боящийся суда Божия; соделав-

шийся же сыном украшается любовию, а не устрашающим вразумляется жезлом, говоря: *Аз же и дом мой служити будем Господеви* (Нав. 24, 15) [233].

74. Блажен, у кого помышление всегда о Боге, и кто с Ним одним пребывает в беседе ведения своего. Радость о Боге крепче здешней жизни; и кто обрел ее, тот не только не посмотрит на страдания, но даже не обратит взора на жизнь свою. Любовь сладостнее жизни, и разумение по Богу, от которого рождается любовь, сладостнее паче меда и сот. Любви — не печаль принять тяжкую смерть за любящих. Любовь есть порождение ведения; а ведение есть порождение душевного здравия; здравие же душевное есть сила, происшедшая от продолжительного терпения [234].

75. Жизнь вечная есть утешение в Боге; и кто обрел утешение в Боге, тот почитает излишним утешение мирское.

Приял ли кто мудрость от Духа, познает он из самой мудрости, которая в сокровенности его и в чувствах учит его смиренным нравам.

Достиг ли кто смирения, узнает он из того, если находит для себя гнусным угождать миру своим общением с ним или словом, и если в глазах его ненавистна слава мира сего [235].

76. Страсти (в действии) суть приражения, которые, бывая производимы вещами мира сего, увлекают под предлогом необходимости удовлетворять потребностям жизни; и приражения сии не прекращаются, пока стоит мир сей. Но человек, который сподобился Божественной благодати, вкусил и ощутил нечто высшее сего, не попускает приражениям сим входить в сердце его; потому что вместо их возобладало в нем другое, лучшее их вожделение, — и к сердцу их не приближаются ни самые сии приражения, ни порождаемое ими, но остаются они вне бездейственными, — не потому, что нет уже страстных приражений, но потому, что приемлющее их сердце мертво для них и живет чем-то иным; не потому, что человек успокоился вследствие хранения рассудительности и дел, но потому, что в уме его нет ни от чего тревоги, сознание его насыщено, насладившись чем-то иным [235-6].

77. Если будем хранить закон трезвения и дело рассудительности в ведении, то борьба со страстными приражениями совсем не приблизится к уму. Воспрещается же войти им в сердце вследствие не борьбы, но пресыщения сознания и ведения, каким наполнена душа, и желания чудных, находимых в душе, созерцаний.

Пока человек живет, имеет нужду в трезвенности, попечительности и бодренности, чтобы охранять свое сокровище. Но если оставит он назначенный ему предел (пост), то сделается немощным и будет окраден.

Не до того только времени трудиться должно, пока увидишь плод; но надо подвизаться до самого исхода. Ибо нередко и созревший плод побивает внезапно град [237].

78. Если приобучим себя к доброму размышлению (поучению в сердце), то будем стыдиться страстей, как скоро встретимся с ними. Но будем стыдиться приближения к страстям и по причине их виновности [238].

79. Когда из любви к Богу желаешь совершить какое дело, пределом желания сего поставь смерть; и таким образом на самом деле сподобишься взойти на степень мученичества в борьбе с каждою страстью и не понесешь никакого вреда от того, что встретится с тобою внутри оного предела, если претерпишь до конца и не расслабеешь. Помышление немощного рассудка немощною делает и силу терпения: а твердый ум и тому, кто следует помышлению его, сообщает силу, какой не имеет природа.

80. Житие мира сего подобно начертанию букв на таблицах; и когда кто захочет и пожелает, прибавляет к ним и убавляет, и делает перемену в буквах. А жизнь будущая подобна рукописаниям, начертанным на чистых свитках, запечатанным царскою печатью, в которых не допускается уже ни прибавление, ни убавление. Поэтому, пока мы среди изменения, будем внимательны к себе, и пока имеем власть над рукописанием жизни своей, какое пишем своими руками, постараемся делать в нем дополнения добрым житием и изглаждать в нем недостатки прежнего жития. Ибо пока мы в мире сем, Бог не прилагает

печати ни к доброму, ни к худому до самого часа исшествия из сей жизни [239].

81. Молитва имеет нужду в упражнении, чтобы ум умудрился долговременным пребыванием в оной. Молитву предваряет отшельничество (уединение, отвлечение мыслей от всего стороннего). Отшельничество нужно ради молитвы, а молитва — для того, чтоб приобрести нам любовь Божию; потому что вследствие молитвы сыскиваются причины любить Бога [242].

82. Надлежит знать нам, что всякая беседа к Богу, совершаемая втайне, всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном установляется молитвою и нарицается именем молитвы, и под сим именем сводится воедино, — будешь ли разуметь различные чтения или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопение, или все прочее, из чего составляется весь чин подлинной молитвы, от которой рождается любовь Божия; потому что любовь — от молитвы, а молитва — от пребывания в уединении; в уединении имеем мы нужду для того, чтобы нам была возможность удобнее беседовать с Богом [242-3].

83. Храни себя от самомнения во время добрых в тебе изменений. Немощь свою и невежество свое в рассуждении тонкости сего самомнения рачительно открывай Господу в молитве, чтобы не быть тебе оставлену и не искуситься в чем-либо срамном; потому что за гордостию следует блуд, а за самомнением обольщение [247].

84. Когда на одну сторону положишь все прочие дела подвижнические, а на другую — молчание, то найдешь, что оно перевешивает на весах. Много советов у людей; но когда сблизится кто с молчанием, излишним будет для него делание хранения их, и излишними окажутся прежние дела, и сам он окажется превзошедшим сии делания; потому что приблизился к совершенству [251].

85. Пусть у тебя всегда берет перевес милостыня. Наше милосердие пусть будет зерцалом, чтобы видеть в себе самих то подобие и тот истинный образ, какой есть в Божием естестве и в сущности Божией. Сердце жестокое и немилосердное никогда

не очистится. Человек милостивый — врач своей души; потому что как бы сильным ветром из внутренности своей разгоняет он омрачение страстей. Это, по евангельскому слову жизни, добрый долг, данный нами взаем Богу [253-4].

86. Когда приближаешься к постели своей, скажи ей: «В эту ночь, может быть, ты будешь мне гробом, постеля; и не знаю, не приидет ли на меня в эту ночь, вместо сна временного, вечный будущий сон». Поэтому, пока есть у тебя ноги, иди вслед делания, прежде нежели связан ты узами, которых невозможно будет разрешить. Пока есть у тебя персты, распни себя в молитве, прежде нежели пришла смерть. Пока есть у тебя глаза, наполняй их слезами, прежде нежели покрыты они прахом. Как роза, едва подует на нее ветер, увядает; так если внутри тебя дохнуть на одну из стихий, входящих в состав твой, ты умрешь. Положи, человек, на сердце своем, что предстоит тебе тотчас отшествие, и непрестанно говори себе: «Вот у дверей уже пришедший за мною посланник. Что же я сижу? Переселение мое вечно; возврата уже не будет» [254].

87. Кто любит собеседование со Христом, тот любит быть уединенным. А кто любит оставаться со многими, тот друг мира сего. Если любишь покаяние, люби и безмолвие. Ибо вне безмолвия покаяние не достигает совершенства. Если любишь безмолвие — матерь покаяния, — то с удовольствием возлюби и малый телесный вред, и укоризны, и обиды, какие польются на тебя за безмолвие. Приверженность к безмолвию есть непрестанное ожидание смерти. Кто без сего помышления вступает в безмолвие, тот не может понести того, что неизбежно сопряжено с сим образом жития [254-5].

88. Будем любить безмолвие, пока мир не умерщвлен в сердцах наших. Будем всегда памятовать о смерти, и в сем помышлении приближаться к Богу сердцем своим, — и презренными соделаются для нас мирские удовольствия [257].

89. Один из безмолвников говорил: «Я подвизаюсь в безмолвии для того, чтобы услаждались для меня стихи при чтении и молитве. И когда от удовольствия при уразумении их умолкнет язык мой, тогда, как бы во сне каком, прихожу в состояние сжатия чувств и мыслей моих. И тогда, когда при продолжи-

тельности сего безмолвия утихнет сердце мое от мятежа воспоминаний, тогда посылаются мне непрестанно волны радости внутренними помышлениями, сверх чаяния внезапно приходящими к услаждению сердца моего» [261].

90. Другой же говорил: «Безмолвие отсекает предлоги и причины к новым помыслам, и внутри стен своих доводит до обветшания и увядания воспоминания о предзанятом нами. И когда обветшают в мысли старые вещества, тогда ум, исправляя их, возвращается в свой чин».

91. Иной еще говорит: «Избери себе делание усладительное — непрестанное бдение по ночам, во время которого все отцы совлекались ветхого человека и сподобились обновления ума. В сии часы душа ощущает оную бессмертную жизнь, и ощущением ее совлекается одеяния тьмы и приемлет в себя Духа Святого» [262].

92. И еще: «Чувства эти (внешние) подчинить власти души невозможно без безмолвия и отчуждения от людей; потому что разумная душа, быв существенно соединена и сопряжена с сими чувствами, ими и своими, под впечатлением их, помыслами невольно увлекается, если человек не будет бодрствен в сокровенной молитве» [262-3].

93. Как от семени пота постов произрастает колос целомудрия, так от сытости — похотное жжение, а от пресыщения — нечистота. При алчущем и смиренном чреве никак не проникают в душу срамные помыслы [262].

94. Как просветляется красота твоя — целомудрие — возлежанием на голой земле, трудом алкания, отъемлющего сон, злостраданием плоти, которая, при воздержании от яств, между ребрами и чревом делается подобною глубокому рву! Всякая снедь, приемлемая нами внутрь, и всякое упокоение плоти образуют в нас срамные представления и безобразные мечтания; и они, порождаясь, раздражают нас к тайному склонению к делам срамным. А пустота чрева и мысли наши делает страною пустынною, не тревожимою помыслами, и безмолвствующею от всех мятежных помыслов [269-70].

95. ***Некоторые нужные указания безмолвствующему.*** Если во время разных служб бываешь, по возможности, далеким

от парения ума, и внезапно пресекается стих на языке твоем и на душу твою налагает оковы молчания, без участия твоей свободы, и последует сие за долговременным пребыванием на безмолвии, то знай, что ты в безмолвии своем простираешься вперед, и что кротость начала в тебе углубляться. Ибо простое безмолвие вправду достойно осуждения [272].

Если примечаешь в душе своей, что при каждом возникающем в ней помысле, при каждом припамятовании, и во время созерцаний, какие бывают в безмолвии твоем, глаза твои наполняются слезами, и слезы без принуждения текут по ланитам твоим, то знай, что начало совершаться перед тобою отверстие преграды на разорение сопротивных [273].

Если находишь в себе, что по временам мысль твоя, без предварительного о том примышления, вне обычного порядка, погружается внутрь тебя и пребывает в этом состоянии около часа или сколько-нибудь времени, а потом примечаешь, что мир царствует в помыслах твоих, — и то же самое повторяется с тобою всегда, то знай, что облако начало приосенять скинию твою.

Если же, когда вступишь в дело сие, не обретаешь мира от тревожащих тебя страстей, то не дивись. Если недро мира, по удалении от него лучей солнечных, надолго остается темным, также запах врачевств и дым мира, разливающийся в воздухе, пребывают не малое время, прежде нежели рассеятся и исчезнут, то тем паче страсти, подобно псам, привыкшим лизать кровь в мясной лавке, когда не дают им обычной пищи, стоят и лают, пока не сокрушена будет сила прежнего их навыка [274].

Когда же простираешься ты вперед, то следующие явственные признаки найдешь близкими в душе своей: будешь укрепляться во всем надеждою и обогащаться молитвою, — не оскудеет никогда в уме твоем служащее к пользе всякий раз, когда встречаешься с людьми и ощущаешь немощь естества человеческого (каждый такой случай будет охранять тебя от гордыни), — недостатки ближнего сделаются недостойными внимания в очах твоих, — вожделеешь ты выйти из тела сего с таким же желанием, с каким стал бы пребывать в будущем веке, — о всяком скорбном приключении, встречаю-

щемся с тобою явно и тайно, найдешь, что по справедливости и по суду приблизилось к тебе все сие, и принесешь за то благодарение Богу [275].

96. Страсти приводятся в движение или какими-нибудь образами, или чувством без образов, и памятью сначала без страстных движений и помышлений, которая потом производит раздражение [278].

97. Всегдашнее бдение с чтением и вслед за оным частые поклоны не замедлят рачительным подать благомирного устроения сердца. И кто обрел его, тот обрел сими именно средствами. Желающие снова приобрести его имеют нужду пребывать в безмолвии, а вместе и в делании сказанного; прежде же всего им надо ни к чему кроме души своей не привязываться мыслию своею, упражняться же во внутреннем делании, да и в рассуждении самых дел, упражняться в тех именно, в которых особенно находим близким к себе определенное ощущение, утверждающее нас в добром настроении [282].

98. Во всяком разумном естестве без числа бывают перемены, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения. Рассудительный может умудриться в уразумении сего, производя испытания над собою; если будет трезвиться и наблюдать за собою в уме своем, то легко дознает, какое когда изменение принимает мысль его и как внезапно из мирного состояния приходит в смущение и по каким причинам [284].

О сем и святой Макарий написал в наставление братиям, чтобы во время изменения в противное не впадали в отчаяние; потому что и со стоящими на степени чистоты, как с воздухом охлаждение, приключаются всегда ниспадения из лучшего в худшее состояние, между тем как нет в них нерадения или послабления себе; напротив же того, даже когда соблюдают они чин свой, случаются с ними подобные ниспадения, противные намерению собственной воли.

То же утверждает и блаженный Марк, говоря: «Изменения в каждом бывают, как в воздухе». ***В каждом***, то есть не в низших только и худших, но и в совершенных. Как в природе бывает холод и вскоре потом зной, — также град и немного спустя ведро; так бывает и в нашем упражнении: то брань, то помощь от благодати;

иногда душа бывает в обуревании и восстают на нее жестокие волны, — и снова происходит изменение, потому что посещает благодать и наполняет сердце человека радостью и миром от Бога, целомудренными и мирными помыслами [284-5].

99. Итак, и когда обуреваем бываешь, не отчаявайся, — и когда бываешь миром осеняем, не превозносись. Напротив того, рассмотри лучше в себе нечистые помыслы и те неблагоприметные образы, какие утвердились в уме твоем во время обуревания, в час смятения и беспорядочности помыслов; — подумай и о том, с какою скоростью уклонился ты в страсти и беседовал с ними в омрачении ума; и знай, что все это к смирению нашему навел на нас Божий Промысл, который о каждом из нас промышляет и устрояет, что кому полезно [288].

100. Смирение и без подвигов многие прегрешения делает простительными; без смирения же и подвиги бесполезны, даже уготовляют нам много худого. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели. Для приобретения его потребно непрестанно печалиться мыслью с уничижением и рассудительным болезнованием. И если приобретем его, то оно соделает нас сынами Божиими [289].

101. Господь наш опору нашей немощи указал в молитве, говоря: пробудитесь, *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41). Молитесь и будьте не ленивы, во всякое время *бодрствующее... и молящеся* (Кол. 4, 2-3). *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7, 7-8). Особенно же подтвердил слово Свое и к большей рачительности подвиг нас притчею о друге, который в полночь пришел к другу своему и просил у него хлеба. Господь говорит: *глаголю же вам, аще и не даст ему востав, зане друг ему есть, но за безъочьство его, востав даст ему, елика требует* (Лк. 11, 8). И вы молитесь, и не будьте нерадивы. Какое несказанное побуждение к дерзновению! [293].

102. Господь знает, что прежде смерти не отъемлет Он у нас возможности к уклонению, что весьма близко к нам это изменение, и именно переход от добродетели к пороку, что человек и естество его приемлют в себя противное; посему повелел нам

быть тщательными и подвизаться во всегдашней молитве. И не ради только охранения самих себя от явного изменения повелел Он нам молиться; но и по причине тонкости и непостижимости того, что всегда с нами встречается, и не объемлется ведением ума нашего в тех состояниях, в каких нередко находимся непроизвольно. Ибо хотя мысли и весьма тверды и прилеплены к добру; однако же Промысл Его неоднократно оставляет нас в пределе искушений, и ввергает в оные, как сказал блаженный Павел: *дадеся ми пакостник плоти* (2 Кор. 12, 7-9) [293-4].

103. Мир сей есть состязание и поприще для состязаний. Время это есть время борьбы. А во время борьбы и во время состязания, закона не полагается, то есть царь не полагает воинам своим предела, пока не будет кончено состязание, и всякий человек приведен к дверям Царя царствующих и там испытан, одержал ли в состязании победу или обратил хребет свой. Тут один закон — бодрствовать и противостоять. Не будем же нерадеть о молитве, и не поленимся просить помощи у Господа, без Коего *не можем творити ничесоже* (Ин. 15, 5), Ему благоугодного. — Твердо будем держать в мысли, что, пока мы в мире сем и оставлены во плоти, хотя бы вознеслись до небесного свода, не можем оставаться без дел и труда, и быть без попечения [297].

104. Совершенство всего поприща заключается в следующем: в покаянии, чистоте и в усовершении себя. (Покаявшийся вступает в борьбу со страстями, — и борется, пока очистится от них сердце; очищение сердца — предел борьбы, и дверь в область совершенства) [298].

105. Некто был спрошен: «Что есть покаяние?» И ответил: «Оставление прежнего и печаль о нем», — также, — «сердце сокрушенное и смиренное».

106. И еще был спрошен: «Как может человек приобрести смирение?» И сказал: «Непрестанным памятованием своих прегрешений и близости смерти, бедным одеянием, — тем, чтобы во всякое время предпочитать последнее место и во всяком случае охотно принимать на себя дела самые последние и уничиженные, — не быть непослушным, — сохранять молчание, —

не любить ходить в собрания, желать оставаться неизвестным и ни во что не избираемым, — не удерживать никакой вещи в полном собственном распоряжении, — ненавидеть беседу с многими лицами, — не любить прибытков, и сверх сего умом своим быть выше того, чтоб как ни есть порицать и обвинять всякого человека; и выше зависти, — не быть таким человеком, которого руки были бы на всех, и на котором были бы руки всех, но одному в уединении заниматься своим делом и не брать на себя попечения о чем-либо в мире, кроме себя самого. Короче сказать: странническая жизнь, нищета и пребывание в уединении — вот от чего рождается смирение и очищается сердце» [300].

107. Признак достигших совершенства таков: если десятикратно в день преданы они будут на сожжение за любовь к ближним, то не удовлетворятся сим, как показали Моисей (см. Исх. 32, 32), и блаженный Павел (Рим. 9, 3), и прочие апостолы. — Бог Сына Своего предал на крестную смерть по любви к твари. А если бы у Него было что более драгоценное, и то дал бы нам, чтобы сим приобрести себе род наш. — Подражая сему, и все святые, стремясь к совершенству, домогаются уподобиться Богу совершенством любви к ближнему [300-302].

108. Никто не может взойти на степень этой любви, если не восчувствует втайне надежды своей. Не могут приобрести любви к человекам те, которые любят мир сей. Когда приобретет кто любовь, вместе с любовию облекается в Самого Бога. А тому, кто стяжал Бога, необходимо не только не соглашаться на приобретение с Ним чего-либо иного, но и совлечься тела своего. Если же любовию к миру облечется кто в этот мир и в эту жизнь, то не облечется он в Бога, пока не оставит сего. Ибо Сам Бог засвидетельствовал сие, говоря: *аще кто* не оставит всего, и *не возненавидит... душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 26). Должно не только оставить, но и возненавидеть это [303].

109. Почему так сладостна надежда, и всякие дела при ней бывают легки? Потому что в этот час пробуждается в душе святых естественное пожелание (благобытия), надежда же дает им пить сие в обилии из своей чаши и упоевает их. Оттого не

чувствуют уже они труда, но делаются нечувствительными к трудам, к скорбям, и во все продолжение своего шествия думают, что шествие их совершается как по воздуху, а не человеческими идут они стопами; потому что невидима ими трудность пути, перед ними нет холмов и потоков, и бывают им *и острая в пути гладки* (Ис. 40, 4). Внимание их обращено в лоно Отца их, — и самая надежда, как бы перстом, в каждое мгновение указывает им отдаленное и невидимое, зримое, однако же, сокровенным оком веры, и желание сего отдаленного, как бы огнем, разжигает все части души. Туда простирается все устремление их помыслов, и туда всегда поспешают они достигнуть. Так надежда разжигает их как огнем, и не могут они дать себе отдыха в стремительном и непрестанном течении, совершаемом с радостью [303-4].

110. Бесстрастие не в том одном состоит, чтобы не ощущать страстей, но и в том, чтобы не принимать их в себя. Вследствие многих и различных добродетелей, явных и сокровенных, приобретенных святыми, страсти изнемогли в них и не легко могут восстать на душу, и ум их не имеет нужды непрестанно быть в рассуждении их внимательным; потому что во всякое время исполнен мыслями, какие с сознанием возбуждаются в разуме помышлением и беседою о превосходнейших нравах. И как скоро начинают возбуждаться страсти, ум внезапно восхищается от сближения с ними каким-то уразумением, проникшим в ум; и страсти, как сказал блаженный Марк, остаются в них как бы праздными [305].

111. Ум, по благодати Божией исполняя добродетельные деяния и приблизившись к ведению, мало ощущает того, что составляет худую и неразумную часть души. Ибо ведение восхищает его в высоту, и отчуждает от всего, что в мире. И по причине непорочности святых и тонкости, удобоподвижности, и остроте ума их а также по причине их подвига, очищается ум их, и оказывается просветленным по сухости их плоти. И вследствие обучения их, безмолвию и продолжительного пребывания в оном, легко и скоро дается каждому внутреннее созерцание, и в изумление приводит их созерцаемым. При этом обыкновенно изобилуют они созерцаниями, и ум их никогда не имеет

недостатка в предметах разумения, и никогда не бывают они без того, что производит в них плод духа. Долговременным навыком изглаждаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в сердце страсти, и ослабляется сила диавольской власти. Ибо когда душа не дружится со страстями помышлением о них, тогда, поелику непрестанно занята она другою заботою, сила страстей не может в когтях своих удержать духовных чувств ее [306].

112. Как самомнение уносит душу выспрь и дает ей свободу парить в облаках своих помыслов и кружиться по всей твари, так смирение собирает душу воедино безмолвием, — и сосредоточивается она в себе самой. Как душа внутри тела сокрыта от зрения и от общения со всеми людьми, так и истинно смиренномудрый человек не только не желает быть видим и знаем людьми, но даже такова его воля: погрузиться от себя самого в себя, сделаться ничем, как бы не существующим, не пришедшим еще в бытие. И пока такой человек бывает сокровен, заключен в себе и отлучен от мира, — всецело пребывает он у своего Владыки [306-7].

113. Смиренномудрый никогда не останавливается посмотреть на собрания, народное стечение, волнение, шум, разгул, — не обращает внимания на слова, беседы, клики и рассеяние чувств, — ему желательно не то, чтоб иметь у себя многое и быть в непрестанных делах, но чтобы во всякое время быть свободным, не иметь забот, чтобы помыслы его не исходили вне его. Ибо уверен он, что если вдается во многое, то не возможет пребыть без смущения помыслов; потому что при многих делах бывает много забот и сборище помыслов многосложных; а через это отверзается дверь страстям, удаляется тишина рассудительности и заключается дверь мира. Поэтому смиренномудрый охраняет себя от всего многого; и через это во всякое время бывает в тишине, в покое, в мире, в скромности, в благоговении [307-8].

114. В смиренномудром никогда не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое. Ничего нет, что могло бы его изумить, смутить, привести в ужас; потому что ни в печалях не

ужасается он и не изменяется, ни в веселье не приходит в удивление и не ширится. Но все его веселье и радование о том, что угодно Владыке его [308-9].

115. Смиренномудрый не смеет и Богу помолиться или просить чего-либо, и не знает, о чем молиться; но только молчит всеми своими чувствами, ожидая одной милости и того изволения, какое изыдет о нем от Лица достопоклоняемого величия, — когда преклоняет он лицо свое на землю, и внутреннее зрение сердца его вознесено ко вратам во Святое святых, где Тот, Коего селение — мрак, перед Кем смежаются очи Серафимов, — и осмеливается только так говорить и молиться: «По воле Твоей, Господи, да будет со мною» [310].

116. Ходи перед Богом в простоте, а не в мудровании ума. За простотою следует вера; а за утонченностью и изворотливостью мудрования — самомнение; за самомнением же — удаление от Бога [311].

117. Когда предстанешь в молитве пред Богом, сделайся в помысле своем как бы немотствующим младенцем. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему и ходи пред Ним, чтобы сподобиться тебе того отеческого промышления, какое отцы имеют о детях своих младенцах. Сказано: *храняй младенцы Господь* (Пс. 114, 5), — не только сих малых телом, но и тех мудрых в мире, которые, оставя ведение свое, волею своею уподобились младенцам и стали учиться оной вседовлеющей Премудрости, которая не достигается трудами обучения (книжного). Проси у Бога, чтобы Он дал тебе прийти в меру сей веры. О сем молись неленостно, сего испрашивай с горячностью, об этом умоляй с великим рачением, пока не получишь. Сподобишься же этого, ежели прежде с верою понудишь себя попечение свое возвергнуть наБога, и свою попечительность заменить Его Промышлени ем. И когда Бог усмотрит в тебе сию волю, что со всею чистою мыслию вверился ты Самому Богу более, нежели самому себе, и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою, тогда вселится в тебя оная недоведомая сила, и ощутительно почувствуешь ты, что с тобою несомненно сила, — та сила, которую ощутив в себе, многие идут в огонь и не боятся,

и ходя по водам, не колеблются в помысле своем опасением, что потонут [311-13].

118. Не кажется ли тебе, что всячески это духовное ведение может иной приять ведением душевным? Не только невозможно этим душевным ведением приять оное духовное, но даже нет возможности ощутить его и чувством кому-либо из ревностно упражняющихся в ведении душевном. И если которые из них желают приблизиться к иному духовному ведению, то пока не отрекутся от сего душевного и от всяких изворотов его тонкости, и многосложных его способов, и не поставят себя во младенческий образ мыслей, дотоле не возмогут приблизиться хотя мало, к ведению духовному. Напротив того, великим препятствием бывают для них навык и понятия душевного ведения, пока не изгладят сего мало-помалу. Оное духовное ведение просто и не просиявает в помыслах душевных. Пока разум не освободится от помыслов многих и не придет в единую простоту чистоты, дотоле не возможет ощутить духовного ведения [313-14].

119. Если ты однажды вверил себя Господу, вседовлеющему для охранения твоего и смотрения о тебе, то не заботься опять о чем-либо таковом, но скажи душе своей: «На всякое дело довлеет для меня Тот, Кому единожды предал я душу свою. Меня здесь нет; Он это знает». Тогда на деле увидишь чудеса Божии, — увидишь, как во всякое время Бог близок, чтобы избавлять боящихся Его, и как Его Промысл окружает, хотя и невидим. Но потому что невидим телесными очами Хранитель, пребывающий с тобою, не должен ты сомневаться о Нем, будто бы Его нет; ибо нередко открывается Он и телесным очам, чтобы тебе благодушествовать [316].

120. Как скоро человек отринет от себя всякую видимую помощь и человеческую надежду, и с верою и чистым сердцем пойдет вслед Богу, тотчас последует за ним благодать и открывает ему силу свою в различных вспоможениях. Сперва открывает в этом видимом, касающемся тела, и оказывает ему помощь промышлением о нем, чтобы в этом всего более мог он восчувствовать силу о нем Божия Промысла. Уразумением же помощи в явном, уверяется он в помощи и в сокровенном, —

в рассуждении коего благодать открывает перед ним хитросплетение мыслей и помыслов трудных, вследствие чего легко сыскивается человеком значение их, взаимная их связь и прелесть их, и как они рождаются один от другого и губят душу. В то же время благодать посрамляет перед очами его всю злокозненность демонов, и как бы перстом указывает ему, что потерпел бы он, если бы не дознал этого. Тогда рождается у него мысль, что всякую вещь, малую и великую, должно ему в молитве испрашивать себе у Создателя своего [216-18].

121. Когда благодать Божия утвердит мысли его, чтобы во всем этом уповал он на Бога, тогда мало-помалу начинает он входить в искушения. И благодать попускает, чтобы посылаемы были на него искушения, соответственные мере его, чтобы понести человеку силу их. И в сих искушениях ощутительно приближается к нему помощь, чтобы благодушествовал он, пока обучится постепенно и приобретет мудрость, и в уповании на Бога станет презирать врагов своих. Ибо умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него, невозможно иначе, как только по силе выдержанного им испытания [318].

122. Благодать, коль скоро усмотрит, что в помысле человека начало появляться несколько сомнения, и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтоб усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь и опять во смирении не емлется за Бога.

123. Не дивись, что когда приступаешь к добродетели, отовсюду источаются на тебя жестокие и сильные скорби; потому что и добродетелью не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела. Посему-то святой Иоанн (Колов или пророк) сказал: Добродетели обычно встречать затруднения; она достойна порицания, когда привязана к покою». И блаженный Марк говорит: «Всякая совершенная добродетель именуется крестом, когда исполняет заповедь Духа». Это апостольское учение, что *вси же хотящии благочестно жити* в страхе Господнем *о Христе Иисусе, гоними будут* (2 Тим. 3, 12). Господь же говорит: *иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16, 25). Для того на первых порах предлагает Он

тебе крест, чтоб ты прежде определил себя на крест, и потом уже послал душу свою идти вслед Его [319-20].

124. Ничто так не сильно, как отчаяние. Оно не знает, чтобы кто победил его десными ли то или шуими. Когда человек в мысли своей лишит жизнь свою надежды, тогда нет ничего дерзостнее его. Никто из врагов не может противостать ему, и нет скорби, слух о которой привел бы в изнеможение мудрование его; потому что всякая приключающаяся скорбь легче смерти, а он подклонил главу, чтобы принять на себя смерть [320].

125. Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое, благое и добродетели. И прежде нас и доныне не от иного чего, но от сего именно люди изнемогают и не только не одерживают победы, но даже лишаются наилучшего. Посему скажем короче, что если человек небрежет о Царстве Небесном, то разве по надежде малого здешнего утешения. Кто не знает, что птицы приближаются к сети, имея в виду покой? [321].

126. Когда ум возревнует о добродетели, тогда и внешние чувства не уступают над собою победы никаким трудностям. Когда сердце возревнует духом, тогда тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха; ибо тогда ум, как адамант, своею твердостью противостоит в нем всем искушениям. Возревнуем же, — и отбежит от нас нерадение, порождающее леность. Ревность порождает отважность и придает душе победоносную силу. Какая сила демонов может устоять, когда душа подвигнет против них свою природную ревность? [323].

127. Древние отцы наши, зная, что ум наш не во всякое время в состоянии бывает стоять на одном и блюсти стражбу свою, в иное же время не может и усмотреть того, что вредит ему, облекались в нестяжательность, как в оружие, и уходили в пустыню, где нет житейских занятий, служащих причиною страстей, чтоб не иметь поводов к раздражению, пожеланиям, злопамятству. Против всего этого и подобного ею укрепляли и ограждали они себя, как непреоборимым столпом [325].

128. Когда человек пребывает в нестяжательности, непрестанно приходит ему на мысль переселение из сей жизни, — и всегдашнее прилагает он попечение о приготовлении к тому, —

бегает всякого покоя, помысл о пренебрежении мира животрепещет в уме его, крепкое стяжевает он сердце для встречи опасностей без страха, не боится смерти, потому что ежечасно устремляет на нее взор; скорби, если встретятся, принимает с веселием и радованием, зная, что они доставляют венцы. Если же случится ему приобрести что-либо преходящее, то в этот же самый час в душе его начинает пробуждаться любовь к телу, возникают помыслы о плотском покое и о способах достать все служащее к тому; от сего далее отъемлется у него та твердость сердца, какую имел он, когда в своей нестяжательности был выше мира, и душу его начинают обуревать мысли, наводящие страх за жизнь, потому отходит от него крепкое упование на Бога [326-7].

129. ***Разные изречения*** [328-333]. Как тому, у кого голова в воде, невозможно вдыхать в себя тонкого воздуха, так и тому, кто погружает мысль свою в здешние заботы, невозможно вдыхать в себя ощущения оного нового мира.

Как смертоносная вонь расстраивает телесный состав, так и непристойное зрелище — мир ума. Как стекло не может оставаться целым при столкновении с находящимся поблизости камнем, так и святой, когда надолго остается вместе и беседует с женою, не может пребыть в чистоте своей и не оскверниться.

Как с корнем исторгаются деревья сильным и постоянным притоком вод, так искореняется и любовь к миру в сердце притоком искушений, устремленных на тело.

Как горькие лекарства истребляют нечистоту худых соков в теле, так и жестокость скорбей очищает сердце от лукавых страстей.

Как невозможно остаться невредимым тому, кто щадит своего врага на поле битвы, так невозможно и подвижнику душу свою избавить от погибели, если щадит он тело свое.

Как юная дева, пораженная видом чего-либо страшного, прибегши к родителям, емлется за одежду их и взывает о помощи, так и душа, в какой мере утесняется и сокрушается страхом искушений, в такой спешит прилепиться к Богу, призывая Его в непрестанной молитве. И пока искушения продолжают одно

за другим нападать на нее, она умножает моление; а как скоро получает освобождение, предается парению мыслей.

Как иной, принесши великий дар царю, награждается от него ласковым взором, так и тому, кто имеет в молитве своей слезы, великий Царь веков, Бог, прощает всякую меру грехопадений и награждает его благоволительным взором.

Как человек, имеющий при себе драгоценную жемчужину, проходя путем, на котором водятся разбойники, в непрестанном бывает страхе, что подвергнется нападению и будет ограблен, так и тот, кто несет бисер целомудрия и шествует в мире, — этом полном врагов пути, — не может быть свободен от страха сих разбойников, пока не придет в обитель гроба, то есть в страну упокоения.

Как человек, который пьет вино в день плача, упившись, забывает всякую печаль о своем трудном положении, так и упоенный любовию Божиею, в сем мире, то есть в доме рыдания, забывает все свои труды и печали, и по причине своего упоения делается бесчувственным ко всем греховным страстям, сердце его подкрепляется надеждою на Бога, душа его легка, как пернатая птица, ум его ежечасно возносится от земли, превыше всего человеческого парит он своими помыслами и наслаждается бессмертием у Всевышнего.

130. Смиренномудрие есть риза Божества. В него облеклось вочеловечившееся Слово, и через него беседовало с нами в теле нашем, прикрыв доблесть величия Своего и славу Свою сим смиренномудрием, чтобы тварь не была попалена воззрением на Него. Тварь не могла бы взирать на Него, если бы не восприял Он части от нее, и таким образом стал беседовать с нею. Поэтому всякий, кто облекается в сию ризу смирения, облекается в Самого Христа; потому что в то подобие, в каком видим был твари Своей и пожил с нею Христос, и Он пожелал облечься по внутреннему Своему человеку.

131. Смирение есть некая таинственная сила, которую по совершении всего жития восприемлют совершенные святые. Сила сия не иначе, как только одним совершенным в добродетели дается силою благодати, потому что добродетель сия заключает в себе все.

132. Не всякий, кто скромен, молчалив, кроток, — достиг уже степени смиренномудрия. Да и того, кто смиренномудрствует при воспоминании грехопадений, сокрушаясь о них, не назовем смиренномудрым, хотя и это похвально; потому что он не обладает еще смирением, но ухищренно приближает его к себе, — он желает только смирения, но смирения нет еще у него. Совершенно смиренномудрый не имеет нужды мудрованием своим изобретать причины к смиренномудрию, но во всем являет смирение без труда и самопринуждения [341-2].

133. Если спросит кто, как приобрести смирение, — ответим ему: *довлеет ученику* соделаться подобным учителю своему, — рабу подобным господину своему (см. Мф. 10, 25). Смотри, как являл смирение Тот, Кто заповедал оное и дарует сие дарование, — подражай Ему, и приобретешь его [344].

134. Всячески должно избегать всего, что раздражает в нас злые страсти, особенно же отсекать в себе причины страстей и то, чем страсти, хотя бы то самые малые, приводятся в действие; когда же, несмотря на то, страсти придут в движение, надо противостоять им и бороться с ними. Для того и другого самое лучшее — погружаться во внутреннего своего человека и там уединенно пребывать, непрестанно возделывая виноградник сердца своего. Когда ум наш пребывает там уединенно и отшельнически, тогда не он уже ведет брань со страстями, но благодать [345-6].

135. Целью пришествия Спасителя, когда Он дал нам животворящие заповеди Свои, как очистительные врачевства в нашем страстном состоянии, было то, чтобы очистить душу от повреждения, произведенного первым преступлением, и восстановить ее в первобытное ее состояние. Что врачевства для больного тела, то заповеди для страстной души. И явно, что заповеди постановлены вопреки страстям для уврачевания преступной души [350].

136. Повреждение привзошло к нам от преступления заповедей. Из сего явствует уже, что здравие возвращается снова их хранением. А без делания заповедей, пока прежде всего не пойдем оным путем, ведущим к душевной чистоте, не должно нам и желать или надеяться душевного очищения. И не говори, что

Бог и без делания заповедей может по благодати даровать нам душевное очищение. Это — Господни суды, и Церковь не повелевает нам просить чего-либо такого. Иудеи, во время возвращения своего из Вавилона в Иерусалим, шествовали путем естественным; но Иезекииль сверхъестественно прибыл в Иерусалим и в Божественном откровении соделался зрителем будущего обновления. Подобное сему бывает и в рассуждении душевной чистоты. Иные путем протоптанным, через хранение заповедей в многотрудном житии, кровью своею приходят в душевную чистоту; а другие удостаиваются ее по дару благодати. И чудно то, что не позволено просить в молитве чистоты, даруемой нам по благодати, и отказываться от жития, препровождаемого в делании заповедей. Ибо богатому, вопросившему Господа, *что сотворив живот вечный наследую* (Лк. 10, 25), Господь ясно сказал: *соблюди заповеди.* Когда же богатый домогался узнать еще больше, тогда сказал: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и возми крест свой и гряди вслед Мене* (Мф. 19, 21). А это значит: умри для всего, что имеешь у себя, потом живи во Мне; изыди из ветхого мира страстей, и потом вступи в новый мир духа. Ибо Господь, сказав: *возми крест свой* (Мф. 16, 24), научил тем человека умереть для всего в мире. И когда умертвил он в себе ветхого человека или страсти, тогда сказал ему: *гряди вслед Мене.* Ветхому человеку невозможно ходить путем Христовым [352-3].

137. Блаженный Василий Великий, и блаженные Григории, которые были любителями пустыни и восхваляли безмолвие, пришли на безмолвие не тогда, как не упражнялись в делании заповедей, но жили сперва в мире и хранили заповеди, какие должно было хранить живущим в обществе, и потом пришли в душевную чистоту и сподобились духовного созерцания. И после сего уже поспешили они и вышли на пустынное безмолвие; и с сего времени пребывали со внутренним своим человеком; почему соделались умозрителями и пребыли в духовном созерцании, пока не призваны благодатью сделаться пастырями Церкви Христовой [354-5].

138. Пустыня усыпляет страсти. Но от человека требуется не это одно — усыпить страсти свои, а и то, чтоб искоренить их, то

есть преодолеть, когда будут против нас упорствовать. Страсти же усыпленные пробуждаются, как скоро встречается причина прийти им в действительность. Будем же желать пустыни не потому только, что она усыпляет страсти, но пожелаем, чтобы при недостатке чувственного и в удалении от всех умудриться нам в ней, и чтоб обновился в нас внутренний, духовный о Христе человек, чтобы на всякий час быть нам наблюдателями над самими собою, и чтобы ум наш соделался бодрственным и охранял себя ежечасно, и не похищалось у него памятование надежды его [356-7].

139. Господь наш, для уподобления нашего величию Отца Небесного, назначил нам милосердие, иноки же предпочитают милосердию безмолвие. Как это примиряется?

Господь для уподобления нашего Отцу Небесному назначил милосердие, потому что оно милосердых приближает к Богу. И мы, иноки, чтим безмолвие, не исключая милосердия, а стараясь сколько возможно удалиться от суетного попечения и мятежа; мы не имеем в намерении противостоять долгу (относительно ближних), но заботимся о безмолвии, чтоб (вернее исполнить другой высший долг) пребывать в богомыслии, которым всего более можем возвратить себе чистоту и приблизиться к Богу. Если же, когда на известное время будет необходимая какая потребность в нас братиям, не должно нерадеть об оной. Посему будем непрестанно понуждать себя во всякое время внутренне быть милосердыми ко всякому разумному естеству. Ибо так внушает нам учение Господне, и в этом, а не в чем-либо пустом, состоит отличие нашего безмолвия. И надобно не только это внутреннее наше милосердие хранить, но, когда призывают обстоятельства, не вознерадеть и о том, чтобы доказать любовь свою явно [358-9].

140. Жизнедавец полноту заповедей заключил в двух заповедях, объемлющих собою все прочие, — в любви к Богу и в подобной же любви к образу Божию. И первая удовлетворяет цели духовного созерцания; а вторая — созерцанию и деятельности. Ибо естество Божие просто, невидимо, и естественно ни в чем не имеет нужды; и сознание при самоуглублении своем естественно не имеет нужды, в отношении к Богу, в телесной

деятельности — деятельность его при сем проста и обнаруживается в единой части ума, сообразно той простоте достопоклоняемой Вины, Которая выше плотского чувства. А вторая заповедь, то есть человеколюбие, по двойственности естества требует, чтобы мы то, что исполняем невидимо в сознании, подобным образом желали исполнить и телесно.

Поелику деятельность везде предшествует созерцанию, то невозможно кому-либо возвыситься до области этого высшего, если самым делом не исполнит прежде низшего. И ни один человек не смеет сказать относительно любви к ближнему, что преуспевает в ней душою своею, если оставлена им та часть, которая по мере сил, сообразно с временем и местом, исполняется телесно. Ибо при сем только исполнении делается достоверным, что есть в человеке совершенная любовь. И когда бываем в этом по возможности верны и истинны, тогда дается душе сила в простых и ни с чем не сравнимых понятиях простираться до великой области высокого и Божественного созерцания. А где нет возможности любовь к ближнему совершить в делах видимых телесно, там достаточно перед Богом любви нашей к ближним, совершаемой только душою [362-4].

141. Желающий возлюбить Бога паче всего должен иметь попечение о чистоте души своей; чистота же души стяжевается препобеждением и истреблением страстей. Страсти суть дверь заключенная перед лицом чистоты. Если не отворит кто этой заключенной двери, то не войдет он в непорочную и чистую область сердца. А без этого душа не может иметь и дерзновения в час молитвы; ибо дерзновение сие есть плод чистоты и трудов над стяжанием ее. Вот в каком все сие совершается порядке: терпение с принуждением себе борется со страстями за чистоту; если душа препобедит страсти, то приобретает чистоту; а истинная чистота делает, что ум приобретает дерзновение в час молитвы [367-8].

142. Отречемся от того, чтобы просить у Бога чего-либо высокого; но паче всего приобретем терпение для всего, что ни бывает с нами, — и в великом смирении и сокрушении о том, что в нас, и о помыслах наших, будем просить отпущения грехов наших и душевного умирения. Одним из отцов написано:

«Кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом». Написано, — что *не приидет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20). Мы со своей стороны будем всячески стараться привести область сердца своего в благоустроение делами покаяния и житием, благоугодным Богу; Господне же придет само собою, если место в сердце будет чисто и неоскверненно. Чего же ищем *с соблюдением*, разумею высокие дарования Божии, то не одобряется Церковью Божией; и приемшие это приобретали себе гордость и падение. И это не признак того, что человек любит Бога, но душевная болезнь. Да и как нам домогаться высоких Божиих дарований, когда Павел хвалится скорбями и высоким Божиим даром почитает общение в страданиях Христовых [371-2].

143. Пока душа болезнует страстями, не ощущает чувством своим духовного и не умеет вожделевать оного, вожделевает же только по слуху ушей и по писаниям. Врачует от сих болезней душевную силу сокровенное делание заповедей с приобщением Христовым страстям. Первоначально естество наше в вочеловечении Христовом прияло обновление, приобщилось Христову страданию и смерти; и потом по обновлении излиянием крови освятилось и сделалось способным к принятию заповедей новых и совершенных. А если бы заповеди сии даны были людям до излияния крови, до обновления и освящения естества нашего, то, может быть, и самые новые заповеди, подобно заповедям древним, отсекали бы только порок в душе, но не могли бы истребить в душе самый корень пороков. Ныне же не так: но сокровенное делание и заповеди новые и духовные, которые душа хранит, имея страх Божий, обновляют и освящают душу, и сокровенно врачуют все члены ее. Ибо явно для всех, какую страсть безмолвно в душе исцеляет каждая заповедь, и действенность их ощутительна и врачующему и врачуемому, как было и с кровоточивой женою [373-4].

144. Исцеление страстной части души может совершиться и по благодати, как было с блаженными апостолами. Но это дело особенного Божия избрания; обыкновенно же душа приобретает здравие законным путем. Именно: кто деланием заповедей и трудными делами истинного жития препобедил страсти, тот

законным — общим — путем приобрел душевное здравие и отдоен млеком вне овеществления мира сего, и отсек в себе прежний свой нрав, и возрожден, как и первоначально, в духовном, и по благодати, как приобретший понятия внутреннего человека, стал видим в области духа, и приял ею в себя мир новый несложный [375].

145. Когда ум обновлен и сердце освящено, тогда все возникающие в нем понятия возбуждаются сообразно с естеством того мира, в который вступает он. Сперва возбуждается в нем любовь к Божественному, и вожделевает он общения с Ангелами и откровения тайн духовного ведения; ум его ощущает духовное ведение тварей, и воссиявает в нем созерцание тайн Святой Троицы, также и тайн достопоклоняемого ради нас домостроительства; и потом всецело входит в единение с ведением надежды будущего [375-6].

146. Если бы душа, когда заключена в области страстей, могла истинно уразумевать духовное, то не имела бы нужды спрашивать и дознавать о таинствах мира духовного. Но явно, что обучение и ведение при страстях не приносят пользы, и не достаточны к тому, чтобы отверзать дверь, заключенную перед лицом чистоты. Когда же отъяты будут от души страсти, тогда ум просвещается и поставляется в чистом месте естества, и не имеет нужды в вопросах; потому что ясно видит блага, обретаемые на своем месте. Ибо как внешние чувства не вследствие обучения ощущают соприкосновенные им естества и вещи, но каждое чувство естественно ощущает встречающуюся ему вещь; так, подобным сему образом, представляй себе о созерцании духовном. Ибо ум, прозирающий в сокровенные тайны духа, если он в своем естественном здравии, вполне созерцает славу Христову и не спрашивает, и не учится, но наслаждается тайнами нового мира, превыше свободы воли, соразмерно горячности веры и надежды на Христа [376-7].

147. Если желательно тебе, чтобы сердце твое сделалось обителью тайн нового мира, то обогатись сперва делами телесными, постом, бдением, службою, подвижничеством, терпением, низложением помыслов и прочим. Связывай ум свой чтением Писаний и углублением в оные, напиши перед очами у себя

заповеди и непрестанным собеседованием молитвенным и самоуглублением в молитвословии искореняй в сердце своем всякий образ и всякое подобие, предварительно тобою воспринятое. Приучай ум свой углубляться всегда в тайны Спасителева домостроительства; перестань просить себе ведения и созерцания, которые в своем месте и в свое время превышают словесное описание, и продолжай делание заповедей и труды в приобретении чистоты, и проси себе у Господа сподобиться умного жития. Начало, средину и конец жития сего составляет следующее: отсечение всего единением со Христом. Если же вожделеваешь созерцания тайн, самым делом возделывай в себе заповеди, а не одним стремлением к их ведению. Духовное созерцание действует в нас в области чистоты [378-9].

148. Созерцание сынов таинства веры сопряжено с верою и пасется на лугах Писания. Словеса, не постигаемые ведением, делаются понятными для нас при помощи веры, и ведение о них получаем в созерцании, какое бывает по очищении. Для духовных тайн, которые выше ведения и которых не ощущают ни телесные чувства, ни разумная сила ума, Бог дал нам веру, которою познаем только, что тайны сии существуют. И от этой веры рождается у нас надежда о них (то есть надежда уразуметь их). Верою исповедуем, что Бог есть Господь, Владыка, Творец и Устроитель всяческих. От сего потом, совестью понуждаемые, решаем, что должно нам хранить заповеди Его и разуметь, что ветхие заповеди хранит страх, а животворные заповеди Христовы хранит любовь, как говорит Господь: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите. И Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам* (Ин. 14, 15-16). Пришествием Утешителя называет дарование откровения духовных тайн; посему в приятии Духа, Которого прияли апостолы, — все совершенство духовного ведения. И Господь обещал, умолив Отца Своего, дать им Утешителя, чтобы Он, при делании ими заповедей и очищении самих себя, пребыл с ними во веки. Видишь ли, что за сохранение заповедей ум сподобляется благодати таинственного созерцания и откровений духовного ведения [381-2].

149. Хранение заповедей такую силу являет, когда совершается из любви к Даровавшему их, а не по страху. Поэтому

законная дверь, вводящая в созерцание, есть любовь. На всех восхождениях откровений ведения и таинственных созерцаний Божественная любовь вводит и изводит стяжавших ее. Потому сперва должно приобрести любовь; а после того созерцание духовного будет у нас естественно. И уразумей мудрость блаженного Павла, как он оставил все дарования, сообщаемые благодатью, и просил самого существенного, — того, чем приемлются и хранятся дарования, то есть любви (1 Кор., гл. 13). Она — место откровений; и на сем месте созерцание показывает нам себя само собою. Как по мере естественного возраста душа приемлет в себя новое и новое ведение о существующем в мире, и день ото дня обучается этому более и более, так и в духовном: человек приемлет в себя духовное созерцание и божественное ощущение, и обучается этому в той мере, в какой ум возрастает в разумном житии. Когда же придет он в область любви, тогда созерцает духовное на своем месте [382-6].

150. Пока человек употребляет усилие, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтает он, и возведет взор к духовному, и будет доходить до него разумением не вовремя, то скоро притупляется зрение его, и вместо действительного усматриваются им призраки и образы. Как скоро постигнешь ты это рассудительным умом своим, то не будешь домогаться созерцания не вовремя. Если же кажется тебе, что и теперь (прежде вступления в область чистоты и любви) видишь созерцание, то созерцание это есть тень призрака, а не созерцание, потому что у всего мысленного бывает подобие и мечтательный образ; а бывает также и истинное созерцание. И в естественном порядке иногда видится действительное, а иногда противное тому; глаз вместо действительности видит тень, видит воду; где нет воды, видит здания, висящие на воздухе, между тем как они стоят на земле. По такому явлению телесного то же представь себе и о мысленном [386-7].

151. Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей, делами безмолвного жития, не приобретет в совершенстве света любви, не преуспеет возрастом в обновлении Христовом, то не возможет сделаться истинным зрителем божественного созерцания. Все же те подобия духовного, какие думает составить

себе ум, называются призраком, а не действительностью. И это, что ум видит одно вместо другого, происходит оттого, что он не очистился. — Это было и с философами внешними, которые почли духовным то, о чем не прияли истинного учения от Бога, — и разглагольствовали об этом в ненадлежащем самомнении, единого Бога разделили в многобожии, говорили и соглашались между собою в глумлении помыслов и эту мечту безумия помыслов своих назвали умозрением естеств [387-8].

152. Истинное созерцание естеств чувственных и сверхчувственных, и Самой Святой Троицы уделяется в откровении Христовом. Ему научил и его указал человекам Христос, когда первоначально Своею Ипостасью совершил обновление естества человеческого, возвратил и дал ему первую свободу, и Сам проложил нам путь животворящими Его заповедями восходить к Истине. И естество наше тогда только способно соделаться зрителем истинного, а не мечтательного созерцания, когда человек первоначально претерпением страданий, деланием и скорбью совлечется ветхого человека страстного, как новорожденный младенец совлекается одежды, выносимой из матерних ложесн. Тогда ум, возродившись духовно, делается способным приять созерцание отечества своего [388].

153. И созерцание сие бывает пищею ума, пока не придет он в состояние приять созерцание, высшее первого созерцания; потому что одно созерцание передает человека другому созерцанию, пока ум не будет введен в область совершенной любви. Любовь есть обитель духовного, и водворяется в чистоте души. Когда ум станет в области любви, тогда действует благодать, ум приемлет духовное созерцание, и делается зрителем сокровенного [389].

154. Двумя способами, как я говорил уже, дается дарование откровений умного созерцания. Иногда дается по благодати за горячую веру; а иногда за делание заповедей и за чистоту. По благодати, как блаженным апостолам, которые не деланием заповедей очистили ум, а горячею верою; потому что в простоте уверовали во Христа и, несомненно, с воспламененным сердцем, последовали за Ним. И когда Христос совершил достопоклоняемое Свое домостроительство, послал им Духа Утешителя,

Который очистил и усовершил ум их, и действенно умертвил внутри их ветхого страстного человека, и действенно оживотворил в них человека нового духовного. Так и блаженный Павел обновлен был таинственно и потом приял созерцание откровения тайн. Не написано, о чем Иисус беседовал с ним явно, но пишется, что сказал ему Анания: *Савле брате, Господь Иисус, явлейтися на пути... посла мя, яко да прозриши и исполнишися Духа Свята* (Деян. 9, 17). И когда крестил его, исполнился он Духа Святого и ощутил сокровенные тайны откровений, как совершилось сие и со святыми апостолами, к коим Господь Иисус говорил: *много имам глаголати вам, но не можете носити ныне: егда же придет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину... и грядущая возвестит вам* (Ин. 16, 12-13) [389-90].

155. И блаженный Павел тогда именно, как приял Духа Святого и обновился Им, сподобился и тайн откровения, стал созерцать духом откровений, и услаждался созерцанием, слышал неизреченные глаголы, зрел созерцание высшее естества, восторгался созерцаниями небесных Сил и услаждался духовным. И да не будет того, что в безумии своем утверждают еретики, называемые евктиты, будто бы сего восхождения достиг он по своему желанию! Ум вовсе не может восходить туда. Напротив того, Павел восхищен был духом откровений, как сам написал в послании к коринфянам (см. 2 Кор. 12, 2, 4), вопреки этим суетным людям, которые уподобили себя святым апостолам и мечты своих помыслов назвали духовными созерцаниями [390-1].

156. В рассуждении людей, которые исполнены страстей и входят в исследование о законах телесного и бестелесного, а потому не отличаются от больных, преподающих правила о сохранении здравия, одним из святых написано: «Блаженный Павел, когда узнал об учениках, которые пренебрегали заповедями и не препобедили страстей, однако же вожделевали блаженства в созерцании тайн, возможном лишь по очищении от них, сказал им: “Совлекитесь сперва ветхого человека страстей, и тогда вожделевайте облечься в человека нового, обновленного познанием тайн, в подобие Творцу, и не вожделевайте моего и прочих апостолов блаженства, действенно совершенного

благодатью; потому что Бог *егоже хощет, милует: и егоже хощет, ожесточает* (Рим. 9, 18)". Ибо кто противостанет лицу Его или воспротивится воле Его? Бог дарует иногда туне; иногда же требует дел и очищения, и потом уже посылает дар; а иногда и после дел и очищения не дает здесь, но хранит, чтобы даровать созерцание на своем месте» [396-7].

157. Находим, что так поступает Он и в рассуждении меньшего в сравнении с сим дара, разумею прощение грехов. Ибо вот крещение дарует туне, и совершенно ничего не требует, кроме веры; при покаянии же во грехах по крещении не туне прощает, но требует трудов, скорбей, печалей, сокрушения, слез, долговременного плача, — и потом уже прощает. Разбойника туне простил за одно исповедание словом на кресте, и обетовал ему Царство; а у грешницы потребовал также веры и слез [397].

158[1]. Душа, которая любит Бога, в Боге и в Нем едином обретает себе упокоение.

Разреши прежде всякий в себе внешний союз, и тогда возможешь быть сердцем в союзе с Богом, потому что единению с Богом предшествует отрешение от вещества.

Хлеб дается в пищу младенцу после того, как откормлен он молоком; и человек, который намерен преуспевать в Божественном, желает прежде устранить себя от мира, как младенец от объятий и сосцов матерних.

Телесное делание предшествует душевному, как персть предшествовала душе, вдунутой в Адама. Кто не снискал телесного делания, тот не может иметь и душевного; потому что последнее рождается от первого, как колос из голого пшеничного зерна. А кто не имеет душевного делания, тот лишается и духовных дарований [399].

159. Как за сеянием в слезах следуют рукояти радования, так и за злостраданием ради Бога последует радость.

Сладок кажется земледельцу хлеб, добытый потом; сладки и делания правды сердцу, приявшему ведение Христово.

---

[1] Слова 56, 57, 58 и далее состоят из кратких изречений.

С благою волею претерпи и уничижение и смирение, чтоб иметь тебе дерзновение перед Богом.

Человек, с ведением терпящий всякое жестокое слово, когда сам не сделал предварительно неправды изрекшему оное, хотя возлагает при этом на главу свою терновый венец, однако же блажен, потому что нетленно увенчивается, тогда как и сам того не знает [400].

160. Кто с ведением убегает суетной славы, тот ощутил в душе своей будущий век.

Кто бегает покоя в настоящей жизни, у того ум соглядал уже будущий век. А кто связан любостяжательностью, тот раб страстей.

Не думай, что одно приобретение золота и серебра есть любостяжательность; она есть приобретение чего бы то ни было такого, к чему привязана воля твоя.

Не хвали того, кто *злостраждет* телесно, но у кого дана воля чувствам, разумею же слух, зияющие и неудержимые уста и блуждающие очи [400-1].

161. Знай, что оставлять грехи должникам принадлежит к делам правды. Тогда увидишь тишину и светлость повсюду в уме твоем.

Если милостивый не бывает выше своей правды, то он не милостив, — то есть настоящий милостивый не только дает людям милостыню из своего собственного, но и с радостью терпит от других неправду, и милует их.

Кто душу полагает за брата, тот милостив, а не тот, кто подаянием только оказывает милость брату своему.

И тот милостив, кто, если заушен братом своим, не возымеет столько бесстыдства, чтоб ответить и опечалить сердце его [401-2].

162. Возлюби делание бдения, чтобы найти тебе утешение близким к душе твоей.

Занимайся чтением в безмолвии, чтобы ум твой всегда возводим был к чудесам Божиим.

Возлюби с терпением нищету, чтобы собрать воедино ум свой от парения. Возненавидь жизнь пространную, чтобы помышления свои сохранить безмятежными. Удерживайся от

многого, и заботься об одной душе своей, чтобы спасти ее от расточения внутренней тишины [402].

163. Возлюби целомудрие, чтоб не постыдиться во время молитвы своей пред Богом.

Стяжи чистоту в делах своих, чтоб озарялась душа твоя в молитве, и памятованием о смерти возжигалась радость в уме твоем.

Не будь ленив в делании своем, чтоб не постыдиться, когда станешь среди друзей своих.

Не связывай свободы своей тем, что служит к наслаждению, чтоб не сделаться тебе рабом рабов.

В одеянии своем люби бедные одежды, чтоб уничижить рождающиеся в тебе помышления, то есть высокоумие сердца. Кто любит блеск, тот не может приобрести свободных мыслей; потому что сердце внутренне настраивается по подобию внешних образов [402-3].

164. За смиренномудрием следует воздержность и во всем ограниченность.

Смиренномудрие, по причине постоянного самоограничения, приходит в созерцание и душу украшает целомудрием; а тщеславие, по причине непрестанного мятежа и смущения помышлений своих, из всего встречающегося собирает нечистые сокровища и оскверняет сердце. Оно непотребным взором смотрит на природу вещей и занимает ум срамными представлениями; а смиренномудрие духовно благоустрояет себя созерцанием и приобретшего оное возбуждает к славословию [403-4].

165. Лучше тебе самого себя разрешить от уз греха, нежели рабов освобождать от рабства.

Лучше тебе умириться с душою твоею в единомыслии тройственного в тебе состава, то есть тела, души и духа, нежели учением своим умиротворять разномыслящих.

Григорий говорит: «Хорошо богословствовать ради Бога, но лучше сего для человека сделать себя чистым для Бога».

Полезнее для тебя позаботиться о том, чтобы падшее в душе твоей от страстей восставить возбуждением помышлений своих к Божественному, нежели воскрешать мертвых [404-5].

166. Все дни жизни своей, куда бы ты ни пришел, почитай себя странником, чтоб в состоянии быть тебе избавиться от вреда, порождаемого вольностью в обращении.

Благословляй всегда устами, и не будут тебя злословить; потому что от злословия рождается злословие, а от благословения благословение.

Во всяком деле почитай себя скудным, чтобы учить, — и во всю жизнь свою будешь оказываться мудрым.

Не сообщай другому, чего сам не испытал, чтоб не было тебе стыдно себя самого, и по сличении жития твоего не открылась ложь твоя [406].

167. Остерегайся читать еретические учения; потому что сие всего чаще может вооружать на тебя духа хулы.

Часто и не зная сытости читай в книгах учителей о Промысле Божием; потому что они руководствуют ум к усмотрению порядка в тварях и делах Божиих, укрепляют его собою, своею тонкостью приуготовляют его к приобретению светозарных мыслей и делают, что в чистоте идет он к уразумению тварей Божиих.

Читай Евангелие, завещанное Богом к познанию целой вселенной, чтобы ум твой погрузился в чудеса Божии.

Чтение твое да будет в невозмущаемой ничем тишине; и будь свободен от многопопечительности о теле и от житейского мятежа, чтобы ощутить в душе своей при сладостном уразумении самый сладостный вкус, превосходящий всякое ощущение, и чтобы душа ощущала это по пребыванию своему в том [407-8].

168. Очищай душу свою, свергни с себя попечение о том, что вне твоего естества, на понятия и движения свои повесь завесу целомудрия и смирения, и через это найдешь, что внутри твоей природы; потому что смиренным дается откровение тайн [410].

169. Если намерен ты предать душу свою на дело молитвы, очищающей ум, и на пребывание в бодрствовании ночью, чтобы приобрести светлый разум, то удаляйся от зрения мира, прекрати свидания с людьми, не принимай в келлию свою, по обычаю, друзей, даже под видом пользы, кроме единонравных, единомысленных с тобою и сотаинников твоих; бойся смущения

душевной беседы и, по отсечении внешней беседы, с молитвою твоею сопряги милостыню, и душа твоя узрит свет истины. Ибо в какой мере сердце перестает тревожиться внешними предметами, в такой же ум может от уразумения мыслей и дел Божественных доходить до постижения и изумления. Ибо душе обычно скоро заменять одну беседу другою, если постараемся показать малую рачительность [410-11].

170. Чтобы заменить одно собеседование другим (суетное — душеспасительным), занимайся чтением Писания и житиями святых. И когда станешь на молитву и на правило свое, то вместо размышления о том, что видел и слышал в мире, найдешь в себе размышление о Божественных Писаниях, какие прочел, и сим размышлением приведется в забвение, что памятовал о мирском; а таким образом приходит ум в чистоту. И сие значит написанное, — что чтение помогает душе, когда станет на молитву; и также: душа молитвою просвещается в чтении. И чтение опять, вместо внешней примеси, доставляет пищу разным видам молитвы, а потому чтением душа просвещается, чтобы всегда молиться неленостно и несмущенно [411-12].

171. Плотолюбцам и чревоугодникам входить в исследование предметов духовных так же неприлично, как и блуднице разглагольствовать о целомудрии.

Тело крайне болезненное не терпит тучного в снедях; и ум, занятый мирским, не может приблизиться к исследованию Божественного.

Огонь не возгорается в сырых дровах, и божественная горячность не возжигается в сердце, любящем покой.

Как тот, кто не видел своими глазами солнца, не может кому-либо описать его света по одному слуху, даже и не ощущает сего света; так и не вкусивший душою своею сладости духовных дел [412].

172. Если имеешь что лишнее для дневной потребности, раздай то нищим и иди с дерзновением приносить молитвы свои, то есть беседуй с Богом, как сын с Отцом.

Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня; и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная нищета.

Когда подаешь, подавай с великодушием, с ласковостью на лице, и снабди в большей мере, нежели сколько просят.

Не старайся распознать достойного от недостойного; пусть все люди будут у тебя равны для доброго дела. Ибо этим способом можешь и недостойных привлечь к добру; потому что душа посредством телесного скоро привлекается в страх Божий [412-13].

173. Очисти келлию свою от излишеств, потому что сие поведет тебя к воздержанию, хотя бы ты и не хотел. Скудость во всем учит человека воздержанию.

Одержавшие победу в брани внешней, — разумею брань, воздвигаемую на душу чувствами: слухом, зрением и проч., — могут не бояться и брани внутренней.

Когда человек затворит врата городские, то есть чувства, тогда ратует внутри, и не боится злоумышляющих вне града.

Блажен, кто, зная это, не тревожит себя множеством дел, но всю телесную деятельность свою обратил на молитвенный труд [414-15].

174. В то время, как Бог внутренне приводит сердце твое в умиление, непрестанно твори поклоны и коленопреклонения.

Не попускай сердцу своему заботиться о чем-нибудь, если в это время демоны начнут убеждать тебя заняться другими делами; и тогда смотри, и дивись, что произойдет у тебя из этого.

Ничто другое в подвижнических борениях не бывает так важно и трудно, и не возбуждает такой зависти в бесах, как если повергает кто себя перед Крестом Христовым, молясь день и ночь, и бывает как бы со связанными позади руками.

Хочешь ли не охладеть в своей горячности, и не обнищать слезами, займись этим; и блажен ты, если о сказанном тебе будешь заботиться день и ночь, и не станешь домогаться ничего другого.

Если не будешь подвизаться, то не обретешь, и если не будешь с горячностью ударять в двери и непрестанно пребывать при них в бдении, то не будешь услышан [415-17].

175. Пока внешний человек не умрет для всего мирского, не только для греха, но и для всякого делания, а также и внутренний человек — для лукавых мыслей, и не изнеможет естествен-

ное движение тела до того, чтобы не возбуждалась в сердце греховная сладость, дотоле и сладость Духа Божия не возбудится в человеке, члены его не приимут чистоты в жизни сей, божественные мысли не войдут в душу его и пребудут неощутимыми и незримыми. И пока человек в сердце своем не приведет в бездействие попечения о житейском, кроме необходимых потребностей естества, и не предоставив заботиться о сем Богу, — дотоле не возбудится в нем духовное упоение [417].

176. Кто с убеждением и чувством держит в уме, к какому равенству ведет общий всех конец, тот для отречения от житейского не имеет нужды в ином Учителе.

Кто не удаляется добровольно от причин страстей, тот невольно увлекается в грех. Причины же греха суть следующие: вино, женщины, богатство, телесное здравие; впрочем, не потому, что это суть грехи по самому естеству, но потому, что природа удобно склоняется сим в греховные страсти; и поэтому человек должен тщательно остерегаться сего.

Людям гнусна нищета, а Богу гораздо более гнусны душа высокосердая и ум парящий. У людей почетно богатство; а у Бога досточестна душа смиренная [419-20].

177. Если хочешь положить начало доброму деланию, приуготовься сперва к постигающим тебя искушениям. Ибо у врага в обычае, — когда увидит, что с горячею верою начал кто-либо доброе житие, — встречать его разными страшными искушениями, чтобы, пришедши от сего в страх, охладел он в добром произволении, и не имел бы уже горячности приближаться к богоугодному деланию. Потому уготовься мужественно встретить искушения, какие насылаются на добродетели, и потом уже начинай их делание [420].

178. Заповеди Божии выше всех сокровищ мира. Кто стяжал их, тот внутри себя обретает Бога.

Кто упокоевается всегда в Божием попечении, тот Бога обрел домоприставником.

Кто вожделевает исполнения воли Божией, тот небесных Ангелов будет иметь путеводителями.

Кто боится грехов, тот беспреткновенно совершит страшное шествие, и во время мрака перед собою и внутри себя обретет свет.

Стопы боящегося грехов охраняет Господь, и во время поползновения предваряет его милость Божия.

Кто прегрешения свои почитает малыми, тот впадает в худшее прежнего и несет семикратное наказание [421].

179. В смирении посевай милостыню и пожнешь милость на суде.

Чем погубил ты доброе, тем снова приобретай оное. Погубил ты целомудрие; Бог не приимет от тебя милостыни, если пребываешь в блуде; потому что хочет от тебя святыни тела.

И всякий недуг врачуется свойственными ему лекарствами. Ты побежден завистию; для чего усиливаешься бороться со сном? [421-2].

180. Пока проступок еще мал и не созрел, истреби его, прежде нежели пустил он ветви в ширину и стал созревать. Не предавайся нерадению, пока недостаток кажется тебе малым; потому что впоследствии найдешь в нем бесчеловечного властелина и побежишь перед ним, как раб, узник. А кто в начале противоборствует страсти, тот вскоре возгосподствует над нею [422].

181. Кто может с радостью перенести обиду, даже имея в руках средство отразить ее, тот приял утешение от Бога по вере в Него. И кто со смиренномудрием терпит возводимые на него обвинения, тот достиг совершенства, и ему удивляются святые Ангелы. Ибо никакая иная добродетель не будет столько высока и неудобоисполнима [422].

182. Не верь себе, что ты силен, — пока не будешь искушен, и найдешь себя неизменным.

Не полагайся на силу свою, чтобы не попущено было тебе пасть по немощи; и тогда по собственному своему падению дознаешь немощь свою.

Не доверяй своему знанию, чтобы враг, вошедши в посредство, не уловил тебя своею хитростью,

Не хвались никогда в речах своих делами своими, чтобы не быть постыженным.

Во всем, чем ни хвалится человек, Бог попускает ему изменяться, чтобы он был уничижен, и научился смирению [423].

183. Возводи непрестанно око свое к Богу; потому что покров и Промысл Божий объемлет всех людей, но Он невидим, разве только очистившим себя от грехов, и помышляющим всегда о Боге, и притом о Нем едином. Преимущественно же открывается им Промысл Божий, когда ради Бога входят они в искушение. Ибо тогда ощущают они Промысл Божий, как бы усматривая Его телесными очами, сообразно с мерою и причиною искушения, какое постигает каждого из них, чтобы подвижников сих возбудить к мужеству, как было с Иаковом, Иисусом Навином, тремя отроками, Петром и прочими святыми, которым являлся в человеческом некоем виде, ободряя и утверждая их в благочестии [423-4].

184. Нужно ли говорить что о подвижниках, чуждых для мира, и об отшельниках? Они пустыню сделали градом, обратили в селение и обитель Ангелов. К ним по благоустройству жития их всегда приходили Ангелы; и как ратники единого Владыки, по временам соратовали они друг другу. Они все дни жизни своей любили пустыню и из любви к Богу имели жилища свои в горах, вертепах и пропастях земных. Как они, оставя земное, возлюбили небесное, и соделались подражателями Ангелов; то и самые святые Ангелы по справедливости не скрывали за это от них зрака своего, и исполняли всякое желание их, и во всем являли им всякую помощь [324-5].

185. Кто однажды навсегда посвятил себя Богу, тот проводит жизнь в упокоении ума.

Без нестяжательности душа не может освободиться от мятежа помыслов, — и не приведя в безмолвие чувств, не ощутит мира в мысли.

Не входя в искушения, никто не приобретет духовной мудрости.

Без прилежного чтения не узнаешь тонкости помыслов.

Без тишины помыслов ум не подвигнется в сокровенные тайны.

Без упования по вере душа не может отважиться смело на искушения.

Не испытав явственного покровительства Божия, сердце не в состоянии надеяться на Бога.

Если душа с ведением не вкусит страданий Христовых, то не будет иметь общения со Христом [426-7].

186. Кто милует нищего, тот попечителем о себе имеет Бога; и кто ради Бога обнищает, тот обретет неоскудевающие сокровища. Бог ни в чем не имеет нужды; но увеселяется, когда видит, что человек упокоевает образ Его и чтит оный ради Него. Когда просит кто у тебя того, что имеешь ты, не говори в сердце своем: «Оставлю это душе моей, чтоб упокоиться в этом; а этому подаст Бог из другого места потребное для него». Такие мысли приличны людям неправедным и не знающим Бога. Человек справедливый и добрый не даст чести своей иному и не попустит, чтоб время благодати проходило без дела. Человек нищий и нуждающийся снабжается от Бога, потому что Господь никого не оставляет; но ты, отослав от себя убогого, уклонился от чести, данной тебе Богом, и удалил от себя благодать Его. Посему, когда даешь, веселись и говори: «Слава Тебе, Боже, что сподобил меня найти, кого упокоить». Если же нечего тебе дать, паче радуйся и, благодаря Бога, говори: «Благодарю Тебя, Боже мой, что Ты дал мне благодать эту и честь — обнищать ради имени Твоего, и сподобил меня вкусить скорби, положенной на пути заповедей Твоих, в недуге и нищете, как вкушали святые Твои, шествовавшие путем сим» [427-8].

187. Естество наше стало удобоприемлющим в себя страсти; много искушений в настоящем мире, не далеко от тебя зло, оно источается внутри тебя и есть под ногами твоими. Как близки между собою веки на глазах, так искушения близки к людям; и Бог предустроил сие премудро для пользы твоей, чтобы ты постоянно ударял в двери Его, чтобы страхом скорбного всевалось памятование о Нем в уме твоем, чтобы приближался ты к Нему в молитвах и сердце твое освящалось непрестанным памятованием о Нем. Бог не сотворил тебя недоступным прискорбному, чтоб и тебе, возжелав быть богом, не наследовать того же, что наследовал бывший первоначально денницею, и впоследствии за превозношение сделавшийся сатаною; а также не сотворил тебя неуклонным и неподвиж-

ным, чтоб не соделаться тебе подобным естеству неодушевленных тварей [429-30].

188. Непрестанно очищай себя пред Богом, имея в сердце своем памятование о Нем, чтобы, пробыв долго без памятования о Нем, не оказался ты не имеющим дерзновения, когда приходишь к Нему. Ибо дерзновение пред Богом бывает следствием частого с Ним собеседования и многой молитвы.

Сношение с людьми бывает посредством тела; а сношение с Богом посредством душевного памятования о Нем, внимания к Нему в молитвах и всецелого Ему себя предания.

Долговременным сохранением памятования о Боге душа по временам приводится в изумление и удивление.

Да возвеселится сердце ищущих Господа. Взыщите Господа, осужденные, *и утвердитеся* надеждою; *взыщите лица Его* покаянием (Пс. 104, 3-4) и освятитесь святынею лица Его, и очиститесь от грехов своих [432-3].

189. Когда на неправедного находит искушение, не имеет он упования, чтобы призвать Бога и ожидать от Него спасения; потому что во дни упокоения своего удалялся от воли Божией.

Прежде нежели найдет на тебя скорбь, молись Богу; и во время горести найдешь Его, — и Он услышит тебя.

Ковчег Ноев приготовлен был во время мира; и древа его обделаны за сто лет, а во время гнева неправедные погибли, праведнику же стал он покровом [434-5].

190. В ком мир мертв, те с радостию терпят обиды; а в ком мир жив, те не могут терпеть обиды, но, движимые тщеславием, гневаются, и от неразумного движения приходят в смятение или объемлются печалью.

Кто хочет преуспеть в добродетели терпения обид и великодушии, тому нужно удалиться от своих родных и сделаться странником; потому что в отечестве своем невозможно преуспеть в этой добродетели.

Одним великим и сильным свойственно переносить такие страдания среди своих родных, — и могут сие только те, в ком умер этот мир; потому что они уже не чают никакого утешения в настоящем веке [435].

191. Как благодать близка к смиренномудрию, так болезненные приключения близки к гордыне.

Очи Господни на смиренномудрых, чтобы возвеселить их; лице же Господне противу гордых, чтобы смирить их.

Будь удобопренебрегаем в великости твоей, а не величающимся в малости своей.

Кто стремится за честью, от того бежит она вперед; а кто убегает от чести, за тем гонится она сзади.

Кто алчет и жаждет ради Бога, того упоит Бог благами Своими.

Кто терпит наготу ради Бога, тот облекается Им в ризу нетления и славы.

Кто обнищевает ради Бога, тот бывает утешен истинным Его богатством.

Всю жизнь свою признавай себя грешником, чтобы во всей жизни своей быть тебе оправданным.

Обращайся с имеющими смирение, и научишься их нравам.

Пусть всегда будет у тебя в нраве — ко всем быть благоприветливым и почтительным [436-9].

192. На пользу душе Бог попустил, чтоб она была доступна страстям, не усмотрел же полезным поставить ее выше страстей прежде второго пакибытия. — И душе быть доступною страстям полезно для уязвления совести; пребывать же в страстях — нагло и бесстыдно.

Как от чревоугодия рождается мятеж помыслов, так от многословия и бесчинных бесед — бессмыслие и выступление ума из своего чина.

Попечение о вещах житейских приводит в смятение душу, и смущение ими смущает и лишает тишины ум.

Иноку, посвятившему себя небесному деланию, подобает всегда быть вне всякой житейской заботы, чтобы, погрузившись в себя самого, отнюдь ничего не находил он принадлежащего веку настоящему. Став упраздненным от всего такого, может он уже без развлечения поучаться в законе Господнем день и ночь (см. Пс. 1, 2) [440-1].

193. Телесные труды без чистоты ума — то же, что бесплодная утроба и иссохшие сосцы; потому что не могут приблизить-

ся к ведению Божию. Тело они утомляют, но не заботятся искоренять страсти в уме; а потому ничего и не пожинают. Как сеющий в тернии ничего не может пожать, так губящий себя злопамятностью и любостяжанием ни в чем не может успеть, но стенает на ложе своем от бессонницы по причине гнетущей его заботы о делах [441-2].

194. Если душа просияла памятованием о Боге и неусыпным бдением день и ночь, то Господь устрояет там (внутри) к ограждению ее облако, осеняющее ее днем, и светом огненным озаряет ее ночь; во мраке ее просияет свет [442].

195. Как облако закрывает свет луны, так испарения чрева изгоняют из души Божию Премудрость.

Что пламень огненный в сухих дровах, то и тело при наполненном чреве.

Как одно горючее вещество, приложенное к другому, увеличивает огненный пламень, так разнообразие брашен увеличивает похотное движение в теле.

В сластолюбивом теле не обитает ведение Божие; и кто любит свое тело, тот не улучит Божией благодати.

Как в болезнях рождения происходит на свет плод, веселящий родившую, так при томлении гортани рождается в душе плод ведения тайн Божиих.

Как отец заботится о чадах, так и Христос печется о теле, злостраждущем ради Него, — и всегда бывает близ уст Его [443].

196. Тот странник, кто мыслью своею стал вне всего житейского.

Тот монах, кто пребывает вне мира, и всегда молит Бога, чтоб улучить ему будущие блага.

Богатство монаха — утешение, находимое в плаче, и радость от веры, воссиявающая в таинниках ума.

Тот девственник, кто не только сохранил тело не оскверненное плотским совокуплением, но стыдится даже малейшего о том напоминания.

Если любишь целомудрие, отгоняй срамные помыслы упражнением в чтении и продолжительною молитвою; и тогда будешь иметь оружие против естественных к тому побуждений; а без сего невозможно увидеть в душе чистоту [443-4].

197. Если ты истинно милосерд, то, когда отнято у тебя свое неправедно, не скорби внутренне, и не рассказывай об ущербе посторонним.

Пусть ущерб, нанесенный обидевшим тебя, поглощается милосердием твоим, как терпкость вина поглощается множеством воды.

Докажи множество милосердия своего теми благами, какие воздаешь обидевшим тебя, как и блаженный Елисей поступил с врагами своими, намеревавшимися взять его в плен (см. 4 Цар. 6, 13-23) [444].

198. Кто истинно смиренномудр, тот, будучи не оправдан, не возмущается, и не говорит ничего в свою защиту о том, в чем не оправдан, но принимает клеветы как истину и не старается уверять людей, что оклеветан, а просит прощения. Иные добровольно навлекали на себя название непотребных, не будучи таковыми; другие же терпели именование прелюбодеев, будучи далеки от прелюбодеяния, и слезами свидетельствовали, что несут на себе плод греха, которого не делали, и с плачем просили у обидевших прощения в беззаконии, которого не совершали, когда душа их была увенчана всякою чистотою и непорочностью. Иные же, чтоб не прославляли их за превосходные правила жизни, соблюдаемые ими втайне, представлялись в образе юродивых, быв растворены Божественною солью и непоколебимы в своей тишине, так что на высоте совершенства своего святых Ангелов имели провозвестниками своих доблестей [445].

199. Спаситель многими обителями у Отца назвал различные меры ума водворяемых в оной стране, то есть отличия и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере ума. Ибо не по разности мест, но по степени дарования назвал обители многими. Как чувственным солнцем наслаждается каждый сообразно чистоте и приемлемости силы зрения, и как от одного светильника в одном доме освещение бывает различно, хотя свет не делится на многие светения, так в будущем веке все праведные нераздельно водворяются в одной стране, но каждый в своей мере озаряется одним мысленным Солнцем, и по достоинству своему привлекает к себе радость и веселие, как бы

из одного воздуха, от одного места, престола зрелища и образа.— И никто не видит меры друга своего, как высшего, так и низшего, чтобы, если увидит превосходящую благодать друга и свое лишение, не было это для него причиною печали и скорби. Там всякий, по данной ему благодати, веселится внутренне в своей мере. Вне же всех одно зрелище и страна, — и кроме сих двух степеней, разумею же одну страну горнюю, другую дольнюю, посреди же их разнообразие в разности воздаяний [446].

200. Когда диавол захочет осквернить ум блудным воспоминанием, тогда испытывает сперва терпение их любовию к тщеславию, и предначатие сего помысла не представляется страстью. Так обыкновенно поступает он с теми, которые охраняют ум свой, и в которых невозможно скоро вложить какое-либо неприличное помышление. Когда же исторгнет человека из твердыни его и начнет он беседовать с первым помыслом и удаляться от своей твердыни, тогда сретает его чем-либо, напоминающим о блуде, и совращает ум на предметы непотребные. Ум сперва смущается внезапным их приражением, а потом примиряется с ними, и далее от мыслей доходит до дела. Но если ум отступит назад и предупредит первое приражение помыслов, тогда, при помощи Божией, удобно может преодолеть страсть [449].

201. Страсти отвращать лучше памятованием добродетелей, нежели сопротивлением; потому что страсти, когда выступают из области своей и воздвигаются на брань, отпечатлевают в уме свои образы и подобия. Брань сия приобретает великую власть над умом, сильно возмущая и приводя в смятение помышления. А если поступить по первому, сказанному нами правилу, то не оказывается в уме и следа страстей по отгнании их [449-50].

202. Пока человек не приимет Утешителя, потребны ему Божественные Писания для того, чтобы памятование доброго напечатлевалось в мысли его, и непрестанным чтением обновлялось в нем устремление к добру, и охраняло душу его от тонкости греховных путей: потому что не приобрел еще он силы Духа, которая удаляет заблуждение и берет в плен душеполезные памятования. Когда сила Духа низойдет в действующую в человеке душевную силу, тогда вместо закона Писаний

укореняются в сердце заповеди Духа, и тогда втайне учится он у Духа, и не имеет нужды в пособии вещества чувственного; потому что, пока сердце учится от вещества, непосредственно за учением следует заблуждение и забвение; а когда учение преподается Духом, тогда памятование сохраняется невредимым [450-1].

203. Неоперившаяся птица — тот ум, который, при покаянии, недавно вышел из пут страстей и во время молитвы усиливается возвыситься над земным, но не может, а напротив того, пресмыкается еще по лицу земли, не имея сил летать. Однако же, с помощью чтения, делания, страха и попечения о множестве добродетелей, собирает воедино помышления свои; потому что неспособен знать что-либо кроме сего. И это на краткое время сохраняет ум неоскверненным; но впоследствии приходят воспоминания, и возмущают и оскверняют сердце; потому что человек не ощутил еще того спокойного воздуха свободы, в который, по долгом только времени, забвением о земном вводит он ум, ибо приобрел телесные только крыла, то есть добродетели, которые совершаются наружно, но не видел еще добродетелей созерцательных и не сподобился ощущения их; а они суть те крыла ума, на которых человек приближается к небесному и удаляется от земного [451-2].

204. Пока человек служит Господу чем-либо чувственным, дотоле образы сего чувственного отпечатлеваются в помышлениях его, и Божественное представляет он в образах телесных. Когда же получит он ощущение внутреннего, тогда, по мере ощущения его, и ум, от времени до времени, будет возвышаться над образами вещей [552].

205. Когда душа твоя приблизится к тому, чтобы выйти из тьмы, тогда вот что будет для тебя признаком: сердце у тебя горит и как огонь распаляется день и ночь; а потому целый мир вменяешь ты в уметы и пепел, не желаешь даже и пищи от сладости новых пламенеющих помыслов, непрестанно возбуждающихся в душе твоей. Внезапно дается тебе источник слез, как поток текущий без принуждения, и примешивающийся ко всякому делу твоему, то есть во время чтения твоего, молитвы твоей и размышления твоего, когда принимаешь пищу и питие, и во

всяком деле твоем. И когда увидишь ты это в душе твоей, будь благонадежен, потому что переплыл ты море; и столько будь прилежен к делам своим, так тщательно содержи стражбу, чтоб благодать умножалась в тебе со дня на день. А пока не встретишь в себе этого, ты не совершил еще пути своего и не вступил в гору Божию. Если же и после того, как обрел и приял ты благодать слез, они прекратятся, и горячность твоя охладеет без изменения в чем-либо другом, то есть без телесной немощи, то горе тебе! Что погубил ты, впав или в самомнение, или в нерадение, или в разленение?! Но что последует за слезами, о том напишем впоследствии [453].

206. Если не имеешь дел, не говори о добродетелях. Паче всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Богом скорби за Него и ради Него; и паче всех благоуханий воня пота их.

Всякую добродетель, совершенную без телесного труда, почитай преждевременным и неодушевленным плодом чрева.

Приношения праведных — слезы очей их, и приятная Богу жертва — воздыхания их во время бдений.

Воззовут ко Господу праведные и угнетаемые тяжестью тела, и в болезни возшлют моления к Богу, и на вопль гласа их приидут на помощь к ним святые Чины ободрить и утешить их надеждою; потому что святые Ангелы, по близости своей к святым мужам, имеют общение в их страданиях и скорбях [454].

207. Вино согревает тело, а слово Божие — ум. Распаляемые горячностью бывают восхищаемы размышлением об уповаемом и уготовляют мысль свою к будущему веку.

Упившиеся вином не видят перед собою преград; так упоенные надеждою не знают ни скорби, ни чего-либо мирского.

Блаженны те, которые для моря скорбей ради любви к Богу препоясали чресла свои простотою и непытливым нравом, и не обращают хребта.

С надеждою вступившие на путь стропотный не возвращаются назад и не останавливаются, чтобы входить в исследования о сем. Но когда переплывут море, тогда, взирая на стропотность пути, приносят благодарение Богу, что избавил их от теснот, стремнин и от такой негладкости пути, — тогда как они и не знали того.

Надежда, пускаясь в плавание, переплывает с первою горячностью, ни малой не прилагая заботы о теле, и не рассуждая сама с собою, будет или нет какой успех от начинаемого труда.

Когда хочешь положить начало Божию делу, сделай прежде завещание, как человек, которому уже не жить в этом мире, как приготовившийся к смерти и отчаявшийся в настоящей жизни, как достигший времени срока своего.

С мужеством начинай всякое доброе дело, а не с двоедушием приступай к таким делам, не колеблись сердцем твоим в уповании на Бога, чтобы труд твой не стал бесполезен, и делание твое обременительно [454-7].

208. Деяния жительствующих по Богу суть следующие:

Один целый день ударяет своей головою в землю и делает это вместо совершения службы, то есть часов.

Иной с постоянным и продолжительным коленопреклонением соединяет число молитв.

Другой множеством слез своих заменяет для себя Божии службы и довольствуется тем.

Иной старается вникнуть в смысл читаемого и совокупляет с тем определенное правило.

Другой томит душу свою гладом, так что не в состоянии бывает совершать Божиих служб.

Иной, пребывая в горячем поучении в псалмах, службу свою делает непрерывною.

Иной проводит время в чтении, и согревается сердце его.

Иной отдается в плен, домышляясь Божественного смысла в Божественных Писаниях.

Иной, приводимый в изумление чудесами, поражающими его в стихах, удерживается от обычного чтения и овладевается молчанием.

Другой, вкусив всего этого и насытившись, возвратился вспять и стал бездейственным.

Иной, вкусив только малое нечто, и надмившись, вдался в заблуждение.

Иному воспрепятствовали хранить правило свое тяжкая болезнь и бессилие; а другому — преобладание какой-либо привычки или какого-либо пожелания, или любоначалия, или

тщеславия, или любостяжательности, или пристрастия к тому, чтобы собирать вещественное.

Иной преткнулся, но встал и не обратил хребта своего, пока не получил многоценную жемчужину [457-8].

209. Начало всему — благое пред Богом преднамерение (решимость благоугождать Богу).

Затем по удалении от дел житейских следуют: алкание, чтение, всенощное и трезвенное бдение — по мере сил каждого, — и множество поклонов, которые полезно совершать в часы дневные, а нередко и ночью.

Пусть самою малою мерою будет для тебя положить тридцать поклонов, потом поклониться Честному Кресту и тем кончить.

Но есть и такие, которые по мере сил своих увеличивают сие число поклонов. Иные же в единой молитве проводят три часа, имея ум трезвенный, и повергшись лицом на землю без принуждения и парения помыслов (то есть одни часто, но понемногу молятся; а другие раз становятся на молитву, но стоят долго) [560].

210. У соперника нашего диавола есть древний обычай со вступающими в подвиг хитро уразноображивать борьбу свою. Употребляя против них разные оружия и сообразуясь с намерением лица, изменяет он способ ратоборства.

Первый прием вражеской брани. Которые ленивы произволением и немощны помыслами, на тех с самого начала сильно нападает, восставляя против них сильные искушения, чтоб с первого подвига объяла их боязнь, путь их показался бы им жестоким и неудобопроходимым, — и сказали они: «Если начало пути так тяжело и трудно, то может ли кто до самого конца его выдержать многие предстоящая в нем борения?»

И диавол не долго ведет с ними брань, но скоро обращает их в бегство. Это оттого, что с сомнением и холодностью вступили они в подвиг Господень. А Бог повелевает вступать в подвиг сей с готовностью умереть ради угождения Ему, обещая увенчать верного труженика честью мученичества.

Как они вначале не решились предать себя на смерть, то и оказываются столь слабыми. Затем и во всех бранях не бывают

уже они устойчивы, будучи самолюбивы, и более всего щадя свое тело. И враг гонит их, как бурею, не видя в них душевной силы, какую обык видеть во святых.

По произволению человека стремиться к Богу и Бог содействует, помогает и являет ему Свое о нем промышление. И диавол не может приближаться к человеку или наводить на него искушения, если человек не вознерадит или Бог не попустит ему [462-4].

211. ***Второй прием.*** Которые же, как видит диавол, мужественны, ни во что вменяют смерть и исходят на дело с великою ревностью, навстречу таким не вдруг выходит диавол, и при первом их устремлении не вступает с ними в брань, зная, что ревностные воители не легко побеждаемы бывают.

Посему пока видит их таковыми, не осмеливается даже прикоснуться к ним до тех пор, как увидит, что охладели они в ревности своей, и какие уготовали себе в мыслях своих оружия, сложили с себя изменением Божественных словес и памятований, содействующих и вспомоществующих им.

Как же скоро начнут они уклоняться от первых помыслов своих, и сами от себя начнут изобретать то, что служит к одолению их, в них же самих источающимися ласкательствами мудрования их, и сами от себя станут искапывать душам своим ров погибели от лености происходящим парением помыслов, от которых в мыслях и сердцах воцаряется холодность, — тогда он нещадно устремляется на них.

Удерживается же диавол от нападения на них до сих пор потому, что некая сила окружает тех, которые с пламенною ревностию стремятся к Богу, надеются на Него и веруют Ему. Бог отражает от них, по сей причине, лютость диавольской злобы, и она не приближается к ним. Враг обуздывается, видя Хранителя, всегда их охраняющего. Ибо пока они не отринут от себя причин помощи, — молитв, трудов смиренномудрия, — дотоле Заступник и Помощник никогда не удаляется от них [465-6].

212. Помни же, исходящий во след Бога, во всякое время подвига своего, начало и первую ревность при вступлении на путь сей и те пламенеющие помыслы, с какими исшел ты в первый раз из дома своего и стал в воинские ряды. Каждый день испы-

тывай себя, чтоб горячность души твоей не охладела ни в одном из орудий, в какие облекся ты, ни в ревности, какая пламенела в тебе в начале подвига твоего. И непрестанно возвышай голос свой среди воинского стана, ободряя и поощряя к мужеству чад десной страны, стороне же противника показывай, что трезвенствуешь. Вместе же с тем призывай благонадежно Бога, плачь перед благостью Его, проливай слезы и трудись, пока Он пошлет тебе Помощника. И тогда не будешь уже побежден [467-8].

213. ***Третий прием вражеской брани.*** Когда враг увидит силу, какую приемлет человек от Бога за ревность свою и призывание Его с верою, тогда старается отыскать какой-либо способ — отдалить от него помогающего ему Ангела, — именно: покушается возбудить в нем помыслы гордыни, чтобы подумал он в себе, будто бы вся крепость его зависит от его собственной силы, и сам он своею силою хранит себя от своего противника и убийцы. Кто поверит таким, всеваемым от врага мыслям, от того отходит Божия помощь, и он попадает в руки врага. А кто не поддается сим внушениям, но крепко держит память о Содействующем ему, и око сердца своего не перестает устремлять к небу, против того враг изобретает новые способы брани [469-70].

214. ***Четвертый прием вражеской брани*** состоит в том, что он начинает угнетать человека естественными его потребностями (особенно потребностью жены, и потребностью иметь, чем жить).

(*Относительно первой.*) Хотя не может он заставить человека совершить что такое делом, потому что человек огражден безмолвием, и жилище его далеко от поводов и причин ко греху, однако же усиливается сделать, чтоб ум у подвижников видел это в призраке, и старается образовать в них под личиною истины ложные мечты. При этом, чтобы пришли они в вожделение мечтаемого, производит в них щекотания и побуждает останавливаться мыслью на срамных помыслах, соглашаться на оные и соделываться в них виновными. Ибо враг знает, что у подвижника победа и одоление его производится помыслом его и совершается в короткое мгновение, — лишь только помысл

подвижется с места своего, и с высоты своей низойдет на землю, и произволением на одно мгновение покажет свое согласие, — как и случалось это со многими при мечтательном представлении женской красоты. Если же приближались они к миру на одно или на два поприща, то враг нередко прибегал к тому, что действительно приводил к ним женщин. Сим и подобным сему враг иногда одерживал победу над беспечными и не крепкими сердцем. Но другие оказывались крепче сих искушений и, благодатию Божиею вспомоществуемые, побеждали врага и мечтания его.

(*Относительно второй.*) Часто также делал враг, что видели они мечтательно золото, драгоценные вещи и другие сокровища, а иногда и самым делом показывал он им это в той надежде, что, может быть, и успеет такими мечтаниями остановить кого-либо из них в течении его, и запнуть одною из сетей и мреж своих. Попускается сие для того, чтоб изведалось, действительно ли они при удалении сих вещей в отшельничестве, при лишении и скудости своей, боголюбивы и, встречая сии вещи, стараются, по любви к Богу, пренебрегать ими и, обольщаемые ими, не уступают им над собою победы, вменяя их ни во что в сравнении с любовию Божиею. Истинные подвижники не поддаются, и по испытании являются очищенными, как золото в горниле; а нерадивые и слабые и малою нуждою в случае недостатка преодолеваются и возвращаются вспять, отрекаясь от подвига [470-75].

215. Коль скоро сознает кто немощь свою и действительно ощутит ее, тотчас воздвигает душу свою от расслабления и запасается осторожностью. Но никто не может ощутить немощь свою, если не будет попущено на него хотя малого искушения, телесного ли или душевного, — и не будет даровано ему избавление от него. Ибо тогда ясно увидит он бесплодность собственных усилий и мер, — увидит, что его осторожность, воздержание и ограждение души, в коих он надеялся найти безопасность, никакой не принесли пользы, и что избавление пришло помимо всего этого. Отсюда получается им удостоверение, что сам он — ничто, и что спасает только помощь Божия.

Кто же познал, что имеет нужду в помощи Божией, тот совершает множество молитв. И в какой мере умножает их, в такой смиряется сердце его. Ибо всякий молящийся и просящий не может не смириться. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

Как же скоро смирится человек, немедленно окружает его милость. И тогда сердце ощущает Божественную помощь, и обретает возбуждающуюся в нем некую силу уверенности (в Боге). А когда ощутит человек, что помощь Божия действительно вспомоществует ему, тогда сердце его действительно исполняется веры.

Из сего уразумевает он, что молитва есть прибежище ищущим помощи, источник спасения, сокровище упования, пристань, спасающая от треволнения, опора немощным, покров во время искушений, щит избавления в брани, стрела изощренная на врагов, — и ему открывается, что все множество духовных благ делается для него доступным молитвою. Отселе начинает уже он услаждаться молитвою веры; не с трудом и утомлением молится уже он, но с радостью сердечною и удивлением, непрестанно источая благодарственные движения при несчетных коленопреклонениях [476-8].

216. По великому желанию помощи Божией приближается человек к Богу, пребывая в молитве. Но в какой мере приближается он к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарованиями Своими и не отъемлет у него благодати за великое его смирение.

Иногда, однако же, щедролюбивый Бог удерживает от него дары благодати, чтоб сие служило для него побуждением приближаться к Богу, и чтобы ради потребности своей человек неотлучно пребывал пред Богом, готовым источать служащее на пользу.

Некоторые прошения Бог исполняет скоро, именно же те, без которых никто не может спастись, а другие медлит исполнить. В иных обстоятельствах отражает от него и рассеивает палящую силу врага, а в других попускает впадать в искушения, чтобы это испытание служило для него причиною приближаться к Богу, — и чтоб научился он опытности в искушениях и,

имея перед глазами удостоверение в своей немощи, более и более утверждался в смирении.

У праведника, не познавшего своей немощи, дела его как бы на острие бритвы, — и он недалек от падения и от тлетворного льва гордыни. Кто не знает своей немощи, тому не достает смирения; а кому не достает его, тот не достиг еще совершенства; не достигший же оного всегда пребывает в страхе; потому что град его не утвержден на столпах железных и на прагах медных, то есть на смирении. Без смирения не может быть совершено дело человека (искомое), и к рукописанию свободы его не приложена еще печать Духа, — доселе он еще все раб, и дело его не свободно от страха [479-80].

217. Посему Господь оставляет святым Своим причины к смирению и к сокрушению сердца в усиленной молитве, чтобы любящие Его приближались к Нему посредством смирения. И нередко устрашает их страстями их естества и поползновениями срамных и нечистых помышлений, а часто укоризнами, оскорблениями и заушениями от людей, иногда же болезнями и недугами телесными, в другое время нищетою и скудостью необходимых потребностей, то мучительностью сильного страха, оставлением, явною бранью диавола и разными страшными происшествиями. И все это для того, чтоб иметь им причины к смирению и чтобы не впасть в усыпление нерадения [481].

218. Когда случится, что душа твоя внутренне исполняется тьмою, и подобно тому, как солнечные лучи закрываются на земле мглою облаков, душа на несколько времени лишается духовного утешения, и свет благодати внутри померкает, по причине осеняющего душу облака страстей, и потому что умалена в тебе несколько радостотворная сила, и ум приосенила необычная мгла; ты не смущайся мыслью, но терпи, — читай книги учителей, принуждай себя к молитве, — и жди помощи. Она придет скоро, чего и не узнаешь ты. Ибо как лицо земли открывается солнечными лучами от объемлющей землю воздушной тьмы, так молитва может истреблять и рассеивать в душе облака страстей, и озарять ум светом веселия и утешения [490].

219. Пока не достиг ты в область слез, дотоле сокровенное твое служит еще миру, — то есть ты ведешь еще жизнь мир-

скую, и Божие дело делаешь еще внешним человеком, а внутренний человек твой бесплоден; потому что плод его начинается слезами.

Когда достигнешь в область слез, тогда знай, что ум твой вышел из темницы мира сего, поставил ногу свою на стезю нового века и начал обонять воню чудного нового воздуха. Слезы начинают источаться, потому что приблизилось рождение духовного младенца. Общая всех матерь, благодать, вожделевает таинственно на свет будущего века произвести Божественный образ.

Но сей чин слез не тот, какой с промежутками бывает у безмолвствующих (иногда при созерцании, иногда при чтении, иногда во время молитвы). Я говорю не о сем чине слез, но о том, какой бывает ***непрерывно день и ночь.***

Очи достигшего в сию меру уподобляются водному источнику ***до двух и более лет***, а потом приходит он в ***умирение*** помыслов.

А по умирении помыслов, сколько вмещает отчасти естество, входит в ***тот покой***, о котором сказал святой Павел (см. Евр. 4, 3).

И по этому мирному упокоению ум начинает ***созерцать тайны.***

Тогда Дух Святой начинает открывать ему небесное, — и ***вселяется в нем Бог***, и воскрешает в нем плод Духа.

Но послушай еще: когда входишь в область умирения помыслов, тогда отъемлется у тебя множество слез, — и приходят к тебе слезы в меру и в надлежащее время [491-3].

220. Есть три чина, в которых человек преуспевает: чин новоначальных, чин средний и чин совершенных.

Кто ***в первом чине***, у того хотя образ мыслей наклонен к добру, однако же движение ума бывает в страстях.

Второй чин есть нечто среднее между состоянием страстным и бесстрастием, и десные и шуии помыслы возбуждаются в человеке одинаково, и не перестает он источать и свет и тьму.

При этом, если прекратит он ненадолго частое чтение Божественных Писаний и воображение в уме Божественных умопредставлений, с осторожностью во внешнем, от которой

рождается и внутреннее хранение, то увлекается человек в страсти.

Если же будет он горячность свою к духовному питать сказанным образом, — ища, стремясь, чтением Писаний питая благие помыслы и удерживая их от уклонения на страну шуюю, с любовью храня душу свою и к Богу прилепляясь с терпением в неутомимой молитве, то Бог отверзет ему наконец дверь Свою, особенно за смирение его; потому что откровение тайн бывает смиренномудрым (и это ***третий чин***) [494-5].

221. Надежду на Бога предваряет труд для Бога и пролитый в делании пот.

Если веруешь в Бога, то хорошо делаешь. Но вера требует дел, и надежда на Бога обнаруживается в злострадании за добродетели.

Веруешь ли, что Бог промышляет о тварях Своих и всесилен? Да сопровождает же веру твою приличное делание; и тогда услышит тебя Бог. Не старайся в горсти своей удержать ветер, то есть веру без дел.

Нередко иной, не зная, идет путем, где есть дикий зверь или убийцы, или что-либо подобное; и вот общий Промысл Божий спасает его от вреда, или замедляя чем-нибудь шествие путника, пока не отойдет в сторону дикий зверь, или заставляя его уклониться с пути какою-либо встречею. Иногда злой змий лежит на пути и невидим; но Бог, не хотя предать человека такому искушению, делает, что змий начинает вдруг шипеть, — трогается с места и ползет впереди путника, который, увидев его, принимает предосторожности и спасается.

Случается нередко, что падают дом или стена, или камень, — а там сидит кто-нибудь, — и Бог человеколюбно повелевает Ангелу удержать падающее, пока не отойдут или не отозваны будут сидящие там; и едва отойдут они, тотчас попускает пасть, что падало.

Все это и подобное сему есть дело Божия Промысла общего и повсюдного; праведник же имеет над собою особенное неотлучное промышление.

Прочим людям Бог повелел рассудительно распоряжаться делами своими, и при Божием промышлении пользоваться и своим

ведением; но праведник вместо ведения стяжал веру, по коей ничего не страшится, но *яко лев уповая* ходит (Притч. 28, 1).

И как его постоянное попечение посвящено Богу, так и Бог говорит о нем: *с ним есмь в скорби его, изму его и прославлю его; долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое* (Пс. 90, 15-16).

Расслабленный и ленивый к делу своему не может иметь такой надежды. Но кто во всем пребывает с Богом, к Нему приближается добротою дел своих, и очи сердца своего неусыпно устремляет к благодати Его, тот может сказать о себе, что сказал божественный Давид: *исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога моего* (Пс. 68, 4) [500-502].

222. Когда взыщем бегства от мира, тогда ничто столько не отделяет нас от него, не умерщвляет в нас страстей и не оживотворяет нас для духовного, как плач и сердечное с рассуждением болезнование. Но также ничто не делает нас столько сообщниками мира и не удаляет столько от сокровищ Премудрости и познания тайн Божиих, как смехотворство и, при вольности в обращении, парение мыслей. И это есть дело блудного беса.

Умоляю убо тебя любовию остерегаться злобы врага, чтоб тебе ***буесловием*** не остудить в душе своей горячности любви ко Христу, ради тебя вкусившему желчь на древе крестном, и чтобы враг, вместо сладостного оного упражнения и дерзновения пред Богом, не стал во время бодрствования твоего наполнять душу твою многими мечтами, а во время сна твоего пленять ее нелепыми грезами, зловония которых не терпят Ангелы.

Понуждай себя подражать смирению Христову, чтобы возгорелся скорее огнь, Им в тебя вложенный, которым искореняются все движения мира, убивающие нового человека и оскверняющие дворы святого и всемогущего Господа. Ибо осмеливаюсь сказать со святым Павлом, что мы *храм Божий* (см. 1 Кор. 3, 16). Посему, как чист Сам Бог, очистим храм Его, чтоб Он возжелал вселиться в нем. И как Сам Он свят, освятим и храм Его; украсим его всякими добрыми и честными делами, облагоухаем его благоуханием покоя воли Божией, чистою и сердечною молитвою. Тогда облако славы Его приосенит душу, и свет величия Его воссияет внутри сердца [502-4].

223. Человек многопопечительный не может быть безмолвным; потому что множество дел расточает его тишину и безмолвие, хотя бы и не хотел.

Иноку должно поставить себя пред лицом Божиим и всегда возводить око свое к Богу, если он истинно хочет охранять ум свой, отклонять вкрадывающиеся в него чуждые движения, и в тишине помышлений различать входящее и исходящее.

Без освобождения от забот не ищи света в душе своей, ни тишины и безмолвия при распущенности чувств твоих. Без непрестанной молитвы невозможно приблизиться к Богу. После же труда молитвенного возложение на ум нового попечения производит расточение мыслей.

Слезы, ударение себя в грудь во время молитвы и пламенное усердие к продолжению молитвы пробуждают в сердце горячность сладости слез, и сердце с похвальною восторженностью воспаряет к Богу, взывая: *возжада душа моя к Богу крепкому живому: когда прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 3). Кто пил от вина сего и потом лишился оного, тот один знает, в каком жалком состоянии оставлен он, и что отнято у него по причине расслабления его [507-8].

224. Как вредны для живущих на безмолвии встреча с людьми и беседа с ними! Как сильный град, внезапно ниспадши на древесные плоды, обивает их и уничтожает, так свидания с людьми, хотя бы кратковременные, обивают цветы добродетелей, только что расцветшие и роскошно увенчавшие собою стебель души, насажденный *при исходищах вод* покаяния (Пс. 1, 3).

Как сильный иней, покрыв собою едва изникшую из земли зелень, пожигает ее, так и свидание с людьми пожигает корень ума, начавший производить из себя злак добродетелей.

Как человек благородный и почтенный, когда упьется, забывает свое благородство и подвергается осмеянию за чуждые помыслы, входящие от вина, так и целомудрие души возмущается лицезрением людей и беседою с ними; человек забывает свою осторожность, в мысли у него изглаждается намерение воли его, и искореняется основание к похвальному устройству жизни [508-9].

225. Не думай, человек, чтобы во всем иноческом житии было какое-либо делание важнее ночного бдения. Чрез него, если у подвижника не будет развлечения делами телесными и попечением о преходящем, ум его в короткое время воспарит горе, как бы на крыльях, и возвысится до услаждения Богом. Если монах с рассудительностью пребывает во бдении ума, то увидишь в нем как бы не плотоносца. Невозможно, чтобы те, которые всю жизнь проводят в этом занятии, оставлены были Богом без всяких дарований за их трезвенность, бодренность сердца и попечительное устремление к Нему помыслов их. Душа, трудящаяся над пребыванием в бдении, будет иметь херувимские очи, чтобы непрестанно возводить ей взор и созерцать небесное зрелище [511-12].

226. Избравший сей божественный труд должен всячески охранять себя днем от мятежа сходбищ и от попечения о делах: иначе труд воздержания от сна он понесет, а плода от того не получит; потому что уму в таком случае невозможно будет как следует участвовать в псалмопении и молитве. Но когда кто вместо забот днем упражняется в чтении Божественных Писаний, которое укрепляет ум, особенно же служит орошением молитве и помогает бдению, тесно соединенному с молитвою, — тогда в сем чтении обретает вождя на стезю правую, обретает то, в чем семя всего питающего молитвенное созерцание, что удерживает помышления от парения, непрестанно посевает в душе памятование о Боге [512-13].

227. Всегдашнее безмолвие вместе с чтением, умеренное вкушение снедей и бдение скоро возбуждают мысль к изумлению, если не будет какой причины, нарушающей безмолвие. Мысли, возбуждающиеся в безмолвствующих сами собою, без преднамеренного усилия, делают, что оба ока льющимися из них слезами, обилием своим омывающими ланиты, уподобляются купели крещения [516].

228. Пока не возненавидит кто причины греха вправду, от сердца, не освобождается он от услаждения, производимого действенностью греха. Это есть самое жестокое борение (с соуслаждением греху), не уступающее человеку даже до крови. В нем

искушается его свобода в единстве (в исключительной) любви его к добродетели.

В этом борении — сила греха, коею враг обыкновенно приводит в смущение души целомудренных, принуждая их испытывать то, что никогда они вовсе не принимали в себя. И это есть время незримого подвига, который крайне тяжел бывает, когда брань сия от снисканного навыка приобретает великую силу над теми, которые сами себя предавали на поражение соизволением на собственные свои помыслы [517-19].

229. Остерегайтесь праздности, потому что в ней сокрыта верная смерть, — и без нее невозможно впасть в руки домогающихся пленить нас. В день оный Бог будет судить нас не о псалмах, не за оставление нами молитвы, но за то, что опущением сего дается вход бесам. А когда, нашедши себе место, они войдут и заключат двери очей наших, тогда мучительски исполняют на нас то, что подвергает Божиему осуждению и жесточайшему наказанию.

Совершение сего (чина псалмопения и молитв) внутри келлии установлено мудрыми по духу откровения для охранения нашей жизни; а у немудрых опущение сего признается маловажным. Поелику сии последние не берут во внимание происходящего от того вреда, то и начало и средина пути их — невежественная свобода, которая есть матерь страстей [519].

230. Мы не можем сделать, чтоб не было у нас причин к страстям; поэтому искушаемся и нехотя. Грехов себе не желаем, — но бывает, что приводящие нас к ним причины принимаем с удовольствием; и тогда эти последние делаются виною действенности первых. Кто любит поводы к страстям, тот невольно порабощается страстям.

Кто ненавидит свои грехи, тот перестанет грешить; и кто исповедует их, тот получит отпущение. Невозможно же человеку оставить навык греховный, если не приобретет прежде вражды ко греху, и невозможно получить отпущение прежде исповедания прегрешений [520-21].

231. Пока человек носит в себе яд упоения грехами своими, благоприличным кажется ему все, что ни делает он. И коль скоро природа выходит из своего чина, — все равно, упоена ли она

вином, или похотями: потому что и то и другое выводит из настоящего состояния, — и тем и другим одинаковое распадение производится в теле; хотя способы различны, но растворение одно [522].

232. Если пребываешь наедине в келлии своей, и не приобрел еще силы истинного созерцания, то занимай себя всегда чтением тропарей и кафизм, памятованием о смерти и надеждою будущего.

Все это собирает ум воедино, и не дает ему кружиться, пока не придет истинное созерцание; потому что сила духа могущественнее страстей.

В надежде же будущего занимай себя памятованием о Боге, старайся уразуметь хорошо смысл тропарей, и остерегайся всего внешнего, что побуждает тебя к вожделениям; а вместе с тем будь осторожен и в малом, что совершается тобою в келлии твоей.

Испытывай помыслы свои, и молись, чтобы во всяком занятии своем иметь тебе очи; от сего начнет источаться тебе радость; и тогда найдешь такие скорби, которые сладостнее меда [526].

233. Никто не может победить страсти, разве только видимыми и ощутительными добродетелями; и парения ума никто не может преодолеть, разве только изучением духовного ведения.

Ум наш легок; и если не связан каким-либо размышлением, не прекращает парения. А без усовершения в сказанных выше добродетелях невозможно приобрести сего хранения; потому что если не победит кто врагов, не может быть в мире.

Страсти служат преградою сокровенным добродетелям души; и если не будут они низложены прежде добродетелями явными, то за ними не видны добродетели внутренние [526-7].

234. Любовь к Богу естественно горяча, и когда нападет на кого без меры, делает душу ту восторженною. В ощутившем любовь сию усматривается необычайное изменение: лицо его делается огненным и радостным, и тело его согревается; страх и стыд отступают от него; страшную смерть почитает радостью; созерцание ума его не допускает какого-либо пресечения

в помышлении о небесном; не ощущает он движения, возбуждаемого предметами, потому что хотя и делает что, но совершенно того не чувствует, — так как ум его парит в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем-то.

Сим духовным упоением упоевались некогда апостолы и мученики. И одни мир обошли, трудясь и терпя поношение, а другие в ужасных страданиях не малодушествовали, но терпели их доблестно. — Иные же скитались в пустынях, горах и вертепах, — и в нестроениях были самые благоустроенные; их почитали несмысленными, а они были из мудрых мудрыми [528-9].

235. Подвижничество есть матерь святыни; от него происходит первое изведание ощущения тайин Христовых, — что называется первою степенью духовного познания.

Душа оскверненная не входит в чистое царство и ***не сочетавается*** с духами святых.

Доброту целомудрия твоего ***углaдь*** слезами, постами и уединенным безмолвием.

Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершаемого без скорби. Что без труда творится, то есть правда мирских людей, творящих милостыню от внешнего, сами же в себе ничего не приобретающих. Но ты подвизайся сам в себе и ***спостражди*** Христу, чтобы сподобиться тебе вкусить и славы Христовой. Ум не ***спрославится*** с Иисусом, если тело не страждет за Христа [530-31].

236. Два есть способа взойти на крест: один — распятие тела, а другой — восхождение в созерцание; первый бывает следствием освобождения от страстей, а второй — следствием действенности дел духа.

Ум не покоряется, если не покорится ему тело. Царство ума есть распятие тела: и ум Богу не покоряется, если свобода не покорена разуму. Кто покорит себя Богу, тот близок к тому, чтобы покорилось ему все [532].

237. Основание всего доброго, возвращение души из вражьего плена, путь, ведущий к свету и жизни, — все это заключено в следующих двух способах: собрать себя воедино и всегда поститься, то есть премудро и благоразумно поставить себе

правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием.

Отсюда покорность чувств, трезвенность ума, укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле, светлые движения мысли, рачительность в делах добродетели, слезы и память смертная, чистое целомудрие, далекое от всякого мечтания, искушающего мысль, — короче сказать, отсюда свобода истинного человека, духовная радость и воскресение со Христом в Царствии.

Кто же вознерадит о сих двух способах, тот пусть ведает, что не только повредит он себе во всем, что перед сим сказано, но поколеблет и самое основание всех добродетелей, — и придет к следующим двум, противоположным тому, порокам, разумею телесное скитание и бесчестное чревоугодие. Это суть начала противного сказанному, — и они дают место в душе всем страстям [534-5].

238. Враг, зная времена наших естественных потребностей, побуждающих природу удовлетворять себя, — зная, что от скитания очей и упокоения чрева ум приходит в кружение, старается в такие именно времена побуждать нас, чтоб увеличивали мы свои естественные потребности; и посевать в нас образы лукавых помыслов, чтобы страсти в усиленной борьбе взяли верх над природою; и человек погряз в грехопадениях. Потому, как враг наблюдает такие времена, так и нам надлежит в эти же особенно времена умудряться и не дозволять себе опрометчиво исполнять волю навеваемых помыслов, не уступать над собою победу алчбе, паче же не двигаться с места своего безмолвия и не ходить туда, где это удобно случается с нами, чтоб не заготовить через то предлогов к тому, чтоб и совсем уйти из пустыни [539-40].

239. Враг днем и ночью стоит у нас перед глазами, примечает, выжидает и высматривает, каким бы отверстым входом наших чувств войти ему. И когда допущено нами нерадение в чем-либо одном, тогда этот хитрый и бесстыдный пес пускает в нас стрелы свои.

Иногда природа сама собою начинает любить покой, вольность, смех, парение мыслей, леность, — и делается источником страстей и пучиною мятежа; а иногда противник внушает это душе.

Блюдись поблажить себе в малом, чтоб не дойти до поблажек в большом и до великих падений. И малая небрежность, как сказал некто, нередко ведет к великим опасностям. И в малом и незначительном быть всегда трезвым — вот мудрость [542-3].

240. Не унывай, когда дело о том, чтоб доставить тебе жизнь, и не поленись за это умереть; потому что малодушие — признак уныния, а небрежение — матерь того и другого.

Человек боязливый дает о себе знать, что страждет двумя недугами, то есть животолюбием и маловерием.

Животолюбие — признак неверия. Но кто пренебрегает сим, тот удостоверяет о себе, что всею душою верует Богу и ожидает будущего. Сердечная бодрость и пренебрежение опасностей бывают по одной из следующих двух причин: или по великой вере в Бога, или по жестокосердию, За жестокосердием следует гордость, а за верою — смиренномудрие сердца [544-5].

241. Человек не может приобрести надежды на Бога, если прежде по своей мере не исполнил воли Его. Ибо надежда на Бога и мужество сердца рождаются от свидетельства совести, и только при истинном свидетельстве ума нашего имеем мы упование на Бога.

Свидетельство же ума состоит в том, что человека нимало не осуждает совесть, будто бы вознерадел о чем-либо таком, к чему обязан он по мере сил своих. Если не осудит нас сердце наше, *дерзновение имамы к Богу* (1 Ин. 3, 21). Посему дерзновение бывает следствием преспеяния в добродетелях и доброй совести [545].

242. Всегдашнее молчание и хранение безмолвия бывают у человека по следующим трем причинам: или ради славы человеческой, или по горячей ревности к добродетели, или потому, что человек внутри себя имеет некое божественное собеседование, и ум его влечется к оному.

Добродетель есть не обнаружение многих и различных дел, совершаемых телесно, но самое мудрое в надежде сердце, потому что правильная цель привязывает его к Богу.

Ум без дел телесных может совершать доброе; а тело без сердечной мудрости, если и делает что, не может извлечь из него пользы.

Впрочем, человек Божий, когда находит удобство к совершению доброго дела, не утерпит, чтобы не доказать любви к Богу трудом делания своего [546].

243. В борьбе с движениями похоти плотской почитай для себя крепким оружием удаление от лицезрения женщин; потому что противник не может произвести в нас того, что в состоянии сделать природа силою своею. Не думай, что природа забывает о том, что естественно всеяно в нее Богом для чадородия и для испытания пребывающих в сем подвиге. Но удаление от предметов вожделения умерщвляет в членах похоть, производит забвение о ней и истребляет ее.

Предметы, когда их не видят, производят легкое и едва ощутительное движение; а предметы, когда их видят, возбуждают страсти близостью, питают их, как елей питает горение светильника, — и страсть, уже омертвевшую и угасшую, воспламеняют снова.

Естественное движение, без присовокупления чего-либо извне, не может возмутить чистоты произволения и потревожить целомудрие; потому что Бог не дал природе силы преодолевать доброе произволение — устремляться к Нему.

Если же произвольно увлекаемся иногда чувственным и предаемся или ядению и питию в превосходящем меру количестве, или сближению с женщинами, смотрению на них и беседе о них, чем воспламеняется и быстро распространяется в теле огнь похотения, то естественно кроткое движение в теле изменяем при сем в свирепое и неукротимое этими прибавлениями к естеству, по побуждениям воли своей.

Что ни сотворил Бог, все сотворил прекрасно и соразмерно. И пока правильно сохраняется в нас мера соответственности естеству, движения естественные не могут понудить нас уклониться с пути; но в теле возбуждаются одни стройные движения, которые дают только знать, что есть в нас естественная страсть, не производя, однако же, щекотания и смятений, сильных воспрепятствовать целомудрию [547-9].

244. Бывает иногда движение в членах и по Божию попущению за наше самомнение. О сей брани знаем, что когда долгое время бываем внимательны к себе и порядком утрудимся, даже почитаем себя преуспевшими несколько, попускается нам терпеть ее, чтобы научиться смирению.

Другие еще брани происходят от нашего разленения и излишнего упокоения плоти, через оставление всего прискорбного и притрудного в порядках жизни нашей, — наипаче же неисходного пребывания в келлии и тяготы телесного труда. Прискорбность, притрудность и теснота жизни вяжут и умерщвляют сладострастие; а льгота, довольство и покой плоти развязывают, питают и возращают его.

Бог и Ангелы Его радуются, когда мы в нуждах, а диавол и делатели его, — когда мы в покое. Прискорбность и теснота расширяют и успособляют делание заповедей; а покой дает место страстям, и через то стесняет и пресекает делание заповедей.

В утесняемом теле помыслы не могут предаваться опасным парениям. Когда кто с радостью несет на себе труды и прискорбности, тогда легко может обуздывать помыслы, потому что трудами они приводятся в бездействие.

Когда человек, памятуя прежние грехи свои, наказывает себя, тогда Бог благоволительно взирает на него. Бог радуется, что за уклонение от пути Его сам он наложил на себя наказание, — что служит знаком покаяния. И чем более делает принуждения душе своей, тем паче приумножается Богом благоволение к нему.

Всякая же радость, причина которой не в добродетели, в обретшем оную возбуждает немедленно похотливые движения [549-51].

245. Добродетели одна другой преемственны, чтобы путь добродетели не был трудным и тяжким, чтоб можно было преуспевать в них по порядку и находить в этом для себя облегчение, и чтобы таким образом самые трудности, переносимые ради добродетели, соделались любезными, как нечто доброе.

Так, никто не может приобрести нестяжательности действительной, если не уготовит себя к тому, чтобы с радостью переносить искушения.

И никто не может переносить искушения, кроме уверившегося, что за скорби, к участию в которых уготовил он себя, можно приять нечто превосходящее телесный покой.

Кто лишает себя вещественного, но не отнял у себя действительности чувств, — разумею зрение и слух, — тот уготовил себе сугубую скорбь, и будет сугубо бедствовать и скорбеть. Ибо если мысленные представления вещей без самых вещей производят в человеке болезненное чувство, — что скажем, когда при нас и близко к нам самые вещи? В этом случае от ощущений, производимых этими вещами, человек терпит то же самое, что прежде терпел при совершении дела; потому что памятование о привычке к ним не выходит у него из мысли.

Как прекрасно в сем отношении отшельничество! В нем остаются искусителями только помыслы; но и к укрощению помыслов оно много и сильно содействует [551-3].

246. Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинакового с тобою образа жизни, хотя он и крайне мудр. Доверь помысл свой лучше человеку неученому, но опытно изведавшему дело, нежели ученому философу, который рассуждает по своим исследованиям, не испытав на деле.

Приобрести опыт — значит не подойти только человеку к каким-либо вещам и посмотреть на них, не прияв в себя ведения о них, но по долгом обращении с ними ясно ощутить на опыте их пользу и вред.

Нередко вещь наружно кажется вредною, но внутри ее все оказывается исполненным пользы; и наоборот, — нередко вещь кажется имеющею пользу, но внутренно исполнена вреда.

Потому пользуйся таким советником, который, все испытав сам, умеет в терпении и обсудить, что требует рассуждения и в твоем деле, — и верно может указать истинно тебе полезное [553].

247. Когда на пути своем находишь неизменный мир, бойся; потому что далеко отстоишь от прямой стези, протоптанной утружденными стопами святых.

Пока ты еще на пути ко граду царствия, признаком приближения твоего ко граду Божию да будет для тебя следующее: сретают тебя сильные искушения; и чем более приближаешься

и преспеваешь, тем паче предстоящие тебе искушения умножаются.

Потому, коль скоро на пути своем ощутишь в душе своей наибольшие и сильнейшие искушения, — знай, что в это время душа твоя действительно втайне вступила на новую высшую степень, и что приумножена ей благодать в том состоянии, в каком она поставлена; потому что соответственно величию благодати, в такой же именно мере и в скорбь искушений вводит Бог душу.

Если душа немощна и нет у нее достаточных сил для великих искушений, а потому просит, чтобы не войти ей в оные, и Бог послушает ее, то наверное знай, что в какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований; и как возбранен к ней доступ великим искушениям, так возбраняются ей и великие дарования. Потому что Бог не дает великого дарования без великого искушения; соразмерно с искушениями определены Богом и дарования, по Его премудрости, которой не постигают созданные Им [554-5].

248. Искушения при вступлении в доброе житие и ***при возрастании оного*** отличаются от искушений, попущаемых для ***вразумления за гордыню*** сердца.

Искушения, какие бывают душе от духовного жезла ***к ея преспеянию*** и возрастанию, и которыми она обучается, испытывается и вводится в подвиг, суть следующие: леность, тяжесть в теле, расслабление членов, уныние, смущение мыслей, мнительность от изнеможения тела, временное пресечение надежды, омрачение помыслов, недостаток человеческой помощи, скудость в потребном для тела и тому подобное.

От этих искушений в душе бывает чувство одиночества и беззащитности, омрачение сердца и смирение. Промыслитель, впрочем, соразмеряет искушения с силами и потребностями приемлющих оные. В них сорастворяются и утешение и поражение, свет и тьма, брани и помощь, короче сказать, теснота и пространство. И это служит знаком, что человек при помощи Божией преуспевает [557].

249. Искушения, бывающие по попущению Божию на людей, ***превозносящихся*** перед благостью Божией и оскорбляющих своею ***гордостью*** Бога, суть следующие: отъятие силы мудрости, какую имеют люди, покоя не дающее ощущение в себе блудной мысли, попускаемой на них для смирения их превозношения, скорая раздражительность, желание поставить все по своей воле, препираться на словах, делать выговоры, пренебрегающее всеми сердце, совершенное заблуждение ума, хулы на имя Божие, юродивые, достойные смеха мысли, будто бы пренебрегают ими люди, в ничто обращается их честь, и тайно и явно, разными способами наносится им стыд и поругание от бесов, наконец, желание быть в общении и обращении с миром, непрестанно говорить и безрассудно пустословить, всегда отыскивать себе новости и даже лжепророчества, обещать много сверх сил своих. И это суть искушения духовные.

К числу искушений телесных принадлежат: болезненные, многосложные, продолжительные, неудобоизлечимые припадки, всегдашние встречи с людьми худыми и безбожными, впадение в руки оскорбителей, нечаянные претыкания и опасные упадения, разорительные случаи для них и их родных.

Все сие, нами изложенное, принадлежит к числу искушений гордости. Начало оных появляется в человеке, когда начинает он в собственных глазах своих казаться себе мудрым. И он проходит все сии бедствия по мере усвоения им себе таковых помыслов гордости: сколько имеешь ты оных, столько же проникает в тебя и гордыня [558-9].

250. Есть иной род искушения — малодушием по недостатку терпения. Всякое тесное обстоятельство и всякая скорбь, если нет при них терпения, служат к сугубому мучению; потому что терпение в человеке отражает бедствия, а малодушие есть матерь мучения. Терпение есть матерь утешения, — и некая сила, обыкновенно порождаемая широтою сердца. Человеку трудно найти такую силу в скорбях своих без Божественного дарования, обретаемого неотступною молитвою и излиянием слез.

Когда угодно Богу подвергнуть человека большим скорбениям, то Он попускает впасть ему в руки малодушия. И оно порождает одолевающую его силу уныния, в котором ощущает он

подавление души, — и это есть вкушение геенны; потому что отсюда источаются тысячи искушений: смущение, раздражение, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы, переселение из одной страны в другую и тому подобное.

Причиною всего этого твое нерадение. Сам ты не позаботился взыскать врачевства от этого. Врачевство же от всего этого одно, — смиренномудрие сердца. Без него никто не может разорить преграду сих зол. По мере смиренномудрия дается терпение в бедствиях; по мере терпения облегчается тяжесть скорбей и приемлется утешение; по мере утешения увеличивается любовь к Богу; а по мере любви увеличивается радость о Духе Святом. Бог не отъемлет искушений у рабов Своих, но дает им терпение в искушениях, за их веру и предание себя в Его волю [560-1].

251. Телесное житие по Богу составляют дела телесные, — телесные подвиги для очищения тела от страстей в добродетельной деятельности.

Житие умное есть дело сердца, неослабно продолжаемое с заботливою мыслью о суде, также непрестанная молитва сердца, мысль о Промысле и попечении Божием, как частном, так и общем, усматриваемом в целом мире, и охранение себя от страстей тайных, чтоб не встречалось ничего страстного в области сокровенной и духовной [563].

252. Как благодать на благодать людям по крещении дано покаяние; потому что покаяние есть второе возрождение от Бога.

Покаяние есть дверь милости; этой дверью входим в Божию милость, и кроме этого входа не обретешь милости.

Покаяние есть вторая благодать, и рождается от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока не достигнем духовного рая благ: после чего он отходит от нас.

Рай есть любовь Божия, в коей — наслаждение всеми блаженствами. Древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам; и с тех пор не встречала уже его радость; но работал и трудился он на земле терний.

Лишенные любви Божией, если по правоте ходят, едят тот хлеб пота в делах своих, какой повелено есть первозданному по падении его.

Живущий в любви плодоприносит жизнь от Бога, и в этом еще мире обоняет оный воздух воскресения. Любовь есть Царство; о ней Господь таинственно обетовал апостолам, что вкусят ее в Царстве Его. Ибо сказанное: *да ясте и пиете на трапезе Моей во Царствии Моем* (Лк. 22, 30), что иное означает, как не любовь? — Вот *вино*, веселящее *сердце человека* (см. Пс. 103, 15). Блажен, кто испиет вина этого! [568-70].

253. Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладьи, так никто не может без страха достигнуть любви.

Смрадное море между нами и мысленным раем можем мы перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего преходим к Богу, то утопаем в этом смрадном море.

Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань. Страх вводит нас в корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни и путеводствует к Божественной пристани, которая есть любовь.

К сей пристани приходят все трудящиеся и обремененные — покаянием. И когда достигнем мы любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш совершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец и Сын и Дух Святой [570-71].

254. Есть ведение, предшествующее вере, и есть ведение, порождаемое верою. Ведение, предшествующее вере, есть ведение естественное, а порождаемое верою есть ведение духовное.

Ведение естественное различает добро от зла, и оно именуется естественною рассудительностью, которою естественно без науки распознаем добро от зла.

Эту рассудительность Бог вложил в разумную природу; при помощи же науки она получает приращение и пополнение.

Нет человека, который бы не имел ее. Это есть сила естественного ведения в разумной душе, которая (сила) непрестанно приводится в ней (душе) в действие.

Честь разумной природы — рассудительность, различающая добро от зла, и утративших оную пророк справедливо уподобил *скотам несмысленным* (Пс. 48, 13) [571-2].

255. Естественное ведение, предшествующее вере, есть путь к вере и к Богу. Будучи вложено в природу нашу Богом, оно само убеждает нас в том, что должно веровать Богу, приведшему все в бытие.

Сия вера производит в нас страх; страх же понуждает нас к покаянию и деланию. Так (то есть за делание) дается человеку духовное ведение, или ощущение тайн, которое рождает веру истинного созерцания.

Не просто от одной голой веры рождается духовное ведение; но вера рождает страх Божий, и при Божием страхе, когда начнем в нем действовать, от действия сего страха рождается духовное ведение, как сказал святой Златоуст: «Когда приобретет кто волю, соответствующую страху Божию и правильному образу мыслей, тогда скоро приемлет он откровение сокровенного». Откровением же сокровенного называет он духовное ведение [572-3].

256. Но и не страх Божий рождает сие духовное ведение; а ведение сие дается в дар деланию страха Божия. Дело страха Божия есть покаяние; покаяние же, прошедши все свое течение и завершившись, приводит туда, где дается духовное ведение.

Духовное ведение есть ощущение сокровенного. И когда ощутит кто сие невидимое, тогда в ощущении его рождается иная вера, не противная вере первой, но утверждающая ту веру. Называют же ее верою созерцательною. Дотоле был слух, а теперь созерцание; созерцание же несомненнее слуха [573-4].

257. Все сие рождается от оного естественного ведения, различающего доброе и злое. Оно есть доброе семя добродетели.

За этим естественным ведением в человеке последует всегдашнее уязвление совести, — непрестанное памятование смерти и некая мучительная забота, продолжающаяся до самого его исхода, — а после сего печаль, унылость, страх Божий, естественная стыдливость, — печаль о прежних грехах своих, надлежащая рачительность, памятование об общем пути, забота о напутствовании себя к оному, — слезное испрашивание

у Бога доброго вшествия в сии врата, которыми должно проходить всякому естеству, — пренебрежение к миру и сильная борьба из-за добродетели.

Все сие приобретается естественным ведением, — и с этим пусть всякий сличает дела свои.

Когда окажется, что человек приобрел это, тогда значит, что идет он путем естественным; а когда превзойдет это и входит в любовь, тогда становится выше естества, — и оканчиваются для него борьба, страх, труд и утомление во всем.

Вот последствия ведения естественного. И это находим в себе самих, когда не помрачаем сего ведения сластолюбивою своею волею. И на этой остаемся степени, пока не приидем в любовь, которая освобождает нас от всего этого.

Пусть всякий, на основании всего сказанного нами, сличает и испытывает сам себя, где его шествие, в том ли, что противоестественно, или в том, что естественно, или в том, что превыше естества [574-5].

258[1]. Добрая мысль не западает в сердце, если не от Божественной благодати; помысл лукавый не приближается к человеку, если не для искушения и испытания.

Человек, достигший того, чтобы познать меру своей немощи, достиг совершенства смирения.

Дарования Божии привлекают сердце, возбуждаемое к непрестанному благодарению.

Господь сносит всякие немощи человеческие, не терпит же человека, всегда ропщущего, и не оставляет без вразумления.

Благодати предшествует смирение; а наказанию предшествует самомнение.

Горделивому попускается впадать в хулу, — превозносящемуся деятельною добродетелью попускается впадать в блуд, — а превозносящемуся своею мудростью попускается впадать в темные сети неведения [576].

---

[1] 85-е слово состоит все из кратких изречений, подобно 56-58 словам. Избираем более простое и приложимое ко всем.

259. Кто при памятовании о Боге чтит всякого человека, тот, по мановению Божию втайне, обретает себе помощь от всякого человека.

Кто защищает обиженного, тот поборником себе обретает Бога; кто руку свою простирает на помощь ближнему, тот в помощь себе приемлет Божию мышцу.

Кто обвиняет брата своего в пороке его, тот обвинителя себе обретает в Боге.

Кто исправляет брата своего в клети своей, тот исцеляет собственный порок; а кто обвиняет кого-либо перед собранием, тот увеличивает болезненность собственных своих язв.

Друг обличающий — тайномудрый врач, а врачующий перед глазами многих есть ругатель [577].

260. Бог вразумляет с любовию, а не отмщает (да не будет)! Он ищет лишь исцелить образ Свой и не хранит гнева.

Кто делает добро ради воздаяния, тот скоро изменяется.

Сколько бы в сей жизни ни совершенствовался человек в своем стремлении к Богу, все идет позади Его; в истинном же веке Бог показывает ему лицо Свое, — не то, однако же, что Он есть.

Праведные здесь, сколько ни входят в созерцание Бога, созерцают только образ как в зеркале, а там узревают явление истины [578].

261. Огнь, возгоревшийся в сухих дровах, с трудом угашается; и если в сердце отрекшегося от мира западет Божия теплота, то воспламенение ее не угашается, и она — стремительнее огня.

Когда сила вина войдет в члены, ум забывает строгость во всем: и памятование о Боге, когда овладеет пажитью в душе, истребляет в сердце памятование о всем видимом.

Ощущение будущего века в мире сем есть то же, что малый остров в море; и приближающийся к нему не утруждается уже в волнах видений века сего.

Монах, пока видит нужду во времени, чтоб еще потрудиться, скорбит о разлучении с телом; а когда ощутит в душе своей, что искупил время и получил залог свой, вожделевает будущего века.

Пока купец в море, в членах у него страх, чтобы не восстали на него волны и не потонула надежда делания его; пока и монах в мире, страх овладевает житием его, чтоб не пробудилась в нем буря и не погибло дело его, над которым трудился от юности и до старости своей [579].

262. Мореходец, пока плавает среди моря, смотрит на звезды, и по звездам направляет корабль, пока не достигнет пристани; а монах взирает на молитву, потому что она исправляет его самого и направляет шествие его к той пристани, к которой житие его направлено в ежечасной молитве.

Пловец без одежды погружается в море, чтоб найти жемчужину; и монах, совлекшись всего, проходит жизнь свою, чтобы обрести в себе бисер — Иисуса Христа, — и когда обретет Его, не ищет уже при Нем ничего из существующего [580].

263. Деве вредно быть в народных собраниях и при многолюдстве, а уму инока в беседе со многими.

Птица, где бы ни была, стремится в гнездо свое выводить там детей; и рассудительный монах поспешает в место свое, сотворить в себе плод жизни.

Облака закрывают солнце; а многоглаголание потемняет душу, которая начала просвещаться молитвенным созерцанием.

Рассказывают о птице, называемой сирена, что всякий, слыша сладкозвучие ее голоса, так пленяется, что идя за нею по пустыне, от сладости пения забывает самую жизнь свою, падает и умирает. Сему подобно то, что бывает с душою. Когда впадет в нее небесная сладость, тогда от сладкозвучия словес Божиих, с чувством печатлеющихся в уме, она вся устремляется вслед его, так что забывает свою телесную жизнь; и тело лишается своих пожеланий, а душа возносится из этой жизни к Богу [581].

264. Дерево, если сперва не скинет с себя прежних листьев, не произращает новых ветвей; и монах, пока не изринет из своего сердца памятования о прежних своих делах, не приносит новых плодов и ветвей о Христе Иисусе.

В раковине, в которой зарождается жемчужина, как говорят, молниею производится некоторое подобие искры, и из воздуха приемлет она в себя вещество, и дотоле остается простою плотью; и сердце инока, пока не приимет в себя разумением

небесного вещества, дело его есть нечто обыкновенное, и в раковинах своих не заключает плода утешения.

Пес, лижущий ноздри свои, пьет собственную кровь свою и, по причине сладости крови своей, не чувствует вреда своего; и инок, который склонен бывает упиваться тщеславием, пьет жизнь свою, и от сладости, ощущаемой на час, не сознает вреда своего [582].

265. К словам таинств, заключенных в Божественном Писании, не приступай без молитвы и испрошения помощи у Бога, но говори: «Дай мне, Господи, приять ощущение заключающейся в них силы». Молитву почитай ключом к истинному смыслу сказанного в Божественных Писаниях.

Когда желаешь приблизиться сердцем своим к Богу, докажи Ему прежде любовь свою телесными трудами. В них полагается начало жития. И Господь положил их в основание совершенства.

Праздность почитай началом омрачения души, омрачением же на омрачение — сходбища для бесед. Если и полезные речи, когда нет им меры, производят омрачение, то кольми паче речи суетные. Душа делается ничтожной от множества продолжительных бесед [583].

266. Мера и известное правило в житии просвещают ум и не допускают до смущения.

Смущение ума от беспорядочности (от неимения постоянных правил) производит в душе омрачение, а омрачением производится опять смущение.

Мир (душевный) бывает следствием доброго порядка, а от мира рождается свет; от света же и мира просиявает в уме чистый воздух [584].

267. Душа корыстная лишается премудрости, а душа милосердая умудрена будет духом.

Ключ сердцу к Божественным дарованиям дается любовию к ближнему, и, по мере отрешения сердца от уз телесных, отверзается также перед ним дверь ведения.

Как прекрасна и похвальна любовь к ближнему, если только попечение ее не отвлекает нас от любви Божией! [585].

268. Как приятна беседа с духовными нашими братиями, если только можно сохранить при ней и собеседование с Богом!

Хорошо заботиться и о собеседовании с братиями духовными, пока соблюдается в этом соразмерность, то есть пока под этим предлогом можно не утратить сокровенного делания и жития, и непрестанного собеседования с Богом.

Это последнее приходит в смущение при самом начале первой; ибо ум недостаточен к тому, чтобы вести два собеседования.

Вредна бывает неумеренная беседа и с духовными братиями; а на людей мирских вредно посмотреть только и издали; даже и без видения одни звуки голоса их приводят в смятение покой сердца [585].

269. Как душа по природе лучше тела, так и тело душевное лучше телесного.

Но как первоначально создание тела предшествовало вдохновению в него жизни, так и дела телесные предшествуют делу душевному.

И не высокое житие, неизменно продолжаемое, — великая сила. Слабая капля, постоянно капая, пробивает жесткий камень.

Когда приблизится время воскреснуть в тебе духовному человеку, тогда возгревается радость в душе твоей, и помыслы твои заключаются внутри тебя тою сладостью, какая в сердце твоем. А когда мир покушается снова восстать в тебе, тогда умножается в тебе парение мыслей.

Миром называю страсти, которые порождаются от парения ума.

Когда они родятся и достигнут зрелости, — делаются грехами и умерщвляют человека.

Как дети не рождаются без матери, так страсти не рождаются без парения мысли, и совершение греха не бывает без собеседования со страстями [586].

270. Если терпение возрастает в душах наших, — это признак, что прияли мы втайне благодать утешения.

Когда душа упоена радостью надежды своей и веселием Божиим, тогда тело не чувствует скорбей, хотя сие и невозможно. Тогда оно бывает в силах подъять сугубую тяготу, не являя оскудения в силах.

Так бывает, когда душа входит в оную духовную радость.

Если сохранишь язык свой, то от Бога дастся тебе благодать сердечного умиления, чтобы в нем увидеть тебе душу свою, и им войти в духовную радость.

В какой мере вступил кто в подвиг ради Бога, в такой сердце его приемлет дерзновение в молитве его; и в какой мере человек развлечен многим, в такой лишается Божией помощи [587-8].

271. ***Первая мысль,*** которая по Божию человеколюбию входит в человека и руководствует душу к жизни, ***есть*** западающая ***в сердце мысль об исходе сего естества.*** За этим помыслом естественно следует пренебрежение к миру; и этим начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. Это же и Божественная сила, сопутствующая человеку, полагает в основание, когда восхощет обнаружить в нем жизнь. И если человек эту, сказанную нами, мысль не угасит в себе житейскими заботами и суесловием, но будет возращать ее в безмолвии, и остановится на ней созерцанием, и займется ею, то она поведет его к глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом. Сатана ненавидит сей помысл, и всеми силами нападает, чтоб истребить его в человеке. И если бы можно было, отдал бы ему царство целого мира, только бы развлечением изгладить в уме человека таковой помысл. Ибо знает коварный, что если помысл сей пребывает в человеке, то ум его состоит уже не на этой земле обольщения, и козни его к человеку не приближаются [589-90].

272. ***Другое после сего*** бывает ***делание,*** когда человек хорошо проходит добрую жизнь, и приблизится ко вкушению созерцания и делания его, когда свыше примет он ***благодать вкусить сладость духовного ведения.***

Начало сего делания состоит в следующем: предварительно удостоверяется человек в промышлении Божием о человеке, просвещается любовию своею к Творцу, и удивляется вместе и

устроению существ разумных, и великому о них попечению Божию.

С этого начинается в нем сладость божественная и воспламенение любви к Богу, возгорающейся в сердце и попаляющей душевные и телесные страсти.

Любовь сия, при сильной рачительности и доброй совести, начинает потом воспламеняться вдруг, — и человек упоевается ею, как вином, и сердце его отводится в плен к Богу.

Затем, в какой мере человек старается о добром житии, о хранении себя, о том, чтобы проводить время в чтении и в молитвах, в такой же утверждается и упрочивается в нем сила сия [592-3].

273. Не будем смущаться, когда бываем в омрачении. Разумею же то особенное омрачение, в котором в иное время душа томится и бывает как бы среди волн; и читает ли человек Писание, или совершает службу, во всяком деле, за какое ни примется, омрачение у него за омрачением.

Таковой оставляет дело, и часто не попускается ему даже приблизиться к оному. Этот час исполнен отчаяния и страха; надежда на Бога и утешение веры в Него совершенно отметаются душою, — и вся она всецело исполняется сомнения и страха.

Но Бог не оставляет души в таком состоянии надолго, но вскоре *сотворит... и избытие* (1 Кор. 10, 13).

А я замечу тебе, и дам совет: если не имеешь силы совладеть с собою, и пасть на лицо свое в молитве, то облеки голову свою мантиею, и спи, пока не пройдет для тебя этот час омрачения, но не выходи из келлии.

Сему искушению подвергаются наипаче желающие проводить жизнь умственную и в шествии своем ищущие утешения веры. Поэтому всего более мучит и утомляет их этот час колебанием ума; следует же за сим часто хула, а иногда приходит на человека сомнение в воскресении, и иное нечто, о чем не должно нам говорить.

Занимающиеся делами телесными совершенно свободны от сих искушений. На них приходит иное уныние, известное всякому, которое в образе действия своего отлично от сих и подобных им искушений.

Блажен, кто претерпит это, не выходя за дверь. Впрочем, не в один час оканчивается борьба эта; и благодать не вдруг приходит снова и вселяется в душе, но постепенно. И одно сменяется другим; временем искушение, и временем утешение [594-6].

274[1]. Человек ревнитель не по разуму никогда не приходит в мир ума; а чуждый мира, чужд и радости. Если мир ума называется совершенным здравием, а ревность не по разуму противна миру, то значит уже, что тяжкою болезнью страждет тот, в ком есть лукавая ревность.

Сердце, исполненное печали о немощи и бессилии в делах телесных явных, заменяет собою все сии телесные дела. Дела телесные без печали ума — то же, что тело неодушевленное.

Кто скорбит сердцем и дает свободу чувствам своим, тот подобен человеку, который страждет телесно и у которого уста отверсты для всякой вредной ему снеди, — или тому, у которого есть единородный сын, — и который мало-помалу закалает его собственными руками [597-8].

275. Целомудрие и беседа с женщиною — то же, что львица с овцою в одном доме.

Дела без милосердия пред Богом — то же, что человек, который закалает сына в присутствии отца его.

Что горсть песка, брошенная в море, то же — грехопадения всякой плоти в сравнении с Божиим Промыслом и Божиею милостью. И как обильный водою источник не заграждается горстью пыли, так милосердие Создателя не препобеждается пороками тварей.

Быть злопамятным и молиться, значит то же, что сеять на море и ждать жатвы.

Как пламени огня нельзя не восходить вверх, так молитвам милосердных — восходить на небо.

Каково течение воды на покатом месте, такова сила раздражительности, когда она найдет себе доступ в сердце наше [598-600].

---

[1] 89-е слово похоже на 85-е.

276. Бывает смирение по страху Божию, бывает из любви к Богу, и бывает по радости.

Смиренного по страху Божию сопровождают во всякое время скромность во всех членах, благочиние чувств и сокрушенное сердце.

Собрание смиренных возлюбленно Богом, как собор Серафимов.

Драгоценно перед Богом тело целомудренное паче чистой жертвы.

Сии две добродетели — смирение и целомудрие — уготовляют в душе для Святой Троицы обручальный залог [600-1].

277. Наблюдай за чревом, но не как за зрением; потому что домашняя брань, без сомнения, легче внешней.

Не верь, брат, что внутренние помыслы могут быть остановлены без приведения тела в доброе и чинное состояние.

Бойся привычек более, чем врагов. Питающий в себе привычку — то же, что человек, дающий пищу огню.

Если привычка потребует чего однажды, и требование ее не будет исполнено, то в другой раз ты найдешь ее слабою. А если однажды исполнить ее волю, то во второй раз найдешь ее нападающею на тебя с гораздо большею силою [601].

278. Кто любит смех и любит выставлять себя напоказ людям, тому не будь другом; иначе он научит тебя привычке предаваться расслаблению.

Когда начинает кто при тебе пересуждать брата своего, потупь лицо свое. Как скоро сделаешь это, и пред Богом и перед ним окажешься осторожным.

Если даешь что нуждающемуся, то пусть веселость лица твоего предваряет даяние твое, и добрым словом утешь скорбь его. Когда сделаешь это, тогда твоя ласковость будет в уме его дороже и такого даяния твоего, которое превышало бы даже потребности его.

Во всех делах твоих да предваряют у тебя телесное целомудрие и чистота совести; ибо без них суетно перед Богом всякое дело [601-3].

279. Пусть тебя гонят, ты не гони; пусть тебя распинают, ты не распинай; пусть тебя обижают, ты не обижай; пусть на тебя клевещут, ты не клевещи.

Судиться — не христианского жития дело; об этом нет и намека в учении Христовом.

Веселись с веселящимися, и плачь с плачущими; ибо это признак чистоты.

С больными болезнуй; с грешными проливай слезы; с кающимися радуйся.

Будь дружен со всеми людьми, а мыслию своею пребывай один [604].

280. Никого не обличай, не поноси, даже и крайне худых по жизни своей. Распростри одежду твою над падающим и покрой его.

Знай, что для того нам и надобно не выходить из дверей келлии, чтобы не знать худых дел человеческих; и тогда в неведении ума своего во всех увидим людей святых и добрых.

Если не можешь потрудиться телом, поскорби хотя мысленно.

Если не можешь поститься в продолжение двух дней, постись, по крайней мере, до вечера; если же не можешь и до вечера, то остерегайся пресыщения.

Если ты не миротворец, то не будь хотя любителем мятежа.

Если ты не в состоянии заградить уста осуждающему друга своего, то, по крайней мере, остерегись вступить с ним в общение [605-6].

281. Знай, что если от тебя выйдет огонь, и пожжет других, то Бог от руки твоей взыщет души, жегомые огнем твоим. И если не ты ввергаешь огнь, но соглашаешься с повергающим, и услаждаешься тем, то на Суде будешь в числе сообщников его.

На всех путях, какими ходят люди в мире, не находят они мира, пока не приблизятся к надежде на Бога.

Сердце не умиряется от труда и преткновений, пока не придет в него надежда, не умиротворит его, и не прольет в него радости. О ней-то и изрекли достопокланяемые уста: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28).

Свет ума порождает веру; вера порождает утешение надежды; надежда же подкрепляет сердце [606-7].

282. Сын Божий претерпел Крест; потому мы грешные смело полагаемся на покаяние.

Скорби ума достаточно к тому, чтобы заменить всякое телесное делание.

Святой Григорий говорит: «Тот — храм благодати, кто в единении с Богом, — и всегда озабочен мыслью о суде Его».

Блаженный Василий сказал: «Непрестанная молитва производит в душе ясную мысль о Боге; и водружение нами в себе памятования о Боге есть вселение в нас Бога». Так соделываемся мы храмом Божиим. Сердце сокрушенное служит уготовлением упокоения в Боге [607-8].

283. Что приобретаем мы во время нерадения своего, то и посрамляет нас во время молитвы нашей.

Трезвение помогает человеку больше, чем дело; а разрешение (распущение помыслов) вредит ему больше, чем покой (телесный).

От покоя происходят и тревожат человека домашние брани, но он имеет возможность прекратить их. Ибо как скоро человек оставит покой и возвратится на место дел, брани сии отъемлются от него, и удаляются. Но не таково порождаемое разрешением, каково порождаемое покоем. Пока человек во время покоя пребывает в области свободы своей, может он снова возвратиться и управить собою по установлению правила своего; потому что он еще в области свободы своей. Но давая себе разрешение (на помыслы с услаждением), выходит из области свободы своей. Если бы человек не отринул совершенно наблюдения над собою, то не был бы с насилием и невольно вынужден покориться тому, что не доставляет ему покоя [609-10].

284. Не давай, человек, свободы которому-либо из чувств своих, чтоб не дойти до невозможности снова возвратиться к свободе. Покой вредит только молодым, а разрешение — и старым и совершенным. Вследствие покоя доходящие до худых помыслов могут снова возвратиться к наблюдению над собою и утвердиться в высоком своем житии. А которые, по надежде

на дело, вознерадели о наблюдении над собою, те от высокого жития отведены пленниками в жизнь распутную [610].

285. Не тогда только будем печалиться, когда поползнемся в чем-либо, но особенно, когда закосневаем в том же; потому что поползновение бывает часто и с совершенными, а закосневать в том же есть совершенное омрачение.

Печаль, которую чувствуем при своих поползновениях, вменяется нам благодатью вместо чистого делания.

Кто, в надежде на покаяние, поползнется вторично, тот лукаво поступает с Богом; неведомо нападает на него смерть, и не достигает он времени, в которое надеялся исполнить дела добродетели [611].

286. Каждый, давший волю чувствам, дал волю и сердцу: ибо делание сердца служит узами для внешних чувств.

Если кто с рассудительностью занимается этим деланием, то сие бывает явно по следующим в нем трем явлениям, а именно: не связан он телесными выгодами, не любит чревоугодия, и отнюдь не допускает раздражительности. Где имеют место сии три, там нет настоящего устроения внутри, хотя бы внешнее было безукоризненно.

Рассудительное пренебрежение телесным порождает — ничем не связанность, пренебрежение покоем и людскою приверженностью.

Если кто с готовностью, радуясь, приемлет ущерб ради Бога, то чист он внутренне.

Кто не смотрит с приятностью на оказавшего ему честь, и не негодует на того, кто его бесчестит, тот в этой жизни мертв стал для мира [611-12].

287. Не питай ненависти к грешнику; потому что все мы подлежим ответственности. Если восстаешь на него ради Бога, то плачь о нем.

И для чего тебе ненавидеть его? Ненавидь грех его, и молись о нем, чтобы уподобиться Христу, Который не гневался на грешников, а молился о них.

Будь проповедником Божией благости; потому что Бог правит тобою, недостойным; потому что много ты должен Ему,

а взыскания Его не видно на тебе, и за малые дела, тобою сделанные, воздает Он тебе великим [612-13].

288. Бойся Бога из любви к Нему, а не по грозному имени, Ему приданному.

Возлюби Его, как обязан ты любить Его и не за то, что даст Он тебе в будущем, но за то, что получили мы в настоящем, и за этот один мир, который сотворил Он для нас.

Кто убедил Его вначале привести нас в бытие?

Кто умоляет Его о нас, когда мы не воспоминаем о Нем?

Когда нас еще не было, кто возбудил к жизни это тело наше?

Откуда мысль ведения западает в персть?

Какая безмерная благость естество наше в нас грешных снова возводит к воссозданию!

Придите, рассудительные, и удивляйтесь. Кто, имея ум мудрый и чудный, достойно подивится милости Создателя нашего? [614-15].

289. В какой мере человек будет пренебрегать миром сим и ревновать о страхе Божием, в такой приближается к нему Промысл Божий, — и втайне ощущает человек содействие Промысла, и к уразумению оного даются ему чистые помыслы.

Если кто добровольно лишает себя мирских благ, то в какой мере лишается он их, в такой же сопровождает его Божие милосердие, и поддерживает человеколюбие Божие.

Души же тех, которые не сильны стяжать себе жизнь истинную добровольным от всего отрешением, невольными скорбями приводит Он к добродетели, как видим на нищем Лазаре.

Бог близок к скорбящему сердцу того, кто к Нему вопиет в скорби. Если и подвергает иногда в телесном лишениям и иным скорбям, но к душе скорбящего являет Господь великое человеколюбие, соразмерно с жестокостью страданий в скорби его [616-17].

290. Когда вожделение любви Христовой не препобеждает в тебе до того, чтобы от радости о Христе быть тебе бесстрастным во всякой скорби своей, то знай, что мир живет в тебе более, нежели Христос.

Когда болезнь, скудость, истощение тела, боязнь вредного телу возмущают мысль твою до того, что отторгают тебя от радости

упования твоего и от попечения об угождении Господу, то знай, что живет в тебе тело, а не Христос.

Просто сказать, — к чему приверженность в тебе преобладает над всем, то и живет в тебе.

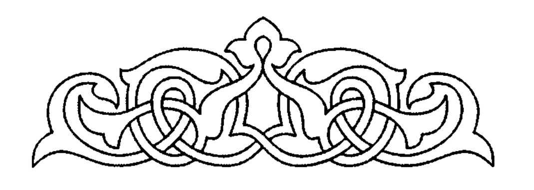
Если нет у тебя недостатка в потребном тебе, и тело здорово, и не боишься чего-либо сопротивного, — и говоришь, что ты можешь при сем чисто шествовать ко Христу, то знай, что ты болен умом и лишен вкушения славы Божией [617-18].

291. Чтоб не сказал ты, что не было человека, у которого ум совершенно возвышался бы над немощью, когда тело терпело крушение в искушениях и скорбях, и у которого любовию ко Христу препобеждалась бы печаль ума, — приведу тебе на память мучеников, — и смотри, как терпение их, подкрепляемое силою любви Христовой, препобеждало великую скорбь и болезнь телесную.

И не они только являли такую твердость: были философы, язычники, не знавшие истинного Бога, которые показали удивительную силу мужества. Один из них положил себе законом хранить молчание и не отступил от сего решения, несмотря на явную опасность смерти. Иные же совершенно попрали естественное похотение; другие легко переносили злословие; иные без скорби претерпевали жестокие болезни; а иные показали свое терпение в скорбях и великих бедствиях.

Если они терпели это ради пустой славы и надежды, то не гораздо ли паче должны терпеть мы, монахи, призванные к общению с Богом? [618-620].

СОДЕРЖАНИЕ

Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский

Преподобный Нил Синайский

Преподобный Ефрем Сирианин

Святые преподобные отцы Варсонофий и Иоанн

Преподобный авва Дорофей

Преподобный Исаак Сирианин

4-е издание

В оформлении обложки использован фрагмент фрески «Преподобный Ефрем Сирин» работы Мануила Панселина из Успенской базилики Протата на Афоне. XIV в.

Формат 70x100/16. Объем 46 п.л. Тираж 5000 экз.
Печать офсет. Бумага офс. №1. Гарнитура «Ньютон»
Подписано в печать 02.02.2010 Зак. № 1000830
Отпечатано с электронного оригинал-макета
издательства Сретенского монастыря
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
Адрес типографии: 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97
Адрес издательства: 107031, г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19
Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com
Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-82-10
Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46